александр федута

Лукашенко

политическая **биография**

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это первая в мире политическая биография Александра Лукашенко, написанная членом его первого предвыборного штаба, позднее отказавшимся участвовать в становлении диктатуры в Белоруссии. Исследуются перипетии и закономерности этого процесса. Кто и что привело белорусского диктатора к власти: население, личный талант демагога-вождя или группа политиков, сделавших на него ставку в борьбе за власть? Став президентом, Лукашенко одобрительно отозвался о довоенных порядках в гитлеровской Германии, видя в них образец для современной Белоруссии. В отличие от политологов, считающих его откровенность ошибкой начинающего правителя, автор утверждает, что это был сознательный зондаж общественного мнения.

Книга основана на многочисленных беседах со сторонниками и оппонентами Александра Лукашенко.

-
- Не по правилам (Вместо вступления)
- Книга первая. Шкловский парень
  - Часть I. Смотрите, кто пришел
    -
    - Глава первая. Начало пути
      - От Шклова до Шклова
      - Беларусь просыпается
      - Рабочие выходят на площадь
      - На волне перестройки
      - «Вот какие люди сволочи…»
    - Глава вторая. Разминка перед забегом
      - Раунд первый: Лукашенко против Кебича
    - Глава третья. Депутат от Шклова ищет себя
      - Первые ставки и первый прокол
      - Так с кем же он?
      - Всякое лыко — в строку
      - Выкарабкиваясь из противоречий
      - «Ребята, идите к нам!»
    - Глава четвертая. «Молодые волки» сбиваются в стаю
      - Кто защитит демократию?
      - КПБ начинает и проигрывает
      - Все недовольны «беспартийным» Шушкевичем

- Новое поколение ищет «таран»
- Всем сестрам по серьгам
- Референдум первый, несостоявшийся
- Стая выбирает вожака
- Расстановка сил перед схваткой
- Схватка начинается: Лукашенко нашли работу

- Глава пятая. Драка бульдогов под ковром
  - На кону — российская карта
  - «Эрогенная зона» белорусской политики
  - Кто разрушил «Союз нерушимый»?
  - Оратору рукоплескали стоя
- Глава шестая. Тема всей жизни
  - Лиха беда начало
  - «Что за рожь без васильков?..»
  - «Илья Муромец» вступает в схватку
  - «Все ждали взрыва бомбы…»
  - Что прикажете делать с этими разоблачениями?
  - Страна застыла у «брахучки»
  - В ожидании «справедливого» царя
- Глава седьмая. Перед решающим стартом
  - К «стае» тянутся
  - Клинтон помогает Шушкевичу
  - «Первый зубр пал!»
  - Мечислав Гриб исполняет миссию
  - «Волки» снова идут в атаку
- Глава восьмая. На старте
  - Перед сражением
  - Сам себе имиджмейкер
  - Самые дешевые выборы
  - Все ищут, на кого сделать ставку
  - ЦИК дает отмашку
  - Сквозь козни — к цели
- Глава девятая. Окончательный выбор
  - В российской Госдуме
  - Кебич начинает беспокоиться
  - Стороны постигают «черный пиар»
  - Выстрел в Лиозно
  - Ни с левыми, ни с правыми
  - Главный помощник — Кебич?
  - Три слова о финансах
  - Простите, дорогой Вячеслав Францевич…
  - «Народ свой выбор сделал»

- Часть II. Царь или не царь
  -
  - Глава первая. «Свои люди»
    - Не торопитесь делить портфели
    - «Саши больше нет»
    - Чтобы другим неповадно было
    - Сломанный — значит, пригодный
    - Первая громкая отставка
  - Глава вторая. Цены, назад!
    - Доярка из совхоза «Беларусь»
    - «Тут будут стоять танки и пулеметы»
    - «Подстава»
    - «Так что же мы будем строить?»
    - Чему он учился
  - Глава третья. Закрепляясь на позициях
    - Послушно гибкая «вертикаль»
    - Надо бы «опустить» и Верховный Совет
    - Разобрались с банкирами
  - Глава четвертая. Прощай, свобода слова!
    - Он не простит им эти слезы
    - «Белые пятна» в газетах
    - Вот, пожалуй, и все…
  - Глава пятая. «Утилизация»
    - «Глаза боятся — руки делают»
    - Акт отчаяния
    - «Главком» принимает решение
    - «Эвакуация»
    - «Это уже не парламент»
    - Зачем «дразнить гусей»?
    - «Все — по нормам закона»
    - «Дети лжи»
    - Подло, но честно
    - Человек слаб
    - Самый опасный враг
    - Лукашенко «обрубает концы»
- Часть III. Противостояние
  -
  - Глава первая. Что-то неспокойно при дворе
    - «Вы только мне не мешайте»
    - Шарецкий не хочет конфронтации
    - «Оказывается», Конституцию нарушают
    - «Как же так, Юра?..»
    - Президент беспокоится
    - Оппозиция на улицах

- Ельцину не откажешь
- «С парламентом я разберусь…»
- Глава вторая. Быть или не быть
  - Депутаты собирают подписи
  - Тихиня «держит слово»
  - «Выбор» был у всех
  - За что боролись?
  - У каждого своя «свадьба»
  - Возможность компромисса отвергнута
- Глава третья. Топор и плаха
  - Два «волкодава»
  - Виктор Гончар пытается взять реванш
  - Демократия на плахе
  - Все надежды на Москву
  - А судьи — кто?
  - «Компромисс» кролика и удава
  - Почему россияне так поступили?
  - Мышеловка
  - Конституционный суд «сдает» Конституцию
  - Без народа
  - На этом и закончили…
- Глава четвертая. Кто виноват?
  - «О Лукашенко не волнуйтесь!»
  - Успехи в экономике — против экономики?
  - Непослушание — наказуемо
  - Единственный защитник
- Глава пятая. Под этот мир не стоит прогибаться
  - Вокруг — враги
  - «Может, поймет?»
  - «Да куда они денутся?»
  - Скандалом больше, скандалом меньше…

- Книга вторая. Третий срок
  - Часть I. Дом, который построил «сам»
    -
    - Глава первая. Из самых благих побуждений
      - Зачем нужна власть?
      - Лишь бы не было войны
    - Глава вторая. Икона и портрет
      - «Меня надо рассматривать в преломлении»
      - «Рухнама» на белорусском
      - «Не все плохое связано с Гитлером…»
      - Приводные ремни системы
      - Рядом с амвоном

- «Служите и лижите!»
- Нужен учебник
- Дорога через Куропаты
- Дети — «будущие люди»
- Единственный благодетель

- Глава третья. Что за фасадом?
  - Собственный кошелек
  - «За это вы еще ответите»
  - МИГи вместо картошки
  - Как это делается?
  - Триста грамм халвы для президента
- Глава четвертая. Самый сладкий бизнес
  - Реформы по-белорусски
  - С конкретным умыслом
  - «Он живым меня не отпустит»
  - «Батька», «Лука» или «пахан»?
- Глава пятая. Восемь заповедей «от луки»
  - Заповедь первая: «Не нарушай порядок»
  - Заповедь вторая: «Не возомни себя всесильным»
  - Заповедь третья: «Не жди признания заслуг»
  - Заповедь четвертая: «Не забывай о ближних»
  - Заповедь пятая: «Не высовывайся»
  - Заповедь шестая: «Не обольщайся»
  - Заповедь седьмая: «Не укради у хозяина»
  - Заповедь восьмая: «Не возникай»

- Часть II. Хмурое утро
  -
  - Глава первая. Вокруг — враги
    - Играем на троих
    - Поколение next
    - К штыку приравняли перо
  - Глава вторая. Есть человек — есть проблема
    - Гончар атакует
    - Лукашенко поверил
    - «Господь им в дорогу»
    - Случай? Совпадение? Или…
    - Ушел и не вернулся
  - Глава третья. Нет человека — нет проблемы
    - Гончар возглавляет оппозицию
    - Гончар исчез
    - Странная реакция заинтересованных

- Московский след
- Попытка оправдания
- «Они не исчезли…»
- Всех — в отставку!
- В одной связке
- Рука руку моет
- Молчащие и свидетельствующие
- Страх, который всегда с тобой
- «Больше не ищите виновных»

- Глава четвертая. Выборы без выбора
  - Предвыборная толчея
  - По западной рецептуре
  - Хмурое утро

- Часть III. Всех — поиметь?
  -
  - Глава первая. От любви до ненависти?
    - Лукашенко меняет курс
    - «Я приехал в свою Москву»
    - Нефть за поцелуи
    - Приватизированная граница
    - «Кидалы» из ЗАО «РБ»
    - Когда пора платить по счетам
  - Глава вторая. Царь Борис и шкловский «самозванец»
    - Великий реформатор — и в маленькой стране?
    - Ельцин позволял ему все…
    - Поссорились только однажды
    - Ступенька за ступенькой
    - «Русский со знаком качества»
  - Глава третья. Между врагами и друзьями
    - На своем поле
    - «Назревал скандал»
    - Мы с тобой, Лукашенко!
    - Новогодний сюрприз
  - Глава четвертая. Соперники?
    - Непонятный человек
    - Новый расклад
    - Мухи пусть будут отдельно…
    - «Он меня не слушается»
    - «Голову мы не склоним»
    - Опять повезло?
    - Чья модель?
  - Глава пятая. Что дальше?..

- Победитель или побежденный?
- Устаревший проект?
- «Ночь простоять да день продержаться…»
- Ганьба520

- Свидетели и соучастники
- Использованная литература
  - Газеты
  - Журналы
  - Интернет-ресурсы
  - Книги
- Выходные данные
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164

- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252

- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296

- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340

- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384

- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428

- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472

- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516

- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524

Автор искренне благодарит Анатолия Стреляного, Юрия Хащеватского, Олега Богуцкого, Аллу Данилову, Геннадия Грушевого, Василия Леонова за помощь и поддержку в работе над этой книгой.

Автор благодарит также региональный фонд «За новую Беларусь» и всех белорусских, российских и литовских друзей, без поддержки которых эта книга не вышла бы в свет.

Из дембельского альбома

Главный лыжник страны

2004 год

Не по правилам (Вместо вступления)

Александра Лукашенко, президента Беларуси, в страны «большой восьмерки» стараются не приглашать — если, конечно, не считать России, с которой у него особые отношения.

Тем не менее, в 1998 году Александр Лукашенко решил посетить «в порядке импровизации» японский город Нагано, где в то время шла зимняя Олимпиада.

Новый посол Беларуси Петр Кравченко прилетел в Японию за несколько дней до того, даже не успел обжиться. Раз Олимпиада — понятно, пришлось выезжать в Нагано и заниматься белорусской сборной. И здесь — как снег на голову — сообщение:

— Завтра прилетает Лукашенко! Вам надо возвращаться в Токио, организовать его встречу…

— Так не принято, ведь надо согласовывать визит, — рассказывает Кравченко. — Есть протокольная сторона. Есть правила приема. Есть охрана, которая должна выделяться главе государства. Я не знаю, как мы решим эту задачу. А воздушный коридор? Кто обеспечит Лукашенко воздушный коридор, когда он будет лететь? А кто будет платить за паркинг (это порядка ста или двухсот тысяч долларов) за стоянку для самолета? Где будет жить экипаж? И потом, он же не один прилетит? А как доставлять сопровождающих из аэропорта, где их разместить?

Но посол — человек на службе. И Кравченко начинает обзванивать кабинеты японского МИДа. Японцы недоумевают:

— Какой визит? Мы никого не приглашали!

Посол Беларуси в панике звонит послу России Павлову, человеку опытному: так, мол, и так, Александр Николаевич, что делать, как быть?

Павлов успокаивает:

— Чем можем — поможем. И автобусы для встречи дадим… Но вы поймите, визита не будет. Его просто не может быть. Японцы протокол никогда не нарушат…

— Вы ошибаетесь. Он уже вылетел. У них одна посадка в Хабаровске, и через четыре часа после этого он будет над Японским морем.

Кравченко звонит в Москву — в посольство Беларуси. Там уже в курсе:

— Мы вас страхуем. Насчет воздушного коридора военные начинают договариваться — по своей линии. Мы вышли на Генштаб России, те на Генштаб Японии… Сейчас дозваниваемся до Примакова с просьбой помочь…

Примакова действительно просили помочь. Тогдашний

министр иностранных дел России подтверждает это в своей книге:

«Российские представители, как говорится, "стояли на ушах", получив совершенно неожиданно и буквально перед самым полетом указание из Москвы обеспечить все многочисленные формальности»[1].

Совместными усилиями Генштаб и МИД, глава которого Евгений Примаков лично обратился к министру иностранных дел Японии, в конце концов сломали японцев. Летит, мол, человек на хоккей — вовсе не как глава государства, не с официальным визитом, а лично, ну и как председатель Национального олимпийского комитета… Японцы согласились, заметно удивившись тому, что кто-то так летает на хоккей, да еще со свитой…

Но Лукашенко не был намерен ограничиваться тем, что ему положено как руководителю Олимпийского комитета, он ждал от японцев официального признания своего президентского статуса. Началось с того, что потребовал организовать дополнительную и соответствующую его рангу охрану. Это удалось сделать — правда, за отдельную плату. Потом потребовал организовать ему поездку в Токио и встречу с официальными лицами. МИД Японии встречу с императором или премьер-министром, естественно, организовывать отказался, поскольку это был абсолютно частный визит. Послу Кравченко удалось договориться о встрече со спикером японского парламента.

Но теперь уже Лукашенко заартачился:

— Спикер парламента — это мало. Я не поеду.

«И опять мы оказались в дурацкой ситуации, — вспоминает Кравченко. — Набивались, убеждали, плакались, а потом пришлось извиняться… Японцев это буквально шокировало, чтобы так не признавать никаких правил».

Но больше всего хозяева были шокированы, когда Лукашенко встал на лыжи сам, заставил встать на лыжи охрану и поехал по рисовым полям, находившимся в чьем-то частном владении.

«Разгорелся большой скандал. И представитель японского МИДа, который находился постоянно при нем, пытался все это урегулировать. Все это происходило на моих глазах», — сокрушается Кравченко.

В чужой стране, не зная языка, не справившись о местных обычаях и законах, группа высокопоставленных иностранцев становится на лыжи и бежит по заснеженным рисовым полям на глазах у их обомлевшего хозяина! А потом они оправдываются: мы, мол, не знали, что это частная собственность, у нас, дескать, никакой такой частной собственности нет…

Не меньшее впечатление на японцев произвели и еще две истории. Первая — как Лукашенко захотелось погонять шайбу на катке, где играют олимпийцы. Об этом вспоминает Кравченко:

«Лукашенко объясняли, что на Олимпиадах особый режим — и политический, и безопасности. Да, вы — глава государства, да, руководитель Национального Олимпийского комитета, но такое никому не положено… Но он упорствовал к полному недоумению хозяев Олимпиады, а я боялся только одного: вдруг он их уломает. Но в итоге, как он ни настаивал, какие только ни давал указания нашим, — слава богу, ничего не получилось».

Вторая история — как Лукашенко прошел в раздевалку к белорусским хоккеистам. Белорусы проиграли первый тайм. И вдруг Лукашенко решительно бросает своей охране:

— Идем к ребятам.

К нему кидаются чуть ли не все спортивные функционеры:

— Александр Григорьевич, вас не пропустят — там охрана, там святая святых — раздевалка команд.

Кравченко, по его словам, запомнил эту ситуацию на всю жизнь:

«Лукашенко на эти реплики и просьбы остановиться даже не оборачивается, хотя тут же находится и президент Международного олимпийского комитета маркиз Самаранч, и прочая высшая спортивная публика.

Через японскую охрану он прошел, как нож сквозь масло. Впереди тараном шел начальник его охраны, да с таким видом, что японцы просто расступились в ужасе, испугавшись бессмысленного кровопролития. Такого здесь еще не видели…»

Цель этой поездки ее организаторы объясняют по-разному.

По мнению Евгения Примакова, Лукашенко «сказали, что его личное присутствие на хоккейном матче может вдохновить игроков и обеспечить бронзовую медаль белорусской команде»[2]. Матч, кстати, белорусская сборная тогда проиграла с треском.

По мнению Кравченко, дело в том, что «белорусы вышли в финал и должны были играть с американцами, канадцами, россиянами. По телевизору показывают каждую вброшенную шайбу и после этого в кадре не Лукашенко, который в хоккей играет, чуть ли не каждый день, а какой-то посол. Пожинает его лавры. Вот и мгновенное решение. Неважно в один или два миллиона оно обошлось. Но зато Лукашенко сидел в ложе, и все его видели».

Недоумение японцев можно вообразить. Кто такой этот Лукашенко, почему он себе столько позволяет, почему высокопоставленные чиновники двух сверхдержав — России и Японии — стоят из-за него, как выразился Примаков, «на ушах»?

Действительно — кто он такой?

Книга первая. Шкловский парень

Часть I. Смотрите, кто пришел

Первую биографию Александра Лукашенко я прочитал (по долгу службы) буквально через месяц после избрания его президентом. Я работал тогда начальником Управления общественно-политической информации Администрации президента. И преисполнен был делового оптимизма и радужных надежд.

Началось все так.

В январе 1994 года я работал первым секретарем Центрального Комитета Союза Молодежи Беларуси. СМБ представлял собой достаточно жалкое подобие ЛКСМ Белоруссии, оказавшегося без партийной и правительственной поддержки и государственных дотаций. Единственное, что у нас осталось от ЛКСМБ, это пятиэтажное административное здание Центрального Комитета. Но оно многим мозолило глаза: шел передел собственности, а это был очень лакомый кусочек, удержать который самим нам было не по силам.

Тут, на втором году нашего беспартийного и беспросветного существования, мне пришла в голову шальная мысль: а что если все-таки найти себе партию? Ну, не партию в полном смысле этого слова, а некую политическую «крышу». То есть ввязаться в президентскую предвыборную кампанию на стороне какого-нибудь кандидата помоложе и с перспективой. Тогда мне казалось, что таким политиком с прицелом на президентство может быть юрист и всеми признанный парламентский трибун, член президиума Верховного Совета депутат Дмитрий Булахов. К нему я и пошел.

Булахов внимательно выслушал мой сбивчивый рассказ и понял главное: вот пришло соседнее здание, готовое себя предложить. При этом здание, во-первых, настолько глупо, что не понимает, куда оно лезет, во-вторых, настолько не информировано, что совершенно не знает раскладки сил. Мне вежливо обещали подумать и попросили прийти завтра.

Назавтра Булахов принял меня с видом усталого актера после спектакля. Тихим голосом он сообщил, что не собирается выставлять свою кандидатуру.

— Мы с Виктором Гончаром (тоже молодой политик, тоже юрист и тоже парламентский трибун) договорились, — сказал он, — решили, что на этих выборах работаем на Сашу Лукашенко.

Я молчал.

— У Саши Лукашенко неплохие шансы, высокий рейтинг, и его любят в деревне. У него хватит сил сломать старую машину и

привести к власти новое, молодое поколение. Кстати, места в будущем правительстве еще не заполнены.

И здесь он многозначительно на меня посмотрел…

Тут открылась дверь, и как бы случайно вошел депутат Гончар.

— А вот и Виктор Иосифович, — сказал Булахов и представил меня Гончару. — А это Александр Иосифович. Не хотите ли кофе?

Подали кофе. Булахов начал рассказывать Гончару то, что, вероятнее всего, они успели трижды обсудить накануне.

Снова открылась дверь, и уже совсем как бы случайно вошел депутат Лукашенко.

— Познакомьтесь, — голосом режиссера-постановщика сказал Булахов.

Лукашенко подошел ко мне и, глядя исподлобья, представился:

— Саша. Будем на ты.

— Это я — Саша. А вы — Александр Григорьевич. Будущий президент, — ответил я, пожимая протянутую мне огромную, лопатой, ладонь Лукашенко.

Лукашенко глянул мне в глаза, как показалось, с некоторой благодарностью.

— Саша… — обратился к нему Гончар. — Александр Григорьевич, — нехотя поправил он себя, — вот человек пришел в нашу команду, обещает предоставить нам помещение и телефоны под предвыборный штаб. Вы согласны… Александр Григорьевич?

Лукашенко кивнул: он был согласен. Точно так же, вероятно, он в знак согласия кивнул спустя восемь месяцев наших бурных предвыборных баталий, о которых речь впереди, в ответ на предложение главы Администрации Президента Леонида Синицына назначить меня начальником Управления общественно-политической информации Администрации президента[3].

Менее чем через месяц после этого назначения меня вызвал Синицын, достал из папки увесистую рукопись и протянул ее мне:

— Иван принес. Прочти. Будем печатать.

Иваном в «команде», приведшей Лукашенко к власти, называли Ивана Ивановича Титенкова, бывшего первого секретаря Краснопольского райкома компартии, затем депутата, бизнесмена, а в описываемые времена — Управляющего делами президента.

Рукопись оказалась первым вариантом документально-художественной повести «Александр Лукашенко». Автор ее, бывший партизан Владимир Якутов, зарабатывал на хлеб,

создавая жизнеописания белорусских руководителей разных эпох. Я читал до этого написанную им биографию Машерова — слащавую донельзя. Но, к моему ужасу, биография Лукашенко была еще хуже! И это при том, что реально сделать что-либо для страны ее герой еще просто не успел и воспевать его пока было не за что. О чем я и заявил Синицыну, возвращая рукопись.

— Ты думаешь? Ну-ну… — и глава Администрации, смерив меня внимательным взглядом, небрежно швырнул папку в ящик стола. Больше я ее не видел.

Позднее, когда ни меня, ни даже Синицына в Администрации президента Беларуси уже не было и в помине, повесть была опубликована и переиздана.

Но она, как, к слову, и другие книги, посвященные Лукашенко, не отвечала на главные вопросы: как и почему Лукашенко смог прийти к власти, что он хотел сделать, что обещал и что на самом деле из этого получилось.

Хотя я и принимал участие во многих из описываемых событий, знал я, разумеется, далеко не все. Поэтому мне и пришлось включить в эту книгу стенограммы бесед с очевидцами.

Глава первая. Начало пути

От Шклова до Шклова

Саша Лукашенко родился 30 августа 1954 года в поселке Копысь Оршанского района Витебской области. Был он безотцовщиной, поэтому мать, Екатерина Трофимовна, в том же году переехала на свою родину, в Шкловский район Могилевской области, где они и поселились в деревне Александрия неподалеку от райцентра. Здесь жила родня, а потому было легче в одиночку растить сына… Таким образом, Сашу вполне можно считать парнем шкловским…

Шклов — город исторический. Здесь был когда-то извлечен из земных пластов «шкловский идол» — тупоголовый каменный истукан, вытесанный неизвестным умельцем еще до нашей эры. Судя по названию, изготавливали в Шклове стекло («шкло» — по-белорусски и по-польски). Отсюда наступал на Москву Лжедмитрий I, а затем и его преемник, Лжедмитрий II, по прозванию Тушинский вор, также обладал Шкловом. Спустя двести лет, после разделов Речи Посполитой, Екатерина II подарила Шклов отставному фавориту сербу Семену Зорину, который открыл здесь кадетский корпус, создал театр, а заодно дал приют всевозможным авантюристам, включая знаменитых фальшивомонетчиков братьев Дзановичей… Впрочем, в детские

годы об историческом прошлом города будущий президент Беларуси вряд ли задумывался.

Детство у Саши Лукашенко было не из легких. Во-первых, отца нет — некому заступиться. Деревенские мальчишки, народ жестокий во все времена, шпыняли байстрюков. Во-вторых, в деревне 50-х — начала 60-х годов вообще жить было трудно. Голода в белорусской деревне не было, но не было и сытости.

Судя по обрывочным воспоминаниям самого Лукашенко, семья была не просто бедной, а очень бедной, чтобы не сказать нищей. Конечно, ни Екатерина Трофимовна, ни сам Саша никогда не побирались, но денег не хватало сильно. Позже, говоря о своей студенческой молодости, Лукашенко будет раз от раза повторять: «Я был вынужден учиться на стипендию». Автор упомянутого нами жизнеописания Лукашенко Владимир Якутов выбросит фразу из цитируемою выступления героя, но ее продолжение приведет правильно: «У нас стипендия была рублей 35-40 общая, "общественник" получал 42, а если еще учился на "отлично", то примерно под 58 рублей. И поскольку мне не у кого было попросить помощи, то я всегда стремился получить лишний рубль»[4].

В 1975 году он закончил исторический факультет Могилевского педагогического института. В институте активно занимался общественной работой. «В течение ряда лет Александр Григорьевич редактировал стенную газету института, был лектором Могилевского обкома комсомола»[5], — со слов декана истфака П. Ф. Дмитрачкова утверждает все тот же Якутов. А вот что говорит журналист Анатолий Гуляев[6], хорошо знавший будущего президента по Шклову:

«Моя жена, которая училась в институте вместе с ним, говорит, что он действительно хорошо учился и был активным членом штаба "Комсомольского прожектора". Отвечал, если я правильно помню, за общественное питание. И вот когда Лукашенко появлялся с какой-нибудь проверкой в институтской столовой, то там все повара тряслись, потому что каждый кусок мяса взвешивался».

«Комсомольский прожектор» в те годы был одним из самых неформальных дел комсомола, в котором проявляли себя наиболее настырные, въедливые, боевые и рвущиеся наверх ребята. Сашу Лукашенко к таким вполне можно было отнести. Вообще его комсомольская юность проходила в духе времени, недаром после окончания института его распределили в школу на должность освобожденного секретаря комсомольской организации. Это была низшая из ступенек номенклатурной лестницы, что-то вроде пионервожатого, только для

старшеклассников, но первая ступенька в карьере. Ведь он стал номенклатурой райкома комсомола. Впрочем — всего на три месяца, выпавшие на самое начало учебного года. В ноябре его призвали в армию.

На фотографиях из «дембельского альбома», сделанных во время его службы на границе, Лукашенко хорошо узнаваем. Упрямый жесткий взгляд, чуть припухшие губы, высокие скулы. Все мы мало меняемся после того, как окончится детство.

В Брестском погранотряде он вступил в партию и даже стал инструктором политотдела по комсомолу. Оттуда, после демобилизации, пошел работать секретарем первичной комсомольской организации Могилевского горпродторга, потом — инструктором Октябрьского райисполкома в Могилеве. И, через пять месяцев, — штатным ответственным секретарем Шкловской районной организации общества «Знание» (в советские времена это была организация, призванная под видом удовлетворения «интеллектуального голода» трудящихся проводить идеологическую работу с населением). Это была уже номенклатура райкома партии. Лукашенко «попал в обойму».

Выработанная со студенческих лет привычка во все вмешиваться и во всем наводить порядок, как в кастрюле на институтской кухне, сочеталась у Лукашенко с высокими амбициями. Вот на сельхозработах студенты «по его предложению, прямо возле костра стали выполнять специальные физкультурные упражнения для тренировки позвоночника. "Вечером очень помогает массаж спины, — советовал Александр, — делайте его друг другу"»[7]. Вот инструктор политотдела погранотряда беседует с бойцами: «Он читал доклады и лекции, беседовал как с большими группами солдат, так и с отдельными воинами. Иногда простой вопрос разрастался в содержательный и задушевный разговор»[8]. Выступать Лукашенко научился, причем на любую тему.

В нем не было ничего бунтарского. Он был вполне советским и намеревался сделать обычную советскую карьеру. Те из студентов, у кого не было ярко выраженных профессиональных способностей, но энергия била через край, начинали активно заниматься общественной работой и попадали в комсомольские структуры. И уже там «руководили» теми, кто проявлял талант инженера, учителя, агронома. Так начинал и Саша Лукашенко.

Но устроить его это никак не могло. Хотелось чего-то конкретного.

Тогдашний секретарь Могилевского обкома партии, курировавший вопросы сельского хозяйства, Василий Леонов[9]

вспоминает о своей первой встрече с Лукашенко в 1979 году:

«Шло совещание в Шклове, и первый секретарь райкома партии Вера Костенко подвела ко мне Лукашенко и представила: дескать, вот он хочет быть председателем колхоза… "А кто вы по специальности?" — "Учитель". — "А почему не хотите работать в своей сфере, по своей профессии?"

Лукашенко ответил привычно:

— Я родился в деревне и хочу руководить хозяйством»[10].

Председатель колхоза — это в советское время власть и определенная независимость, самостоятельность. Как на своем рабочем месте председатель распоряжается судьбами людей, Саша Лукашенко видел еще в детстве. Стать председателем колхоза для него — предел мечтаний.

Леонов дал совет получить специальное образование. И Лукашенко тут же послушался. Поступил на заочное в Горецкую сельскохозяйственную академию. Учился, работал, было нелегко. Но своего добился. Двадцать седьмого марта 1987 года решением бюро Шкловского райкома КПБ его рекомендовали на должность, правда, не председателя колхоза, а директора совхоза «Городец» Шкловского района Могилевской области.

В совхозе — государственном сельхозпредприятии — свободы, конечно, поменьше, чем в колхозе. Зато никакой тебе коллегиальности, никакой пусть даже формальной подотчетности общему собранию колхозников. Тебя назначили — и ты руководишь, подотчетный лишь тем, кто тебя назначил.

Понял молодой и энергичный директор и другое: как тут с коллективом ни упирайся, как на земле ни вкалывай, хозяйство не поднимешь. Без влиятельной поддержки сверху.

«Городец» традиционно считался «лежачим» совхозом, предшественник Лукашенко отработал в нем десять лет, не добившись серьезных изменений. Даже активная поддержка всесильного в таких вопросах главы облагропрома не помогла ему вывести отстающее хозяйство в «маяки». А ведь и на традиционно отсталой в аграрном производстве Могилевщине были действительно крупные руководители. В тени крепкого еще старика, дважды Героя труда Василия Старовойтова куда расти в общественном мнении какому-то Лукашенко? С какими результатами?

Ему помогла перестройка.

Беларусь просыпается

Советскую Белоруссию, жившую посытнее, а значит и

поспокойнее, чем Рязанщина или Тамбов, волны перестройки захлестнули значительно позже, чем остальную часть СССР. В Москве уже вовсю полемизировали Ельцин с Лигачевым, а белорусский политический маятник еще даже не качнулся. Алесь Адамович[11] как-то в сердцах сравнил Беларусь с Вандеей. Как Вандея была самой монархической из французских провинций, так Беларусь была самой советской и, пожалуй, самой благополучной из советских республик.

Последний доперестроечный (хотя уже при Горбачеве избранный) первый секретарь ЦК КПБ Ефрем Соколов, старомодно добропорядочный, из числа тех, кого принято было называть «крепкими хозяйственниками», на роль политического лидера никак не тянул. Как и коммунистическая партия «не тянула» свою роль руководящей и направляющей силы белорусского общества. Это стало очевидным, когда Беларусь проснулась. Разбудили ее Алесь Адамович и Зенон Позняк[12]. Первый сказал правду о Чернобыле, второй — о Куропатах.

Алесь Адамович жил в Москве, был широко известен, общался с самим Горбачевым, хотя считался почти диссидентом. Он мало зависел от партийных чиновников, а потому мог позволить себе многое. Голос Адамовича, заговорившего о политической ответственности «центра» перед «республиками», услышала вся страна.

Услышанное потрясало. Четверть территории республики попала под радиоактивные осадки. К такому не был готов никто. У Беларуси не хватало медикаментов для лечения пострадавших, стройматериалов, чтобы возвести дома для переселенцев на чистой территории, продовольствия, чтобы возместить урожай, не убранный с зараженной земли.

И главное — людям не говорили всей правды. А потому они не могли защититься от страшной, но невидимой и непонятной радиоактивной угрозы.

Люди были вправе ждать помощи от власти. Но власть бездействовала. Хотя в Уголовном кодексе и была статья, определявшая наказание за бездействие. А властью была Коммунистическая партия, лидером которой был недавно избранный Михаил Горбачев.

Аварию и «списали» на Горбачева. Белорусская партийная организация за него не вступилась. Здесь «молодого» генсека не любили за все — особенно за говорливость. О том, что он принес свободу слова и свободу мысли, в Беларуси не вспоминали: о какой свободе можно думать, когда продуктов в магазинах становится все меньше, а народ не хочет, чтобы им управляли по-старому? На этих вот настроениях, да еще под влиянием

московских веяний в спокойной Беларуси неожиданно для властей возникла оппозиция…

Тогдашнюю оппозицию звали Белорусским народным фронтом в поддержку перестройки «Адраджэньне». Оргкомитет БНФ был создан 19 октября 1988 года, но еще до этого появились первые ростки того, что можно было назвать национально-демократическим движением.

Это были молодежные неформальные объединения — «Талака», «Тутэйшыя» и различные экологические организации. Первые ласточки национально-культурного возрождения, они занимались пропагандой белорусского языка и литературы, изучением фольклора. Экологи боролись с загрязнением окружающей среды, проводя акции не слишком шумные и многолюдные, но и их хватало для сонной сытой республики. Партия вяло указывала на них комсомолу, комсомол столь же вяло вел какие-то переговоры с лидерами неформалов. Весь этот «плюрализм» казался несерьезным, очередной кампанией, проводимой по указанию сверху.

…Бомба разорвалась 10 июня 1988 года, когда в газете «Літаратура і мастацтва», органе правления Союза писателей БССР, появилась статья кандидата искусствоведения Зенона Позняка и историка Евгения Шмыгалева «Куропаты — дорога смерти». В ней рассказывалось о том, как в урочище Куропаты под самым Минском в 30-е годы возили расстреливать людей. Потом Минск разросся, и урочище стало соседствовать с жилым микрорайоном Зеленый Луг.

«Сделав обмеры и подсчитав все данные, можно приблизительно вычислить первоначальное количество похороненных в исследованных могилах. Оно колеблется от 150 в "зимней" могиле № 1 до 260 в могиле № 5. Если взять среднюю цифру 200 покойников в могиле и сделать простое умножение на количество выявленных сегодня захоронений (510), то получим 102 тысячи человек»[13].

Эти цифры потрясли белорусскую общественность.

Статья получила колоссальный резонанс. Ее даже перепечатала тогдашняя главная газета перестроечной советской интеллигенции — «Московские новости». Куропаты сделались местом паломничества. Республиканская прокуратура была вынуждена начать расследование и пришла к неутешительному для компартии выводу: да, в Куропатах погребены останки жертв не фашизма, а довоенных репрессий.

Этого не могли вынести даже белорусы. Еще совсем недавно,

в марте 1953 года, им сквозь слезы казалось: небо обрушилось на землю оттого, что Сталин умер! Потом со слезами на глазах они хоронили другого коммунистического вождя — собственного, белорусского, Петра Машерова. Компартия, вроде бы в Беларуси ничем себя не скомпрометировала: никого, считалось, не сажали, никого не расстреливали, не считая убийства Михоэлса — да и его убили не по местной инициативе и не партийные органы, а НКВД, которое всегда было московским… Белорусские коммунисты — чуть ли не святые. И тут — на тебе. Под самым, можно сказать, домом — жертвы коммунистической системы! Как жить после этого?

А ведь Позняк говорил и о другом. Он будил национальную гордость. Все лучшее, что было в Беларуси, он объяснял ее собственными заслугами (о том, сколько союзных денег было вложено Москвой в восстановление разрушенной белорусской экономики, разбомбленных городов и сожженных деревень, просто не упоминалось). А все худшее — как раз влиянием России, этой «империи зла». И казалось: стоит только отделиться, освободиться от российской власти и от коммунистической идеологии — и сытость свою сохранишь, и свободу обретешь…

Все это предвещало столкновение. Оно и произошло 30 октября 1988 года, когда пришедшие на кладбище минчане, собравшиеся отметить там день поминовения усопших «Дзяды», оказались лицом к лицу с милицией, вооруженной дубинками и баллончиками со слезоточивым газом.

Зенон Позняк произнес пламенную речь: «Чтобы перестройка не двигалась, бюрократия хочет создать конфронтацию в нашем народе. Поэтому я еще раз обращаюсь к вам: будем осторожными и будем ответственными! Будем мудрыми, если им не хватает мудрости. …Посмотрите, что творится. Они даже здесь нас боятся, на этом поле. Это агония! …Победа за перестройкой!»[14].

Голос Позняка оказался в тот день главной силой, способной объединить вокруг себя людей. И когда власти применили дубинки и газы, они превратили скромного этнографа и театроведа в фигуру общенационального значения.

С ситуацией разбиралась специальная комиссия во главе с тогдашним спикером Верховного Совета БССР Георгием Таразевичем[15]. Комиссия большинством голосов применение газов не подтвердила, а действия милиции оценила как правомерные (при особом мнении входившего в нее поэта Пимена Панченко). Но дело было сделано: газовая атака стимулировала создание первой альтернативной политической структуры — Белорусского народного фронта.

Он вырос мгновенно, сконцентрировав на себе ненависть всех

антиперестроечных сил республики. Но точно так же мгновенно вобрал он в себя силу всех тех, кто протестовал против застоя и партийной бюрократии в Беларуси. Стало понятно, что именно БНФ — единственно возможная в тот момент альтернатива компартии.

Тут как раз подошло время выборов.

Во всем мире оппозиция приходит к власти либо революционным путем, либо на выборах. Горбачев в 1989 году создал такие условия выборов, что люди поверили: можно голосовать и за альтернативу. Съезд народных депутатов СССР показал, что происходит, когда выбирают наиболее активных, умных, непослушных — тех, кому верят. Их голоса благодаря прямым трансляциям сессий слышали все. Я помню, как сам, будучи школьным учителем, отпускал детей с уроков, чтобы они — и я, конечно, — увидели это зрелище. Как плакала моя мать, слушая выступления Анатолия Собчака, Андрея Сахарова, Ильи Заславского, Галины Старовойтовой…

Стало понятно: можно говорить то, что думаешь. Пожалуй, эти две недели телевизионного эфира без цензуры всколыхнули всю страну, безвозвратно повернув ее на новые рельсы.

Нет, все-таки не всю страну. Беларусь не торопилась к переменам. Хотя на улицу новые идеи и выплеснулись, но на выборах народных депутатов СССР 1989 года кандидатов от БНФ общепартийными усилиями еще удалось сдержать. Кого-то, как Позняка, отсеяли на окружных собраниях избирателей, кого-то, как профессора Михаила Ткачева, просто избили в подворотне, вынуждая сняться «по состоянию здоровья». В результате депутатами Съезда народных депутатов СССР стали только несколько белорусских «неформалов», которых лишь поддерживал БНФ, — Александр Добровольский, Александр Журавлев, Станислав Шушкевич, Сергей Габрусев, Виктор Корнеенко, прокурор Николай Игнатович. От творческих союзов депутатские мандаты получили писатели Алесь Адамович и Василь Быков. В остальном Белорусскую Советскую Социалистическую Республику на Съезде народных депутатов СССР представляла вполне традиционная партийная номенклатура. Хотя в Минске Народному фронту удалось прокатить первого секретаря горкома партии Галко.

Но авторитет БНФ продолжал расти день ото дня. Вся вторая половина 1989 года в Беларуси прошла под знаком митингов и манифестаций. Бело-красно-белые флаги, позаимствованные БНФ у так и не состоявшейся Белорусской народной республики[16], реяли над толпами людей, приходившими на митинги. Нет,

«толпа» — слово в данном случае крайне неточное. Народу собиралось много, тысячи, десятки тысяч.

Реванш за проигранные в 1989 году выборы народных депутатов СССР БНФ взял в следующем, 1990 году. На выборах в белорусский парламент прошло около тридцати «неформалов», причем главенствующую роль во впервые легализованном в высшем законодательном органе республики оппозиции играли представители Фронта.

Двадцать пятого февраля 1990 года в Минске состоялся самый массовый митинг за всю новейшую белорусскую историю. Около ста тысяч человек вышли на улицу, выказывая поддержку идеям Зенона Позняка и его единомышленников. БНФ стал главной альтернативой белорусской компартии. О том, что Фронт был создай в поддержку перестройки — то есть, инициативы, исходившей от коммунистического руководства страны, — Позняк быстро забыл. Его позиция предельно четко сформулирована на сессии Верховного Совета 20 июня 1990 года:

«За всю историю человечества не было еще такой системы, такого тоталитарного режима и такой партии, при правлении которой было бы столько преступлений против человечества… Что касается ответственности каждого коммуниста за эти преступления, то человек, который находится в партии, не несет юридической ответственности за ее коллективные действия. Юридическую ответственность он несет только за свои действия и отвечает по суду… Что касается политической ответственности, то политическую ответственность несет каждый член партии, который носит билет»[17].

Так и сложилось: на одном полюсе — КПБ, на другом — анти-КПБ, или БНФ.

Рабочие выходят на площадь

В КПБ во всем винили Москву. Но вслух партаппаратчики противоречить Горбачеву не решались. Он все еще был высшим руководителем партийного механизма, хорошо отлаженного в сталинские времена.

Несогласные уходили сами — по возрасту.

Ушел и Ефрем Соколов. На съезде КПБ его сменил первый секретарь Минского обкома партии Анатолий Малофеев, который считался одним из лидеров белорусских консерваторов. На деле он, вероятно, просто хотел власти. Ему казалось, что пост первого секретаря ЦК власть дает, но вскоре стало очевидным, что это не так. Потому что власть — это когда ты можешь изменить

ситуацию в соответствии со своими представлениями о том, как она должна развиваться.

А Малофеев ничего не мог изменить. Просто потому, что у партийного аппарата, которым он руководил, власти уже не было.

Впервые кризис дал о себе знать в марте 1991 года. В то время во всем СССР начались павловские реформы: цены подскочили, а товаров на пустых полках не прибавилось. И тогда в Минске рабочие вышли на площадь. Причем — в буквальном смысле слова — на площадь Ленина. Это были не бунтари из БЫФ, не молодежь, а действительно рабочие — шли строгими колоннами, собранные, решительные, только гул стоял на улицах. От человека к человеку передавали: «Тракторный на подходе. С "Интеграла" идут». Почему они вышли? Есть было нечего. Нескончаемые очереди в магазинах. Даже те, у кого были деньги, не могли на них ничего купить, — да и денег, в общем-то, было немного. Премьер-министр СССР Валентин Павлов вначале объявил обмен денег и таким образом изъял у населения крупные купюры, хранившиеся «на черный день» в заветном ящике бельевого шкафа, а затем ввел так называемый президентский пятипроцентный налог с продаж, отчего на эти же пять процентов повысились цены в пустующих магазинах.

Все это и переполнило чашу терпения. Никто не знал, что делать. Знали только, что во всем мире в таких случаях протестуют и организовывают забастовки. Так, стихийно, сумбурно, не понимая, чего следует требовать, вышли на площадь, что называется, «проявили гражданскую активность». Хотя ничего «гражданского» в этой активности не было — просто холодильники совсем опустели.

Массы «проявляли активность» более месяца. Разогнать их было невозможно: около двадцати тысяч человек приходили к Дому правительства, как на работу. Выдвигались все новые и новые требования. Департизация заводов. Декоммунизация профкомов. Отставка правительства и Горбачева.

ЦК КПБ не знал, как реагировать. Мне — тогда секретарю ЦК ЛКСМБ — довелось присутствовать на единственном заседании бюро ЦК КПБ, когда обсуждался вопрос о забастовках, перекинувшихся уже и в провинцию — в Солигорск, в Оршу. Помню стон председателя Верховного Совета БССР Николая Дементея: «Проблема не в нас, проблема в Москве!». У этих людей уже не было власти, конструкция, на вершине которой они оказались, обречена была рухнуть.

Она и обрушилась. В августе 1991 года, после провала московского путча, тихо поддержанного ЦК Компартии Беларуси, в одночасье все обвалилось. Первого секретаря ЦК, народного

депутата СССР Анатолия Малофеева демократически настроенные депутаты буквально стащили с трибуны республиканского Верховного Совета. Секретаря ЦК КПБ Валерия Тихиню[18], тоже депутата, на подходах к зданию Дома правительства в буквальном смысле слова оплевала толпа, и спасать его пришлось руководителю одной из дружин Белорусского народного фронта Вячеславу Сивчику[19]. Тихиня не мог прийти в себя и только повторял: «Спасибо, спасибо…» — пока его выводили из толпы, а потом вели в больницу (он слег с острейшим сердечным приступом).

Трясясь от страха, бывшие партийные руководители приостановили деятельность КПБ — КПСС на территории Беларуси, за что проголосовало абсолютное большинство парламента[20].

В этом составе парламента оказался и бывший партийный пропагандист и агитатор Александр Лукашенко.

На волне перестройки

Михаил Горбачев не только принес на советскую землю — от Бреста, как говорится, до Курил — свободу слова, но и развязал хозяйственную инициативу. Хотя вряд ли он мог себе представить, что появится целое поколение руководителей-ораторов, которым слово заменит дело.

Но, при всей своей склонности к «говорильне», Александр Лукашенко красивые слова не только произносил. Искренне поверив в одно из таких магических слов, он взял его на вооружение, и сразу «попал в струю». Это было слово «аренда». Производственные бригады или цехи, а на селе — бригады животноводов или полеводов, звенья механизаторов брали в аренду помещения, средства производства, землю, при этом часть полученной продукции отдавали хозяйству, а остальное могли распределять между работниками арендного предприятия… Естественно, люди работали лучше: появлялся хоть какой-то стимул. О частной собственности, о свободных рыночных отношениях речи не шло. По тогдашним социологическим опросам, не более двадцати процентов поддерживали введение в стране частной собственности на средства производства, а большинство было решительно против. И половинчатые горбачевские преобразования с этой точки зрения учитывали психологию «советского человека».

По свидетельству Анатолия Гуляева, «одним из самых больших сторонников введения аренды в Беларуси был секретарь

обкома Василий Леонов. Он создал команду людей, которым это нравилось. В их числе оказался молодой директор совхоза "Городец" Александр Лукашенко».

Молодой директор совхоза сразу увидел, что аренда раскрепощает его как хозяйственника. Он получал реальную возможность распоряжаться землей, продукцией производства, деньгами, полученными от ее продажи. И чем больше свободы, чем меньше контроля — тем лучше. Тем более что тебя за инициативу не только не ругают, а даже хвалят, поддерживают, рукоплещут: давай еще, еще!

О сути этих методов и опыте совхоза «Городец» подробно рассказывала вышедшая в 1990 году в белорусском издательстве «Ураджай» книга за подписью А. Лукашенко «Городецкие уроки». Как ни странно, в «житии» нашего героя, подготовленном Владимиром Якутовым, об этой книге не говорится ни слова. А книга чрезвычайно интересна для понимания логики хозяйственного мышления нашего героя, хотя это лишь «литературная запись» рассказов директора совхоза журналистом Ремом Ткачуком:

«Основные беды исходили от административно-командной системы ведения хозяйства и в связи с этим порочной организации труда. Командовали чиновники и по вертикали, и по горизонтали, щедро раздавая "полезные советы". По указанию сверху пахали, сеяли, убирали, сокращали или увеличивали количество голов скота… Бесконечными понуканиями и указаниями отучили людей думать, соображать»[21].

С арендой связано и еще одно событие в жизни нашего героя. Лукашенко оказался в числе участников совещания по вопросам внедрения аренды в сельском хозяйстве, которое проводил генеральный секретарь ЦК КПСС. «По команде Генерального собирали человек пятьдесят-шестьдесят: несколько первых секретарей обкомов, членов республиканских правительств, из исполкомов различных уровней — и так вплоть до руководителей хозяйства. Это называлось "посоветоваться"»[22].

На одно из таких совещаний был приглашен и куратор совхоза «Городец», руководитель Могилевского облагропрома Евсей Корнеев. И в качестве «живого примера» (вдруг понадобится?) он рекомендовал пригласить на совещание и директора совхоза Александра Лукашенко[23].

Во время той поездки директор совхоза «Городец» был по отношению к своему «куратору» вежлив и предупредителен: даже за чаем для обоих к проводнице ходил сам. Оно и понятно: моложе, рангом пониже. Кроме того, сам факт участия в таком

совещании имел огромное значение для Лукашенко, как для любого человека, делающего карьеру. И он выжал из него все возможное: «По телевизору все земляки видели Александра Григорьевича Лукашенко как участника Всесоюзного совещания по арендному подряду. И особенно один момент притянул их внимание: с трибуны Александр Григорьевич Лукашенко во время выступления повернулся к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, который находился в президиуме, и уточнил:

— Я так говорю, Михаил Сергеевич?

— Так, так, — согласно закивал тот головой»[24].

Шутка ли, сам генсек соглашается с директором совхоза! По-другому и быть не могло: Горбачева-то спросили, согласен ли он с собственными мыслями, собственными идеями. Разумеется, он согласился. Но выстроил Лукашенко все мастерски[25].

Конечно, далеко не каждый директор совхоза смог бы в советские времена вот так запросто обратиться к генсеку. Лукашенко смог — он и сам сумел ощутить себя властью, а не просто директором. Такой же властью, как Горбачев. Только подвластная ему территория несколько меньше Советского Союза. А в остальном — равные… Во всяком случае, когда они вместе с тем же Евсеем Корнеевым ехали обратно Лукашенко, по словам Василия Леонова, уже не пошел к проводнице за чаем, а отправил своего «куратора» Корнеева: мол, я тебе, когда в Москву ехали, чай носил, а теперь ты мне неси.

«Вот какие люди сволочи…»

Во времена хозяйствования в совхозе «Городец» проявилось и еще одно человеческое качество Александра Лукашенко, о котором нельзя не сказать. В книге Якутова читаем:

«На другой день своего директорства встретил Лукашенко двоих механизаторов. Оба навеселе.

— Куда путь держите, друзья? — строго спросил директор.

— В магазин, — бодро, в один голос, сообщили рабочие. — Надо кое-чего подзакупить…

— В магазин, конечно, вы идти можете, — твердо сказал директор, — а к технике я вас больше не допущу. Поколдуете пока лопатой и вилами.

Следом заработали наказания еще несколько выпивох и лодырей»[26].

Прочитав, каждый поймет: суров, но справедлив.

А как же было на самом деле?

«В тот момент Шклов лихорадили разговоры о том, как

директор "Городца" побил местного тракториста Василия Бандуркова по кличке "Муркин"»[27]. Вот что рассказывал мне собкор главной аграрной газеты Советского Союза «Сельская жизнь», уже знакомый читателю Анатолий Гуляев, по долгу службы разбиравшийся с этим случаем:

«Против него возбудили уголовное дело за избиение механизатора. Он ко мне приехал домой: вот эти партократы, они хотят свести со мной счеты. Я спрашиваю: "Саша, ты бил этого механизатора?" — "Нет, не бил". — "Поехали!" Сели в мою машину, поехали в Шклов в больницу — там врачиха была, не помню, как зовут. Она выдала справку механизатору о побоях. Я говорю: "Как это было?" — "Вот, пришел механизатор. Мы его обследовали — травма нанесена тупым тяжелым предметом". Я вышел от врачихи и попросил: "Саша, чтобы я знал, как себя вести, скажи: ты его бил или нет?" — "Нет, не бил".

Ладно. Поехали в Шкловскую прокуратуру. Там юный сотрудник прокуратуры говорит: "Тайна следствия — я ничего не могу вам сказать". Я предъявил мандат, на нем написано "Орган ЦК КПСС". Он пожал плечами и достал документы, показания соседей, которые видели, как бил. Я, выходя оттуда, говорю: "Саша, соседи показывают". — "Нет, соседи — сволочи".

Приехали в деревню, заходим к соседу. Сосед рассказывает, как было дело. Они с соседом-механизатором вышли из трактора. Правда, до этого выпили бутылку вина. Вышли из трактора, и тут появляется на белой "Ниве" директор совхоза, стал, говорит, на нас орать и вот этого механизатора Бандуркова начал бить. Бил кулаком, кинул на землю и начал бить ногами. И жена его, и дети подтверждают это. А мы сидим в хате, и по хате видно, что хозяин и хозяйка пьянчуги. Мне жена избитого механизатора говорит: "Ну, мы пьющие. Я знаю, что нам не поверят". И на крик срывается: "Так бил же! Мы все видели, что бил! Вот дети видели, что бил". И дети: "Бил!"

Я выхожу, говорю: "Саша, ну вот все говорят, что бил ты этого механизатора". — "Нет", — говорит и смотрит на меня совершенно ясными глазами. Ну что мне делать? А поскольку возможности тогда были, я попросил, чтобы бригадир мне собрал местных механизаторов на машинном дворе. Он собрал 12 человек. Я говорю: "Саша, подожди меня в машине". Он остался в машине.

Я спрашиваю: "Мужики, вот так, не для печати, я не буду записывать ваши фамилии. Как вы считаете: мог Лукашенко бить данного конкретного механизатора?" Они мялись, мялись. Я показываю: "Не для печати. Вот выключил диктофон — ничего не записываю". Они говорят: "Ну, если не для печати, то и меня бил,

и меня бил, и меня…" Оказалось, что из двенадцати человек восемь человек он бил тоже.

Я вышел оттуда. "Саша, ты же мне только что говорил, что не бил!?" Он говорит: "Вот какие люди, сволочи. Я им столько хорошего сделал, а они не могут забыть, как пару раз не сдержался"».

Вся эта история стала достоянием гласности во время предвыборной кампании 1990 года, когда Александр Лукашенко баллотировался в депутаты Верховного Совета БССР. Но тогда на псе никто не обращал внимания, считая происками номенклатуры, в страстного борца с которой решительно обратился наш герой. А потом и уголовное дело закрыли — депутаты всех уровней в те времена обладали статусом неприкосновенности.

Но Анатолия Гуляева, как мы видим, занимает не столько даже склонность молодого хозяйственника к традиционным в советские времена репрессивным методам, когда мало просто отстранить от работы пьяного механизатора, а надо его еще перевоспитать — хотя бы даже и кулаками, сколько совсем иное. Гуляев, пожалуй, первый из пишущей братии, кто понял: «Смотрит на тебя Александр Лукашенко совершенно ясными глазами — и лжет».

Потом о «честности» нашего героя будут слагаться легенды. Известен случай с земельным наделом, который Александр Лукашенко получил, еще не будучи депутатом. Затем был принят закон, согласно которому руководители аграрных хозяйств не могли иметь в собственности землю. Все та же шкловская журналистка Ольга Павлова описывает, что когда кто-то из депутатов «проехался» по Лукашенко, обвинив его в невыполнении только что принятого закона, тот лихо парировал:

— Опоздал, братец, от земли я давно уже отказался.

Как утверждает Павлова, трансляцию той сессии слушал районный землеустроитель Александр Гордеев, который был поражен такой беспардонной ложью: уж он-то лучше всех знал, что в тот момент Лукашенко от своего надела не отказывался. При встрече он и спросил земляка-депутата:

— Как же вас понимать, Александр Григорьевич, как же так можно — лгать в микрофон, на всю республику! Где же ваша совесть?

Александр Григорьевич ответил просто:

— Где, Саша, была совесть, там вырос хрен.

Хрен вместо совести — это и есть та главная «ботаническая» особенность, без которой во все времена — и в те, и в наши —

путь наверх начинающему политику был бы заказан.

Глава вторая. Разминка перед забегом

Раунд первый: Лукашенко против Кебича

Первая политическая кампания, через которую прошел Лукашенко, — это выборы народных депутатов СССР в 1989 году. Волею судьбы его главным соперником оказался будущий премьер-министр Республики Беларусь, а тогда председатель Госэкономплана БССР Вячеслав Кебич[28].

«В том составе Совета Министров Вячеслав Францевич был наиболее энергичным. Молодой, деловой — особенно на фоне своих коллег, большинство из которых просто ничего не могли решить. Кебич без проволочек решал многие вопросы, с которыми я к нему обращался. А нам тогда предложили несколько кандидатов из Москвы, из состава членов Политбюро, особенно рекомендовали секретаря ЦК КПСС Вадима Медведева. Мы с первыми секретарями райкомов обсудили кандидатуры, приняли решение выдвинуть Кебича — и поставить всех перед фактом. Это был настоящий шок в республике. И не только в республике»[29].

Подобного рода «самодеятельность» могла плохо закончиться и для первого секретаря Могилевского обкома партии Василия Леонова, и для выдвинутого им кандидата. Впрочем, позиция Леонова была понятна: до Бога высоко, до Политбюро далеко, а иметь «своего» депутата очень даже удобно. В конце концов, предложили-то вполне благонадежную кандидатуру — члена бюро ЦК КПБ, заместителя главы республиканского правительства. Что тут возразишь? Тем более что «Кебич сам не знал, что мы его выдвигаем. Его тоже просто поставили перед фактом. Я позвонил ему после собрания и сказал: "Вячеслав Францевич, мы тебя выдвинули"»[30].

Нет сомнений в том, что Леонов говорит правду. Не будь основательной поддержки областной номенклатуры, Кебич никогда бы не рискнул баллотироваться. Шел мощный информационный накат на коммунистических функционеров, Горбачев постоянно давал понять, что считает номенклатуру главным тормозом перестройки, что партийные и хозяйственные чиновники в большинстве должны уйти на покой. Разумеется, «неформалы» на местах также пугали Москву, но они, в отличие от чиновников, были хуже организованы и не контролировали экономику, а потому не представляли собой реальной силы.

Выборы народных депутатов СССР представлялись ситом, пройдя через которое у власти должны были остаться только те

партийные функционеры, кто принимал перестройку и сумел получить поддержку народа. Не случайно каждый первый секретарь обкома партии обязан был баллотироваться в депутаты. Только на победивших и делалась ставка наверху, только они могли на что-то рассчитывать. И Кебич понимал, что избрание в честной борьбе депутатом союзного парламента даст ему шанс стать руководителем белорусского правительства.

Альтернативой Кебичу выступил директор совхоза «Городец» Александр Лукашенко. Я спросил у Анатолия Гуляева, как это было.

«Очень просто. Тогда впервые появилась возможность выдвигаться не номенклатурно, вот его коллеги ему и предложили. В частности, его бывший директор Володя Малиновский, председатель колхоза имени Ленина, еще группа была.

— А почему выдвинули именно его?

— Я у ребят тогда интересовался. Ай, говорят, у него характер нарывастый — он будет лезть всюду, шуметь, пусть попробует…»

Кампанию 1989 года Лукашенко вел, что называется, от Бога — интуитивно и точно. Леонид Синицын позже будет говорить об особой лукашенковской «чуйке»: мол, нутром чует, когда и что говорить. Он знал, что хотят услышать люди, — о том и говорил. А люди были настроены воинственно.

Василий Леонов вспоминает «предвыборное собрание в Быхове, когда дословно сказали: "Тебя выбирать нельзя. Ты нас заставляешь работать. А вот мы тебя провалим, разгоним партию, не будем работать и будем получать деньги"»[31]. И здесь Леонов не преувеличивает. КПСС уже казалась источником всех бед, и больше всего шансов получить массовую поддержку избирателей было у того, кто громче всех критиковал партию.

Именно это бесстрашно и делал Лукашенко, как бы забыв на время собственное партийное прошлое.

Анатолий Гуляев:

«Я с ним ездил на встречи с избирателями. Его там давили, и давили активно, чтобы любой ценой не пропустить. Например, мы приезжаем в одну из деревень Белыничского района, на клубе написано: "Встреча с кандидатом в депутаты". Эта афиша зачеркнута. Возле клуба стоит кто-то из должностных лиц колхоза, совершенно нахально улыбается и говорит: "Встречу отменили". — "Как отменили?" — "Ну, вот отменили — и все". И дальше как хочешь. Потом еще были встречи…

— А как вели себя районные руководители?

— На каждой встрече шумели: "Посмотрите, кого вы двигаете: за ним же ничего нет!" Лукашенко, размахивал руками, говорил, что вот, все прогнило, хватал стул: "Вот этот стул — и то прогнил!"»[32].

Свидетельствует Ольга Павлова:

«Меня интриговал Лукашенко своей манерой вести дискуссию: он подавал какую-нибудь реплику и замолкал на определенный момент, внимательно следя за реакцией собеседника или слушателей. И когда она была, что называется, в унисон с его мыслями, раскручивал пружину дискуссии дальше — и также вначале осторожно. Ну а потом, когда аудитория подпадала под контроль, Александр Григорьевич давал всю мощь своим ораторским способностям. Могучий голос оратора довершал задуманное дело: слабые возгласы несогласных просто заглушались»[33].

Ей вторит Василий Леонов:

«Лукашенко кричал о зажравшихся партократах, о машинах, пайках, резиденциях для отдыха. Не сомневаюсь, что у Лукашенко и быть не могло никаких сведений о том, что Кебич ведет себя как-нибудь аморально. Он тогда уже удачно оседлал конька, который впоследствии и вывез его на самые верха»[34].

Этим «коньком» была страстная апелляция к чувствам. К искренней ненависти избирателей к чиновникам и власти, отдалившимся от народа, окончательно переставшим быть «своим», понятным.

Дело, разумеется, было не только в том, *как* Лукашенко говорил, но и в том, о *чем* он говорил. А говорил и писал в газеты он, повторюсь, исключительно то, что хотели услышать избиратели. В основном — о несправедливом распределении:

«Понятно, чтобы больше иметь, нужно больше произвести — это аксиома. Но, что ни говори, а мы вновь возвращаемся и к проблеме распределения. Считаю несправедливым, когда товары народного потребления и лучшие продукты оседают большей частью в крупных городах, а в сельском магазине, кроме лапши и консервов, ничего не найдешь. Некоторые даже и "теорию" создают: мол, у сельчанина все есть. А я говорю так: кроме сала от нового года до нового года мало что у него бывает»[35].

Здесь отчетливо видно, как свободно эксплуатирует Лукашенко протестные настроения электората. Его уже не занимает производство, а интересует перераспределение. Но его избиратели — не горожане, а сельские жители, им и адресованы «простые и ясные» ответы на вечные вопросы. Кто виноват? Партократы и горожане. Что делать? Перераспределить.

«Теперь, при хронической нехватке в агропромышленном комплексе качественных машин и механизмов, да и многого другого, я вижу только один путь возрождения села — ограничить на некоторое время город в его потребностях»[36].

«С высокой, как тогда казалось, районной трибуны говорил этот человек обо всем наболевшем. Он называл негативные социальные явления и обличал непосредственных их виновников. Понятно, что не рядовых людей. Я сколько раз замечала: когда А. Г. Лукашенко шел к трибуне, всегда менялась реакция зала — аудитория оживала, начинала гомонить, бурлить даже. А он, поднявшись, выдерживал паузу… От слов его одни вжимались в кресло, чтобы не слышать. Другие, закипая внутренней радостью, готовы были подбежать к этому человеку, поднять его на своих руках высоковысоко, чтобы оттуда, с высоты, на весь простор родной земли разносились его пламенные слова»[37].

У Кебича ситуация была намного сложнее: ему приходилось отвечать за всю управленческую систему сверху донизу.

«Было видно, что Кебич поначалу проигрывал Лукашенко, — вспоминает Василий Леонов. — Мне пришлось бросить все па собственном округе и начать заниматься округом Кебича. Ведь именно я предложил выдвинуть его — так нельзя же было теперь просто "кинуть" человека».

Кебича «не кинули». Могилевский обком напрягся и использовал все возможные рычаги. Кебич выиграл у Лукашенко, хотя и с минимально возможным отрывом: 51% против 49%.

Лукашенко, конечно, имел реальные шансы попасть в состав народных депутатов СССР, где его могучий популистский дар, на мой взгляд, выдвинул бы его в число всесоюзных любимцев, которых потом, после крушения советской системы, ждало почти полное забвение. Очень многие из перестроечных политиков, кто вырвался из своих регионов для того, чтобы сделать карьеру в Союзе, вместе с Союзом свою карьеру и закончили. Забылись и депутаты от Беларуси — Николай Петрушенко, Александр Журавлев, Николай Бобрицкий. Так что выиграл Александр Лукашенко значительно больше, чем проиграл.

Это не говоря о том, что к ощущению народной поддержки у него добавилось ощущение собственной безнаказанности. «Сам» Леонов, вместо того чтобы разделаться с «выскочкой», пошел на мировую.

«— Помню, сидим мы с Лукашенко сочиняем статью в его защиту, — рассказывает Анатолий Гуляев. — Дверь открывается, и входит Леонов. Он меня увидел — несколько не ожидал — и говорит: "Ай, и ладно, пусть Гуляев здесь". Потом говорит:

"Александр Григорьевич! Я приехал сюда для того, чтобы сказать вам: я по-прежнему считаю, что вы не доросли ни до директора совхоза, ни до кандидата, ни до депутата Верховного Совета СССР, но поскольку с вами так вот обращались, я хотел бы, чтобы вы знали, что это давление было без моей команды. Я хочу за это давление принести вам извинения. Но то, что я о вас думаю, я сказал. И думайте обо мне, что хотите…».

Да, извинения первого секретаря обкома (при еще совсем недавнем всевластии партии), принесенные на глазах у собкора газеты ЦК КПСС — это не шутка. Фактически это было отпущением грехов, индульгенцией… Можно было уверенно продолжать свою политическую карьеру.

Случай предоставился: меньше чем через год были объявлены выборы в Верховный Совет БССР. По одному округу с Лукашенко выдвинулся и его куратор из облисполкома — Евсей Корнеев, который немало сделал для совхоза «Городец» и его руководителя. Но это Корнееву не помогло. Свой второй раунд — кампанию 1990 года — Александр Лукашенко выиграл.

И получил трибуну, с которой можно было обращаться уже не к шкловским или могилевским избирателям, а ко всем белорусам».

Глава третья. Депутат от Шклова ищет себя

Первые ставки и первый прокол

Итак, впервые за свою новейшую историю Беларусь получила вполне демократически избранный парламент: по своему составу Верховный Совет 12-го созыва представлял собой своеобразный срез всего белорусского общества, в котором были коммунисты и националисты, партократы и демократы, интеллигенты и демагоги. Вспоминает депутат Анатолий Лебедько[38]:

«Это был нежестко структурированный парламент: одна монолитная фракция — БНФ, еще одна глыба фракции коммунистов, которая, впрочем, таяла с каждым днем. А с остальными можно было лепить любую конструкцию, люди меняли свои взгляды у всех на глазах. Хотя подавляющее большинство составляли члены КПСС или те, кто вышли из КПСС».

Накануне первой сессии прошел пленум ЦК КПБ, на котором было решено рекомендовать председателем Верховного Совета БССР бывшего секретаря ЦК КПБ Николая Дементея. Но время было уже не то. Далеко не каждый из депутатов, прошедших сито

альтернативных выборов, мог позволить, чтобы им манипулировали.

И тут же была выдвинута альтернативная кандидатура. Ею стал член-корреспондент Академии наук БССР, ученый-физик Станислав Шушкевич[39]. Александр Лукашенко ратовал за кандидатуру будущего «беловежского зубра», пожалуй, громче всех:

«Я отдам голос за человека, который не загружен старым багажом, за человека, на которого я во многом рассчитываю. Свой голос я во многом отдам авансом, и я должен сказать, независимо от того, будет избран этот человек или нет, я готов работать с ним рядом и помогать ему делать все необходимое для того, чтобы наша республика стала могущественнее и краше»[40].

Эта поддержка никому тогда не известного, но свободного в словах и поступках депутата была неожиданностью для Шушкевича. Объяснялось все просто. Лукашенко не мог не понимать: победа Дементея привела бы к тому, что все посты в парламенте и в правительстве по указке ЦК КПБ заняли бы бывшие секретари райкомов партии. А Шушкевич же, стань он влиятельной фигурой, обязан будет вспомнить, кто его так активно поддержал.

Надо сказать, что Станислав Шушкевич, в спикеры не прошедший, но все-таки избранный первым заместителем председателя Верховного Совета, вовсе не собирался куда-либо выдвигать Лукашенко:

«У меня и мысли подобной не возникало, — говорит он, — потому что я считал, что это не тот уровень мышления, с каким можно работать, например, заместителем министра. Системно работать, а не устраивать хаос, этот человек не мог».

Так с кем же он?

Лукашенко заметался. Любой ценой он должен был найти себя, утвердиться.

В те тяжелые годы сплошных перебоев с продовольствием быть «на хозяйстве» значило многое и придавало и вес в глазах коллег-депутатов, и уверенности в себе. Депутат Валентин Голубев[41] вспоминает: — Он всегда приезжал уверенным в себе, как мужик: вот у вас, городских, нет ничего — ни мяса, ни сала. Мог привезти ведро груш, высыпать — нате, ешьте, оппозиция, а то пишете тут сидите. Как-то, после того как он депутату Лене Зданевичу какие-то семена привез, и я у него попросил: "Саша, привези мне семена гречки". Тогда депутаты активно получали земельные участки. И он тоже мне привез семена гречки и

морковки. А почему мне это так запомнилось? Он привез и дал так, чтобы все видели — метров с пяти бросил пакет туда, где я сидел: «На, оппозиция, — пользуйся…"».

При этом Лукашенко, конечно же, понимал, что политическая карьера делается именно в Верховном Совете. Об этом его понимании свидетельствует то, с каким увлечением он взялся за создание разного рода групп, фракций и партий. Говорит Валентин Голубев:

«Уже когда начал работать Верховный Совет, Лукашенко начал ходить на заседания фракции Народного Фронта и активно навязывать себя в руководители. Как правило, то, что он предлагал, — мол, давайте я сделаю то или это — отвергалось. Да и выступал он чаще всего с коммунистических позиций… Хотя потом, как только менялась волна, он сразу "корректировал" свои взгляды».

Не более удачной была и попытка Лукашенко возглавить создававшуюся в тот период Партию народного согласия (ПНС) (к слову, это была первая попытка создания в Беларуси альтернативной партии центристского типа). Вот как об этом вспоминает один из участников первых заседаний оргкомитета, член Президиума Верховного Совета БССР 12-го созыва Александр Соснов[42]:

«Нас не устраивал политический спектр, который сложился к тому времени. Была компартия и примыкающие к ней силы. Демократы в лице Объединенной демократической партии пытались расширить свое влияние, но не очень четко декларировали свою политическую идеологию. Народный фронт как партия патриотическая многим нравился, но его экономическая платформа мало чем отличалась от коммунистической.

Нам казалось, что есть возможность создать что-то иное, новое. Тут к нам примкнул Лукашенко. Правда, никаких идей, кроме как предложить собственную кандидатуру в руководство, у него, похоже, не было. А все, что он говорил на сессиях, носило явно коммунистический характер. Хотя он и выступал за такие вещи, как демократия, трансформация… Слова красивые, а суть проступала: отнять и поделить. И самому проникнуть во власть».

При этом Соснов и Лукашенко вместе председательствовали на первом заседании оргкомитета ПИС. Правда, ни один, ни второй в партию так и не вступили: Соснов был как экономист намного либеральнее того, что предлагали идеологи новой партии, а Лукашенко в руководители просто не захотели принять.

Говорит депутат Анатолий Лебедько: «Я вспоминаю слова депутата из Ивья, председателя колхоза: "Я вот не пойму

Лукашенко. Утром он с коммунистами, вечером он с БНФ. Так с кем он?" Весь зал пришел в оживление, раздался смех. Все видели, что это действительно было так».

Всякое лыко — в строку

Тем не менее Лукашенко начинал набирать политический вес. Выступал он по всем вопросам, как сам позже признавался, — «от абортов до ракет». А поскольку сессии транслировались в прямом телеэфире и по радио, его сипловатый голос стал узнаваемым и привычным. По воспоминаниям генерала Валерия Павлова[43], также бывшего депутатом 12-го созыва, Лукашенко был «виртуозно способен заболтать любой вопрос. Он выходил к микрофону и лихо выступал по любому вопросу, хотя по большинству из них просто даже не владел основами. И он опирался на то, что это мнение моих избирателей».

Естественно, даже если он ни с какими избирателями не советовался, такое должно было нравиться.

Политолог Ольга Абрамова[44] тогда была сопредседателем Движения демократических реформ и присутствовала на заседании оргкомитета ПНС. Она рассказывает:

«Лукашенко к этому времени был уже достаточно заметным депутатом, активным, часто выступавшим по самым различным поводам, но меня поразило, как им восхищались представители вузовской интеллигенции. Многие из них говорили: "Я влюблен в этого человека". Чувствовалось большое влияние его личности, усиливавшееся благодаря телевидению».

Таков был магический результат прямых трансляций сессий Верховного Совета.

Но даже почувствовав, как высок его рейтинг в начальный период политической карьеры, наш герой старается ни с кем из коллег не ссориться. Напротив, он пытается подружиться с теми, кого считает влиятельными депутатами, хочет быть им полезен. Вот впечатления Валентина Голубева:

«Я помню, вышла у меня в 1992 году монография о крестьянстве. Он подошел и сказал: "Ух, как умно поступали в 17 веке, надо у нас сейчас это применить. А вот как вы считаете, фермерство надо развивать?" Я говорю: "Да, мы в оппозиции, в БНФ, так считаем". — "Тогда я буду с вами"».

Продукты из деревни тоже помогали наладить контакт. О весьма характерном, хотя, казалось бы, незначительном эпизоде вспоминает Станислав Шушкевич, первый вице-спикер Верховного Совета:

«Как-то он у меня попросил ключ от багажника. Сказал, что

какую-то сельхозпродукцию привез. Мои "Жигули" стояли на площади. А потом я обнаружил там много свежих огурцов».

Выкарабкиваясь из противоречий

Оставим огурцы. Попробуем все-таки понять, каковы же были принципы депутата Александра Лукашенко? За что он ратовал? Это не простая задача, потому что, если сравнить его публичные выступления тех лет — с трибуны сессии, в интервью и газетных статьях — с его поведением, с дальнейшими поступками и высказываниями, можно только диву даваться, насколько человек может противоречить сам себе.

Его коллеги по парламенту, Валентин Голубев и Александр Соснов, утверждают, что он всегда ориентировался на коммунистическую идеологию. Хотя многие и видели в нем страстного реформатора.

Приватизация? Право частной собственности на землю? Опыт руководителя арендного предприятия подсказывал ему: это необходимо, без этого экономика дальше развиваться не в состоянии. И 12 декабря 1990 года депутат Лукашенко вносит предложение ввести в законопроект «О предприятиях в Белорусской ССР» статью «Частное предприятие». А в мае 1991 года он утверждает: «Приватизация — это процесс появления настоящего заинтересованного хозяина, собственника. Почему мы об этом говорим тишком? Чего снова боимся?»[45].

«Нам нужны хозяева! — с пафосом отвечает он на вопросы журналиста Сергея Плыткевича. — Без них, без свободы в производстве республика никогда не станет богаче!»[46].

Убедиться в том, насколько при всей прогрессивности своих тогдашних решительных утверждений наш герой непоследователен, нам еще придется. Но пока Лукашенко еще только завоевывает аудиторию, мы еще только в 1991 году.

Как мы уже видели, Лукашенко сделал свою первую ставку — на восхождение Станислава Шушкевича. И хотя она не оправдала себя, и Шушкевич не пожелал служить трамплином для Лукашенко, было определено направление политического движения нашего героя — уход в оппозицию к компартии.

Отдаление от компартии начинается с его попытки раскола партийного большинства в Верховном Совете. По аналогии с депутатской фракцией Александра Руцкого в Верховном Совете РСФСР Александр Лукашенко создает группу «Коммунисты Белоруссии за демократию». Но идея Руцкого здесь не оправдала себя. Несколько заявлений, опубликованных в парламентской

«Народной газете», — вот и весь политический задел, который обеспечил себе Лукашенко во главе этой группы.

При этом разные свидетели по-разному оценивают поведение Лукашенко в критические моменты, требовавшие политической активности. Станислав Шушкевич изумился, пытаясь вспомнить, как вел себя Лукашенко во время московского августовского путча: «Послушайте, я же нигде не видел Лукашенко! Ни в действии, ни в высказываниях. То есть он попросту куда-то исчез!».

Причины поразившего профессора Шушкевича «склероза» мне не вполне понятны. Ибо даже по стенограмме сессии видно, что на самом деле депутат Лукашенко вел себя чрезвычайно активно:

«Уважаемый Николай Иванович[47], вы помните заседание Президиума 20 августа, когда я вам задал вопрос? Я повторю его. Почему вы, будучи соратником Президента Горбачева, в трудный для него момент продали этого человека?»

Вторая цитата: во время путча, по словам Лукашенко, «районный отдел внутренних дел, все сотрудники… уже потирали руки, писали списки и заявляли, кого же они повесят в первую очередь»[48]. То есть, не исчезал никуда Лукашенко: понимал, что в списках этих мог и он оказаться — как самый что ни на есть рьяный перестройщик.

Однако в другом случае память Станиславу Шушкевичу не изменяет. В момент голосования по вопросу ратификации так называемых Вискулевских (Беловежских) соглашений, подписанных президентами России, Украины и самим Шушкевичем, уже ставшим председателем Верховного Совета Республики Беларусь, Лукашенко просто не было в зале. Как ни старается его биограф выделить Лукашенко из числа депутатов, уверяя нас, что «только один из них набрался смелости и сказал свое твердое "нет!"»[49], у него ничего не получается.

«Всем известно и протокольно зафиксировано, — утверждает Шушкевич, — его не было при голосовании. Я думаю, это вариант изворотливости и сверхчутья к опасности. Его не было. Его просто не было в зале! Все ведь знают, что против выступал один только Тихиня»[50].

Да, Лукашенко появился в зале уже после голосования. Как видим, и в речах, и в поведении особой последовательностью наш герой не отличался. Хотя, может быть, в этом и есть отличительная особенность — если не одна из причин — его последовательного восхождения?

«Ребята, идите к нам!»

Однако Лукашенко всегда твердо знал, чего хочет. Одновременно с запретом деятельности компартии депутаты Верховного Совета попытались запретить и деятельность белорусского комсомола, но в суете внесли упоминание о ЛКСМБ только в один пункт — тот, который касался запрета на пользование партийной и комсомольской собственностью. Таким образом, организация была как бы прихлопнута, но продолжала существовать. Как уже говорилось, я работал тогда секретарем ЦК комсомола Беларуси. В последние дни сентября нам удалось собрать пленум ЦК, чтобы обсудить вопросы дальнейшего существования организации.

На этот пленум не пришел ни один из депутатов, когда-то выдвинутых в парламент комсомолом. Но зато пришел Александр Лукашенко.

Мне кажется, это запомнилось всем.

Он вышел к трибуне, огромный, сильный, вполне уверенный в себе. Речь сумбурна, но смысл ясен: ребята, вас обидели зря. Ни к какому путчу вы не имеете отношения. Идите к нам, становитесь молодежным резервом группы «Коммунисты за демократию». Мы вас защитим, поддержим. Родине нужна сильная молодежная организация.

Его провожали овациями. И это понятно: он, как всегда, говорил то, что все хотели услышать.

Правда, потом взял слово второй секретарь Гродненского обкома комсомола Анатолий Козелецкий. Вот, сказал Толя, пришел умный человек, который понимает, что молодежная организация нужна. Но он считает, что она нужна — ему. Он думает о будущем — своем. Мы должны подумать о своем. Мы не можем продаваться первому встречному политику…

Лукашенко ушел с пленума, не дождавшись его конца. Он-то знал, что его речь будет опубликована в газете «Знамя юности» — одной из самых тиражных в тот период.

Собственную задачу минимум здесь он выполнил — засвидетельствовал публично свою внимание к молодежи. Восхитил слушателей, которые разъехались по республике, чтобы транслировать его слова. Конечно, это только минимум: никаких решений но его речи не принималось, и структуру, способную, например, собирать подписи для выдвижения его в президенты, он пока не заполучил. Но Лукашенко вовсе не выглядел расстроенным. Он умел ждать.

Тем более что президентского поста в Беларуси еще и не было…

Глава четвертая. «Молодые волки» сбиваются в стаю

Кто защитит демократию?

Как ни парадоксально, впервые о целесообразности введения президентства в Беларуси заговорили коммунисты — причем в 1991 году. К очередной сессии Верховного Совета ЦК КПБ готовит пакет законопроектов: о введении поста Президента Беларуси и выборах Президента тут же на сессии. А заодно и о правовом режиме чрезвычайного положения.

Таким образом, первый секретарь ЦК Малофеев рассчитывал стать на этой сессии президентом, ввести в Беларуси чрезвычайное положение и «навести в республике порядок». Иными словами, решительно покончить с оппозицией, возможно, заодно сместить Кебича и приструнить умеренных реформаторов.

Разумеется, это не могло устроить никого из остальных игроков. С таким президентством власть переходила бы в руки нелюбимого всеми ЦК КПБ — то есть, тех, кто ее так бездарно уронил в 1990 году.

В первую очередь это не устраивало Александра Лукашенко.

И вот 25 мая 1991 года в «Народной газете» (печатном органе парламента — самом тиражном и популярном тогда издании) появляется статья депутата Александра Лукашенко «Диктатура: белорусский вариант?».

«Программа (речь идет о программе ЦК КПБ и правительства, в которую входили и названные выше законопроекты. — *А. Ф.*) … противоречива, идея рынка в ней дискредитируется и исключается методами ее реализации…

…Где свобода предпринимательства? Где свобода установления цен? Голого администрирования мы уже наелись, когда зафиксировали цены в сельском хозяйстве и превратили эту отрасль в ничто.

…Экономический популизм. Зарплату увеличим в два раза. Всех защитим (правда, неизвестно, от кого?). Кстати, за счет чего? За счет падения производства, за счет десятков тонн не подкрепленных товарами "пустых" денег? К чему это ведет?

Явно к инфляции, к нищете. Если это попытка погасить массовое недовольство и протянуть на своих должностях несколько лет — тогда понятно. Если это политика, то, я считаю, она антинародная.

…Да, сегодня крестьяне не бастуют. Они поставлены в такие условия, что бастовать не могут. Поэтому та политика, которая долгие годы проводится, привела к обнищанию деревни. В программе же ни слова нет о частной собственности на землю наравне с государственной.

…Мораторий па повышение розничных цен ставит крест на

либерализации цен… А в завершение: в целях повышения исполнительской дисциплины (непонятно, какой исполнительской дисциплины?) и ответственности предоставить Совмину право чрезвычайных мер: назначать и смещать руководителей министерств, ведомств, исполнительных органов власти, предприятий и организаций…»

И далее:

«Вывод один: налицо белорусский вариант диктатуры в экономике и в политике».

После чего следует заключительный аккорд:

«…Снова и снова убеждаюсь, что, решившись шесть лет назад на перестройку и демократизацию общества, надо было начинать с людей, душой и сердцем поддержавших новое. А мы хотели совершить перемены руками тех, кто довел страну до ручки. Увидев, чем грозит это новое, сегодня они, используя трудности и хаос, которые сами же и создали (ведь смотрите: у нас в Белоруссии нет нигде у руководства новых сил, везде кадры тех "золотых" лет), убеждают своей пропагандой, что к этому привели демократы»[51].

Это уже не просто газетная статья. Здесь — позиция. Причем позиция политика, чувствующего пульс времени, понимающего, чего от него ждут. А вот заявление депутата Лукашенко при обсуждении на сессии законопроекта «О правовом статусе чрезвычайного положения»:

«Простите, товарищи, но я за этот законопроект голосовать не буду. Меня сюда люди выбирали не для того, чтобы я голосовал за законы, по которым людей завтра посадят в тюрьму»[52].

Снова Лукашенко уловил момент, попал в струю. Как и положено политику, стремящемуся к власти, он внимательно всматривался и вслушивался во все происходившее вокруг. Он видел, что идея ЦК КПБ изначально обречена на поражение, поэтому с такой откровенной смелостью и бросился в бой.

И оказался прав — предложение коммунистов на сессии с треском проваливается. А сам Лукашенко остается в выигрыше. Причем дважды. Во-первых, вновь смог заявить о себе. Во-вторых — и за это уже он должен был благодарить побежденный ЦК КПБ, — идея превращения БССР в президентскую республику была сформулирована и озвучена. А значит, вброшена в общественное сознание.

КПБ начинает и проигрывает

Что же произошло с Верховным Советом 12-го созыва после

того, как деятельность КПБ была приостановлена решением его партийного большинства?

Как мы помним, первого секретаря ЦК КПБ Малофеева согнали с парламентской трибуны, и он — подчинился! Секретарь ЦК Тихиня, спасенный от толпы дружинниками БНФ, лежал в больнице с сердечным приступом.

Партийное большинство в Верховном Совете оказалось обезглавленным.

Тогда и вспомнили, что советскую номенклатуру всегда именовали «партийно-хозяйственной». И премьер-министр Вячеслав Кебич, и почти все председатели облисполкомов были депутатами Верховного Совета Беларуси. На них теперь и готово было ориентироваться партийное большинство как на последнюю надежду удержать власть.

Но хозяйственники-то терпеть не могли партийное руководство!

Ведь именно ими командовали из партийных комитетов, они были вынуждены исполнять решения пленумов и съездов. Именно они отвечали за уровень жизни, который от всей этой партийной дури стремительно падал. Сейчас, когда после путча партийная власть рушилась, глупо было этим не воспользоваться, чтобы, что называется, за все унижения расплатиться. И сдать цековцев со всеми потрохами…

Двадцать шестого августа 1991 года правительство БССР во главе с председателем Совета Министров заявило… о своем выходе из коммунистической партии.

Таким образом, «советские хозяйственники» (совместно с оппозицией БНФ) похоронили КПБ[53]. Оказалось, можно жить без бесконечных «накачек» па совещаниях в обкомах и ЦК.

Советские до мозга костей хозяйственники, пожалуй, даже были благодарны Позняку за его антикоммунизм, и если бы Зенон Станиславович тут приостановился, не требуя поголовного изгнания бывших коммунистов из исполнительной власти, они носили бы его на руках. Возможно, даже кем-нибудь избрали бы! Но история не знает сослагательного наклонения, а приостанавливаться, «почувствовав момент», лидер БНФ никогда не умел…

Все недовольны «беспартийным» Шушкевичем

После добровольной отставки спикера Николая Дементея никого на его место сразу избрать не смогли. Ни Шушкевич, ни Кебич не набирали нужного большинства голосов. И тут опыт прожженного аппаратчика подсказал Кебичу единственное верное

в тот момент решение: снять свою кандидатуру. Есть правительство, вот оно и будет править. И Кебич остался премьер-министром.

Председателем Верховного Совета Беларуси стал Станислав Шушкевич.

Беспартийный спикер (партийность бывшего члена парткома Белорусского государственного университета исчезла как-то сама собой) — это было совсем ново. Но как раз беспартийность ему крупно помешала.

Дело в том, что формально он был ставленником демократического крыла Верховного Совета. А по сути же его избрали в результате компромисса парламентского большинства с… самим же парламентским большинством.

Парламентское большинство, согласившееся на двухголовую модель управления государством (Шушкевич + Кебич = руководство страны), считало, что оно имеет право требовать от Шушкевича бесконечной благодарности и лояльности к себе. Шушкевич же занял принципиальную позицию: он — председатель всего Верховного Совета и должен руководить им, учитывая все точки зрения.

Надо ли говорить, что такая «принципиальность» неизбежно вызвала недовольство второй по численности группы влияния — парламентской оппозиции БНФ. Фронтовцы во главе с Позняком заявляли, что Шушкевич предаст национальные интересы, пытаясь опираться на старое номенклатурное большинство парламента.

Недовольство дошло до того, что Шушкевичу даже отказали в интеллектуальной поддержке: он просил для себя советников из числа фронтовских интеллектуалов (в частности, речь шла о заместителе Позняка — молодом оппозиционном деятеле Винцуке Вечерко[54]). Позняк не мог допустить, чтобы его однопартийны работали на чей-либо авторитет, кроме авторитета самого лидера БНФ. Тем более что формально Шушкевич занимал в Верховном Совете ту нишу, на которую претендовал сам Позняк[55].

Была и третья группа недовольных. Парламентская молодежь, молодые депутаты во главе с двумя уже знакомыми читателю юристами — председателем комиссии по законодательству Дмитрием Булаховым и кандидатом наук Виктором Гончаром. Дмитрий Булахов откровенно претендовал на парламентское лидерство, что не могло не раздражать номенклатурное большинство. Блестящий оратор, Гончар, пожалуй, ему в амбициях не уступал, а логикой и убедительностью превосходил.

И журналистки даже спорили между собой, кто именно — Дима или Витя — имеет шанс стать первым президентом разом ставшей суверенной страны.

Этим лидерам новой политической элиты казалось, что Шушкевич должен сделать ставку на них. Но Шушкевич этого не хотел. Будучи политическим новичком, опираться на таких же, только более молодых и амбициозных, он не собирался. Потому что сам задумывался о возможности участия в президентских выборах.

Новое поколение ищет «таран»

О Лукашенко как о возможном претенденте на президентский пост тогда мало кто думал.

Гончар и Булахов — думали.

Они точно знали, что нужен таран, силы которого хватило бы, чтобы снести старую посткоммунистическую систему и привести к власти — их. Разумеется, речь шла о новой генерации политиков, и предполагалось, что уж эта генерация «наведет порядок» и сумеет провести реформы в Беларуси.

Гончар и Булахов, видимо, понимали, что непосредственное разрушение старой властной структуры, расчистка, что называется, «политического пространства» — работа черновая и даже грязная. Сами они не то чтобы брезговали такой работой, но в силу личностных особенностей были на нее не способны. И вместе с тем они понимали, что такой демагог-популист как Лукашенко и есть нужная фигура. Во всяком случае, с ролью «тарана» справится.

Вспоминает депутат Анатолий Лебедько:

«Четко проходил водораздел: вот те, кто хотели двигаться вперед, разрушить ненавистное старое, и те, кто мешал этому процессу. Если почитать прессу или стенограмму сессий, легко увидеть, что основной помехой тогда считалась партия власти и ее номенклатура. Кебич как исконно партийный продукт и его окружение казались главным препятствием. Всем казалось, что достаточно отстранить эту старую номенклатуру, и движение будет очень быстрым».

В стоявшей у власти посткоммунистической команде не было места для молодых. В принципе — не было. Те, кто по возрасту не успел дорасти до уровня секретаря обкома или горкома партии, кто не был представлен лично Кебичу, могли мало на что рассчитывать. Опытный функционер требовал от соратников опыта, а где же его по молодости возьмешь?

К тому же у Кебича было старое представление о власти: если

человек туда рвется, значит, ему что-то нужно. Что? Ведь каждый способен удовлетвориться чем-то небольшим, пределом мечтаний может быть должность, награда, звание, премия. Помоги человеку осуществить мечту — и он перестанет требовать власти. Иногда получалось неплохо. Как анекдот рассказывают: видный деятель оппозиции, бывший бухгалтер, претендовавший чуть ли не на пост министра финансов в «будущем правительстве народного доверия», ходил в кабинет премьера и часами втолковывал ему, что и сам Кебич, и его правительство ничего не понимают в реформе финансовой системы страны. В какой-то момент Кебичу это надоело. Премьер перегнулся через стол и, ласково глядя в глаза оппозиционеру, спросил: «Юра, может, вам квартира нужна? Вы скажите…» После этого экс-бухгалтер главу правительства не тревожил: говорят, квартиру получил…

Но Гончар и Булахов хотели большего. Не квартиры были им нужны. Им хотелось управлять страной, обладать всей полнотой власти.

Того же хотел Лукашенко. «Уже тогда было явно видно, что Лукашенко жаждет власти, — говорит Петр Кравченко. — Как шестнадцатилетний юноша хочет близости с женщиной, так и Лукашенко всеми фибрами души, каждой клеточкой своего организма возжелал власть как таковую. Ибо власть для него была наслаждение, в определенном смысле как самоцель и как наслаждение материальными благами».

Вспоминает Станислав Шушкевич:

«Это было сразу после истории с огурцами, которые он мне привез. Лето 1990 года, самое огуречное время. А у меня как раз тогда жена уехала, и я был дома один в своей двухкомнатке на Одоевского[56]. Вечером ко мне приехали Гончар и Лукашенко. Они хотели повышения, должностей, дела и — брать власть. Я все интересовался: ради чего? Какая цель? Что будем делать? Почему таким вот сообществом? Почему не шире, не опираясь на более серьезные политические силы? Они соглашались, что никакой опоры у них нет, но вот, мол, власть валяется, помоги ее поднять, продвинь ты нас, ради бога, приложи усилия…»

«Власть валяется» — значит, слабая власть, не умеет защищаться, не умеет работать сама на себя. А так, по мнению «волков», быть не должно. Власть нужно поднять из-под ног, почистить и взять в свои руки — железной хваткой, чтобы уже никому не отдавать.

Здесь нам важнее всего то, что Гончар пришел к Шушкевичу не один, не с Булаховым или кем-то еще из «молодых волков», а именно с Лукашенко. И Лукашенко, которого Шушкевич приглашал поговорить вдвоем (в качестве ответной любезности за

огурцы), пришел не один, а с Гончаром. Но Шушкевич никакой опасности для себя не ощутил и никакого «тарана» в Лукашенко не увидел.

А напрасно. «Волки» почувствовали запах власти и начали сбиваться в стаю. И к Шушкевичу в тот вечер приехали два вожака, одному из которых предстояло захватить всю добычу.

Всем сестрам по серьгам

«Молодые волки» хотели власти. Искренне. Не скрывая того.

Они только не решили в тот момент, что такое — власть. Они этого еще не знали.

Кебич, что такое власть, — знал. И, оставшись премьером, умело провел негласное разделение сфер влияния между правительством, Верховным Советом в лице его председателя и оппозицией. Оставив за Советом Министров основу любой власти — экономику.

Правительство занялось своим любимым делом. Оно управляло государственной собственностью, распределяло фонды (вернее, то, что от них осталось) и деньги. Властью было право чиновника выдать лицензию, наложить визу, санкционировать… Что? Любые экономические действия частника. А частник был готов платить, только бы обойти конкурента и стать монополистом. Люди наживали состояния, и те, кто регламентировал этот процесс, зарабатывали вместе с ними. Шло первичное накопление капитала…

Шушкевич и оппозиция фактически не контролировали ничего.

Шушкевичу отводились представительские функции и вопросы «демократизации» общества и государства. Это, собственно, и было бы его компетенцией, и Шушкевич удовольствовался бы этим. Но Верховный Совет все-таки считал себя главным органом государственной власти. Поэтому депутаты возлагали на Шушкевича ответственность за все происходившее в государстве.

Ситуацию усложняли бесконечные интриги и козни спецслужб. И можно представить, сколько неприятностей все это добавляло отнюдь не искушенному тогда в аппаратных играх профессору физики[57].

Что до парламентской оппозиции, к которой, по мнению большинства, примыкал и Шушкевич, то ей отдали на откуп все, что касалось образования, культуры и вопросов исторического наследия и государственности. В частности, оппозиция

осуществляла контроль за соблюдением принятого Верховным Советом 11-го созыва Закона «О языках». Надо сказать, что соблюдения закона строжайше требовало правительство. Чиновники на местах и в министерствах получали соответствующие директивы от начальства, крайне заинтересованного в том, чтобы национально озабоченная интеллигенция чем-нибудь занималась и не вмешивалась в экономику.

Работы действительно хватало. Русскоязычная часть общества оказалась совершенно не готовой к поголовной «белорусизации», поэтому руководители комиссии по образованию и культуре — поэт Нил Гилевич, историк Олег Трусов и заместитель Зенона Позняка переводчик Левон Борщевский — воспринимались на местах (особенно в вузах) как «комиссары в пыльных шлемах», прибывшие расстрелять тех, кто не в состоянии читать курсы физики или микрохирургии глаза на государственном белорусском языке. Это вряд ли соответствовало истине, но перепуганной педагогической общественности было не до нюансов.

Чтобы понять дальнейшее, необходимо пояснение.

Культурно-генетическую память о прежних временах у белорусов вышибли еще в эпоху великих сталинских чисток. Сегодня трудно назвать, кого из белорусских интеллигентов 20-30-х годов не коснулись репрессии. Янка Купала, великий романтический поэт белорусского народа, не только смирил свой талант, но даже в порыве отчаяния дважды пытался покончить с собой — во второй раз, увы, у него это получилось. Сослано, расстреляно, сгноено в тюрьмах и лагерях больше двух третей белорусских писателей.

Уходили из жизни носители белорусского языка и белорусской культуры. Белорусское слово выводилось из употребления, а на смену ему шла «тросянка» — так в Беларуси называют аналог украинского «суржика» — не белорусский и не русский язык, говор-самосей, подчиняющийся собственной воле, как сорняк, выросший на грядке. «Тросянка» не знает ни фонетических, ни грамматических законов, а потому культурными людьми — и русскими, и белорусами — воспринимается как символ абсолютной безграмотности.

Шаг за шагом Беларусь, на протяжении последних двухсот лет своего существования не только лишенная государственности, но и подвергавшаяся то полонизации, то русификации, лишалась главного признака национальной идентичности — языкового.

Теперь и непосвященному понятно, почему «революционные» попытки депутатов возродить языковую культуру собственного народа наталкивались на ожесточенное сопротивление, как будто насаждалось что-то не забытое даже, а вовсе чуждое. И хотя практическую работу по реализации «программы национального возрождения» должна была вести исполнительная власть, подчинявшаяся Вячеславу Кебичу, политическую ответственность за «национализацию» пришлось взять на себя именно оппозиции.

Таким образом, все были при деле. Правительство правило, Шушкевич представительствовал и пытался распутывать клубки интриг, оппозиция сражалась за родной язык и национальное самосознание… Одновременно все увлеченно занимались парламентскими интригами.

Ничего не досталось только «молодым волкам». Вообще ничего, кроме свободного микрофона в Овальном зале. Они могли выступать сколько угодно — их слушали с нескрываемой иронией и принимали «на ура» лишь тогда, когда «волки» откровенно перебегали на чью-нибудь сторону. Как это было, когда они примкнули к Шушкевичу в истории с несостоявшимся референдумом.

Референдум первый, несостоявшийся

С инициативой провести референдум по роспуску Верховного Совета вышла парламентская оппозиция БНФ: Позняк был уверен, что, победив на досрочных выборах, можно будет сформировать парламентское большинство из числа членов БНФ и его сторонников.

Восемнадцатого декабря 1991 года в Минске с рабочим визитом побывал государственный секретарь США Джеймс Бейкер. Главной целью его визита были гарантии контроля за ядерным оружием, унаследованным Беларусью от СССР в результате Беловежских соглашений. Вместе с тем визит госсекретаря США стал знаком фактического признания суверенитета белорусского государства. Это оппозицию и подстегнуло.

Накануне визита Бейкера командой Позняка была развернута кампания по дискредитации правительства Кебича. За правительство вступилось парламентское большинство. Совет Министров опубликовал «Заявление» с изложением своей позиции по основным вопросам политической и экономической жизни в стране. Это была вполне рыночная, хотя и умеренная программа.

Но страсти не утихли. И после визита Бейкера противостояние парламентского большинства, поддерживающего правительство, и оппозиции БНФ продолжались. Это понятно: ведь теперь речь шла о реальной власти над реальным государством, а не над квазигосударственным образованием, каковым являлись республики в составе Советского Союза.

И вот 23 февраля 1992 года сформированная БНФ инициативная группа начинала сбор подписей граждан в поддержку проведения референдума. В короткие сроки активисты Народного фронта собрали свыше 440 тысяч подписей.

Лично Вячеслав Кебич угрозы референдума не испугался. Правительство продолжало работать, вести консультации с оппозицией. Премьер считал, что находится на пике популярности, оценивая свои шансы, был уверен, что даже в случае досрочных выборов останется главным претендентом на пост руководителя правительства.

Зато инициатива референдума всерьез напугала парламентское большинство. Только-только депутатский мандат начал давать реальную власть — и теперь с ним расставаться?!

Не был заинтересован в досрочных выборах и Шушкевич. Он хорошо понимал, что того компромисса, благодаря которому он стал номинальным главой белорусского государства, больше не будет. Кто бы ни победил на предстоящих выборах, Шушкевич вряд ли прошел бы в председатели Верховного Совета.

Но новый спикер был уже далеко не просто скромным профессором физики БГУ. Годы депутатства в Москве, да и в белорусском Верховном Совете не прошли бесследно. Недаром своим «великим» учителем он считает бывшего председателя Верховного Совета СССР, а потом узника «Матросской тишины» Лукьянова: «У него я научился манипулировать Верховным Советом».

Шушкевичу удалось невероятное — он сумел на какое-то время сплотить вокруг себя не только проправительственную фракцию «Беларусь», но и «молодых волков». Основной удар принял на себя Дмитрий Булахов, убедительно — для большинства — изложивший, почему референдум проводить не следует.

Естественно, что после такого любой компромисс между оппозицией и «волчьей стаей» Гончара с Булаховым стал невозможен.

Стая выбирает вожака

А что же Лукашенко? Играл ли он в этот период сколько-

нибудь заметную роль среди «молодых волков»?

Станислав Шушкевич считает, что нет.

«Он смотрел в рот Гончару и кивал на каждое его слово, как бы подтверждая, что все будет делать, что говорит Гончар», — вспоминает Шушкевич ту самую встречу в двухкомнатной квартире на улице Одоевского.

Шушкевич и ошибся, и не ошибся. Да, сам Лукашенко еще не играл особой роли, но на него играли другие. Как уже говорилось, «молодые волки» тогда собирались использовать Лукашенко лишь в качестве тарана — чтобы сломать старую машину исполнительной власти и взять власть в свои руки. Пока еще — в союзе с Шушкевичем. Идея принадлежала Виктору Гончару.

Их коллега по парламенту Леонид Синицын сегодня осмысливает ситуацию так:

«В стране практически была анархия. Старая власть не знала, куда двигаться. Нужен был тот, кто возьмет эту власть. Я, например, тогда абсолютно ясно видел, что ресурс легитимного насилия в обществе растет. И под этот ресурс явно появился лидер такого склада — Лукашенко».

Ему вторит Анатолий Лебедько:

«Тогда Лукашенко и его шансы стать во главе команды смотрелись предпочтительнее любой иной из кандидатур».

Таким образом, «молодые волки» сходились в главном: власть валяется и ее надо взять. Выставить вперед лучше всего Лукашенко.

Шушкевич понял их слишком хорошо, почему и отказался от дальнейшего сотрудничества.

Теперь пришла пора задуматься над тем, кто же они такие — «молодые волки»?

У каждого в группе была своя четко определенная функция.

Виктор Гончар был ее лицом. Красивый, не достигший еще сорока лет (они все тогда еще не достигли сорока лет и годились некоторым членам правительства Кебича в сыновья), Гончар был крайне эффектен, когда выходил к микрофону. Седовласым председателям колхозов он объяснял, почему голосовать нужно так, а не иначе, сыпал ссылками на законодательные акты, в результате те готовы были проголосовать если не за все, то за многое.

Дмитрий Булахов не обладал блестящей логикой Гончара, но был хорошо подготовлен к должности председателя комиссии по законодательству своей деятельностью в прокуратуре. Допросы, как и спектакли на любительской сцене, учат чувствовать

партнера. Поэтому они с Гончаром работали в паре. Если нужный закон не проходил, а у докладывавшего Булахова не хватало аргументов, к микрофону в партере подходил Гончар, который добавлял то, что забыл либо не успел сказать коллега. Поскольку Булахов при этом проводил кулуарную работу среди председателей других комиссий, закон, как правило, принимался.

Судя по всему, Булахов и Гончар кандидатуру на роль тарана подбирали долго. Одно время таким кандидатом они считали Геннадия Карпенко, председателя постоянной комиссии по науке и научно-техническому прогрессу — доктора технических наук, лауреата Государственной премии БССР, бывшего директора Молодечненского завода порошковой металлургии[58]. Однако в какой-то момент им показалось, что Карпенко с этой ролью не справится — слишком вял. И тогда они нашли Лукашенко: более амбициозного, гораздо более работоспособного, и главное — твердо знающего, что второго шанса у него не будет, а потому, как он сам любил выражаться в те времена, «отвязанного», то есть, абсолютно раскрепощенного и не связанного никакими личными и моральными обязательствами.

О роли Леонида Синицына они, вероятно, не догадывались. Знали, конечно, что есть такой депутат, не красующийся у микрофона, но почему-то пользующийся уважением «их кандидата». А Синицын между тем уверен, что именно в разговоре с ним, еще в 1991 году, родилась идея будущего президентства Лукашенко, когда и был впервые намечен путь к достижению этой, тогда пока еще запредельной и немыслимой для нашего героя, цели.

Так ли было на самом деле или не совсем так, судить трудно. Писатель-публицист Евгений Будинас, например, утверждает, что автором идеи лукашенковского президенства, впервые предложившим ее нашему герою, был все-таки Виктор Гончар. Но свет на то, почему Синицын и Лукашенко так быстро нашли общий язык, признание Леонида Синицына проливает.

Была и еще одна причина для сближения. Синицын умел, не выступая на первый план, аккуратно «провести свою линию» среди депутатов, что не мог не оценить Лукашенко. Так же как он не мог не понять, что Синицын обладает несомненными организаторскими способностями, в чем ни один, ни второй из уже известных читателю юристов не мог с ним сравниться.

До середины 1993 года Гончар и Булахов двигались с Синицыным практически параллельно. Была пока только общая цель: «поднять власть из грязи» со всеми вытекающими последствиями.

Вокруг «лежащей в грязи власти» стояли Кебич, Шушкевич и Позняк. Всем вокруг казалось, что вожделенную ставку разыграют именно эти три человека. Хотя бы потому, что Кебич контролировал административный ресурс, Шушкевич уже был номинальным главой государства, а потому мог сплотить вокруг себя ту номенклатуру, которая почему-либо была недовольна Кебичем. Позняк же руководил единственной разветвленной политической партией, способной собрать необходимое число подписей и провести полноценную агитационную кампанию[59].

Нужно было дождаться момента, когда они начнут топить друг друга, чтобы вклиниться между ними и выиграть, используя их в качестве крайне выгодного фона. И тогда Лукашенко, уже входящий в десятку наиболее популярных людей в Беларуси, получал шанс стать не только первым, но и единственным кандидатом на президентский пост…

Которого все еще не было. Значит, его следовало ввести. Но сначала разобраться с соперниками.

Расстановка сил перед схваткой

Итак, остаются три основных соперника, один из которых, впрочем, соперником не выглядит. Зенопа Позняка слишком легко скомпрометировать во мнении русскоязычной части белорусского общества: парламентская оппозиция БНФ вся в борьбе за полноценную реализацию Закона «О языках».

Это и стало одним из основных лейтмотивов будущей избирательной кампании Александра Лукашенко[60]. Поскольку языковая программа была единственным, за что Фронт нес в глазах электората хоть какую-то ответственность, Позняка били по «национальному вопросу»[61]. Лукашенко сумел использовать идею государственного двуязычия и, благодаря этому, получить поддержку тех, кто боялся превращения БССР в национальное (в понимании Позняка) государство.

Оставались два соперника, казавшиеся в тот момент практически неустранимыми, — спикер парламента Станислав Шушкевич и премьер-министр Вячеслав Кебич. Внешне у них были почти идеальные отношения. На самом деле они уже знали, что они — соперники.

Однажды в частной беседе госсекретарь в правительстве Кебича, «правая рука» премьера Геннадий Данилов, бывший одним из ключевых политических игроков описываемого времени, сказал мне:

— Все-таки зря мы тогда убрали Шушкевича. С ним можно было работать.

Вероятно, он не договорил до конца свою мысль. Нужно было добавить: «И зря ввели президентский пост».

Но Кебич охотно согласился с введением президентского поста в Беларуси. А поскольку правительство де-факто контролировало большинство депутатского корпуса, этот вопрос можно было считать предрешенным. Нужно было лишь убрать основного соперника, которым тогда считался Шушкевич.

«Мы часто беседовали с Кебичем, — вспоминает тот. — И как бы мы ни противоречили друг другу в политической линии, в политической направленности действий, я всегда понимал, что в плане человеческом это умный человек».

Вероятно, то же самое Кебич думает — особенно сейчас — и о своем тогдашнем оппоненте. Тогда он — по-моему, это очевидно, — думал по-другому. Об этом свидетельствует депутат Валерий Павлов, тогда первый заместитель начальника управления в аппарате правительства:

«Кебич недолюбливал, причем однозначно недолюбливал Шушкевича. Это проявлялось во всем.

Мы, например, с Кебичем говорим на русском языке, раздается звонок по "прямой линии" Шушкевича, премьер переходит на белорусский язык и демонстративно старается как можно быстрее закончить эту болтовню».

Было соперничество и в окружении обоих лидеров. Все они оказывались обреченными встретиться в «схватке бульдогов под ковром». Вызревала главная тема этих подковерных схваток.

Разумеется, этой темой была тема коррупции.

Схватка начинается: Лукашенко нашли работу

Тема возникла несколько раньше. Первая парламентская комиссия по борьбе с коррупцией была создана в 1990 году. Комиссия ничем особенным себя не проявила — быть может, именно потому, что никто в тот момент не был заинтересован в широком раскручивании этой темы.

Затем ее подхватил Белорусский народный фронт. Свидетельствует Валентин Голубев:

«Эта тема постоянно превалировала у Позняка. Но к большинству высказываний Позняка и Народного фронта в Верховном Совете относились со скепсисом или недоверием. И к его постоянному нагнетанию ситуации — все, мол, крадут, крадут, крадут, все ворюги, ворюги, ворюги — мы привыкли. Еще на этой теме пытался набирать очки депутат-рабочий Сергей Антончик[62]. А у большинства членов оппозиции стремления копаться в чьей-то личной жизни, в чьем-то белье не было.

Зенон Позняк считал, что, критикуя власть, показывая ее продажность, он власть подрывает, набирая очки в свою пользу. В то, что власть крадет, люди, конечно, верили. Но в лице Позняка далеко не все видели защитника, человека, который может сделать лучше». Говорит Станислав Шушкевич:

«То, что берут взятки, было ясно. Я был тогда, можно сказать, организационным романтиком, мне казалось, что это можно пресечь в корне. Но я думал, что лучше всего это может сделать парламентская комиссия. И поэтому я считал, что такая комиссия нужна».

Именно Станислав Шушкевич после того, как в очередной раз тема борьбы с коррупцией была озвучена на заседании Верховного Совета, публично высказал идею создания временной парламентской комиссии по борьбе с этим злом.

Связано это было с тем, что «Народная газета»[63] неожиданно напечатала статью о том, что супруга премьер-министра Елена Кебич якобы пролоббировала закупку большой партии оправ для очков по завышенной цене. Последовавшее за скандалом служебное расследование продемонстрировало ее полную невиновность.

Но дело было сделано: тема коррупции вброшена на политическое поле. Никого не интересовала виновность либо невиновность жены премьера, всеобщее внимание привлекала сама тема. Четвертого июня 1993 года Верховный Совет создал Временную комиссию для изучения деятельности коммерческих структур, которые действуют при республиканских и местных органах власти и управления. Постановление об этом как и положено по должности, подписал Станислав Шушкевич.

По предложению Анатолия Лебедько председателем комиссии избирается Александр Лукашенко. Шушкевич его кандидатуру поддержал. Вот как он аргументировал это свое решение пять лет спустя:

«Оседлать тему коррупции Лукашенко было легче, чем Фронту: он по природе своей обязан был быть лично коррумпированным, как директор совхоза. Не потому, что именно он, а любой директор совхоза знал механизмы на себе. Во Фронте таких людей не было»[64].

Поддержка кандидатуры Лукашенко со стороны спикера парламента была весьма решительной и даже резкой:

Вот как вспоминает об этом тогдашний коллега Лукашенко по комиссии Сергей Антончик:

«Есть две версии по поводу того, почему Шушкевич повел себя так. Согласно первой, он действовал спонтанно. Согласно второй версии, с помощью Лукашенко он хотел укрепить свои

позиции в Верховном Совете. Ведь за Лукашенко стояла группа людей — Гончар и другие»[65].

Вторая версия кажется более убедительной. Но вернемся к тому, о чем говорит Шушкевич: «Глупостью было, что отсутствовал закон или регламент для такой комиссии. Обязательно должен быть регламент».

«Организационный романтизм» дорого потом обойдется и Верховному Совету, и его председателю. Но тогда казалось, что главное — сделано: тема коррупции окончательно зафиксирована в общественном сознании, причем зафиксирована применительно к супруге премьер-министра. Счет 1 : 0 в пользу Станислава Шушкевича.

Так наш главный герой обретает, наконец, дело, определившее все в его судьбе. Из рук тех, кто в тот момент даже не задумывался над возможными последствиями…

Глава пятая. Драка бульдогов под ковром

На кону — российская карта

Президентского поста еще не было, но участники президентской гонки уже выстраивались на старте, как яхты перед регатой, пытаясь определить, куда будут дуть ветры, и прикидывая, под какими из них можно успешнее пройти дистанцию.

Лукашенко тоже выбирал ключевые идеи для своей будущей кампании.

Российская проблема маячила у нас на горизонте, кажется, всегда. Она осталась в наследство от Советского Союза вместе с гигантскими машиностроительными и нефтеперерабатывающими заводами. Напомним, что Беларусь была сборочным цехом в той технологической цепочке, которая задумывалась еще в 50-60-е годы. И СССР был для Беларуси не только некой геополитической общностью, но и главным поставщиком комплектующих, сырья — и, одновременно, едва ли не единственным рынком сбыта продукции наших сборочных гигантов.

Первым во внутриполитической борьбе оседлал российскую тематику Вячеслав Кебич. И тем самым фактически начинал кампанию борьбы за пост президента.

Кебича всегда отличала определенная трезвость в оценке экономической ситуации. Он понимал, что Россия заинтересована в экономическом союзе с Беларусью: кто же отказывается от конечного звена технологической цепочки! Разумеется, речь шла

не о возрождении СССР, а о тесном военно-политическом и экономическом союзе двух государств. Именно такую линию и проводит белорусский премьер-министр.

Первый шаг к союзу с Россией — присоединение Беларуси к Договору о коллективной безопасности стран СНГ — Кебич совершил несколько ранее. Договор этот был подписан его участниками в мае 1992 года, но номинальный глава государства, Станислав Шушкевич, вовсе не желая упускать бразды власти в пользу премьер-министра, упорно отказывался его подписывать от лица Беларуси. Он даже попытался напугать правительство и поддерживающее Кебича парламентское большинство референдумом по этому вопросу, зная, что по опросам общественного мнения 45 процентов населения настроены против участия страны в военном блоке, а поддерживают договор о коллективной безопасности только 38 процентов белорусов.

Но Кебич не испугался и сумел добиться от Верховного Совета положительного решения. И 9 апреля 1993 года 188 депутатскими голосами из 347 предложение о присоединении к Договору принимается. Для правительства это была принципиально важная победа.

Это тот случай, когда Станислав Шушкевич был вынужден апеллировать к парламентской оппозиции. Несмотря на то, что отношения с Позняком были уже безнадежно испорчены: Позняк сам видел маячивший впереди «приз» и не хотел сходить с дистанции ради Шушкевича.

Вспоминает Валентин Голубев:

«В то время, когда и в Прибалтике, и на юге Народные фронты и их лидеры пришли к власти, Позняка не выбрали даже председателем временной комиссии. А Шушкевич как человек, которого поддерживает БНФ, становится депутатом Верховного Совета БССР, потом заместителем председателя Верховного Совета… Так что поводов для ревности у Позняка хватало».

Ревность ревностью, но понятно, что, уж конечно, Позняк не намеревался прокладывать Шушкевичу путь к президентству. Поэтому оппозиция спикера не поддержала, и тот, почувствовав, что, продолжая упорствовать, может лишиться кресла Председателя Верховного Совета, 28 мая 1993 года все-таки подписал Договор о коллективной безопасности. И сразу же заметно потерял на этом очки, как всегда бывает с политиками, не проявившими достаточной твердости в проведении своей линии… Его упрямство усилило недовольство им парламентского большинства. Его слабость окончательно лишила его поддержки оппозиции.

Теперь Александру Лукашенко останется лишь сконцентрировать на нем удар — и номинальный глава белорусского государства будет вынужден покинуть свое кресло.

«Эрогенная зона» белорусской политики

Теперь на политическое поле выбрасывается карта экономического союза с Россией, в частности — идея единой валюты. Она оказалась настолько актуальной, а «рублевая зона», из которой Беларусь была вытолкнута реформами правительства Егора Гайдара, — настолько, я бы сказал, эрогенной, что даже при мысленном прикосновении к ней до сих пор вздрагивают все белорусские политики.

События начинают развиваться с невероятной быстротой после того, как 26 июля 1993 года Центробанк России принял решение о прекращении оборота советских рублей и денежных знаков Российской Федерации образца 1992 года. В ответ Национальный банк Беларуси по инициативе председателя Правления Нацбанка Станислава Богданкевича[66] направляет в Верховный Совет предложение о признании расчетных билетов Нацбанка («зайчиков», как их прозвали в народе) единым платежным средством на территории Беларуси. И ставит вопрос о целесообразности и необходимости введения собственной валюты.

Но логика экономической целесообразности сталкивается с политическим интересом. Избиратель ведь — не банкир, ему не объяснишь, что отложенные на черный день советские рубли давно уже обесценились. Народ помнит, что такое «настоящий» рубль, и не хочет верить «зайчикам». И идея возврата Беларуси в «рублевую зону» становится весьма выигрышной для Кебича. Тем более что Россия вроде бы не возражает…

Причем и тут встает вопрос об авторстве. И Кебич, и Шушкевич пытаются перетянуть на себя канат, чтобы предстать перед избирателями в роли авторов и проводников этой идеи.

Девятнадцатого августа Шушкевич, прервав отпуск, едет в Москву на встречу с президентом России Борисом Ельциным, после которой заявляет, что Беларусь «хотела бы быть в рублевой зоне».

А через две недели уже Кебич отправляется в Москву и подписывает со своим российским коллегой Виктором Черномырдиным соглашение об объединении денежных систем.

Но все неожиданно упирается в позицию главного белорусского банкира Станислава Богдапкевича, отдающего себе отчет в том, что в любом случае — и в случае успеха

объединения, и в случае его гораздо более вероятного неуспеха — отвечать придется Национальному банку Беларуси. Посему Богданкевич предпочитает строго следовать Конституции, в которой сказано, что единственным центром эмиссии денег на территории Беларуси является Национальный банк.

Но народу такие тонкости объяснить трудно.

Зато их сразу схватывает наш герой. Лукашенко понимает главное: ему выгодно это состязание двух соперников, затеявших процесс, заведомо не приводящий к результату. Чем меньше шансов и у Кебича, и у Шушкевича уломать строптивого банкира, тем легче упрекать их в слабости власти, которая не считается со своим народом. Ведь народ хочет вернуться к союзному рублю? Значит, нужно ему это обещать. А раз власть не в состоянии решить проблему — можно со всей ответственностью брать на себя обязательство решить ее[67].

Так, казалось бы, столь выигрышная идея становится прелюдией к проигрышу его противников.

Кто разрушил «Союз нерушимый»?

«Упрямство» Богданкевича, не соглашающегося визировать любые документы, ведущие Беларусь к отказу от возможности введения собственной полноценной валюты, побуждают «конкурирующие стороны» к поиску новых способов привлечь к себе внимание электората.

Окружение Кебича инициирует дискуссию о целесообразности Беловежских соглашений о денонсации Договора о создании СССР. Семнадцатого сентября 1993 года, выступая в Гомеле, Кебич говорит: «Я как человек, который не смог в Вискулях до конца спрогнозировать дальнейшую политическую ситуацию и на совести которого лежит груз ответственности перед своим народом, делаю все, чтобы не возродить Советский Союз (на мой взгляд, это практически невозможно), а создать его в обновленном виде».

Это чрезвычайно важный тезис: Кебич как бы признает, что в Вискулях он участвовал в процессе денонсации Союзного договора 1922 года, но, мол, не разобрался, не смог спрогнозировать последствия. Еще чуть-чуть — и он назвал бы все происшедшее в 1991 году ошибкой. Но в Москве набирает обороты прямое столкновение президента Бориса Ельцина с Верховным Советом. И поскольку белорусский премьер сразу соображает, кто именно имеет шанс выйти победителем из сложившегося противостояния, он тут же корректирует свою позицию: ведь под соглашением в Вискулях стоит и подпись

Ельцина. И 28 сентября 1993 года Кебич уже заявляет, что не считает «подписанные в Вискулях соглашения ошибкой».

Однако привлечь внимание к истории Беловежских соглашений — это значит неизбежно вызвать в общественном сознании и традиционный вопрос: кто именно виноват? В чем? Да во всем! В том, как плохо живется белорусскому народу. В нехватке денег. В том, что пропали годами копившиеся в Сберегательном банке сбережения. В дефиците продуктов и промтоваров. Ведь было же все совсем недавно — при коммунистах! Сейчас коммунистов нет. Кто виноват? И что с виновником сейчас делать?

Так вопрос целесообразности и правомерности Беловежских соглашений оказывается (на что и была сделана ставка) вопросом о личной ответственности Станислава Шушкевича за все, что происходит в стране. Ведь это он разрушил СССР, поставив свою подпись в Вискулях? Разумеется, он! Такое понятие, как «коллективная ответственность», не слишком популярно. «Кто *лично* виноват?» — это иное дело. Тут активность «широкой общественности» обеспечена…

А где широкая общественность, там обязательно и наш герой.

Оратору рукоплескали стоя

Лукашенко со своей антикоррупционной комиссией еще не появился на сцене, и до поры в роли «широкой общественности» выступает Партия коммунистов Беларуси (ПКБ), созданная на обломках некогда правившей Коммунистической партии Белоруссии. В декабре прошел ее учредительный съезд. Жесточайшая обструкция, которой подвергалась ПКБ с первых дней и со всех сторон, казалось бы, свидетельствует, что это дитя белорусской политической жизни было крайне неугодно и оппозиции, и власти.

Однако вскоре выяснилось, что представители власти на местах как раз в состоянии договариваться с «обновленными коммунистами». ПКБ повсеместно получила поддержку: новоявленным партийным функционерам их предшественники, успевшие пересесть в кресла исполкомовских начальников, предоставляли должности, работая на которых они могли тихо восстанавливать свои структуры. Кое-где этим восстановлением занимались и сами районные руководители, которые в душе надеялись, что «вся эта демократия» — ненадолго.

Но получить официальную поддержку правительства «обновленные» коммунисты в условиях многопартийной системы никак не могли: премьера и так мутило от плакатов с надписью

«Кебич — последняя надежда КПSS», которые постоянно появлялись в людных местах. Посему ПКБ было решено «упаковать» в несколько менее одиозные одеяния. Специально для этого в управлении аппарата Совета Министров, курировавшем спецслужбы и силовые ведомства, его шефом Геннадием Даниловым был найден подходящий, казалось бы, человек — подполковник запаса Сергей Гайдукевич[68]. Брюнет, лицом недурен, с неплохим послужным списком (ракетчик, много служил за пределами СССР, в том числе в Ираке и Ливии), Гайдукевич энергично бросился создавать «упаковку» для ПКБ.

Так появилась странная структура под названием «Народное движение Беларуси» — откровенный противовес Белорусскому народному фронту. В состав НДБ, кроме коммунистов, входил целый ряд разного рода карликовых организаций вроде Ассоциации писателей баталистов и маринистов, только-только зарождавшейся Либерально-демократической партии Беларуси, партии Славянский Собор «Белая Русь», возрожденного ЛКСМБ… Второй, кроме ПКБ, сколько-нибудь серьезной структурой, вошедшей в состав НДБ, стало проправительственное депутатское объединение «Беларусь» — это чтобы ни у кого не возникало никаких сомнений по поводу «правильной ориентации» движения.

Крупнейшей акцией, проведенной НДБ осенью 1993 года, стал Конгресс народов СССР, на который собралось невероятное количество разного рода политических пенсионеров во главе с памятным по перестройке партийным ортодоксом и реставратором коммунистических идей Ниной Андреевой, ставшей знаменитой после ее «Не могу поступиться принципами» — агрессивно антиперестроечной статьи в «Правде».

Лидеры БНФ были в ярости. И здание концертного зала «Минск», в котором проходило сие действо, было окружено двумя цепями — милицией, которая «партархив» охраняла, и возмущенными пикетчиками БНФ — с бело-красно-белыми флагами и антисоюзными и антикоммунистическими плакатами.

Состояние собравшихся в бывшем минском Доме политпросвещения можно понять. После распада СССР возникло огромное количество проблем, в первую очередь — экономического характера. Те, кто еще вчера жил относительно зажиточно, теперь чувствовали себя нищими. А в это время у них на глазах — особенно в России — сколачивались гигантские состояния, и «новые русские» беспардонно демонстрировали всем, кто теперь в доме хозяин. Росла, закипала «классовая» ненависть, укреплялась обида на тех, кто допустил всю эту

несправедливость. И главную причину всех несчастий они видели во встрече Ельцина, Шушкевича и Кравчука в Беловежской пуще. Собрались, мол, перепились — и развалили Союз нерушимый республик свободных! К ответу их!..

И кто же лучше всех это понял и стал «гвоздем» всего этого собрания?

Разумеется, Александр Лукашенко, снова, как и на комсомольском пленуме, использовавший «чужое» мероприятие в свою пользу. И теперь уж на всю катушку.

Его пламенная речь строилась на главном постулате. Была, мол, великая империя, создававшаяся тысячелетиями. Разрушили ее в одночасье. Сделали это в Беловежской пуще, действительно, чуть ли не по пьяному делу… Но есть вековая тяга народов к братству, и поэтому мы все клянемся Союз возродить на новой, практически неведомой основе более высокого уровня.

Оратору рукоплескали стоя. Ветхие старики сразу ощутили готовность умереть за свой идеал, неожиданно воплотившийся в молодом и полном сил депутате… Так и не нашедшая в себе сил поступиться принципами Нина Андреева и бывший член Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев прослезились от счастья[69]. На их глазах сбывалась мечта коммунистов: нашелся кто-то, готовый возглавить крестовый поход за восстановление Советского Союза.

У тех, кто знает Гайдукевича, которому, как известно, палец в рот не клади, возникает естественный вопрос, как это он позволил так себя обхитрить, сорвав всю славу пламенного реставратора? Гайдукевич что — не понимал? Недооценивал Лукашенко, как многие?.. Хотя… Вряд ли Гайдукевич тогда догадывался, что Александр Лукашенко будет в скором времени претендовать на роль главы государства. А может быть, наоборот, догадывался и делал двойную ставку?[70]

Как бы то ни было, но наш герой снова легко запряг чужую лошадь. Не он вбросил тему в общественное сознание, не он организовал нашумевшее мероприятие, но в результате именно он заполучил в свою политическую «тройку» еще одну резвую «пристяжную» — идею возрождения СССР.

Мероприятие готовилось для аккомпанемента правительству Беларуси, стоявшему за укрепление связей с Россией. Идеи возрождения Союза явно контрастировали с официально провозглашаемой позицией белорусского правительства. Но Кебича это не очень беспокоило: Кебич был слишком озабочен предстоящими выборами, и в том, что Лукашенко слишком резво выскочил на трибуну, тоже не видел особой проблемы…

Комиссия, которой де-факто предстояло стать комиссией по организации политических похорон — и Кебича, и Шушкевича, а потом и всей белорусской демократии — уже начала работу.

Глава шестая. Тема всей жизни

Лиха беда начало

Как и положено, председателю пусть временной, но все-таки парламентской комиссии выделили кабинет для работы. Он размещался в Доме правительства, в его «парламентском» крыле, поближе к Овальному залу, в котором проходили (и сейчас проходят) сессии Верховного Совета Республики Беларусь.

Это особый кабинет. При советской власти в нем обитал председатель Президиума Верховного Совета БССР, а потом разместился Станислав Шушкевич. После крушения компартии и национализации бывшей партийной собственности парламент въехал в здание ЦК, что было хотя и престижно, но не вполне логично: там не было подходящего зала для заседаний всего Верховного Совета. Посему народных избранников автобусами возили в Дом правительства, где находился Овальный зал. Бывший кабинет спикера некоторое время пустовал.

Теперь в этот роскошный кабинет — с комнатой отдыха и просторной приемной, с огромным столом для совещаний — вселили Лукашенко с его комиссией.

Формировали комиссию, как говорит Станислав Шушкевич, «абсолютно потолочно»: «Включали желающих. Во всяком случае, я не видел, чтобы возражали по поводу какого-либо члена комиссии»[71]. Генерал-майор КГБ Геннадий Лавицкий был включен как бы по должности. Вдумчивый и опытный аппаратчик Михаил Маринич[72] — вероятно, чтобы был услышан и трезвый голос. Остальные — кто из любопытства, кто по идейным соображениям: со злом нужно кому-то бороться.

Лучше всего осознавали, зачем они туда идут, депутаты Сергей Лнтончик и Александр Лукашенко. «После того как прошли рабочие забастовки, после контакта с "Солидарностью", после изучения биографии Леха Валенсы, так неожиданно ставшего президентом, Сергей Лнтончик — да и не только он, а многие депутаты поверили, что президентом может стать каждый из тех, кто поднимет тему коррупции», — считает Валентин Голубев.

Работа комиссии изначально предполагалась как открытая и гласная. К сотрудничеству с ней призывались государственные служащие всех уровней, работники правоохранительных ведомств и даже журналисты. Кое-кто добросовестно откликался. Вспоминает журналистка тогдашней правительственной газеты

«Советская Белоруссия» Людмила Маслюкова[73]:

«Я пришла сама по себе, движимая неискоренимым журналистским любопытством. Подошла к депутату Лукашенко и сказала, что меня интересует его доклад уже на этапе подготовки. Он сказал: "Приходи, у нас все, кому это интересно, кто хочет, приходят, смотрят, работают"»[74].

Но далеко не все было открыто для всеобщего доступа. Особенно для члена парламентской оппозиции БНФ, одного из бывших лидеров минского стачкома депутата Сергея Антончика, в котором Лукашенко заподозрил конкурента:

— Я как член комиссии, — рассказывает Антончик, — стал требовать от Лукашенко отчета, то есть материалов. Но он никому их не давал, накинулся на меня… И в результате стал работать от нас втайне»[75].

Наш герой хорошо представлял себе, чего именно он хочет от работы комиссии. Тот же Сергей Антончик вспоминает:

«Лукашенко распределил: ты отвечаешь за такую-то область, ты — за такую-то, а всю информацию сдавайте мне. Я отвечал за Гомельскую область. Все это продолжалось две-три недели. Вскоре стало понятно, что это профанация, что комиссия занимается сбором лишь "жареных" фактов, и что Кебич ее контролирует. Сначала я предоставлял свои материалы, а потом перестал это делать»[76].

Оказалось, что председателю комиссии сама комиссия как некий инструмент выяснения реального положения дел не нужна. Ему нужны статус председателя и возможность привлечь к работе настоящих, читай — послушных, помощников, а не группу равноправных с ним (а возможно, еще и конкурирующих с ним) депутатов.

Важна не истина, а контроль над нею. Лукашенко хорошо понимал, что даст ему даже не сама борьба с коррупцией, а хотя бы только репутация борца. Дело о коррупции в Узбекистане, раскрученное лихими следователями всесоюзной прокуратуры Тельманом Гдляном и Николаем Ивановым, принесло им такую популярность, что к их слову во время парламентских заседаний был вынужден прислушиваться сам Михаил Горбачев. Так это — в масштабах Союза! А в белорусском болотце можно получить и больший политический капитал.

Но собирать и анализировать информацию он не умел. Это ведь не проверка кастрюль в студенческой столовой во время рейда «Комсомольского прожектора»! Здесь нужно хорошо знать существующее законодательство, обладать опытом аналитической работы и журналистской хваткой, которая позволила бы изложить

информацию увлекательно для слушателей.

Нужны были помощники. Именно помощники, повторимся, а не депутаты.

«Что за рожь без васильков?..»

Помощники нашлись. В распоряжение председателя временной парламентской комиссии были делегированы ответственные сотрудники КГБ, МВД, прокуратуры, а также государственные служащие. Из них сформировалась опорная группа, куда вошли майоры (затем подполковники) милиции Михаил Сазонов, Юрий Малумов и Николай Карпиевич, а также работник организационного отдела Минского облисполкома Василий Новиков[77] (по совместительству — секретарь ЦК возрожденной Партии коммунистов Белоруссии, которая, видимо, все еще надеялась на некоторый альянс с Лукашенко). Вот первые впечатления Людмилы Маслюковой от общения с милиционерами:

«Я посмотрела бегло, какие материалы, справки, россыпь документов, фактов они имеют. Это было еще сырье — необработанное, не систематизированное… Неделю спустя меня пригласили на рабочее заседание группы. Было предложено три концепции, в которые весь этот объемный материал был сблокирован. Я остановилась на одной из них, наиболее подходящей для стилистической обработки. Здесь чувствовалась композиция, логика, последовательность оценок. Потом выяснилось, что эту "болванку" изготовил Новиков. И учитывая, что совпали наши точки зрения, мы вместе и уселись за компьютер. Малумов проверял достоверность фактуры. Сазонов поставлял "свежаки", чтобы что-то усилить. Новиков отслеживал жесткость логики, развитие мысли. А я, как и положено журналисту, резвилась над текстом»[78].

Это вовсе не означает, что Лукашенко вообще никак не участвовал в создании доклада, принесшего ему всебелорусскую популярность. По свидетельству все той же Маслюковой, «правки вносились самим Лукашенко. И главное: он помечал места, чтобы выбросить, как он говорил, два-три "фитиля". Без этого, мол, меня не воспринимают. Как говорится в народе, "что за рожь без васильков?" И хотя мы говорили, что не надо, он решил однозначно, что надо, и делал так, как решил».

Что же за «фитили» такие планировал «выбросить» в публику Александр Григорьевич? «Эти куски, которые вываливались из общей концепции, отличаются повышенной эмоциональностью; им присущ стиль не обобщения, а бесконечного уклонения в

детали и манера — "достать" человека…»[79].

Интуиция, природный дар популиста подсказывают Лукашенко, что для слушателей главное — не логика, не анализ цифр и фактов, а «фитили», переход на личности. И что бы там ни говорили, истинным автором доклада, написанного партийным философом Новиковым, журналисткой Маслюковой и двумя милиционерами — Сазоновым и Малумовым, по праву может считаться озвучивший его 14 декабря 1994 года Александр Григорьевич Лукашенко. Во-первых, в политике лавры всегда достаются не тем, кто писал текст, а тем, кто его огласил. А во-вторых, все равно публика запомнит из доклада одни только «фитили».

«Илья Муромец» вступает в схватку

Текст доклада был опубликован в «Народной газете» от 16 декабря 1993 года. Он поражает в первую очередь своим «запевом»:

«Нам долгое время казалось, что мафиозные кланы и коррумпированные группировки существуют где-то там, в Колумбии и на Сицилии, на берегах Флориды и Гудзонова залива, на каких-то экзотических заморских островах и в банановых республиках. Со святой наивностью мы полагали, что это величайшее зло не расползется по Беларуси и не проникнет, подобно раковой опухоли, во все поры ее политической, экономической и социальной жизни».

Это же былинная классика! Подвиги Ильи Муромца не имели бы смысла, если не знать про существование Соловья-Разбойника. Посему важно констатировать, что зло — есть. И оно подползает к нашей синеокой Беларуси.

По закону жанра, Александр Лукашенко должен был столкнуться с препятствиями (как Илья Муромец продирался сквозь чащобы):

«В связи с постоянно нараставшим противодействием со стороны должностных лиц и, прежде всего, Председателя Верховного Совета, а также отсутствием всякой помощи со стороны КГБ, мы были вынуждены пойти на собственные расследования».

Так, первый «фитиль» есть, причем вставлен он исключительно «по адресу» — Станиславу Шушкевичу и номинально ему подчиненному КГБ в лице его шефа генерала Эдуарда Ширковского. Депутатский корпус должен среагировать: совсем недавно не хватило семи голосов, чтобы выразить Шушкевичу вотум недоверия, вдруг сейчас получится?

Ну а дальше? Что и кому инкриминируется в докладе?

Да ничего нового дальше нет. Сказано о том, что все знали и без Лукашенко.

Про частные фирмы при государственных предприятиях. Которые продавали не ими произведенную продукцию по завышенной цене, причем разница уходила в карман частника.

Про крупные рублевые кредиты, за которые по заниженному курсу покупалась валюта, на нее — партия товара, продаваемого уже по более высокой цене. При этом лица, лоббирующие выделение кредита, его конвертацию и покупку товара по заниженной цене, получали некоторый «откат».

Про то, что крупные чиновники официально входили в состав наблюдательных советов коммерческих банков, созданных с участием государственного капитала.

Про безвозмездную передачу государственной собственности коммерческим структурам, находящимся под патронажем высокопоставленных чиновников.

Про приватизацию государственной собственности по заниженным ценам.

Кроме того, в Беларуси, «оказывается», берут взятки. А чиновники выделяют квартиры и дома родственникам, даже весьма дальним, например, «тещам сыновей». К тому же чиновники, в том числе банковские, пользуются льготными кредитами.

Собственно говоря, это и все. Ничего, казалось бы, нового. К тому же — не столько факты, сколько эмоции и общие слова. Зато гневные. Но все-таки — кому конкретно и что конкретно инкриминируется?

Председателю Верховного Совета Станиславу Шушкевичу — якобы имевшая место с его стороны *попытка* (выделено мной. — *А. Ф.*) заполучить в личное пользование (в качестве служебной государственной машины) конфискованную у частной фирмы (на законных основаниях конфискованную) машину «форд»[80]. Но машина решением премьер-министра была передана гимнасту Виталию Щербо.

Премьер-министру Вячеславу Кебичу — выделение коммерческим структурам товаров из стабилизационного фонда (вроде 10 МАЗов и 150 холодильников), а также санкционирование присутствия чиновников в наблюдательных советах банков.

Председателю Правления Национального банка Станиславу Богданкевичу — выделение льготных кредитов банковским сотрудникам.

Председателю Контрольной палаты (контрольного органа

Верховного Совета) Василию Саковичу — покровительство коммерческим фирмам.

Первому заместителю председателя Гродненского облисполкома (уже тогда — бывшему) Мечиславу Гирутю — семейственность.

Дальше фигурируют чиновники и депутаты, строившие квартиры, сидевшие в наблюдательных советах банков, а также покровительствовавшие коммерческим фирмам и вовсе районного уровня.

Вот, пожалуй, и все по персоналиям… Вряд ли кто-нибудь даже из числа самых доброжелательных к Александру Лукашенко историков когда-нибудь обнаружит здесь не то что щупальца спрута сицилийской мафии, а хотя бы признаки того, что называют системной коррупцией, и системного подхода к ее изучению…[81] Вряд ли, читая доклад Александра Лукашенко сегодня, кто-нибудь увидит в авторе былинного богатыря…

Таково содержание доклада. Но не его суть.

«Все ждали взрыва бомбы…»

Конечно, как и в любой другой стране, в Беларуси была коррупция. Просто целью доклада было вовсе не изобличение реальных коррупционеров. Поэтому его поначалу не испугались.

Ничего страшного не увидели для себя в докладе ни его «герои», ни парламентарии и приглашенные на сессию. Хотя слушали Лукашенко с интересом. Свидетельствует Людмила Маслюкова: «Доклад был очень длинный… Но слушали. И среагировали правильно, как он предполагал, на "фитили". Аудитория безошибочно угадывала, где текст выписанный, а где импровизация. На импровизацию реагировали живо, остро, кто как: кто с восторгом, кто с негодованием, по всему диапазону»[82]. Говорит депутат Валентин Голубев: «В день выступления Лукашенко с так называемым антикоррупционным докладом уже с утра во всем Верховном Совете царило напряжение, воздух просто звенел. Все чего-то ждали. Все ждали бомбы. Сенсация уже была обещана».

Но никакая бомба в Овальном зале Дома правительства не взорвалась.

«Присутствовали все депутаты, — продолжает Голубев, — большинство из них представители власти или в центре, или на местах, плюс Совет Министров. И после таких громких слов, что "я сейчас расскажу все" в зале повис страх: что он скажет обо мне?.. Но вот, оказывается, Кебич не очень виноват… Напряжение заметно спало: "похоже, что хороший доклад, хороший". И когда

было сказано: "Наумчик ездит на иномарке!" — все! И для Верховного Совета, и Совета Министров Саша Лукашенко стал своим. Сразу очень разумно показав, против кого он будет бороться, где будет обнаружена коррупция… Конечно, известный прием следователя Гдляна он тоже использовал, заявив, что "я вам ничего не сказал — самые страшные факты у меня здесь (показав папку), и о многих сидящих в этом зале". Но доклад закончился тем, что никто ни про кого ничего криминального так и не узнал, некоторые порадовались: "обо мне ничего не сказали, а сказали о ком-то, кого я не люблю". Зато у всех осталось ощущение, что против Сашки лучше не выступать».

Станиславу Шушкевичу запомнилось «неописуемое удовольствие зала, особенно когда шли какие-то закидоны в мой адрес — абсолютная ложь, совершенно бездоказательная и пустая, но к большой радости собравшихся. Притом здесь не выделялись ни представители БНФ, ни молодые демократы-аристократы»[83].

Шушкевичу, естественно, за всем этим увиделись откровенные правительственные козни:

«Скажем прямо: Кебич, с которым у меня формально были очень хорошие отношения, видел во мне игрока и соперника. И поэтому он приласкал Лукашенко и начал ему давать всякие материалы, которые бы поставили меня в трудное положение. Я только знаю, что если я, по сегодняшним меркам, сшил какой-то никчемный костюм в ателье Совмина, то потом все бумаги анализировались — не сделали ли мне каких-то скидок… У меня не хватало времени на все, и мне хотелось кое-что завершить у себя на даче. И силами совминовской структуры я построил там гараж. Вот и все, что я не делал своими руками. Рассчитывался за это все мой помощник, которому я отдавал деньги. Уверен, что по тем нормам расчет был полным. Во всяком случае, никаких претензий не было… Но Кебич с удовольствием приказал все это найти — найти — найти».

Приказывал что-либо Кебич или вообще ничего об этом не знал — это вопрос личных взаимоотношений двух высших должностных лиц белорусского государства. В конце концов, очевидно главное: строительство гаража на личной даче государственным ремонтным управлением, счета которого оплачены, — вот и вся коррупция, обнаруженная Александром Лукашенко в деятельности Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. Так сказать, ящик гвоздей, полученный и не так оформленный.

Впрочем, сам премьер-министр ведь тоже был фигурантом того же доклада.

«Правительство сильно ругали, и все, что в этом докладе говорилось в адрес правительства, уже до этого звучало. Никаких новых фактов не было. Поэтому правительство реагировало вяло — как всегда, сидело насупившись. А он вещал и вещал: мол, в этой папке у меня черт знает что»[84].

Даже спустя столько лет видно, что «фигуранты» этого «антикоррупционного» доклада, их союзники и оппоненты просто ничего не поняли в происшедшем. Они думают, что их кто-то в чем-то обвинял. А на самом деле их имена просто использовали для того, чтобы через головы министров и депутатов сказать народу: они плохие, они вас всех обижают, а я хороший, я вас всех смогу защитить и спасти. Названные в докладе могли сколько угодно отстаивать свое доброе имя. Но дело-то было сделано. Александр Лукашенко официально, с трибуны Верховного Совета, дал — и в этом суть происшедшего — ответ на вопрос о том, почему мы работаем много, а живем плохо. Ответ совпал с тем ответом, который получил в свое время Александр I из уст Карамзина, поинтересовавшись, что происходит в России: «Воруют!».

Бомба в зале не взорвалась. И никаких прямых последствий для «героев» доклада он за собой не повлек.

Что прикажете делать с этими разоблачениями?

Вспоминает Геннадий Данилов:

«Лукашенко как председатель комиссии направил все материалы в Совет Министров для реагирования, и по памяти приложил к этому небольшому материалу список фамилий из сорока должностных лиц, больше трети из них — по городу Минску. Была подготовлена резолюция Кебича с просьбой прокурору республики Шолодонову: рассмотреть и внести предложения в Совмин. Шолодонов прислал ответ о том, что все материалы доклада, касающиеся конкретных должностных лиц, изучены и проверены, и нет никаких оснований для привлечения их к уголовной ответственности»[85].

Более того, даже спустя пять лет после доклада, то есть когда его автор уже давно работал Президентом Беларуси, большинство упомянутых в нем лиц (кроме Кебича, Шушкевича и Богданкевича, разумеется) продолжали состоять на государственной службе. Для примера обратим внимание на судьбы двух лидеров «минской мафии». Председатель Минского горисполкома и горсовета (тогда эти должности были совмещены) Александр Герасименко после своей отставки с этого поста направлен послом Республики Беларусь в Болгарию, после

чего занял пост заместителя министра иностранных дел Беларуси. Его тогдашний первый заместитель Владимир Ермошин стал вначале председателем Минского горисполкома[86], после чего в 2000 году был назначен премьер-министром Республики Беларусь, в каковой должности за год работы укрепил свой статус очень приличного человека и добросовестного чиновника. Другие же высокопоставленные «коррупционеры» — скажем, в ранге вице-премьеров, против кого был обращен «праведный гнев» докладчика, — ушли в отставку, но тихо-мирно, без уголовных дел, продолжив заниматься бизнесом уже вне власти. Такая вот «коррупция»…

Но зато тема коррупции, громогласно поднятая нашим героем, оказалась сродни бикфордову шнуру: поднеси спичку — и рано или поздно взорвется. Вопрос длины бикфордова шнура, то есть времени.

Страна застыла у «брахучки»

Видел или не видел сам Лукашенко слабости своего творения? Сегодня у меня нет сомнений в том, что все он видел и все прекрасно понимал. Более того, по настоящему серьезную фактуру, полученную от органов, он сознательно в доклад не включил — оставив на потом. Хорошо зная, как компромат на руководителей пригодится ему в дальнейшем.

Но если бомба не взорвалась в самом Овальном зале, это не означает, что взрыва не было вообще.

Информационное пространство Республики Беларусь никогда не было ни суверенным, ни свободным. Радиостанций в диапазоне FM в тот период почти не существовало. Местные газеты выходили, как им и положено, принося новости на день-два позже. Интернет был для белорусов тайной за семью печатями.

Для получения собственно белорусских новостей оставалось два канала. Это, во-первых, белорусское телевидение. Но его включали в те времена крайне редко. По телевизору все смотрели в основном Москву[87].

Во-вторых, радиотрансляционная сеть, которую в городах называют «точкой», а в деревнях — «брахучкай»[88]. Это великое изобретение советской власти позволяло донести идейные установки партии и правительства до самой глухой деревни и до каждого государственного учреждения: «точка» вещала везде. Депутатские сессии транслировали по этому незамысловатому аппарату в прямом эфире. В том числе и доклад Лукашенко.

Более трех часов длилось все это действо, но в памяти слушателей «точки» отложилось главное: Лукашенко произнес доклад, в котором назвал тех «сволочей», которые воруют и из-за кого нам так плохо живется.

Доклад обсуждали все и всюду. Лукашенко угадал самую суть «народного», советского мышления: если кому-то живется лучше нас, то этот человек наш враг.

И использовал свою «догадку» на всю катушку.

Говорит Леонид Дейко[89], депутат Верховного Совета Беларуси:

«Это была любовь сердца. Люди, поддерживавшие Лукашенко, были в восторге не столько от содержания его доклада или разоблачений, сколько от его сути: "Как он им дал! Как он им дал!" — "За что?" — "За это все!" Восприятие на уровне сеанса гипноза».

Главное: после этого доклада на Лукашенко обратили внимание женщины, что было очень важно. Свидетельствует Петр Кравченко:

«Лукашенко понимает, что женщины — большущая сила в Беларуси, — они давно хозяйки в доме. Они четко определяют магистральную направленность действий семьи. И они, увидев мужчину, который олицетворяет собой решительность и активность, разумеется, прониклись сочувствием…

Однако далеко не все разделяли восхищение докладчиком. Говорит публицист Евгений Будинас[90]:

«Доклад Лукашенко меня в полном смысле ошарашил. Разумеется, не содержанием, в котором не было ничего нового. Я всегда говорил, что содержание любого партийного доклада — в его форме, и только в ней. Под многими идеями, звучащими на любом партийном пленуме или съезде, с радостью подписался бы любой порядочный человек, если бы не форма, в которую они были облечены. Ложь становилась очевидной, когда вслушивались: как, какими словами это выражено.

Так вот, в докладе Лукашенко как раз форма была маразматична. И содержание было такое же маразматичное. Но это был кич, который безотказно подействовал на толпу. Тогда я сразу понял: в Беларуси появился «идол», равного которому по силе воздействия на массовое сознание у нас никогда не было. Очевидным стало, что это будущий президент. Вот только жить в таком обществе сразу расхотелось.

Увидел маразматичность ситуации не только я, но никто из интеллигенции, даже возмущаясь грязью в докладе, упорно не желал видеть за этим никакой опасности. Лукашенко их не занимал. И в предвыборной кампании они распыляли силы,

безответственно поддерживая слишком мягкотелого Шушкевича или "упертого" Позняка. "Опомнитесь, — безуспешно взывал я на каком-то демократическом конгрессе, — подумайте, кому мы сдаем народ. Давайте поддержим Кебича, у которого есть хоть какие-то шансы, и мы получим пару лет передышки, чтобы разобраться, определиться с лидером, способным повести за собой народ в сторону демократии!" Но даже самые умные из моих коллег тогда ничего не хотели слышать…».

Признаюсь, что очевидную слабость доклада я тоже видел. Но, совсем не понимая опасности (в том числе и для себя), мы считали тогда, что наш герой действует ловко, чем подтверждает свою способность повести за собой людей, которые именно и ждут такого откровенного популизма. Это и привело меня, да и не только меня, в команду Лукашенко. Очень уж хотелось победить. А ведь именно после этого доклада многие начали рассматривать Лукашенко в качестве главного претендента на президентство.

Напомним: президентский пост еще не введен, а Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич по-прежнему возглавляют парламент и правительство.

Впрочем, это уже ненадолго. Потому что в тот момент лежавшая, по словам Лукашенко, в грязи власть как-то сама собой отодвинулась от тех, кто ее выронил, и молча подползла к ногам нашего героя. Нет, не оттого, что он был чище или лучше других. Просто он оказался единственным, кого по-настоящему интересовал результат. «Он предлагал хоть какое-то решение, пусть самое примитивное — победить коррупцию и зажить счастливо, но другие и этого не предлагали», говорит Эдуард Эйдин[91].

И народ увидел в высоком, физически крепком 39-летнем мужике, работавшем директором совхоза, былинного героя, того, кто способен не только взять власть, но и сделать ее народной. Собственно говоря, это и есть единственная четко артикулированная белорусская мечта. Мечта о добром — вернее, справедливом — начальнике, который накажет обидчиков.

В ожидании «справедливого» царя

В Беларуси люди привыкали связывать свое относительное благополучие с заслугами отдельных личностей.

Огромный памятник Сталину нависал над белорусской столицей. Около этого памятника, узнав о смерти Великого Вождя и Учителя, плакали жители Минска. Впереди всех, стоя на

коленях, рыдали руководители Союза писателей — те, кого не успели расстрелять, — во главе с народным поэтом Кондратом Крапивой.

Вскоре власть в Белоруссии перешла в руки руководителей-«партизан». Это были герои партизанского движения, бывшие вожаки белорусского комсомола. Поскольку партизанская война канонизирована при их жизни, каждый из руководителей этого поколения старался стать «живой легендой».

В первую очередь это можно сказать о Кирилле Мазурове и Петре Машерове, по очереди возглавлявших ЦК Компартии Беларуси. Помимо того, что слава во время войны пришла к ним вполне заслуженно, они оказались руководителями-патриотами. Мазуров, а затем и Машеров использовали статус «республики-партизанки» для того, чтобы привлечь максимум средств из всесоюзного бюджета. За счет этих средств строились гигантские заводы, призванные обеспечить потребности всего Советского Союза в машинах и тракторах. Особенно хорошо это удавалось Машерову: его предшественник Мазуров в это время уже работал в Совете Министров СССР в должности первого заместителя председателя правительства и члена Политбюро ЦК КПСС, поэтому «партизанское лобби» умудрялось «решать вопросы» без оглядки на недовольство руководителей других республик.

С именем Машерова связана легенда о сытой республике-работнице, кормившей колбасой и Москву с Ленинградом, и собственных жителей. Причем слухи о белорусской сытости распространялись так далеко, что отставные военнослужащие, имевшие право выбирать, в каком городе будут вековать пенсионерский срок, стремились выбрать Минск или другой белорусский город. И до сих пор по числу отставных военнослужащих на душу населения Беларусь впереди всего СНГ.

Было относительное благополучие. Правда, можно было съездить в Вильнюс — бывшую белорусскую Вильну, от щедрот подаренную Сталиным литовскому народу, после того как Литва «возжелала» стать советской. И там, в Вильнюсе, увидеть, что и без особой любви к партии и правительству города могут быть чистыми, люди опрятно одетыми, а пища высококачественной.

Но в Вильнюсе жили «литовские националисты», а в многонациональной Беларуси считалось, что националисты — это те, кто сотрудничал с немецкими оккупантами. В общем, плохие люди.

В Беларуси национализма не было. Машеров был «хозяином», заботившимся о «своей» республике. Но националистом он не был. Именно при Машерове произошло массовое закрытие белорусскоязычных школ в городах: продвижение по пути к

коммунизму в Беларуси сопровождалось окончательным уничтожением главного признака национальной идентичности.

Машеров хорошо смотрелся на фоне одряхлевшего Леонида Брежнева. Великолепный оратор, герой войны (звезды, усеявшие грудь генсека, всерьез не воспринимались), скромный в повседневном быту, Петр Миронович как руководитель льстил самолюбию граждан БССР. Они любили его — и уважали себя за то, что им достался такой хороший руководитель. С трепетом ожидали: не дай бог, заберут в Москву на повышение. А когда Машеров погиб в автокатастрофе, тут же распространилась легенда о том, что убрал его Брежнев, возревновавший к нему как к потенциальному сопернику… Отсюда, мол, и катастрофа. Белорусскому массовому сознанию льстила сказка о добром руководителе, погибшем по велению «злодея» из Москвы. О Машерове слагались легенды.

Народ ждал наследника — и Машерова, и всех других своих бывших героев-руководителей.

Четырнадцатого декабря 1993 года люди услышали сипловатый голос того, кого так долго ждали. На трибуну сессии Верховного Совета 12-го созыва поднялся один из депутатов Верховного Совета, а сошел с нее будущий президент Республики Беларусь[92].

Глава седьмая. Перед решающим стартом

К «стае» тянутся

Несколько слов о команде и о том, как она собиралась.

Первыми, как уже говорилось, были «молодые волки» — Гончар, Синицын, Булахов. Вернее — пока без Синицына. Его появление мне слишком хорошо запомнилось.

В этой истории я оказался, предоставив Лукашенко помещение под будущий штаб, как уже говорилось в самом начале. С того момента практически все серьезные переговоры, включая привлечение новых людей, Лукашенко вел либо в Доме правительства, в «рабочем кабинете председателя комиссии» — чтобы гости видели, что он все-таки власть, либо в моем кабинете, из окон которого видно здание бывшего ЦК КПБ. А самые важные[93] — в комнате отдыха первого секретаря ЦК СМБ, оставшейся от советских времен, когда эта должность была номенклатурной. Здесь мне и довелось познакомиться с Синицыным.

Они пришли вдвоем. Разговор шел тяжело, Лукашенко долго уговаривал Леонида (я даже не знал, кто это такой!) возглавить

штаб.

На правах хозяина я заварил и подал чай, впервые увидев, как человек (в данном случае — Синицын) пьет чай из блюдечка.

Внезапно Синицын обернулся и спросил меня в лоб:

— Александр Иосифович, а сколько тебе платит Данилов за то, чтобы ты за нами тут приглядывал?

Чашка с кипятком едва не выпала у меня из рук. Меня заподозрили в стукачестве и оскорбили в моем собственном кабинете. Воцарилась неловкая тишина. Лукашенко наблюдал за нами молча и не без любопытства.

К совковой манере обращения с «младшими по рангу», он, видимо, давно привык.

Мои объяснения, что Данилова (того самого, который был правой рукой Кебича и курировал от Совмина силовые структуры) я видел всего дважды в жизни, причем при свидетелях, никого не заинтересовали, как, впрочем, и мое возмущение.

Синицын прихлебывал чай из блюдечка. Лукашенко тоже пил чай, как ни в чем не бывало продолжая разговор. Видимо, моя реакция на столь очевидную провокацию обоих удовлетворила: в ответ не взорвался, не нахамил, гостей не выгнал и сам пулей не вылетел[94] — значит, с этим работать можно.

Тут же состоялось мое знакомство и с еще одним персонажем, сыгравшим одну из ключевых ролей в дальнейшей истории.

Из приемной донеслись возмущенные возгласы моей секретарши.

Девушка пыталась преградить путь в кабинет какому-то верзиле с добродушным лицом: она приняла его за синицыиского шофера. Хотя этот человек действительно водил машину, причем очень уверенно, но был не шофером, а депутатом Верховного Совета, причем директором предприятия международного фонда «Наследие Чернобыля», которое много позже будет фигурировать в различных вариантах публикаций как едва ли не основной спонсор предвыборной кампании Александра Лукашенко 1994 года. Это был Иван Титенков, и его серебристый «мерседес» стоял внизу у подъезда[95].

Другие люди приходили разными путями, кого-то приводил и я, как например, своего соперника на выборах народных депутатов БССР 1990 года полковника Сергея Посохова. Не прошли в парламент тогда мы оба, но сейчас я вспомнил говоруна-политработника и попытался его найти.

В ответ из Гродно высадился целый десант: сам Посохов, с ним бывший первый секретарь Гродненского обкома КПБ Владимир Семенов, подполковник Владимир Нистюк[96] и депутат

Гродненского горсовета Андрей Лосев, с которым мы были знакомы как члены обкома комсомола.

Эту «делегацию», представлявшую гродненскую областную организацию Народного движения Беларуси (то есть, все того же Гайдукевича), Лукашенко принимал в своем «рабочем» кабинете в здании Дома правительства. Так он получил опору в Гродненской области — очень тяжелом для него регионе, где явно предпочитали Позняка и Шушкевича.

Встал вопрос, кто у нас будет заниматься международной политикой. Журналист Игорь Гуковский напомнил мне о моем земляке, выпускнике МГИМО Валерии Цепкало, работавшем советником председателя Верховного Совета[97]. Мы встретились с ним в буфете гостиницы «Октябрьская», я не знал, как начать разговор, по тут мимо нас прошел Лукашенко, живший в этой же гостинице. Какой был, в спортивных штанах с пузырями на коленях, домашних стоптанных тапочках. Он прошел к буфету и, возвращаясь с бутылкой минеральной воды, заметил нас:

— О, здорово! (Это приветствие он произнес совершенно по-белорусски: «Здароў!»)

Несколько ничего не значащих фраз, и было понятно, что интеллектуал Цепкало в команде. Команда быстро пополнялась депутатами. Помню, как настороженно впервые вошел в кабинет молчаливый Виктор Шейман, секретарь парламентской комиссии по вопросам безопасности[98]. И как он вышел, такой же молчаливый, но уже широко улыбающийся. По-моему, больше такой светлой улыбки на лице Шеймана я ни разу не видел… Помню, как впервые пришли дружившие тогда депутаты Анатолий Лебедько и Александр Шипко, как появился Виктор Кучинский[99]… Понятно, как были нужны депутаты в канун предстоящих парламентских схваток. Ведь предстояло добиться принятия Конституции с введением поста Президента, что не представлялось возможным, пока Верховным Советом руководил Станислав Шушкевич, — а значит, необходимо было сместить Шушкевича.

Клинтон помогает Шушкевичу

Антикоррупционным докладом Александр Лукашенко, несомненно, достиг своей цели. Теперь его знали все. И знали как непримиримого радетеля за справедливость, в борьбе со всеми власть предержащими, включая формального главу государства Станислава Шушкевича.

Весь 1993 год депутаты пытались объявить Шушкевичу недоверие — не получалось. Вновь подписи за отставку спикера

начали собирать чуть ли не сразу же после лукашенковского доклада. Но и на этот раз не хватило голосов. Депутаты вообще народ вольный; многие ходили на сессии, как в буфет, — кофейку выпить. Идея должна была созреть, а она все не созревала. Неожиданно вмешался внешний фактор.

У фактора были имя и должность — Уильям Джефферсон Клинтон, президент Соединенных Штатов Америки.

Биографы Станислава Шушкевича, Людмила и Александр Класковские, в своей книге о «разрушителе СССР» приводят его слова: «Когда я окончательно убедился в том, что все предрешено, оставалась одна цель — не допустить, чтобы был сорван визит Клинтона в Беларусь, запланированный на январь 1994-го»[100].

Сегодня Шушкевич вспоминает:

«Я считал, что для нашей страны это очень нужно, потому что тогда Беларусь мало кто знал. Я очень хотел, чтобы визит Клинтона состоялся, и я поставил свою задачу: вот этот визит пройдет, и дальше — хоть трава не расти».

Действительно, скандал с отставкой главы государства легко мог обернуться отменой с большим трудом достигнутой договоренности о визите Клинтона в Минск. Это хорошо понимал не только Шушкевич, но и Кебич, и Петр Кравченко[101], тогдашний министр иностранных дел Беларуси. Допустить подобный скандал на третьем году существования суверенной Беларуси означало очень серьезно испортить взаимоотношения со Штатами. Посему досидеть в спикерском кресле до визита Клинтона, намеченного на 15 января 1994 года, Шушкевич был обречен.

Президент США провел три встречи: со Станиславом Шушкевичем как высшим должностным лицом государства, с Вячеславом Кебичем как главой правительства и лидером парламентского большинства, наконец, в Куропатах — с Зеноном Позняком — как с лидером парламентской оппозиции.

С Лукашенко Клинтон не встретился. Думается, дело тут не в тонкостях дипломатии, а в том, что ему просто не доложили о существовании столь скандального претендента на власть.

Во время возложения цветов к монументу Победы на Площади Победы Клинтон вдруг отвлекся и подошел к толпе, окружавшей памятник тесным кольцом. Пожав несколько рук, можно было и остановиться, но президент США видел перед собой молодые лица, светящиеся радостью глаза. Ему хотелось доставить этим людям еще немного радости, и он пошел «по рукам» — вдоль кольца, стараясь поприветствовать всех.

Растерянная милиция взывала в мегафоны: «Граждане, не толпитесь! Президент поздоровается со всеми!».

Шушкевич шел поодаль и, как пишут в своей книге супруги Класковские, «мало кто видел, что в его глазах светились одновременно и радость и печаль»[102].

Прямая трансляция шла по белорусскому телевидению. И одинокую мешковатую фигуру белорусского спикера в старомодном пальто, которого — в минуту, казалось бы, его дипломатического торжества — никто не замечал, несколько раз телекамера все-таки показала…

«Первый зубр пал!»

А уже назавтра, 16 января, Шушкевич окажется в центре очередного скандала. Дело в том, что в Беларуси после своего бегства из Вильнюса скрывались от литовского правосудия руководители компартии Литвы, обвинявшиеся в причастности к вильнюсским событиям января 1991 года. Тогда, напомним, при попытке штурма телевизионной башни военными подразделениями погибли патриоты, защищавшие суверенитет Литвы.

Руководство Литвы давно требовало от своих белорусских коллег выдачи товарищей Бурокявичуса и Ермалавичуса. Белорусы отказывали. Но именно в день визита Клинтона, 15 января 1994 года, «люди в штатском» из числа сотрудников белорусских спецслужб «повязали» литовских коммунистов-подпольщиков на минской конспиративной квартире и передали литовским спецслужбам. Мол, разбирайтесь сами.

На следующий день было объявлено закрытое заседание Верховного Совета. Шум подняли коммунисты, бывшие и действующие, которым литовские товарищи по партии были важнее нормальных цивилизованных отношений с соседним государством. Шушкевича обвиняли в предательстве, в превышении власти. Было решено поставить на голосование вопрос об отставках всех, кто мог быть причастен к инциденту. А тут еще постоянные выступления Александра Лукашенко с требованиями наказать коррупционеров, упомянутых в его докладе.

Верховный Совет оказался парализованным: чтобы продолжать работу, нужно было решать вопрос о доверии политическому руководству страны.

В бюллетени для голосования внесли имена Станислава Шушкевича, Вячеслав Кебича, председателя КГБ Эдуарда Ширковского, министра внутренних дел Владимира Егорова и генерального прокурора Беларуси Василия Шолодонова. Всех одним чохом — и за литовских коммунистов, и за коррупцию, и

за то, что кто-то кому-то мешал. Хотя очевидно, что в той ситуации все мешали всем.

По итогам голосования доверие было выражено лишь премьеру Вячеславу Кебичу и генеральному прокурору Василию Шолодонову. Так получилось, что в отставку были отправлены именно те «силовики», у кого был конфликт с Даниловым, а значит, и с руководством правительства.

Интересы парламентского большинства и «молодых волков» совпали, и против Станислава Шушкевича проголосовали 209 депутатов. Этого было достаточно.

Депутат Валентин Голубев вспоминает:

«Каждый день к трем микрофонам выходят Булахов, Гончар и Лукашенко. Каждый день начинается с того, что надо снять Шушкевича, надо снять Шушкевича. Это минут 10-15 ляманта[103], потом день работы. Но и днем кто-нибудь из них обязательно что-то скажет по этой теме. На следующий день эти же три человека снова стоят возле микрофонов».

Проводя пресс-конференцию по поводу отставки Шушкевича, Виктор Гончар будет, как всегда, беспощадно откровенен: «Формальные основания для отставки Шушкевича не совпадают с реальными причинами»[104]. И с пафосом победителя декларирует: «Первый беловежский зубр пал», — имея в виду участие Шушкевича в подписании Беловежских соглашений.

Формально «молодые волки» в тот день не выиграли ничего, хотя и получили дополнительный козырь в глазах электората: ведь если Шушкевича сняли, значит, Лукашенко прав. Если сняли после доклада, значит, вследствие доклада. И отставку Шушкевича никто в народе не связывал ни с чем, кроме скандального «ящика гвоздей».

Мне кажется, именно поэтому отставка Шушкевича предрешила и падение Кебича. Народ требовал новых и новых жертв. Это ведь как телевизионный сериал: в первой серии разоблачается зло, во второй должен быть наказан первый злодей, в третьей — второй и так далее, пока зло не уничтожается как таковое.

В оценке своей роли в свержении председателя Верховного Совета «молодые волки» свою роль все же переоценивали. Снимали Шушкевича, как говорится, всем миром. Хотя, как свидетельствует Валентин Голубев, «некоторые депутаты просто специально бюллетени свои не вбросили, чтобы потом показать Шушкевичу, что, мол, "я против Вас не голосовал"», против спикера были почти все. И оппозиция БНФ, характеризуя отставку как один из этапов «ползучего коммунистического переворота»

(выражение Зенона Позняка), вместе с тем дала довольно суровую оценку и председательской деятельности Шушкевича. Главными были упреки в нерешительности, непоследовательности, соглашательстве с прокоммунистическим большинством.

Сам Станислав Шушкевич сегодня так оценивает участие фракции БНФ в собственной отставке:

«Я абсолютно убежден, что в числе голосовавших против меня было большинство представителей Народного фронта. И игра здесь очень простая: Позняк был уверен, что наступит паралич, что они не изберут председателя. Здесь он абсолютно не понимал, что может произойти».

Скорее всего, Станислав Шушкевич ошибается. Позняк не мог не понимать, что в условиях форсированной президентской кампании новый председатель Верховного Совета не успеет стать полноценным конкурентом в борьбе за пост президента. А в том, что положение о введении поста Президента немедленно будет внесено в Конституцию, сомнений не было ни у кого.

Мечислав Гриб исполняет миссию

Преемником Станислава Шушкевича на посту председателя белорусского парламента стал генерал-лейтенант милиции Мечислав Гриб[105], бывший начальник Витебского областного УВД, возглавлявший в Верховном Совете комиссию по вопросам безопасности.

Можно сказать, что Мечиславу Грибу повезло. Ведь раньше он принадлежал к областной номенклатуре, откуда, несмотря на «генеральский» статус, пробиться в руководители общенационального уровня бывало нелегко. Везение же объяснялось довольно просто. Правительство, державшее руками Геннадия Данилова все нити управления парламентом, не захотело выпускать на роль первого лица государства ни партийных функционеров высшего уровня, ни председателей облисполкомов — такой спикер, имевший свой электорат, легко мог бы вырасти в сильного кандидата на президентских выборах. Иное дело — малоизвестный милицейский генерал…

Гриб быстро понял, какая роль ему отведена. Он был по-житейски умен, честолюбив, как всякий генерал, руководящая работа в органах неплохо развила его организаторские способности.

Посему он сосредоточился на том, что было доступно. Сейчас, после того как «зубра» Шушкевича «опустили» до уровня «козла отпущения», на него можно было списать все грехи парламента, включая затянувшуюся возню с новым вариантом

белорусской Конституции. Работу по принятию Конституции генерал организовал по-военному четко. Шло голосование по статьям, затем по главам и разделам. Поскольку парламентское большинство также осознавало свою задачу, особых препятствий не было.

Тем более что Кебич готовился к выборам. Еще в начале января 1994 года премьер проводит неформальную встречу с руководителями исполкомов, на которой они заверяют его в своей лояльности и дают гарантии положительного итога всенародных президентских выборов. На встрече прозвучало только два голоса сомневающихся — мэра Гомеля Светланы Гольдаде и мэра Новополоцка Александра Нияковского. Остальные же так стремились польстить «дорогому Вячеславу Францевичу», что им и в голову не приходило сказать правду о реальном положении дел в регионах и о настроениях избирателей.

Никто не сомневается сегодня, что, будь у него правдивая информация, Кебич ни за что бы не ввязался во всю эту историю с президентством. Но ни объективной информации, ни прогнозов, на ней выстроенных, у премьера не было. И — началось! Проправительственное большинство в парламенте начало активно лоббировать введение президентского поста.

«Волки» снова идут в атаку

Тут возникла заминка. Депутатское объединение «Беларусь» разработало такой проект главы о президенте страны, по которому правом выдвигаться кандидатом в президенты обладали только граждане Республики Беларусь не моложе сорока лет.

Это становилось преградой не только для Булахова или Гончара, но и для самого Александра Лукашенко, которому 40 лет исполнялось лишь в конце августа. Выборы же предполагалось провести не позднее июля.

«Молодые волки» вновь пошли в атаку. Было за что сражаться. И с кем. Вспоминает депутат Леонид Дейко:

«В то время было уже совершенно очевидно, что маховик по избранию Лукашенко раскручен и набрал колоссальную энергию, что вызывало протест всех сторонников Кебича. Хорошо помню один момент, когда шло голосование по возрастной норме. Многое зависело от того, как проголосуют депутаты от ветеранской организации, у которых было 29 мандатов в Верховном Совете. И вот, когда шло голосование, я хорошо помню, за колоннами в верхней части зала бегал Лукашенко и

кричал:

— Попробуйте только не так проголосуйте. Я вас тогда по стенке поразмазываю!

Это относилось к ветеранам. И вот они, даже те, кто в молодые годы не дрогнули перед серьезными испытаниями, здесь немножко, мне кажется, подкачали. И сдались под таким напором…»

Но дело не только в напоре. Очевидцы рассказывают, что вопрос о снижении планки до 35 лет был решен просто, как говорится, на «дурочку». Встал Виктор Гончар и сказал:

— Вы что, Лукашенко боитесь[106]?

После чего парламент проголосовал.

«Ну, нет, — поправляет меня генерал Валерий Павлов, — не только Гончар, потом еще вышел "молодой политик" Лебедько[107] и начал кричать, что это "зажим" молодежи. А Виктор, да, так действительно сказал что всех это возмутило, хотя большинство понимало, что ограничение это, прежде всего, ограничивало бы возможности Лукашенко… До сих пор жалею, очень жалею, что парламент тогда поддался на провокацию Гончара и Лебедько…»

«При работе над текстом Конституции комиссия по делам молодежи подготовила ряд поправок, — говорит Анатолий Лебедько. — Логично, что они отражали интересы молодых граждан, а не пенсионеров. И не удивительно, что мы поддерживали идею опустить планку до уровня 35 лет. Тогда о Лукашенко, по-моему, никто серьезно не думал. В противном случае сторонники Кебича могли заблокировать даже запятую в предложении».

Вот уж действительно, если бы молодость знала, если бы старость могла…

К слову, о «старости». Решающую роль в том, что «возрастное» препятствие все-таки было устранено, сыграл именно Мечислав Гриб. Говорят, что перед обсуждением этого вопроса в кабинет председателя Верховного Совета заходили Виктор Гончар и Дмитрий Булахов. О чем они говорили со спикером — неизвестно, что обещали, какие аргументы приводили — никто не знает. Но Мечислав Иванович открыто поддержал тот вариант, который устраивал «молодых волков».

Очень даже может быть, что эта поддержка перевесила зов здравого смысла и чувства самосохранения: парламентское большинство сочло, что если уж спикер Верховного Совета, креатура правительства, так уверен в будущей победе кандидата от власти, то чего уж бояться всем остальным?

В феврале Верховный Совет принимает все спорные

положения Конституции, в том числе и раздел о президентстве. Чтобы собрать кворум, поступили «просто». Депутатов, сказавшихся больными, отыскивали дома или в госпитале, под роспись им выдавали именной бюллетень и просили голосовать. Такая игра под названием: «Попробуй откажись!». Действительно, как тут отказаться, когда сам премьер заинтересован в скорейшем принятии Основного закона — то есть, во введении президентского поста.

Пятнадцатого марта 1994 года Конституция была принята полностью. А еще через две недели Верховный Совет принял решение провести выборы первого Президента Республики Беларусь 23 июня 1994 года.

Глава восьмая. На старте

Перед сражением

Двадцать четвертого апреля Центризбирком зарегистрировал 19 инициативных групп. Фаворитами считались семеро. Вот их имена в алфавитном порядке: Александр Дубко; Геннадий Карпенко; Вячеслав Кебич; Александр Лукашенко; Василий Новиков; Зенон Позняк; Станислав Шушкевич.

Было очевидно, что только у трех «главных» противников Лукашенко есть свой «конек» и, соответственно, гарантированный электорат.

Первый — Кебич, который должен был выступать в роли единственного «кандидата власти», отца-благодетеля, посвятившего жизнь счастью народному. Его так и «лепили». Когда в юбилей Петра Машерова правительственная газета опубликовала интервью с лежавшим в тот момент на больничной койке премьером под заглавием «Дорогой Петр Миронович», прием был обнажен максимально: «Кебич — это Машеров сегодня» — формулировка, которая была подхвачена даже российской прессой. Так, в «Московских новостях» вышла статья Ларисы Саенко «Наследник Машерова». Штаб Кебича апеллировал к ностальгии населения по советскому благополучию. Консультантам Вячеслава Францевича, вероятно, казалось, что эта ностальгия — достаточный для победы мобилизационный ресурс.

Следующим шел, пожалуй, Шушкевич — символ новой демократии, отстраненный от власти темными посткоммунистическими силами. Его кампания строилась на пропаганде общедемократических ценностей, взывала к человеческому разуму. Штаб Шушкевича, вероятно, был убежден

в том, что народ не хочет возврата к старому, что ему нужно нарисовать внятную перспективу. В качестве будущего премьер-министра на экране показался действующий председатель Национального банка Станислав Богданкевич — этим давали сигнал представителям государственного аппарата, бизнеса и вузовской интеллигенции: будет рынок.

О Позняке мы уже говорили, и он, как всегда, был внятен. Зенон Станиславович так долго пропагандировал радикальные националистические подходы, что у него образовалась собственная электоральная база, расширить которую за счет более умеренных избирателей, судя по всему, он не мог.

Так анализировали предполагаемый раздел «электорального пирога» в штабе Лукашенко. Все кандидаты, согласно социологическим опросам, получали свою часть голосов (в своем секторе электората), но одновременно никто из них не был в состоянии ее увеличить. Особенно это касалось кандидатов-демократов. «Одному по душе был бескостный Шушкевич, другому — атлетический красавец Карпенко, третьему — несгибаемый и бескомпромиссный Позняк. Мы охотно помогали своим кумирам-кандидатам тянуть одеяло на себя, абсолютно не понимая опасности таких безответственных игр»[108].

А в это время мы с нашим штабным аналитиком Сергеем Чалым по указанию Синицына думали над тем, как отщипнуть от чужой и, казалось, гарантированной «порции» свой кусок, да повесомей. Задача была не из легких: наш электорат мог отличаться лишь одним — крайней степенью люмпенизированности. Люмпен не обладает собственной идеологией, а потому возможность привлечь его на нашу сторону была вполне реальна.

Неожиданно у нас появился мощный союзник — штаб Вячеслава Кебича. Не знаю, кто именно из советников премьера решил дело таким образом, что рядом с тройкой «идеологических кандидатов» появились и два «кандидата-функции». Василий Новиков должен был изобразить коммуниста до мозга костей, то есть, стать для части избирателей «коммунистической угрозой», чтобы на его фоне Кебич казался истинным демократом-реформатором. А для других избирателей Новиков был призван сыграть роль истинного сторонника возрождения СССР, оттягивающего голоса у Лукашенко, который ратовал за реставрацию разрушенной в беловежских дебрях сверхдержавы.

Второй кандидат в этом ряду — Александр Дубко, Герой Социалистического Труда, председатель преуспевающего колхоза. Дубко был в последний момент выдвинут Аграрной партией

Семена Шарецкого. И все понимали, что это — тоже противовес Лукашенко. Дубко как кандидат казался председателям колхозов настолько же выше Лукашенко, насколько его колхоз «Прогресс» был богаче и зажиточнее совхоза «Городец».

Первоначально наши невольные союзники из кебичевского штаба, вероятно, предполагали, что и Новиков, и Дубко будут послушно и добросовестно работать на уменьшение числа избирателей Александра Лукашенко. Так не получилось. Если они и оттянули у кого-то голоса, то у электората Кебича — электората, способного рассуждать и делать выводы. Наш электорат был слишком эмоционален, чтобы вдумываться в схемы кебичевских политтехнологов.

Это были первые общенародные выборы в условиях зарождавшейся белорусской демократии. И до 1994 года не было сколько-нибудь глубокого изучения электората. Даже власть в лице правительства и парламента были уверены, что социологические опросы — всего лишь способ манипулирования общественным сознанием. Им казалось, что с 1990 года ничего не изменилось, что уровень народной поддержки государственных институтов остался тем же.

Но это было далеко не так.

Резкое падение уровня жизни всех без исключения слоев общества привело, в конечном счете, к увеличению количества тех, кого социологи называют «люмпеном». Люди не просто утратили веру в будущее — они потеряли средства для нормальной, привычной жизни.

При этом уже появились роскошные автомобили, началась покупка-продажа квартир, цены на которые враз подскочили (в 1991 году однокомнатная квартира в Минске стоила тысячу долларов, в 1993 году — уже семь тысяч). Стали создавать коммерческие банки, сотрудники которых получали немыслимые для рабочих минских заводов деньги. Началось расслоение общества, и никто из представителей власти даже не брался объяснить людям, почему это произошло.

Избиратель становился голодным и озлобленным. И «кандидаты от власти» (нюансы их отношений никто не различал) Кебич и Шушкевич в массовом сознании несли ответственность за все происшедшее со страной. А Позняк многим вообще казался злым демоном, подтолкнувшим страну к экономическому краху.

Никто не пытался рационально осмыслить, что же на самом деле происходит, в чем причины развала, и сказать об этом вслух. Разум молчал — говорило чувство ненависти к власти, чувство протеста. Избиратель ждал защитника, способного «наказать» и

«навести порядок».

И тут народу является Лукашенко — с его понятной риторикой, с уверенным знанием, кто виноват, с обещаниями восстановить справедливость.

Сам Лукашенко, кстати, эту свою роль хорошо понимал и чувствовал ее очень точно. И любая наша попытка хоть как-то усложнить его предвыборный образ встречалась им в штыки. Помню, как его пригласили выступить в Академии наук. Мы с Сергеем Чалым за три ночи подготовили нашему кандидату доклад на тему «Гражданское согласие как необходимое условие проведения экономических и политических реформ». Лукашенко прочитал, улыбнулся, поблагодарил — но на семинаре нашими листками не пользовался, а говорил все о том же: кто виноват, кого нужно наказать, как следует восстановить Союз… И академики во главе с бывшим президентом Академии Николаем Борисевичем — рукоплескали! Им было достаточно. Они узнали своего любимца, своего «Микулу Селяниновича» — и радовались этому, как дети. Они были так воспитаны: «человек из народа» прав «по определению».

Эффект от публичных выступлений Лукашенко был поразительный. Помню, я сопровождал его в Гомель. Во время этой поездки он выступал на крытом стадионе, перед двумя с половиной тысячами людей. Он стоял в центре арены, рассказывая свою любимую «эпопею» — как он боролся с гидрой коррупции. Длилось это около двух часов, затем еще два часа докладчик отвечал на вопросы… Потом он снял пиджак, рубашка на спине была абсолютно мокрой… Сел. Бледное усталое лицо ничего не выражало… И народ хлынул с трибун. Казалось, люди не выходили из рядов в проходы, а просто перешагивали через кресла и текли вниз на арену лавой. И лава эта неумолимо двигалась к своему герою. У нее появились руки, которые тянулись к оратору. Протягивали какие-то клочки бумаги, блокноты, книги — только распишись! Кто-то протянул паспорт, кто-то — в полунищей тогда Беларуси! — стодолларовую купюру! Тянулись не как к поп-идолу, а как к святому… Я видел глаза минчан, тянувшихся тремя месяцами ранее к Клинтону: там интерес к экзотике — здесь настоящая вера в чудо…

Каждая его речь демонстрировала, насколько он вжился в свой образ, в свою роль. А сам он, похоже, уже начинал искренне верить в собственное мессианство.

Чтобы ни говорили позднее о том, каких специалистов-имиджмейкеров привлекал себе в помощь наш герой, но я знаю

доподлинно: свой имидж Александр Лукашенко создавал сам. Хорошо помню, как он кромсал подготовленный нами текст одного из выступлений, безжалостно что-то вычеркивая и вставляя свое. Когда он отдал мне его для чистой перепечатки, живого места в нем не было. Синицын, поймав мой недоуменный взгляд, только хмыкнул: «Литераторы! Вас бы в колхоз отправить, учить язык! Пишите проще!».

Самые дешевые выборы

Президентская кампания 1994 года была первой предвыборной кампанией в суверенной Беларуси. Какого-либо опыта проведения выборов в новых условиях ни у кого не было. Не было практически никаких средств, более того, даже представления, что эти средства нужны, на что и как их тратить.

«Это удивительно, но все работали за идею. Это была самая дешевая из всех предвыборных кампаний, когда-либо проходивших в Беларуси», — вспоминает спустя девять лет лидер Партии коммунистов Белоруссии Сергей Калякин[109].

Его точка зрения совпадает с точкой зрения члена сойма БНФ Валентины Тригубович[110]:

«Практически все фронтовцы работали как волонтеры — бесплатно».

Действительно, даже едва ли не самая затратная работа — сбор подписей — осуществлялась в ту пору абсолютно бескорыстно. Именно поэтому ключевыми игроками оказались те, кто опирался па организованные структуры. В распоряжении Кебича были местные органы власти и крупные государственные предприятия. Позняк, Новиков и Карпенко полагались на свои партии. Шушкевич — на чужие (БСДГ Олега Трусова и ОДПБ Александра Добровольского).

Собственных структур не было лишь у Александра Лукашенко. Именно поэтому никто, включая, пожалуй, самого Лукашенко, до конца не верил, что ему удастся собрать необходимое для выдвижения количество подписей.

Но у него был штаб, на заседаниях которого он постоянно повторял: «Ваше дело — собрать подписи. Остальное — моя работа».

И мы работали, кампания набирала обороты, и наша команда разрасталась как снежный ком.

Как правило, совещания в штабе проводил Леонид Синицын. Проходили они два раза в неделю — в пятницу, когда планировали рабочий график кандидата на будущую неделю, и во

вторник, по «оперативным» вопросам, если они вдруг возникали. Синицын справлялся с этим, как говорится, легко и непринужденно. Он вспоминает: «Сложностей не было. Нужно было только сдерживать амбиции и сводить разные точки зрения. У меня способность переговорного процесса достаточно хорошая, чтобы держать всех в одном ключе, направляя в нужное русло».

Синицын не преувеличивает свою «способность переговорного процесса». Штаб убедился в этом, когда он на две недели уехал в США, оставив вместо себя Титенкова. Если бы он задержался в Хьюстоне на неделю дольше, вся избирательная кампания бы рассыпалась, несмотря на личный авторитет нашего кандидата. Иван Титенков был абсолютно неприемлем в качестве полноправного руководителя штаба. После интеллигентного и все схватывающего на лету Синицына он казался просто грубияном, не желавшим (вернее, не умевшим) кого-либо выслушивать, обрывавшим людей на полуслове, упрямо настаивавшим на своем. Проще было застрелиться, чем представить себе, например, выпускника МГИМО Цепкало, вынужденного о чем-то разговаривать с и. о. начальника штаба Иваном Титенковым…

Все ищут, на кого сделать ставку

Все больше людей стремилось к нам, ощущая в нашем кандидате силу, видя народную поддержку, понимая, что лишь он имеет реальный шанс добиться власти. Шли к Лукашенко, даже зная, что это может быть опасно лично для них.

Вспоминает Валерий Кез, генерал-майор госбезопасности[111]:

«О том, на кого делать ставку, я стал задумываться в марте — начале апреля 1994 года. На том этапе я еще не определился, но когда посмотрел на инициативную группу, которая выступила в поддержку Лукашенко, где были Гончар, Булахов, Привалов и еще несколько человек, которых я знал, я, взвесив все, принял решение встретиться с кем-нибудь из них. В первую очередь я думал о Привалове, с которым мы служили в Гродно, и о Булахове — с ним я неоднократно беседовал по разным рабочим вопросам. Видно было, что вокруг Лукашенко собирается команда молодых, умных, думающих о судьбе государства людей — политиков, экономистов, юристов, с которыми можно делать дело, которые позволят республике шагнуть вперед. И в начале апреля 1994 года я встретился сначала с Приваловым, переговорил о возможности на конспиративной основе поддержания отношений с ними, а затем, через несколько дней, с Булаховым.

Булахов с одобрением отнесся к моему шагу и сказал, что им

такая поддержка нужна, а за контакты с силовыми структурами у них отвечает Шейман: "Вы его знаете, и если не возражаете, то будете встречаться с ним". И уже с конца апреля 1994 года я начал систематически встречаться с Шейманом. Чаще всего я разговаривал с ним о возможных шагах, которые может предпринять Комитет государственной безопасности, для того чтобы обеспечить каким-то образом свободу и возможность нормально работать».

Показательно, что «конспирируется» не рядовой чекист, а шеф военной контрразведки Республики Беларусь. И еще одно: Кез идет не к Лукашенко, он идет в «команду», причем знаковой фигурой для него является полковник Леонид Привалов, депутат Верховного Совета, активист проправительственного объединения «Беларусь», его старый знакомец по совместной службе в Гродно.

Новые люди приходили к нам ежедневно. Лукашенко старался никого не отталкивать, даже тогда, когда появлялись явно психически больные, он говорил нам:

— Никого не отталкивайте. Это еще один голос. Это еще один избиратель. Если вы его прогоните — к кому он пойдет?

И мы никого не гнали.

Наоборот — звали к себе, причем настойчиво. Ведь Лукашенко начал «собирать» свою команду еще тогда, когда президентства в помине не было. Вспоминает тогдашний министр иностранных дел Петр Кравченко:

«В декабре 1992 года мне довелось выступать на одном из заседаний Верховного Совета Республики Беларусь. После него меня поджидал уже одетый в мешковатое пальто Лукашенко, который предложил прогуляться и проводить меня в МИД. Я согласился, отпустил машину, и мы, не торопясь, направились в министерство. Лукашенко уже "входил в силу", и мне было интересно узнать, что он от меня хочет.

Наша "прогулка" продолжалась не час и не два, а вылилась в почти пятичасовое (!!!) хождение от Дома правительства к МИДу и обратно. Вначале со стороны Лукашенко шел осторожный зондаж: он пытался выяснить мое отношение к тем или другим руководителям республики, депутатам Верховного Совета. Затем Лукашенко активизировался, его рассуждения стали агрессивными, громы и молнии начали метаться в адрес Кебича и Шушкевича. Получалось, что в республике нет ни одного стоящего руководителя — все бездари, ворюги, пьянчуги…

Я не выдержал и осадил его:

— Саша! Как ты можешь поливать грязью Вячеслава Францевича и Станислава Станиславовича, если у одного ты

просишь продать тебе из гаража Совмина "Волгу", а у другого пьешь чарку и даже ночуешь?! Возишь ему капусту, картошку и сало.

— Ты не прав, Петр Кузьмич. Я не стригу всех под одну гребенку. У нас много умных мужиков — Булахов, Гончар, Лебедько, Грибанов, Трусов, к примеру, да и тебя в парламенте ценят, — пытался парировать Лукашенко.

Мне стало ясно, что за этой комплиментарной тирадой уже скрываются планы по созданию команды, куда он пытался втянуть и меня. Прямого приглашения не последовало только потому, что я недвусмысленно дал ему понять, что у меня есть собственные политические амбиции».

Кравченко отказался. Но другие соглашались. Цепкало установил связь Лукашенко с тогдашним первым заместителем министра иностранных дел Георгием Таразевичем[112].

Появлялись и руководители структурированных организаций. Скажем, была такая очень шумная партия Славянский Собор «Белая Русь». Ее руководители, Николай Сергеев и Владимир Гурин, часами сидели у Лукашенко, задавая какие-то вопросы и мешая работать. С ними нам еще придется намаяться…

Бурно проходили встречи с представителями Союза офицеров. Его лидер Дмитрий Иванов в тот период поддерживал Кебича, но его соратники откровенно выступали за Лукашенко.

Не все и не со всеми получалось успешно… Помню, как трудно все в той же комнате отдыха проходили переговоры кандидата в президенты с председателем Аграрной партии, советником премьер-министра Беларуси Семеном Шарецким[113]. Пожилого Шарецкого привезли тайком, как бы на встречу с сыном, который работал в фирме, располагавшейся в здании ЦК СМБ. Руководитель этой фирмы Александр Еловик, собственно говоря, встречу и организовывал..

Разговаривали Шарецкий и Лукашенко наедине и расстались явно недовольные друг другом: Семен Георгиевич, уходя, ворчал что-то под нос, а наш кандидат, как всегда, невозмутимый, молча пил чай. Чашка в его огромных пальцах казалась игрушечной, неестественно маленькой.

Зато с могилевскими «хлопцами» вопросов не было. Хотя на меня лично они произвели диковатое впечатление. После Гончара и Булахова еще можно было как-то вынести Титенкова (депутат все-таки). Но от простоватого вида полувыбритого редактора могилевской газеты Григория Киселя и бывшего милиционера Владимира Коноплева[114] меня коробило. Лукашенко это заметил, положил руку на плечо и сказал:

— Ребята хорошие. Вы дружите. Они все, что надо, в

Могилеве сделают.

И мы дружили, хотя на связь со мной, информируя о ходе кампании в Могилевской области, ежедневно выходил будущий руководитель республиканского телевидения Егорушка Рыбаков[115]. Коноплеву было не до этого. Он мотался по всем городам и весям области, уговаривал, объяснял, если надо — угрожал местной номенклатуре, размахивая удостоверением помощника народного депутата Лукашенко.

Чуть позже, когда я познакомился с Аллой Коноплевой, несколько неандертальский облик ее супруга перестал меня пугать. Это была очень умная, сдержанная, прагматичная женщина, вполне достойная того, чтобы стать частью правящей элиты Беларуси. Было в ней уже тогда нечто неординарное. И те 75 тысяч подписей, которые супруги Коноплевы сумели собрать по Могилевской области в поддержку Лукашенко, — не в последнюю очередь результат работы ее собранного и внешне неброского интеллекта.

Приходили в штаб и, как мы их называли, «крысята». Это не были «крысы», бежавшие с корабля, поскольку корабль Кебича ведь мог и не потонуть. Но эти предусмотрительные люди предпочитали договариваться со всеми одновременно, посему подсылали в штаб своих «полномочных представителей» — «крысят».

Солидный седоватый дедушка с ученой степенью приходил, ласково щурясь, глядел по сторонам и шепотом представлялся:

— Шеленговский. Я от Ивана Ивановича Антоновича[116]… Вы же понимаете…

Сам Иван Иванович в тот период руководил аналитическим институтом правительства и каждое воскресенье поливал нас по государственному телеканалу последними словами, доступными доктору философских наук и бывшему члену Политбюро ЦК компартии России времен Полозкова. Вероятно, таким способом Антонович пытался приблизить нашу победу.

Эхом доходила до нас информация о переговорах с Мясниковичем[117]. (Это было и вовсе запредельно: Мясникович занимал пост первого вице-премьера, а в случае победы Кебича должен был возглавить правительство.)

Леонид Синицын вспоминает:

«До того, как стало очевидно, что Лукашенко стал явным лидером, мы с Лукашенко говорили с Мясниковичем. Он вздыхал:

— Ну да, я понимаю, у вас очень большие шансы. Я, как бы, на вашей стороне.

Не помню дословно, но то, что он выразил готовность с нами

сотрудничать, было тогда уже ясно».

Как говорится, вовремя предвидеть — не означает предать.

А вот Гончар и Булахов появлялись все реже. Диме Булахову еще кое-как приходилось «торговать лицом», поскольку официально именно он возглавлял инициативную группу по сбору подписей за выдвижение кандидатом в президенты А. Г. Лукашенко. Наделе же всю черную работу выполнили «менты» — Малумов с Сазоновым, построившие пирамиду из самых разных людей, не связанных между собой ничем, кроме искренней веры в то, что победа Лукашенко позволит им жить лучше. Вероятно, оба «молодых волка» почувствовали свою чужеродность в пестрой компании.

В одно из таких, повторюсь, не частых посещений они пили кофе и обсуждали, каким образом формировать группу доверенных лиц кандидата в президенты. Говорили, что обязательно нужна работа по категориям, по профессиям. «Депутат Виктор Кучинский — военный, и это очень хорошо. Есть пенсионер, врач, ученый…» Тут Булахов спрашивает:

— Витя, а проститутки? Кто у нас будет работать с проститутками?

— Дима, а зачем ему проститутки? У него уже есть мы.

После таких шуток можно было захлебнуться кофе: к тому, что политики — люди циничные, мы в те времена еще не привыкли.

Ольга Абрамова, тогда сопредседатель Движения демократических реформ в Беларуси, вспоминает:

«На встрече с Лукашенко мы к нему присматривались и задавали много вопросов о судьбах экономики, о судьбах местного самоуправления. И нас очень смутили ответы, сложилось впечатление, что пока что система взглядов, программные подходы у команды не сформированы. Александр Григорьевич сделал мне предложение:

— Мне нужны будут женщины-министры. Входите в нашу команду. — И повторил: — Мне нужны будут женщины-министры.

Я поблагодарила за это лестное, безусловно, предложение, но сказала, что должна подумать, и по завершении встречи подарила ему свою книжку об Аркадии Вольском, российском политике-промышленнике, надписав: "Будущему президенту Республики Беларусь"».

Сейчас это выглядит даже забавно. Философ Абрамова дарит Лукашенко свою брошюру о Вольском, международник Цепкало — о реформировании экономики в государствах юго-восточной

Азии, филолог Федута — о Пушкине. Просто Союз писателей какой-то…

ЦИК дает отмашку

Бюро ЦК Союза молодежи Белоруссии реагировало на сходки лукашенковского штаба в здании ЦК крайне настороженно. Все понимали, что ничем хорошим для СМБ это не кончится, но и остановить меня не осмеливались. В конце концов ко мне заехал член ЦК СМБ, бывший воин-интернационалист Юра Батян, работавший тогда помощником Геннадия Данилова, показал проект постановления Совета Министров о национализации нашего здания[118] и поинтересовался, какого черта я пустил «к себе» Лукашенко. Потом Юра куда-то позвонил, и мы поехали к его шефу. Тот оказался человеком слова: пообещал Юре, что меня выслушает — и выслушал.

— Так, ребята, — сказал Данилов, выслушав, — Я думал, чего это Федута так не любит Кебича. А оказывается, его обижают… Ну а если несправедливость будет исправлена, ты выгонишь Лукашенко из здания?

— Нет, — сказал я, — так я поступить не смогу.

— А как сможешь?

— Если Кебич завтра объявит, — сказал я, недолго думая, — что у здания есть законный хозяин, я тут же заявлю о созыве внеочередного съезда и о своей предстоящей отставке. До съезда два месяца, за это время и Лукашенко уйдет, и я уйду.

— Нас это удовлетворяет, — буркнула, поразмыслив, «правая рука премьера». — Но ты не обманываешь? Документы в порядке?

…Утром я впервые разговаривал с Кебичем.

— А, это вы… — рука премьера была уставшая, но с явной претензией на твердость. — Нагородили вы тут. Все вы нагородили…

Данилов сдержал обещание. Председатель Комитета по делам молодежи Михаил Подгайный буквально ошалел, услышав премьера:

— Зачем мы будем нарушать закон? У здания есть хозяин, разговаривайте с ним…

— Спасибо, Вячеслав Францевич, — сказал я.

— Как благодарить, вы знаете. Сдержите слово? — спросил Кебич.

Я кивнул.

— Алексейчик, директор БелТА, уже предупрежден, — сказал Данилов. — У тебя в приемной сидит его корреспондент, ждет твое заявление.

Помню, с какой радостью Лукашенко пожимал мне руку после этой моей отставки: «Саша, и ты — отвязался!».

Дело в том, что Лукашенко отчетливо понимал: проиграв выборы, он остался бы совсем на бобах. И деваться ему было бы некуда. Всем его соперникам было чем заняться и после поражения. Члены-корреспонденты Академии наук Станислав Шушкевич и Геннадий Карпенко, и достигший вершины исполнительной власти, ставший одним из отцов белорусского суверенного государства Вячеслав Кебич, и Герой Труда Александр Дубко, и секретарь ЦК (какого-никакого, но все-таки) партии Василий Новиков, и лидер БНФ Позняк — у всех были тылы, а у него — нет. Не мог же он, побывав кандидатом в президенты, вернуться в совхоз «Городец»!

Такая «обреченность» заставляла его задумываться и о том, есть ли куда вернуться его соратникам по предвыборной кампании? И не сдадут ли они его? Вот почему он предпочитал «отвязавшихся», сжегших мосты к отступлению. И старательно добивался отречения своих помощников от прошлого и настоящего — во имя далеко не столь уж очевидного будущего. Нетрудно представить, как он был доволен, когда Михаил Сазонов и Юрий Малумов отказались исполнить приказ министра внутренних дел и вернуться на свои рабочие места, ссылаясь на то, что они якобы все еще прикомандированы к комиссии Лукашенко. Обоим грозило увольнение. Но офицеры нарушили приказ, потому что надеялись стать политиками и отдавать приказы сами[119].

…Когда за сутки до похода к Кебичу я сообщил Синицыну о нависшей над штабом угрозе, тот только хитро прищурился. Оказывается, новые помещения для штаба уже были приготовлены, туда даже начали переносить все накопившиеся бумаги. Нас приютил Бородич.

Аркадий Бородич — фигура загадочная.

Если судить по его собственным рассказам, в которых, правда, всегда ощущается крутой привкус мюнхаузенщины, родился он где-то в районе солнечного Магадана, так что усвоил тамошние замашки без особого труда. Занимался строительством, потом, после благословенных горбачевских реформ, по его словам, перешел на какие-то финансовые операции. К началу предвыборной кампании 1994 года он был уже владельцем нескольких фирм, а заодно и заместителем председателя правления «Белагропромбанка» — то есть заместителем будущего первого лукашенковского премьер-министра Михаила Чигиря.

Поскольку наш милиционер Николай Карпиевич незадолго до

того проверял какую-то из компаний Бородича, то, вероятнее всего, именно он и «привлек» зама Чигиря в предвыборную команду.

Сам же Чигирь появился у нас всего однажды, тщательно вжимаясь в собственный пиджак. Он не был похож тогда не то что на будущего руководителя правительства, но даже на главу крупного банка, которым руководил.

Выделенные Бородичем под штаб помещения находились неподалеку от здания ЦК комсомола, то есть от нашего бывшего штаба. Это были шесть комнат с отдельным входом, располагавшиеся на двух лестничных площадках. Мы называли их «скворечником», и сидели в этом «скворечнике», собственно говоря, на птичьих правах — возможность бесплатно пользоваться помещениями являлась своеобразным спонсорским взносом Бородича. Кроме того, машины (личный транспорт) регулярно заправлялись сверхлимитированным тогда бензином, а штабисты раз в день спускались в столовую обедать — «за счет фирмы», то есть все того же Бородича.

Повторяю: вероятно, это была самая дешевая избирательная кампания и самый дешевый штаб из всех, которые мне приходилось видеть…

Сам кандидат бывал в штабе редко. Он много ездил по республике, проводил встречи в Минске. Нужно отметить, что тогда работник он был почти идеальный. Сегодняшний категоричный, не приемлющий чужого мнения президент, будучи кандидатом, умел выслушивать всех, причем очень терпеливо.

Штаб теперь собирался не часто. Первоначально, когда работы было мало, Синицын старался на общих сборах встряхивать нас, помогая оставаться в форме. Но по мере того как механизм раскрутился и подписи пошли валом, собирались лишь для обсуждения действительно насущных вопросов…

И вот 31 мая 1994 года ЦИК начал процедуру регистрации кандидатов на пост Президента. Подписи были собраны.

Рекордсменом стал, как и ожидалось, Вячеслав Кебич. Он собрал 411 тысяч подписей, кроме того, представил в ЦИК 203 подписи депутатов Верховного Совета (выдвижение на пост Президента осуществлялось путем сбора подписей 100 тысяч граждан или 70 депутатов ВС).

Второе и третье места достались кандидатам, опиравшимся на поддержку разветвленных партийных структур: у Позняка — 232 тысячи, а у Новикова — 199 тысяч. Дубко набрал 146 тысячи, а Шушкевич — 131 тысячу.

Лукашенко оказался на четвертом месте (176 тысяч), причем

свыше семидесяти тысяч подписей собрали по Могилевской области: сработали Алла и Володя Коноплевы.

Затруднения возникли лишь у одного из потенциальных кандидатов — у Геннадия Карпенко.

Сквозь козни — к цели

Геннадия Карпенко все воспринимали как человека с демократическими, вполне рыночными убеждениями. Он был своим и для оппозиции, и для власти: в парламенте возглавлял комиссию по науке и научно-техническому прогрессу, а потом, при всей нелюбви к резким телодвижениям, бросил все и баллотировался на пост председателя Молодечненского городского совета (тогда этот пост был совмещен с постом председателя исполкома). Первым его заместителем стал Виктор Гончар.

Этот дуэт попытался превратить Молодечно в столицу рыночных преобразований, а заодно и в культурную столицу Беларуси. Город действительно преобразился; ежегодно в нем проводились всевозможные фестивали и конкурсы. В этом районном центре были созданы, быть может, лучшие условия для развития предпринимательства в стране. Пресса смеялась: новые утописты превращают Молодечно в «Город Солнца». Смех смехом, но так оно и было. И мэр города Карпенко становился все более и более известен и популярен.

Его кандидатура могла привлечь на свою сторону и интеллигенцию, и чиновников, и директорский корпус. Это был опасный соперник еще и потому, что он не нес какой-либо персональной ответственности за развал экономики. И в снятии его кандидатуры с дистанции были заинтересованы все. Геннадий Карпенко опирался исключительно на «волонтеров» — новую тогда для Беларуси группу «профессиональных» сборщиков подписей, работавших за деньги. Больших денег, а соответственно, особой надежды на успех у Карпенко не было.

Но у него оставалась другая надежда. Можно было собрать подписи 70 депутатов Верховного Совета, где Геннадий Дмитриевич был достаточно популярен. И он относительно легко собрал эти подписи, причем ставили их в поддержку Карпенко люди самых разных политических убеждений, от членов парламентской оппозиции до членов парламентского большинства, от «молодых волков» до сторонников «загнанного» ими до политической полусмерти «зубра» Шушкевича.

Карпенко набрал 70 подписей депутатов — и расслабился, считая, что собирать 100 тысяч подписей рядовых избирателей

уже не нужно. Это его и погубило. Из ПО тысяч собранных его «пехотой» подписей ЦИК сумел признать действительными только 93 тысячи. Остальное «нарисовали» недобросовестные «волонтеры», думавшие о деньгах больше, чем о победе своего кандидата.

…Первыми отозвали депутатские подписи за Карпенко сторонники Станислава Шушкевича. Эту кампанию организовывал депутат Олег Трусов, хорошо понимавший, что Карпенко способен оттянуть добрую треть голосов его кандидата.

Здесь начали суетиться все остальные. Одним соперником меньше — вот славно-то будет!

Узнав, что среди поставивших подписи в поддержку выдвижения Карпенко не только Виктор Гончар — что было как раз вполне естественно, — но и еще несколько его сторонников, Лукашенко собрал специальное совещание и требовал одного: отозвать подписи! Немедленно! Любой ценой.

Это была почти истерика: как же — среди подписантов оказался даже руководитель инициативной группы по выдвижению самого Лукашенко Дмитрий Булахов!

Совещание шло более часа. Уговоры не действовали. И лишь аргумент Леонида Синицына сыграл определенную роль:

— Не волнуйся! Карпенко они снимут и без нас!

Синицын предлагал не ссориться с Карпенко, надеясь привлечь его в будущем на нашу сторону. Тем более уже было известно, что свои подписи отзывают члены депутатского объединения «Беларусь». В разговоре на улице, нечаянным свидетелем которого я был, Василий Леонов поддержал Синицына:

— Чего вы волнуетесь? Зачем вам вообще штаб? *Они* все сделают за вас.

Так и получилось: из 78 депутатских подписей, поданных за выдвижение Карпенко кандидатом в президенты, в ЦИКе осталось лишь 64. «Соперника» дружно «пристрелили» штабы непримиримых оппонентов — Кебича и Шушкевича.

Карпенко мог судиться с ЦИКом, но не пожелал. Возможно, ему просто было лень. Возможно, он надеялся, что у него еще будет шанс наверстать упущенное, если выборы не состоятся.

Лукашенко, таким образом, вышел из истории с подписями Карпенко, сохранив лицо. Лишь подпись Булахова была отозвана. И то — не отозвана, а заменена подписью Ивана Титенкова: баш на баш.

В команде Кебича были вдохновлены достигнутым успехом. Там знали о фактическом окончании кампании Карпенко еще до того, как Лукашенко сдал подписи в Центризбирком. И поскольку теперь именно Лукашенко воспринимался как главный конкурент, следовало не дать и ему возможности зарегистрироваться.

Ставка была сделана на руководителей партии Славянский Собор «Белая Русь» Николая Сергеева и Владимира Турина. Что им пообещали тогда, никто до сих пор не знает, однако именно они публично объявили, что Лукашенко предал интеграционную идею, окружил себя агентами иностранных разведок и отказался от левоцентристских убеждений. Сергеев и Турин обратились к рядовым членам своей партии с призывом не сдавать подписи, даже если они ими собраны.

Но никакой паники в нашем штабе не было. Никто толком не знал, сколько подписей собрали члены Славянского Собора, но Малумов и Сазонов, которые вели подсчет, в конце концов успокоили нас: все в порядке, движемся дальше. К тому же рядовые члены Славянского Собора не только не ушли с нашего корабля вслед за своими вождями, а, напротив, добросовестно старались доказать, что они «не такие». Работа продолжалась. Подписи собирались. Генерал Анатолий Баранкевич лично собрал около семисот подписей…

Лукашенко зарегистрировали.

Началась предвыборная кампания.

Глава девятая. Окончательный выбор

В российской Госдуме

Одной из главных карт, которые разыгрывались ведущими кандидатами в ходе избирательной кампании, как мы помним, была карта отношений с Россией.

Кебич активно эксплуатировал проблему введения единой валюты, создания рублевой зоны и с помощью государственных средств массовой информации фактически узурпировал тему.

Лукашенко предстояло превзойти своего конкурента на интеграционном поле. Но здесь нужно было как-то авторитетно заявить себя, резко встряхнув общественное сознание. В штабе считали, что лучшим образом этому мог бы содействовать визит Лукашенко в Государственную думу Российской Федерации.

Визит взялся организовать Валерий Цепкало. Блестящий выпускник МГИМО, он оказался совершенно чужим для белорусской номенклатуры, в том числе и дипломатической. А

Лукашенко давал ему шанс одним махом вырваться с нижних этажей дипломатии, сразу перескочив через несколько ступенек. Поэтому обеспечить ряд громких имиджевых акций предвыборной кампании было очень даже в интересах Цепкало.

Дело осложнялась тем, что согласованные им сроки визита как назло совпали с предательством руководителей Славянского Собора, и поездка в Москву в такой ситуации неизбежно выглядела бы попыткой самооправдания. Поэтому большинство членов штаба выступили против визита. Активно поддержали идею визита лишь Булахов, Цепкало и я. Синицын, как всегда в спорных случаях, предпочел выжидательно промолчать.

Лукашенко выслушал всех и категорически заявил:

— Большинство решило — так тому и быть! Не поеду!

Все разошлись. А через два дня из прессы мы узнали, что наш кандидат все-таки посетил Думу. Это было вполне в его духе.

В Думе у Цепкало связи были преимущественно во фракции ЛДПР, поэтому принимающей стороной выступила именно эта фракция. Она же предоставила время своей пресс-конференции для встречи Лукашенко с журналистами. Таким образом, визит в Думу был на самом деле визитом во фракцию Владимира Жириновского, но никто в Белоруссии на это особого внимания не обратил.

Пользуясь статусом народного депутата, Лукашенко предложил «Народной газете» опубликовать текст своего выступления в Думе. И редактор парламентского издания, Иосиф Середич[120], хотя и мало веривший в победу Лукашенко, но откровенно игравший против Кебича, охотно напечатал предоставленный текст.

В принципе, в Думе Лукашенко повторил все то, что он говорил и в Беларуси. Речь шла о системном кризисе в белорусской экономике, о затоваренных складах белорусских заводов, наконец, о бывших военных городках, лишенных каких бы то ни было перспектив. Особо он остановился на своей инициативе по возрождению Союза на новой основе:

«Предлагаю трем парламентам, я имею в виду и братский украинский, немедленно создать официальные депутатские группы для проведения переговоров о выработке механизма объединения братских республик! Надеюсь, что это поддержат президент и правительство России. Ушло время разрушения, пришло время созидания.

Собраться нужно обязательно, и сделать это в Беловежской пуще, в Вискулях. Это будет символично. Именно там можно серьезно и откровенно обсудить политические и экономические

условия столь необходимой нам всем интеграции. Разумеется, это будет не воссоздание Советского Союза, не превращение Беларуси и Украины в какие-то губернии, а ответственный и судьбоносный шаг на пути восстановления нормальной жизни»[121].

С практической точки зрения выступление в Думе кому-то могло показаться полным провалом:

«Речь гостя вызвала протест со стороны фракции "Выбор России" (напомним, что это была тогда проправительственная фракция. — *А. Ф.*). Выступивший от ее имени Борис Золотухин заявил, что с трибуны Госдумы имеют право выступать лишь официальные представители других государств. Он дал понять, что Лукашенко использует трибуну Думы в предвыборной борьбе за пост президента Беларуси…

Представитель фракции коммунистов предложил открыть дискуссии по вопросу, поднятому Лукашенко. Однако Дума отклонила эту идею. 132 депутата проголосовали "за", 51 — "против", 12 воздержались. (Кворум для принятия решения — 225 голосов.) Затем Александр Невзоров от имени депутатской группы "Российский путь", возглавляемой Сергеем Бабуриным, предложил внести в протокол заседания Думы запись о том, что инициатива Лукашенко, направленная на сближение парламентов и народов России и Беларуси, приветствуется Думой. Это предложение также не было поддержано»[122].

Но зато политически само появление «кандидата с улицы» в Думе, да еще со скандалом — было сильным ходом. Белорусы привыкли к тому, что контакты на официальном уровне осуществляют исключительно высшие руководители страны, премьер-министр и глава парламента. За недолгие годы суверенитета таких контактов было достаточно много, но пользы от них никто не ощущал. Правительство трубило о восстановлении «рублевой зоны», видя в этом главный козырь предвыборной кампании Вячеслава Кебича. Население верило и ждало, что вот-вот вновь вместо «зайчиков» оно начнет пользоваться той же валютой, что и Россия, — в данном случае российскими рублями. Но идея «рублевой зоны» неожиданно наткнулась на непредвиденное обстоятельство.

Кебич начинает беспокоиться

У «непредвиденного обстоятельства» были имя, а также ученая степень и статус председателя правления Национального банка Республики Беларусь. Звали «обстоятельство» Станиславом Богданкевичем.

Профессор Богданкевич, вопреки всем действиям

правительства, настаивал на самостоятельности Национального банка Беларуси — то есть на сохранении права эмиссии, права создавать собственные золотовалютные запасы:

«Я никогда не пойду на то, чтобы отдать активы Нацбанка в распоряжение другого государства. Когда мы сидели в кабинете Черномырдина, Шохин (тогда — вице-премьер и министр экономики России. — *А. Ф.*) сказал: "Если вы так ставите вопрос, мы готовы в порядке исключения само здание (здание Национального банка. — *А. Ф.*) оставить в собственности Беларуси". Нам нужна такая подачка? Все это не имеет никакого отношения к экономическому союзу. Интеграция — это обмен продуктами труда, свободное движение капитала, отказ от таможни. Я двумя руками "за"»[123].

Об «упрямстве», а на деле — продуманной и четко аргументированной позиции Богданкевича, не желавшего во имя политической карьеры Кебича нарушать Конституцию и отказываться от национальной валюты, знали лишь в кругах политиков и экономистов. Народ видел другое: правительство обещает ввести российский рубль — и ничего не делает. Вот почему сам факт визита Лукашенко в Государственную думу вызвал крайне нервную реакцию Кебича. Не случайно «Народная газета» строкой ниже текста выступления Лукашенко в Думе сообщила: «За час до подписи газеты в печать стало известно, что премьер-министр В. Кебич срочно вылетел в Москву».

У Кебича была и еще одна причина для беспокойства. Опираясь на информацию агентства Интерфакс, «Народная газета» сделала весьма серьезное примечание: «На состоявшейся после выступления в Думе пресс-конференции А. Лукашенко, отвечая на вопросы журналистов, сказал, что одной из целей его пребывания в Москве является исследование фактов продажи белорусским правительством оружия в Хорватию».

Это было уже совсем серьезным ударом. Заявление о том, что правительство суверенной Беларуси продает оружие в обход эмбарго ООН, было недвусмысленным доносом, позволявшим немедленно перевести Вячеслава Кебича из числа союзников России в число подозреваемых: санкции против бывшей Югославии вводились с согласия Кремля.

Петр Кравченко — основная мишень этого удара — оценивает это заявление так:

«Это были инсинуации, высосанные из пальца. За этой провокацией явно стояли незадолго переведенный в Варшаву Георгий Таразевич, изгнанный из МИДа за профнепригодность Валерий Цепкало и, возможно, Валерий Кез».

Скорее всего, здесь Лукашенко попросту сочинял, ибо никаких фактов, в реальности подтверждающих подобное нарушение международных обязательств, им озвучено не было. Да и сам Лукашенко после победы оставил эту тему без последствий.

Стороны постигают «черный пиар»

Впрочем, лгал не только Лукашенко.

Можно сказать, что главным принципом всей кампании 1994 года была сознательная ложь обеих ведущих команд. Аутсайдеры оказались то ли менее прагматичными, то ли более нравственными.

В частности, с подачи штаба Кебича 14 июня в газете «Советская Белоруссия» под названием «Беларусь беременна первым президентом. Кто им станет?» была опубликована статья, выданная за перепечатку из голландской газеты «Amsterdammgufiere». В ней искажались факты из биографии Станислава Шушкевича («именно благодаря ему, сыну поляка-католика и польской еврейки, в православной Беларуси были открыты более двухсот католических костелов, а православных церквей лишь два десятка»), ему приписывались русофобия и крайний национализм.

Было понятно, что статья написана либо в Минске, либо в Москве: ни один европеец не поднимал бы вопросов религиозности и национальной корректности в такой дикой форме, как это было сделано в статье. Уже по окончании предвыборной кампании Станислав Шушкевич через суд сумел защитить свои честь и достоинство, доказав, что голландского оригинала данной статьи никогда не было.

Александру Лукашенко, разумеется, тоже достался ушат обвинений. В частности, за два дня до голосования белорусское государственное телевидение продемонстрировало сюжет, в котором стюардесса правительственного самолета сообщает телезрителям, что якобы несколько лет назад депутат Лукашенко во время визита в Китай… похитил у нее сумку с конфетами и электромассажером. По слухам, передача была инспирирована пресс-секретарем Кебича полковником Заметалиным[124]. Помню, я позвонил Лукашенко в гостиницу с вопросом, видел ли он этот сюжет. После минутной паузы кандидат в президенты спросил меня:

— Саша, и ты в это — веришь?

Конечно, я в это не верил. Никакие заместители министра, якобы летевшие в этом самолете, а теперь демонстрируемые

телевидением прямо на больничной койке, не могли убедить меня в том, что такое — было. И не только меня. Сказанному не поверил практически никто. Не известная никому стюардесса лучше любого агитатора убедила избирателей в том, что власть боится Александра Лукашенко, а потому за него стоит голосовать[125].

Впрочем, черные (или темные — как обычно говорят о сомнительных историях) технологии и команде Лукашенко были отнюдь не чужды.

С одной из таких нашумевших историй попробуем разобраться.

Выстрел в Лиозно

Семнадцатого июня, во время поездки по Витебской области, в Лиозненском районе, машина кандидата в президенты Лукашенко (принадлежащая депутату Ивану Титенкову) подверглась обстрелу со стороны неизвестных лиц. Кроме Лукашенко и Титенкова в машине ехал депутат Виктор Шейман.

Телевидение и радио тут же распространили версию, согласно которой покушение задумано в штабе Лукашенко и разработано Булаховым и Гончаром. Когда я примчался в штаб, там уже сидел белый как полотно Виктор Гончар. Всем своим видом он словно спрашивал: «И вы в эту чушь верите?»

Говорит Зинаида Гончар[126]:

«То, что Витя никоим образом к этому отношения не имел, это факт, потому что на тот момент они даже не общались».

Булахов и Гончар не могли иметь к этому инциденту отношения хотя бы потому, что Лукашенко в этот момент им уже не доверял. Но были ведь и другие, те, кто доверием пользовался. Например, Леонид Синицын:

«О выстреле под Лиозно я узнал, как и все, утром. Они уехали в Лиозно, где-то во второй половине дня. Утром приехали и говорят, что был такой случай. По радио сообщили, и мы обсуждали, что же произошло. Что произошло там на самом деле, я не знаю до сих пор. Хотя ничего страшного в этой истории мы тогда не видели — на выборах чего не бывает…».

Власть немедленно потребовала расследования инцидента. С одной стороны, следовало доказать, что правительство не имеет к этому никакого отношения, с другой стороны, указать на истинного виновника происшествия.

Вспоминает Валерий Павлов:

«Я позвонил Константину Михайловичу Платонову (тогда — первый заместитель министра внутренних дел Беларуси. — *А.*

Ф.), попросил взять специалистов и вылететь на вертолете в Лиозно, реально во всем разобраться. Вертолет Минобороны им предоставил… В состав группы входил и Юрий Захаренко[127]. И когда они вернулись, Захаренко поздоровался и говорит:

— Мы привезли "могилу".

Я говорю:

— Как так?

— Да, — говорит, — стреляли. "Мерседес" стоял, стреляли в стоящую машину, чистейше разыграна инсценировка.

Тогда — и до, и после этого — не позволило свершиться правосудию только одно — мягкость Кебича: "Ай, ну ладно, ну что, ну стреляли!" Хотя вся эта "гвардия", по большому счету, должна была быть арестована, вне зависимости, что они депутаты. Стрельба — это применение оружия. Ну а дальше — следствие и баста… Ну, говорить, кто стрелял, я не буду…»

Результаты первичного расследования были оглашены по телевидению, но в них никто не поверил. Все, что говорилось в тот момент против Лукашенко, в общественном сознании оборачивалось дополнительными очками опальному кандидату: боятся, клевещут — значит, достойный человек, нужно его поддерживать.

Пистолет, из которого стреляли по «мерседесу», так и не нашли. Аркадий Бородин несколько лет спустя рассказывал мне о том, что накануне памятной поездки в Лиозно Виктор Шейман попросил его достать где-нибудь «нейтральный» пистолет. Бородич достал. Через несколько дней после лиозненского инцидента пистолет был возвращен «Витей-молчальником» владельцу с короткой, но очень характерной фразой: «Не пригодился».

Можно лишь гадать, почему Юрий Захаренко, хорошо знавший о том, что произошло под Лиозно, позже согласится стать министром внутренних дел в правительстве Лукашенко. Валерий Павлов, например, объясняет это так:

«Нормальный человек. Я думаю, все связано с тем, что его пригласили и сказали… Ну, что бы я, например, сказал на месте Лукашенко? "Юр, — сказал бы, — ну было-было там что-то, ну пацаны пошустрили, что тут такого? Чего только не бывает на выборах, да? Верю, знаю, что ты нормальный мужик, свой… Министром пойдешь?" Молодому человеку предлагают должность обалденную, ему до этой должности надо было бы пройти ступеньки три-четыре, а он стал сразу министром. И этот вопрос забыт. И второе, главное, победителей не судят».

Похоже, так и было, и совпадение предположения Павлова с оценкой начальника лукашенковского штаба Синицына: «На

выборах чего не бывает» — это косвенно подтверждает. Сам же Захаренко начнет рассказывать правду лишь после своей отставки. Но тогда ему уже мало кто поверит: сочтут, что в молодом генерале говорит обида.

Второй куратор следствия, генерал Геннадий Лавицкий, бывший в тот период шефом белорусского КГБ, вскоре после выборов уехал послом Беларуси в Израиль, в каковом звании (вопреки всем дипломатическим нормам) пребывал свыше девяти лет. И — молчал.

Ни с левыми, ни с правыми

Но кампания была проиграна властями не только потому, что им не верили даже тогда, когда они говорили правду. Народ с готовностью обманывал себя сам. Он видел в лице Лукашенко защитника и готов был идти за ним до конца. Тем более что образ кандидата в президенты Лукашенко был сформирован в точности с ожиданиями большинства избирателей.

Хотя правительственная пропаганда усиленно втискивала Лукашенко в число так называемых левоцентристских кандидатов (Дубко, Новиков, Лукашенко — и фаворитом, естественно, Кебич), лозунг предвыборной кампании будущего президента гласил: *«Ни с левыми, ни с правыми, а с народом…»*

Лозунг этот придумал наш штабной аналитик Сергей Чалый, когда мы обсуждали вопрос о том, чем же стихийный коммунист Лукашенко отличается от «организованного» коммуниста Новикова. И он был немедленно подхвачен Синицыным. Леонид Синицын же предложил и основную структуру будущей положительной программы Лукашенко: *«Заключить союз с Россией. Обуздать инфляцию. Заставить работать промышленность»*. К слову, последний пункт программы не был столь утопичен, как это провозглашалось противниками Лукашенко. И в нем была определенная хозяйственная логика. Тот же Синицын, профессиональный строитель, предлагал делать ставку на строительство как на отрасль, способную, по его убеждению, стать локомотивом белорусской экономики.

Дальше пошла разработка двух вариантов программы. Оба варианта так никому и не понадобились, поскольку никто в 1994 году никаких программ не читал: голосовать собирались «сердцем»[128].

Больше всего мы опасались козней противника в связи с выступлением нашего кандидата по телевидению. Мы знали, что коллектив Гостелерадио строго контролируется правительством. (Накануне была закрыта популярная радиопрограмма

«Белорусская молодежная», коллектив которой откровенно фрондировал, поддерживая Позняка и Шушкевича, а заодно предоставляя эфир и Александру Лукашенко[129].) Тем не менее, возможности кандидата в президенты выступить по государственному телевидению в 1994 году были — с точки зрения сегодняшних белорусских политических реалий — почти фантастические. Каждому из кандидатов предоставлялось по три тридцатиминутных выступления в прямом эфире.

Этим огромным временем нужно было как-то распорядиться. Нам казалось, что в штабе премьер-министра гораздо лучше нас знают, как это сделать. И когда мы с Михаилом Сазоновым прибыли в Гостелерадио с заявкой, выяснилось, что опередил пас, действительно, только представитель Кебича.

Однако время, зарезервированное под премьера, по какому-то злому умыслу совпадало то с трансляцией футбольного матча, то с очередной серией бразильской «мыльной оперы». Мы были шокированы: получалось, что штаб Кебича чуть ли не нарочно «подставлял» собственного кандидата.

Разрабатывали сценарий будущего «прямого эфира» мы с Синицыным. Нужно было обеспечить эффект «прямой связи» с народом, поэтому по нашей просьбе в студии установили прямую многоканальную телефонную линию — для вопросов телезрителей. Ответить на все вопросы было невозможно, поэтому договорились, что отвечать Лукашенко будет на домашние заготовки, и только изредка — па реальные прямые звонки. Заготавливались, отмечу, только вопросы: кандидат наотрез отказался репетировать ответы, полагаясь на свой дар импровизатора (и не напрасно). Вместо диктора от государственного телевидения вопросы «подавал» представитель штаба: во время первой программы — я, во время второй и третьей — Леонид Синицын, вежливо меня отстранивший со словами: «Проще надо быть, проще!».

Проблема была с руками: Лукашенко никак не мог решить, куда их девать на эти полчаса. Договорились, что руки лежат на столе. И камера все время выхватывала эти огромные, по-мужицки хваткие руки, которые как бы перед битвой сжимаются в кулаки. Но уже на втором выходе в эфир Александр Григорьевич освоился, и его руки свободно «летали», как сказала потом одна из восторженных телезрительниц.

Позже эту невероятной раскованности лукашенковскую жестикуляцию отметит во время съемок первой для президента Беларуси программы «Момент истины» и Андрей Караулов. Тогда же будут запечатлены и первые слезы в глазах Лукашенко — когда речь идет о белорусских гимнастках, «девочках-

тростиночках».

Еще раз повторяю, Лукашенко был сам себе имиджмейкером и режиссером. Никто лучше него не чувствовал, что и как нужно сказать людям. Но это вовсе не означает, что у нас не было предварительной режиссуры его выступлений и встреч с электоратом. Как правило, всюду повторялась одна и та же заранее продуманная схема. Вначале выступало «доверенное лицо» кандидата — депутат Виктор Кучинский. Бывший военный политработник, летчик, небольшого роста, широкоплечий молодой парень, он буквально пылал энергией. Синицын называл это «разогреть публику». Он вспоминает:

«Кучинский делал это умело. Публика прямо на глазах становилась пластичной, тут выходил Лукашенко и рубил этот пластилин, выстраивал всех в зале точно, как ему было нужно…».

Рядом с холеричным Кучинским Лукашенко сразу поражал зал своим спокойствием, даже флегмой. Но по мере к финалу энергетика нарастала, сипловатый голос становился все громче, речь — все тверже, все убедительнее… И в конце — ответы на вопросы — всегда блестящее заключение-экспромт.

Впрочем, вопросы у людей в основном были одни и те же: Лукашенко оставалось лишь импровизировать, вспоминая, что он говорил раньше.

Главный помощник — Кебич?

Ораторские способности Лукашенко особенно проявились между первым и вторым турами голосования, когда штаб Кебича неожиданно предложил использовать форму теледебатов. Трудно было придумать что-либо более убийственное для премьера. Мы с Сазоновым, делегированные для ведения переговоров с пресс-секретарем Кебича Владимиром Заметалиным, больше всего опасались, что тот вдруг откажется от дебатов, «сорвется с крючка».

Но мы напрасно опасались: Заметалин сам начал нас уговаривать. И даже согласился на навязанную нами форму дебатов с участием журналистов, в те времена в большинстве своем ненавидевших Кебича.

Во время дебатов Лукашенко просто по стенке размазал противника. Вячеслав Кебич, привыкший к подготовленной аудитории, которую ему услужливо собирали его штабисты, безуспешно пытался заставить соперника перейти к обсуждению каких-нибудь конкретных вопросов.

— Вот вы говорите, что запустите заводы. А как вы это сделаете? — с упорством бывшего заведующего отделом

промышленности ЦК КПБ экзаменовал оппонента Кебич.

— Запустим! Вы не запустили, а мы запустим! — бодро, как троечник на экзамене, отвечал Лукашенко.

И этого было достаточно! Народу были нужны уверенные и простые ответы на простые вопросы. «Мы сделаем! Мы знаем как!» По отношению к действующему руководителю презумпция невиновности практически не действовала, зато с избытком веры переходила на все, что бы ни городил его соперник.

Проигрышем для Кебича обернулось и приглашение журналистов. От них ждали, что они будут загонять в угол Лукашенко. Но напрасно. Ведь что я, например, говорил тогдашнему собкору «Известий» Александру Старикевичу, уговаривая его прийти на дебаты? «Кебича вы все равно не любите куда больше, чем Лукашенко!» — и это действовало!

А Заметалин, например, усиленно уговаривал кого-нибудь из представителей прессы спросить премьера, каковы виды на урожай. Но до самого конца программы Кебич не дождался паса в аграрный сектор электорального поля и ему пришлось пасовать себе самому:

— Ну а почему никто меня не спросит, каковы виды на урожай?

Виды, как выяснилось, были неплохие, вот только урожай (уже после выборов) пришлось собирать не тому, кто сеял.

Против премьер-министра работали все и вся. Даже БНФ, наиболее разветвленная структурно партия, которая именно поэтому должна была быть и наиболее осведомленной, видел соперника не в Лукашенко, а именно в Кебиче.

Говорит Валентина Тригубович:

«Главным противником для всех в выборной кампании был Кебич. Выступая против Кебича, рассказывая, что он неправильно делает, что коммунистическая система отжила, мы получали поддержку. Даже в самых глухих деревнях, куда мы приезжали и говорили: "За кого будете голосовать?" — "Только не за Кебича!" Вот эту задачу тогда выполнили, что называется, на сто процентов: лишь бы не Кебича. И думаю, что как раз эта общая установка и дала то, что мы получили…».

Было понятно: все, кто работал против Кебича, видя в нем главного претендента, вольно или невольно помогали нашему кандидату. Даже те, кто его на дух не переносил.

Ну а больше всех ему, конечно, помогал сам Кебич с его несуразным штабом.

Три слова о финансах

Особым сектором электорального поля были предприниматели. Их голоса были не столь уж и многочисленными, но дело не в голосах, а в материальной поддержке. Дешево-то дешево, но без денег никакую кампанию не проведешь.

Я в ходе выборов 1994 года никак не соприкасался с финансовыми вопросами, посему вынужден приводить высказывания тех, кто в этом разбирается несравненно лучше меня.

Вспоминает едва ли не единственный белорусский предприниматель, которого можно было бы считать «национальным олигархом», — Александр Пупейко[130]: «В марте 1994 года состоялось заседание клуба директоров. На нем, как мне передали, выступили Булахов и Гончар, мягко говоря, с призывом ко всем присутствующим организовать поддержку Лукашенко. В победе они не сомневались и четко заявили, что если кто-то из присутствующих не будет им помогать, то после победы тому будет плохо. Мы тогда свой выбор уже сделали, и наши люди пытались убедить — и присутствующих, и представителей команды Лукашенко — в том, что наш-то выбор для Беларуси будет получше. Не удалось… Но этот "контакт" с предвыборным штабом Лукашенко нам неоднократно аукнулся».

В одном из газетных интервью Александр Пупейко говорит о другом случае:

«У меня сложные отношения с "комсомольцами" — я называю "комсомольцами" бизнесменов — выходцев из того мира. Представитель этой группы в совершенно грубой форме обращался ко мне в 1994 году: поддерживай побеждающего на выборах Лукашенко. Мне пришлось его поставить на место»[131].

Выбор Александра Пупейко, успешно заработавшего к тому времени не один миллион долларов, был вполне продуман:

«Мы сознательно — я, мои коллеги, мои друзья — те, кто был связан со мной всякими узами, в том числе и экономическими, — поддерживали Шушкевича. Тем не менее рациональность требовала совершения некоторых пакетных инвестиций, и ввиду того, что я имел хорошие отношения с некоторыми членами команды Кебича, мы оказывали некоторую "интеллектуальную" помощь и им… Среди кандидатов в 1994 году наиболее предпочтителен был, безусловно, Шушкевич, но если бы так разложились голоса, что был бы выбран Кебич, для Беларуси это не было бы большой трагедией, потому что у Кебич все-таки часто мыслил в правильном направлении».

Но если Пупейко все старался просчитать и руководствовался

определенной логикой, как и положено бизнесмену, это вовсе не означало, что «весь бизнес» думал так же, как он.

Свидетельствует Валерий Круговой[132], в 1994 году — один из руководителей Первого республиканского инвестиционного фонда (ПРИФа), один из тех самых «комсомольцев», о которых упоминал Пупейко:

«Контакты у меня и у Александра Саманкова (один из совладельцев ПРИФа. — *А. Ф.*) были в основном с господином Булаховым. Через него с господином Гончаром. И когда началась избирательная кампания Лукашенко, эти люди передали просьбу финансово помочь. Причем не просто помочь лично, а чтобы мы привлекли тех людей, кого знали в бизнесе. Ну, мы провели пару таких негласных встреч с разными предпринимателями, было решено определенной суммой помочь. Правда, были и люди, которые сказали: "Мы этому никогда в жизни помогать не будем". Но через некоторое время тот же Булахов сказал: "Ребята, не надо; поберегите деньги для других задач — там есть кому финансировать". Поэтому я знаю, что определенные суммы сбрасывались, но это были небольшие суммы. Хотя готовились к большему объему, но нам сказали, что необязательно».

ПРИФовцы старались помочь Лукашенко — разумеется, рассчитывая на последующие дивиденды. Помогал и Александр Саманков, которому суждено было стать первым арестантом из числа лиц, причастных к президентской кампании[133].

«Александр Саманков принимал активное участие в кампании по избранию президента РБ на стороне Александра Лукашенко, помогая его команде решить как организационные, так и финансовые вопросы… К примеру, в числе прочих доказательств в суде фигурировал дубликат нотариально удостоверенной доверенности от 3 мая 1994 года, которой некий Николай Гуськов уполномочил Лукашенко А. Г., проживающего в дер. Рыжковичи Шкловского района, управлять автомобилем марки "ВАЗ-21091", госномер 00-58 КС без права отчуждения сроком на три года. Приглашенный в суд свидетель Гуськов Н. В., шурин Саманкова (муж сестры), подтвердил, что, действительно, на его имя из личных средств Саманкова был приобретен этот автомобиль и по просьбе Александра Гавриловича он по доверенности передал его в пользование Александра Григорьевича. Автомобиль был возвращен ему сотрудниками службы безопасности президента лишь после ареста Саманкова»[134].

А вот что вспоминает об этом периоде Тамара Винникова, возглавлявшая тогда крупнейший коммерческий «Беларусбанк»:

«За финансированием обращались вместе Иван и Леня

(вероятно, неразлучные в тот период депутаты Иван Титенков и Леонид Синицын. — *А. Ф.*). Они не говорили о том, что просят о финансировании избирательной кампании, они просили выдать огромный кредит для фирмы, имеющей счет в другом банке. Банки в таких случаях требуют перевода счета клиента к себе, так как иначе не могут осуществлять контроль.

Когда пришел представитель фирмы, и ему было предложено перевести счет его фирмы к нам, он крайне изумился: о каком контроле может идти речь, если деньги идут на избирательную кампанию?! Ему было отказано в средствах. Позже, когда меня назначал и на пост главы Нацбанка, а Леня был категорически против, он с обидой выговаривал А. Г., что президент убирает тех, кто помог, а меня назначает, хотя я отказалась финансировать кампанию»[135].

Об этом с Синицыным мы не говорили. По вполне понятным причинам, никаких комментариев на сей счет я от него и не ждал — есть вещи, в которых люди самим себе не признаются. А вот разъяснения по близкому поводу Леонид Синицын мне дал.

Уже по окончании выборов широко распространится слух о том, что причастным к финансированию избирательной кампании Лукашенко был бывший житель Минска, гражданин США Иосиф Левитан. Но эти слухи Леонид Синицын тщательно опровергает:

«Левитан — человек общительный — занимался бизнесом. Поскольку он общался и с нами, и со мной общался, и со многими другими, создалось ложное впечатление, что Левитан каким-то образом относится к этому делу. Конечно, нужны были деньги, естественно, об этом мы разговаривали, но помощи какой-то и поддержки ниоткуда не было, во всяком случае, со стороны Левитана не было абсолютно. Он не был игроком в этой игре».

Признаюсь, верится в это с трудом. Ведь Иосиф Левитан был фактическим хозяином того самого фонда «Наследие Чернобыля», в котором работал директором Иван Титенков. Так что внешне связь существует. Такая же, какой она была у нашего штаба, возможно, тоже внешне, с Аркадием Бородичем, Александром Кичкайло, Михаилом Чигирем… Последний — по слухам — вложил в предвыборную кампанию Лукашенко пять тысяч личных долларов, что, однако, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, пока сам Чигирь не внесет в эту историю ясность.

В любом случае, абсолютное большинство тех бизнесменов, кто в 1994 году встал на сторону Лукашенко, сегодня молчат, хотя, вероятно, и раскаиваются в своем выборе.

Но в 1994 году они не раскаивались. Им, как и всем нам, искренне казалось, что самое главное — свалить Кебича. И его

валили. Это сейчас, десять лет спустя, все оценивается совершенно иначе, и Вячеслав Кебич предстает не только не худшим из зол, но прямо-таки отцом несостоявшейся белорусской демократии.

Простите, дорогой Вячеслав Францевич…

Кебич на самом деле был не худшим из возможных руководителей Беларуси. Он не был ни злым, ни злопамятным, был по-своему демократичен. Ему нравилось делать людям добро. Кроме того, Вячеслав Францевич, несомненно, был компетентным управленцем; вспомним, с каким уважением отзывается о Кебиче советской эпохи в своих мемуарах злой на язык Василий Леонов: «Молодой, деловой, особенно на фоне своих коллег, большинство из которых просто ничего не решали»[136].

Даже недостатки его были продолжением его достоинств: он вполне искренне верил в порядочность людей, любил шумную компанию и помнил о человеке в первую очередь хорошее. Кроме того, воспитанник старой номенклатурной системы, Кебич привык играть по строгим правилам. Он не мог солгать в лицо народу: «Запустим заводы!». Потом ведь нужно отвечать за свои слова, а не только бросаться ими[137].

Однако уже первый тур голосования продемонстрировал, что приход Лукашенко на пост главы белорусского государства неизбежен, как приход ночи на смену вечеру. С огромным отрывом первое место занимает Александр Лукашенко — 42%, Вячеслав Кебич на втором — 17,4, далее идут Зенон Позняк — 12,9, Станислав Шушкевич — 9,9, Александр Дубко — 6,0, Василий Новиков — 4,2%[138].

По данным Общественной контрольной комиссии, Лукашенко побеждает уже в первом туре, однако его штаб не предпринимает никаких действий, чтобы оспорить объявленные Центризбиркомом результаты: в случае их официального опровержения выборы могли быть признаны недействительными, а номенклатура получила бы шанс оправиться от испуга и не допустить повторного выдвижения Лукашенко.

Я дежурил по штабному телефону обе ночи подсчета голосов — и в первом, и во втором туре. Помню, как в первую ночь нервно, наперебой, звонили наши наблюдатели с участков, пытаясь сообщить результаты. В областях, при председателях облисполкомов, дежурили депутаты Верховного Совета, в задачу которых входило предотвращение возможных фальсификаций. Штаб просил, чтобы дежурившие в областях депутаты непременно

повидались с председателями облисполкомов до того, как перезвонят нам. Все перезвонили достаточно быстро. Не было лишь звонка из Могилева: никто не мог ответить, где находится руководитель области Николай Гринев. Искать его было бессмысленно, поскольку у этого «типичного представителя белорусской номенклатуры» было очевидное горе: Могилевская область избрала себе президента уже в первом туре голосования! Большинство голосов получил Александр Лукашенко.

Тут самое время сказать несколько слов о той роли, которую сыграла в поражении Вячеслава Кебича номенклатура, «верно» служивший ему государственный аппарат. Как вели себя чиновники во время предвыборной кампании. Вот что говорит Анатолий Лебедько, курировавший как депутат и член штаба Витебскую область:

«Было все: и номенклатура к нам по-разному относилась, вообще все складывалось достаточно демократично. Чиновники могли кулуарно или закулисно делать свое дело, но, по крайней мере, они шли на контакт.

По-разному шло местное начальство и на организацию наших встреч с избирателями, но, по крайней мере, никто, за малым исключением, этих встреч не срывал».

Было бессмысленно идти и на какие-либо переговоры между двумя штабами. Вспоминает Петр Кравченко:

«Суть переговоров сводилась к двухходовке: "Я президент, ты премьер". Интересно, что это были встречные предложения, и каждая из команд пыталась убедить другую, что это — единственно разумный выход из сложившейся ситуации, своеобразный компромисс. Однако для Лукашенко этого было уже мало, а для Кебича просто унизительно — быть премьером при Лукашенко».

Почему же номенклатура, государственный аппарат не смогли противостоять натиску человека, не имевшего собственной партии, не обладавшего мощной финансовой поддержкой, не опиравшегося на политическую мощь какого-либо сильного государства вне Беларуси?

Во-первых, сила государственной пропаганды была слишком велика, и чиновники не в последнюю очередь стали ее жертвами. Они все поверили в то, что Кебич победит, даже если они не будут нарушать закон и фальсифицировать выборы. И толпы избирателей, не скрывавших, за кого они голосуют, воспринимались госчиновниками как фантомы.

Вторая причина — контроль. Тогда еще никто из чиновников

и подумать не мог о том, чтобы выставить с участка для голосования общественных наблюдателей — не говоря уже о наблюдателях международных! «На всех выборных участках, где можно было, сидели наблюдатели, которые были обязаны, получив протоколы, сразу позвонить и передать эти цифры в центр. Был неофициальный телефон, на который вся информация сбрасывалась. И эта система как раз и дала более достоверные сведения. С некоторых участков наблюдатели успевали дозвониться раньше, чем председатели этой комиссии в Центризбирком».

Наконец, есть и третья причина. Это общая усталость: чиновники устали от слабости власти, устали от отсутствия центра, принимающего решения за них. Об этом хорошо сказал Валерий Круговой:

«Я думаю, что этот аппарат хотел подчиниться. И, собственно, не было проблемы его подчинить. Ведь государственный аппарат всегда подчинялся — от ЦК КПСС до Кебича — и у аппарата как бы не было минуты свободной жизни. Если возьмем бизнес, даже те же газеты, прессу — у них всех было время какой-то свободы (пусть относительной), а у аппарата ее никогда не было. Это в последние дни Кебича чиновники начали немножко своеволить, когда почувствовали его личную слабость».

А вот как вспоминает о той кампании политолог Олег Богуцкий[139], в те времена — активист предвыборного штаба Станислава Шушкевича:

«Я сам сидел в одном из райисполкомов. Наблюдения как такового не было, да к тому же наблюдателей к процедуре подсчета не подпускали. Несмотря на то что у меня было два мандата — депутата местного совета и помощника депутата Верховного Совета, — мне было жестко сказано: мы разрешаем тебе здесь сидеть только потому, что вместе с тобой работали в горкоме комсомола, а на твои мандаты нам наплевать. Если будешь дергаться, милиция тебя выведет, а потом можешь на нас жаловаться. Проблема было в другом. Из Минска не было звонка с указанием, какой результат должен быть объявлен. Итоги не подводили до 4 утра. Все ждали, перезванивали в соседние районы. Нужна была команда, а ее не было. Только к утру расслабились, напились и дали равные цифры. Но это была только местная инициатива. Каждый дал те цифры, какие сам захотел. Кто-то дал победу Кебичу, кто-то дал примерно одинаковые итоги, а кто-то не захотел брать на себя ответственность и дал правду. Если бы Кебич решился на фальсификацию, он стал бы президентом уже в первом туре».

У чиновников еще был шанс не допустить победы Лукашенко:

им было достаточно сорвать второй тур выборов. Этого очень боялись в нашем предвыборном штабе. Было видно, как нервно курил обычно спокойный Синицын, когда разговор заходил о втором туре: а вдруг Кебич снимет свою кандидатуру? Что тогда? Будет ли голосование по кандидатуре Лукашенко или рядом с его фамилией в бюллетене окажется фамилия «бронзового призера» «президентской гонки» — Зенона Позняка? Это неизбежно сработало бы на понижение явки, как и наличие в бюллетене только одной фамилии.

Но премьер оказался тельцом, обреченным на заклание. Его вели на убой — и он шел, смиренно склонив голову и не сопротивляясь.

Неожиданный удар нанес Вячеславу Кебичу и председатель Верховного Совета Мечислав Гриб. Он, видимо, посчитав, что пришел его звездный час, перед вторым туром обратился к избирателям с телеэкрана:

«Заканчивается президентская кампания. У меня спрашивают, какую позицию занимает руководство Верховного Совета. Я говорил и тогда, и подтверждаю сейчас, что Председатель, Президиум Верховного Совета действовали и действуют в строгом соответствии с Конституцией Республики Беларусь. Они сделали все для того, чтобы выборы состоялись, чтобы они прошли в спокойной демократической обстановке»[140].

Это ладно. Это, как всегда, общие «правильные слова». Но вот то, о чем Гриб говорит дальше, можно расценить и как выпад против обоих кандидатов:

«Уважаемые граждане! Ситуация, выбор, который нам нужно сделать 10 июля, вынудили меня обратиться к вам, к вашему разуму, к вашей рассудительности. *Президенты придут и уйдут — таков закон, по пород будет оставаться вечно*» (выделено мной. — *А. Ф.*)[141].

Но голосовать разумом — не значит ли это в данном случае голосовать против обоих кандидатов: против Кебича как проигравшего и против Лукашенко как раскалывающего общество? Лично Мечислава Гриба полностью устроил бы срыв второго тура: если выборы не состоятся, то, согласно Конституции, будет назначен исполняющий обязанности президента, который и станет «гарантом прав и свобод граждан» — вплоть до следующих выборов. Этим исполняющим обязанности и был бы председатель Верховного Совета, то есть сам Мечислав Гриб.

Именно так — как удар в спину — расценили это выступление Гриба тогда и расценивают сейчас многие члены

предвыборного штаба Вячеслава Кебича. Основания были: даже если генерал просто лавировал между двумя кандидатами, для государственного аппарата это было сигналом к бегству с тонущего корабля.

«Народ свой выбор сделал»

Так и произошло: номенклатура полностью деморализована и старается продемонстрировать свою лояльность фавориту. Правительство фактически бездействует…

Результаты первого тура подействовали на других кандидатов в президенты в отличие от Кебича вполне отрезвляюще. Перед вторым туром Зенон Позняк, Станислав Шушкевич и Василий Новиков призвали своих сторонников голосовать против всех.

Но и это уже ничего не меняло.

Итог второго тура, который состоялся 10 июля 1994 года, закономерен: Александр Лукашенко — 81%, Вячеслав Кебич — 14%. Меня лично поразило, что и при задержке поступления данных от Минской области Лукашенко все равно набрал абсолютное большинство голосов. Даже если бы не голосовала целая Минская область! Когда это стало понятно, обычно строгий и блюдущий штабную дисциплину Синицын вытащил откуда-то две бутылки шампанского — и это было первое спиртное, распитое в предвыборном штабе Александра Лукашенко.

О том, что происходило в штабе Кебича, вспоминает генерал и депутат Валерий Павлов:

«Всходило медленно красное-красное солнце. Было 4 часа утра. Мы сидели в кабинете Геннадия Ильича Данилова. Нас было много. И то, что пишут, что были пьяные, — все это чепуха. Всем было не до этого. Я молча вышел, сел в машину и поехал домой поспать. Ехал и понял, что в моей жизни, в жизни нашего государства что-то меняется, меняется к кардинально новому. Потом я пришел на работу. Вячеслав Францевич никого не собирал, но народ просто собрался — пришли все те, кто к нему всегда заходил: замы, начальники некоторых управлений. Была такая тягостная тишина, кто-то вздыхал, кто-то паниковал, ну и он (Кебич. — *А. Ф.*) говорит:

— Ну что? Народ свой выбор сделал (он четко сказал: народ свой выбор сделал). То, что мы проиграли, — это и выбор народа: видимо, не все мы делали правильно, это и оценка работы нашего штаба — значит, мы все делали не так…».

Так уходила старая власть — достойно: не цепляясь и по закону.

Часть II. Царь или не царь

О своей первой встрече с Александром Лукашенко я рассказал в начале книги. Теперь несколько слов о нашей последней встрече.

…Утром накануне президент подписал указ об отставке главного редактора газеты «Советская Белоруссия» Игоря Осинского. А назавтра редактором «Советской Белоруссии» был назначен парламентский обозреватель «Народной газеты» Николай Галко, а его первым заместителем — Павел Якубович[142].

Подписывая указ, президент спросил меня:

— Ты что — заявление об отставке написал? Ты не торопись. Я своих людей не сдаю…

Я сказал, что, конечно, решение принимает он. Но я прошу его, если отставка не будет принята, по крайней мере выслушивать меня по тем вопросам, которые входят в мою компетенцию, если он мне по-прежнему доверяет.

— Я своих людей не сдаю.

Лукашенко выслушал меня — но не услышал. Повторил уже сказанное, что было равнозначно напоминанию: будешь выполнять приказы — будешь и дальше работать, без проблем.

Это была моя последняя личная беседа с Президентом Республики Беларусь. Она состоялась 30 декабря 1994 года. Я не знал еще, что уже через три дня потребую у главы Администрации Леонида Синицына удовлетворить мою просьбу об увольнении. По собственному желанию[143].

— Дурак! — сказал Синицын. Он всегда ко мне хорошо относился. — Потерпи до мая (выборы в Верховный Совет. — *А. Ф.*) — будешь депутатом! Или послом поедешь! Куда хочешь? В Швейцарию?

— Никуда не хочу. Скажите лучше — кому дела передавать?

Синицын тяжело вздохнул. Я был не первым, кто уходил, и, судя по всему, далеко не последним.

— Дела, как ты, наверное, знаешь, в таких случаях сдают заместителю. Но ты — подумай…

Думать уже не хотелось. Слишком много событий этому предшествовало…

Попробуем разобраться в них по порядку.

Глава первая. «Свои люди»

Не торопитесь делить портфели

Уже после первого тура голосования я почувствовал себя крайне неуютно.

Влияние Гончара и Булахова в нашей команде ощущалось все меньше, зато влияние Ивана Титенкова — все больше. Но поскольку в штабе его все воспринимали лишь заместителем Синицына по хозяйству, то есть попросту завхозом[144], который никак не должен оттеснять политиков и идеологов, а тем паче командовать ими, я как-то спросил у Булахова:

— Дмитрий Петрович, не кажется ли вам, что Титенкова у нас слишком много?

Ответ Булахова, заметно поблескивавшего от ощущения скорой победы и предстоящего прихода к власти, был вполне оптимистичным:

— Саша, успокойся! Иван бизнесмен, ему «бабки» нужны. А управлять страной будем мы.

Впрочем, очень скоро я увидел, что его оптимизм не так уж однозначен.

Рассказывает член предвыборного штаба Владимир Нистюк:

«За столом было около двенадцати человек. Первый вопрос, который ставился в тот момент, был вопрос: как выиграть второй тур. Лукашенко попросил каждого высказаться на эту тему. Предложения были разные — в каких районах усилить агитационные бригады, где добавить печатную продукцию и т. д. То есть вопрос шел о технической реализации второго этапа.

Но мы с Дмитрием Булаховым заговорили о другом. Я лично сказал о том, что чтобы управлять страной, надо иметь команду, в общем-то, более мощную.

Реакция Лукашенко была бурной:

— Вы моя команда, вы у меня все талантливые, вы все первые, вы все лучшие. И, конечно, никто из вас не должен быть обижен…

Тут разговор пошел о том, кого на какие-то посты можно будет назначать. Понятно, разговор был очень не конкретный, даже обтекаемый, но я сам видел слезы в глазах нашего кандидата, когда он говорил, что мы лучшие из лучших и что вместе мы пойдем дальше, и не может быть никаких вопросов».

На том совещании я почему-то не был. Но переданную мне фразу Дмитрия Булахова запомнил:

— С одной командой приходят к власти, с другой эту власть вершат, — сказал он уверенно, но совсем не так оптимистично[145].

При всех драматичных и даже искренних уверениях в преданности «своим людям», Александр Лукашенко хорошо понимал, что команда, приведшая его к власти, была чем угодно, но не командой управленцев. Конфликт на этой почве должен

был неизбежно возникнуть, и он возник.

Свидетельствует Леонид Синицын:

«Естественно, мы обсуждали, куда и как трудоустроить людей, которые работали в штабе, потому что каждый человек подразумевал, что после кампании он будет в чем-то участвовать, в чем-то реализовываться. Но многие оказались не совсем приспособленными к практической работе. Лукашенко был настроен решительно: от балласта необходимо избавляться. Я категорически возражал. Все, кто работал с нами, должны быть пристроены. В конце концов он махнул рукой. Ладно, мол, ты с ними работал, вот и возись с ними дальше, даю на это все тебе полгода.

Я поступил так. Практически всем была предложена работа в Администрации».

Здесь в разговор вступает писатель Евгений Будинас:

«Только сейчас из признания Леонида Синицына я понял, что именно тогда произошло и почему интеллигенция в первые же дни отвернулась от новой власти. Ведь представляли ее как раз все эти добровольные помощники в избирательной кампании, теперь заселившие управленческие кабинеты и не имеющие зачастую никаких управленческих навыков, не знающие никаких правил, не говоря уж о вежливости и хорошем тоне. От этого нас просто тошнило…».

Новая команда действительно начала править, что называется, с чистого листа.

Кабинеты, в которых сидели еще не уволенные правительственные чиновники, один за другим захватывала президентская рать. Шкафы и ящики со служебными документами вышвыривались в коридоры. До сих пор со стыдом вспоминаю это время. На нас смотрели, как на какую-то дикую орду.

Но вернемся к рассказу Синицына:

«Принимали к проверке мы всех, кто нам помогал. При этом говорилось: "Если пройдет время, и вы не потянете, то будьте свободны, так что — готовьтесь, чтобы потом без обид…". Считаю, что отношение было действительно человеческое: люди проверяются только в деле. Лукашенко не мешал, относился даже с сочувствием:

— Слушай, я понимаю, как тебе сложно найти со всеми общий язык и всех куда-то определить.

Но понимал он и другое: власть взяли, теперь работать надо конкретно».

Здесь Синицын говорит почти правду. Дело в том, что, став

главой Администрации президента и будучи опытным управленцем, он начал с того, что попросту никого на работу не принял. То есть — абсолютно никого, включая, к слову, и меня. И проверку команды «в деле» проводил вполне изощренным и самым «безболезненным» (для себя как руководителя) образом: сначала проявись, покажи, на что способен в практической работе, а потом будем оформлять документы о твоем приеме на работу. Таким образом, через некоторое время все, кто не тянул или по той или иной причине был не нужен, оказывались не у дел — им вежливо сообщались, что они не работают (да и никогда не работали — записи в трудовой книжке-то нет).

Так, к примеру, оказался за бортом будущий депутат Верховного Совета 13-го созыва Виктор Терещенко, после победы поторопившийся «ощутить» себя в высокой должности настолько, что даже послал на имя министра иностранных дел Владимира Сенько бумагу с предложением немедленно трудоустроить выпускников его коммерческого вуза. Точно так же исчез однокашник Виктора Гончара, гродненский юрист Иосиф Веленто, скомпрометированный публикацией в газете «Свабода». И это ведь люди, которые чуть не заняли посты начальников ключевых управлений Администрации!

«Саши больше нет»

Теперь о тех, кто новой Администрации и новоиспеченному президенту досаждал.

Дело в том, что даже в команде, приведшей Лукашенко к власти, далеко не все воспринимали его безусловным лидером. Вот свидетельство Синицына:

«Шла сессия, надо было выступать на сессии. Выступление президента поручили готовить Виктору Гончару, поскольку он практически не принимал участие в выборах: то болел, то в аварию попал. Ладно, работает Виктор Иосифович над докладом, встречаемся, я ему говорю, что концепция доклада не верна, нужен несколько другой подход. Он отвечает: "Я такую концепцию писать не буду". — "Ну тогда ты свободен". Гончар понял, что это уже не политдебаты, а работа — со всеми правилами, в том числе и обязательной исполнительностью. Через день подошел, извинился и пошел работать, что называется, в общей струе».

Нет сомнений, что тут глава Администрации действовал согласованно с президентом. Да он и сам это подтверждает.

«Лукашенко говорит:

— Ты их не обуздаешь: ни Виктора, ни Булахова. Они будут

самостоятельно двигаться, своим путем.

Но я был уверен, что у меня хватит воли строить любого, если понятна цель. Так и произошло. Большинство построились и пошли работать, как часы. А с Виктором и Димой — одни проблемы…»[146]

Так оно виделось и со стороны. Вспоминает Петр Кравченко: «Навсегда запомнилось, как Булахов, и особенно Гончар, не скрываясь, уничижительно проходились по своему "боссу", подтрунивая, что будут вертеть им, как захотят».

Проблема «обуздания» бывших соратников или коллег по Верховному Совету сразу же встала очень остро. Они никак не могли понять, что он уже президент. Лукашенко это видел и чувствовал, воспринимая весьма болезненно. И если тот же Синицын или Кучинский, Титенков, Долгалев сразу и безоговорочно восприняли его в новом качестве, то «молодым волкам» с их амбициями трудно было свыкнуться с тем, что «Саша» — теперь уже навсегда для них «Александр Григорьевич». И управлять страной будет он, а не они. Естественно, что смириться с этим им было нелегко. И перестроиться — тем более что разница была заметна даже внешне: «Мятые воротнички президентских сорочек еще больше года будут бросаться в глаза на фоне безукоризненных воротничков Булахова, Гончара, Карпенко»[147].

«Сашу» такое устроить никак не могло.

Тут и проявилось его качество, во многом объясняющее секрет его буквально подавляющей окружающих силы. Всегда оставаясь человеком высокого самомнения, а к тому же болезненно обидчивым, злопамятным, он никогда и никого из «обидчиков» не оставлял безнаказанным. Первой жертвой такого противостояния пал Дмитрий Булахов.

Булахову, талантливому и яркому юристу, Лукашенко обещал пост председателя Конституционного суда. И, став президентом, вынес его кандидатуру на обсуждение Верховного Совета, хотя понимал, что из этого может получиться.

Но Дмитрию Булахову не было тогда и 35 лет, а заместителем председателя Конституционного суда в то время работал седовласый Валерий Тихиня, бывший министр юстиции и секретарь ЦК КПБ, доктор юридических наук, член-корреспондент Академии наук Беларуси. Вспоминает член Конституционного суда Республики Беларусь 1-го состава профессор Михаил Пастухов[148], чья кандидатура на эту должность, к слову, в свое время была выдвинута именно Булаховым:

«Когда его фамилия прозвучала в числе претендентов (на

должность члена Конституционного суда. — *А. Ф.*), я, конечно, для себя отметил, что, скорее всего, Тихиня и будет председателем Конституционного суда, что ни у кого не вызывало сомнений».

В сравнении с опытным и всем известным служителем Фемиды Булахов смотрелся просто мальчишкой. Кроме того, его откровенно не любило большинство депутатов, как мы помним, тоже насквозь партийное.

Говорит Михаил Пастухов:

«Я, помню, подошел к нему и говорю:

— Дмитрий Петрович, знаете, это все-таки достаточно опрометчиво — выдвигаться сразу и судьей, и председателем. Судьей-то вы стопроцентно пройдете, вас изберут, но вот с должностью председателя… Весьма проблематично, что вас могут избрать, потому что уже определился председатель из состава суда — Валерий Гурьевич Тихиня.

Но я думаю, что дело было даже не в этом. А в том, что Администрация Президента не провела соответствующей работы среди депутатов. И Булахов остался без поддержки свыше».

Правда, президент добросовестно собрал у себя в кабинете председателей областных советов и попросил их, чтобы они поддержали кандидатуру Булахова и добились ее поддержки у депутатов от своих регионов. Чиновники вышли из кабинета совершенно ошарашенными. Ко мне в коридоре обратился Семен Домаш[149], председатель Гродненского облсовета:

— Булахов может пройти лишь в том случае, если в его поддержку выступит Тихиня. Пусть президент поговорит с Валерием Гурьевичем.

Я тут же подошел к президенту и передал слова Домаша. Тот только тихо улыбнулся в усы и сказал: «Хорошо».

Разумеется, Булахова забаллотировали. Тихиня не выступил в его поддержку: никто с ним, как оказалось, о Булахове не говорил. Позже даже поползут слухи, что якобы Синицын лично беседовал с некоторыми депутатами, подбивая голосовать против Булахова. Разумеется, сам Леонид Георгиевич даже спустя десять лет это отрицает:

«С моей стороны никакой интриги не было. Депутаты просто не проголосовали. Я ему говорил тогда:

— Дмитрий Петрович, самая нормальная служба для вас в сложившейся ситуации — это Министерство юстиции.

Но он считал, что несколько занижена его оценка. Я думаю, большую роль здесь сыграли депутаты, чем Лукашенко. Интриги, во всяком случае, не было. Никто даже не думал на эту тему».

Разумеется, никто не думал. Но тогда почему Булахова и ни

на какую другую должность так и не назначили?

Леонид Синицын продолжает:

«Лукашенко просто перестал его воспринимать. Видимо, Дмитрий тогда не почувствовал, что Лукашенко уже президент, у которого есть право решать, что ему нужно, кто ему нужен и во имя чего он вообще стал президентом. Скорее всего, были в речах Булахова какие-то нотки фамильярности, что Лукашенко почувствовал и сразу его как бы отодвинул».

«Саши Лукашенко» больше не существовало.

Чтобы другим неповадно было

Таким образом, Булахов обещанный пост не получил. Но этого было мало. Пример Булахова должен был стать уроком для всех — раз и навсегда. Поэтому нужно было не просто задвинуть, а политически уничтожить бывшего соратника, придавить его так, чтобы этот молодой, красивый, амбициозный мужчина почувствовал себя размазанным, лишенным политической перспективы — и вследствие этого зависящим исключительно от его, Лукашенко, президентского волеизъявления.

Для этого Булахова следовало публично «вывозить в грязи». Тем более что команда тут же придумала для него новую должность — государственного секретаря Президентского совета. Когда же Булахов умудрился в качестве «кандидата в госсекретари» провести еще и пресс-конференцию, многомудрый Синицын произнес единственное слово: «Зря…» И не ошибся, потому что тут же на него «образцово-показательно» «наехали», и молодой юрист попал под колесо машины по борьбе с коррупцией в органах власти. Ему инкриминировалась связь с бизнесменами, интересы которых он якобы лоббировал. По иронии судьбы одним из таких бизнесменов оказался… Александр Саманков — тот самый Саманков, который буквально вчера содействовал привлечению голосов избирателей-бизнесменов и содержимого их кошельков в пользу кандидата в президенты Александра Лукашенко!

Саманков утверждает:

«У меня есть данные, что это была акция, направленная на дискредитацию Булахова и нашего ПРИФа. Мы ответили очень мощно, в том числе и в государственных печатных изданиях, и расставили все точки над "i"…»

Точки-то, конечно, расставили, но «дело было представлено так, будто бы Булахов и некие структуры имели от этой сделки интерес…

— Так ли уж без интереса?

— Кто же будет работать без интереса?»[150].

Сегодня представляется бесспорным, что Лукашенко готовил общественное мнение к тому, что политика Булахова больше нет, а есть запутавшийся в коммерческих сделках депутат, пользующийся своей близостью к главе государства в корыстных целях.

«Александр Лукашенко так определил ситуацию: есть аппарат, есть должности, есть люди, которые занимают их, есть просто близкие люди. Некоторые уже надоели своими предложениями. Короче говоря, идет попытка активного содействия, лоббирования.

По словам президента, он с этим явлением активно сражается. Ни одно его решение не является результатом лоббирования. Если кто-то покидает должность или не успевает даже занять высокое кресло (хотя об этом уже раструбил) — это, как сказал (в ходе пресс-конференции — *А. Ф.*) А. Лукашенко, не результат интриги, а продуманный шаг президента, потому что иначе было нельзя»[151].

Вот так — «продуманный шаг президента». Это было равнозначно команде «фас!».

Точка была поставлена совершенно оскорбительно — во время выступления президента на сессии Верховного Совета:

«В перерывах между пленарными заседаниями президент намерен и далее проводить консультации и согласования по рассматриваемым проектам с руководством Верховного Совета, с лидерами депутатских групп. Все вопросы об организации таких встреч будут решать глава Администрации Президента Л. Г. Синицын и депутаты Верховного Совета Д. П. Булахов и А. В. Лебедько, которые становятся официальными представителями президента в Верховном Совете»[152].

Был «соратник» и «близкий человек» чуть ли не лидером парламента, без пяти минут председателем Конституционного суда — а стал всего лишь одним из депутатов, которых президент (даже без назначения Указом!) определил своими «представителями» в Верховном Совете. Так сказать, прокладка.

Таким образом, президент Александр Лукашенко разделался с первым из «своих людей», наивно полагавших совсем недавно, что, выбрав Лукашенко удобным «тараном», командовать парадом будут они.

Сломанный — значит, пригодный

Чтобы больше не возвращаться к судьбе Дмитрия Булахова, скажем, что сложилась она вполне показательно. Дмитрий Петрович успел отметиться в оппозиции, опубликовав несколько громких антилукашенковских статей, руководил некоторое время мертворожденной Партией всебелорусского единства и согласия, попытал счастья в бизнесе. Затем, к большому недоумению всех, кто помнил гордого и непреклонного юриста Булахова, он вдруг оказался вновь рядом с Лукашенко — вначале как посол Беларуси при СНГ, чуть позже — как первый заместитель председателя Исполкома СНГ.

Все десять лет своего правления президент Лукашенко будет демонстрировать непреложную аксиому: это табуретка в хозяйстве нужна целая, а подручный должен быть сломан. Так надежнее.

Первая громкая отставка

Следующим объектом стал, разумеется, Виктор Гончар…

В отличие от Булахова, на должность он был определен сразу. Но всем, в том числе и самому Гончару, было очевидно, что он «обречен» выпасть из механизма власти.

Говорит Зинаида Гончар:

«То, что Лукашенко победил на выборах, Виктора совершенно не обрадовало. Он понимал, что если обидчивому человеку чего-то не хватало в молодости, в детстве, он будет свою обиду компенсировать, осаждая ярких людей. Это нас пугало. Скажу честно, что после объявления результатов мы были очень удручены, потому что уж лучше бы оставался тот Кебич».

Я помню, как Гончар попросил меня проследить, чтобы никто не мешал ему поговорить с Лукашенко. В кабинет президента Гончар вошел осторожно. Нет, никакого подобострастия, просто никто не знал, как себя теперь, после избрания, вести…

А вышел Гончар явно окрыленный. Ведь президент уже предложил его кандидатуру на пост заместителя председателя правительства, и парламент большинством голосов ее утвердил. И Гончару было суждено надолго стать головной болью для Александра Лукашенко.

Вот как воспринимала их отношения Зинаида Гончар:

«Я видела, что Лукашенко где-то завидует Виктору, даже не любит его. Мне казалось, что Витя чувствовал свое превосходство. А Лукашенко… то, что он отставал в образованности, в интеллигентности — это ощущалось. Но то, что человек несчастен, — это чувствовалось. Ему хотелось быть таким, как Гончар. Он, с одной стороны, тянулся к нему, чтобы чему-то

научиться, с другой стороны, тихо ненавидел».

Зинаида Александровна, как мне кажется, права. Гончар был нужен Лукашенко, как всегда нужна планка, высоты которой хочется достичь. Кроме того, иногда так приятно увидеть, что человек, который олицетворял для тебя когда-то ту самую недостижимую высоту, теперь целиком зависит от тебя.

Сразу после назначения Гончара вице-премьером началось всем заметное «перетягивание каната» между ним и Администрацией Президента. Все те структуры, которые Гончар пытался подчинить правительству, немедленно уводились под юрисдикцию Администрации. Так было с Белтелерадиокомпанией, Национальным пресс-центром, аналитическим институтом «Белинформпрогноз», информационным агентством «Белинформ» и даже Правительственной библиотекой, немедленно переименованной в Президентскую. Похоже, что ревность к яркому и предельно работоспособному вице-премьеру становилась главным толчком в принятия многих решений.

При этом Гончара бросили на один из самых неблагодарных участков: в его ведение отдали ту самую «социальную прорву», выкарабкаться из которой всегда нелегко. В должности заместителя председателя правительства Гончар отвечал за образование и науку, социальную защиту и здравоохранение, за культуру. Чести много, но денег в казне, чтобы сколько-нибудь успешно разрешить проблемы этих отраслей, разумеется, не было.

Неудивительно, что Гончар работой был издерган и крайне неудовлетворен. К тому же он чувствовал, как стремительно его отодвигают все дальше и дальше.

Жена, как и положено самому близкому человеку, сразу почувствовала нарастающее недовольство:

«Я очень хорошо помню, что с первых дней ему это не приносило никакой радости. Когда Витя пошел работать в Молодечно, ему это нравилось, доставляло удовольствие. Здесь он точно так же отдавался полностью работе. Я видела, каким он приходил. Поэтому я вообще с первых дней говорила: "Плюнь ты, да и уйди, потому что я вижу, что все это без радости. Да и перспектив абсолютно никаких…"».

Кончилось его вице-премьерство очень просто. Однажды, отправившись к главе государства с докладом и оказавшись «к телу» не допущенным, причем, по оскорбительной для вице-премьера причине[153], Гончар не выдержал и ушел, оставив в

приемной заявление об отставке.

Он провел пресс-конференцию, на которой причиной своей отставки назвал сложившуюся вокруг президента атмосферу клановости, когда вторым лицом в государстве оказывается вдруг управляющий делами. На пресс-конференции Гончар впервые заговорил о коррупции в президентском окружении, а также намекнул на то, что инцидент с обстрелом лукашенковской машины в Лиозненском районе во время президентских выборов был инсценировкой самого Лукашенко.

Гончар даже обратился к председателю КГБ Владимиру Егорову с призывом огласить имеющиеся в распоряжении КГБ материалы. «Я обращаюсь к Владимиру Егорову как к человеку и офицеру…»

Никто из правительства его не поддержал. Ведь Титенков был слишком влиятельной фигурой, близкой к главе государства. Зачем ссориться?

Тем более что даже пресса, обычно благоволившая к Гончару, на этот раз восприняла его демарш в основном холодно. Никто не видел иной причины, кроме истерики, минутной вспышки. Вот ушел Гончар, хотя мог бы еще работать, мог влиять на молодого президента, приносить пользу стране и людям. Зачем хлопать дверью раньше времени?

Больше того, Гончара не поддержал и никто из старой президентской команды. Быть может, потому, что и он, и Булахов всегда пытались быть не столько членами команды, сколько вышестоящими «консультантами».

Но то, что команда позволила так просто выбросить их за борт, стало началом конца самой команды.

Глава вторая. Цены, назад!

Доярка из совхоза «Беларусь»

Неоднократно в своих предвыборных интервью Лукашенко обещал привести к власти новых людей. А где их взять, новых людей, чтобы они были и грамотными управленцами к тому же?

Самой сложной была проблема с кандидатурой премьер-министра. Первоначально вообще никакой кандидатуры на этот пост у Лукашенко не было. Посему приходилось в ответ на вопросы о кандидатуре будущего премьер-министра отбояриваться фразами вроде: «На должность премьера кандидатов больше, чем на должность доярки в совхозе!». Сказано хлестко, и даже слишком: фразу эту, брошенную на пресс-конференции после первого тура голосования, немедленно

растиражировала пресса. Известный белорусский аналитик Юрий Дракохруст назвал свой комментарий к первой пресс-конференции Лукашенко «Доярка из совхоза "Беларусь"». В реальности же с кандидатурами дело обстояло далеко не просто.

Когда в какой момент всплыла кандидатура Михаила Чигиря, я не знаю. Синицын утверждает, что предложил ее именно он: «В команде, которая была тогда, прослеживалось отсутствие опытных банкиров. Мы видели всю разбалансированность банковской системы того периода, понимали, насколько важны для нас банки. И найти на место премьера другого человека, который знал бы банковское дело, да в придачу еще имел бы опыт руководителя республиканского масштаба (до "Агропромбанка" Чигирь работал в ЦК), было нелегко. Исходя из этих соображений, мы и предложили ему эту должность».

Правда, есть и другое объяснение тому, почему выбор остановился именно на Михаиле Чигире. Тамара Винникова считает: «Он (Чигирь. — *А. Ф.*) был человеком, которому был обещан портфель в обмен на деньги для выборов, и эта договоренность была соблюдена». Это объяснение представляется мне правдоподобным, поскольку впервые я увидел Чигиря в штабе, куда его привел Аркадий Бородин, который, как мы помним, к финансированию кампании имел самое прямое отношение.

Как могло проходить подобное финансирование, рассказывает Александр Пупейко:

«Я считаю, что Чигирь был назначен премьером благодаря Бородину. Думаю, что Чигирь осуществлял так называемые пакетные инвестиции в президентские выборы. Одна из этих инвестиций была — в Лукашенко и, думаю, шла она через Бородича. Схема проста и не нова: банк планирует строительство собственного административного здания, Бородич привлекает потенциального исполнителя, Чигирь начинает финансирование проекта. Часть денег идет на дело, часть оседает в "Коруне" (фирма Бородича. — *А. Ф.*), а часть денег приходит в штаб. Таким образом, можно считать, Чигирь частично финансировал избрание Лукашенко». Но Леонид Синицын настаивает: «У нас с Чигирем, конечно, были встречи во время работы штаба, но он человек осторожный, не политик, в тот период он вообще политикой не занимался. Разумеется, я намекал, что надо бы как-то помочь с финансами. Он говорил: "Слушай. Я к этому делу никакого отношения не имею"».

Про осторожность — это похоже на правду: Михаила Чигиря до 1999 года, о котором речь пойдет впереди, всегда отличала повышенная осторожность[154].

Но кандидатура его по анкетным данным была вполне проходной для Верховного Совета. Руководитель крупного полугосударственного банка, Чигирь был своим для той части номенклатуры, которая в публичной политике не светилась, а тихо делала свое дело (в том числе и свои деньги). Депутаты проголосовали за него без каких-либо проблем. Тем более что президент предложил в «пакете» с ним сразу четверых вице-премьеров. Ими стали Сергей Линг (занимавший тот же пост в правительстве Вячеслава Кебича), Михаил Мясникович (еще один представитель ушедшего кабинета), Владимир Гаркун (председатель парламентской комиссии по аграрным вопросам) и Виктор Гончар.

Вот и все «новые люди». Не случайно хорошо осведомленный собкор «Известий» Александр Старикевич в откровенно издевательских тонах писал о только что созданном правительстве: «Пока ситуация в Кабинете Министров оптимизма точно не вызывает. Де-факто главную роль там играют вице-премьеры Сергей Линг и Михаил Мясникович, а не глава правительства Михаил Чигирь… Особенно если учесть, что Чигирь оказался на посту премьера после того, как все остальные, кому он предлагался, благоразумно отказались»[155].

Чигирь удовлетворял Лукашенко еще по одному параметру. Он был абсолютно лишен какой бы то ни было харизмы, а потому никак не мог восприниматься в качестве потенциального соперника. Вялый и, как тогда казалось, патологически не умевший возражать Чигирь был вполне готов к тому, чтобы исполнять любую президентскую программу.

«Тут будут стоять танки и пулеметы»

Какой же она была, первая лукашенковская программа первоочередных мер по преодолению экономического кризиса в стране?

О том, как «решительно» боролся депутат Лукашенко с дискредитацией рынка, рассказывал депутат и кандидат экономических наук Александр Соснов, который в первом составе нового правительства стал министром труда:

«У Лукашенко все было смешано. База, основа — это коммунистические взгляды: государственная собственность, Госплан, Госснаб и никакого, так сказать, частного бизнеса. Но на эту базу наслоились разочарования тем, что произошло за последние двадцать лет советской власти… И вот, из-за отсутствия серьезного базового экономического образования, у

него в голове образовалась своего рода эклектика…».

Но каким Лукашенко видел путь развития Беларуси теперь, в первые месяцы своего президентства?

До недавнего времени мне не очень верилось, что он будто бы приглашал московского экономиста-реформатора Григория Явлинского осуществить реформы в Беларуси. Но вот что говорит председатель Белорусского объединения «Яблоко» Ольга Абрамова:

«По словам Явлинского, ему было предложено взять экономику Беларуси в качестве полигона и делать все, что он посчитает нужным. Я не знаю, возможно ли по человеческим качествам, чтобы сработались Явлинский и Лукашенко. Но это предложение Явлинскому говорило о том, что курс страны не был определен, потому что радикальные позиции Явлинского в экономической сфере достаточно хорошо известны, и его участие могло существенно переломить ситуацию. Но, очевидно, Григорий Алексеевич посчитал, что основное поле приложения его усилий как российского национального политика — это Россия, и не следует отвлекаться».

Уже само появление имени Григория Явлинского в контексте белорусских экономических реалий свидетельствует: Лукашенко все-таки готовился к реформам. Он не знал, к каким именно, но в том, что он хотел стать реформатором — в экономике! — сомнений все-таки нет. К этому он был подготовлен и собственной практической деятельностью на посту директора совхоза: напомним, что именно Лукашенко проповедовал аренду и хозрасчет, что во многом способствовало его карьере на местном уровне.

О том же печатно свидетельствует и нынешний непримиримый оппонент Лукашенко, а в тот период — министр сельского хозяйства и продовольствия нового правительства Василий Леонов: «…президент действительно искренне хотел реформ и был к ним готов»[156]. Наконец, самое серьезное свидетельство: именно по приглашению новоизбранного главы белорусского государства в Минск с визитом прибывает директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю. Визит Камдессю принес Беларуси первый транш стабилизационного кредита stand by[157]. Для выделения кредита, как утверждал тогдашний вице-премьер Михаил Мясникович, у МВФ были вполне веские основания:

«Президент заверил г-на Камдессю, что Белоруссия не будет ограничиваться полумерами, как прежнее руководство, а пойдет по пути широкомасштабных рыночных реформ…[158]»

Были у МВФ и серьезные политические мотивы: «У нас накопилась большая задолженность перед Россией за энергоносители. МВФ обеспокоен этим и готов оказать нам поддержку, чтобы мы не попали в зависимость от какого-то одного государства. Поскольку в МВФ входят все страны мира, то он может дать более высокие гарантии суверенитета».

При этом, правда, кредит МВФ был выдан Беларуси, мягко выражаясь, авансом, поскольку Александр Лукашенко постоянно, «путался в показаниях», и рыночная риторика в его выступлениях весьма неорганично сочеталась с антирыночной. Вот, например, как он выступает на сессии Верховного Совета: «Одна из главных задач, стоящих перед нами, — оздоровление кредитно-денежной системы… Вынесенные на ваше обсуждение меры содержат механизмы, сдерживающие неоправданный рост цен…» — И далее: «Мы считаем необходимым регулировать цены предприятий-монополистов, а также сохранить фиксированные тарифы на жилищно-коммунальные услуги, транспорт и топливо, хотя это и требует от бюджета колоссальных средств»[159].

Видимо, ощущая собственную теоретическую неопределенность, даже к формированию состава нового правительства Лукашенко подходит компромиссно — так, чтобы в нем были и реформаторы, и консерваторы.

В качестве своеобразного концептуального компромисса рыночников и антирыночников преподносилась и первая антикризисная программа нового кабинета.

Основным ее автором-составителем был вице-премьер Сергей Линг, экономист старой, коммунистической школы. Как и положено опытному чиновнику, он почувствовал, чего именно хочет новый руководитель страны. И программа стала своего рода манифестом «социально ориентированной» рыночной экономики. А вот наиболее радикальные элементы программы были внесены главой Нацбанка Станиславом Богданкевичем:

«Хватит нам программ, так и оставшихся нереализованными из-за отсутствия политической воли и квалифицированных исполнителей. Только комплексное решение проблем в состоянии оздоровить больную экономику, создать организационные, экономические и правовые условия для предпринимательства и конкуренции, стимулирования производительности труда и сокращения издержек производства, прироста сбережений, накоплений и инвестиций, победить инфляцию и обеспечить рост национального продукта и дохода»[160].

Показательно, что Богданкевич характеризует программы предшествующего правительства как «оставшиеся нереализованными из-за отсутствия политической воли и

квалифицированных исполнителей». Ему казалось, что вот-вот, чуть-чуть больше воли, решительности — и реформы пойдут! Лукашенко с его решительностью и готовностью «пойти на все» воспринимается Богданкевичем как таран, способный проломить любую стену и реализовать собственную (во всяком случае, разработанную по его поручению и внесенную от его имени) программу. Ради этого Богданкевич, как, впрочем, и другие реформаторы-рыночники, бывшие тогда в правительстве (Соснов, Леонов, Гончар) готовы были терпеть уже демонстрируемые главой государства авторитарные методы проведения реформ.

Лукашенко такую возможность сочетания экономических реформ с авторитаризмом решительно подтверждал:

«Помню, как в очередной раз в президентском кабинете он (Лукашенко. — *А. Ф.*) собрал всех причастных и в лоб спросил Чигиря:

— Михаил Николаевич, почему вы волокитите? Скажите честно и прямо, с чем не согласны!

Чигирь отвечает:

— Александр Григорьевич, речь ведь идет о людях… Появятся безработные, выйдут на площадь…

Лукашенко отрезал ему:

— Ты, Михаил Николаевич, работай, остальное не твоя забота. Сюда, на площадь, никто не пройдет. Тут будут стоять танки и пулеметы, и ни один сюда не ступит. Площадь будет свободна! Можешь делать все, что угодно»[161].

Как мы видим, провозглашалась решимость защищать реформы даже танками и пулеметами. Это вселяло в соратников надежды на то, что поворот к рынку будет неотвратимым, но вот здесь-то всех нас и ждал очередной и весьма сокрушительный сюрприз.

«Подстава»

В ноябре 1994 года Лукашенко ушел в свой первый краткосрочный отпуск и улетел в Сочи на лечение (даже президент имеет право на приступ радикулита, несмотря на то, что Леонид Синицын корректно именовал это «ущемлением спинного нерва»). В это время правительство, согласно утвержденной президентом и согласованной с Верховным Советом программе, должно было отпустить цены на молочные продукты, что и было сделано.

Одиннадцатого ноября президент связался с Синицыным и сообщил, что уже сегодня возвращается в Минск. В резких тонах он обрисовал главе Администрации, как плохо без главы

государства работает правительство. Тут же мне было поручено написать текст президентского выступления по телевидению и обеспечить это выступление в прямом эфире вечером того же дня.

Текст я написал в течение часа. Концептуально он был определен самим президентом: «Выступление должно быть остро критическим. Понял?». Понял, чего ж тут не понять. Поэтому Синицын, получив первый вариант текста на согласование, увидел в нем «беспардонную ругань в адрес правительства» и предложил мне «не инициировать правительственный кризис». Посему окончательный вариант, который предстояло зачитать президенту, был приглажен настолько, что высшие должностные лица государства, ожидая в аэропорту прилета Лукашенко, прочли распечатанный текст и, убедившись, что лично каждого из них он почти не затрагивает, вздохнули с облегчением.

Облегчение было преждевременным.

Вышедший из самолета президент имел вид усталый и мрачный. Чувствовалось, что «разгон» все равно будет.

Забрав текст, Лукашенко попрощался до вечера и уехал в резиденцию…

В 20.30 он прибыл в телецентр на улице Красной. Настроение у него было хуже некуда. Сидя в кресле гримерши, глядевшей на него влюбленными глазами, он небрежно вернул мне текст собственного выступления с формулировкой: «Сравнишь…»

…«Сравнение» потрясло не только меня, но и всех, находившихся в режиссерской рубке.

В течение 30 минут, прошедших с начала выпуска новостей, президент обвинил в непрофессионализме и проведении де-факто антинародной политики правительство, Национальный банк, Верховный Совет. Деятельность партий и движений, профсоюзов и прессы была оценена как подрывная. Непосредственно в прямом эфире было заявлено, что завтра в 12.00 состоится расширенное заседание Кабинета Министров, которое будет транслироваться по телевидению и радио. С докладами на нем предстоит выступить премьер-министру и главе Администрации. После этого виновные в проведении антинародной политики будут наказаны, а цены на основные продукты питания будут возвращены на прежний уровень. И больше подниматься НЕ БУДУТ!!! Это президент гарантировал своим честным словом[162].

Кто-то из российских телевизионщиков, находившихся в той же режиссерской рубке, что и я, поинтересовался, пустят ли их на заседание правительства. В ответ я попросил его не позорить нас перед миром, хотя и понимал всю бессмысленность такой просьбы. Больше-то было уже некуда.

Это была настоящая «подстава». Потребовать от

правительства решительности в проведении рыночных реформ и после первого же шага выставить его «врагом народа», публично вывозив, как нашкодившего щенка…

Метнувшись из телецентра в Дом правительства, я рассчитывал застать там Синицына.

В кабинете Синицына не было. Постовой, стоявший на третьем этаже «президентского» крыла Дома правительства, доложил, что «глава у премьера». Но в приемной Чигиря мне преградил путь один из помощников председателя правительства.

— Синицын там? Доложите Синицыну!

— Нельзя!

Почему «нельзя», стало понятно лишь через три часа. Леонид Синицын вышел из кабинета, мужественно схватил меня за локоть и с заметным усилием проговорил: «Пошли…»

Как выяснилось позже, мысль зайти к премьеру с бутылочкой коньяка на десятой минуте президентской телевизионной импровизации посетила не только Леонида Синицына. Не сговариваясь, в тот момент в приемной Михаила Чигиря встретилось едва ли не все руководство правительства (правда, Синицын вышел первым, а потому состояния остальных руководителей белорусского государства я не видел).

Настроение у всех было не то чтобы траурное, а, я бы сказал, катастрофическое: все готовились к отставке. Выступление президента могло означать только одно: конец рыночных реформ в Беларуси.

Но никакой отставки не последовало.

По согласованию с Синицыным «прямой эфир» намеченного накануне «разноса» мы не организовали. Да и разноса не было. Заседание правительства свелось к тому, что президенту разъяснили: на самом деле делается то, чего он и требовал. И все ограничилось разборкой с ценами на творог и выговором за «самоуправство» министру сельского хозяйства и продовольствия.

«Весь этот шум был лишь для публики, — вспоминает Василий Леонов, — а на самом деле он хорошо понимал, что без отпуска цен никаких реформ не сделаешь. Важную роль сыграл председатель Минского горисполкома Владимир Ермошин[163]. На той разборке он поднялся и заявил бесстрашно: "Александр Григорьевич, позвольте высказаться мне как главному заказчику и потребителю сельскохозяйственной продукции. Вы здесь не правы. У нас за это короткое время серьезно расширился ассортимент продовольствия, повысилось качество продукции. И то, что сделал министр, — показывает на меня, — направлено на

то, чтобы было еще лучше. Если мы сейчас все отменим, вернем, что было, будет хуже".

Президент даже стушевался. Его во время полета домой настраивали, убеждали, что вот-вот пойдут массовые демонстрации к резиденции с требованием его свержения. А тут встает мэр белорусской столицы и утверждает, что стало намного лучше, чем было.

Помолчав, президент сказал:

— Я обещал народу вернуть цены назад. Верните хотя бы на творог на несколько дней. Не может же президент обманывать свой народ»[164].

Так впервые пришли в столкновение интересы белорусской экономики и популистские основы мировоззрения Александра Лукашенко. В тот момент экономика как бы победила.

Правительство тогда еще нашло в себе силы для противостояния. Кроме мэра белорусской столицы Владимира Ермошина и министра сельского хозяйства Василия Леонова в поддержку продолжения курса реформ выступили премьер-министр Михаил Чигирь, вице-премьеры Михаил Мясникович и Виктор Гончар, глава Национального банка Станислав Богданкевич[165].

Негативно отнесся к попытке пересмотра основ избранного курса и глава Администрации Леонид Синицын, отказавшийся делать доклад о политической ситуации в Беларуси и объяснивший это тем, что президентский «прямой эфир» «резко изменил» эту самую ситуацию: «проснулись в одной стране, легли спать в другой».

«Так что же мы будем строить?»

Страна действительно изменилась, причем в один день. Именно 11 ноября 1994 года (день возвращения президента из Сочи) становится первой вехой на пути отказа Александра Лукашенко от каких-либо реформаторских попыток.

Дело в том, что никаким реформатором-рыночником в глубине души Лукашенко никогда не был. А был типичным совковым руководителем, хорошо усвоившим основы советской «науки управлять».

Это еще ленинское положение, известное каждому пропагандисту советских времен, о том, что социалистическим государством можно управлять как предприятием[166].

Леонид Синицын вспоминает, как по дороге из Шклова (сразу после победы во втором туре) они обсуждали естественную тему

— власть взяли, как теперь будем рулить? «Тогда у него четко звучала мысль о том, что Беларусь — небольшая страна, и ею надо управлять из единого центра, в принципе, как хорошим производственным коллективом». Это понятно. Никакого иного управленческого опыта, кроме опыта управления небольшим производственным коллективом совхоза «Городец», у Лукашенко не было.

Второй принцип «управленческой науки» тоже прочно и неискоренимо усвоен нашим героем. Тот же Синицын рассказывал мне, как в самом начале, после его очередной докладной записки президент собрал совещание по уточнению пути, предначертанного для страны.

«Вы знаете, что такое рыночная экономика, умеете работать в условиях рынка?» — спрашивал Лукашенко у членов своего первого правительства. И получал в ответ уверенное «нет». «А знаете ли вы, что такое плановая экономика?» В ответ — столь же уверенное «да». «Вот, — сказал президент, с присущей ему выразительностью глядя на Синицына, — так давайте и будем строить то, что знаем».

О том, как вело себя правительство, скажем, в 1995 году, вспоминает руководитель «Независимой консалтинговой группы» Эдуард Эйдин. Он в тот период консультировал руководство страны через секретаря Совета безопасности Виктора Шеймана и заместителя главы Администрации Петра Прокоповича. Вот что он говорит:

«Было собрано совещание при президенте по вопросу о целесообразности девальвации белорусского рубля, курс которого до этого был законсервирован на целый год. Присутствовали только "крутые": Чигирь, Мясникович, Шейман, Титенков, Винникова, заместитель министра экономики Шимов, Прокопович, помощник президента Капитула… и я — "еврей с Немиги".

Думаю, всем там было понятно, что дальнейшее удержание Национальным банком курса национальной валюты угробит белорусскую промышленность. Но Лукашенко в то время всегда декларировал сдерживание инфляции любыми методами. Моя же группа подготовила для президента аналитическую записку, в которой обосновывалась необходимость резкой девальвации рубля — сразу и в три раза.

Президент дал высказаться всем. И "все", уверенные, что "совпадают с мнением Хозяина", начали пылко заверять его, что смерти подобно… "отпустить курс рубля". Ничем и ничего не обосновывая. Я просто офонарел. Еще немного — и дошли бы до идеи укрепления "деревянного".

Потом Лукашенко предоставляет слово мне, как бы от Совета безопасности, и, выслушав, констатировал:

— Курс будем отпускать. Координируют эту работу Прокопович от Администрации и Совет безопасности.

И смотрит на меня:

— Эдуард, ты что-то хочешь спросить?

Мне бы, придурку, промолчать. И так атмосфера в зале не была пропитана запахами любви и взаимопонимания. А я возьми да и брякни:

— Александр Григорьевич, а это и есть процесс принятия государственных решений? Я ведь думал, что и Администрация, и Нацбанк, и правительство тоже подготовили свои обоснования. А то как-то вся ответственность кладется на мою группу. Мне бы очень не хотелось подставлять Совет безопасности…

Лукашенко, не говоря ни слова, поднялся и ушел. Остальные шарахнулись от меня, как от чумного. Правда, через несколько дней президент письменно одобрил несколько предложений моей группы, отданные на его рассмотрение еще до совещания»[167].

Действительно, первое время Лукашенко еще соглашался слушать своих «яйцеголовых», как он выражался, советников с их «умничаниями» по поводу рынка и объективности экономических законов. И даже поддерживал их, подталкивая правительство к реформам. Отчего всем казалось, что он впитывает рыночные идеи и учится на ходу.

Он действительно учился. Но учился *другому*.

Чему он учился

Едва придя к власти, Лукашенко увидел и понял для себя главное: однажды предпринятые рыночные шаги необратимы, рынок — это стихия, управлять которой привычными по совхозу административными методами невозможно. Интуиция подсказала ему, что эти шаги для него губительны. Рынок, едва в него вступаешь, неизбежно побуждает общество к демократическим преобразованиям.

Вот и получилось, что надежды президента на реформы, способные вытащить из провала экономику, сменил интуитивный, животный страх перед абсолютной, с точки зрения бывшего директора совхоза (*советского* хозяйства), неуправляемостью рыночных отношений. Рынок и демократия, которыми нельзя будет управлять, казались ему неизбежно ведущими к потере власти. Ведь если что-то от Александра Лукашенко не зависит, значит он, Александр Лукашенко, не властен над этим. А он шел именно за властью, намереваясь «*прийти всерьез и надолго*», как

сам сказал однажды в каком-то интервью.

Но здесь важно не только это.

Всегда интересны и важны мотивы. Например, зачем Лукашенко понадобилось так подставить свое правительство, публично выставив его «антинародным»? Можно же было иначе.

Но *иначе* Лукашенко не мог и не хотел.

Не мог же он вдруг отказаться от своих установок! Он вообще не привык отменять собственные решения. А если все-таки пришлось отступить, то лучше всего это сделать, свалив вину на кого-то, найти козла отпущения.

Но только ли в амбициозности характера, в неумении признавать ошибки здесь дело? Не было ли еще одной цели?

Убежден — и все последующие события, даже весь президентский путь Лукашенко меня в этом убеждают — что цель, вполне откровенно выраженная, у нашего героя была…

Ему нужно было попросту «опустить» правительство, точно так же, как Булахова, Гончара, а потом и всех остальных из прежней команды. И в новой команде всех этих «умников» надо было сразу сломать, указав им их место.

Единственным из правительства, кого такое сразу не устроило, был Виктор Гончар, буквально через неделю после памятного заседания правительства подавший в отставку.

Помню свой разговор с ним в середине ноября того же 1994 года — еще до его отставки. Гончар сказал:

— Правительство было готово уйти, если бы Александр Григорьевич отказался от рыночных реформ.

В разговорах в кабинете (он подозревал, что его прослушивали, но разговаривал со всеми, с кем не был близок лично, только в кабинете) Гончар называл президента либо по должности, либо по имени и отчеству. Я переспросил:

— Все? И Мясникович?

Гончар улыбнулся:

— А почему вы спросили о Мясниковиче?

— Потому что если даже Мясникович готов уйти, то это действительно серьезно[168].

— И Мясникович, — выдержав паузу, сказал Гончар.

Но он напрасно утешал себя подобного рода иллюзиями: в отставку Гончар ушел один. Это произошло в начале декабря, чуть более недели спустя после нашего с ним разговора.

Глава третья. Закрепляясь на позициях

Послушно гибкая «вертикаль»

Еще не подмяв под себя правительство, но уже показав, кто в доме хозяин, нужно было укрепить свои властные полномочия, оставить за собой право единоличной корректировки политического и экономического курса. А для этого, прежде всего, обрести возможность полного контроля над всей системой исполнительной власти.

И одним из первых законопроектов, вынесенных Администрацией президента на сессию Верховного Совета, становится проект изменений и дополнений в Закон о местном самоуправлении.

До сих пор руководители на местах были относительно независимы от центральной власти. Согласование с «центром» ушло в прошлое. Пусть на свои должности они и не избирались населением регионов, но обязательно были депутатами местных советов. Юридически это обеспечивало им статус неприкосновенности, и никакой подотчетности президенту у них практически не было.

Лукашенко как бывший директор совхоза и депутат районного совета не понаслышке знал, сколько властных полномочий у любого председателя исполкома. Именно поэтому на пресс-конференции накануне решающей сессии Верховного Совета «Лукашенко сообщил, что он будет настаивать на создании властной вертикали, подчиненной президенту. Если парламент воспротивится этому, он будет вынужден назначить параллельно председателям исполкомов своих представителей. И тогда старые структуры превратятся в ненужные придатки»[169].

Он действительно настоял, и Верховный Совет соответствующее решение принял.

Так в республике началось создание вертикали исполнительной власти, практически не подчиняющейся никому, кроме президента.

Часть депутатов Верховного Совета сразу осознала, какой мощный рычаг они передали в руки недавнего коллеги. Группа парламентариев обратилась в Конституционный суд с просьбой рассмотреть вопрос о соответствии нового закона Конституции.

И это обращение, хотя формально ответчиком и был Верховный Совет, стало первым реальным столкновением Президента Беларуси с другими ветвями власти в стране.

Коллизию описывает судья Михаил Пастухов:

«Мы увидели, что эти изменения идут вразрез с Конституцией, что фактически речь идет об уничтожении

местного самоуправления, поскольку председателей райисполкомов должен назначать президент. Мы как добросовестные юристы дружно, большинством голосов высказались за предложение приостановить действие этого закона.

Александр Григорьевич в это время отдыхал в Сочи. К нашему удивлению, он прервал отпуск и прибыл в Минск. Тут же состоялась первая встреча Конституционного суда с президентом. Он пришел к нам в суд — это в первый и последний раз он был в суде — с Синицыным, Гончаром и охраной:

— Ну ребята, ну что же вы делаете?! Я должен поднимать государство из руин, мне нужна твердая власть, мне нужен рычаг, которым я могу все это поднять, а вы вставляете мне палки в колеса. Я ж за каждого из вас голосовал. Вы ж вроде бы все свои. Хлопцы, ну чего это вы?

Такая вот "дружеская" беседа, безо всяких угроз, просто разговор. В конце даже сфотографировались. На завершении встречи Валерий Гурьевич Тихиня от имени суда сказал, что мы уже не будем отменять свое решение о приостановлении действия закона, но постараемся незамедлительно — в течение недели, если я не ошибаюсь — рассмотреть это дело.

И вот Конституционный суд заключает, что он не может сказать определенно — противоречат Конституции эти положения закона о введении вертикали исполнительной власти или не противоречат. Хотя абсолютно очевидно, что они противоречат. Но судьи не хотели портить отношения с президентом и таким заключением фактически подняли шлагбаум для президентской вертикали»[170].

Таким образом, первый шаг по направлению от демократии к авторитаризму был сделан.

Правда, его последствия страна ощутит только через два года.

Надо бы «опустить» и Верховный Совет

Поначалу у президента Лукашенко не было никаких оснований сетовать на какую-либо нелояльность со стороны государственных структур. Его победа в 1994 году была честной и потому впечатляющей. Даже Белорусский народный фронт был вынужден признать это. Сам бескомпромиссный Зенон Позняк телеграммой поздравил его с избранием. И парламентская оппозиция тоже намеревалась вести себя по отношению к первому всенародно избранному руководителю страны, как говорится, по-джентльменски. Вспоминает Валентина Тригубович:

«Сто дней дали президенту на то, чтобы он разобрался и сформировал команду. Было принято решение в эти сто дней не нападать на него».

И ведь не нападали.

Другое дело, что сам Лукашенко не мог смириться с отношением к нему депутатов парламента. Не Верховного Совета как института, а каждого парламентария в отдельности. «У большинства элиты — и совминовской, и парламентской — слова "президент" и "Лукашенко" не воспринимались, ну никак, — говорит Валентин Голубев. — Должность уважали, а к Лукашенко относились как к Сашке, который постоянно на Кебича наезжал, причем смысла выступлений не понимал никто. Журналисты подходили к нему, бывало, и просили: "Расскажите, что вы хотели сказать". Он терялся, не знал, как тремя фразами сказать, о чем же он хотел сказать Верховному Совету».

«Победа Лукашенко была шоком для депутатов. Потому что они не воспринимали его всерьез, считая, что он ниже их по интеллекту, по человеческим и моральным качествам. И так до тех пор, пока не начались репрессии»[171].

Но вот, когда едва не произошла смычка Верховного Совета и Конституционного суда, Лукашенко понял, что опасность скрывается не столько в персонах, сколько в институтах государственной власти, точнее, в предусмотренном Конституцией разграничении полномочий ветвей власти. Он-то думал, что ему хватает его «царских» полномочий, а оказывается, они ограничены законодательной и судебной властями.

Классическая коллизия от Алексея Толстого и его героя царя Феодора Иоанновича, вопрошающего: «Я царь или не царь?».

Оказывается — не царь. Вернее, не вполне царь.

С этим очень трудно смириться. Потому что если «не вполне царь», у кого-то другого легко может возникнуть желание примерить на себя шапку Мономаха. И чтобы напрочь искоренить перспективу таких посягательств, сначала нужно было разобраться с возможными источниками их финансирования.

Разобрались с банкирами

Мы помним, что в августе-сентябре 1994 года президент предложил, а парламент утвердил программу неотложных мер по реформированию экономики. Программа была сугубо компромиссная, можно сказать, дитя соглашения между рыночниками и социалистами, окопавшимися в правительстве. Оперативное управление этим окопом осуществлял премьер-министр Михаил Чигирь, в те времена «колебавшийся вместе с

линией» президента.

Но был и другой окоп — Национальный банк. Здесь командовал профессор Станислав Богданкевич, который колебаться не собирался, поскольку терять ему было нечего. Он знал, почему президент сразу его не сменил.

Справится профессор с инфляцией — спасибо, не справится — будет кого сделать козлом отпущения.

А остановить инфляцию Богданкевич не мог. В лучшем случае можно было притормозить рост курса доллара по отношению к белорусскому рублю, что он и сделал к концу зимы 1995 года. Курс остановился, да так, что белорусская экономика начала задыхаться: предназначенная для продажи на экспорт продукция белорусских промышленных гигантов стала дорожать уже не в «зайчиках», а в долларах, что делало ее неконкурентоспособной.

Богданкевич, конечно, не мог всего этого не понимать. Но он обязан был выполнять требования власти. В конце концов, он был всего лишь чиновником, отвечавшим за свои — весьма конкретные — пункты в президентской программе. Их он и исполнял. А в том, что правительство не выполнило свои пункты, главный банкир страны виноват не был.

Была, правда, и другая точка зрения. Ее придерживалась руководитель крупнейшего по тем временам «Беларусбанка» Тамара Винникова, она была незаурядная волевая женщиной, по-мужски амбициозная. Политика Богданкевича ее не устраивала, так как приводила к крайне нежелательному для банков результату: банковский сектор оставался единственно доходным сектором белорусской экономики, а потому над ним нависала реальная угроза «раскулачивания».

И хоть в политике Богданкевич был демократом, но как банковский управленец он придерживался вполне «государственных», даже авторитарных методов. Так на его месте вел бы себя любой банкир, в том числе и Винникова, но они в тот момент находились каждый на *своем* месте, а потому война между ними была неизбежна: каждый защищал свои интересы.

Лукашенко быстро понял, что Богданкевич лишь буквально выполнил его требование: остановил рост курса доллара — одного из индексов инфляции. Остановить же инфляцию, в первую очередь — рост цен на основные товары и услуги, можно было только в результате решительного реформирования белорусской экономики в целом. Но реформирование означало разгосударствление, отказ от административных методов управления экономикой, а к этому президент, как уже

говорилось, готов не был: для него отказ от административных методов управления был равнозначен отказу от власти.

И тогда он прибегнул к старому способу, известному едва ли не со времен царя Хаммурапи: стравил между собой двух влиятельнейших банкиров страны. Чтобы, наблюдая за схваткой, извлекать для себя рациональные зерна, а потом руками одного из противников убрать другого.

Вот что пишет Тамара Винникова в своих письмах-мемуарах специально для нашей книги:

«Президент стал лично адресовать мне всю почту с вопросами, которые находились в компетенции Нацбанка.

Я и мой аппарат просто захлебнулись в потоке вопросов и подготовке вариантов решения той или иной проблемы. Одновременно это было пощечиной для Богданкевича.

Тогда Богданкевич направил к нам очередную огромную партию контролеров. Команда банка задыхалась, многие оставались на работе сутками, стали увольняться. Мой рабочий день заканчивался в 2-3 часа ночи, и в 8-9 утра я уже была на работе.

На одной из встреч с президентом я затеяла разговор о том, чтобы вопросы компетенции Нацбанка решал все-таки его аппарат — 500 человек штата только главного офиса.

Он хитро улыбнулся в усы и сказал, что если сложно справляться с объемами, надо перейти в Нацбанк, и проблемы будут решены. Воспользовавшись этим разговором, я предложила ему посмотреть несколько кандидатур на этот пост, две из них были кадрами из Москвы, хорошо ему известными и достойными профессионалами. Он согласился, но все предварительные переговоры поручил провести мне, чем я активно занялась».

Но у Богданкевича были мощные союзники в структурах власти. Правительство возглавлял Михаил Чигирь, Администрацию президента — Леонид Синицын. Ни первый, ни второй к Винниковой особых симпатий не испытывали. Чигирь — в силу собственного банковского прошлого, Синицын…

Леонид Синицын вспоминает:

«Когда она появилась и начала на совещаниях откровенно лгать, это для меня был шок. Слияние банков, исчезновение банков… Мне было абсолютно понятно, с какой целью это делается. И я об этом ей сказал. С этого начался наш конфликт, хотя внешне мы были дружны. И по прошествии времени я к ней по-человечески очень хорошо отношусь…».

Винникова ему как бы отвечает:

«Богданкевич понимал, что дни его сочтены. Президент его уже откровенно игнорировал. Но Синицын питал к Богданкевичу

личные материальные симпатии и вызвался отрегулировать эти вопросы.

По его инициативе прошло несколько встреч у президента, где выяснялись причины наших разногласий, в том числе и по вариантам решения экономических проблем в стране. Никаких слез, обмороков, как писалось в некоторых статьях, не было. Наоборот, совместное рассмотрение некоторых проектов, где наши мнения расходились, показало, что мои аргументы просчитаны до мелочей. Президент им отдавал предпочтение, а в последующем уже сама жизнь доказала их состоятельность.

Синицын — не дурак, первый понял, что просто так скинуть меня со счетов им не удастся».

Можно, конечно, лишь догадываться, что имеет в виду Синицын, когда говорит о том, что Винникова «откровенно лгала», и на что намекает сама Винникова, когда говорит о «личных материальных симпатиях» Синицына к Богданкевичу… В любом случае, представляли они разные банковские кланы, защищали каждый свои интересы. При этом «рыночник» Богданкевич отстаивал идею более жесткого контроля за коммерческими банками, а Винникова, банк которой создан в свое время при покровительстве правительства, была вынуждена бороться за ослабление государственной удавки, накинутой на ее шею.

Но вернемся к сюжету «войны». Итак, Синицын добился исключительного права на экспертизу подаваемых неформальным советником президента Тамарой Винниковой докладных записок.

«Для меня, — вспоминает Тамара Дмитриевна, — это были черные дни. Во всех смыслах. Потому что за проектами стояли конкретные люди, компании и деньги. Заканчивалось все тем, что при отклонении проекта всем недовольным указывалось мое имя.

Для примера приведу проект, который был подготовлен Хилько[172], это проект перевода всех денежных потоков страны в Сбербанк. Сбербанк должен был бы забрать денежный кошелек правительства и его Минфина, Нацбанка и т. д. Кроме того, местная власть должна была держать отчет перед Хилько по использованию средств… Надо отметить, что к тому времени Сбербанк был банкротом, 85% валютных средств были использованы так, что вернуть их было невозможно. Я была против этого варианта».

Но одновременно существовал и другой вариант спасения Сбербанка.

Тамара Винникова продолжает:

«Богданкевич внес предложение объединить Сбербанк со Стройбанком и таким образом его спасти. При этом он решал две

проблемы — устранение Ракова (руководителя Белпромстройбанка. — *А. Ф.*), они были непримиримыми соперниками, и закрытие долга, так как основные экспортеры и, следовательно, держатели валюты — клиенты этого банка».

Выслушав две стороны, Лукашенко предложил третий вариант, собственный. Винникова говорит:

«Президент к тому времени уже мало кому верил, спецслужбы его информировали о том, что схема приватизации через систему запланированных банкротств в Москве набирает силу, и Сбербанк нашей республики — вполне возможная жертва. Он пригласил меня, ознакомил с предложениями Богданкевича и сказал, что он решил объединить со Сбербанком не Промстройбанк, а Беларусбанк[173].

Когда я об этом сообщила владельцам банка, они были шокированы. Уже подобрались кадры, заканчивалось строительство шикарных офисов, под залог которых можно было получить кредит в любом отечественном и зарубежном банке. Был добротный парк автомобилей высшего класса для персонала и перевозки ценностей. Уже работали кредитные линии Европейского банка реконструкции и развития. Все рушилось. А главное — терялась независимость банка. Учредители банка ответили отказом, о чем я и сообщила лично президенту. Он приказал провести совещание и поставить вопрос на голосование, как и предусматривал закон, просил, чтобы те, кто против, остались в зале, он лично приедет и проведет беседу о важности воссоединения.

Владельцев капитала, желающих иметь беседу лично с президентом, не нашлось. Решение о слиянии было принято практически единогласно».

Проигравшему Богданкевичу не оставалась ничего, кроме как подать в отставку. Ушел он с поста председателя правления Национального банка даже без соблюдения надлежащей процедуры: ведь его назначение утверждал Верховный Совет, он же должен был бы и принимать отставку…

Но Верховному Совету было уже не до Богданкевича.

Глава четвертая. Прощай, свобода слова!

Он не простит им эти слезы

Готовился второй антикоррупционный доклад. С ним собирался выступить бывший член парламентской комиссии по коррупции (той самой, лукашенковской), бывший рабочий одного из минских заводов, член оппозиции БНФ Сергей Антончик, мечтавший стать белорусским Валенсой.

Антончик был уверен, что козырная карта борьбы с коррупцией еще не отыграна. Он не почувствовал изменившейся ситуации, а атмосфера в обществе была уже не та, что год назад.

Вспоминает депутат Верховного Совета 12-го созыва Валентин Голубев:

«Позняк говорил Антончику: "Не надо". А Сергей уже закусил удила, это, говорит, доклад лично мой, а не оппозиции БНФ. И в прессе это тоже шло как доклад депутата Антончика».

Остановить Антончика было невозможно. Лукашенко подал слишком соблазнительный пример: многим показалось, что теперь каждый публичный разоблачитель сможет прийти к власти.

Доклад был приурочен к годовщине антикоррупционного выступления самого Лукашенко. Голубев продолжает:

«Атмосфера была очень близкой к тому, что было во время доклада Лукашенко, хотя второй раз — это уже не первый.

Но тут была другая интрига: сможет ли Антончик сломать Лукашенко? У Лукашенко фактов с реальными подтверждениями не было, когда он выступал, а Антончик-то приводил "забойные" факты, со ссылками. И когда через несколько минут после начала выступления Лукашенко, сидя на специальном месте президента — на своей трибуне, закрыл лицо руками и начал плакать, у всех возникло такое впечатление, что все — "труба" ему. Мне, например, стало жалко Лукашенко. Я думаю, ну как это так? Ну ладно, он кого-то растирал, но что же его сейчас так растирают? Все-таки, любишь ты его или не любишь, но он президент!».

Не берусь утверждать, что Лукашенко плакал в тот момент. Возможно, ему просто не хотелось видеть и слышать все это. Когда год назад он выступал с докладом, он и себе, наверное, казался героем, сокрушавшим зло. А кем он казался себе сейчас? Волком на псарне? Несмотря на то что зал не свистел, не улюлюкал, а просто внимательно за ним наблюдал… А Сергей Антончик обвинял…

Он обвинил Лукашенко в главном: тот назначил на высшие

государственные посты коррупционеров, якобы зная, что они — коррупционеры. В докладе Антончика была показана роль «Белагропромбанка» в раскручивании инфляции и отмывании денег (удар по премьеру Чигирю). Фонд «Наследие Чернобыля», ряд предприятий, связанных с ним, обвинялись в отмывании денег, выделенных на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии (удар по управляющему делами президента Титенкову). Говорилось также о покровительстве лицам, по дешевке распродававшим армейское имущество (министр обороны Костенко). Наконец, удар наносился и по главе Администрации президента Леониду Синицыну, сын которого учится в США на деньги Иосифа Левитана, который якобы финансировал избирательную кампанию Лукашенко. И так далее, плюс мелочи, сродни «фактам» в прошлогоднем докладе…[174]

Лукашенко закрыл лицо руками и ждал конца. Он все-таки от природы был талантливым драматургом-импровизатором, актером и режиссером.

Председательствующий Мечислав Гриб объявил перерыв.

После перерыва один за другим к трибуне начали подходить должностные лица, поименованные в докладе, и заявлять о своей отставке. Первым — глава Администрации Леонид Синицын. Затем управляющий делами Иван Титенков, начальник службы контроля Василий Долгалев[175]… (По-моему, из упомянутых в докладе высоких должностных лиц в тот момент лишь Михаил Чигирь, премьер-министр, и министр обороны Анатолий Костенко не объявили о готовности оставить свой пост.)

В зале воцарилась растерянность: значит, Лукашенко ни в чем не виноват? И обо всех делишках своих подчиненных он просто ничего не знал?

Стоп. Да и виновны ли они? Или просто оскорблены и возмущены клеветой? Мало ли что тут нагородил докладчик.

Еще ничего не произошло, но ситуация стала меняться.

Валентин Голубев вспоминает:

«Я не знаю, как там в перерыве Лукашенко говорил с Синицыным, с Титенковым, но прошел перерыв, и все изменилось. А после того как Виктор Кучинский сказал про гранатомет (помощник президента Виктор Кучинский заявил в тот момент, что он готов защищать президента с гранатометом в руках. — *А. Ф.*), все — вдруг сразу наступил перелом. Нападать уже некому было. Нападал один Антончик. Оппозиция не пошла в поддержку Антончика. Все смотрели на происходившее как на очередную игру».

И я не знаю, успел ли переговорить Лукашенко с Синицыным.

Но я хорошо помню, как Синицын взглядом подозвал меня — и сказал:

— Саша, подготовь мне текст на полторы минуты. Я подаю в отставку. — И, увидев мою растерянность (неужели — правда?), только сжал мне локоть:

— Помолчи.

Остальные «самострелы» писали заявления, поняв маневр Синицына, когда Синицын уже выходил к трибуне.

Валентин Голубев прав: нападать было некому. Устали от разоблачений и парламент, и народ. Депутату Голубеву вторит депутат Леонид Дейко:

«Лукашенко в своем прошлогоднем докладе был абсолютно органичен… А Антончик… все это было уже вторично. Факты у Антончика были действительно серьезные, внушающие доверие и сильные по содержанию, но общество, мне кажется, уже тогда начинало пресыщаться такой информацией. Этап, когда политическую популярность люди получали на волне разоблачений режима, был уже отработан».

Верховный Совет принял по поводу доклада Сергея Антончика единственное решение — направить его текст и прилагаемые к нему документы в прокуратуру, чтобы прокуратура дала оценку изложенным в нем фактам. Забегая вперед, можно сообщить читателю, что это почтенное ведомство во главе с тогдашним генеральным прокурором Василием Шолодоновым приняло соломоново решение: никаких признаков правонарушения в фактах, упомянутых депутатом Сергеем Антончиком, прокуратура не обнаружит[176].

Разумеется, никто из выходивших к трибуне и публично подававших в отставку, должность не оставил. Чего не скажешь об авторе этих строк. Ибо на сей раз в роли «козла отпущения» пришлось оказаться мне.

«Белые пятна» в газетах

Вечером должен был состояться президентский прием для дипломатов и прессы по случаю наступающего Рождества. Утром президент улетал с официальным визитом в Ташкент, и я должен был его сопровождать. Неожиданно вызывают в приемную главы государства.

Лукашенко встретил меня уже на пороге, выходя из кабинета:

— Делай что хочешь, но доклад не должен быть напечатан.

Я стал говорить, что это будет воспринято как нарушение свободы слова, гарантированной Конституцией, тут же

предложил напечатать доклад с предисловием: «Публикуется по указанию президента Республики Беларусь», еще что-то лепетал, но президент был тверд:

— Я своих людей не сдаю. Поступай как знаешь, но доклад не должен быть напечатан.

Я вернулся в кабинет и позвонил директору Белорусского дома печати Борису Кутовому:

— Пожалуйста, в случае, если какая-нибудь газета будет печатать этот чертов доклад, дайте знать!

Тот только вздохнул в трубку:

— Александр Иосифович, стрелочником, выходит, опять буду я. Вы ведь потом будете отрицать, что мне звонили…

Я понял:

— Не волнуйтесь, Борис Александрович. Факт нашего разговора я обещаю подтвердить публично.

На рождественском приеме были и главные редакторы четырех ведущих государственных газет — Иосиф Середич, Николай Кернога, Владимир Наркевич и Игорь Осинский. Я попросил их воздержаться от публикации доклада Сергея Антончика, аргументируя это тем, что незачем раньше времени позорить людей, нарываясь на иски о защите чести и достоинства.

Помню взгляд редактора «Звезды» Наркевича, полный неизбывной тоски:

— Что ж тогда публиковали предыдущий доклад?

Иосиф Середич, возглавлявший парламентскую «Народную газету» и бывший депутатом Верховного Совета, а потому считавший себя более свободным в действиях, поинтересовался, нельзя ли все-таки напечатать доклад с комментарием, что изложенные в нем факты нуждаются в проверке. Я ответил:

— Запретить по закону не могу. Могу лишь просить. Очень не хотелось бы, чтобы получилось, что мы завтра улетаем, а вы печатаете доклад.

Кто-то из редакторов, вздохнув, сказал:

— Будем считать, что договорились.

Редактор «Советской Белоруссии» Игорь Осинский промолчал.

И утром я улетел в Узбекистан.

Перед торжественным раутом (это был конец второго дня официального визита президента Республики Беларусь в Узбекистан) ко мне подошел заведующий белорусского бюро «Интерфакса» Слава Зенькович:

— Слушай, Иосифович, у нас там в Минске какая-то буза.

Газеты вышли с белыми пятнами.

— Как это — с белыми пятнами?

Я тут же бросился звонить в Минск, Синицыну.

— Не нервничай, все в порядке, — с натянутой бодростью заявил тот. — Ничего страшного… Ну, депутаты начали бузить. Побузят — и перестанут. Как у вас там, в Ташкенте, дела?

Я принялся звонить в свое управление. Ситуация, как я и предполагал, оказалась далеко не радужной. Оказывается, первой с белыми пятнами вместо доклада Антончика вышла «Советская Белоруссия» — с ее полумиллионным тиражом! На следующий день с белыми пятнами вышли все четыре главные государственные газеты. Парламентская оппозиция поднимет вопрос о свободе слова, о введении цензуры и возможном импичменте главе государства…

Глава государства, проходя к трапу самолета (мы вылетали в Самарканд), посмотрел на меня неодобрительно:

— Ну что там у тебя?..

— Ничего. У *меня* — ничего. У *нас* — проблемы.

Но сам Лукашенко так не считал. Он ведь лично никому никаких распоряжений не отдавал. Можно ли считать распоряжением фразу, брошенную на лету: «Поступай, как знаешь…»?

Как я и ожидал, Синицын лишь делал вид, что все в порядке. Идея импичмента действительно витала в воздухе. Газеты буквально кишели заголовками, из которых следовало, что налицо нарушение Конституции[177].

Но больше всего впечатляли белые, нет, не пятна, а целые газетные страницы.

Мне предстояло сделать что-то решительное. Эти белые страницы ставили крест на моей собственной репутации. И тогда я сообщил подчиненным, что намерен подать в отставку… в связи с тем, что мои действия нанесли политический ущерб главе государства.

На меня, с моим идиотским «благородством», смотрели как на юродивого.

Точно так же посмотрел на меня Синицын, которому я сообщил о своем решении. Я твердил ему что-то о том, что если я не «прикрою главу государства», взяв вину за случившееся на себя, то дело может закончиться импичментом «нашему президенту». Синицын смерил меня взглядом, причем убежденность в том, что я рехнулся, явно крепла в нем с каждой минутой[178]:

— Ну, по КЗоТу я тебя могу не увольнять еще месяц. А там посмотрим.

На том и расстались.

Я вернулся в кабинет и позвонил в «Звезду» Наркевичу:

— Владимир Брониславович, пришлите мне кого-нибудь потолковее. Желательно прямо сейчас.

— В отставку собрались, Александр Иосифович? — догадался Наркевич. — Не делайте этого. Всем только хуже будет.

Тем не менее, корреспондента Наркевич все-таки прислал. Наутро информация о моей возможной отставке уже была распространена.

Взяв на себя ответственность за все случившееся, я знал, что в истории с появлением «белых пятен» в «Советской Белоруссии» все же была и совсем не зависящая от меня подоплека.

Дело в том, что в редакции газеты «Советская Белоруссия» в течение месяца шла проверка службы контроля Президента. Были якобы вскрыты какие-то злоупотребления, вплоть до крупных финансовых афер. Не могу утверждать, было это на самом деле или нет, но главный редактор газеты Игорь Осинский понимал, что он обречен. Причем обречен по той же причине, по какой были обречены Гончар, Булахов, Синицын и многие другие члены команды: именно «Советская Белоруссия» активнее других государственных газет пропагандировала деятельность будущего президента страны, первой опубликовав и текст его пресловутого доклада, и огромное интервью с ним.

Таким образом, силу этой газеты — русскоязычной, а потому влиявшей именно на его электорат, — Александр Лукашенко знал. А значит, он должен был подчинить ее себе. Прежде всего — лишив коллектив статуса соучредителя газеты.

Понимая, что никакой перспективы договориться с главой государства у него нет, Осипский и избрал наступательную тактику самозащиты. Дерзким и весьма остроумным ходом с «белыми пятнами» он попытался превратить свое «дело» из административно-уголовного (каковое ему начали «шить») в политическое.

Дальше все было просто. Дело и в самом деле превратилось в политическое, сам Осипский некоторое время фигурировал в качестве жертвы борьбы за гласность, а Лукашенко и пресса поругались уже навсегда.

Вот, пожалуй, и все…

Я вовсе не собирался уходить в отставку. Я все еще надеялся на то, что президент осознает, что совершил ошибку, запрещая печатать этот ничего не изменивший и никому, в сущности, не мешавший доклад.

Но Лукашенко слишком хорошо знал, чего именно хочет.

В этом я убедился утром 2 января 1995 года, когда пришел на работу. В приемной сидел директор Белорусского дома печати Борис Кутовой.

— Ну, Александр Иосифович, кого выгоняем? — спросил меня главный типограф республики, изображая деловитость.

— Как — «выгоняем»? Вам что, Борис Александрович, одного скандала мало?

Он достал из папки какой-то список и положил передо мной:

— Вот. Это перечень тех изданий, которые печатаются у нас в БДП. Видите: четыре вычеркнуты. Это Сам вычеркнул. — По ужасу, блеснувшему в глазах Кутового, я понял, что он имел в виду вовсе не Титенкова. — Сказано, что еще четыре газеты должны назвать вы.

Были вычеркнуты: «Белорусская деловая газета», «Фемида», «Свабода» и «Газета Андрея Климова». Именно эти издания досаждали главе государства больше всего. Я взял в руки список, бросил через плечо: «Ждите!» — и побежал на третий этаж, к Синицыну.

Синицын был не в курсе. История с «белыми пятнами» и так вызвала у него состояние шока, как бы он ни храбрился. Выслушав меня, он совсем помрачнел. После долгого молчания, наконец, спросил:

— И что же ты предлагаешь делать?

— Сходите к нему. Объясните: это уже не ошибка, это окончательное уничтожение моей репутации. Я ему это объяснить не могу. Но и «козлом отпущения» быть не хочу. Помогите. Вам удобнее, к тому же вас он послушает. Хорошо, я взял на себя «белые пятна», но второй раз на те же грабли — спустя неделю! Ошибку взять на себя еще можно, но глупость — увольте!

— Чего ты хочешь?

— Пусть отменит приказ!

И мы отправились в приемную главы государства. Президент был на месте. Синицын взялся за ручку двери кабинета, посмотрел на меня:

— Пойдем вместе?

— Идите один! Вы же с ним были на ты[179]…

Через час в приемную заглянул Иван Титенков:

— Кто у шефа?

— Синицын.

— А, ну и я зайду, — Титенков исчез за дверью.

Через минуту оттуда вылетел разъяренный глава Администрации:

— Пошли!

Синицын буквально вломился в собственный кабинет, прошел в комнату отдыха, достал из сейфа коньяк и, не спрашивая, налил два стакана до половины.

— Я его почти убедил. Но тут пришел Иван. «Вот как Иван скажет, так и будет!» А этот возьми и ляпни: «А чего это Федута выкобенивается? Пусть идет и выполняет приказ!» — «Слышал? Так и передай — пусть идет и выполняет приказ!»

— Считайте, что передали. А мое заявление у вас?

Всего неделю назад я добросовестно принял на себя ответственность за совершенную президентом ошибку, попросив взамен об одном: прежде чем принимать подобное решение, позовите и выслушайте! А потом решайте, это ваше право. И вот снова… Теперь это уже было настоящим предательством с его стороны.

Значит, нужно уходить. И я ушел. И не осуждаю за собственную отставку ни президента, ни самого себя.

Мы оба поступили правильно. Каждый — по-своему. Я — потому что после всего случившегося оставаться на прежней должности не мог. Даже ради дела это не имело смысла. А президент… Ему нужен был обслуживающий персонал, а не соратники. Ни мои принципы, ни мои представления о свободе слова Лукашенко не интересовали.

Можно было, конечно, послушаться Синицына и высидеть себе депутатский мандат. Но с меня уже хватило. Я не мог одобрить ни историю с «белыми пятнами», ни последовавшие за ней увольнения главных редакторов газет (вопреки всем законам)[180], ни изгнание негосударственных газет из типографий, а позже, и из государственной системы распространения[181].

Кроме того, мне слишком хорошо были понятны мотивы поведения Лукашенко. Что тут сложного? После того как Сергей Антончик попытался повернуть против президента так хорошо знакомое ему оружие — борьбу с коррупцией, Лукашенко понял, что точно так же кто-то однажды вздумает применить против него и второе оружие — гласность. Он успел предусмотрительно отобрать у потенциальных оппонентов телевидение, поставив на руководящие посты в доску преданных ему людей, едва придя к власти, добиться отмены прямой трансляции сессий, несмотря даже на угрозы депутатов обратиться в прокуратуру. Сессии не транслировались ни по телевидению, ни по радио. И никто депутата Антончика не услышал и не увидел, отчего все действо в Овальном зале осталось сугубо камерным и лишь отголосками отозвалось за его пределами.

Очередь дошла до газет. Конечно, газеты были не таким

сильным оружием, как ТВ или радио. Но тем не менее: есть статья в газете — есть проблема, нет статьи — нет и проблемы. Он пошел на скандал с «белыми пятнами», потому что был уверен, что любой скандал все же менее опасен, чем содержание доклада. И нужно было сделать так, чтобы неугодных ему статей в государственной прессе не было. Никогда.

И он этого добился.

Общество разделилось на читателей разных газет и зрителей разных телеканалов (московские НТВ, «Культура» тогда еще транслировались на республику). Наверное, такое разделение произошло бы и без активного нажима Лукашенко, но постепенно, а он не собирался ждать. И разделил общество сразу. Немногочисленные читатели демократической прессы перестали читать прессу государственную. Белорусское государственное телевидение с его голой и слащавой пропагандой перестали смотреть процентов 90 сторонников оппозиции. Зато на электорат теперь обрушилась вся мощь лукашенковской пропаганды — с постоянным теле- и радиовещанием, огромными тиражами официальных газет.

Именно ради этого, а вовсе не из-за мнения какого-то там Титенкова президент не послушал тогда Синицына. Он слишком хорошо знал, чего добивался. Он пришел к власти потому, что общество было расколото, и управлять намеревался именно расколотым обществом.

Дело было за малым. Оставалось поставить на колени оппозицию, уничтожить ее морально.

Глава пятая. «Утилизация»

«Глаза боятся — руки делают»

Идея проведения первого в истории Беларуси референдума, вероятно, пришла Лукашенко в голову сразу после доклада Сергея Антончика. При всей его «самостоятельности» здесь отчетливо просматривались «козни» БНФ, активистом которого он был и оставался.

А поскольку именно в Народном фронте Лукашенко видел главную угрозу потенциально возможной смуты, ему нужно было покончить с политическим влиянием БНФ раз и навсегда. Сделать это можно было, лишь рубанув ростки смуты под корень, отняв у «противника» его главные завоевания.

«Завоеваний» у БНФ было всего два — принятие в государстве исторической белорусской символики и признание белорусского языка государственным. Это и следовало отнять,

причем именно на референдуме, продемонстрировав еще раз, что «народ» поддерживает не оппозицию, а его, Лукашенко.

Поэтому, когда 16 марта 1995 года большая группа депутатов Верховного Совета (соответствующим образом «подготовленных» главой Администрации Леонидом Синицыным) обратилась к президенту с предложением провести референдум о новой символике и придании русскому языку статуса государственного, эта «инициатива» была горячо принята и поддержана Лукашенко.

Лучшего повода для драки с оппозицией придумать было нельзя. Тем более что «за компанию» можно было поставить и вопрос о поддержке народом внешнеполитического и экономического курса главы государства.

Оставалось придумать новый герб и флаг — взамен древней белорусской «Пагоні»[182] и бело-красно-белого стяга. «Соцзаказ» на разработку «новой» символики определялся так: «Общество было в большинстве своем ориентировано на старый флаг и герб», — вспоминает Синицын.

«Старый» — в данном контексте читай: «советский». С флагом поступили просто: убрали с былого флага БССР серп и молот да слегка обновили начертание орнамента. С гербом, конечно, сложнее. Но, как говорится, глаза боятся, руки делают. Леонид Синицын:

«Сел и нарисовал. Хоть я и не художник. А потом уже художник оформил все в красках… Устроили своего рода конкурс. Кто-то приносил с аистом, кто-то еще что-то приносил, не помню. Но когда выставили все, Лукашенко принял мои эскизы за основные: "Вот это — наше". Поэтому от авторства мне тут никуда не деться». Вспоминает Валентин Голубев:

«Синицын рассказывал мне, как они "сварганили" герб. У Владыки Филарета[183] был день рождения, президента с командой он в обед пригласил к себе. Когда пришли оттуда, настроение приподнятое, выпили там немножко, посадили компьютерщиков:

— Ну, как будем делать герб?

— А давай возьмем за основу герб Советского Союза или Беларусской ССР.

Взяли — раз, поменяли, это убрали, почистили, сделали. И вот такой герб. И мне показали, что получилось. Я говорю:

— Не может быть такого герба.

— Может. И принят он будет, и вынесем мы его на референдум.

Явная кустарность вынесенных на всенародное утверждение наших главных государственных символов многих до сих пор коробит. И непонятная «дыра» с контурами Беларуси над земным шаром, и красный (наверху) с зеленым (внизу) флаг, вскоре

прозванный острословами «закатом над болотом». Но оставим это…

Дело ведь не в геральдике. Потому что если вспомнить, зачем вообще нужно было менять символику, то понятно, что чем она хуже получилась, чем больший протест вызывала, тем лучше. Ведь ее замена была лишь провоцирующим выпадом, причем только одним — в комбинации сразу из нескольких ударов.

Акт отчаяния

Новая символика и двуязычие должны были спровоцировать Зенона Позняка и его команду на решительные действия. Ведь у них на глазах людям предлагали отказаться от самого святого — воплощенной в «Пагоне» и бело-красно-белом флаге многовековой истории борьбы и страданий белорусского народа. Отказаться от признания единственным государственным белорусского языка значило обречь его на медленное и тягостное умирание. Чтобы не допустить этого — и здесь Лукашенко рассчитал все правильно, — БНФ готов был к любой форме протеста. Валентин Голубев рассказывает:

«Когда стало ясно, что 12 апреля все-таки будет принято решение о проведении референдума, мы собрались в комнате 367 в здании Верховного Совета, которая была отдана оппозиции. Мы были готовы на любые радикальные действия, но не знали, что делать».

Радикализм был закономерен: Зенон Позняк и его соратники понимали, что люди, менее четырех лет назад получившие в качестве государственной историческую символику, сегодня могут легко согласиться с ее отменой. Ведь для большинства ничто с этими символами не было связано. Два века белорусов лишали исторической памяти, и референдум символизировал победу беспамятства над Историей. Использовать это было подлостью, но Лукашенко перед ней не остановился: он явно руководствовался в этот момент не нравственными, а политическими соображениями. Поэтому горстка интеллигентов-бэнээфовцев с депутатскими мандатами ощущала себя — и была на самом деле! — последними солдатами белорусской истории. Ценой собственной жизни они готовы были предотвратить референдум — лишь бы остальные поняли, от чего им предлагают отказаться.

Так появилась идея голодовки.

«Ночью ко мне приехали Позняк и Антончик, — вспоминает Валентин Голубев. — Мы сидели на кухне и думали, что делать. И решили начать голодовку. Это был акт отчаяния. Договорились,

что приходим заранее, предупреждаем оппозицию и сочувствующих депутатов, чтобы поддержали то, что мы будем делать. Если могут».

Одиннадцатого апреля 1995 года Верховный Совет приступил к обсуждению вопроса об инициированном Лукашенко референдуме. В бюллетене было сформулировано четыре вопроса: о смене государственных герба и флага в соответствии с представленными президентом эскизами, о придании статуса государственного русскому языку, о поддержке курса президента на экономическую интеграцию с Россией и о возможности роспуска Верховного Совета в случае грубого нарушения им Конституции. Решено было, что по первым трем вопросам итоги голосования будут носить обязательный характер, а по четвертому консультативный[184].

Осталось назначить лишь дату. И тогда оппозиция начинает действовать.

«Встал Позняк и объявил, что мы в знак протеста против принятия решения о референдуме объявляем бессрочную голодовку в зале заседаний. Это был, конечно, шок. Верховный Совет сразу отказался рассматривать предложение о референдуме. Многие подумали: значит, что-то не так с референдумом, если уж мы пошли на такую чрезвычайную меру. Депутаты подходили к нам и высказывали поддержку. Стало понятно, что Верховный Совет может вообще отменить референдум»[185].

Оппозиция демонстрировала свою моральную силу, и это превращало ее в центр политического притяжения.

Разумеется, отношение депутатов было далеко не однозначное. «У одних в зале это вызвало стресс, другие смотрели на нас со стороны, как на какой-то спектакль. У многих начинался озноб от ожидания, чем же все закончится. И все понимали, что просто так нас не оставят»[186].

«Главком» принимает решение

«О голодовке депутатов я узнал днем, — вспоминает Леонид Синицын. — И буквально через час собрал представителей спецслужб и спросил: "Что вы думаете по этому поводу?" Заместитель министра внутренних дел (я не помню фамилию) сказал, что здание заминировано. Я спросил, что они намерены предпринять, и получил ответ:

— Мы будем действовать в данном случае в соответствии со сложившейся нестандартной ситуацией».

И что же дальше делает глава Администрации президента, которому доложили о мине в здании Дома правительства? Да ничего особенного! Как будто все в порядке вещей. Он ждет вечера!

«Это было за рамками моих служебных полномочий, — продолжает Леонид Синицын. — Иван Титенков занимался зданиями, Виктор Шейман занимался безопасностью. Это было в их компетенции. Вечером я позвонил президенту, и мы поехали в Дом правительства, где тогда располагались и президентские службы[187]. Мы пришли вместе с министром обороны Костенко. Депутаты сидели в Овальном зале, мы сидели в кабинете президента. И Лукашенко говорит:

— Здание заминировано, что будем делать? Как мы будем освобождать? Серьезное дело. Депутаты все-таки.

Он вызвал Валентина Агольца (командующий внутренними войсками Республики Беларусь. — *А. Ф.*). Аголец пришел, чеканным шагом зашел в кабинет, по всей форме доложил:

— Товарищ Главнокомандующий. Прибыл по вашему приказанию.

Президент говорит:

— Выполняйте команду по освобождению здания. Примите меры и доложите о плане действий. Вам тридцать минут времени.

Аголец минут через тридцать доложил президенту план эвакуации».

Рассказ Синицына дополняет первый заместитель председателя КГБ Валерий Кез:

«Это была первая акция, которую я выполнял по указанию президента (Егоров, председатель КГБ, был в отпуске). Я не смог тогда возразить и не смог воспрепятствовать. Мне был отдан приказ выехать вместе с подразделением "Альфа" и подразделением внутренних войск под руководством Агольца принять участие в выдворении депутатов».

Попытаемся на основании свидетельств очевидцев и участников реконструировать картину того, как было выполнено решение главнокомандующего.

«Эвакуация»

Вспоминает депутат Валентин Голубев:

«Несколько раз к нам подходили с уговорами, потом объявили, что в зале заседаний бомба. С собаками приходили офицер и солдаты. Один раз привели людей в кожаных куртках, как потом нам сказали, это были работники белорусского КГБ. Тесовец (начальник Главного управления государственной

охраны МВД, депутат Верховного Совета. — *А. Ф.*) сказал им:

— Берите их, выводите отсюда.

Мы стали объяснять, что мы депутаты и находимся не где-нибудь, а в зале Парламента. Они выслушали нас и сказали Тесовцу:

— Бери сам и выводи.

Часов около двенадцати ночи мы все начали располагаться — кто-то в кресле, кто-то — в спальные мешки. И все задремали. Я лежал возле трибуны, рядом со мной — депутат Сергей Наумчик.

Сначала я услышал что-то странное в воздухе, даже трудно это пересказать: вот качается воздух, когда идет много людей — или строем, или даже не в ногу, но много людей. Кто служил в армии, знает, что даже на расстоянии это можно ощутить. В воздухе чувствуется. И потом я слышу: "дзынь-дзынь" — стук карабина от ремня автомата Калашникова о ствол — этот звук спутать невозможно.

Я не стал никого будить: по центральным ступенькам поднялся и открыл дверь, ведущую из зала заседаний Верховного Совета в фойе. Оно было ярко освещено и полностью забито вооруженными людьми. Возле дверей не с автоматом, мне кажется, а с ручным пулеметом стоял человек, который сразу направил его мне в живот. Все, кто стоял у дверей, были с ранцами и противогазами.

Я отступил и крикнул:

— Автоматчики!

В зале сразу зажегся свет. Стало нестерпимо ярко, и три или четыре человека, операторы с видеокамерами, начали снимать все, что происходит».

Говорит депутат Леонид Дейко:

«Дальнейшее происходило очень быстро. Распахнулись четверо дверей, и в зал хлынул поток военнослужащих, часть из них вооружена и в камуфляжной форме, а часть в черных костюмах, которые позволяли им быть довольно подвижными. И вот этот поток хлынул сверху, справа и слева по центральным проходам, а черная "зондеркоманда" — она запрыгала сверху вниз через сидения. Налетели и начали нас таскать, как только можно. Мои коллеги отмахивались, пробовали отбиваться. Количество людей в зале исчислялось сотнями.

Все закончилось быстро. Я еще помню, что показывал удостоверение и говорил:

— Что вы делаете? Это беззаконие.

Но это все было пустое. Люди эти, мне кажется, такие и есть по своей подготовке: у них отключаются мозги, им просто ставится задача, а все остальное при выполнении этой задачи их

не интересует».

Валентин Голубев продолжает:

«Вначале на переговоры пришел Михаил Тесовец. Он потребовал, чтобы мы ушли, сказал, что в противном случае будет применена сила. Мы отказались. И как только он вышел, все двери в зал заседаний Верховного Совета раскрылись мигом, и полетело десяток-два людей в черной спортивной форме, в черных туфлях и в масках. Они летели, подпрыгивали, перекручивались в воздухе и кричали:

— Кия!

Я сейчас понимаю, что это был элемент устрашения, и это было правда страшно. Но это было так быстро! Они влетели, и сразу же за ними вошли люди в стеклянных масках с автоматами и встали по периметру по всему залу.

До меня эти черные не добрались, их было немного: может, десять-пятнадцать-двадцать человек. Они бросились на первые ряды. А впереди сидел Позняк. Они Позняку начали рвать рот, тыкать в глаза пальцы. Рядом с Позняком был Герменчук. Герменчук сначала их бил, а потом взял и с одного сорвал маску. После того как с него сорвали маску, этот человек сразу упал на пол и закрылся руками, чтобы его лицо не было видно. Наши ребята, которые были впереди, поняли, и начали и с других срывать маски. Но уже бежали люди без масок, с дубинками.

Я помню, нас вырывали вместе с креслами. (Когда назавтра сессия началась, кто-то говорил: "Может, этого не было, что вы рассказываете?" — "Но кто поломал эти кресла?!") Меня первым вырвали из кресла, и два человека крутанули мне руки вверх так резко, что я, стоя на ногах, стукнулся головой о пол. В этот момент мне дубинкой ударили по позвоночнику. И я просто перестал чувствовать ноги».

Все снималось на пленку. То, что увидит на ней Леонид Синицын, много лет спустя он охарактеризует одним словом: «Ужасно…» Потом добавит: «Впечатление, конечно, было удручающее. Круглый зал, и они стоят в углу, как сейчас помню. Движение людей в масках. Выносят депутатов. Крики. Шум. Такое тяжелое впечатление…».

В жизни все было, как в кинобоевике. Только вместо террористов «мочили» депутатов высшего законодательного органа власти, обладавших статусом неприкосновенности.

Леонид Дейко вспоминает:

«По несколько человек на каждого — заламывали руки за спину и волокли так, что голова твоя находится внизу — и все в

страшно быстром темпе. Я хорошо помню, как меня волокли по мраморным лестницам вниз. Вокруг было полно людей». Валентин Голубев:

«Хлопцы, похоже, были на срочной службе, потому что некоторые просили:

— Не дергайтесь, мы не хотим вам делать больно. Но все равно руки мне держали так, что голова была где-то на уровне колен. Рядом со мной вели Антончика, и где-то рядом — я не мог головы поднять, чтобы что-либо видеть — был депутат Коля Крыжановский, который кричал: "Что вы меня трогаете?! Я старый человек, вы мне в дети годитесь…" Голосил, как в деревне по покойнику.

Потом меня вывели. С двух сторон, чтобы мы не вырвались, стояла простая милиция, охрана Дома правительства. Увидев милиционеров, говорю:

— Как же вы можете? Вы же видите, что совершается антизаконный акт!

Кто-то ответил за всех:

— Мы не виноваты. Нас подставили. Мы этого не желаем. Мы просто стоим».

Они просто стояли…

Леонид Дейко продолжает:

«— Когда уже тащили, я хорошо запомнил, что на лестничной клетке, поближе к выходу, стоял невысокий мужчина в черном пальто и шляпой закрывал лицо. Запомнилось первое ощущение тогда, что он не столько закрывал лицо, сколько демонстрировал: "Посмотрите. Я к этому не имею отношения… Мне стыдно". Я сообразил, что это был зампредседателя Комитета госбезопасности Валерий Кез».

А вот что говорит сам Валерий Кез:

«Я тяжело пережил то, что участвовал в этой акции. У меня был сложный разговор с Бролишсом[188], мне крайне стыдно было с ним разговаривать, и я в принципе даже ничего не скрывал. Я для себя сделал тогда вывод, что больше нив каких акциях такого рода участвовать не буду. Никто меня ни под каким предлогом не заставит, я лучше уволюсь. Это моя Родина. Не хочу, чтобы обо мне думали, как о бандите, который разгонял парламент. …Была ли дана команда их бить, я не помню. Она могла быть отдана непосредственно в зале, когда они начали сопротивляться. А план был: если будут сопротивляться — выносить. Выносить, бросать в автобус или машину и увозить их подальше».

Валентин Голубев:

«Когда вывели меня во внутренний дворик, там стояла машина-"воронок", с внутренними решетками. И там командовал

офицер, который заставлял солдат бросать нас прямо в машину. Четыре человека брали одного, раскачивали и швыряли его, чтобы он летел лицом туда, в "воронок". У меня очки, я перед тем, как садиться в президиум, — у них металлическая оправа — дужки загнул. И я когда летел, страшно боялся, что очками ударюсь. Я представил, как эта оправа войдет мне в лицо… Не знаю, как я смог повернуться, чтобы удариться затылком, а не лицом. …Избили очень Сашу Шута, у Позняка потом брали анализ мочи — сразу пошла кровь».

Вероятно, Позняка били по почкам; это больно.

«И врачи-женщины плакали», — вспоминает Голубев.

Это было потом, когда их уже осматривали врачи…

Лукашенко, Шейман, Тесовец сделали политическую карьеру, будучи депутатами одного созыва с теми, кого в эту ночь избили дубинками, — с их ведома, с ведома новой власти. Они четыре года сидели с ними в одном зале, ели в одном буфете и нажимали одни и те же кнопки для голосования… Иногда — и это можно проследить по стенограмме — они даже выступали заодно.

Сегодня Синицын, как и Кез, не помнит, было ли принято решение об избиении[189]. «Во всяком случае, при обсуждении этого не звучало, — говорит Синицын. — Считалось, что, как положено, освободим здание, вынесем всех. Целенаправленно разгонят и…» И — что? В какой форме должен был происходить «целенаправленный разгон»? Зачем вообще понадобилось «освобождать здание»?

Это хорошо знал Лукашенко. Он не здание от депутатов собирался освобождать. Он «освобождал» парламент от способности сопротивляться.

…Итак, депутатов избили и «эвакуировали» из занимаемого ими по праву помещения. «Эвакуировали» — это слишком красиво. Их просто вышвырнули. Рассказывает Валентин Голубев:

«Нас везли простые милиционеры, был офицер, который молчал, и два солдата срочной службы. Один из них спросил:

— Куда вас отвезти? Я сказал:

— В парламент, в бывшее здание ЦК то есть[190].

— Туда запрещено везти.

— В БНФ.

— Тоже запрещено.

— К Дому искусств.

И вот нас выбросили возле магазина "Океан"»[191].

Возможно, эти запреты касались только лидеров Белорусского народного фронта, потому что, например, депутата

Леонида Дейко выбросили из машины именно возле бывшего здания ЦК — демонстративно.

Ночь прошла в попытках депутатов «оформить побои» в прокуратуре и медицинских учреждениях. Потом собрались в гостиничном номере, где жил Леонид Дейко, начали обсуждать, что делать.

«Это уже не парламент»

Очередное заседание сессии должно было состояться 12 апреля, в день космонавтики.

Оно и состоялось.

Правда, началось не с самого утра — в 12 часов. Началось с обращения членов Президиума Верховного Совета, которое озвучил депутат Борис Савицкий, к спикеру парламента:

«Большинство членов Президиума на утреннем заседании считало сегодня невозможным проводить заседания в этом зале. Несмотря на это вы начали здесь заседание, как ни в чем не бывало»[192].

Мечислав Гриб был вынужден защищаться:

«Вы знаете, сейчас есть большое противостояние, и, может, сейчас достаточно одной искры, чтобы развязать войну. Кому она нужна?»[193].

Гриб заметно нервничал. Вспоминает Леонид Дейко:

«Мне показалось, что, возможно, он и не ожидал, что это мероприятие закончится таким вот силовым методом. Для него это тоже было в какой-то степени неожиданностью».

Похоже, что Председатель Верховного Совета на самом деле не ожидал ничего подобного. Его уверяли, что все обойдется вполне мирно. И сессию он начал не в 9.30 утра, а в 12.00 по объективной причине:

«Ко мне в 8 часов позвонил по телефону Синицын и сказал, что еще саперы не закончили всю работу и до 12 часов будут работать… Также до 12 часов на работе не было никого в Администрации Президента и у Председателя Кабинета министров. Так меня уверил Синицын и так отвечали дежурные. Потом я связался с президентом (также состоялся разговор по этому вопросу)…»[194]

Понятно, что и президент попросил Мечислава Ивановича не превращать, так сказать, рабочий момент в трагедию (работают саперы, подождите до 12.00 — и подождали).

Но депутаты не успокаивались. Впервые был столь вероломно нарушен принцип парламентской неприкосновенности. Избиение было демонстративным, законность нагло попрана в присутствии

должностных лиц, по долгу службы обязанных ее защищать. Совершено тягчайшее государственное преступление.

Когда в зале появился начальник Главного управления государственной охраны депутат Михаил Тесовец, спикер был вынужден просто утихомиривать коллег-парламентариев:

«Позовите в зал охрану. У нас не будет самосуда». И основания для таких призывов у Гриба были. Вспоминает Валентин Голубев:

«Помню, я сразу погонял по залу Тесовца, — я его хотел убить… Никто его от меня не защищал, только бегали два кагэбэшника и говорили:

— Валентин Федорович! Не в зале заседания! Не в зале заседания!».

Зал гудел. Вставали депутаты, рассказывали о том, как их избивали. С «информацией» выступили все тот же Тесовец и министр обороны Анатолий Костенко. Мечислав Гриб сообщил о том, что республиканская прокуратура возбудила уголовное дело по факту избиения депутатов…

После перерыва на сессию приехал Лукашенко. Оппозиция вышла из зала в знак протеста; как сформулировал Зенон Позняк, «парламент, в который введены войска, уже не парламент».

Лукашенко, как всегда, говорил о себе в третьем лице:

«Знал или не знал Президент о том, что происходило здесь в моей резиденции, в резиденции правительства? Уважаемые депутаты! Ну конечно же знал. …Президент не просто знал. Президент каждые 30 минут был информирован (как глава государства) министром обороны о том, что происходит здесь, в Доме правительства»[195].

Это признание было очень важным: депутатов избивали с ведома главы государства.

Дальше — полная неожиданность:

«Непосредственная моя роль была в защите жизни этих людей».

Оказывается, он таким образом защищал депутатов. Взрывчатку не нашли — виноват ли в этом президент? Тем более, «ведь ужас просто», что там творилось:

«Когда мне Тесовец со слезами на глазах позвонил около 12 часов ночи и сказал: Александр Григорьевич, не получается по-хорошему, повынимали ножи, достали лезвия… Первое, говорят, вскрываем вены, отрезаем себе головы и вас повырезаем, кровью зальем здесь все. Ну извините, такие угрозы в резиденции президента — это уже слишком… Поэтому мы покажем народу эту пленку, и не только эту»[196].

Зачем «дразнить гусей»?

Президент не сдержал слова, данного публично. Эту пленку так никто и не увидел — кроме Леонида Синицына, премьер-министра Михаила Чигиря да еще нескольких причастных лиц. Я пытался узнать, какова ее судьба, но мало преуспел. Синицын утверждает:

«Мне утром принесли эту кассету, я посмотрел ее. Позвал Михаила Чигиря: "Посмотри, что там происходило". Мы посмотрели кассету и потом она оказалась у Заметалина. Я передал ее Заметалину».

Далее произошло то, что неминуемо должно было произойти: кассета исчезла.

Власть, совсем недавно так нагло преступившая Закон, вдруг заметалась, пытаясь уничтожить видеоулики. Оно и понятно: ведь покажите народу, как громилы из спецназа избивают известных всей стране политиков, и вряд ли симпатии будут на стороне тех, кто отдал приказ об избиении.

Впрочем, это еще смотря кто будет оценивать увиденное. Вспоминает Валентин Голубев:

«Неприятно резануло, когда Николай Дементей усомнился:

— Не может быть, чтоб вас били!

Депутат Саша Шут вышел и поднял рубашку перед Верховным Советом. Спина вся была в синих кровавых шрамах. И Дементей сказал:

— Правильно, мало били!».

Но это — бывший спикер Дементей. Таких людей власть могла не бояться, потому что они всегда на ее стороне[197]. И, в конце концов, били оппозицию, а не парламентское большинство. Не их били. Не Гриба, не Дементея — это главное.

А вот народ… Народ, увидев хладнокровное избиение безоружных людей, мог повести себя по-разному, и это все хорошо понимали — и Лукашенко, и Синицын, и Тесовец. Зачем разжигать страсти, «дразнить гусей»?

Спустя некоторое время дело тихо прикрыли. Депутаты перестали быть депутатами, ключевых свидетелей допросить не удалось. Следствие признало собственное бессилие — перед грубой силой, примененной высшей властью. И вопрос, который волновал тогда всех, остался без ответа.

Зачем же все-таки понадобились Лукашенко все эти «маски-шоу»?

Все за тем же, о чем уже сказал Зенон Позняк, предельно точно обозначив смысл происшедшего: «Парламент, в который

введены войска, уже не парламент»[198].

Именно этого и добивался президент: парламент должен быть деморализован, унижен, лишен способности воспользоваться данной ему Конституцией властью. Недаром ведь Лукашенко внес в список вопросов на референдум пункт о возможности роспуска Верховного Совета решением президента. И в этом деморализованном, обреченном парламенте он вещает, токует глухарем, как раз и разжигая страсти:

«Ведь дело не в моем характере. Дело в той ситуации, которая складывается в Республике Беларусь. Ну не могу я допустить, чтобы наш клочок земли пылал, как все соседи. Ну не могу я допустить, чтобы были эти конфликты… Но вы видите, что происходит. Но вы же видите! В России передали сегодня: Беларусь как никогда близка к гражданской войне. Российское радио передает»[199].

Никакой гражданской войны нет. Но крик действует на оставшихся в зале. Большинству из них даже выгодно, чтобы президент победил: вот сейчас все эти смутьяны во главе с Позняком наконец-то заткнутся! И пусть Лукашенко мстит им за наше поражение 1991 года! Неважно даже, что он намекает: ребята, не только оппозиции, но и всем вам недолго осталось сидеть в этом зале — выборы на носу!

«Все — по нормам закона»

Я долго не мог понять, почему Мечислав Гриб в тот момент занял худшую из возможных позиций — попытался сделать вид, что ничего страшного не случилось? И неожиданно нашел для себя ответ в одной его реплике, оставшейся в стенограмме той сессии: «У нас голодовка не запрещена. Все в соответствии с законом».

Так спикер парламента реагирует на заявление Зенона Позняка о том, что оппозиция намерена голодать в знак протеста. «В соответствии с законом» — это значит без видимых нарушений, в пределах полномочий. Хотите голодать — голодайте!

Но и президент, получается, действовал в рамках своих полномочий, когда отдавал приказ об «эвакуации» голодавших накануне ночью. И полковник Тесовец всего лишь исполнял приказ, как оказалось, согласованный с главой парламента.

Мы отчасти можем себе представить — благодаря известной говорливости Лукашенко, — о чем беседовали по телефону Гриб и Тесовец накануне «эвакуации»:

«Последний раз, когда ему (Грибу. — *А. Ф.*) было доложено о

том, что происходит, он задал вопрос Тесовцу, по его информации:

— Угрожает ли жизни людей ситуация?

— Да, угрожает!

— Тогда действуйте по нормам закона, по инструкции. Надо людей эвакуировать»[200].

И Гриб факт этого разговора не опроверг.

«— Гриб, по большому счету, должен был быть там, — считает Валентин Голубев. — Гриб не имел права уезжать из Верховного Совета к себе на дачу, когда грозила опасность и зданию Верховного Совета, и большой группе депутатов».

А с другой стороны — почему бы и не уехать? Ведь все — по нормам закона!

«Дети лжи»

Оппозиция была избита, но еще не «добита». Она могла воспрять духом и помешать Лукашенко выиграть референдум, а выиграть ему нужно любой ценой.

Здесь на горизонте и возникает Владимир Заметалин, тот самый, в чьем кабинете исчезла видеозапись избиения депутатов.

Тихий человек в затемненных очках, Владимир Заметалин появился в нашей истории еще в роли пресс-секретаря премьер-министра Вячеслава Кебича. Он был типичным армейским политработником, прямолинейным в методах, который стремился к победе любой ценой, поскольку победа, как известно, списывала все.

Во время предвыборной компании Кебича Заметалин сражался со штабом Лукашенко, доказывая всем, каким огромным несчастьем для страны будет избрание Александра Лукашенко на высший государственный пост. Вячеслав Кебич — вот достойный президент!

Но Кебич проиграл, и Заметалин остался без должности. Что он умел в то время? Служить, разумеется, не столько идее, сколько ее властным носителям. Поэтому он был просто обречен оказаться рядом с Лукашенко — конечно, если тот этого захочет. И тот захотел.

Глава Администрации Леонид Синицын сопротивлялся назначению Синицына так долго, как мог. Меньше всего ему был нужен в команде перебежчик из стана противника. Но Синицына поставили перед фактом: Заметалин был назначен начальником управления общественно-политической информации Администрации.

И Синицын понял, что скоро ему придется уходить. Пусть еще

и не сейчас. Но уж точно как только Заметалин «выиграет референдум» — для чего он и был призван.

Для чего был призван, с того и начал. Первым детищем нового «главного идеолога» стал посвященным «разоблачению» белорусских «националистов» «документальный фильм» — «Ненависть: Дети лжи».

Снимал «кино» Юрий Азаренок[201], по злой воле рока — ученик известного кинодокументалиста, народного артиста СССР Виктора Дашука, который и научил его — в первую очередь, как оказалось, — эффекту Кулешова.

На заре кинематографа режиссер Лев Кулешов проделал эксперимент. Он распечатал на пленке один и тот же крупный план — лицо «звезды» немого кино Ивана Мозжухина. И склеил (смонтировал) мозжухинское лицо с тремя другими планами: дымящаяся тарелка супа, который жадно ест человек; тело умершего ребенка; прекрасная девушка. Одни и те же зрители, глядя на три прокрученные перед ними фрагмента пленки, видели разное: герой голоден; герой обезумел от горя; герой влюблен и исполнен нежности. Но лицо было одно и то же, и выражение его не менялось!

Значит, дело не в том, что играет актер, а в том, что видит зритель. А то, что он видит, зависит от того, с чем режиссер смонтирует изображение. Это получило название «эффекта Кулешова». Монтаж стал главным средством кинематографической выразительности.

Возьмем оппозиционный митинг. Смонтируем его изображение с изображением гитлеровского парада, и получится, что оппозиция — фашисты. На этом приеме и построен фильм Азаренка.

Я пересмотрел его. Ни в одном высказывании лидеров БНФ нет ничего, что роднило бы их с фашистами. Приплясывающих подростков, смонтированных стык в стык с приплясывающим фашистом, с таким же успехом можно было смонтировать с приплясывающим Петром Алейниковым в пырьевских «Трактористах». Позняк говорит о Куропатах, Трусов и Наумчик — о символике, Статкевич — о языке. Где их ненависть и почему они — «дети лжи», непонятно.

Но фильм произвел шоковое впечатление на всех. «Эффект Кулешова», использованный Азаренком, подействовал. По телевидению его показали дважды, причем второй раз — по личной просьбе самого Александра Лукашенко.

Подло, но честно

Лукашенко выиграл референдум 14 мая 1995 года. Причем свой первый референдум он выиграл подло (если давать нравственную оценку применению таких «приемов», как «Дети лжи»), но честно (если говорить о подсчете голосов). Большинство в обществе поверило своему президенту, это очевидно.

«Герб и флаг — это поиск символики, которая отображала тот период состояния общества, — оправдывается Леонид Синицын. — Эту символику хотело общество. Это и референдум показал».

Трудно возразить против этого. Но когда политик в подобной ситуации руководствуется исключительно желанием «отобразить тот период состояния общества», значит, ему безразлично прошлое и он не слишком далеко заглядывает в будущее.

Референдум проводился в день выборов депутатов Верховного Совета 13-го созыва. Я был выдвинут кандидатом в депутаты моими бывшими коллегами и учениками в родном городе Гродно и хорошо помню, как и те избиратели, кто был за смену символики, и те, кто был против, смотрели на меня как на врага. После моего ухода из власти прошло еще немного времени, для всех я оставался «человеком Лукашенко». Кто-то ненавидел меня за то, что я «привел к власти Лукашенко», а кто-то — за то, что я «предал Лукашенко». Но самое большое впечатление произвела на меня встреча с избирателями в одной из школ, когда пожилая учительница набросилась на меня:

— Символику меняете? А о нас вы подумали?! Четыре года не прошло, как мы объясняли детям, почему заменили герб и флаг! Сейчас — снова? Вы что, нас за проституток держите?!

Понятно, что крик был обращен не ко мне лично: о ненужности смены символики я много говорил в ходе предвыборной кампании. Но ей не к кому еще было обратить свою боль: действительно, не прошло и четырех лет…

Результаты референдума еще не были оглашены официально, а на крышу президентской резиденции взобрался «завхоз республики» Иван Титенков с сопровождающими лицами. Флаг, еще даже не утративший статус государственного, разодрали в клочья, и управляющий делами президента собственноручно расписался на лоскутах.

Эти лоскутки потом тайком продавались по сто долларов: в такую сумму, разумеется, оценивалась не подпись управляющего делами президента[202], и не материал, на котором он ее поставил. Ценился символ: в конце концов, не каждый день завхозы расписываются на клочках национальной святыми.

Говорит Валентина Тригубович:

«В тот день, когда Титенков порвал флаг, я вернулась домой. И сразу в прихожей я села на пол, и слезы потекли сами. Янка, сын, вышел из своей комнаты (он уже знал, что произошло), поднял меня с пола и сказал:

— Мама, мы все это вернем.

Ему было тогда тринадцать лет. И я верю, что это поколение все вернет».

Действо на крыше снимались видеокамерой. Пленка разошлась по рукам, уже на следующий день запись видели многие.

Вспоминает историк и правозащитник Татьяна Протько[203]:

«Мы с редактором одного из белорусских издательств Змитером Санько зашли к дежурному прокурору — его фамилия была Позняк, — и я говорю:

— Вот такая ситуация. Я гражданка Беларуси. Совершено тяжкое преступление, и я хочу, чтобы преступник был привлечен к уголовной ответственности.

Бедный прокурор покраснел — я таких красных людей нигде больше не видела. Он спрашивает:

— Кто это сделал?

Я отвечаю:

— По моим сведениям господин Титенков.

— А он должностное лицо или нет? Потому что если такое совершает должностное лицо, то это обстоятельство усиливает тяжесть преступления.

— Я не знаю. Вы должны знать, должностное лицо он или нет.

Прокурор выясняет, что управляющий делами президента является должностным лицом. Я написала заявление, он его взял и пошел куда-то. Вот мы сидим со Змитером и думаем, возьмут или не возьмут заявление. Он вернулся и говорит:

— Да, я приму заявление».

Явное недоразумение с тем, что заявление было принято, объясняется просто: прежний генеральный прокурор Василий Шолодонов уже сдал свои полномочия, а новому, Василию Капитану, еще предстояло проходить утверждение в своей должности на Верховном Совете. А кто его знает, как отреагирует парламент на экзекуцию, совершенную над государственным флагом. Так что лучше подстраховаться.

Запись решили просмотреть коллегиально. Татьяну Протько как заявителя пригласили на просмотр исторической ленты. Она вспоминает:

«Меня обнадежило, когда сидевший со мной рядом молодой человек — он был начальником криминалистической

лаборатории — сказал:

— Если надо, мы с каждого по этой пленке сделаем портрет. Людей за мешок картошки сажают, а здесь чисто уголовное преступление, чистая статья. Никуда не деться.

И когда идет просмотр (я сижу в первом ряду, за мной прокуроры), — слышу комментарии:

— А может, это он брюки рвет.

Там был слышен треск разрываемого флага. Я поворачиваюсь и говорю с возмущением:

— А вы проверьте, что он рвет — брюки или флаг. Без штанов оттуда никто не вышел. Вы проверьте. Я поэтому и обратилась к вам.

Ну и тут, конечно, на него зацыкали, ведь все было видно очень хорошо: как они пишут, расписываются и ставят дату».

«На видеопленке вместе с Титенковым зафиксированы несколько участников этой позорной акции. Слышно также их разговор:

— Ну, если это Позняк увидит…

— Пусть он задушится!»[204]

Татьяна Протько продолжает:

«Я на эту реплику отвечаю:

— От такого покончил бы с собой не только Позняк. Мое чувство оскорблено. Я оскорблена как белоруска».

На это и рассчитывали. Оскорбление было нанесено Беларуси, всем ее патриотам, демонстративно. Теперь Лукашенко мог спокойно посмотреть, кто как на это отреагирует.

Человек слаб

Но прокуратура сумела выйти из «затруднительного положения».

Татьяна Протько:

«Потом вызывает меня следователь Новиков — месячный срок кончается, — и такой счастливый, говорит:

— Татьяна Сергеевна! Я придумал!

— Ну и что вы придумали?

Он и показывает мне решение, о том, что Титенков как управляющий делами президента проводил утилизацию изношенного полотнища флага с нарушением действующей инструкции. И маленькая приписочка: "Об этом проинформирован президент"».

А я ведь помню следователя Новикова. Молодой блондин, именно он, как мне кажется, еще во времена Кебича изучал вопрос о том, имеет ли право Союз молодежи Беларуси считаться

правопреемником ЛКСМБ и ВЛКСМ. Допрашивал меня и других руководителей организации, строго отстаивая букву закона.

Второй раз мы встретились, похоже, с тем же следователем Новиковым уже в 1998 году. Его заинтересовало, какой смысл я вкладывал в формулировку: «Президент слаб». Я ответил силлогизмом: «Президент — человек. Все люди слабы. Следовательно, и президент слаб».

Теперь, узнав, что этот прокурор так ретиво «отмывал» Ивана Титенкова, думаешь, что люди, действительно, слабы, даже прокуроры…

Хотя пусть я и путаю, и это был другой следователь, все равно: люди — слабы…

Татьяна Протько, как она признается, «конечно, сказала там все, что думала про прокуратуру и про следователя:

— Флаг — это символ. Если мы символы свои не сохраняем, тогда вообще нет народа, нет общества, и все кончается. Сегодня вы не поддерживаете оппозицию, покрываете должностные преступления, а завтра ваша дочка будет изнасилована, потому что преступление не знает своих и чужих; когда не действуют силы закона, а действует закон силы, тогда нет своих и чужих — все попадают в эту мясорубку.

И что вы думаете? Новиков мне говорит:

— Я вас привлеку за оскорбление прокуратуры.

— Ах, — говорю, — меня можно привлечь за оскорбление прокуратуры? А Титенкова за оскорбление национального флага — невозможно? Слабо?».

Так было закрыто дело об оскорблении национальной гордости белорусов. На ее «утилизацию», вероятно, также рассчитывал Александр Лукашенко.

Самый опасный враг

Четырнадцатого мая 1995 года состоялся не только референдум. Состоялись еще и парламентские выборы. Точнее, не состоялись: не было избрано даже простое большинство от числа депутатов Верховного Совета, предусмотренного Конституцией. Явка на референдум чудесным образом совпала с неявкой на выборы, хотя голосовал один и тот же электорат. В 141 округе из 260 выборы не состоялись из-за неявки более половины избирателей. Но референдум состоялся и там[205].

Президент не хотел этих выборов. Все, что он публично говорил во время предвыборной парламентской кампании, сводилось к одному: вас все равно обманут. Избиратели расшифровывали это как: «Не ходите голосовать!» — и не шли.

Но выборы выявили, какие именно настроения Царили в умах большей части избирателей.

Это была первая избирательная кампания в условиях реальной многопартийности. Коммунисты смогли провести в Верховный Совет 13-го созыва 28 депутатов, аграрии — 30. Демократический блок и Гражданское согласие — только по одному депутату. Выборы проиграли лидеры всех демократических партий и даже бывшие демократические кандидаты на пост президента: Зенон Позняк, Геннадий Карпенко, Станислав Шушкевич.

Понятно, почему были обречены на проигрыш демократы: в массовом сознании они ассоциировались с Белорусским народным фронтом, а основная идеологическая кампания велась как раз против БНФ и его союзников. Им больше всего и досталось в ходе выборов.

Но в целом выборы 1995 года все же еще отличались от того, что стало происходить в стране после 1996 года. Хотя бы в том, что власть еще не мешала всем кандидатам подряд. И машина массовых фальсификаций, и пресс административного давления еще не были отлажены. Все-таки оставалось подобие соревнования идей, пусть не вполне честного (оппозиции уже давно не давали телеэфира), но все-таки соревнования.

А в результате республика оказалась без законодательной власти…

Полномочия старого Верховного Совета закончились, а новый никак не мог начать работать. Такое положение вполне устраивало Александра Лукашенко. Он неоднократно подталкивал Верховный Совет 12-го созыва к прекращению пленарных заседаний и даже провел встречу с избранными депутатами 13-го созыва, недвусмысленно намекая, что и в этом составе (то есть без представителей оппозиции, у которых оставался шанс попасть в состав парламента на довыборах) они могли бы начать свою работу. Пойди они на это, и Верховный Совет сразу утратил бы легитимность, что только и нужно было Лукашенко[206]. Но эта идея не прошла. Новые парламентарии заявили о приверженности Конституции и готовности дожидаться, пока будут доизбраны остальные депутаты.

Тут вновь на сцену вышел Мечислав Гриб.

Хотя Верховного Совета 12-го созыва де-факто уже не существовало, Мечислав Гриб созывал очередную сессию. В строгом соответствии с Конституцией.

Ход был неожиданный. Ведь депутаты уже несколько месяцев назад, сразу после «мордобоя», как это водится у славян, выпили

на церемонии роспуска Верховного Совета, простились со своими мандатами, сфотографировались на память. Точка была поставлена. И вдруг оказывается, что это не точка, а всего лишь многоточие…

И сессия начала свою работу.

Кворум собирался не всегда и с большим трудом: Лукашенко заботился. Часть депутатов переманили к нему на работу, кого-то просто «попросили» не приезжать в Минск под угрозой увольнения. Президентским Указом № 336 депутатов лишили статуса неприкосновенности. Но многие приехали. Видимо, те, у кого чувство чести пересилило страх.

Вольно или невольно Гриб и сопротивлявшийся роспуску Верховный Совет дали понять Лукашенко, кто именно его основной враг. Разумеется, не сам Гриб — его время стремительно проходило. Тем более не его бывшие соратники, с которыми Лукашенко успел расквитаться, не приструненное правительство, не усмиренная пресса, не «диванные» партии и не безынициативные профсоюзы. И даже не Верховный Совет.

Его главным врагом — и это стало уже совершенно ясно — была Конституция, которая мешала ему жить и править в соответствии с собственными представлениями.

Очевидно, что Лукашенко готов был уничтожить Конституцию. Но предварительно следовало порвать со всеми своими прежними обязательствами.

Лукашенко «обрубает концы»

Лукашенко понадобилось окончательно расстаться с собственным прошлым, которое олицетворял первый человек в его предвыборной команде и второй человек в государстве — глава его Администрации Леонид Синицын. Синицын дружил со многими депутатами, помнил посиделки и пьянки, был на ты даже с оппозиционерами. Да и старую команду цементировал фактически именно он.

Его отдаление от «тела» началось уже весной 1995 года. Это стало заметно по тому, как вдруг опустела его приемная, где раньше гул стоял от толпившихся просителей, по тому, как все реже и реже звонил желтый телефон без диска — прямая связь с президентом. Его мнение при кадровых назначениях перестало быть решающим: кандидатуры новых назначенцев всплывали неизвестно откуда. Одним словом, признаки надвигающейся опалы были заметны любому чиновнику.

Синицын сам понимал, что стилистически выпадал из нового времени, в котором дискуссии заканчивались применением

дубинок спецназа. Лукашенко уже не были нужны соратники, ему нужны были солдаты. А пример Заметалина продемонстрировал ему, что лучший солдат — это ранее проштрафившийся солдат, а лучший служака — вообще тот, кто пришел к тебе из стана противника.

Седьмого октября 1995 года Александр Лукашенко отстраняет от должности главы Администрации Леонида Синицына и его место занимает Михаил Мясникович, бывший руководитель предвыборного штаба Вячеслава Кебича, оставленный Лукашенко в правительстве в должности вице-премьера.

Мясникович был не просто вице-премьером. Еще в 1994 году, во время выступления Александра Лукашенко перед руководящими сотрудниками КГБ, последнего попросили ответить на записку: «Как вы поступите с самым богатым человеком страны Михаилом Мясниковичем?» Ответ последовал незамедлительно:

— По заслугам.

Тогда ответ кандидата в президенты выглядел вполне конкретным, сегодня же ясно, что был крайне двусмысленным: вполне возможно, что основной «заслугой», за которую Мясниковича оставили в правительстве, было сокрушительное поражение Вячеслава Кебича[207].

Знаковым было не только увольнение Синицына с поста главы Администрации. Знаковым стало и назначение его преемника. Вся «вертикаль» власти должна была усвоить: прежнего борца с чиновниками старой школы нет.

Лукашенко решил реставрировать старую систему управления, ибо только эта система могла гарантировать ему спокойное пребывание на вершине власти вплоть до «гонки на лафетах» — почетных похорон на том самом кладбище, где когда-то молодой Михаил Мясникович сопровождал в последний путь видных деятелей Коммунистической партии Беларуси.

Лукашенко нужна была стабильность собственной власти. Правда, пока он еще не думал о том, что наивысший процент стабильности — как раз на кладбище. По молодости он туда не собирался. Вначале следовало похоронить своего главного врага. Он уже знал, как мы помним, его имя, и готовился сразить его.

Предстояло похоронить Конституцию.

Часть III. Противостояние

Двадцать пятого июля 1996 года приемная заместителя премьер-министра Кабинета Министров Республики Беларусь Синицына Л. Г. была пуста. На столе в двух вазах стояли цветы, которых было подозрительно мало. Секретарь Елена Александровна, привычно улыбаясь, открыла дверь и пропустила меня.

Я пришел поздравить своего бывшего шефа с днем рождения. Он еще был вице-премьером, а я уже работал заместителем главного редактора в оппозиционной «Белорусской деловой газете». То есть мы были по разные стороны баррикад. Но в мой день рождения он звонил мне, а в его день рождения я приходил к нему с традиционным поздравлением.

В кабинете цветов было больше, но все-таки не так много, как в 1994 году, когда глава Администрации через пять дней после инаугурации Александра Лукашенко отмечал свое сорокалетие. Может быть, дата сейчас была не столь круглая. А может, уже что-то, еще не случившееся, витало в коридорах власти.

В комнате отдыха, куда гостеприимный хозяин провел меня, стояла откупоренная и на треть опорожненная бутылка дорогого коньяка, на блюдечке аккуратно порезанный лимон. Почти полная коробка конфет свидетельствовала, что до меня посетителей было немного.

— Зря ты ушел, — вздохнул Синицын после того, как мы пригубили и отставили рюмки. — Не нужно было торопиться. Видишь, что получилось… Витя ушел, ты ушел. Были бы рядом, ему бы легче было.

«Витя» — это о Гончаре.

— Кому — ему?

— Ему. Александру Григорьевичу. Ведь можно работать. Можно, что бы ты там в газете своей ни писал. Вы, романтики, сбежали, нас, прагматиков, бросили. Мы теперь расхлебываем, поднимаем экономику… Видишь, какой рост?

Рост экономики чувствовался не только по дорогому коньяку и роскошному галстуку именинника, но и по стоявшим в шкафу моделям белорусских тракторов и трубоукладчиков: остались после совместной белорусско-казахской выставки.

На рабочем столе лежал подаренный мною два года назад миниатюрный томик сонетов Шекспира.

— Рынок все отрегулирует. Вы этого не захотели понять, — убеждал меня Синицын, заводясь все больше и больше. — Придут капиталы, инвесторам понадобятся нормальные законы,

нормальная политическая система. Ведь без этого деньги не придут в страну никогда!

— А он это понимает?

— Александр Григорьич-то?! Он ведь прагматик! Он все лучше всех понимает. Когда хочет…

Речь Синицына становилась все менее убедительной. Он это и сам, вероятно, чувствовал, а потому горячился все сильнее. В какой-то момент он даже вскочил и стал расхаживать по комнате, размахивая руками.

— Ну какая тут диктатура? И потом… Пиночет что — не диктатор? А смотри как экономику поднял…

Еще минут двадцать я слушал рассуждения именинника о неизбежности процветания Беларуси под руководством ее первого президента.

Первый президент спокойно смотрел на нас с портрета и мудро молчал в усы.

Воспользовавшись паузой, я высказал свою просьбу. Один российский бизнесмен готов сделать инвестиции в какой-нибудь из машиностроительных заводов и просил о встрече с Синицыным, курировавшим машиностроение.

— Пусть приходит… в среду пусть приходит, — после паузы сказал Синицын. — Завтра Совет безопасности, мне не до вас будет. А послезавтра пусть приходит. И ты приходи.

На следующий день, во вторник, ко мне, попыхивая трубкой, подошел издатель «БДГ» Марцев и сказал, выпустив очередное кольцо дыма:

— А чего это Синицына сняли?

— Как это — «сняли»?

— Сняли — и все. Только что «Рейтер» объявил. Ты бы позвонил своему бывшему начальнику, вдруг он согласится дать нам комментарий.

А произошло вот что.

На следующий день после дня рождения Синицына состоялось заседание Совета безопасности, на котором в присутствии членов правительства, директоров крупнейших промышленных предприятий, губернаторов и главных редакторов газет секретарь Совбеза Виктор Шейман устроил разнос правительству, и в первую очередь вице-премьеру Сергею Лингу.

Линг работал вице-премьером с незапамятных кебичевских времен, без нужды на рожон не лез и, как и положено опытному чиновнику, умел молчать. Молчал он и сейчас, зная, что речь идет вовсе не о нем: он — только повод.

Слово взял Лукашенко и поддержал Шеймана жесткой критикой в адрес всего правительства.

Члены правительства понуро молчали. Впереди референдум по новой Конституции, и лезть на рожон никак не стоило. При той неограниченной власти, которой президент будет наделен…

Синицын порывался взять слово, но Линг его останавливал:

— Леонид Георгиевич, не горячись… Подожди…

Ждать оставалось недолго. Александр Лукашенко наконец остановился взглядом на самом Синицыне и спокойно заметил:

— А вам, Леонид Георгиевич, я доверяю все меньше…

Синицын поднялся:

— Если доверия нет, Александр Григорьевич, я работать не могу, — Синицын говорил глуховато и быстро, как всегда, когда говорил что-то очень важное. — Я готов подать заявление об отставке.

Повисла тягостная тишина.

— Отставка принимается, — сказал Лукашенко, выдержав паузу.

Со вздохом поднялся с места вице-премьер Василий Долгалев:

— Александр Григорьевич, мы вместе с Синицыным пришли в правительство, вместе с ним и уйдем.

— Василий Борисович, не горячись! Ты еще поработаешь.

Премьер Михаил Чигирь потянулся к Синицыну, зашептал, оправдываясь:

— Леня, прости, у сына скоро свадьба… Как тут уходить?.. Ты хоть бы предупредил, что ли…

После окончания заседания Совета безопасности Синицын передал Лукашенко заявление. Тот выдержал несколько дней и, пригласив его в кабинет, вернул заявление с резолюцией: «Подумай».

Синицын сказал, что подумал. Но остается при своем мнении.

Леонид Синицын вспоминает:

«Мы поговорили вполне откровенно. И сошлись на том, что мы политически разводимся. Я хотел построить нормальную рыночную страну, правовое демократическое государство. И нам было уже не по пути. Я сказал ему, что политику укрепления диктатуры и неизбежной, как следствие, изоляции я не приемлю, потому что не понимаю, как ее проводить. Я говорил дословно:

— Для этого в нашей стране нет ресурса. Диктатура — дорогое удовольствие. Чтобы при ней как-то развиваться, нужны финансовые, природные и прочие ресурсы, нужно иметь золотые прииски или нефтяные скважины…

Лукашенко ответил:

— Ты оторвался от людей. Ты не понимаешь, что им нужно.

Мы расстались. Но не как враги, а как люди, работавшие вместе, пути которых разошлись».

Через несколько дней отставка Синицына была официально подтверждена, а газета «Народная воля» напечатала текст его заявления об уходе:

Президенту Республики Беларусь
Лукашенко А. Г.
От заместителя Премьер-министра
Республики Беларусь
Синицына Л. Г.

Заявление

Служение государству для меня, полагаю, как и для Вас, было, есть и будет высшей целью жизни.

Именно поэтому я был с Вами с самого начала. Но жизнь показала, что мы по-разному воспринимаем политическую и социально-экономическую ситуацию в республике.

На мой взгляд, принципы и методы, которыми Вы руководствуетесь в последнее время, управляя государством, ошибочны.

Прошу Вас серьезно задуматься над этим.

Мои убеждения не позволяют мне следовать таким курсом.

В этой связи прошу принять мою отставку.

С уважением к Президенту
Л. Г. Синицын
31 июля 1996 г.

Вместе с Синицыным из правительства ушел только министр экономики Георгий Бадей[208].

Страна двигалась к референдуму и к новой Конституции.

Глава первая. Что-то неспокойно при дворе

«Вы только мне не мешайте»

Мучительно и долго избирали Верховный Совет 13-го созыва. Мучительно и долго глава государства делал все, чтобы депутаты не были избраны. То Лукашенко выступал против всех кандидатов вообще, то против тех, кто уже избирался в парламент раньше.

Но даже его почти откровенные призывы к саботированию выборов не помогли. И когда прошли четыре тура голосования, президент все-таки получил Верховный Совет, ставший для него источником постоянного раздражения.

Всего избрано 199 депутатов. Можно было начинать работать.

Это был не высший орган законодательной власти, а настоящий Ноев ковчег, куда попали семь пар чистых и семь пар нечистых. Туда попали и сотрудники органов исполнительной власти, лояльные к президенту, и настроенные к нему крайне отрицательно — Виктор Гончар, Станислав Шушкевич, Мечислав Гриб, Станислав Богданкевич.

Депутат Верховного Совета Владимир Нистюк так оценивает его состав:

«Верховный Совет 13-го созыва для Лукашенко был изумительным парламентом — и по составу, и по руководству, которое было избрано. 50 коммунистов, 50 аграриев, 60 — фракция «Согласие» — уже 160. И всего лишь 30-40 человек, которые были оппозиционными».

А демократическая пресса и вовсе сравнивала Верховный Совет 13-го созыва с арбузом: снаружи зеленое (аграрное), внутри красное (коммунистическое).

Несмотря на это Лукашенко не скрывал досады, что выборы все-таки состоялись. Комментируя их итоги, он в сердцах заявил, что Верховный Совет 13-го созыва является по своей сути не красным (коммунистическим), а синим (криминальным). За этими словами не стояло никаких конкретных фактов, просто с самого начала президент попытался дискредитировать высший орган законодательной власти.

Тем не менее, он сразу же попытался «купить» депутатов, то есть задобрить их и тем самым обезопасить себя. Как вспоминает Сергей Калякин, еще до открытия первой сессии «состоялась встреча представительства фракций с президентом.

Мы ожидали, что речь пойдет о каком-то эффективном взаимодействии, о сотрудничестве, но разговор президент повел по-другому: "Я вам готов дать все, что вы хотите: пускай у депутатов будет зарплата министров, у членов президиума будет зарплата вице-премьера. Мы вам всем купим по автомашине "вольво" — получите от управления делами. Мы вам оборудуем рабочие места. Мы вам все сделаем. Только вы не мешайте мне

работать. Я вас буду собирать два раза в год: в начале года и в конце. Вы только не мешайте мне работать"».

Но «купить» депутатов не получилось. Не очень-то просто было их и запугать: попробуйте, запугайте того же коммуниста, после того как его столько шельмовала вся пресса. Калякин продолжает:

«Лукашенко сразу понял, что нас купить не удастся. Это было началом его стычек с фракциями. С аграриями ведь такая же беседа проводилась, и в принципе с тем же итогом: ни они, ни какая-либо другая фракция идти в послушание не согласилась».

Но это было только начало сложностей в работе 13-го Верховного Совета.

Шарецкий не хочет конфронтации

Первая интрига развернулась вокруг избрания спикера.

Лукашенко на отказ руководителей фракций ему «не мешать» обиделся и никого проталкивать не стал.

Он вовсе не собирался играть в парламентаризм и, похоже, уже тогда знал, чем этот парламент закончит.

Пост председателя Верховного Совета по Конституции был вторым постом в государстве. И было понятно, что все фракции будут выдвигать своих кандидатов. Наибольшие шансы имели, разумеется, самые крупные фракции — аграрная, коммунистическая и пропрезидентская. Дело было за малым — консолидировать голоса.

Вспоминает Валентина Святская[209], тогда — неформальный советник лидера аграрной фракции Семена Шарецкого:

«Надо отдать должное коммунистам, они поняли, что их кандидат на пост председателя просто-напросто не пройдет. Но коммунисты должны были соблюсти лицо и выставить свою кандидатуру, они это и сделали: выдвинули Сергея Калякина».

Сергей Калякин, наверное, мог быть хорошим спикером. Сравнительно молодой, энергичный, он обладал ораторскими данными и прошел хорошую школу практической работы на посту председателя одного из минских райисполкомов. Пожалуй, он смог бы организовать работу Верховного Совета и превратить его в реальный центр политической жизни страны. Но фракция коммунистов была вынуждена пойти на компромисс с аграриями. Сговорились: чей кандидат набирает в первом туре голосования большинство, тому и отдадут голоса обе фракции, а проигравшая фракция получает пост первого вице-спикера.

После произнесения кандидатами программных речей Сергей Калякин оказался только вторым. Ровно на один голос больше —

61 против 60 — набрал лидер Аграрной партии Семен Шарецкий. И Калякин призвал своих сторонников голосовать за Шарецкого[210].

В момент избрания на пост Председателя Верховного Совета 13-го созыва Семену Шарецкому было 59 лет.

Лукашенко достаточно было услышать фамилию человека, избранного «вторым лицом» государства, — и можно было спать спокойно. Шарецкие бунтовать не умеют. Хитрить, изворачиваться, выгадывать в свою пользу — это другое дело. Но это — не политика, это лишь крестьянский расчет, без которого в нашей деревне не проживешь. В пользу такого человека никто и никогда не стал бы устраивать аппаратные заговоры. Да и сам Шарецкий на заговоры был вряд ли способен: он упивался собственным взлетом и не желал большего.

Стало понятно, что Лукашенко в борьбе с парламентом получил передышку. А значит, и надежду на выигрыш.

«Шарецкий никоим образом не собирался вступать в конфронтацию с Лукашенко», — считает Валентина Святская, которая была в это время и секретарем исполнительного комитета Аграрной партии. Кому, как не ей, знать, чего именно ждал от президента Семен Шарецкий?

Первые действия нового спикера подтверждали, что он старательно избегает конфликтов с главой государства. К примеру, Семен Шарецкий не стал вносить в повестку дня сессии вопрос о незаконном освобождении от должности президентским указом редактора парламентской «Народной газеты» Иосифа Середича. Этот вопрос был очень болезненным Для депутатов: их газету стал контролировать президент. Если учесть, что и прямые трансляции сессий были прекращены, то становится очевидным, что Верховный Совет лишался возможности обратиться к электорату.

А необходимость в таком обращении уже была.

«Оказывается», Конституцию нарушают

В феврале 1996 года Конституционный суд подготовил послание о состоянии конституционной законности в стране, в котором признал это состояние неудовлетворительным.

Всего — полностью или частично — неконституционными были признаны 17 подписанных Лукашенко нормативных актов.

Конституционный суд также отметил, что исполнительная власть слишком произвольно толкует пункт 1-й статьи 100-й Конституции, определяющей полномочия президента страны. По мнению Суда, принцип разделения властей на практике

нарушался, так как в результате неправомерного усиления власти президента принижались роль и значение парламента и суда.

Олег Богуцкий вспоминает:

«Следовало конкретизировать толкование статей Конституции, чтобы предотвратить возможность злоупотребления полномочиями. Такая попытка предпринималась Верховным Советом 12-го созыва по инициативе Булахова, однако провалилась из-за безалаберности оппозиции. Насколько я помню, не хватило буквально двух-трех голосов, а несколько депутатов из БНФ в это время шатались по фойе, пили пиво в буфете и кокетничали с журналистками».

Но теперь фракции коммунистов и аграриев и председатель Верховного Совета просто проигнорировали предложения Конституционного суда, не желая конфликтовать с Лукашенко. Более того, Семен Шарецкий, заискивая перед могущественным нарушителем законов, отзывает из Конституционного суда все запросы о конституционности президентских указов, которые направил туда его предшественник, Мечислав Гриб. Горький опыт предшественников у нас традиционно никого ничему не учит.

Богуцкий продолжает:

«В то время Гриб дал очень неплохое интервью в одной из газет, где сказал: "Они хотят договориться с президентом. Могли бы посмотреть на мой опыт. Я тоже пытался. И чему это привело?"».

Предшественника Шарецкого на посту спикера, Гриба, как мы знаем, готовность к компромиссу и сговорчивость не привели ни к чему хорошему. А Семена Шарецкого они привели к одной из весьма позорных страниц в его биографии[211].

Речь идет о его поведении в истории об отставке министра внутренних дел Юрия Захаренко.

«Как же так, Юра?..»

Юрий Захаренко к тридцати восьми годам дослужился до звания полковника и председателя Следственного комитета МВД Беларуси. Генеральские погоны и министерский портфель он получил уже из рук Александра Лукашенко, но очень быстро понял, что пришедшая к власти команда вовсе не состоит из бескорыстных людей. Ну, например, ему валом поступали материалы, серьезно компрометирующие управляющего делами президента Ивана Титенкова. Впрочем, сведения о «хозяйственных шалостях» «завхоза республики» имелись и в прокуратуре.

«Когда я ходила в прокуратуру — вспоминает Татьяна

Протько, — мне говорили, что у них очень много материала на Титенкова. Я так поняла, что весь этот материал они вместе с моим «конкретным делом» (по «утилизации» государственного флага. — *А. Ф.*) отнесли Лукашенко. Мне рассказывали, что Титенков после этого собрался уходить, явился к Лукашенко грустный, несчастный, и говорит:

— Ну, Саша, ты только позаботься о наших детях: чтобы и твои дети, и мои были обеспечены.

Про детей так растрогало Лукашенко, что он его простил. И самое возмутительное в этой легенде, что у нас можно простить уголовное преступление».

Надо полагать, что документов, изобличающих Титенкова, Захаренко сумел собрать достаточно много. Правда, сути происходившего этот молодой генерал и вполне опытный следователь не разглядел или не захотел разглядеть.

Ведь собранные им документы изобличали вовсе не одного Титенкова. Ну, скажем, барыши скандально известной фирмы «Торгэкспо» были связаны с таможенными льготами, отчего государство несло огромные потери. Десятки и сотни миллионов, которые должны были пополнить бюджет, благодаря льготам, предоставленным фирме президентским указом, прямиком попадали в его Управление делами. Но если бюджет контролировал Верховный Совет, то средства Управления делами были подконтрольны лишь Лукашенко. Он предоставлял льготы, он и распоряжался средствами, полученными от этих льгот.

Наивно полагая, что он сражается всего лишь с Титенковым, Захаренко на самом деле бросал вызов самому Лукашенко. И зашел слишком далеко: думая, что, предав информацию гласности, он вынудит президента разобраться со своим «коррумпированным завхозом», Захаренко сам организовал утечку сведений о «Торгэскпо» в прессу.

И это было уже слишком! Мало того, что министр внутренних дел уклонился от участия в «эвакуации» объявивших голодовку депутатов — то есть не продемонстрировал готовность исполнить любой приказ своего главнокомандующего. Так он еще и «копает», а «выкопанное» «сливает» журналистам?!

Лукашенко с треском снял Захаренко с должности министра, причем в присущей ему манере публично «опустил» бывшего «соратника». Выдворение главы МВД проходило, как в плохом политическом детективе: вооруженная охрана президента заняла здание Министерства внутренних дел, Захаренко не дали даже собрать личные вещи.

А в кресло министра (по совместительству) уселся государственный секретарь Совета безопасности, всецело

преданный президенту Виктор Шейман, на которого Лукашенко мог положиться, как на себя. Выждав, пока все чуть успокоится, президент назначит министром Валентина Агольца, который уже продемонстрировал свою преданность и готовность «ко всему» во время «эвакуации» голодавших депутатов Верховного Совета.

Но отставку министра внутренних дел по Конституции необходимо было согласовать с Верховным Советом.

Я хорошо помню это заседание. Зал был полон; журналисты собирались на сессию, как на скандальную премьеру в театр.

Слово предоставили Юрию Захаренко. Молодой генерал решительно вышел к трибуне и, заметно волнуясь, начал горячо объяснять высшему законодательному органу страны, в чем причина его отстранения от должности. И здесь Семен Шарецкий, никогда не отличавшийся склонностью к внешним эффектам, сделал то, чего ему не подсказал бы самый изощренный режиссер. Он вдруг встал, вышел из-за стола президиума и подошел к креслу, в котором сидел Лукашенко. И, демонстративно повернувшись спиной к Захаренко, стал о чем-то шептаться с президентом. Естественно, что внимание зала автоматически перенеслось на них.

Захаренко словно в стену уперся. Он обернулся, посмотрел на Шарецкого и понял, что обречен.

Он действительно был обречен. Как и положено уважающему себя следователю, он не мог публично разглашать тайну следствия, то есть рассказывать детали и обстоятельства нарушения законов приближенными Лукашенко. А поведением Шарецкого он и вовсе был сбит. В итоге доклад получился весьма невнятным. Даже те факты, которые в нем приводились, выглядели неубедительно. Ну а демонстративное пренебрежение к бывшему министру со стороны председателя Верховного Совета довершило общее впечатление…

Хотя нет, довершило его совсем другое.

Когда Захаренко сошел с трибуны и сел на свое место, слово взял президент. К полной неожиданности собравшихся, Лукашенко не стал опровергать своего бывшего министра, а заговорил о том, что он верил Юрию Николаевичу, как сыну (хотя они были ровесниками), о том, как произвел его в генералы, а тот его предал. И публика, глядевшая на весь этот спектакль, неожиданно обмякла. Действительно — сделал министром, действительно — произвел его в генералы, а тот вместо благодарности начал «копать»! И под кого — под «батьку»[212]! Нехорошо получается…

Тут произошло совсем неожиданное. Олег Богуцкий вспоминает: «Во время выступления президента Захаренко встал

и пошел в сторону трибуны. Охрана напряглась: готовы были в этот момент стрелять, но Захаренко вовремя опомнился и сел, не доходя до трибуны».

Куда и зачем он шел? Что хотел сделать? Может быть, просто попросить председательствующего предоставить ему возможность ответить? А может быть, сорвался, чтобы защитить свою честь так, как подобает в таких случаях настоящему офицеру? Мы об этом вряд ли когда-нибудь узнаем…

Лукашенко вновь сошел с парламентской трибуны победителем.

Президент беспокоится

Никаких особых разногласий с депутатским большинством у Лукашенко пока не было. Коммунисты и аграрии с радостью санкционировали замену государственной символики в соответствии с результатами референдума. С готовностью поддержали и известие о создании Сообщества России и Беларуси. Да и в отношении управления экономикой у Верховного Совета и президента почти не было расхождений. И Александр Лукашенко, и депутаты в большинстве своем оставались идейными сторонниками старой советской экономической модели, при которой «главный» все и распределяет.

Однако Лукашенко понимал, что с Верховным Советом все не так уж и благополучно. Ведь депутатами стали многие из тех, кто были недовольны его курсом. Да, они были в меньшинстве. Но Лукашенко еще совсем недавно сам был депутатом и не успел забыть, как быстро меньшинство начинает задавать тон парламентскому «болоту». Случись это, сумей те же немногочисленные либералы из фракции «Гражданское действие», лидером которой стал Станислав Богданкевич, договориться с крупной партийной фракцией — коммунистами или аграриями, — и предусмотренный Конституцией механизм отстранения президента от власти (импичмент) может быть запущен. Ведь достаточно собрать подписи 70 депутатов из 199 и передать дело в Конституционный суд, и он уже отстранен от власти.

Прямой опасности еще не было, но Лукашенко хорошо усвоил немудреную политическую аксиому: «Если парламент, каким бы он ни был подобранным и сфальсифицированным, имеет реальные полномочия, он на каком-то этапе захочет эти полномочия реализовывать».

А Конституционный суд, как мы помним, уже к февралю 1996

года объявил ряд президентских указов не соответствующими Конституции, так что повод для импичмента вызревал. Мало того, некоторые из депутатов уже тогда начали о нем поговаривать. Вспоминает депутат Владимир Нистюк:

«Идея импичмента возникла еще в марте 1996 года. С покойным Геннадием Карпенко у него в кабинете мы вели разговор на тему, что есть механизм, который способен влиять на президента, держать его в напряженном состоянии и вынуждать считаться с мнением парламента. И мы решили попробовать, сможем ли собрать заявления об импичменте. Мое заявление было одним из первых. Это были еще экспериментальные заявления: тогда мы не знали порядка, как это все делается. После консультаций с Конституционным судом мы узнали форму, которая будет принята судом к рассмотрению. Это было персональное заявление каждого депутата. Мало того, это заявление подписывалось, и подпись заверялась лично председателем Верховного Совета со скреплением его подписью и печатью. Тогда это обретало форму документа».

Разумеется, Лукашенко знал о том, что такие «эксперименты» уже идут. Было бы удивительно, если бы у человека, единолично контролирующего спецслужбы, не было информации об этом.

И он приступает к подготовке упреждающего удара — к пересмотру не отдельных пунктов, а основ Конституции. Ему нужно спешить.

Тем более что неожиданно о себе напомнил народ.

Оппозиция на улицах

Массовые выступления весной 1996 года шли по нарастающей. Вначале 25 марта, в годовщину создания Белорусской народной республики, в традиционный для белорусской оппозиции День воли прошел многотысячный митинг. Затем — акция 2 апреля, в знак протеста против подписания Александром Лукашенко и Борисом Ельциным договора о создании Сообщества России и Беларуси: тогда около дверей российского посольства дошло до настоящей драки между сторонниками и противниками Сообщества.

Самые массовые выступления оппозиции состоялись 26 апреля, во время проведении традиционного Чернобыльского шляха. Но на сей раз его участники выступали не только против последствий Чернобыля, но и за сохранение Беларуси как государства. Договор о создании Сообщества был воспринят представителями белорусского общества как угроза государственному суверенитету Беларуси.

В шествии участвовало более 50 тысяч человек. Если бы демонстранты прорвались к резиденции президента (а горячие головы к этому призывали), последствия могли бы быть непредсказуемыми.

Но лидеры оппозиции не хотели столкновений. Вспоминает Вячеслав Сивчик, тогда — ответственный секретарь управы БНФ:

«Маршрут, по которому шли демонстранты на Чернобыльском шляхе 1996 года, был согласован с органами власти. Согласование происходило в кабинете Геннадия Карпенко (тогда вице-спикера Верховного Совета, представлявшего оппозиционную фракцию «Гражданское действие». — *А. Ф.*). Там были начальник столичной милиции Борис Тарлецкий, кто-то из заместителей городского прокурора и еще кто-то инкогнито от КГБ. Был Юрий Ходыко (заместитель председателя БНФ. — *А. Ф.*). И именно там, в кабинете Карпенко, был согласован маршрут, по которому потом реально шли демонстранты».

В то время я уже работал обозревателем «Белорусской деловой газеты». Получив задание, я вышел из редакции и прошел на Немигу, где собирался сесть в троллейбус. Пропустив несколько переполненных троллейбусов, вдруг понял, что уехать мне вряд ли удастся. Прямо по проезжей части медленно двигался людской поток. Реяли бело-красно-белые флаги, теперь снова опальные, были видны транспаранты и хоругви.

Поток медленно приближался. Можно было уже ощутить дрожание асфальта, по которому шли десятки тысяч людей. Удалось разглядеть депутатов — Станислава Шушкевича, Геннадия Карпенко, Александра Добровольского… Вот от основной массы оторвались два человека — высокий плечистый Геннадий Карпенко и прихрамывающий профессор Юрий Ходыко. Оба торопливо направились на переговоры с ОМОНом, который преграждал дорогу. Власть явно нарушала достигнутые договоренности, хотя демонстранты шли именно по тому маршруту, который был согласован.

Еще мгновение — и камни полетели в ОМОН, ударяясь в прозрачные щиты и металлические шлемы.

Это было первым случаем физического сопротивления оппозиции властям. Первым и, пожалуй, единственным столкновением, в котором, как в сражении при Бородино, обе стороны могли посчитать себя победившими. Оппозиция — потому что не дрогнула и оказала сопротивление, не отступив. Власть — потому что сумела сдержать натиск пятидесяти тысяч человек.

Правда, со стороны было совсем непонятно, куда и зачем шли люди, куда и почему их не пускали…

Двадцать шестого апреля в Минске появился Зенон Позняк, совсем недавно вместе с пресс-секретарем БНФ Сергеем Наумчиком нелегально выбравшийся за рубеж. Дело в том, что еще в марте 1996 года руководство Белорусского народного фронта было предупреждено о том, что против партии готовится показательный процесс, и свобода лидера БНФ оказалась под угрозой. Подтверждение тому легко увидеть в рассказе Вячеслава Сивчика:

«Подняты были все спецслужбы, и, например, вокруг дома, где я живу, был оцеплен целый квартал. Как я понимаю, у Лукашенко была очередная истерика: по его команде все силовые службы пришли в волнение. Потом, сразу, как только Зенон Позняк и Сергей Наумчик оказались за границей, все это резко прекратилось, и представители минской милиции и прокуратуры начали выступать по телевидению, что вообще ничего не было».

Отъезд Позняка сразу успокоил власти. Лукашенко опасался всегда только одного — массовых выступлений. А март-апрель 1996 года как раз и были ознаменованы именно массовыми выступлениями. Народный фронт убедительно демонстрировал, что он еще существует как реальная сила. Смириться с этим — после победного, казалось, референдума 1995 года — Лукашенко никак не мог. Ведь любая демонстрация самостоятельности либо неповиновения казалась ему тем камнем, который, покатившись с вершины, мог вызвать лавину и обрушить всю выстраиваемую пирамиду власти. Поэтому никаких уступок он себе не позволял и настроен был решительно.

В БНФ это понимали. Именно поэтому руководители Фронта и приняли решение об эмиграции Позняка: «Ведь политический процесс против руководства БНФ был бы бессмысленным, если бы по этому процессу в качестве подсудимого не проходил Зенон Позняк», — считает Вячеслав Сивчик.

Но вот Зенон Позняк снова в Минске.

Известие о его возвращении, естественно, вызвало волнение — причем не только у «органов», но и у оппозиционеров. Ведь из эмиграции возвращаются не для того, чтобы сдаваться в руки властям. Неужели есть надежда на победу?!

«Акция началась очень мощно, — вспоминает Сивчик. — Фронт ее очень серьезно подготовил. За кинотеатром "Октябрь" собралось более двухсот дружинников БНФ — тех, кто должен был не допускать столкновений между милицией и демонстрантами. Дошли спокойно до площади Якуба Коласа, где нас встретили кордоны милиции и где произошли первые столкновения. Власти применили газы, что было очевидной

провокацией. Да и кордоны были поставлены абсолютно провокационно: кто же ставит легковые машины поперек шествия, которое включало, по разным оценкам, от 30 до 70 тысяч человек?.. Перегородить дорогу такому количеству людей двумя легковыми машинами — это глупо, и ни в одной милицейской инструкции такого нет.

Когда пошла атака на людей, ситуация стала полностью неконтролируемой. Спецчасти были прорваны, и люди вышли на площадь Якуба Коласа. Там были разбиты головы многим нашим, потом эти побои демонстрировали на митинге. Это выглядело очень страшно. Особенно тяжело было смотреть на подполковника в отставке, которому пробили голову. Он снял окровавленную рубашку, и я никогда не забуду, когда он идет около спецназа и показывает бойцам, которые по возрасту могли бы быть его детьми, что они сделали…».

Позняк появился внезапно. Он выступил на митинге, гневно осудил власти, сдающие суверенитет страны имперской России, и, неожиданно для всех, призвал собравшихся почтить минутой молчания память недавно погибшего президента Чечни Джохара Дудаева. При чем тут Дудаев, никто не понял, но и не возражал, так что минута молчания получилась сама собой.

А Позняк исчез — так же внезапно, как и появился. Его участие в белорусской публичной политике этим и завершилось, уступив место мифу.

Закончилась «горячая весна» 1996 года как бы ничем. Основную массу демонстрантов составляла молодежь. Это были те самые мальчишки, кто в момент избрания Александра Лукашенко президентом только-только получил право голосовать — а многие даже не получили. В 1994 году выбор за них сделали старшие. Мальчишки — последние белорусские романтики — вышли на улицу показать, что они уже становятся силой. Но их не поддержали те, кто считал себя «тоже властью»: депутатское большинство молчаливо осудило «массовые беспорядки».

Но поскольку во главе колонны все-таки шли несколько парламентариев, у Лукашенко усилилось ощущение опасности: а что будет, если те депутаты, кто уже начал «эксперименты» с импичментом, сумеют договориться с «улицей»?

Как всегда, ощущая надвигающуюся опасность, Лукашенко стремился продемонстрировать силу.

Ельцину не откажешь

Возможность для демонстрации силы у него была.

Закончившаяся ничем «горячая» весна 1996 года все-таки выдвинула своих героев. Ими стали Юрий Ходыко и Вячеслав Сивчик, попавшие в тюрьму по делам, возбужденным еще за участие в мартовских акциях оппозиции. «Сначала практически все руководство Фронта, кто был на Беларуси, все были задержаны, — вспоминает Вячеслав Сивчик. — Потом начался постепенный процесс освобождения и, в конце концов, на Володарке (главная тюрьма Минска. — *А. Ф.*) оказались только мы с Ходыко».

На них и начали демонстрировать силу.

Задачей власти было максимально скомпрометировать саму идею сопротивления. Для этого следовало, во-первых, увязать личности арестантов и сбежавшего за границу Позняка, во-вторых, заставить их самих осудить и митинги, и Фронт, и оппозицию вообще, то есть сломать. И показать: вот, даже такие упертые — и то сдались.

Вячеслав Сивчик рассказывает:

«Все попытки допросов начинались с Зенона Позняка. Схема примитивно гэбэшная: вот ты тут сидишь, голодаешь, мучаешься, а он в это время за границей кайфует».

Но допрашиваемые не ломались, твердо стояли на своем. Позняка они считали несгибаемым лидером и символом нации, вины своей в нарушении закона не признавали, поскольку соблюдали все достигнутые договоренности, и осуждать собственные действия и саму идею Чернобыльского шляха явно не собирались.

Но и власть не собиралась их отпускать несломленными. Мол, нет покаяния — доведем дело до суда.

И Юрий Ходыко и Вячеслав Сивчик были вынуждены пойти на крайнюю меру. В знак протеста они объявили бессрочную голодовку.

Увы, но это была голодовка двух одиночек. Партия не поддержала их никакими практическими действиями. Никто не разбивал палатки на площадях, не объявлял голодовки в знак солидарности. Все ограничивались словами сочувствия, воззваниями, письмами, протестами — не более. Позняк из-за границы вообще заявил, что место политика — не в тюрьме, а на свободе.

Это позволило Лукашенко выжидательно молчать. Внешне никак не реагируя на происходящее — ни на обращения партий, правозащитных организаций, творческой интеллигенции, ни даже на открытое письмо матери Сивчика, — он, вероятно, надеялся, что в конце концов двое голодающих будут вынуждены покаяться.

Но и Ходыко с Сивчиком не собирались сдаваться. Они были

решительно настроены отстаивать свою правоту даже ценой собственной жизни.

Трагический исход предотвратил президент России Борис Ельцин. Человек, пришедший к вершинам власти из демократического лагеря, Ельцин был вынужден считаться с мнением демократических избирателей. И когда лидер российской партии «Яблоко» Григорий Явлинский, один из соперников Ельцина на выборах 1996 года, обратился к нему с просьбой вмешаться, Ельцин позвонил Лукашенко и присоединил свой голос к тем, кто ходатайствовал за двух голодавших в Минске арестантов.

Отказать Ельцину Лукашенко не мог. Вероятно, он уже представлял, как скоро понадобится ему самому лояльность «царя Бориса». Ходыко и Сивчика освободили.

«С парламентом я разберусь…»

А президент Беларуси начал готовиться ко второму раунду схватки за полную и безоговорочную власть над страной. Его пугала возможность импичмента. И поскольку гарантию избежать его давало только радикальное изменение Конституции, Лукашенко решил готовить референдум для такого изменения.

Летом 1996 года он начинает агитационную кампанию за его проведение.

Вспоминает Ольга Абрамова, тогда — оппозиционно настроенный депутат Верховного Совета:

«Уже в июне был готов план по референдуму. Я узнала об этом случайно. Один из депутатов, который мне симпатизировал и принадлежал к правящей группе, решил со мной попрощаться перед летним отпуском. Это было трогательное прощание, выражение сожаления, что мы расстаемся. Вид был такой, как если бы мы расставались навсегда. Я была удивлена и спросила:

— А что, вы куда-то уезжаете?

Он сказал:

— Нет. Это вы "уезжаете", а я остаюсь, — имея в виду, что вскоре у нас уже не будет возможности встречаться в Верховном Совете. — Будет референдум.

И далее он мне сказал обо всем, что нас ждет: о Двухпалатном парламенте, о том, что оппозиции в нем не будет, об изменении формы правления и о многом другом».

Сам Лукашенко заговорил о референдуме неожиданно. Произошло это во время его июньской встречи с депутатами германского бундестага.

«Тогда и было сказано: "О парламенте не беспокойтесь, с

парламентом я разберусь законными средствами — через конституционный референдум". На этой же встрече говорилось, что оппозиционные депутаты ведут себя просто возмутительно:

— Как бы вы себя повели на моем месте, будучи главой государства, если бы депутаты вашего парламента возглавляли различного рода уличные акции?

На что консерватор Криднер, руководитель делегации, сказал:

— Здесь присутствуют две женщины-депутата, представители партии зеленых, они исправно возглавляют массовые акции протеста и идут в первых рядах. Это нормальная традиция демократического общества»[213].

Но Лукашенко мало волновали традиции демократического общества. Его волновало другое: «президентско-парламентская республика легко могла стать парламентско-президентской».

А Шарецкий, похоже, только в августе понял, что референдум действительно неизбежен. Догадался, когда на расширенное заседание Президиума Верховного Совета прибыли все председатели облисполкомов. «Они приехали как бы просто посмотреть. Но даже по тону, как они себя вели, как разговаривали, было уже видно, что они чувствовали себя хозяевами положения»[214].

Действительно, назначенные президентом «губернаторы», хорошо знавшие, как относится глава государства к парламенту и каковы его намерения, смотрели на руководство Верховного Совета свысока. Даже председатель Гродненского облисполкома Александр Дубко, который совсем недавно был активистом Аграрной партии, выдвигался от нее кандидатом в президенты, дружил с Шарецким, сейчас держался высокомерно, если не сказать — презрительно.

И только по поведению этого своего бывшего соратника по партии председатель Верховного Совета 13-го созыва Семен Шарецкий понял, что законодательная власть больше властью не является. И что Верховный Совет обречен. И что нужно драться.

Глава вторая. Быть или не быть

Депутаты собирают подписи

Лукашенко всегда отличался умением чувствовать опасность на расстоянии. Он еще только-только стал президентом, когда понял, как опасен для него лично Конституционный суд. Его следовало жестко и постоянно контролировать.

Председателем Конституционного суда, как мы помним, был

Валерий Тихиня — доктор юриспруденции, в очень зрелых годах ввязавшийся в публичную политику и согласившийся стать секретарем ЦК КПБ. Но именно в этот момент рухнула коммунистическая система, и Тихиня остался никому не нужен. Он обладал депутатским мандатом, но в реальную политику никто пускать его не намеревался.

Лукашенко, придя к власти, выдержал паузу. Протянул ровно столько, чтобы Тихиня понял: для того чтобы возглавить Конституционный суд де-юре, даже будучи его бесспорным лидером, необходимо снискать благосклонность президента, доказать свою бесспорную к нему лояльность. И Тихиня понял.

Вспоминает Леонид Синицын:

«Назначение Валерия Тихини оставило у меня неприятное впечатление. Разговор у них с президентом был предельно откровенный, до цинизма. Тихиня конкретно сказал:

— Пока вы будете президентом, я обещаю вам, что импичмента никогда не допущу.

Не было никакого компромата, никаких угроз. Тихиня сам все понял и просто попросился. И он выполнил это свое обещание. В этом смысле оказался человеком "порядочным"».

Забегая вперед, скажем, что он действительно оказался человеком порядочным и «честное слово» сдержал. Если только это можно считать порядочностью.

Ведь сдержал Тихиня свое слово слишком дорогой ценой.

Трудно сказать, насколько при своем назначении Тихиня предвидел будущее развитие событий. Но то, что человек с его опытом и его юридической компетенцией не мог не видеть, что Лукашенко законы нарушает и будет нарушать, сомнений не вызывает. Уже по первым столкновениям президента с Конституционным судом это стало понятно. Более того, как считает Михаил Пастухов, «Валерий Гурьевич знал о том, что в Верховном Совете готовится сбор подписей за импичмент Лукашенко, и, надо сказать, большинство судей Конституционного суда вполне объективно могли бы поддержать эту инициативу депутатов и констатировать факт, что Лукашенко неоднократно нарушал Конституцию, что служило бы основанием для его смещения с должности».

Говорит участник событий депутат Владимир Нистюк:

«Начался сбор подписей. Две фракции оппозиционного толка очень быстро собрали эти подписи. Собирал их Карпенко. У него в сейфе лежали все наши заявления»[215].

Ольга Абрамова:

«Среди подписавшихся были две категории. Во-первых, люди, которые были убеждены, что референдум — это неправильно, что

изменение Конституции — это неправильно. Но были и те, кто просто поддался влиянию событий, влиянию более сильных депутатов, и те, кто думал о собственной судьбе и хотел пробыть в Парламенте еще какое-то время, не будучи столь сильно уж привязанным к политике».

Сбор подписей шел далеко не гладко. Голосов либералов из фракции «Гражданское действие» и социал-демократов не хватало. Нужно было уговорить аграриев и коммунистов. «Фракция коммунистов была массовой и в то время очень управляемой, — продолжает Владимир Нистюк. — Все видели, что карандаш поднимался в руке Калякина, и фракция голосовала так, как показывал этот карандаш. Если вверх, то "за", если вниз, то "против". И коммунисты стали давать свои подписи буквально в последние дни».

Вспоминает Сергей Калякин:

«Было много разговоров вокруг импичмента. Это был не простой вопрос. Когда мы приняли решение, что эти подписи надо собрать, мы их тут же собрали. Не было задержки ни за кем».

Процесс сбора подписей завершился к середине ноября. Оставался, что называется, технический вопрос: отнести подписи депутатов в Конституционный суд, который и должен был принять их к рассмотрению. Конституционный суд — значит, Тихиня. Тот самый, который, по словам Синицына, перед своим назначением на пост председателя Суда обещал Лукашенко, что не допустит импичмента.

Тихиня «держит слово»

И вот бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко приносит в кабинет председателя Конституционного суда заявление депутатов с оригиналами их подписей. Вероятно, это было поручено Захаренко в расчете на то, что его не остановят дежурившие у входа милиционеры, а в случае применения силы генерал, которого никто не лишал права носить оружие, сумеет защитить «драгоценный» пакет.

Вслед за Захаренко в кабинет к Тихине пытаются попасть судьи Михаил Пастухов и Александр Вашкевич. Пастухов вспоминает: «Попасть к председателю не получалось: секретарь сказала, что у него знакомый, который обсуждает с Валерием Гурьевичем какие-то важные юридические вопросы. Мы ждали, пока он освободится. Это заняло почти час. Мы зашли все-таки в кабинет к Валерию Гурьевичу, и там у него был высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, как я потом выяснил, это

был Анатолий Мордашов».

Член правительства Республики Беларусь, президент концерна «Белнефтехим» Анатолий Мордашов пришел в кабинет председателя Конституционного суда Валерия Тихини?.. Для чего же? Вряд ли он рискнул бы прийти к Тихине, не имея полномочий на переговоры[216].

Михаил Пастухов продолжает:

«Валерий Гурьевич был очень подавлен, явно смущен чем-то. Он сказал:

— Извините, я пока не могу вести с вами беседу, я должен сейчас отлучиться на один час.

И ушел. Мы пошли к себе в кабинет. Мне буквально минут через пятнадцать звонит журналист и спрашивает:

— Это правда, что Тихиня пошел в Администрацию Президента?

— Этого не может быть!

Я ведь знал, что Захаренко принес обращение депутатов с подписями. Более того, я знаю, что была договоренность у депутатов с Тихиней, что сами подписи депутатов не будут предаваться огласке до начала судебного разбирательства, а будет только оглашен сам текст обращения».

Бывший преподаватель кафедры Института национальной безопасности (ранее Минской школы КГБ) полковник Михаил Пастухов хорошо представлял себе, чем все это может обернуться и для самой идеи импичмента, и для его инициаторов:

«Валерий Гурьевич вернулся от президента и сказал, что тот просил, чтобы мы не рассматривали это дело, это обращение, а пока подождали. Большинство судей возмутились: "Как это мы не будем рассматривать? Дело-то сверхсрочное. Мы должны принять по нему безотлагательно решение, поскольку это важно для судьбы всей страны". Тихиня вынужден был назначить совещание судей. К своему ужасу и удивлению, я увидел у некоторых судей копии не только обращения депутатов, но и подписей депутатов. На вопрос: "А откуда подписи?" — я получил ответ: "Ну, по закону, по регламенту мы обращение должны представить судьям". Валерий Гурьевич передал мне как судье-докладчику этот пакет с подписями и сказал: "Хорошо, готовьте решение"».

Но подписи оказались и в Администрации Президента. Каким образом?

Говорит Валентина Святская:

«Списки были переданы в Конституционный суд. Как они оказались у Александра Григорьевича, я думаю, на этот вопрос должен ответить Тихиня… Естественно, тут же пошла обработка тех депутатов, которые поставили подписи».

Никто ведь не мог заставить Лукашенко сидеть сложа руки в ожидании импичмента!

«Выбор» был у всех

Обрабатывали как умели. Приведем некоторые свидетельства.

Валентина Святская:

«Обработка шла страшная. Один из гродненских депутатов рассказывал, что к нему приехал Дубко (председатель облисполкома! — *А. Ф.*) и стал на колени перед ним, чтобы тот отозвал свою подпись. Я, говорит, уступил, потому что просто не смог этого перенести. На другого повлиять невозможно, так там началось просто физическое давление: начали психологически обрабатывать его семью — машины с включенными фарами стояли вокруг дома и ночью светили в окна. У кого-то начали увольнять с работы близких. Коля Бекеш мне рассказывал: его дочка заканчивала школу, тянула па медаль, так в класс зашла директор школы, подняла ее и прямо сказала, что ее отец чуть ли не враг народа — раз он пошел против президента (почти как в 37 году)».

Шло давление и на коммунистов. Сергей Калякин вспоминает:

«Ряд людей в нашей фракции просто сломали. Угрожали, что дети потеряют работу, что кого-то в тюрьму посадят… У нас два замруководителя фракции были женщины. А мужики, известно, плакаться всегда идут к женщинам. Шли и рассказывали, какие они негодяи, как они ничего не могут поделать, потому что страдают их дети».

Рассказ руководителя фракции коммунистов Сергея Калякина дополняет член фракции «Гражданское действие» Валерий Круговой:

«Я был свидетелем, как заставляли! Буквальным свидетелем. Например, как депутата Кудинова заставляли. Когда мы сидели у него в номере (он иногородний — жил в гостинице), приехал Петр Прокопович и как старый знакомый стал ему объяснять, что он неправильно занял линию. Надо, мол, отозвать подпись, он же понимает, чем это может закончиться. Его же полностью разорят, и не будет просвета…

Но — это мягкие уговоры. А вот Кучинский давил очень просто. Тому же Володе Кудинову так и сказал: будешь сидеть, и будут тебе кол в задницу вгонять — тогда-то ты и попомнишь.

Один председатель колхоза позвонил мне домой и говорит: "Валера, давай сюда, потому что ко мне сейчас приедут

выкручивать руки. Я хочу, чтобы ты был рядом. При тебе побоятся". Зампред облисполкома открытым текстом ему говорил:

— Пустим по миру тебя и колхоз, и все люди будут знать, что по миру пошли благодаря тебе… Будешь знать. Твою бухгалтершу посадим и т. д.

Вот такие шли угрозы».

А вот что рассказывает Владимир Нистюк:

«Ко мне подошел с утра на заседании Верховного Совета депутат Василий Сакович и говорит:

— Начинается активная торговля.

Сказал с улыбкой и ушел. Имелось в виду, что начинают раздавать обещания. Я, в общем-то, пропустил это мимо ушей, а потом заходит мой помощник и говорит, что меня ждет Шейман.

Я прибыл в Администрацию, поднялся к Шейману. Вопрос был поставлен прямо. В той ситуации, в которой сегодня оказался Лукашенко, ему нужна поддержка и помощь. Надо определяться: или ты еще имеешь шанс быть в нашей команде и занять какое-то место — достойное, очень достойное, или ты все перечеркиваешь, сжигаешь мосты и становишься по другую сторону баррикад.

И когда разговор дошел до предложений, что можно было бы получить взамен того, что я отзову прежнее заявление, я просто сказал, что вообще-то не совсем удобно, когда офицеры рассуждают о таких вещах. Есть ведь какие-то принципы. В конечном итоге, есть семья, друзья, окружающие, которым потом надо смотреть в глаза. Как вообще жить, если себя не уважать?».

Такой получился джентльменский разговор двух бывших членов одного предвыборного штаба Лукашенко, двух бывших политработников — Нистюка и Шеймана. Нистюк продолжает:

«А перед этим из кабинета вышел Валерий Круговой, белый как полотно, забравший свое заявление».

Вспоминает Валерий Круговой:

«Действительно, мы встретились с Нистюком в коридоре. Он был в очень хорошем расположении духа. Признаюсь, я тоже был в хорошем расположении духа, потому что — да, я выходил из кабинета, где господин Шейман рисовал мне весьма розовые перспективы. Мне сказали:

— Валерий, ты прекрасно знаешь, что ведется уголовное дело, давнее. Ты прекрасно знаешь, что если ты не уберешь подпись, то дело закончится плохо. Не только для тебя оно закончится плохо. Плохо закончится и для тех, кто с тобой вместе работал. Поэтому думай.

Это не было угрозой. Не говорили так, как другим, что если ты не отзовешь подпись, то мы заведем дело. Мне просто напомнили: "Ты давно ходишь под мечом. Меч этот опустится".

Я сказал: "Хорошо, я подумаю". Потом с Володей Кудиновым мы обсуждали эту тему. Ему-то открыто сказали: "Сядешь. Будешь сидеть по полной программе". Володя мне говорит:

— В гробу я видел их всех, мой дед сидел в какие-то там времена, и я отсижу[217].

Я говорю:

— В отличие от тебя я сидеть не собираюсь. Тем более людей подставлять, которые в этом деле ни слухом ни духом».

Что ж, выбор был у всех.

У всех — кроме Лукашенко.

Как и в 1994 году, он оказался единственным, кому в случае поражения не оставалось места на политической сцене. У Калякина была партия, Шарецкий достиг пика своей партийно-политической карьеры как раз к пенсионному возрасту. Остальные оппозиционеры имели шанс дождаться переизбрания в новый парламент — разумеется, при условии, что власть будет соблюдать хотя бы некоторые демократические нормы.

Лукашенко же терял все. Куда ему деваться? Возвращаться в совхоз? Но даже там подвергнутому унизительной процедуре импичмента президенту не нашлось бы места. А переизбраться во второй раз ему при всей его всенародной популярности просто не дали бы[218]. Да Лукашенко и сам хорошо понимал, что бы он на их месте сделал с проигравшим оппонентом и с каким удовольствием[219].

Нет, Лукашенко просто не мог позволить себе проиграть! Он обязан был победить, мобилизовав всю свою волю и энергию.

И эта его энергия передавалась чиновникам, работавшим в структурах исполнительной власти. Они видели перед собой игрока, способного на все. Это вам не старчески вялый Шарецкий. К тому же с Лукашенко уже свыклись, знали, чего от него ожидать, а что сделает новая власть — еще неизвестно.

И потом. Если не с ним, то куда? В оппозицию? А что чиновнику делать в оппозиции? Хотя парламент и сделал все возможное, чтобы уговорить правительство встать на защиту конституционной законности. Но, как уверяет Василий Леонов, «тему референдума мы в правительстве не обсуждали»[220].

Его поправляет министр труда Александр Соснов: «Однажды из Администрации поступает распоряжение: явиться в какой-то штаб (это происходило в Минсвязи). Мы туда пришли. Оказалось, что это штаб по подготовке референдума. Там проводили какой-то "мозговой штурм", заслушивали какие-то предложения — что делать, откуда, что и как и т. д. Потом распределили: кого за каким регионом закреплять. Лично мне достался Гомельский

район. Я должен был проехаться по району, посмотреть уровень подготовки к референдуму: проверить настроения людей, поговорить с руководством и выяснить, что они себе думают, как думают проводить референдум.

Я съездил в командировку несколько раз и понял, что нужное президенту решение будет. Все было готово: местные власти готовы, местные вертикальщики настроены в "нужном" направлении, никаких сомнений ни у кого. И даже это известное голосование "да-да-да-нет" — кажется, так звучало, не помню — уже у всех было на слуху, как пионерская речевка[221]. Поэтому мне просто стало страшно».

За что боролись?

Чего же хотел Лукашенко?

Прежде всего, избежать импичмента. Для этого требовалось максимально усложнить процедуру отрешения президента от власти, обеспечив себе контроль за всеми, кто в ней должен участвовать. Поэтому по новой Конституции президент персонально назначает половину членов Центризбиркома, половину судей и председателя Конституционного суда. Доверять назначение оставшихся судей депутатам, непосредственно избираемым народом, Лукашенко тоже не рискнул и придумал верхнюю палату парламента — Совет Республики.

Члены Совета Республики избираются депутатами региональных советов под контролем исполкомов, а восемь членов Совета лично назначает президент.

Собирается Совет Республики два раза в год по указу президента, как и нижняя палата парламента, Палата Представителей, а потому возможности строить козни у депутатов обеих палат крайне ограничены.

Не захотел Лукашенко и делиться с парламентом реальной властью, в частности, контролем за деятельностью правительства. Если по Конституции 1994 года президент согласовывал с Верховным Советом назначение и отставку премьер-министра, его заместителей, «силовиков», министров финансов и иностранных дел, то после референдума согласовывать будет нужно только кандидатуру премьера, причем его отставка согласия парламента уже не требует.

Лукашенко отнял у парламента и право контроля, ликвидировав подчиненную Верховному Совету Контрольную палату и подчинив себе прокуратуру и специально созданный Комитет государственного контроля.

В руках у президента оставалось и такое мощное оружие, как

угроза распустить парламент.

Таким образом, так называемая «конституционная реформа 1996 года» на деле свелась к уничтожению существовавшего баланса ветвей власти, к изъятию из Конституции тех норм права, которые могли бы привести президента к потере власти[222].

А чтобы свалить ответственность за попытку коренного пересмотра Конституции на депутатов, им подбросили мысль: вынести на тот же референдум альтернативный проект Основного Закона, ликвидирующий президентский пост как таковой.

И депутаты — «купились»!

Теперь руки у Лукашенко были полностью развязаны. Он всегда мог сказать, что сотрясает основы конституционной законности в стране не только он, но и парламент.

У каждого своя «свадьба»

Но даже раскрутив маховик референдума, Лукашенко не был спокоен. Он чувствовал внутреннее сопротивление государственного аппарата. Чиновники ведь сродни шелковичным червям: прясть свою пряжу они могут только в мягком и спокойном коконе.

Их мало интересовал текст выносимой на референдум Конституции, их волновало другое — сохранение хоть какой-то стабильности. С одной стороны, им не хотелось импичмента президенту, за которым следовала бы перекройка всего состава правительства. С другой стороны, и без парламента жить не хотелось, поскольку он тоже был «ветвью» и худо-бедно обеспечивал баланс. Никому не хотелось ломок и потрясений.

Все знали, что и президент, и Верховный Совет были избранными, а потому легитимными. Тут, казалось бы, все было в порядке. Но Верховный Совет был избран позже, а потому его легитимность формально была более, так сказать, «свежей». Поэтому Лукашенко ощущал потребность предъявить обществу подтверждение того, что он по-прежнему пользуется поддержкой народа. Так появилась идея проведения Всебелорусского народного собрания.

Скорее всего, это собрание придумал Михаил Мясникович — новому главе Администрации нужно было набирать очки, доказывая свою значимость в том числе и в вопросах «идеологического обеспечения».

Его предложение было просто, как грабли, и так же надежно: собрать в минском Дворце спорта эдакое «всенародное вече» — тысяч пять человек, представлявших якобы весь белорусский народ, чтобы глава государства мог с ними «посоветоваться» и

получить «всенародное» одобрение идеи референдума.

Все дальнейшее известно еще со сталинских времен.

Трудовые коллективы и общественные организации (вернее, то, что со сталинских времен считалось общественными организациями) наперебой начали оспаривать друг у друга право выдвижения делегатами Всебелорусского собрания лучших представителей государственной власти — разумеется, начиная с «государя». Мандатов были удостоены премьер-министр, глава Администрации, часть представителей депутатского корпуса — конечно же, лояльных к президенту. Получение мандата недвусмысленно означало, что ты остаешься в некоей «обойме», что твоя преданность замечена главой государства.

«Членов правительства усадили в специальную выгородку. Картина была интересная. По лицам министров было видно, что они чувствуют себя, как в дерьме»[223].

Последнее замечание абсолютно справедливо: людей свозили на форум в автобусах, стараясь максимально ограничить их контакты с минскими жителями, явно не одобрявшими идею референдума. Сквозь чуть запотевшие стекла автобусов виднелись лица перепуганные, скорее как у случайных посетителей мест заключения, а не «вершителей народных судеб». Точно так же делегатов собрания старались оградить и от нежелательных вопросов «нечестных», как говорит Лукашенко, журналистов негосударственной прессы. Охрана не пустила туда даже руководителей Верховного Совета (например, председателя комиссии по международным делам Петра Кравченко, откровенно стремившегося попасть в зал). Мол, у вас своя свадьба, у нас своя.

«Свадьбы» и в самом деле у каждого были свои. Оппозиция противопоставила президентскому «мероприятию» «Всебелорусский конгресс в защиту Конституции, против диктатуры», назначенный на этот же день во Дворце профсоюзов.

Весь Минск был приведен фактически в состояние чрезвычайного положения. Во дворах стояли грузовики с солдатами. Бойцы спецназа, в масках, вооруженные автоматами и с собаками, патрулировали город. Дворец спорта, где проходило «вече», был окружен бронетранспортерами и водометами.

Роль представителя «небесной справедливости» в президентском варианте была отведена Митрополиту Филарету. Патриарший Экзарх Всея Беларуси не мог не понимать, в чем ему предстояло участвовать. Говорят, что, вернувшись с Собрания и будучи человеком, не чуждым иронии, он так прокомментировал происшедшее: раньше-де просто приглашения присылали, а нынче еще и доклад прилагают (имея в виду текст его речи,

подготовленный в Администрации).

Семен Шарецкий и его первый заместитель Василий Новиков отказались участвовать в обеих акциях. Мотив был прост: парламент — над схваткой. Получить поддержку на президентском «сходе» лидеры парламента заведомо не могли, а присоединиться к политической оппозиции не решились. От этого альтернативный демократический Конгресс сильно «поправел»: «левое» крыло Верховного Совета, коммунисты и аграрии в нем не участвовали, и вся акция превратилась в межпартийную тусовку «правых».

Не достигли инициаторы Конгресса и главной поставленной цели — объединения всех оппозиционных сил.

Не добились желаемого и организаторы собрания в поддержку президента. В зале понимали, что от них ждут поддержки, но — что нужно было поддерживать? Идею референдума? Но и Верховный Совет формально не был против референдума, поскольку вынес на него и собственный проект Конституции.

Справедливости ради следует сказать, что многие Делегаты внутренне сопротивлялись неумолимо надвигавшемуся референдуму. Это было видно и по выступлению первого оратора, председателя брестского облисполкома Владимира Заломая. Он как бы не сориентировался, чего от него ждут, и говорил только об экономических проблемах, несмотря на то что Лукашенко в нетерпении подталкивал: говори, мол, по существу! А «по существу», похоже, говорить Заломаю не хотелось.

Наиболее «оппозиционным» оказалось выступление премьер-министра Михаила Чигиря: все об экономике, об экономике, об экономике… Было понятно, что это форма протеста, которую избрал для себя тихий и мирный «пасечник»[224].

«В первый день Лукашенко очень настороженно был воспринят аудиторией»[225]. Президент, почувствовав это настроение, должен был что-то сделать, чтобы не допустить срыва мероприятия.

«После доклада и нескольких выступающих был объявлен перерыв. Сразу же после перерыва Лукашенко вышел на сцену и сказал: "Я вижу, что вы все плохо относитесь к этой идее. Референдум будет носить рекомендательный характер, можете успокоиться". Большинство, и я, грешный, в том числе, тогда еще верили, что слово президента действительно чего-то стоит»[226].

И все успокоились. Тем более что собрание было «грамотно» отрежиссировано Михаилом Мясниковичем, в результате чего возможные оппоненты просто не получали слова. Вспоминает

Гончарик:

«Я несколько записок написал Мясниковичу — будучи в президиуме, просил слова. Слова не дали. В зале всего лишь человек десять проголосовали против резолюции, не больше. Я единственный в президиуме поднял мандат против. В ответ на недоуменный возглас из зала я вторично поднимаю мандат против. Лукашенко к этому отнесся спокойно»[227].

Но сам президент был недоволен. Его заставили пойти на уступки, а это было не в правилах Александра Лукашенко. Он боялся показаться слабым хотя бы на минуту, хотя бы в мелочи.

Тем более что его формальное согласие отказаться от обязательного характера референдума вовсе не влекло за собой отказ парламента от идеи импичмента. Как референдум топором нависал над Верховным Советом, так и импичмент был занесен над шеей президента.

Возможность компромисса отвергнута

К тому же импичмент становился все более вероятным. Парламент вдруг начал вторжение в святая святых новой власти — принял решение о проверке Управления делами президента. Задача была возложена на подчинявшуюся парламенту Контрольную палату[228].

Руководитель Контрольной палаты Василий Сакович попытался занять компромиссную позицию, изложив ряд фактов, заведомо компрометировавших управляющего делами Ивана Титенкова, но только из тех, которые уже были озвучены в прессе. Бывшему секретарю обкома компартии Саковичу не внове было лавировать[229]. По словам Саковича, ряд документов, затребованных Контрольной палатой в Управлении делами президента, проверяющим лицам так и не были предоставлены. А у парламента не было инструментов, чтобы заставить президентские структуры подчиниться: МВД, КГБ, прокуратура уже были полностью ориентированы на президента и решение Верховного Совета практически игнорировали.

Однако сам факт, что депутаты осмелились вслух обсуждать источники формирования президентских фондов и бюджетов Управления делами, отрезал всякую возможность для компромиссов.

Лукашенко к компромиссу и не стремился. Под его контролем шла обработка депутатов, чтобы они отозвали подписи, поставленные под обращением в Конституционный суд.

Это была задача номер один. И вот заместитель председателя Верховного Совета Юрий Малумов, лежа в больнице Управления делами президента, принимает новые и новые депутатские заявления об отзыве подписей. Вопреки всем юридическим нормам находящийся на больничном Малумов собственноручно заверяет их[230], после чего ренегаты мчатся в находящееся неподалеку здание Конституционного суда, дабы засвидетельствовать свой переход на сторону потенциального победителя[231].

Казалось, впереди лишь два препятствия. Нужно было не просто победить, но и добиться признания этой победы Конституционным судом и Центральной избирательной комиссией. А Центризбирком был одним из очевидных центров оппозиции. Потому что его возглавлял Виктор Гончар.

Глава третья. Топор и плаха

Два «волкодава»

Виктор Гончар, бесспорно, принадлежал к числу наиболее ярких политиков, кому путь к вершинам власти в Беларуси был открыт перестройкой.

Это были годы детства белорусской публичной политики. Горбачев открыл шлюзы — и на телеэкраны вынесло такое количество советских Демосфенов и Цицеронов, что желающим оставалось лишь избрать для себя подходящий образец.

Гончар не скрывал, что ориентировался на модель поведения народного депутата СССР питерского профессора Собчака — он вообще был цинично откровенен, полагаясь на воздействие своей личности.

Сходство манер выглядело даже несколько комично: Собчак, выходя к микрофону, регулярно представлялся, называя фамилию и номер округа, Гончар его буквально копировал даже в интонациях. Оба прямо вдалбливали публике свою фамилию, свои интонации. В Гончара влюблялись семьями. Он был молод, хорош собой и самоуверен.

Вспоминает кинорежиссер Юрий Хащеватский[232]: «Первоначально Гончар вызывал у меня даже раздражение. Я вообще не люблю женских истерик, а все знакомые дамы влюблялись в него истерично — не политически, а физически. Чуть позже я в полной мере оценил его прекрасную юридическую подготовку, но именно благодаря ей с Гончаром было крайне сложно работать для кино: он даже под объективом кинокамеры старался как можно точнее выбирать слова, формулировать

фразы, отчего казался напряженным, как будто палку проглотил. И лишь потом, в последний период нашего общения, я увидел его обаятельную улыбку и ощутил его несомненную харизму. Это была харизма человека яркого, решительного, ясно знающего, чего он хочет от жизни».

Гончар хотел быть политиком, причем самостоятельным. И, несмотря на «собчаковский» имидж, стал самостоятельным. А значит и одиноким. Более одиноким, чем он, у нас в политике, пожалуй, был только Александр Лукашенко.

Впрочем, одиночество — это совсем не всегда несчастье для политика. Просто есть политики стаи, политики толпы, политики коллектива. Политик становится одиночкой, когда, взвесив все, понимает, что есть шанс сорвать достаточно крупный куш. Оказавшись на прямой дороге к власти, политик утрачивает всякое желание делиться добычей. Это и называется жаждой власти.

Гончар хотел власти. Он, повторим, был молод, умен и амбициозен. Он понимал, что сорвать крупный куш в одиночку не удастся, что нужно сыграть промежуточную, командную партию. Но и играя в команде, он всегда мог выкинуть неожиданный и эффектный финт. Такой, например, как когда Станислав Шушкевич решил-таки в конце концов предложить ему пост вице-спикера в Верховном Совете 12-го созыва.

Известно об их разговоре на сей счет. Гончар соглашается, благодарит, из холодильника в спикерском кабинете извлекается запотевшая бутылка, лимон, кусок колбасы, предстоящее выдвижение «замачивается». А наутро Гончар выходит на трибуну и скандально снимает свою кандидатуру: мол, если бы не из ваших рук, Станислав Станиславович, — принял бы я и эту кепку Мономаха, но из ваших — увольте… Можно представить себе Шушкевича, так и замершего с открытым от удивления ртом. Даром, получается, пили.

Но это не случайная выходка. Гончар просчитал все: и то, что парламентское большинство его хотя и уважало, но не любило, а стало быть, могло и забаллотировать, и то, что Шушкевич на глазах терял свою и без того не слишком высокую популярность, и то, что пост вице-спикера — вовсе не власть…

Сделав ставку на Лукашенко, Гончар хорошо представлял себе, с каким «материалом» имеет дело. Но он упорно считал, что власть все же — привилегия интеллектуалов, а не людей, не способных даже внятно сформулировать собственную мысль. Лукашенко был для него лишь «тараном», которым он рассчитывал сломить старую, одряхлевшую систему власти и открыть дорогу молодым.

Сейчас уже очевидно, что никаких «молодых волков» как некоей политической группы, способной на долговременные слаженные действия, попросту не было. Были лишь два человека, равных друг другу по силе воли и жажде власти, два не волка даже, а волкодава. Лукашенко и Гончар, двое равно сентиментальных и, пожалуй, равно амбициозных. Тот же Позняк рядом с ними был вполне безобиден, несмотря на угрозы и громыхания…

Но на том этапе они были друг другу необходимы. Пусть Гончар нуждался только в «таране» — зато Лукашенко хотел иметь «лицо» политика с ясными целями и умением их добиваться. Гончар (само его присутствие рядом) помогал созданию такого имиджа. Но отношение к нему Лукашенко было двойственным: используя Гончара в своих целях и постоянно ощущая его превосходство, он не мог не подозревать в нем конкурента. Вот почему после победы он не изгнал Гончара, но и не приблизил его. Он дал ему «кусок» — сделал вице-премьером, — и тем самым достаточно притушил потенциального соперника, понимая, что для по-настоящему амбициозного политика согласиться на роль пятого-десятого лица в структурах власти значит признать свою неполноценность. Еще в советские времена, получая приглашение на новую работу, трезвые люди всегда задавались вопросом: а куда я потом уйду — вверх, вниз, в сторону или сразу на пенсию? С должности вице-премьера по социальным вопросам в государстве со слабой экономикой направление было только одно — вниз. В лучшем случае — в сторону.

Но Гончар вовсе не был расстроен таким назначением. Он рассматривал эту должность лишь как стартовую. Он уже все прикинул: вице-премьер, премьер, и… разумеется, президент. Причем не «липовый», каким он считал сделанного их общими стараниями Лукашенко, а настоящий: решительный, умный, образованный, властный. Ему было откровенно скучно — со всеми этими Шейманами, Титенковыми, Коноплевыми. Ему казалось, что он уже призван и вышел на старт…

А призвали, оказывается, не его, а их.

Кровно обиженный, оскорбленный Гончар хлопнул дверью.

Но никто его не понял, никто не поддержал. Даже призыв к председателю КГБ Владимиру Егорову предать гласности реальные обстоятельства лиозненского инцидента, как мы помним, повис в воздухе. И дело не в том, что сей «офицер» оказался недостаточно «джентльменом», а в том, что это никого не интересовало — так как прозвучало из уст человека, который властью был уже списан в расход.

После такой отставки Гончар мог просто исчезнуть с политической арены, как это случается в подобных ситуациях со многими. Но — не исчез.

Вспоминает его жена, Зинаида Гончар:

«Во-первых, человек уже заболел политикой. Это действительно болезнь. Причем заразная, так как вместе с Виктором "заболела" вся семья. Во-вторых, как нормальный мужчина он не хотел соглашаться с теми порядками, которые начал насаждать Лукашенко. Надо было что-то менять. Он всегда говорил: "Ну хотя бы ребенок наш должен жить в нормальной стране? Должен". Поэтому, когда он сказал, что пойдет в депутаты, я была и за, и против, но понимала, что ему это нужно».

Виктор Гончар пытается взять реванш

В 1995 году Гончар был избран депутатом Верховного Совета 13-го созыва. Это было неудивительно: во-первых, его еще не забыли, во-вторых, Лукашенко еще не успел отстроить ту систему «подсчета голосов», при которой «нежелательная» победа становится невозможной.

В новом составе парламента Гончар не слишком стремился к получению статусного места[233]. Он хотел большего и прямо говорил в интервью, что следующий президент Беларуси должен подняться к вершине власти из Овального зала.

И Гончар воспользовался первым же шансом вырваться на этот путь. Таким шансом стал для нею референдум, точнее, должность председателя Центризбиркома. Мечущиеся депутаты понимали, что с референдумом все будет решаться в Центральной избирательной комиссии. И на должность ее председателя нужен был человек, который не смирится ни с какими фальсификациями и подтасовками, ни с какими нарушениями законности.

В условиях, когда Лукашенко достаточно откровенно делал ставку на административный ресурс и все это понимали, Гончар был востребован не только потому, что как юрист он мог разобраться в тонкостях всех возможных юридических и административных заморочек. Все знали: он не согнется и будет твердо и до конца стоять на стороне закона. Из принципа, да хотя бы и из-за того, что ему, при его известном честолюбии, пришлось так бесславно покинуть кабинеты власти. Ну а что до его президентских амбиций, то никому в тот момент не было дела до карьерных устремлений несостоявшегося вице-премьера.

Никому, кроме, разумеется, Лукашенко, которому никакие «внешние проявления» не были и нужны: слишком хорошо у него были развиты интуиция, чутье, подозрительность. Недаром же Гончар так рвется к этой должности.

Гончар к работе в ЦИКе действительно рвался. Вспоминает Валентина Святская:

«До назначения Гончара председателем ЦИК у меня с ним была встреча. Он почему-то посчитал, что я как секретарь Центрального совета Аграрной партии каким-то образом могу повлиять на принятие тех или иных решений спикером Шарецким. И Гончар открытым текстом мне тогда сказал, что он хотел бы "быть предсказуемым для Семена Георгиевича". Потом, по прошествии какого-то времени, я узнала, что с Шарецким

встречался и Тихиня, который был тогда председателем Конституционного суда, и рекомендовал Шарецкому рассмотреть Гончара в качестве председателя Центральной избирательной комиссии».

Пятого сентября, к очевидной досаде Лукашенко и при громком противодействии активистов пропрезидентской депутатской фракции «Согласие», Гончар был избран главой ЦИК.

И тут же увидел, что перед ним огромное поле деятельности. Рассказывает Зинаида Гончар:

«Он проехался по республике, по участкам, возвращается и говорит:

— В жизни не мог себе представить, что до такой степени может быть все запущено. Они подтасуют тебе все что угодно, потому что ребята сорвались с петель. Неужели люди не понимают, что за это придется нести ответственность? Ведь только сумасшедший может смотреть на это с закрытыми глазами.

Виктор возмущался тем, что в регионах уже поняли, что они должны сделать так, как скажут сверху, и поэтому, говорит, на все мои замечания, что выборы не будут признаны, что вы будете наказаны за подтасовки, никто даже внимания не обращал».

Вот эту всю «избирательную систему», созданную Лукашенко и его «вертикалью» буквально за полтора года, Гончар и вознамерился сломать. Это позволило бы ЦИКу стать самостоятельной силой, серьезным противовесом Лукашенко.

И он развивает бурную деятельность. Добивается решения Конституционного суда, согласно которому референдум может носить только консультативный характер, — причем с одобрения остальных членов ЦИК вносит его в бюллетень для голосования. Проводит консультации с членами общественных структур, взявших на себя обязанность контролировать ход референдума.

В качестве едва ли не главного оппонента действующему президенту Гончар посещает Государственную думу Российской Федерации, где делает ряд громогласных заявлений — о решении Конституционного суда, о многочисленных нарушениях законодательства, сопутствующих организации референдума, о готовящихся фальсификациях. Но главное заявление он сделал в программе «Герой дня» на российском телеканале НТВ — о том, что «в связи с многочисленными нарушениями не подпишет итоговые документы по результатам референдума»[234].

Конечно, Гончар не был политически нейтрален, как, в общем-то, положено руководителю Центризбиркома. Хотя он не был и на стороне Верховного Совета.

Это придет потом. Но Гончар был юристом, он видел, как

последовательно и цинично Лукашенко попирает законность, и не мог с этим смириться. Конечно, его возмущение подогревалось личными амбициями, но он действительно защищал в этот момент и букву, и дух Конституции. И свой решительный отказ признать итоги референдума поспешил донести и до белорусского, и до российского телезрителя в надежде, что люди поймут.

Это было ошибкой, которая дорого обошлась и самому Гончару, и стране. Пойдя в бой с открытым забралом, он, похоже, слишком увлекся и забыл, с каким хладнокровным и вероломным противником приходится иметь дело.

У Гончара действительно были все основания не признать референдум состоявшимся — хотя бы в силу зафиксированных им как председателем ЦИК нарушений. Кроме того, Конституционный суд объявил референдум консультативным, а это означало, что немедленное, минуя Верховный Совет, введение одобренной на референдуме Конституции стало бы государственным переворотом. Всему этому Гончар готов был противостоять, но он явно поторопился заявить о своих намерениях и спровоцировал Лукашенко на неожиданный и в полной мере противозаконный шаг.

Четырнадцатого ноября 1996 года президент силой смещает Гончара. Служба охраны президента осуществляет вооруженный захват помещений ЦИК и выдворяет Гончара из его служебного кабинета. Председателя Верховного Совета Семена Шарецкого и генерального прокурора Василия Капитана, пытавшихся воспрепятствовать произволу, просто-напросто вышвыривают вместе с Гончаром. Вступившихся за Гончара рядовых депутатов и вовсе избивают.

По рекомендации Михаила Сазонова и Юрия Малумова главой ЦИК назначается заведующая юридическим отделом Бобруйского горисполкома Лидия Ермошина[235] — единственный член Центризбиркома, публично возражавшая Гончару.

Это обеспечило Лукашенко победу.

Демократия на плахе

Беру на себя смелость заявить, что назначение председателем ЦИК Лидии Ермошиной повлекло за собой катастрофические последствия для белорусской демократии. Было понятно, что предоставленный ей судьбой шанс эта неглупая и честолюбивая женщина ни за что не упустит. Она знала, какие результаты референдума нужны Лукашенко. И знала, что в новом тексте Конституции была норма, согласно которой назначение

председателя Центризбиркома зависит только от президента. Значит, угодить ему — обеспечить собственное будущее.

Нетрудно представить, чего ей стоила такая решимость: прямо и откровенно лгать, что никаких нарушений закона нет. Но она боролась за свое право уехать из Бобруйска, осточертевшего ей настолько, что ради этого можно было пренебречь всем. Гончар вырвался из Молодечно, Лебедько — из Ошмян, Лукашенко — из Рыжкович, Шарецкий — из Воложина. Чем она их хуже? Тем, что им повезло, а ей нет? Так это ей до 1996 года не везло, а теперь она будет держать свою птицу-счастье за хвост с таким упорством, что птице будет проще взлететь с ней, чем вырваться от нее, Лидии Ермошиной.

Назначение Ермошиной главой ЦИК сделало победу Лукашенко на референдуме и принятие Конституции неизбежными, как неизбежно падение топора, взлетевшего вверх и ощутившего на себе действие закона всемирного тяготения. Топор держали женские ручки, а на плахе лежала белорусская Конституция.

Хотя еще был шанс. Ведь процедура импичмента была уже начата, и если Конституционный суд довершит свое дело до референдума… В конце концов, должен ведь у судей быть хотя бы элементарный инстинкт самосохранения.

Все надежды на Москву

Однако импичмент не состоялся.

Ему помешал… белорусский парламент. Именно Верховный Совет обратился к руководству России с просьбой выступить в качестве третейского судьи в споре белорусских ветвей власти, что и сделало катастрофу неизбежной.

Вспоминает Сергей Калякин:

«Россия в начале конфликта, по крайней мере, стояла на стороне Верховного Совета и пыталась урегулировать ситуацию, опасаясь, что противостояние в Беларуси может привести к какому-то глубокому конфликту, вплоть до гражданской войны.

Вначале они как бы хотели найти компромисс между двумя ветвями власти, чтобы закончить это дело миром. И вокруг этого шли все разговоры. "На какие компромиссы, — нас спрашивали, — мог бы пойти Верховный Совет?" И что должна сделать исполнительная власть, чтобы Верховный Совет смог снять вопрос импичмента?».

Шарецкий и депутаты надеялись в своем споре с Лукашенко получить поддержку Москвы.

«Дело в том, что у Семена Шарецкого с Егором Строевым

были давние отношения, — рассказывает Валентина Святская. — Строев до августа 1991 года был секретарем ЦК КПСС по аграрным вопросам, и когда случился путч, и все секретари попали в черный список и оказались невостребованными, Строев вернулся к себе на Орловщину и был страшно подавлен. Он вообще сидел без работы. Вот тогда Шарецкий и Никонов, президент ВАСХНИЛ, поехали на Орловщину, чтобы морально поддержать Строева. И Шарецкий считал, что это дает ему право считать его своим другом. Он рассчитывал на участие и помощь Строева, который знал, что из себя представляет Лукашенко».

Но в России политические решения уже тогда принимал лишь президент. А Борису Ельцину в это время было не до белорусского скандала: как раз в разгар всех этих событий ему сделали серьезнейшую операцию на сердце. Понятно, что в ситуации, когда только что избранный глава российского государства оказался на операционном столе, российская элита была озабочена собственными проблемами больше, чем белорусскими. Но, едва оклемавшись после операции, российский президент тут же обратил внимание на минское противостояние. По его непосредственному указанию и с благословения главы Администрации президента России Анатолия Чубайса в Минск вылетели три высших руководителя страны — премьер-министр Виктор Черномырдин и спикеры обеих палат Федерального собрания Геннадий Селезнев и Егор Строев. Тот самый Строев, которого не в меру доверчивый Шарецкий считал другом и единомышленником.

«Изначально был предложен нулевой вариант, — вспоминает Калякин. — Мы отказываемся от импичмента, Лукашенко — от проведения референдума. И более того, мы договариваемся о том, что создаем конституционную комиссию, которая будет работать над улучшением Конституции.

Вот канва, по которой намеревались работать на совместной встрече, причем на нее дала добро не только наша сторона — парламент, но и президент».

Канва канвой, вот только рисунок по ней, как оказалось, стороны предполагали вышивать каждый свой. Для обеих сторон в тот момент главным было заставить отступить противника. А уж сами они — что депутаты, что президент — отступать не собирались. Это было очевидно. Лукашенко хорошо понимал, что даже если импичмент будет отложен, то всего лишь на время, руководство же Верховного Совета, в свою очередь, осознавало, что Лукашенко не успокоится, пока из Конституции не будет устранена норма, открывающая дорогу импичменту.

Калякин продолжает:

«Когда прилетели россияне, первая беседа днем была в парламенте, в которой участвовали и председатели комиссий, и руководители фракций. Все согласились с тем, какую позицию мы должны занимать, и Строев с Селезневым тоже согласились, что можно найти компромисс и подготовить какое-то решение.

В это же время шли переговоры с президентской стороной. Что там происходило, мне трудно судить, но там, кроме всего прочего, происходила обработка председателя Конституционного суда».

И это было естественно: Лукашенко нащупал слабое место противника.

А судьи — кто?

Это было удивительно. Не то, что президентская сторона «обрабатывала» Валерия Тихиню — такое как раз абсолютно укладывалось в общую схему поведения исполнительной власти и это парламентарии даже предвидели. Как вспоминает Валентина Святская, «когда уже собранные подписи сдали Тихине, чтобы он начал процедуру рассмотрения в Конституционном суде, ему было рекомендовано ни в коем случае не встречаться с Лукашенко, не выходить с ним на контакт, потому что знали, что на Валерия Гурьевича будет оказано давление».

Удивительным было то, что вопреки рекомендациям депутатов Тихиня встречается с Лукашенко — в результате чего глава Конституционного суда и становится участником переговоров с москвичами. Это явно противоречит всем правовым нормам, по которым суд обязан оставаться вне политики. Особенно если учесть, что именно на 22 ноября, когда Строев, Селезнев и Черномырдин прилетели в Минск, было назначено слушание дела о нарушении президентом Конституции Республики Беларусь — собственно говоря, первый шаг к объявлению импичмента. В каких переговорах с «подсудимым» может участвовать председатель суда?

Вспоминает член Конституционного суда профессор Михаил Пастухов, бывший одним из докладчиков по делу об импичменте:

«Дело было назначено на 22 ноября, все докладчики готовы, вызваны многочисленные свидетели, кому что-то известно об издании указов Лукашенко, которые были признаны неконституционными, собраны необходимые документы. Более того, мы, судьи-докладчики, даже подготовили проект соответствующего заключения. Но, как известно, вечером, после

девяти часов вечера 21 ноября, прибыл самолет с Черномырдиным, Строевым и Селезневым. Я уходил домой где-то часов в восемь, специально зашел к Тихине, говорю:

— Валерий Гурьевич, мы готовы к рассмотрению дела. Нам ничего не мешает рассмотреть его?

Валерий Гурьевич заверил:

— Да, все нормально. Готовьтесь.

Я на всякий случай взял все материалы домой, поскольку в это время наряду с милиционером у нас еще оборудовали пост непонятно с какими людьми. А у Тихини в это время уже находились экстрасенсы. Они полчаса колдовали над ним, вдохновляли его».

Говорит Сергей Калякин:

«Поздно вечером мы шли на встречу с россиянами, которая должна была состояться в Войсковом переулке, в Доме международных связей, внизу, в подвале. В этой встрече со стороны нашего Верховного Совета принимали участие я, Шарецкий, Карпенко».

Ольга Абрамова: «Туда отправился также и Кравченко, но, насколько мне известно, его отсекли.

«С президентской стороны принимали участие Лукашенко, Василевич, Мясникович. Потом — Строев, Селезнев, Черномырдин и Серов. Вот такая была компания»[236].

Компания, прямо скажем, крайне пестрая. Если рядом с президентом находится глава его Администрации, это объяснимо. Но Сергей Калякин указывает, что третьим президентскую сторону представлял член Конституционного суда Григорий Василевич[237], которому, как и всякому судье, Конституцией воспрещается заниматься политикой. А что есть участие в переговорах подобного рода как не политический акт?

«Когда мы с Шарецким вошли в зал, мы увидели… Тихиню, — продолжает Калякин. — Для меня это был удар, и я сразу понял, что Конституционный суд не примет никакого решения по импичменту. И даже не важно, чем закончатся эти переговоры. Само его появление там сказало все. Не говоря уже о его поведении, когда он стал возбужденно поддерживать то, что говорил Лукашенко:

— Это действительно такой выдающийся день в моей жизни, вот тут состоятся очень важные решения, правильно говорит Александр Григорьевич…

При том, что судья Конституционного суда не может занимать вообще чью-то сторону, Тихиня откровенно встал на сторону противника. Я сказал Шарецкому:

— По-моему, Конституционный суд насчет импичмента уже

все решил».

Вспоминает Валентина Святская:

«Шарецкий был подавлен и убит предательством Тихини, он не ожидал его там встретить. Позже он мне говорил:

— Я был шокирован, потому что, как только вошел в зал, где проходили переговоры, там стояла уже эта российская троица. И Валерий Гурьевич буквально кидался на стол.

Это слова Шарецкого: "Он кидался на стол, на этот документ, я еще не успел его прочесть, а Валерий Гурьевич уже сделал свои поправки".

— Семен Георгиевич, — в возбуждении кричал Тихиня, — более совершенного, более замечательного документа я не видел! Скорее подписывайте!

Шарецкий сказал:

— Ну вы хотя бы остановитесь, успокойтесь.

Так ли это было? Я говорю со слов Шарецкого».

Можно предположить, что так и было. И в тот момент председатель Конституционного суда действительно больше всего на свете жаждал окончания конституционного кризиса, вызванного президентским решением во что бы то ни стало провести референдум.

Но помнил ли заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, один из «отцов» белорусской Конституции, на страже которой он должен был стоять, — помнил ли Валерий Тихиня, что он не имеет права принимать на себя какие-либо обязательства от имени коллегиального органа, каковым является Конституционный суд? И что вообще означала его подпись под предложенным «компромиссным» документом?

«Компромисс» кролика и удава

Согласно этому документу каждая из конфликтующих сторон брала на себя определенные обязательства.

Президент соглашался с тем, что любое решение референдума будет носить рекомендательный, а не обязательный характер. Таким образом, при любом исходе референдума парламент получал передышку.

«За это» Верховный Совет отказывался от процедуры импичмента, то есть как бы списывал все прошлые грехи главы государства[238].

После этого стороны должны были созвать на паритетных началах Конституционное собрание и внести в действующую Конституцию поправки.

Казалось бы, компромисс? Не тут-то было!

На «паритетных началах» — это пятьдесят человек от президента, пятьдесят человек от парламента? Но ведь в парламенте немало депутатов активно поддерживает президента, значит, Лукашенко получает неизбежное большинство в Конституционном собрании, а потому его поправки все равно принимаются — только чуть позже и уже абсолютно легитимно. Верховному Совету предлагалось всего-навсего отложить на время собственную кончину. Можно представить себе, что чувствовали представители Верховного Совета, которым пришлось подписать этот документ…

Но они не могли его не подписать. Ведь это они пригласили сюда представителей высшего российского руководства, к слову, ничего не понимавших в происходившем, но получивших четкое указание Ельцина закончить дело миром. Отказаться теперь от подписания такого мирового соглашения, под которым соглашался поставить свою подпись президент, означало для них лишиться всякой поддержки России. Говорит депутат Ольга Абрамова: «Когда Шарецкий вошел утром в зал Верховного Совета после бессонной ночи, и мы уже знали, какое решение предлагается, я подошла к нему и сказала, что он просто предал всех нас, что руки ему больше никто не подаст. Шарецкий, конечно, взорвался, но что тут можно было изменить?».

Действительно, изменить нельзя было ничего. Тем более что поведение спикера осуждали далеко не все:

«Шарецкий не был готов взвалить на себя ответственность за принятие решения, — вспоминает депутат Валерий Щукин[239]. — И это понятно. В чем я могу обвинять Шарецкого, если я тоже был к этому не готов?! Причем мне нечего было бояться, а Шарецкий боялся за свою жизнь. Ну и потом, мы все помнили расстрелянный танками Белый дом и не сомневались, что и здесь будет то же. Ну, не танки — танки, тут, может быть, и незачем выводить, — но что прольется кровь, что Лукашенко пошел бы на кровопролитие, мы в этом были все уверены».

Сомнения и страхи парламентариев по-человечески понятны. Прошло немногим больше года с тех пор, как прямо в зале заседаний были избиты депутаты 12-го созыва — просто потому, что они протестовали против незаконной, с их точки зрения, попытки сменить государственную символику. Чего следовало ожидать сейчас, когда речь шла об инициаторах импичмента Лукашенко? Нетрудно поверить в его готовность пойти на все. Ведь страх перед импичментом делал для него ничтожным все остальное.

Почему россияне так поступили?

«Это соглашение подписали Лукашенко и Шарецкий, — говорит Сергей Калякин. — Его подписал Тихиня, чего делать ему категорически было нельзя — он вышел за пределы своей компетенции. И его подписали Черномырдин, Строев и Селезнев. Причем не очень-то они сильно хотели подписывать, но перед ними поставили вопрос: хорошо, мы договорились, но кто является гарантом этих соглашений? Кто отвечает за то, что завтра каждый не назовет все это — филькиной грамотой? Ответ Черномырдина звучал примерно так: "Гарантом будет великая и братская Россия в лице ее высших руководителей. Мы совершили поступок: мы больного Ельцина оставили в России, так вообще не бывает, чтобы все руководители вылетали в одно государство, в одно место. И подписи членов Высшего Государственного совета Союзного государства будут гарантией соблюдения этих соглашений"».

А Геннадий Селезнев на пресс-конференции почти буквально повторил слова английского премьер-министра Чемберлена, сказанные им после мюнхенского сговора с Гитлером: «Мы привезли мир».

Почему россияне так поступили?

Вот одна из версий: «У россиян самым главным доводом была боязнь повторения в Беларуси московских событий 1993 года»[240].

Но есть и другое предположение: «Они сознательно сдавали наш Верховный Совет. Что же, они не боялись, что в дураках останутся? Нет. Они боялись совсем другого. Они боялись потерять Лукашенко как "гаранта" собственных интересов. Как мы потом себе уяснили, что у кого-то из них акции БМЗ, у кого-то — интересы "Газпрома" и т. д. Это уже потом выяснилось. Им нужен был Лукашенко»[241].

Эта версия, пока еще только догадка, которая уводит нас далеко вперед. К теме, которой я надеюсь закончить эту книгу.

Мышеловка

Вернемся в Овальный зал, чтобы еще раз убедиться в режиссерском мастерстве нашего героя и его искусстве выстраивать интригу.

Передать, что на самом деле происходило в этот момент в Овальном зале, нелегко. Верховный Совет напоминал разворошенный улей: кто-то возмущался Шарецким и Калякиным, кто-то проклинал Лукашенко, а лидер пропрезидентской фракции «Согласие» Владимир Коноплев неожиданно для всех призывал

своих коллег по фракции… не голосовать за ратификацию ночного соглашения!

«Коноплев бегал по залу с мобильным телефоном, согласовывал, командовал, — вспоминает Валерий Щукин. — Мы там сидели, как бараны. Коноплев, не в обиду ему будет сказано, — тоже не руководитель. Если можно сравнить, он — как командир орудия. Ему: "Батарея, к бою", он: "Орудие к бою". "Заряжай". — "Заряжай". Им командуют по мобильнику, он дублирует — и все. Вот его функции. Как у командира орудия. Бегал и давал команду…

Наши руководители фракции сидят и ждут, не хотят брать на себя ответственность. А президентские получили команду, что лучше сорвать подписание. Мы проголосовали "за", но их уже было большинство».

Владимир Коноплев[242] и не скрывал, что команду на срыв ратификации отдает не он, а его «хозяин» — Лукашенко. Это было зафиксировано присутствовавшими в зале журналистами: Коноплев поднес мобильник к уху, на мгновение прислушался, вышел в центр и поднял телефон над головой: смотрите, я не от своего имени говорю, а по поручению… Батарея! Не голосовать!

Не трудно понять, почему Лукашенко дал такую команду. Зачем ему связывать себя какими-то обязательствами? Но ведь есть «гаранты», есть с ними договоренность. Принимать на себя ответственность перед ними за нарушение данного слова Лукашенко не собирался, ему было гораздо выгоднее свалить ее на парламент…

И Лукашенко лично прибывает в Верховный Совет и начинает уговаривать депутатов ратифицировать подписанное соглашение — причем без принятия каких-либо дополнительных документов.

Это и была ловушка, в которую угодили Шарецкий и Калякин. Подписывая ночное соглашение, они предполагали, что наутро им удастся принятием разъяснительного постановления о порядке созыва Конституционного собрания и т. д. хотя бы отчасти нейтрализовать свой проигрыш.

Лукашенко это сразу понял и выбрал простую тактику: настойчиво просить парламент ратифицировать соглашение, прекрасно понимая, что без принятия дополнительных документов депутаты на это не пойдут. Соглашение будет сорвано, но сорвано не по его, а по их вине. Понятным было и то, что ни Ельцин, ни его посланцы ни в какие тонкости вникать не будут и даже не попытаются разобраться, кто на самом деле срывает ратификацию.

«Я думаю, что сейчас многие из депутатов вели бы себя по-

другому, — считает Сергей Калякин. — Но тогда… Коноплев кричит с трибуны: "Не голосуйте за это соглашение, президент вас просит!", — и даже оппозиция не голосует. Хотя оппозиция должна вроде бы действовать наоборот, но даже она голосует так, как нужно Лукашенко, — это алогично просто. Это просто алогично!»

Но ничего «алогичного» на самом деле там не было. А была ловко сконструированная интрига и хитро продуманная заморочка. Коноплев как бы от имени шефа призывает не поддерживать соглашение, и те, кто за шефа, голосуют «против». Лукашенко призывает поддержать соглашение — и те, кто против Лукашенко, голосуют опять же «против». И в этом хаосе руководители фракций уже не контролируют ситуацию. В зале нет никого, кто, подобно Гончару, мог бы четко и жестко объяснить депутатам, какую глупость они совершают. Даже не глупость — политическое самоубийство. Ведь их заманивали в мышеловку.

«В итоге не хватило нескольких голосов для утверждения, — вспоминает Михаил Пастухов. — После чего Лукашенко сказал:

— Ну, раз Верховный Совет не утвердил соглашение, то чего должен соглашаться с его условиями я? Я тоже тогда не выполняю свои обязательства».

Дверца мышеловки захлопнулась.

Депутатского большинства уже не было. И не было парламента. Он перестал существовать в тот момент, когда исчезла всякая надежда на импичмент.

Конституционный суд «сдает» Конституцию

Рассказывает Михаил Пастухов:

«Утром, когда мы пришли в Конституционный суд рассматривать дело, уже собрались все участники процесса. Многие судьи были одеты в мантии. Валерий Тихиня опоздал и пришел в двадцать минут десятого, говорит: "Мы срочно должны провести совещание". С воспаленными глазами и, чувствуется, уставший. Но мы уже знали, что подписано ночное соглашение.

Тихиня нас с ним познакомил. Он сказал, что удалось избежать трагических последствий в нашей стране — при патронаже российских должностных лиц заключено соглашение, по которому Лукашенко не будет настаивать на обязательном референдуме по вопросу принятия Конституции, депутаты отзовут свои подписи, а Конституционный суд в этом случае прекратит это дело. Все вроде бы — чин-чинарем. Но был единственный вопрос, который я и задал Валерию Гурьевичу:

— А кто, собственно, вас уполномочил подписывать такое соглашение от Конституционного суда? Мы обязаны рассматривать это дело.

Как докладчик я был заинтересован, чтобы довести до конца дело. И я сказал о том, что, невзирая ни на какие соглашения, мы должны начать судебное заседание по этому поводу и разобраться, является ли подписание документа об урегулировании спора основанием для того, чтобы отложить процесс. Выслушаем, мол, представителей Верховного Совета, которые инициировали процесс, и представителей президента, которые пришли в полном составе… Мы зачитаем это соглашение, увидим, как к нему отнесутся стороны, и будем дальше продолжать процесс.

Тихиня сказал: "Нет". Он не согласился и не захотел ставить на голосование мое предложение. Более того, когда я стал настаивать, он вызвал помощника и говорит:

— Скажите, что разбирательство откладывается до двух часов в связи с тем, что изменились обстоятельства.

Когда закончилось совещание, к Тихине ворвались-таки разъяренные представители Верховного

Совета — это были депутаты Добровольский, Грушевский и Щукин:

— Что такое?! Мы не отзываем свои подписи! Вы обязаны рассматривать дело.

Но Тихиня стал и им объяснять, что это соглашение позволило избежать кровопролития и получить мир, худой — но мир, и что российские должностные лица являются гарантами того, что можно будет избежать войны между президентом и Верховным Советом и разрешить конфликт мирным путем — внесением изменений в Конституцию через Верховный Совет.

В общем, решение не было принято и в два часа, так как не поступило ничего из Верховного Совета. Но Тихиня названивал Шарецкому и говорил: "Где ваше письмо? Где ваше письмо, что вы отзываете подписи?". Самое интересное, что письмо от Шарецкого, где он предлагал прекратить дело в Конституционном суде в связи с тем, что ряд депутатов отказались от своих подписей, пришло часов в пять. Тихиня сразу собрал нас. Но шесть судей были непреклонны: почему мы должны прекращать дело? У нас нет для этого никаких оснований. И в этот день не удалось прекратить дело.

Но было потеряно самое важное — время: был потерян судьбоносный день 22 ноября, когда Конституционный суд имел все возможности, все основания в течение полудня рассмотреть вопрос и вынести заключение, которого ждала вся страна».

Что же заставило Валерия Тихиню сдаться? Ведь он сдался, несмотря даже на то, что уже было негласное соглашение группы руководителей Верховного Совета: если пройдет импичмент, будут назначены досрочные выборы и депутаты выдвинут Тихиню кандидатом в президенты. Многие считали, что такая договоренность воодушевит Тихиню и придаст решимости главному судье государства. Для моральной поддержки у здания Конституционного суда день и ночь готовы были дежурить пикеты.

Тихиня испугался. Испугался, как я могу предположить, именно того, что к зданию суда могут прийти люди. Скорее всего, сказался его печальный опыт, когда ему пришлось пройти сквозь «живой коридор» из собравшихся после провала августовского путча на Площади Независимости. И когда по этому «коридору» шел он, еще недавно могущественный секретарь ЦК Компартии Беларуси, а люди — не били его, нет, но лучше бы ударили, было бы легче — они плевали в него… И дружинники БНФ во главе с Вячеславом Сивчиком волокли Тихиню, больного и разбитого сердечным приступом, под руки подальше от разъяренной толпы, а он лишь униженно и торопливо бормотал слова благодарности…

Без народа

Верховный Совет, скорее всего, тоже испугался людской стихии. Депутаты, как и Тихиня, были не готовы апеллировать к народу.

Зато к народу в любой момент был готов апеллировать Лукашенко.

Что, собственно говоря, он и делал, проводя референдум. И нет сомнений, что по его призыву толпы людей действительно тогда могли выйти на площадь, просто потому, что почти никто не понимал, о чем идет речь. Они не читали ни действовавшую Конституцию, ни Конституцию в редакции президента, которая, к слову, даже не была заранее опубликована, ни Конституцию, которую вынесли на референдум в качестве альтернативы депутаты. «Простым людям» было все равно, что написано в этих Конституциях и на чьей стороне правда. Они хотели одного: чтобы им дали жить спокойно! А вся эта «свара» на самом верху, как им разъясняли, жить мешала, мешали все эти непонятные разборки в борьбе за власть. Лукашенко был ближе, понятнее, проще, и призови он их"— они пошли бы за ним и собственноручно разгромили бы Верховный Совет, видя в нем

источник «свары»[243].

Но это не понадобилось. Верховный Совет уже готов был сдаться. Время демократии и рынка заканчивалось. Начиналась эпоха самовластия.

Это понял и премьер-министр Михаил Чигирь, и, не дожидаясь референдума, поставил вопрос ребром: или референдум отменяется, или я ухожу.

Вспоминает министр труда Александр Соснов:

«Я узнал о том, что Чигирь написал письмо об отставке утром, придя на работу. Ко мне прибежали с вытаращенными глазами: "Ты слышал?!" — "Вот, слышу". Я позвонил Чигирю, спрашиваю по телефону:

— Правда?

— Правда.

— Можно приехать?

— Приезжай.

Я тут же приехал к нему. Он говорил так тихо-тихо, чтобы не было слышно — все прослушивалось, оказывается. Он даже на бумаге писал, кто с ним уйдет. Я ему сказал, что кроме меня не уйдет никто. "Гарантирую! Вот гарантирую, что никто кроме меня"».

Соснов оказался прав. Он имел значительно больший политический стаж и понимал, что в такой ситуации чиновники с портфелями не расстаются, тем более — коллективно. Они ведь не поддержали Виктора Гончара.

Хотя мнение Соснова разделяют не все члены того правительства.

«Когда Чигирь ушел в отставку, многие из министров тихо ворчали, почему он не поговорил с ними, — и они бы ушли. И действительно, человек пять-семь ушло бы. А так что же это получается: я взял и ушел! Ну и уходи, хрен с тобой! Если бы еще хоть какую-то силу ушел организовывать, а то просто хлопнул дверью…»[244].

Тут Василий Леонов не вполне точен. Соснов продолжает:

«Чигирь провел совещание, на котором будто бы договорились все вместе уйти. Но меня на том совещании не было, меня никто не приглашал. А может, это президиум Кабинета Министров в узком кругу решение такое принимал».

Но кто бы и какое решение ни принимал, в отставку все равно ушли только Чигирь и примкнувший к нему Соснов. Впрочем, и Чигирь, как злословили его коллеги, не ушел бы, если бы не узнал, что в новом составе правительства, которое предполагалось создать уже после референдума, ему ничего не светило.

И все эти игры проходили в кабинетах, вдали от реальной жизни и даже от тех, кто стоял в те ночи на площади перед Домом правительства, без тех людей, ради которых, по идее, и должна бы делаться политика.

«Народ был готов поддержать парламент, говорили: "Дайте нам право, мы зайдем в здание Дома правительства"», — говорит Валерий Щукин.

Но он, похоже, выдает желаемое за действительное. Ему возражают советник спикера Валентина Святская и журналистка Людмила Маслюкова: «Их было слишком мало для того, чтобы апеллировать к ним»; «Это не народ был, а БНФовская тусовка. Это они вывели людей на площадь. А Шарецкий кричал: "Отпустите всех!", — выходил на площадь и говорил: "Я прошу вас разойтись"».

И все-таки — на площади перед Домом правительства стояли люди. Я сам видел их: они дежурили круглосуточно, сменяя друг друга. Было холодно, но всех выходивших из здания они спрашивали об одном и том же: не сдадутся депутаты? Выдержат? Что им было можно ответить?

Одна из женщин объясняла: «Понимаете, у меня трое детей. Я хочу, чтобы они выросли в демократической стране. Я не хочу, чтобы они жили в страхе, как мои родители…»

Я хорошо понимаю, что она имела в виду. Когда после всех безумных бдений в парламенте я рассказывал о происходящем своей матери, она говорила: «Тише, закрой дверь!». Точно так же вела себя она на закате брежневско-андроповской эпохи, когда я, студент, а потом школьный учитель, позволял себе дома вслух критиковать власть. Теперь, в 1996 году, к ней вернулся страх — не за себя, а за меня она боялась. Так же, как эта молодая женщина на Площади Независимости боялась за своих, еще маленьких детей…

Но таких были единицы. И их никто не слышал.

А массы послушно, повинуясь призыву Лукашенко, шли голосовать. Валили на участки, веря, что жизнь станет «еще лучше». Или, по крайней мере, хуже не станет.

Референдум уже шел вовсю, когда Шарецкий решил сам поставить подпись под импичментом. Он собрал пресс-конференцию, чтобы сообщить об этом. Обозреватель газеты «Фемида» Юрий Топорашев спросил с недоумением:

— Но почему вы не подписались за импичмент раньше?

— Неужели вы не понимаете? — возмутился Шарецкий. — Да если бы я это сделал, нас бы здесь (имея в виду Дом

правительства) уже вчера бы не было!

И услышал в ответ:

— А так вас не будет здесь — завтра.

Их и не было назавтра. Не было парламента. Конституции не было. Нечего было защищать.

На этом и закончили…

Результаты референдума 24 ноября известны. Председатель Центризбиркома Лидия Ермошина с искренним и нескрываемым удовлетворением объявила, что президент победил.

«Тихиня назначил на вторник, 26 ноября, заседание Конституционного суда по рассмотрению вопроса об импичменте, — говорит Михаил Пастухов. — В понедельник Центризбирком сверхсрочно подвел итоги, во вторник состоялось собрание депутатов, поддержавших президента. Я думаю, часов в девять они собрались, потому что помощник Тихини подсунул нам под дверь, когда мы совещались, закон о прекращении дела об импичменте в Конституционном суде, состоящий из двух пунктов».

Закон подписал Александр Лукашенко. Вероятно, как и Ермошина, — с нескрываемым удовлетворением.

Понятно было, что нынешний Конституционный суд прекращает свое существование, и судьям надо уходить. Вопрос был в том, как уходить — признавая законность незаконного референдума, или не признавая. Кому писать заявление об отставке — Верховному Совету, по законной Конституции, или президенту, соглашаясь с Конституцией незаконной?

Михаил Пастухов продолжает:

«На следующий день мне стало известно, что из Администрации кто-то предложил написать заявление об отставке на имя президента, и он удовлетворит его — указ об отставке со всеми гарантиями уже готовится в Администрации президента. Гарантии для судей, уходящих в отставку, были очень значительные: 75 процентов заработка, льготы различные и т. д.

И такой указ вроде бы готовился. И более того, в эти же дни в Администрацию вызывали заместителя председателя Конституционного суда Валерия Фадеева — согласовывали этот указ. Поэтому часть судей написали заявление на имя президента.

Второго декабря я написал заявление на имя председателя Верховного Совета Шарецкого, что не считаю возможным исполнять обязанности судьи Конституционного суда в условиях,

когда незаконно введена в действие новая редакция Конституции. Такое же заявление написали и Валерий Тихиня, и судья Александр Вашкевич».

Но Тихиня сделал еще один шаг — которого от него не ожидал никто. Возможно, вспомнив о своем возрасте, о том, что по закону ему положено пожизненное обеспечение в размере 75 процентов от должностного оклада, он обратился с просьбой об отставке не только к никем не упраздненному президиуму Верховного Совета, но и к президенту. То есть поступил в соответствии с новой редакцией Конституции.

Этот, казалось бы, пустяк окончательно обозначил победу Лукашенко, которому было просто необходимо, чтобы именно законник Тихиня проявил послушание и покорность.

Тихиню «опустили».

«Я с большим удивлением узнал, что Валерий Гурьевич написал новое заявление, — говорит Михаил Пастухов. — Уже на имя президента. И первым, насколько я знаю, получил отставку и был освобожден от должности. И сразу же исполняющим обязанности председателя Конституционного суда назначен был судья Григорий Василевич».

Так фактически самоликвидировался орган, который должен был стоять на страже первой Конституции суверенного белорусского государства. При этом, как мы видим, далеко не последнюю роль играл вопрос гарантий материального благополучия.

Лукашенко всегда знал, как это важно — чтобы материальное благополучие волновало любого чиновника больше, чем судьба Конституции и всяких там «свобод»…

Референдум подвел черту и под существованием Верховного Совета как полноценного органа государственной власти.

Вспоминает Сергей Калякин:

«Утром после референдума нас просто не пустили в здание Дома правительства. Можно было, конечно, кулаками пробиваться, но это бы ничего все равно не дало. Парламентарии — это не боевики, их оружие — совершенно другое: законность, убеждение».

Потом, конечно, депутатов пустили: забрать личные вещи…

Они представляли собой жалкое зрелище, покидая здание проигранного Верховного Совета. Уносили пледы и обогреватели, приготовленные на случай обороны так никем и не штурмованного парламента. Забирали с собой толстенные справочники, откуда черпали формулировки поправок в законопроекты. Удалился, поправляя очки, Станислав Богданкевич с портфелем, в котором лежали его никем не

востребованные предложения в Налоговый кодекс. Ушел, ругая на чем свет стоит проигравшее руководство парламента, несостоявшийся белорусский Гавел — Станислав Шушкевич.

Депутатский корпус раскололся. Часть депутатов просто ушла из политики — в никуда. Часть сохранила верность Конституции 1994 года и объявила, что не признает итогов референдума.

Собравшись вместе, эти депутаты с радостью обнаружили, что среди них — большинство членов Президиума Верховного Совета. И объявили, что Верховный Совет продолжает работать, несмотря на то что кворума не хватает. Как будто в этом было дело.

Оставшихся 110 депутатов Александр Лукашенко своим указом ввел в состав образованной согласно новой Конституции Палаты Представителей.

Это не означает, что в Палату вошли исключительно люди, лишенные совести. Многие, говорят, мучались сомнениями.

Говорит Людмила Маслюкова:

«Утром должно было состояться первое заседание учрежденной после референдума Палаты Представителей. И еще как бы двери были открыты — еще можно или примкнуть туда, или остаться с оппозиционерами. Один из депутатов, пожилой человек, жил в гостинице "Минск". И среди ночи подхватывается — опять этот вопрос: "куда?" — туда или сюда? Председатель колхоза, номенклатурщик, коммуняка — туда, сюда — засыпает опять, весь встревоженный, с камнем на сердце. И вдруг в определенный момент обнаруживает, что он топает по проспекту Скорины в направлении к бывшему зданию ЦК комсомола, где они должны были провести первое заседание. Чешет по проспекту — и без штанов. Вдруг останавливается: "Куда я? Зачем? Почему я не одет?", — и бегом обратно в гостиницу. Вот так для него совершился выбор — в полубреду».

Вот так «совершился выбор» для многих «народных избранников», сдавших народ вместе с Конституцией.

Глава четвертая. Кто виноват?

«О Лукашенко не волнуйтесь!»

Лукашенко победил. Эта победа стала переломной не только в его личной судьбе, но и в истории всего нашего государства. Мы видели, как это произошло. Теперь осталось понять: почему такое случилось.

Проще всего сегодня было бы сказать: виновен Валерий

Тихиня. Или: виновен Семен Шарецкий. Но гораздо важнее осмыслить происшедшее, не сводя к личностям общенациональную трагедию, которой явился референдум.

Итак, можно ли было предотвратить кризис 1996 года?

Скорее всего, нет. Речь шла о большем, нежели о ссоре между депутатами и Александром Лукашенко. Речь шла не о том, кто возьмет верх, а о выборе пути.

Либо у нас утвердится верховенство Закона — и это будет признано всеми субъектами политического процесса, либо один из «субъектов» этого процесса получит возможность управлять самовластно, сдвигать очерченные Законом рамки и раздвигать их по собственному усмотрению. Как джинн Хоттабыч в детской сказке советских времен раздвигал и сдвигал ворота команды «Зубило», подыгрывая их соперникам из команды «Шайба», до тех пор пока никто уже не мог сказать, каков был счет в футбольном матче.

Мы не знаем, что было бы со страной, если бы на референдуме победил Верховный Совет. Сторонники президента считают, что было бы намного хуже.

Правда, оппоненты президента до сих пор утверждают, что хуже быть уже не может. Потому что Беларусь — едва ли не единственная в мире страна из претендующих на статус цивилизованной, где самовластные решения главы государства (указы и декреты) обретают силу высшую, чем Закон. И вся пирамида государственной власти, все государственные служащие, какой бы пост они не занимали, даже понимая всю несообразность такого государственного устройства, подчиняются этим решениям.

Почему так случилось? Ольга Абрамова, с присущей женщинам жалостливостью, готова разделить ответственность за случившееся:

«Мы, депутаты (неважно, что нас на это спровоцировали; как говорят, тебя провоцируют, а ты не провоцируйся), первыми позволили себе нарушить Конституцию. Если президент внес предложение о внесении изменений в Конституцию, то мы были обязаны срочно рассмотреть это предложение. Мы от этого отказались. Заявили, что предложение неправомерно и рассматривать его мы не будем, — это наша прерогатива. И тем самым нарушили процедуру. Но ведь это было не техническое нарушение: процедура прописана конституционно. Вот это наше нарушение и спровоцировало Лукашенко на решительные действия».

Очевидное логическое несоответствие. Вызывающее

поведение Верховного Совета не спровоцировало намерения Лукашенко, а лишь развязало ему руки в осуществлении его далеко идущих намерений.

Да, Конституция 1994 года была далека от законотворческого совершенства. В ней были нечетко прописаны президентские прерогативы.

С другой стороны, и полномочия Верховного Совета были прописаны не вполне ясно и выглядели несколько несбалансированными. Скажем, в Конституции были нормы, позволявшие парламенту выражать недоверие правительству, объявлять импичмент президенту, распускать местные советы депутатов. Но сам Верховный Совет оказывался как бы вне контроля: он не подлежал роспуску, назначал выборы самого себя. А когда часть депутатов переставала ходить на заседания (как это было в последние полгода Верховного Совета 12-го созыва), страна вообще оказывалась без законодательной власти — при том, что депутаты не подлежали отзыву.

Да и вели себя депутаты не вполне конституционно. Один из авторов Конституции 1994 года, ныне председатель Конституционного суда Республики Беларусь, профессор Григорий Василевич сетовал: «Стало чуть ли не правилом хорошего тона даже не рассматривать проекты, внесенные президентом в порядке законодательной инициативы»[245].

Оставим вопрос о том, насколько демократичны были предлагаемые президентом законопроекты. С точки зрения процедуры Григорий Василевич и Ольга Абрамова, бесспорно, правы: поступая исключительно по закону, Лукашенко ничего не мог бы поделать с бойкотировавшими его инициативы парламентариями.

И несостоятельность Конституции 1994 года, и некорректность отношения депутатов к Лукашенко очевидны. Очевидно и то, что ситуацию нужно было исправлять. Разумеется, не тем способом, который избрал для этого Лукашенко.

Александр Лукашенко не однажды говорил, что Конституция 1994 года писалась «под другого». И действительно, парламентское большинство Верховного Совета 12-го созыва откровенно создавало ее «под Кебича». Нет сомнений в том, что Кебичу прописанных в ней полномочий хватило бы, он сумел бы распорядиться ими без войны с парламентом. Да и парламент не стал бы воевать с президентом, традиционно готовым к компромиссу, тем более что Кебича парламентское большинство воспринимало как своего, «служилого» человека, который дослужился до президентства. А Лукашенко считали и считают

выскочкой, человеком случайным[246]. Даже сейчас находятся политики, «прогнозирующие» его скорое падение[247].

Но Лукашенко — не Кебич. Он пришел за властью, причем полной. Поэтому его интересовали не косметические поправки, а коренное изменение Конституции. Свои намерения он никогда не скрывал, сразу предупредил: «О Лукашенко не волнуйтесь. Лукашенко будет править двенадцать лет!». И как видим, в этом не соврал. Это при том, что Конституция 1994 года предполагала два срока по пять лет каждый — и не более![248]

Успехи в экономике — против экономики?

Однако Лукашенко выиграл референдум не только благодаря административному ресурсу и очевидным манипуляциям. Его победа связана прежде всего с экономической ситуацией в Беларуси.

Послушаем, что говорит на Всебелорусском народном собрании премьер-министр Михаил Чигирь:

«Реализация целевых установок социально-экономического развития на 1996 год… позволила за девять месяцев… обеспечить рост объема валового внутреннего продукта на 1%, прирост объемов промышленного производства — на 2,6%.

Объем сельскохозяйственной продукции за девять месяцев составил 101,8% к уровню соответствующего периода прошлого года. Экспорт увеличился на 17,5%.

Индекс потребительских цен снизился с 5,6% в январе до 1,8% в сентябре.

Ввод в действие жилых домов возрос за девять месяцев на 65%»[249].

Конечно, Чигирь выступал как премьер-министр и, естественно, старался представить работу возглавляемого им правительства в как можно более выгодном свете. К тому же, он еще наивно полагал, что референдума можно избежать, если убедить президента в том, что он просто не нужен. Зачем политический кризис, если экономика худо-бедно развивается, пусть небольшой, но рост основных показателей налицо, жизненный уровень избирателей хоть как-то, но растет? К слову, 1996 год становится годом максимальной занятости рабочих в строительной сфере, а это означает, что у людей есть деньги, чтобы покупать квартиры. Зачем рисковать этим наметившимся благополучием? Ведь можно и дальше мирно, без склок и противостояния, всем вместе строить свое маленькое суверенное государство!

Конечно, ради «худого, но мира» Чигирь мог и слегка

приукрасить картину. Но чтобы ему поверить, нужно увидеть, что на самом деле в этот период происходило в экономике Беларуси.

Наша экономика тесно связана с российской — это общеизвестный факт. Она была связана так тесно, что эту связь можно сравнить с пуповиной, связывающей младенца с организмом матери. Августовский путч 1991 года выступил в роли бабки-повитухи, однако повитуха забыла перерезать пуповину, ребенок рос как бы отдельно, однако материнский организм продолжал поставлять все необходимое.

Первые два года и в России было чрезвычайно тяжело. Однако уже в 1994-1995 годах реформы российской экономики, продавленные жесткой рукой Бориса Ельцина, начали давать первые результаты. Российская валюта стала крепнуть, российский рынок оказался платежеспособным, дешевые и вполне конкурентоспособные белорусские товары снова нашли своего покупателя. Тем более что Россия и Беларусь договорились о создании общего таможенного пространства и даже символически срыли пограничные столбы на государственной границе. Кроме того, Россия великодушно списала молодому президенту все долги, оставшиеся от прежнего правительства, и продолжала поставлять энергоносители по внутренним российским ценам.

Но рост экономики был вызван не только благосклонностью России по отношению к белорусам. Давали о себе знать и результаты тех неуверенных, но все же рыночно ориентированных реформ, которые в последний год своего существования проводило правительство Вячеслава Кебича. Он подписал ряд правительственных постановлений, развязывавших руки бизнесменам. В первые полтора года своего правления Александр Лукашенко не только не отменял эти решения, но и позволил руководителям «экономического блока» правительства следовать тем же курсом. Двух с половиной лет оказалось достаточно, чтобы экономика начала потихоньку оживать.

Да и первый состав лукашенковского правительства все-таки был ориентирован именно на преобразования. Программа первоочередных мер по оздоровлению экономики была не только принята, но и выполнялась, и определенные положительные сдвиги в экономике наметились. Пока Лукашенко не понял, что свобода рыночных отношений приведет к ограничению его вмешательства в экономику, он эти преобразования поддерживал искренне. Поэтому и государственный аппарат, и часть активных избирателей хотели проведения референдума потому что надеялись: реформы получат свое продолжение, и благосостояния будет расти. Значит, и Михаил Чигирь, горячо ратовавший за

отказ от референдума, всей своей деятельностью на посту премьер-министра обеспечивал его успех.

А потом Лукашенко воспользовался трудами рыночников, чтобы… уничтожить перспективу рыночных реформ на долгие годы. Впрочем, это он всегда умел: использовать и выбрасывать за ненадобностью.

Непослушание — наказуемо

Одной из самых весомых гирь на чаше референдума стало и то, что у белорусской политической элиты долукашенковской генерации никогда не было ощущения, что она — элита. Все привыкли, что они — лишь винтики, что от них ничего не зависит, решение всегда принимает кто-то другой.

«Здесь, в этом референдуме все было грубо, примитивно, со ставкой на политические убожества, — считает Станислав Шушкевич. — Вот, мол, мы навяжем такую систему, которую это просвещенное дерьмо заслуживает. Я им покажу, кто здесь способен править».

Лукашенко показал. И поставил «просвещенное дерьмо» на «подобающее ему место» — подобающее по мнению победителя. Решение принимает только он, а все остальные — обслуга, от которой зависит лишь степень точности в исполнении приказа. А значит, по сути, не зависит ничего.

Но если от тебя ничего не зависит, то, значит, ты ни за что и не несешь ответственности. Это было состояние коллективной безответственности всего государственного аппарата, когда даже те управленцы, которые отдавали себе отчет в происходящем, все-таки успокаивали себя: отвечать все равно придется не мне — ведь не я же принял это чертово решение о референдуме?! Я — не политик, а всего лишь государственный служащий[250].

В 1996 году Александр Лукашенко в полной мере использовал массовый страх чиновников потерять рабочие места. Он хорошо знал, что делает. Он ставил себя на их место, понимая, что менталитет не успел измениться со времен Советского Союза, когда непослушание всегда наказывалось больше, чем даже прямое нарушение закона. Он знал, как «взвешивают» собственное будущее все эти люди, от бригадира колхоза до губернатора и министра. Ведь с Верховным Советом им все понятно: скорее всего, его Лукашенко грохнет, как грохнул Ельцин в России. А президент — он останется. Даже если вдруг проиграет референдум — ведь импичмента-то может и не быть. Тем более что у Лукашенко еще и народная поддержка. Как

можно пойти против народа?..

Единственный защитник

И они шли «за Лукашенко» и «за народом», как бы не понимая, что идут против народовластия, против демократии как принципа осуществления народом своих полномочий — шли якобы по воле народа, но думая вовсе не о народе, а лишь о собственной, личной судьбе…

Не слишком далеко в нее заглядывая.

И чиновники, и депутаты, конечно же, видели, что все в истории с референдумом — неправильно, недемократично, не соответствует Конституции. Но они были слишком слабы внутренне. Это Лукашенко действовал решительно, без тормозов, а они боялись даже в мыслях отступить от правил, выйти из «конституционного поля», чтобы — Боже упаси! — не дать повода обвинить себя в превышении власти.

И самое главное — они боялись апеллировать к народу, боялись выйти на площадь. А поскольку никаких средств массовой информации у них уже не было, то они охотно переложили ответственность на избирателей, понадеявшись на пресловутую народную мудрость. Мол, мудрый наш народ все поймет.

Но народ жил «хорошо» (по его понятиям) и даже не понимал, да и не хотел понимать, из-за чего весь этот сыр-бор. Заработная плата и пенсии выплачивались в срок и в полном объеме, и даже понемножку росли. Если это и была диктатура, то она никак не мешала жить, как-то кормить семью, работать. В народе старательно укоренялось убеждение, что все происходящее наверху — всего лишь разборки ради власти: что-то там они не сумели поделить, и мешают «нашему Лукашенко» защищать свой народ.

Глава пятая. Под этот мир не стоит прогибаться

Вокруг — враги

Остатки депутатского корпуса 13-го созыва сумели добиться победы лишь в одном: они действительно оповестили все международные организации о незаконности принятого на референдуме решения об изменении белорусской Конституции и продлении полномочий Александра Лукашенко на два года. Благодаря полноценной системе наблюдения, созданной с опорой

на партии и общественные организации горсткой энтузиастов во главе с активистами БНФ Владимиром Анцулевичем, Верой Чуйко и Виктором Ивашкевичем, удалось доказать всему миру, что были и массовые нарушения законодательства.

Верховный Совет не сумел оплатить участникам наблюдения даже бензин, чтобы привезти копии протоколов о многочисленных нарушениях в Минск. Тем не менее, протоколы были привезены, и уже в середине дня в здании Дома правительства журналистам и дипломатам было рассказано о нескольких тысячах совершенных при голосовании и подсчете голосов нарушений[251].

Весь мир, кроме России, результаты референдума не признал. Россия же в детали не вдавалась, а только благодушно махнула рукой: обошлось без выстрелов, без танков на улицах, без импичмента — ну и славно.

«Строев в начале еще как-то общался с Шарецким, — вспоминает Валентина Святская. — И Шарецкий однажды попытался сказать ему по телефону:

— Ну и как вас провели?

Строев пытался объясниться:

— Да, мы не ожидали, что Лукашенко окажется таким непорядочным человеком.

А потом Строев просто перестал отвечать на звонки. То был занят, то еще что-то… И Шарецкий перестал ему звонить».

Видимо, председатель Совета Федерации Егор Строев даже не думал о том, что такое поведение можно назвать предательством. Обычная «политическая целесообразность»: всегда разумнее общаться с победителями.

Вот так российские руководители приняли на себя политическую ответственность за все, в чем они помогли своему «стратегическому партнеру», роль которого Лукашенко играл и продолжает играть, хотя теперь уже и не всегда успешно (Россия, наконец, протрезвела и начала подсчитывать, во сколько обходится ей такое стратегическое партнерство). Но к анализу причин подобного поведения хозяев Кремля и в целом к истории отношений нашего героя с Россией мы обязательно вернемся в конце книги.

А сейчас посмотрим, как складывались взаимоотношения Лукашенко с тем, что принято называть «международным сообществом».

Самое удивительное, что точно так же, как и с «внутренним противником».

Причина для этого была: Запад не признал итоги

референдума, озвученные Лидией Ермошиной, и навсегда занял почетное место в списке главных врагов Лукашенко.

Теперь у Лукашенко не было иного выхода, кроме как попытаться «опустить» и этого врага, продемонстрировать его полную несостоятельность в попытках воздействия на главу белорусского государства.

Впрочем, демонстрировать свой нрав и провоцировать ссору Лукашенко начал задолго до референдума, как бы предвидя все наперед. Весь мир потрясло сообщение об уничтоженном в белорусском воздушном пространстве воздушном шаре с двумя американскими пенсионерами: несчастные сбились с курса во время международных соревнований. Ничего не стоило заставить пилотов сесть, не уничтожая шар — и никакого смысла в этом уничтожении не было. Кроме одного — нежелания Лукашенко считаться с общепринятыми правилами и намерения об этом громогласно заявить.

Более того, как сообщали потом газеты, все командиры, принимавшие решение об уничтожении шара, получают от Лукашенко благодарность, а непосредственный исполнитель приказа — персональную награду в виде наручных часов.

«Может, поймет?»

Но благодушный Запад не сумел понять, что сбитый воздушный шар — не случайность. В 1996 году — еще до объявления референдума — Запад предпринимает попытку договориться с Лукашенко о правилах поведения в общем европейском доме. Для переговоров было решено пригласить Лукашенко во Францию с официальным визитом, а роль переговорщика исполнял президент Франции Жак Ширак.

«Этот визит уже давно и настойчиво требовала белорусская сторона. Решение о его проведении было без энтузиазма принято в результате многочисленных консультаций в Париже»[252].

Я хорошо помню беседу с послом Клодом Жолиффом, сообщившим мне о возможности подобного визита.

— Как вы думаете, — поинтересовался Жолифф, — будет ли этот визит результативным? Я имею в виду, что президент Ширак попытается объяснить президенту Лукашенко, чего ждет от него Европа. Может быть, он поймет?

— Мне кажется, вы ошибаетесь, господин посол. Не нужно быть пророком, чтобы понять: Лукашенко учится лишь тому, чему он хочет научиться.

К сожалению, прав оказался я. В чем и пришлось убедиться не в меру наивным французам.

Визит «прошел достаточно пристойно, в том числе и на высшем уровне, даром что там состоялись, скорее, обмены монологами (особенно с белорусской стороны), чем настоящий диалог… После того как белорусский президент весело поразвлекался на пикардийской ферме, он выглядит довольным своим путешествием и доверчиво сообщает о том, что французская Конституция вдохновила его на реформирование собственной…»[253].

Главное открытие, которое Лукашенко сделал во время своего официального визита во Францию, — оказывается, согласно французской Конституции президент избирается на семь лет! И одним из аргументов в пользу референдума 1996 года была необходимость «приблизить» Основной Закон Беларуси к европейским стандартам!

Стоит ли после этого удивляться тому возмущению, с которым «благодарный ученик» воспринял недовольство своих «учителей» всем происходящим в Беларуси? Он ведь искренне хотел научиться тому, что считал лучшим и достойным внимания. И когда «учителя» начали высказывать недовольство результатами усвоенных им уроков, он предпочел покинуть класс со скандалом.

«Да куда они денутся?»

Страна, как следует из многочисленных высказываний Лукашенко — некое замкнутое пространство, которому постоянно что-нибудь или кто-нибудь угрожает. Все, что забредает, заползает, залетает в него извне, без личного согласования с контролирующим это пространство главой государства — враг[254]. А если все-таки залетело — поступить с ним, как и положено с врагом: уничтожить, поставить на колени, «опустить». И точно так же следует поступать со всеми, кто не признает его, Лукашенко, власти или не соглашается с устанавливаемыми им порядками.

Наказать весь Запад за неприятие результатов референдума Лукашенко не мог. Но можно было «опустить» полномочных представителей западных государств: вы не хотите меня поддерживать — так я вас проучу!

И вот заместитель министра иностранных дел Беларуси Николай Бузо сообщил представителям ряда посольств (США, Литвы, Франции, Польши, Германии), что им надлежит немедленно освободить загородные резиденции в поселке Дрозды под Минском[255]. Дипломатов пытались убедить в том, что предстоит ремонт канализации в поселке, что все это — не более чем временные неудобства. Послы согласились терпеть

неудобства, поскольку договоры об аренде резиденций были заключены на длительный срок, а место было очень удобным: в лесной зоне — но и в пяти минутах от центра Минска.

Хотя все понимали, что дело вовсе не в канализации, поначалу конфликт протекал вяло. Шла борьба на выдержку — у кого раньше нервы сдадут. Заниматься таким «перетягиванием каната» можно было долго, но это не устраивало Александра Лукашенко.

Ворота в резиденцию посла США были заварены, подъездные пути перекопаны, вода, электричество и телефонная связь отключены. А на следующий день послы Германии, Великобритании, Франции и Италии от имени всех стран Европейского Союза уведомили белорусские власти о своем намерении покинуть Беларусь на неопределенный срок. К их демаршу присоединились США, Литва, Латвия, Польша.

Беспрецедентный в мировой дипломатической практике кризис продолжался полгода, пока западные державы не поняли бессмысленность конфронтации и не согласились с требованием белорусской стороны освободить Дрозды — правда, лишь при условии равнозначной компенсации. Дольше всех продержался в «добровольном изгнании» американский посол Дэниэль Спекхард, но в конце концов и он вернулся в Минск.

Никакого разумного объяснения происшедшему никто из белорусских официальных лиц так и не дал. В выступлениях Александра Лукашенко в разное время звучали намеки на то, что западные дипломаты использовали свою близость к его летней резиденции для осуществления разведывательных целей.

Нет сомнений, что причины происшедшего носят чисто психологический характер: Лукашенко, который сравнивает руководителей различного уровня со свиньями, хрюкающими и толкающимися у корыта власти, не может позволить себе «вшивую дипломатию» и добивается своего. Дипломаты до сих пор убеждены в том, что Лукашенко просто избрал наиболее хамский способ продемонстрировать всему миру свою «крутизну».

И ведь — продемонстрировал! Вернулись все, как миленькие!

Вот как комментирует эту ситуацию писатель Евгений Будинас, который, по неоднократным уверениям министра Антоновича, заслужил право считаться «почетным дипломатом» Беларуси[256]:

«Успокаивая общественность по поводу отъезда дипломатов, что грозило разрывом дипломатических отношений чуть ли не со всем цивилизованным миром, Лукашенко заявил: "Да куда они денутся? Зарплаты большие — вернутся!". Тем самым он продемонстрировал свою обычную житейскую логику и знание

бытовой психологии не только белорусского народа, не только собственных лизоблюдов-чиновников, готовых всегда прогибаться ради благ и зарплат, но и менталитета чиновников западных, которые нашим по этим показателям не больно уступают. Вернулись-таки, и мне не однажды приходилось выслушивать их сетования по поводу благ, бездарно потерянных из-за так нелепо сокращенной каденции. Ведь это здесь он посол, со всей прислугой, охраной, почетом. А там он — рядовой служащий, вынужденный на работу ездить в метро».

Лукашенко победил.

Скандалом больше, скандалом меньше…

Но этим дело не закончилось. Лучшая оборона — это наступление. Столь постыдный и мелковатый скандал должен быть поднят до уровня скандала принципиального. И в самый разгар конфликта Лукашенко отправляется на экономический форум в Кран-Монтано, причем с установкой на грандиозный скандал.

Аудитория была заведомо враждебна. Но Лукашенко спокойно переносит, что его, президента европейской страны, в лицо называют диктатором. Он даже доволен, потому что это оскорбление приходится как нельзя кстати: это прекрасный повод обратиться не столько к Западу, сколько к собственным «подданным», «авторитетно» — международная трибуна все же! — высказать свою версию происходящего:

«Резиденция посольства — это территория страны, которую представляет посол. Она неприкосновенна.

Этих цивилизованных норм мы никогда не нарушали и нарушать не будем. И то, что вас здесь вводят в заблуждение, будто мы "захватили" территорию посольств, — это заурядная ложь. Речь идет о временном жилье — об особняках и дачах, в которых жили послы, уехавшие для "консультаций". Вы являетесь приверженцами неприкосновенности собственности. Так вот, срок аренды у них давно истек, кроме представительств двух государств — России и США. Поэтому дипломаты этих двух государств имеют право остаться в "Дроздах". Все остальные переедут в новое комфортабельное жилье, которое построено по их же просьбе в самом фешенебельном районе Минска»[257].

Никакой срок аренды не истек, так что сведущим людям понятно, что президент Лукашенко попросту лжет.

Предположить, что все эти, мягко выражаясь, неточности, были от неведения, невозможно. Лукашенко ведь знал, о чем его будут спрашивать во время пресс-конференции, и, обвинив

западных журналистов и организаторов форума в предвзятости и наличии двойных стандартов по отношению к Беларуси, сознательно шел на скандал. Не случайно во время проходившей в жесткой форме пресс-конференции он демонстративно покинул зал, а затем досрочно отбыл в Минск.

Теперь любые санкции, которые Европа может ввести по отношению к Беларуси, будут трактоваться не как реакция на нарушение белорусскими властями Венской конвенции, а как месть за «принципиальную» позицию президента в Кран-Монтано. Лукашенко ведь важно не то, что подумает Запад, а то, что скажет его электорат где-нибудь в Пуховичах или в Глубоком:

— Наш-то каков?! Не сробел!

— Как он их лихо отделал! Не покорился!

Избиратели из Пухович и Глубокого, не отягощенные познанием дипломатических конвенций, лукашенковское хамство воспринимают как нечто естественное:

— Не хотите нас признавать? А мы вас мордой в грязь!

— Не пускаете нас к себе? А больно нам это надо!

Так началась та личная изоляция, в которой оказался Александр Лукашенко после референдума 1996 года. Но Лукашенко полностью реализовал принцип Людовика XIV — «Государство — это я». И личная изоляция президента обернулась тем, что вся «республика оказалась в международной изоляции, она не признана в Европе, а в мире с ней решили "подружиться" лишь несколько диктаторских режимов»[258].

Наиболее ярким проявлением изоляции стало троекратно принимавшееся решение Европейского Союза об ограничении въезда на территорию ЕС высших должностных лиц белорусского государства[259].

У Запада оставалась лишь одна надежда: Лукашенко — это временно. В конце концов, все президенты приходят и уходят — по окончании срока полномочий.

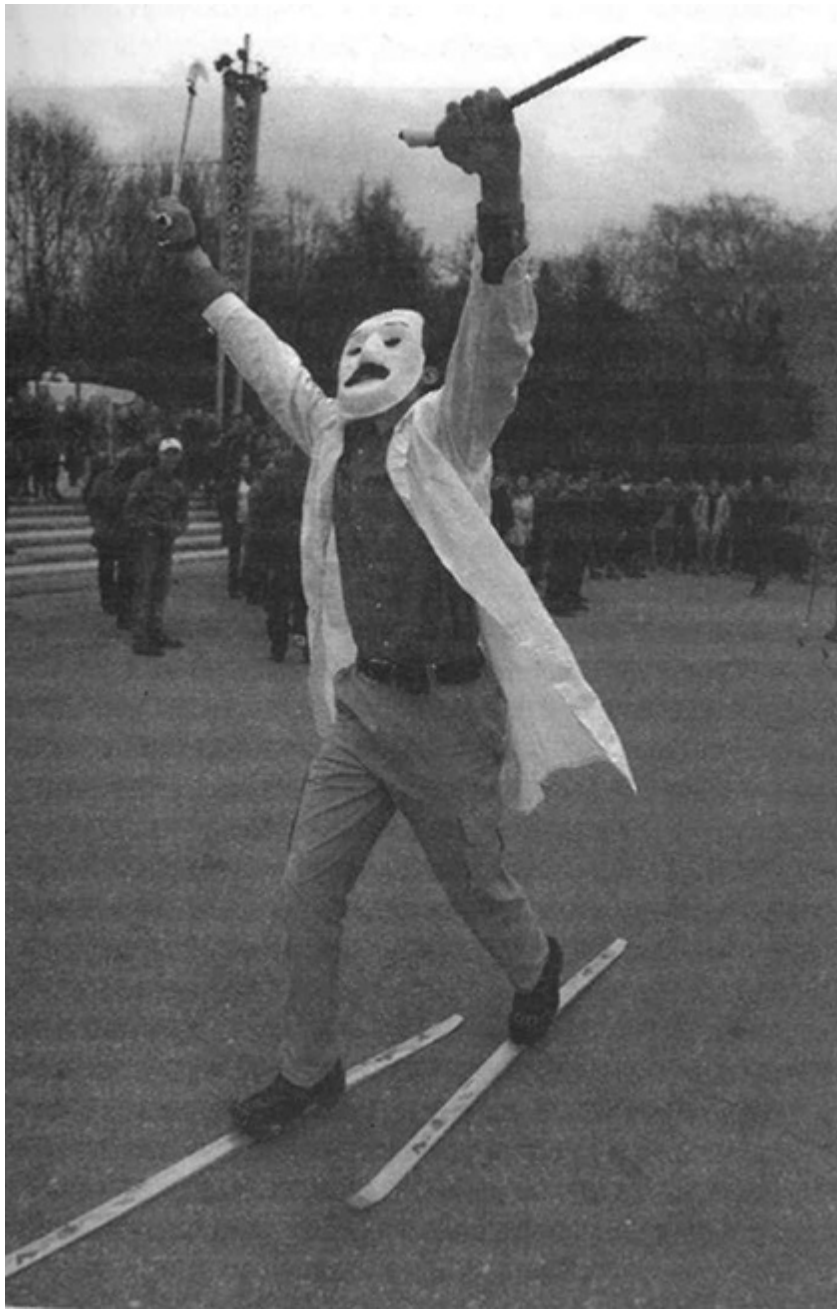
Надежда была, прямо скажем, слабой. Привыкшие к определенным правилам игры, западные политики плохо представляли себе, с кем имеют дело. Лукашенко не вмещался ни в какие привычные рамки.

В какой-то момент он констатировал: «Так случилось, сегодня в Беларуси избрали президентом Лукашенко. Его наделили властью и требуют высочайшей ответственности буквально за все. Но это когда-либо кончится, понимаете?»[260]

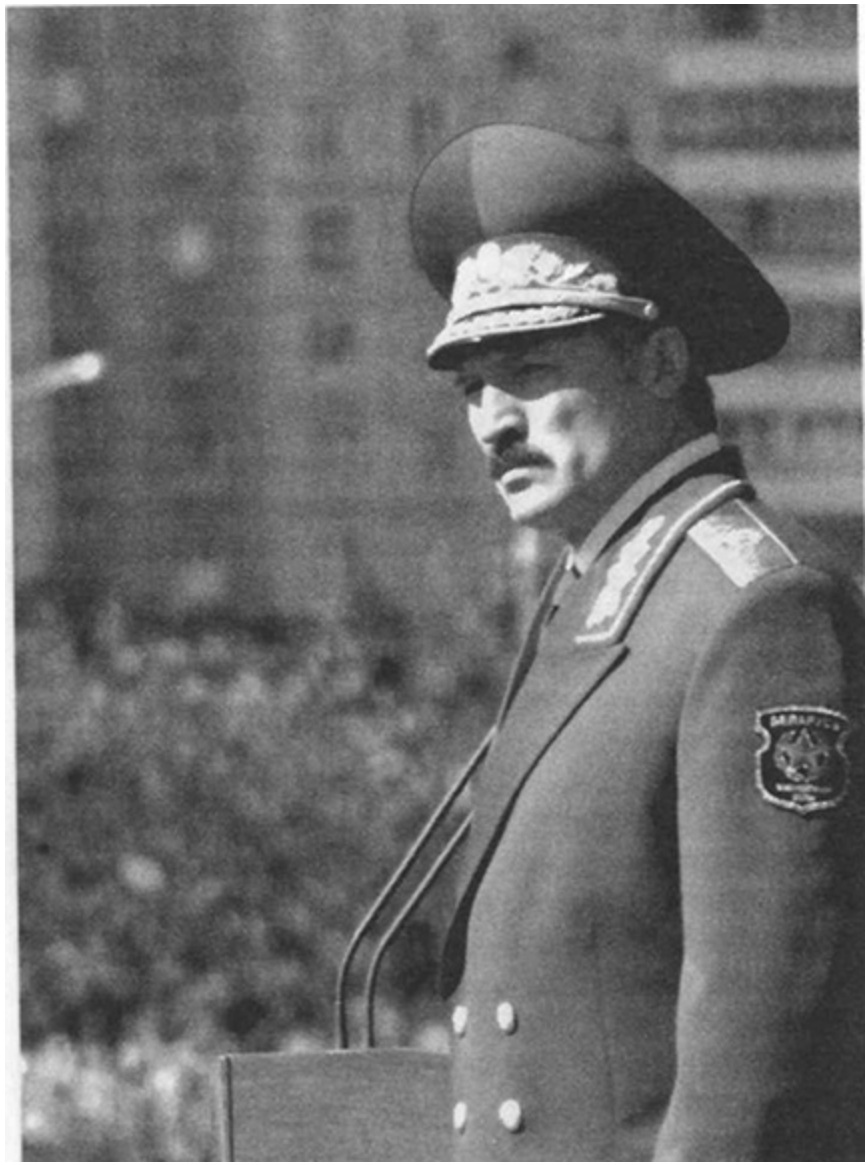
Поняли ли это его слушатели — неизвестно. Но он сам вдруг понял и ужаснулся.

Да, Лукашенко добился власти безмерной, но не бесконечной. Он не предусмотрел этого, перекраивая Конституцию. Тогда, в 1996 году, он думал, что двенадцать лет — это очень много. А оказалось — мало. Оказалось, что сделать свою власть еще и бесконечной сейчас ему мешает даже не вся Конституция, а всего лишь одна строка в ней: «Не более двух сроков…»

Конец первой книги



Молодежь шутит



Генералиссимус?

Книга вторая. Третий срок

Часть I. Дом, который построил «сам»

Едва расставшись с Администрацией президента, я стал обозревателем оппозиционной «Белорусской деловой газеты», то есть присоединился к критикам политики Лукашенко. Вернее, как выяснилось, я был в этом лагере, еще работая в Администрации. И вовсе не потому, что тогда я стремился как-то навредить Лукашенко и действовал против него, просто мои представления о политике власти заметно расходились с тем, что делал ее «высший носитель».

— Надо работать!

Так говорил Синицын каждый раз, когда я докладывал ему об очередной напасти, сваливавшейся нам на голову после новой президентской импровизации.

— Мы работаем, Леонид Георгиевич!

— Плохо работаете!

— То есть как — «плохо»?

— Не так работаете, как надо.

— А как надо?

Этого Синицын, похоже, не знал сам. Интервью и речи готовились. Справки по наиболее важным вопросам регулярно ложились на стол и самого Лукашенко, и всего руководства Администрации. Семь человек (включая технических сотрудников) — весь штат нашего управления — «пахали» круглые сутки. Какие претензии?

— Пойми: ты отвечаешь за гражданское общество! Где его поддержка?

Как ни странно, как раз в этом направлении работа шла, причем без всяких подталкиваний со стороны Синицына.

Попросился на встречу председатель Белорусского объединения военнослужащих Николай Статкевич[261]. Вопрос у него был один:

— Лукашенко суверенитет сдаст?

— Нет, — не раздумывая, ответил ему я.

— Тогда мы будем его поддерживать.

Однако другие представители демократического лагеря не спешили оказывать содействие молодому главе государства.

Председателю Объединенной демократической партии Беларуси Александру Добровольскому я позвонил сам, чтобы договориться о встрече.

— Приезжайте к нам в офис, — ответил Добровольский и дал адрес.

В условленное время я приехал. Как оказалось, на заседание

какого-то выборного органа ОДПБ: осторожный Добровольский решил подстраховаться и не вести никаких переговоров кулуарно. С добросовестностью бывшего школьного учителя я выпалил заготовленную тираду о необходимости сотрудничества, о том, как новая власть нуждается в интеллектуальной поддержке демократов.

Меня скептически выслушали, Добровольский поблагодарил и обещал, посоветовавшись с товарищами по партии, позвонить… На этом все и закончилось.

Новой Администрации нечего было предложить партиям и «общественности», потому что она сама не вполне четко представляла себе, чего хотела. Реформы без демократии можно проводить, лишь опираясь на силу. Но если вы хотите править именно так, тогда при чем здесь вообще вся эта трескотня — «гражданское общество», «общественное мнение», «поддержка»? Выводите танки на улицу, как Пиночет, и реформируйте экономику!

Поднаторевший в политике Синицын не мог этого не понимать. Но ему нужно было «отрабатывать номер»: он не мог признаться ни мне, ни себе в том, что возводимое здание «государства, управляемого Лукашенко А. Г.»[262], не имеет ничего общего с демократией.

— Надо работать! Плохо работаете, Александр Иосифович!

— Как надо работать?

— Думай! Тебя поставили — ты и думай! Нужна концепция.

Я и придумал. И даже назвал это концепцией «приемлемой критики». Критиковать власть, согласно этой концепции, было можно, — но лишь до определенного предела. И конструктивно. Я даже придумал, как «научить» этому негосударственную прессу. Хотя бы в одной газете должны были появляться острые, но не переходящие «грани дозволенного» статьи-подсказки, критикующие власть и как бы подсказывающие конструктивное отношение к трактовке принимаемых ею решений.

Такой газетой могла стать «Белорусская деловая газета», только-только набиравшая авторитет. В ней сотрудничали лучшие журналисты — Юрий Дракохруст, Роман Яковлевский, Александр Старикевич. Острая, но вполне адекватная позиция газеты свидетельствовала, что «БДГ» вполне пригодна для уготованной ей роли.

Издатель «БДГ» Петр Марцев предложил мне при знакомстве:

— Почему бы вам самому не попробовать что-то такое написать. Мы ведь с вами оба, кажется, филологи?[263]

…Уже первая моя статья, вышедшая под псевдонимом «М. Ж.», с яростью обсуждалась в Верховном Совете, поскольку, мягко

поругивая в ней Лукашенко, я накатил на парламент. Разумеется, особую ярость вызвало клозетное звучание моего псевдонима… Синицын тут же позвонил:

— Слушай, что там за писака такой объявился?

Я зашел и честно все объяснил.

— Смотри, Федута, доиграешься! — Синицын явно не намеревался оказаться в соучастниках моего проекта. — «Батька» уже дал команду разузнать, кто там такой смелый нашелся.

— «Батьке» я объясню, Леонид Георгиевич.

На следующий день я докладывал Лукашенко о работе управления. Доложил и о своей концепции. Умолчал только о своем авторстве.

— Понятно… — Лукашенко изображал полную доброжелательность — как всегда, когда решение им уже было принято и на человеке ставился крест. — Посмотрим, что из этого получится.

Уже через две недели, когда Виктор Гончар с размаха ушел со своего поста, концепция, как мне показалось, сработала. В комментарии говорилось, что Гончар совершил глупость, хуже — ошибку. Что ему нужно было работать, помогая президенту, — ради реформ, ради демократии и развития экономики… Вслед за «БДГ» отставку Гончара, как по команде, осудила едва ли не вся негосударственная пресса, о чем я с гордостью и доложил Лукашенко. Опять ни словом не обмолвившись о своем авторстве.

Как я сейчас понимаю, он уже знал, кто автор, и ждал от меня признания.

Но я был неопытным чиновником, мечтавшим о политике и своей самостоятельной роли в ней. Хотя бы о самостоятельной работе на своем участке. Мне казалось, что мы все делаем общее дело: направляем государство курсом демократии и должны друг другу доверять, радуясь многообразию оценок и суждений, плюрализму мнений и свободе высказываний. И Марцев, и все журналисты, с кем я общался, видели свою задачу именно в этом. А Лукашенко казался нам поначалу вполне перспективным гарантом демократического развития страны: ведь он-то пришел во власть из оппозиции и должен быть заинтересован в поддержке новых идей в обществе, в увеличении числа своих политических соратников. Сейчас, спустя десять лет, я вижу всю наивность и беспочвенность этих ожиданий. Я понял это раньше Синицына лишь потому, что по долгу службы «кувыркался» в «надстройке» — курировал идеологию, а Синицын занимался «базисом», где не все так сразу становится очевидным.

Мы искренне собирались строить новое здание — и Синицын,

и Марцев, и чиновники, и журналисты — все вместе, хотя и по-разному. И вместе изобретали, каким оно должно быть.

Но мы были не нужны. В этом государстве уже был архитектор. И, в отличие от нас, он уже определился с его конструкцией.

Глава первая. Из самых благих побуждений

Зачем нужна власть?

Референдум и «конституционная реформа» 1996 года законодательно обеспечили возможность строить государство «по Лукашенко». По Конституции, принятой большинством населения, он получил полную власть.

Теперь он мог реализовывать все, что было задумано.

Но что было задумано? Был ли замысел? Знал ли наш герой, для чего нужна ему власть? Были ли хоть какие-нибудь намерения, в основе которых лежали бы его, Лукашенко, собственные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо»?

Свидетельствует Леонид Синицын:

«Было ли изначальное понимание, чего мы хотели от власти? В начале было только четкое знание, что власть нужно взять, что она бесхозна. Было ощущение какой-то своей предназначенности и ясное понимание, как совершить революцию. Это действительно была революция. Ведь реально власть была взята очень маленькой группой людей, пальцев одной руки хватило бы, чтобы их пересчитать.

Самое трудное — это утро после победы. Вот тогда, видно, и проснулось какое-то понимание».

Синицыну вторит Петр Кравченко:

«Никаких четких, связных представлений о модели государства, о векторе развития у Лукашенко никогда не было. Он — природный интуитивист, интуитивно схватывает идеи, которые на слуху и популярны у народа.

Как политик, он родился не на трибуне Верховного Совета, хотя так часто говорят. Как политик он родился в шкловской бане, где голый, с тазиком, слушал полупьяных мужиков, которые резали правду-матку, и получал нужный заряд информации о том, чем люди живут, чем они недовольны. А уж после этого он выходил на трибуну парламента и резал эту банную "правду-матку" паркетным политикам Минска и Москвы. Говорил то, что народ хотел слышать.

Таким же интуитивным популистом он и остался, став

президентом».

Об эклектике его экономического мировоззрения мы уже говорили. Рыночных идей он искренне не воспринимал; как человеку насквозь советскому, еще брежневских времен, ему ближе всего, конечно же, был «социализм с человеческим лицом».

Каковы же особенности этого социально-политического устройства?

Прежде всего, это соблюдение «совковых» минимальных стандартов в сфере социальных гарантий:

«Мы ввели социальные стандарты… Что это такое? Мы ввели планку на уровне советских времен, что будем все делать за счет бюджета, как вы говорите, бесплатно"[264].

«Свою социальную политику Лукашенко уместил ровно в пять слов: *"Народу нужны чарка и шкварка"*. Умри — лучше не скажешь»[265].

Используя старую белорусскую пословицу о «чарке со шкваркой», он не имел, конечно, в виду, что только этим и ограничится рацион белорусов. Но основу благосостояния (в своем понимании) брался обеспечить: белорусы будут питаться небогато, но сытно[266].

Для этого нужно обеспечить каждого белоруса работой, оплачиваемой пусть и по минимуму, но регулярно:

«Те, кто сегодня хочет работать, может работать, стремится к этому — накормить свою семью, обеспечить себя, — они в нашей стране имеют постоянное место работы… Когда человек знает, что он каждое утро придет на работу и получит зарплату, а как вы видите, в нашей стране эта уже проблема снята, хотя, конечно, зарплата у определенных категорий людей желает быть выше, но тем не менее той проблемы с заработной платой, которая существовала даже три года тому назад в нашей стране, благодаря развитии) экономики нет»[267].

Много зарабатывать, мол, и не нужно, главное — получать регулярно, гарантированно, как в советские времена. Поддержка «простых людей» такой политике обеспечена. Что же до «западного уровня», когда специалист за час зарабатывает столько, сколько у нас он получает в месяц, то здесь можно не беспокоиться: Лукашенко хорошо понимает, что чужое богатство всегда вызывает зависть у тех, кто вынужден, да и привык жить «скромно». Он изначально был (и остается) лидером большинства, для которого «стабильный минимум» — идеал благополучия.

Как же реализовать эту «совковую» уравниловку («хоть помалу, но всем») и обеспечить ощущение «скромного благополучия», если в маленьком государстве с отсталой экономикой нет денег на социальные программы, которые в развитом обществе обычно и призваны снимать остроту проблем неравенства?

С «чаркой» вообще все просто. Цены на водку в Беларуси чуть ли не самые низкие в мире. Это не слишком обедняет бюджет: он пополняется за счет количества выпитого.

«Такая "ценовая политика" и "забота" о веселом настроении электората привели к тому, что в прошлом (2003. — *А. Ф.*) году на каждого жителя Беларуси, включая стариков и младенцев, "употреблено" почти по 52 литра алкоголя. В 25 раз выше "рекомендуемой" медиками нормы»[268].

А как быть со «шкваркой»? Тоже не очень сложно (к слову, и не ново): перераспределить[269].

Отобрать у богатых, уже что-то заработавших, и раздать всем.

Лишь бы не было войны

Любой белорусский предприниматель знает, что самые страшные поборы с бизнеса — не поборы бандитов-рэкетиров и не взятки рэкетиров-чиновников. Это «добровольно-принудительные» отчисления, которые он вынужден делать в счет социальных программ. На детскую новогоднюю елку, посевную, благоустройство городской территории, на асфальтирование подъезда к местной налоговой инспекции или спортивные сооружения. Размер поборов зависит от размеров бизнеса: мелкого предпринимателя заставят залить каток в центре города, крупного — переоборудовать стадион, очень крупного — построить ледовый дворец или стадион.

Продолжатель советских традиций (вспомним, как помогал совхозу «Городец» глава могилевского облагропрома Евсей Корнеев), Лукашенко и раньше всем крупным фирмам, даже коммерческим банкам, навязывал «шефство» над отстающими колхозами, требовал от них помощи — не только финансовой, но и физической, вплоть до выезда всех служащих на уборку урожая. Теперь он пошел дальше. Запущенные хозяйства предложено не просто взять под свою опеку, а выкупить вместе с долгами, да не одно, а по два-три прогоревших колхоза:

«Я навязал "Аквабелу" и другим частникам и промышленным предприятиям разрушенные хозяйства. Это вы тонко говорите "низкорентабельные". Никакой там рентабельности нет, она с минусом — это предприятия разрушенные! Но люди хотят там

жить и получать зарплату»[270].

А если люди *хотят*, «добрый дядя» им должен *дать*, неважно, за чей счет. О том, как при этом люди хотят работать (и хотят ли вообще), речь не идет.

«Вся его идея состояла в том, что народ надо кормить, — говорит Леонид Синицын. — Народ сам себя прокормить не может и не хочет. Поэтому кормить вынуждены те, кто заработал. Разумеется, от имени президента, сотворившего чудо».

Пожалуй, самым значительным из свершаемых таким образом «чудес» стал бум в строительстве жилья. Это была не собственная идея Лукашенко. Еще во время предвыборной кампании ее в качестве одного из «коньков», на которых можно было обскакать Кебича, предложил Синицын и теоретически обосновал профессор Петр Капитула. Да и они, в общем-то, ничего нового не придумали, а лишь обобщили и взяли на вооружение известный опыт Никиты Хрущева.

Жилье строилось. В каждом колхозе руководитель отвечал за строительство собственной головой. Стройки в отстающих хозяйствах становились «головной болью» «опекающих» их бизнесменов.

Крупнейший из банков страны — АСБ «Беларусбанк» — заставили давать льготные кредиты под строительство молодым семьям. Поскольку основу финансовой стабильности банка составляли вклады «богатых» и средства крепких предприятий, это было, по сути, тоже перераспределением. Средства, заработанные одними, передавались на льготных условиях другим.

Несправедливо? Но несправедливо лишь с точки зрения «богатых и зажравшихся» банкиров. А с точки зрения «доброго» государя, каковым постоянно чувствует себя Лукашенко, всем должно быть либо плохо, либо хорошо — но одинаково.

«Лучше его никто не знал, когда, у кого и что нужно отнять, а кому — кинуть подачку, чтобы народ был доволен своим правителем, бедные поняли, кто о них заботятся, а противники — с кем имеют дело»[271].

Кроме того, «Лукашенко перераспределил бюджет в пользу стариков, пенсионеров. И получилась противоестественная ситуация: перераспределение благ в пользу прошлого, а не будущего. Пенсионеры содержат безработных детей»[272].

В практике перераспределения скидки не делаются никому, даже иностранным инвесторам, пытающимся вложить деньги в реконструкцию белорусских предприятий. Самый скандальный

пример — попытка заставить российскую пивоваренную компанию «Балтика» профинансировать строительство какого-то очередного ледового дворца. «Балтика» отказалась — за что и лишилась возможности получить белорусский пивзавод «Крыница». Между прочим, уже вложив деньги.

Так выглядит программа «социальной справедливости». И, надо сказать, Лукашенко добился практически безоговорочного признания этой программы со стороны «простых людей».

Беларусь сегодня — страна, в которой никто не умирает с голода, где всем оказывается хоть какая-то медицинская помощь. Здесь каждому гарантирована работа, пусть и не по специальности, пусть с минимальной, но регулярной оплатой труда, пусть даже вне всякой связи с объемами производства и общественной потребностью в его продукции. «Пятнадцать лет назад на МТЗ выпускали сто тысяч тракторов в год. Теперь производство уменьшилось почти впятеро, а число работающих почти не сократилось. Разумеется, нельзя называть тракторостроителей бездельниками, но скрытая безработица здесь налицо. Причем наиболее благополучный Минский тракторный тут далеко не единственный пример»[273].

Здесь нет никаких «олигархов» и супербогатых (а если есть, то очень немного, и богатство свое они напоказ не выставляют), но зато почти нет и абсолютно нищих; во всяком случае, они не бросаются в глаза, как на московских вокзалах. Государство определяет и устанавливает прожиточный минимум, государство его обеспечивает. Правда, как признается сам Лукашенко, на уровне 1990 года:

«В прошлом году был превышен уровень докризисного 1990 года[274] (самого эффективного в плане экономических показателей советской эпохи) по объему производства промышленности, потребительских товаров, реальных денежных доходов населения и другим показателям»[275].

Казалось бы, на практике реализуется социальный идеал, который был издавна сформирован в сознании большинства белорусских избирателей, отдающих голоса за Лукашенко. Причем этот идеальный или, вернее, идеализированный образ страны активно и настойчиво продолжает внедряться средствами массовой информации в сознание граждан. Всякое сравнение оборачивается в пользу Беларуси, потому что здешняя жизнь сравнивается не с Германией или Бельгией, а с Россией и Украиной. И даже не с реальной Россией и реальной Украиной, где разные люди в разных местах живут по-разному. А с той «картинкой», которую видят каждый день по телевизору: скажем,

Россия предстает страной постоянных голодовок, забастовок, невыплат пенсий и зарплат, катастроф, взрывов, террористических актов и прочих напастей. И все это — на фоне жрущей, пьющей, бесстыдно шикующей и матюгающейся российской «попсы». Виной же всему, разумеется, неумелое российское руководство и неверно избранный курс на рыночные реформы, в результате приведший Россию к «бандитскому капитализму».

Сопоставляя этот видеоряд с тем, как показывает белорусское телевидение свою собственную страну, разумеется, большинство убеждалось в правильности избранного Лукашенко курса. Потому что Беларусь представляется заповедником безоблачного покоя и относительной сытости. Даже если в конкретной семье конкретного человека что-то не ладится, это не означает, что плохо у всех. У остальных (судя по «картинке») очень даже неплохо. А это значит, что и у него самого скоро наладится. Лишь бы не было войны.

«Моя светлой памяти мама когда-то одно имела на уме: чтобы не было войны, — говорит Валерий Круговой. — Это кошмар — спустя шестьдесят лет после войны только об этом и думать, но, к сожалению, мы никуда от этого не денемся. Эти люди как думали, так и думают. Моей маме надо было, чтобы меня так вот "вымыли"[276], чтобы она сказала, что Лукашенко негодяй. А если бы со мной лично не поступили бы так, то она бы говорила: "Да, маленькая пенсия, да, не все хорошо. Но ведь видно, что человек хочет и старается, чтобы у нас войны не было!"».

Всеобъемлющая мечта и главное повседневное чаяние исторически настрадавшегося народа выражены в лозунге-вздохе: «Лишь бы не было войны!». И то, что всюду кругом война, а в Беларуси тихо[277], ставится в главную заслугу нашего героя.

Тихо. И пусть даже не очень сытно, но и не настолько голодно, чтобы из-за этого что-то менять. И никому при этом даже невдомек, что именно такая политика (отнимающая у народа всякую творческую инициативу) привела СССР к полной экономической стагнации и в конце концов к краху[278].

Но для того чтобы такая жизнь была принята за идеал и ценилась если не всеми, то хотя бы большинством, нужно убедить людей, что лучше и быть не могло. И все, разумеется, благодаря правителю, без мудрости которого (и без веры в которого) такой успех был бы невозможен.

Глава вторая. Икона и портрет

«Меня надо рассматривать в преломлении»

Один мой знакомый рассказывал, что после референдума 1996 года его престарелая тетка, живущая в районном центре, подвинула в красном углу икону с ликом Варвары-великомученицы и повесила рядом с ней портрет Александра Лукашенко. И несколько лет подряд истово молилась, веруя, что заступница небесная и заступник земной продлят ее век и не дадут ей и ее близким умереть с голоду.

Создавая систему, при которой он мог бы, вслед за Людовиком XIV, повторить: «Государство — это я!» — Александр Лукашенко, как и всякий диктатор, вынужден «обожествлять» собственную личность. Но тут он столкнулся с одной большой сложностью. Говорит профессор Геннадий Грушевой:

«Обычно диктатор опирается на какую-то идеологию. Сталин, к примеру, мог творить что угодно, потому что Сталин был олицетворением не столько персоналии, сколько идеологии. Сам по себе, мол, он — такой же человек, как и все. Просто он ближе всего к Великой Идее. И его личность олицетворяет эту идею, поэтому все свято верили в него.

Но Лукашенко в принципе не может проповедовать никакую "высокую" идеологию, кроме примитивной идеологии собственного самоутверждения на фоне нищеты, которую его подданные считают благом. На одном семинаре мне пришлось услышать, как кто-то из представителей официальных институтов сказал: "Ребята, так ведь белорусскую идеологию воплощает Лукашенко". Мы имеем не "лукашизм" как идеологию, а лишь портрет Лукашенко».

Чаще всего вождь живущий провозглашает себя продолжателем дела вождя покойного, обеспечивая тем самым как бы идеологическую легитимность своего режима. У того же Сталина был предтеча — Ленин, которого, для того чтобы он служил символом нетленности идеи, не похоронили, как человека, а положили в Мавзолей.

Когда Лукашенко говорит о себе в третьем лице, он как бы смотрит на себя со стороны и оценивает действия кого-то иного — президента, вождя, даже машины: «Меня надо рассматривать в преломлении к конкретной ситуации, к конкретным действиям. Ну что такое Президент? Президент — это "машина". Вот я от этого определения избавиться не могу за десять лет»[279].

У Лукашенко предтечи не было. Нет, конечно, он мог использовать имя единственного коммунистического лидера советской Белоруссии — Петра Машерова, мифологизированное

после его трагической гибели в автомобильной катастрофе. Но Машеров жил слишком недавно, и остались те, кто мог оспаривать право Лукашенко на политическое использование его имени, — семья, бывшие соратники.

Наконец, Лукашенко ведь говорит, что не восстанавливает старое, а строит новое. Стало быть, предтечи и быть не может. В новой религии он сам — и мессия, и предтеча. И его портреты в красном углу — это не фотографии простого смертного, одного из политиков, приходящих и уходящих, а изображение человека, являющегося символом добра и справедливости.

Сталин все-таки прикрывался коммунистической идеологией. Лукашенко пошел дальше, все упростив. Под него создается бытовая, «хозяйственная» идеология. Здесь его «логика», как всегда, очень проста: я знаю, что нужно сделать, меня надо слушаться; чтобы меня слушались, нужно меня превратить в идола, надо развивать преклонение передо мной. Мои портреты нужны повсюду не для того, чтобы я этим упивался, а для того, чтобы в меня верили, на меня молились, чтобы за мной безоговорочно шли. Лукашенко сам признается: «Нужно довести до того же студента, что если бы не президент, вряд ли он сидел бы за партой в вузе. Если нашей молодежи довести эту правду, то, по крайней мере, с оранжевыми флагами она по улице ходить не будет»[280].

Но вот со строительством «нового» все далеко не просто. Тут Лукашенко явно выдает желаемое за действительное.

«У Лукашенко все ценности в советском прошлом, — говорит Леонид Синицын. — Он превращает прошлое в нового идола. Это видно во всем. Прежде всего в том, как он стремится вернуть в нашу жизнь нормы, законы, порядки идеализируемого им прошлого. Создается впечатление, что он испытывает отвращение ко времени, в котором живет. И на такой основе пытается создать "под себя" новую идеологию.

Но эта идеология обращена назад. Он зацепился за прошлое. И тормозит общество настолько, что оно вообще заснуло. А Лукашенко это устраивает, потому что легче всего удержаться у власти в спящем обществе, если, конечно, подпитывать его сонное, тлеющее состояние — за счет богатых, за счет соседней России».

«Рухнама» на белорусском

Итак, власть взята, противник сломлен. Но это не означает, что Лукашенко ничто не угрожает.

«Надо окапываться, надо укреплять бастионы. Какие?

Местные, семейные, национальные, государственные. Значит, надо сочинять какую-то идейную обертку — для оправдания режима и для того, чтобы режим имел будущее. Ведь идеология должна к чему-то призывать. Это система мифов, система романтических взглядов, в конце концов, система социально-философских категорий»[281].

Об этом Лукашенко (в конце концов, он вечный политрук) помнит постоянно. Вот что он говорит в своей речи о проблемах идеологии:

«Приведу последний пример. Никто никогда, даже я, зная хорошо Ирак, не думал в начале войны, что иракцы продержатся до сегодняшнего дня. И для американцев, и так называемой оккупационной коалиции еще неизвестно, чем все закончится. Почему это произошло? Арабы, дай Бог им жизни, не вояки (это не чеченцы). Помните, как они на Синайском полуострове воевали? Как только 12 или сколько там часов — все бросали и молились, а их брали голыми руками.

И посмотрите, что сделала государственная идеология. "Мы защищаем свою землю, мы оккупантам не сдадимся, мы защитим нашего Саддама" — вот на чем строилась идеология последних месяцев… Вот эта идеологическая, скажем прямо, обработка сегодня спасает Ирак»[282].

И в Беларуси появились «комиссары» — работники так называемой «идеологической вертикали». Причем они призваны не проповедовать общечеловеческие ценности, а обосновывать «верность пути» и политическую безальтернативность человека, этот путь избравшего. На наших глазах происходит идеологизация всех сфер жизни, от системы образования до здравоохранения. Даже в больнице по местному радио напоминают, кто именно заботится о вашем здоровье и запрещает курение и нарушения режима дня. Портреты президента на столах у чиновников, на календарях, на стене в каждом классе, на первой странице в каждом дневнике: раньше там была кудрявая головка маленького Володи Ульянова, сейчас — усатое лицо взрослого дяди.

Но этого мало. В государственных и негосударственных вузах срочно вводится курс «государственной идеологии». На предприятиях и при региональных органах власти создаются специальные «информационные группы». Любой мало-мальский успех, естественный в любом нормальном государстве, преподносится политинформаторами как уникальное достижение режима.

И все равно — мало, плохо, не фундаментально! Лукашенко понимает, что нужную ему идеологию никто, кроме него лично,

создать не в состоянии:

«Много раз пытались для этих целей задействовать нашу славную армию докторов и кандидатов наук, научные учреждения и вузы. Предложений (оформленных даже в виде солидных монографий) было немало. Но сводились они к двум, условно говоря, формулам: "давайте сделаем, как на Западе" или "давайте вернемся к советской практике". Полностью несостоятельным оказался и наш идеологический штаб — Администрация президента. Совещания, поручения, авторские коллективы, отчеты — и ничего на выходе. Тот же формализм»[283].

Приходится взваливать эту ношу на себя.

«В этих условиях Главе государства пришлось брать все на себя и, идя от жизни, а не от теории, закладывать в фундамент белорусской независимой государственности идеи, рожденные и выстраданные нашим народом»[284].

Действительно, «где, в какой книге можно прочитать все о белорусской государственной идеологии?

Я много размышлял над этим. Проще всего было бы издать какую-то книгу, скажем, Президента, и предписать ее изучение в качестве главного источника мудрости. Тем более есть свежий пример — уже на белорусском языке, и это хорошо, издана книга "Рухнама" руководителя Туркменистана, в которой есть все: и история туркмен, и руководство, как вести хозяйство, как принимать роды и так далее»[285].

Так Лукашенко становится одновременно верховным идеологом Беларуси и главным ведущим ежедневной пропагандистской кампании. Вот он открывает новую станцию метро. Вот он на премьере фильма «Анастасия Слуцкая» — неважно, что многие воспринимают ленту как жалкую киноподелку. Вот президент совершает первую поездку на разработанном конструкторами Минского автомобильного завода автобусе. Вот он посещает выставку, главным экспонатом которой является самый большой гобелен, на котором изображены выдающиеся деятели XX века — в том числе Лукашенко А. Г.

В глазах рябит от скромного, работящего, вездесущего и всезнающего президента. Конечно, он — в отличие от Туркменбаши — роды не учит принимать[286], но в остальном отличий мало.

«Простые люди» должны знать, что единственным благодетелем белорусов был и остается Александр Лукашенко. Он дарует пенсии и пособия, он строит бани и кроет крыши, без него не работали бы школы и больницы, не побеждали бы спортсмены, не ходили бы поезда, не убирали бы хлеб.

Из каждой «брахучки», каждой газеты, каждого выпуска

телевизионных новостей народ узнает, как повезло ему с таким замечательным президентом. Другим — не повезло. А белорусам — повезло несказанно. Об этом говорят депутаты и министры, врачи и учителя, трактористы и милиционеры, пенсионеры и дети.

«Не все плохое связано с Гитлером…»

Очень часто о своих будущих планах Лукашенко вначале «проговаривается», как бы нечаянно выдавая намерение, которое хочет реализовать в ближайшем будущем. Но на самом деле никакие это не «проговорки», а скорее интуитивный поиск, подсознательная попытка сформулировать что-либо для себя. Лукашенко — «человек слова» в том смысле, что действительность существует для него лишь в том виде, в каком он в состоянии ее выразить словами. И его такие доходчивые для «электората» «отступления от бумажки» (от текста написанной спичрайтерами речи) при внимательном рассмотрении оказываются попыткой моделирования такой действительности, в которой он хотел бы существовать.

Нетрудно заметить, как раз за разом Лукашенко использует одну и ту же схему. Он высказывает неожиданную, а иногда и вовсе бредовую, казалось бы, идею, либо провоцирует ее «утечку» через прессу. Общество бросается обсуждать, выдвигать версии, находить рациональные обоснования возможного поступка президента, в конце концов идея оформляется вербально, и общество к ней привыкает. Далее Лукашенко остается лишь выбрать наиболее пригодный вариант. И материализовать его в нормативном акте — указе, декрете, законе, которые дальше, в свою очередь, определяют жизнь страны. Работает цепочка: «неясная мысль — слово — отработка четкой идеи — юридический документ — жизнь».

Так было со сменой символики. Так было с продлением полномочий и возможностью баллотироваться на третий срок. Так было и с попыткой стать преемником Бориса Ельцина — ценой создания союзного государства (о чем еще будет рассказано).

Такое «жизнетворчество через слово» достигает своего пика в диалоге. Для Лукашенко провести диалог — это либо выстроить ситуацию, которая максимально неудобна собеседнику, либо подыграть ему — если Лукашенко искренне хочет ему понравиться. И тут очень часто обнажается вся подноготная его мировоззрения.

В этом отношении показательно скандально известное

интервью президента Беларуси корреспонденту германской газеты «Хандельсблатт».

Приведем эту обширную цитату полностью, как она дважды звучала в радиоэфире Беларуси (корреспондент «Хандельсблатт» изъял эти слова из печатного текста интервью, опасаясь, что его обвинят в пропаганде фашизма:

«…История Германии — это слепок истории в какой-то степени Беларуси на определенных этапах. В свое время Германия была поднята из руин благодаря очень жесткой власти. И не все только было плохое связано в Германии и с известным Адольфом Гитлером.

Он перечеркнул все хорошее, что он сделал в Германии, всей внешней политикой и развязал Вторую мировую войну, ну а все остальное уже вытекало из этого. Это гибель людей массовая, в том числе и немецкого народа. Но вспомните его власть в Германии. Нас с вами тогда не было, но по истории мы это знаем. Ведь немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента.

То есть я хочу конкретизировать, чтобы вы не подумали, что я приверженец Гитлера. Нет, я подчеркиваю, что не может быть в каком-то процессе или в каком-то человеке все черное или все белое. Есть и положительное. Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Это были 30-е годы, время сильного кризиса в Европе, а Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера»[287].

«Сильно. Особенно если учесть, что автор этих слов — лидер народа, чуть ли не треть которого погибла от рук гитлеровцев»[288].

С трогательной наивностью жена французского посла Анни Жолифф пишет в своей книге: «Страшная ошибка. Быстро подхваченная оппозицией и многократно подчеркнутая западной прессой, она навсегда запятнает ее автора»[289].

Но никакой ошибки не было. Лукашенко иногда только делает вид, что он «простодушный сельский парень», который по своей политической неопытности допускает публичные оплошности. Слова о Гитлере адресованы не тем, кто возмутится, и уж тем более не тем, кто увидит в них оговорку. Похвала Гитлеру рассчитана на тех, кто будет аплодировать высказанным идеям, на тех, кто надеется, что только «сильная рука» их президента, вождя, фюрера, дуче обеспечит и порядок, и минимальное благополучие[290].

Лукашенко просто принял немецкого — именно немецкого —

журналиста за единомышленника и поделился с ним сокровенным. Отсюда и слова о «немецком порядке», и о «схожем понимании президентской власти» у немцев и белорусов, о консолидации и объединении нации вокруг вождя.

Те, кто должны были услышать Лукашенко, — услышали. А остальным, высказавшим недоумение или даже решительное неприятие такой позиции лидера европейского государства, — этим всем можно сказать, что он ничего такого и не говорил. И тут же его помощниками была предпринята попытка дезавуировать не смысл сказанного, а сам факт произнесения слов, хотя они дважды транслировались по первой программе белорусского государственного радио и сохранились в аудиозаписи.

Приводные ремни системы

При таких соответствиях «нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента» не удивительно, что для Лукашенко «гражданское общество» свелось лишь к тем «общественным организациям», которые он может контролировать полностью.

Работа с общественными организациями и была поручена его верному соратнику — бывшему полковнику КГБ профессору Уралу Латыпову. Пытавшийся играть роль либерала в должности министра иностранных дел, в должности главы Администрации Латыпов продемонстрировал совершенно советское (или чекистское?) понимание «общественных организаций». Никогда «гражданское общество» не испытывало такого давления со стороны власти, как в то время, когда этот «либерал-полковник» был фактически вторым лицом белорусского государства. Латыпов признавался журналистам:

— Я не политик, я чиновник.

И общественные организации превращались им в «государственно-общественные»[291].

Первым опытом создания такой структуры стало молодежное объединение — Белорусский патриотический союз молодежи (БПСМ). Создал и возглавил его Сева Янчевский, который некогда просиживал штаны в предвыборном штабе Александра Лукашенко, а затем ушел испытывать «избирательные технологии» в штаб к Станиславу Шушкевичу. БПСМ получил государственную поддержку, но вместе с ней и прозвище «Лукомол», делавшее его далеко не самым привлекательным в глазах молодежи.

Было решено «скрестить» «Лукомол» с прежним комсомолом, влачившим жалкое существование под именем Белорусского союза молодежи. БСМ сопротивлялся этому объединению как мог, но его вынудили: здание ЦК, в котором я когда-то приютил гонимого властью депутата и кандидата в президенты Лукашенко, отняли и передали уже новой, объединенной молодежной организации, причем не на правах собственника, а лишь в пользование: чтобы, не дай бог, не почувствовали себя слишком самостоятельными.

Новый молодежный союз ретиво принялся покупать благосклонность молодежи скидками «для своих» в компьютерных клубах и на дискотеках, гарантией получения «лукомольцами» места в студенческих общежитиях или трудоустройства в летних стройотрядах. Можно сказать, что был возрожден комсомол, только вместо идеи преданности делу строительства коммунизма его члены должны были пропитываться верой в личную правоту Александра Лукашенко.

Приобретенный опыт решено было использовать при работе со взрослыми «объектами». Таким «объектом» стали профсоюзы.

Надо сказать, что тогдашнее руководство профсоюзов понимало, что с властью необходимо найти общий язык. Вспоминает председатель Федерации профсоюзов Беларуси Владимир Гончарик:

«Надо было налаживать контакты. Первая наша встреча состоялась во время приезда в Минск председателя Федерации независимых профсоюзов России Михаила Шмакова. Президент нас принял в резиденции, состоялась хорошая беседа. А обострения начались, когда во время одной из встреч он сказал:

— Вы бодайтесь с правительством, а я буду наверху, как святой.

Я ответил:

— Александр Григорьевич, святым вряд ли удастся быть, но мудрым — это желательно.

Тогда он смолчал, но как только мы перестали соглашаться с правительством, все наши действия были восприняты им как выпады персонально в свой адрес».

Еще в 1995 году — меньше, чем через год после своего избрания, — Лукашенко продемонстрировал, что с профсоюзами он церемониться не будет. Тогда машинисты минского метрополитена, состоявшие в так называемом Свободном профсоюзе, предприняли забастовку с требованием повышения заработной платы.

Забастовка была подавлена жесточайшим образом. Забастовщиков выгнали с работы, на смену им привезли штрейкбрехеров-машинистов из железнодорожных и трамвайных депо. А когда за членов «свободного» профсоюза вступился лидер «несвободного» профкома метрополитена, рабочего места лишился и он[292].

С тех пор профсоюзы особо «не рыпались». Ни свободные, ни несвободные. Тем более что Лукашенко быстро нашел их «слабое звено»: взносы. При первой же попытке Федерации профсоюзов Беларуси объявить общенациональную акцию борьбы за права трудящихся всем бухгалтериям государственных предприятий и организаций немедленно было дано указание: прекратить безналичное перечисление взносов на счета профкомов. И финансовая база профсоюзов была порушена в одночасье.

Но этого показалось мало. В 2001 году ФПБ осмелилась выдвинуть Гончарика кандидатом в президенты. С такой «наглостью» Лукашенко смириться уже просто не мог. После выборов профсоюзному аппарату дали понять: пока Гончарик руководит ФПБ, о диалоге с правительством и речи быть не может! И те, кто вчера поддерживал идею выдвижения Гончарика, теперь единодушно проводили его «на заслуженный отдых». В конце концов, профсоюзы были вынуждены избрать своим председателем не кого-нибудь, а заместителя главы Администрации Лукашенко Леонида Козика[293].

Разумеется, такие полностью подконтрольные власти профсоюзы стали не самым желанным гостем в Международной организации труда. Но Лукашенко это не слишком обеспокоило. Зато он добился послушания и готовности профсоюзных руководителей поддерживать государственный курс.

Так наш герой получил два «приводных ремня» своей политики — молодежную организацию и профсоюзы.

Рядом с амвоном

Третьим «приводным ремнем» стала белорусская Православная церковь.

Мы уже отмечали, что, выстраивая «новую идеологию», Лукашенко использует старые формулы, причем их самые невероятные сочетания.

С одной стороны, конечно, — «свобода, равенство, братство», где «братство» трансформируется в подобие семейных отношений с самим Лукашенко в роли «батьки»; «равенство» — в насильственную уравниловку, хотя и на несколько ином уровне, нежели в советские времена, но осуществляемую по старому

принципу перераспределения ресурсов сверху. Наконец, «свобода» — очень похожая на сформулированную Энгельсом «осознанную необходимость», но понимаемая весьма утилитарно: человек чувствует себя свободным лишь до тех пор, пока не вступает в конфликт с государственной системой и ее отцом-создателем, — такая вот «тюремная» свобода.

С другой стороны — «православие, самодержавие, народность». Главными ценностями здесь становятся те, которые проповедуются главной и контролируемой государством православной конфессией; источник всех благ — рука властителя-самодержца; а оправдание всему — воля послушной пастырю части народа.

Православие было взято государством на вооружение сразу после небольшого скандала, в первые месяцы правления Лукашенко. Тогда Служба контроля президента начала очевидный для всех «накат» на «православный бизнес» Экзархата — вернее, его предприятия «Диакония», имевшего еще со времен Вячеслава Кебича льготы по поставкам спиртного в Беларусь и за ее пределы. На «спиртовой основе» росли православные храмы, в которых священники учили белорусов нравственности и проповедовали здоровый образ жизни.

В это время я по должности курировал в Администрации и структуры гражданского общества, частью которого (очевидно, «по недоразумению») считалась и Церковь. Помню, как раздался телефонный звонок, и бархатный голос Владыки Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого, напомнив о нашем знакомстве, вопросил, не будет ли слишком смелым поступком пригласить главу Администрации Леонида Синицына посетить Экзархат и побеседовать, так сказать, о насущном.

Синицын на это приглашение только хмыкнул:

— Генерал!..

— Какой генерал? — не понял я.

— Владыка твой — генерал, не меньше. Точно знает, с кем разговаривать и о чем разговаривать. Позвони и скажи, что завтра будем.

Назавтра мы были в епархии, розоватого камня здание которой по форме напоминает митрополичью митру.

Владыка Филарет был радушен, держался традиционно непринужденно, но с осознанием собственной значимости. Шел пост, посему закусывать пришлось исключительно семужкой, качество приготовления которой было выше всяких похвал. За скромной трапезой обо всем и договорились. Синицын пообещал походатайствовать за Церковь Божию перед земным владыкой.

«Накат» на «Диаконию» был, таким образом, остановлен, и отношения Лукашенко с Православной церковью с той поры стали приятными и взаимными.

Православие, рисковавшее проиграть в Беларуси битву за новые поколения верующих гораздо более активному католичеству и особенно прекрасно адаптированным к новым условиям протестантским конфессиям, очень нуждалось в государственной поддержке. Но за такую поддержку следовало платить — и Владыка Филарет оказался встроенным в определенную иерархическую систему, что, как мы помним, и привело его на трибуну первого Всебелорусского народного собрания, где ему пришлось выступать с речью в поддержку режима.

Разумеется, Филарет хорошо осознавал, ради чего он пошел на этот публичный позор и вообще на дружбу с Лукашенко. Все больше золоченых куполов православных храмов возносилось в небо, все больше пожертвований получали дома милосердия, построенные по благословению Владыки. Благотворители понимали, что поддержка православия в Беларуси — дело, угодное не только Богу, но и Президенту[294].

Православие пользовалось мощной финансовой и политической поддержкой. Так, появилась новая редакция закона о свободе вероисповеданий, напрямую ущемлявшая интересы протестантизма, который, как и католичество, исторически конкурировал с православием на этой территории. Православие было признано главной конфессией страны. Не случайно речь зашла и о преподавании основ православия в средней школе.

Александру Лукашенко это обеспечило «право» в дни христианских праздников, стоя в православной церкви, оказываться рядом с амвоном и даже произносить с него небольшие речи. Хотя сам он в Бога не слишком верит:

«Мы пробовали выработать национальную идею. Ничего не получилось. И я предложил — давайте вернемся к христианским ценностям. Сам я два раза хожу в церковь, поддерживаю ее. Хотя если выступаю публично, признаюсь, что атеист. Меня Митрополит Филарет не раз просил: "Вы уж на людях в атеизме не признавайтесь"»[295].

Но на практике именно такая линия поведения — с отрицанием уже существующего и общепринятого Бога — свойственна всем основателям новых религий. Каждый из них в душе — атеист, ощущающий себя равным Богу.

«В итоге сегодня наша государственная идеология построена на трех китах — православие, самодержавие и, разумеется,

народность, — говорит Петр Кравченко. — Конечно, они преломляются в Беларуси в особые категории, но суть остается традиционной. Выстраивается идеология "светской монархии". Правда, еще без института наследования, но очень напоминающая монархию. Это уже не просто авторитаризм. Это по существу близко к тому, чтобы объявить себя уже божеством. Осталось буквально несколько шагов».

Мир, построенный Александром Лукашенко, управляется из единого центра, которым, разумеется, является он сам. Он назначает зарплаты чиновникам, банкирам, генералам и редакторам. Он вмешивается в дела любого предприятия, включая частные. Он распоряжается всем, от правил торговли на рынках до погодных условий.

Во время одного из транслировавшихся на всю страну совещаний по проведению уборочной, когда председатель Брестского облисполкома Владимир Заломай попытался оправдать отставание в уборке плохими погодными условиями, президент возмутился:

— Заладил — дождь, дождь! Вы ведь просили дождя? Вот тебе дождь!

Так Господь Бог, вероятно, должен был бы осадить запутавшегося в просьбах смертного.

А один из преемников Заломая на посту главы Брестской области, Константин Сумар, вскоре и вовсе поставит Лукашенко выше Всевышнего, о чем и заявит во время селекторного совещания 2004 года. Когда он начал традиционно жаловаться на засуху, президент сказал ему:

— Что ты мне жалуешься? Я ведь не Бог!

И услышал в ответ:

— Вы — выше…

«Служите и лижите!»

Первыми помощниками в делах «обожествления» всегда были литераторы-борзописцы, готовые воспеть народного кумира.

Говорит публицист Евгений Будинас: «Удивительно, что Лукашенко не понадобилась поддержка писателей. Хотя бы тех из них, кто в "совковые" времена пресмыкался даже перед абсолютными уродцами во власти, унижался, прогибался — ради минутных благ, госпремий, престижных квартир. И власть чаще всего шла им навстречу. Вожди советского строя искренне верили, что найти общий язык с писателями для них все-таки важно. А Лукашенко сразу продемонстрировал, что готов и может

обойтись без них».

На самом деле Лукашенко не то чтобы не хотел, он просто не мог найти общий язык с писателями, которых он не понимал, да и не знал. Зато он сразу понял, что в споре с тем же Белорусским народным фронтом писатели поддерживают не его, а БНФ. За белорусский язык сражаются, национальную символику требуют вернуть и сдаваться не собираются.

Не остался незамеченным и откровенный скептицизм писателей, вообще интеллигенции относительно его деяний. Скептики — те, кто не верит и не хочет верить в истинную ценность достигнутого — всегда помеха. А поскольку чаще всего скептиком является интеллигент, то закономерно, что «творческие личности» сразу оказалась в списке тех, с кем следовало «разобраться».

Разобраться означает или повернуть в свою сторону и использовать, или уничтожить. Или хотя бы сломать, заставив признать свою ничтожность.

«У него торгашеский подход к интеллигенции: служите мне — я буду платить. Он же прямо известным писателям говорил:

— Или вы работаете на государство и на меня — и тогда у вас будут журналы, будут высокие гонорары, тогда за каждый печатный лист вы будете получать, как в старое время. Тогда будут почетные звания, сохранится собственность, будут дотации вашему дому творчества "Ислочь". Получалось так: служите — тогда да, не будете — пеняйте на себя, но жизнь вам медом не покажется!»[296].

Но «служить» соглашались далеко не все. Поэтому для начала у Союза писателей отняли здание Дома литераторов, еще со времен Машерова находившееся в собственности Литфонда.

Казалось бы, подействовало. Председателем Союза был избран поэт Владимир Некляев, заявивший о своей готовности искать компромисс с властью и сразу получивший из рук Лукашенко госпремию. Но для Лукашенко малейший компромисс — это уступка, а любая уступка означает поражение. Попытка Некляева найти общий язык с властью привела к тому, что в какой-то момент друзья «из органов» вдруг сообщили, что против него как редактора литературного журнала фабрикуется уголовное дело. Поэт, никогда не слывший нонконформистом и честно отрабатывавший все свои премии (самому Брежневу с трибуны стихи читал!), с громким скандалом в оппозиционной прессе вынужденно эмигрировал[297].

Желание сломать «упрямых писак» и подчинить их себе любой ценой проявилось даже в трагические минуты похорон всемирно известного народного писателя Беларуси Василя

Быкова. После того, как близкие накрыли гроб с телом Быкова опальным бело-красно-белым флагом, представители власти во главе с министром культуры, как по команде, покинули церемонию (наверняка по команде: что у нас без команды делается?). А в отместку за непослушание правительственная комиссия не предоставила обещанные автобусы, чтобы довезти до кладбища ветеранов войны, и старики были вынуждены пройти в многотысячной траурной процессии несколько километров — до самого кладбища.

Лукашенко на траурной церемонии демонстративно не присутствовал, но нет сомнений, что идея «отмщения» принадлежала именно ему.

Наконец, поскольку главным средством самовыражения писателя всегда было слово, у Союза писателей отняли литературно-художественные журналы и газету. Их без согласия учредителя объединили в холдинг при Министерстве информации, а директором холдинга назначили коммунистического ортодокса депутата Сергея Кастяна, не имевшего никакого отношения ни к литературе, ни к издательскому делу.

Нужен учебник

Еще не до конца «разобравшись» с писателями, Лукашенко кидается на новую амбразуру и начинает пересматривать историю:

«Один из моих преподавателей Яков Иванович Трещенок написал мне: если Вы хотите быстро, как я замыслил — за 5 лет, что-то там создать и переломить ситуацию, то надо лично взять под контроль написание учебников»[298].

И Лукашенко берет это дело под личный контроль. Подобно Сталину, он подвергает ревизии отечественную историю. Как известно, в уроках исторического прошлого немало опасностей для любого авторитарного режима.

Вначале по его требованию школьный курс, уже сориентированный на утверждение истории Беларуси как суверенного государства, был возвращен к образцам учебников и программ советской эпохи, причем тем, которыми пользовались до 1985 года — до перестройки.

Чиновники, «проглядевшие» «неправомерную модернизацию» основ истории, излагавшихся школьникам, были безжалостно изгнаны со своих должностей. Авторов учебника обвинили в попытках подорвать белорусско-российскую дружбу повествованиями о проходивших в начале XVII века литовско-

московских войнах, разделах Речи Посполитой и постоянных антироссийских и антибольшевистских восстаниях на территории современной Беларуси.

Вместо всего этого и был предложен новый университетский учебник истории Беларуси, создателем которого, естественно, стал тот самый некогда учившей студента Лукашенко провинциальный историк Яков Трещенок. В своем творении Трещенок всячески стремился соответствовать официальному идеологическому курсу, и даже известного генерал-губернатора Михаила Муравьева-Виленского, оставившего едва ли не самый кровавый след в белорусской дореволюционной истории, вежливо именовал «не только "вешателем", но и талантливым администратором и организатором»[299] — характеристика, мало отличающаяся от той, которую, как мы помним, его ученик дал Гитлеру: «Не все плохое в германской истории было связано и с известным Адольфом Гитлером».

Кульминацией ревизии истории стал отказ от одной из самых героических страниц белорусского прошлого: президент вычеркнул из перечня государственных наград Орден Кастуся Калиновского — легендарного борца за суверенитет своего края, возглавившего восстание 1863-1864 годов. Было это сделано единоличным решением, несмотря на то что Орден Калиновского входил в официальный перечень государственных наград Беларуси, утвержденный соответствующим Законом. А создатель «новой концепции» белорусской истории, все тот же Яков Трещенок, обосновал это тем, что, дескать, Калиновский… никогда не был белорусом, а его восстание и вовсе было инспирировано католической церковью и поляками.

Дорога через Куропаты

Такой «пересмотр истории», вероятно, остался бы далеко не безобидной, но все же только прихотью Лукашенко, не зайди он слишком далеко. Защищая свою самодельную систему авторитарных «ценностей», он был вынужден любой ценой реабилитировать и сталинскую внутреннюю политику. И Лукашенко добивается пересмотра результатов следствия по делу о захоронении тысяч и тысяч расстрелянных в Куропатах, слишком красноречиво свидетельствующих о том, к чему приводит авторитарный режим.

Образ и пример «вождя вех народов» далеко не безразличен Лукашенко, что подтверждает следующая цитата:

«Недавно Владимир Владимирович Путин принял меня в Волынском. Там Сталин прожил последние 19 лет. Я благодарен

Президенту России, что он настоял, чтобы я осмотрел дом, где жил Сталин, помещение, где он умер. Рассказали, где лежал, как лежал. Он просто валялся там, и ему не оказывали никакой помощи. Это прежде всего Берия и те "помощнички", которые крутились под ногами и повторяли: "Ты вождь, ты самый великий!" Я, кстати, не люблю льстецов возле себя. Они все, пока ты здоров и у власти, тут как тут. А не дай Бог что случится — труба. Где нет чести, нет и порядочности»[300].

Лукашенко, как видим, и себя, и собственную судьбу проецирует на судьбу Сталина. Отсюда и попытка ревизовать уже доказанное и реабилитировать Сталина не юридически, но политически, как деятеля идейно близкого.

И вот по воле Лукашенко республиканская прокуратура спустя десятилетие возвращается к теме Куропат. Опровергнуть версию о расстрелах, которые проводили сотрудники НКВД, не удалось: напротив, были получены новые доказательства ее правомерности. И тогда память о Куропатах было решено уничтожить иначе.

В сентябре 2001 года прах мертвых потревожили бульдозеры и экскаваторы. Строители валили лес на просеке под будущую дорогу, проложить которую было предписано именно через Куропаты. Для того чтобы шум не поднялся раньше времени, эту работу поручили не минчанам, а специально вызванным из Могилевской области рабочим, которые по неведению воспринимали происходящее как обычную командировку. О трагедии Куропат они услышали лишь от журналистов радио «Свобода». Ужаснулись, узнав, что их заставляют ездить по костям, по могилам, где похоронены деды и прадеды:

«На это же существуют проектировщики. Нам сказали, и мы делаем… Мы же не от хорошей жизни — а потому что в Могилеве мне нет работы, или ему — в Бобруйске»[301].

Общественность восстала.

«Куропаты — символ сталинского геноцида, образ мученичества и страданий целого поколения. Здесь совершались преступления не только против белорусского народа, но и против человечества, ибо убийцей выступала идеология всемирного зла, уничтожающая всех, кто не с ней.

Но Куропаты — это и символ национального возрождения и сопротивления тоталитаризму. Именно правда о Куропатах в 1988 г. всколыхнула и пробудила белорусское общество на борьбу против режима КПСС, за независимость, демократию и свободу.

Вандализм в Куропатах — проявление последовательной, разрушительной политики, в основе которой лежит стремление

скрыть преступления НКВД большевиков и исключительная, болезненная ненависть ко всему белорусскому, к демократии, свободе, к независимому и человеческому, к памяти о невинных жертвах и победившей правде»[302].

Это «паскудство на могилах оскорбляло не мертвых, а живых»[303].

К Куропатам потянулась молодежь, чтобы спасти могилы от санкционированного высшей властью варварства.

Ребята боролись всерьез. Когда неизвестные ночью срезали установленные на могилах кресты, восемнадцатилетние мальчишки устанавливали их вновь. Когда бульдозеры шли напролом, рассчитывая, что пацаны дрогнут и побегут, — они становились живой цепью, преграждая железу путь. Отдать приказ давить их никто не осмелился, хотя одну из палаток и сожгли.

Это ежедневное противостояние длилось с сентября 2001 до лета 2002 года. Оно стало символом того, что и самая жесткая власть может дрогнуть перед мирным, ненасильственным сопротивлением. И единственным примером того, что и Лукашенко способен отступить: строительство дороги через Куропаты было приостановлено.

Но в остальных случаях в борьбе с идейными противниками он не отступал и расправлялся с ними безжалостно и убежденно:

«Идеология для государства — то же самое, что иммунная система для живого организма. Если иммунитет ослабевает, любая, даже самая незначительная, инфекция становится смертельной. Точно так же с государством: когда разрушается идеологическая основа общества, его гибель становится только делом времени, каким бы внешне государство ни казалось сильным и грозным»[304].

Лукашенко знает, что говорит.

Дети — «будущие люди»

Как и всякий диктатор, озабоченный собственным политическим будущим, Лукашенко «думает о детях», видит в их «правильном» воспитании залог устойчивости своей власти, хорошо понимая, что сегодняшние дети — это «будущие люди», его завтрашний электорат.

Главным источником идеологической «инфекции» Лукашенко считает Запад:

«Своему обществу мы в ближайшее время должны показать, чем они занимаются здесь, как они из наших девчат пытаются сделать проституток, что они здесь творят, как они кормят наших

граждан наркотиками, как они здесь гомосексуализм распространяют, какими методами работают»[305].

А проводниками всей этой «западной мерзости», проникающей в душу белорусского народа, по мнению Лукашенко, стали… дети.

Додумавшись до такого, он и заявил, что следует решительно ограничить поездки белорусских детей из Чернобыльской зоны для оздоровления на Запад, дабы они не пропитывались «тлетворным западным духом»:

«Неужели вы не видите, какими дети возвращаются оттуда?! Что нам этот образ жизни дает? У нас ведь и так этот потребительский образ жизни, как в советские времена правильно говорили, захлестнул всю молодежь и страну. А эти детишки, малыши оттуда возвращаются уже потребителями в квадрате. Такое воспитание нам не надо»[306].

Тут невозможно не предоставить слово профессору Геннадию Грушевому[307], президенту фонда «Детям Чернобыля», лучше любого в Беларуси знакомому с проблемой:

«Эти же слова, с этими же интонациями были заявлены в 1990 году секретарем по идеологии Минского горкома партии Ниной Ивановой. Когда мы первую тысячу детей отправили в Германию, в "Советской Белоруссии" было заявлено, что детей нельзя отрывать от родной почвы. Куда эти дети потом будут стремиться? Нужны ли нам такие дети?

Но в 1990 году, когда г-жа Иванова произнесла эти слова, Лукашенко подошел ко мне (мы оба были депутатами) и сказал:

— Слушай, так важно детей посылать за границу! Народ так этого хочет! И если детей будем посылать мы, а не государство, народ поверит в демократию и в нас, как ее проводников.

И мы с ним начали формировать в 1990 году первые группы детей из Шклова.

Так что сегодня, ограничивая выезд детей на лечение, Лукашенко придется резать по живому, причем по своему живому. Ведь сегодня примерно 85 процентов детей, которых мы отправляем на оздоровление за рубеж, едут из Гомельской, Могилевской областей — это как раз те области, которые на выборах дают ему по 90-95 процентов голосов. И едут не из крупных городов, а из маленьких деревушек, откуда родители пишут: "Передайте спасибо Александру Григорьевичу за то, что он все это организовал, мы лично ему благодарны".

Я понимаю, чем в принципе вызвано стремление ограничить, замкнуть, запереть наших детей. Если вокруг нас, как в 41 году, враги, то можно ли допускать, чтобы они влияли на наших детей? Конечно, нет».

Лукашенко знает, что детвора, которая прошла школу знакомства с другой, цивилизованной жизнью, навсегда запомнит этот урок. Геннадий Грушевой продолжает:

«Что такое полмиллиона детей, которые побывали в других странах, которые посмотрели на другую жизнь и задумались, почему мы живем так, а не как в Европе? Сегодня они еще не голосуют. Но дети взрослеют. Все время идет ротация. Старики в деревнях, особенно спившиеся, забитые, которым жить не очень долго, — яростные сторонники Лукашенко, он для них реализатор их нереализованных мечтаний: всех богатых наказать, всех "несправедливых" поставить на колени, все богатство поделить. Так вот, эти люди умирают. За последние десять лет — годы правления Лукашенко — ушло больше миллиона. Чуть меньше миллиона пришло новых избирателей. То есть, на два миллиона изменилось соотношение… Лукашенко это знает лучше, чем кто бы то ни было. Он в панике, и, думая о собственном будущем, понимая, что дальше этот процесс ведет к прощанию с его мечтами, иллюзиями, идеалами правления, пытается как-то его затормозить. И борется за будущих избирателей самым чудовищным образом: пытаясь отдалить их от цивилизации и заставить жить в том мире, который строит он. Но поскольку это касается семей, взрослые члены которых все еще составляют электорат Лукашенко, то получается, что он рубит сук, на котором сидит».

Единственный благодетель

Но проблема еще сложнее.

Никогда в Беларуси не было более единодушно отрицательного отношения к власти, чем в 80-90-е годы, когда народ узнал правду о Чернобыле. Независимо от возраста, социального положения, партийности, тогда практически все население думало об одном: что они с нами сделали, где правда, почему государство все время врет, что это за власть, которая нас так «кинула»?

Многие, даже те, что были при власти, понимали, что случившееся — катастрофа. Смертельной опасности подвергалась жизнь сотен тысяч людей, но социальные последствия оказались гораздо тяжелее, чем можно было предположить.

В Беларуси сложился особенный, чернобыльский социум, который в наших условиях превратился в потребительскую, пассивную, миллионную армию людей.

«Государство полностью инфицировано Чернобылем. Мы

имеем два миллиона населения, которые всем недовольны, они не хотят ничего делать и только требуют: дайте, дайте, дайте! К двум миллионам "чернобыльцев" добавьте еще два миллиона пенсионеров и инвалидов. Четыре миллиона — это 50 процентов, даже больше, белорусского электората. С 1993-1994 года Беларусь — страна, где преобладающий электорат является государственно-зависимым и ориентирующимся только на чью-то поддержку и помощь. Людям нужно выживать, им нужны продукты питания, какие-то мероприятия по защите здоровья, бесплатные путевки. Сами они этого получить не могут. Им это дает государство, и это государство в сознании людей превратилось в благодетеля»[308].

Лукашенко это не только понял, но и использует. Отсюда и все преграды на пути получения западной помощи. Она ему не нужна, он хочет быть единственным благодетелем. Так у нас появился Департамент гуманитарной помощи, который первый возвел барьеры, потом были приняты новые таможенные правила и правила по доставке гуманитарной помощи каждого отдельно взятого министерства. Шаг за шагом Лукашенко разваливал то, что строилось не на межгосударственных отношениях, а на гражданских связях (а это процентов 80 того, что Беларусь получала в гуманитарном плане).

«В результате отношение у Запада к нашей стране сегодня раздвоено. С одной стороны, сочувствие по отношению к людям, сострадание к ним, с другой — недоумение и даже в чем-то страх перед нашей властью. Они сюда даже ездить боятся. Они меня спрашивают: а если мы напишем письмо, нас тут не арестуют? А если мы напишем сейчас протест против заявления президента, что дети не поедут, а он нас потом не пустит в вашу страну? Это говорят не жители Хойникского района, это говорят жители Гамбурга, Лондона, Сиэтла…»[309].

Что ж, Лукашенко отчасти удалось сократить влияние европейской цивилизации на процесс воспитания детей, накрепко затворив двери дома, и спровоцировать настороженность западной общественности к Беларуси.

Глава третья. Что за фасадом?

Собственный кошелек

Даже спящий организм приходится подпитывать. Никакая идеология не будет работать без финансовой поддержки. А допустить, чтобы сегодня жилось хуже, чем вчера, никак нельзя: ведь тогда народ перестанет верить в свершившееся чудо.

На все это нужны средства, но средств, отнятых у одних во имя облагодетельствования других, «на помпу», разумеется, не хватало. Беларусь — страна небогатая, Чернобыльская авария сделала ее еще беднее.

Нужно было отыскать источник денег, причем не бюджетных, а таких, которые были бы подконтрольны только президенту.

Так появилось сначала Управление делами президента под руководством памятного нам по предвыборной кампании 1994 года Ивана Титенкова, подтянувшего под крышу своего ведомства все, что, по его мнению, могло приносить хоть какие-то деньги, — от сдаваемой в аренду под офисы недвижимости до народных промыслов и заповедников. А потом Лукашенко начал подписывать «тихие» указы, которыми «предприятиям» Управления делами президента предоставлялись различные льготы, скажем, налоговые или таможенные. «Сэкономленные» на освобождении от таможенных пошлин и налогов средства приносили Управлению делами навар в сотни миллионов долларов. Такой, с позволения сказать, «бизнес» — вполне сродни «узаконенной» контрабанде, в том числе и по доходности.

Аппетиты росли по мере роста «заработков». Предприятия Управления делами становились «эксклюзивными экспортерами» или «эксклюзивными импортерами» продукции, объявленной стратегической.

А «стратегическим» в Беларуси немедленно становилось все, что приглянулось Управлению делами — от сахара и морской рыбы до курева и куриных яиц.

Когда бюджет Управления делами стал сравним с бюджетом всего «остального» белорусского государства, интерес прессы (и не только) к этой структуре начал возрастать пропорционально росту доходов самого УДП.

Пиком этого интереса была попытка Верховного Совета 13-го созыва создать, как мы помним, специальную комиссию по изучению деятельности Управления делами. Ничем хорошим это не закончилось, а лишь ускорило кончину не в меру любознательного парламента.

Хуже того — депутаты нечаянно «узаконили» все это безобразие, вынеся на референдум вопрос, по которому, казалось бы, не могли проиграть — «Считаете ли вы, что органы государственного управления должны финансироваться только из бюджета и открыто?» А если вспомнить как осуществлялся в 1996 году подсчет голосов, неудивительно, что белорусы нечаянно для самих себя оказались единственным народом, «проголосовавшим»

за то, чтобы органы госуправления финансировались не только из бюджета и тайно.

Сумма средств, оседавших в президентском «спецфонде», так ни разу и не была оглашена официально. «Иногда проскакивают данные: например, когда Сбербанк дал в статистические органы "не ту" информацию — появились какие-то совершенно невероятные суммы в проекте бюджета, но уже через день они исчезли. Лишь по каким-то признакам можно судить, что там происходит. Официально заявлено, что такой фонд есть, никто не отрицает. А что в нем? Никто не знает»[310].

Как пополняется этот фонд, мы можем только догадываться по косвенным свидетельствам. И по периодически разгоравшимся скандалам.

Вспомним, как банкир Тамара Винникова описывает один из возможных каналов финансирования предвыборной кампании Александра Лукашенко в 1994 году:

«Одна из коммерческих фирм имела счет в руководимом мною банке. Кредитами она не пользовалась, в связи с чем ее обороты не подвергались банковскому контролю. Однако этой фирмой отгружалось огромное количество продукции, а деньги не поступали на счета. Банк затрачивал огромные ресурсы на техническую обработку документов, но ничего с этого не получал… Сразу после назначения Ивана Титенкова управляющим делами президента в фирме произошла замена и учредителей, и директора».

Думается, отработанная в той фирме схема была востребована и после победы Лукашенко. Времена меняются, меняются условия, но люди, близкие к финансам, знают, что новые условия порождают множество новых схем получения денег, для успешной работы которых нужно совсем немного: информированность и надежная «крыша». И то, и другое обеспечивает бесконтрольная власть.

«За это вы еще ответите»

Единственным видом бизнеса, причем наиболее доходным и масштабным, на который, начиная с 1996 года, не отваживались посягать управляющие делами, была торговля оружием. Но ее курировал госсекретарь Совета безопасности Виктор Шейман, во влиянии которого на Александра Лукашенко никто не сомневался.

Насколько выгодно торговать оружием, Александр Лукашенко знал всегда. Особенно если продавать его так называемым «проблемным странам». Не случайно он вдруг заговорил во время предвыборной кампании в 1994 году о том, что, дескать, правительство Вячеслава Кебича незаконно продает оружие воюющей Югославии. Было это сказано в комментарии журналистке Татьяне Щебет и получило широкий резонанс. Настолько широкий, что тогдашний министр обороны Павел Козловский[311] был вынужден оправдываться:

«Таких поставок оружия не было. Это был опять один из приемов Лукашенко — создать из ничего видимость факта, преподнести как компромат. Если бы в то время мы нарушали международные договоры и собственное законодательство, я бы сидел уже так давно, что сегодня вышел бы из тюрьмы».

Но тема торговли оружием так понравилась будущему президенту, что он упорно возвращался к ней. Вспоминает Павел Козловский:

«Эта фраза прозвучала у Лукашенко на Верховном Совете, когда я еще был министром… Я сидел в Овальном зале на сессии, когда он сказал: — Вы еще ответите за торговлю оружием! Назвал Югославию и пальцем показал на меня. Я нечаянно поднял палец и показал это: с ума вы, наверно, сошли»[312].

Но как только Александр Лукашенко пришел к власти, про всякую ответственность было сразу забыто.

И первое, что продала Беларусь во время его руководства, — это противоракетный комплекс С-300. Кебич, кстати, как и пристало осторожному человеку, не стал продавать это оружие, являвшееся в то время одной из новейших российских технологических разработок. Павел Козловский рассказывает:

«Поступило такое предложение от канадской фирмы: продать американцам комплекс С-300. Он был у нас учебный, стоял в училище ПВО. Но он был боевой. И мне Кебич говорит:

— Может, стоит продать? Хорошая была бы выручка. За него

можно получить до сотни миллионов долларов.

Такая цифра где-то гуляла. Я сказал, что дам ответ.

Я собрал Коллегию Министерства обороны, мы изучили эту проблему и признали, что продажа системы С-300 для белорусской армии ущербна. Это подрыв боевой готовности. И в той системе были секреты, которые нельзя, в общем-то, продавать. Такой официальный ответ мы и дали правительству. И мы эту систему все-таки не продали».

То есть правительство Кебича не продало. А правительство, сформированное Лукашенко, — продало!

Еще в период предвыборной кампании будущий президент внезапно начал метать громы и молнии в некоего Владимира Пефтиева. Полумифический г-н Пефтиев фигурировал в каких-то жутких историях с оружием: то ли он его продал не тому, кому надо, то ли тому, кому надо, но слишком дешево.

«Когда пришел Лукашенко к власти, Пефтиев на время убежал в Австрию. Он боялся, что его могут наказать за то, что он продавал оружие. Потом он вернулся по приглашению Шеймана»[313].

И сразу после его возвращения, в сентябре 1994 года, разгорелся скандал вокруг пресловутого комплекса С-300, который якобы принадлежал России, но почему-то продали его именно мы, да еще — что особенно возмутило россиян — подозрительно дешево. Об этом и сообщила газета «Известия»:

«В Минске официально объявили, что продали комплекс С-300 ПМУ американской компании за шесть миллионов долларов. Реальная же цена этой системы колеблется у отметки 60 миллионов. Надо быть очень наивными людьми, чтобы не понимать: разница между истинной ценой и названной слишком велика, чтобы представляться, как говорят коммерсанты, "упущенной выгодой". Скорее, речь может идти о неофициальной оплате чиновничьих услуг, которые позволили отнестись так легко и пренебрежительно к военным интересам соседней братской страны, а точнее, о взятках.

54 миллиона долларов на подкуп высших чиновников, если такое предположение подтвердится, — очень солидная сумма. Но именно она, как ни странно, объясняет, почему кому-то в администрации белорусского президента удалось уговорить руководителя собственной республики дать "зеленый свет" ранее осуждаемой и запрещенной им сделке»[314].

Понятно, что столь «убыточная» сделка должна была вызвать бурю возмущения у российского руководства. Сделка заключалась через фирму Пефтиева «Белтехэкспорт», а курировать ее по

должности был обязан госсекретарь Совета безопасности Виктор Шейман. Это было настолько важно, что Шейман лично позвонил мне и попросил принять главу «Белтехэкспорта» — и, конечно, «по мере возможности», помочь решить «один вопрос». Вот тогда вполне реальной, из плоти и крови, наделенный запоминающимися огромными ушами и не менее выразительным носом, г-н Пефтиев и оказался у меня в кабинете. Его появление было связано с тем, что именно в этот момент информация о такой крупной сделке стала достоянием общественности. Нужно было немедленно все дезавуировать — шумно, с подключением прессы. О прежних «грехах» Пефтиева никто из новой власти, оказывается, и не намеревался вспоминать!

Конечно, и Владимира Пефтиева, и Виктора Шеймана волновало не мнение белорусской общественности. Их тревожил гром, который внезапно начал раздаваться из кабинетов российской власти. Загромыхал первый вице-премьер правительства России Олег Сосковец: он прислал в Минск официальное письмо, чтобы выяснить, насколько соответствуют истине публикации в «Известиях». В интервью белорусской газете «Звязда», процитированной «Известиями», Александр Лукашенко тут же заявил:

«Это секретный комплекс, сделанный Россией с участием Белоруссии. Я не могу его продать. Если мы хотим торговать разумно, то такие шаги нужно решать совместно»[315].

Но сделка состоялась. И слова белорусского президента можно было понять лишь как приглашение российской стороне к совместным действиям подобного рода.

МИГи вместо картошки

Судя по всему, Россия это приглашение приняла.

«Лукашенко стал продавать новейшие самолеты МИГ-29, МИГ-27 и так далее — самые новые в белорусской армии, которые стояли на вооружении. Раньше мы эти самолеты просто не продавали. Сбывали старые, которые снимались с вооружения. Но совершить такие серьезные сделки, как многомиллионная сделка с Перу, да и другие, без России невозможно. При любой сделке по серьезной технике идет очень серьезная предпродажная подготовка, в нее вкладываются очень большие деньги. Меняются камуфляжное оснащение, запчасти, каждый вид техники устанавливается практически на полный ресурс. А такой возможности в Беларуси не было»[316].

Ну, положим, в белорусской армии они и считались «новейшими», но, в конце концов, «втюхали» перуанскому

президенту Фухимори самое что ни на есть старье:

«Эти МИГи поставили из России в Белоруссию еще в мою бытность. Они были старые»[317].

«Такие сделки проводились Беларусью вместе с Украиной и Россией. И всем было выгодно»[318].

Причем настолько выгодно, что сегодня уже можно с определенной долей уверенности сказать: все тогдашнее громыхание Олега Сосковца было не более чем данью общественному мнению России[319]. Ибо, как свидетельствует письмо министра обороны Анатолия Костенко на имя Лукашенко по поводу продажи все того же скандально памятного комплекса С-300, «подготовка данного контракта проводилась на основании:

— мнения Первого Вице-премьера Российской Федерации Сосковца О. А. (письмо Предприятия «Белтехэкспорт» от 14.09.1994 года);

— ответа Руководства ГК «Росвооружение» от 20.10.1994 года иск № 80130200/11), в котором поддержана инициатива Предприятия «Белтехэкспорт» о совместном экспорте оружия, в т.ч. С-300 ПМУ;

— письмо КБ «Кунцево» (от 02.11.94 года исх. № 10/5-509) о возможности экспорта ЗРК С-300 ПМУ без снятия грифа "секретно"».

Здесь надо поправить газету «Известия». По нашим данным, за ту часть С-300, которая находилась в распоряжении Беларуси и — будучи новой — стоила 1,2 миллиона долларов, покупатель выложил ровно 7,7 миллиона долларов. То есть продавали с явным наваром. Осталось лишь добавить, что истинным покупателем было Министерство обороны США, а в поставке элементов для предпродажной подготовки установки принимали участие российские, украинские и казахстанские структуры. Одним словом, кооперация, выгодная всем заинтересованным сторонам. Включая, надо полагать, и США.

Но кроме официального «навара», принадлежащего, как ни крути, государству, в таких случаях бывает еще и «откат» — то есть, деньги, получаемые «физическими лицами», «организующими» подобную сделку. Речь идет не о духах или коньяке, которые нынче считаются в Беларуси взяткой и служат поводом для увольнения главврача больницы или директора школы. Порядок цифр здесь совершенно иной. И вот тому свидетельство.

«В довесок» к «белорусским» МИГам, поставленным в Перу, новый директор «Росвооружения» Евгений Ананьев продал еще несколько — уже непосредственно от имени России. Размер «отката» Ананьеву достиг 18 миллионов долларов! А Беларусь

продала Фухимори целую эскадрилью. Спрашивается, о каком «откате» должна идти речь в данном случае?

Нужно сказать, что Лукашенко быстро вошел во вкус оружейной торговли и даже решил подорвать монополизм Владимира Пефтиева. С этой целью было создано предприятие «Белспецвнештехника», которое начало, минуя Пефтиева и его фирму, заключать договора с достаточно серьезными покупателями. Работали в этом направлении и специализированные ремонтные заводы Министерства обороны Республики Беларусь.

Чтобы не быть голословным, перечислю данные, взятые мною из отчетной записки министру обороны за 1996 год.

Итак, согласно контракту 3/Б/95 от 02.08.95, Алжиру БГВТП «Белспецвнештехника» поставила 12 орудийных панорам ПГ-1М к артиллерийским системам; по контракту 4/Б/95 от 02.08.95 — 20 тысяч неуправляемых авиационных ракет С-8 ДМ.

Судан купил у того же предприятия по контракту 1/Б/95 от 11.10.95 6 самолетов Су-25, 6 вертолетов Ми-24В, 4 вертолета Ми-26, 100 танков Т-55М, 2 радиолокационные системы П-37, 50 тысяч АКМ 7,62 мм, 500 ДШК 12,7 мм, 5 тысяч выстрелов ПГ-7 и 5 тысяч РПТ-7.

Более поздним контрактом, 2/В/96 от 14.02.96, та же «Белспецвнештехника» поставила в Судан 200 ПТУР9 М114.

Торговали не только с Суданом. По контракту 112/616/96-028 от 14.11.96 в Заир было поставлено 500 ПГ-7 и 50 РПГ-7.

Шла бойкая торговля и с Ираном. Так, по контракту 140 РЗ 024/В/2885 от 18.03.96 было поставлено 30 пусковых установок ПТУР 9П-135М. По контракту 140 РЗ 021/В/2885 от 28.08.95, тегеранские покупатели должны были получить 6 двигателей Т-72 В-46-6, 7 пушек 2А46-2, 12 КПП Т-72, 6 редукторов и 6 гитар Т-72.

Впрочем, последний контракт можно считать сорванным. Его задержали российские таможенники в новороссийском порту и вернули обратно. Дальнейшую судьбу данного груза никто не знает. Не исключено, что он дошел до заказчиков.

Так Беларусь вошла в первую десятку мировых лидеров не по продаже традиционного для нее картофеля, а в оружейном экспорте. Справедливости ради отметим, что продавалось не только новейшее российское вооружение, но и собственное, доставшееся по наследству от СССР.

Какая уж тут картошка! Можно было вообще ничего не производить: годовой бюджет страны вполне мог быть обеспечен

двумя-тремя крупными сделками по продаже самолетов, скажем, все тому же Перу — благо перуанцы с готовностью платили даже за такую рухлядь, которая валилась на головы зрителей буквально на военных парадах.

Россия действительно использовала Беларусь как посредника при продаже оружия в так называемые «проблемные государства».

Известны, например, резолюции вице-премьера России Олега Сосковца на письмах Пефтиева. Известно, что одним из проектов была совместная поставка в счет погашения задолженности за энергоносители, сырье, продукцию машиностроения и т. д., а также в счет погашения задолженности фирм Российской Федерации в адрес компаний и предприятий Польши специмущества из Беларуси: Т-72, МИГ-29, ИГЛА-1, ИГЛА-1М, Смерч, БМ-21, Точка-У, а также имущества и боеприпасов на сумму около 100 миллионов долларов. Мы не знаем, была выполнена эта операция или нет, однако не сомневаемся, что столь крупная сделка могла быть согласована с США, союзником которых Польша продолжает оставаться.

«Сильная разведка — английская, американская — позволяют отслеживать практически любые контракты, — говорит Павел Козловский. — Но у всех есть принцип торговли, такой же и у американцев, и англичан, и в России, и у всех стран, кто торгует оружием, и у Беларуси в том числе, когда оружие продается через третьи страны. Я не думаю, что те, кто продавали, продавали напрямую. Так торгует и Америка».

Это и дает Лукашенко зацепку для обвинения США в использовании «двойных стандартов»: почему это, мол, Польше Беларусь оружие может поставлять, а Ирану и Судану — нет?

Как это делается?

О том, как «технически» осуществляются подобные сделки, мне рассказала Тамара Винникова[320]:

«Республика имела право покупать и продавать оружие, но при этом соблюдать международные законодательные нормы. Для проведения данных операций государственными военными структурами счета должны открываться в Нацбанке. Техническое обслуживание таких счетов осуществляет банковский служащий, имеющий особый допуск, "особист", как их зовут в банковской среде. Эти операции имеют особый порядок оформления, специальные шифры, "особист" не имеет права самостоятельно даже проверять сам договор, вмешиваться в течение операции, за исключением чисто технических моментов проведения платежа.

Когда такие операции стали проводить коммерческие фирмы, у банков возникли сложности. Нацбанк не подготовил законодательную базу для этого.

Уже после объединения со Сбербанком в Беларусбанке был открыт счет одной из коммерческих фирм. Помощь в открытии счетов оказывали сотрудники Совбеза. Очень быстро на счета стали поступать деньги, однако тут и возникли сложности с их использованием.

После слияния банков все управление осуществляли кадры Беларусбанка, а они использовали внедренную западными мировыми банками систему проведения и контроля операций. У нас действовала система ступенчатого снижения риска и контроля. Например, у меня не было права приказать исполнить операцию никому, кроме заместителя, а он мог приказать только начальнику управления, последний начальнику отдела, и лишь тот — непосредственно исполнителю.

Исполнитель не имел права исполнить ничью команду, кроме своего начальника отдела, так как мгновенно был бы уволен. Эта схема ежечасно отслеживалась специальными контрольными службами.

Когда поступили первые платежи за проданную продукцию, фирма в тот же день принесла платежные документы для перевода денег из банка. Однако технический исполнитель отказался проводить операции, так как западный плательщик и банк этого плательщика при перечислении денег допустили ошибки в кодах и шифрах платежа. В соответствии с законодательными нормами, банк, принявший платеж, обязан сделать уточняющий запрос или вернуть деньги плательщику. До урегулирования всех технических моментов платежа деньги относятся на так называемый промежуточный счет, или "счет невыясненных платежей", как его называют в банках. Но ко мне пришел сотрудник Совета безопасности и потребовал немедленного перевода денег. Кроме того, рекомендовал свести до минимума число работников, соприкасающихся с платежами, что автоматически перечеркивало всю западную схему управления и контроля. Мои пояснения о невозможности совершения платежа были не поняты не только им, но и высшим руководством Совбеза и страны.

По их мнению, это был саботаж с моей стороны. Именно после этого мои отношения с Шейманом резко испортились».

Вскоре и последовал ее перевод — как мы помним, стремительный и неожиданный для самой Винниковой — на должность руководителя Национального банка. В «Беларусбанке» ее сменила Надежда Ермакова, добрая знакомая Лукашенко еще

со времен работы в Шклове. Надо полагать, «землячка» не разочаровала его: многие «винниковские» кадры, обремененные излишними знаниями, как говорят, были вынуждены уйти из «Беларусбанка», освободив места для более «надежных» — могилевских. Землякам Лукашенко всегда доверял больше. Особенно в вопросах, требующих секретности в работе с финансами[321].

Когда все так запутано и усложнено, даже неискушенному простаку нетрудно представить, о каких «откатах» и каких внебюджетных доходах здесь идет речь.

Вопрос только в том, куда шли деньги, полученные от торговли оружием.

Не в бюджет, разумеется, — иначе непонятно, зачем вообще вся эта непрозрачность и повышенная секретность.

Не в бюджет поступают и основные доходы от всех теневых сделок — будь то навар от беспошлинной торговли спиртным, или «откаты» за предоставленные преференции, или чистоган от оружейных сделок, и многое другое.

Триста грамм халвы для президента

Однажды, будучи человеком, не искушенным в бизнесе, я спросил Леонида Синицына:

— А что дальше происходит с деньгами, поступившими в президентский спецфонд?

Синицын от таких тем всегда старался уходить. Вот и на этот раз ответил неохотно, но важно:

— В президентском фонде деньги работают, как в любом банке. Под бизнес, который ты хочешь запустить, нужен начальный капитал. Я, скажем, хочу построить завод. Мне нужны деньги. Я получаю деньги, раскручиваю дело, потом деньги возвращаю с процентами. То есть обыкновенное ростовщичество.

— А дальше?

— Что — «дальше»?

— Как они тратятся?

— Ну… Мало ли критических ситуаций? Те же «мерседесы» для каждого председателя райисполкома, а их у нас больше сотни… Бытует и элементарное «конвертное» поощрение руководителя[322].

— А себе лично? Вы уверены, что при этом он сам себе лично ничего не откладывает?

— Зачем?

— Ну, на черный день, скажем…

— Если у него этот день наступит, боюсь, что деньги ему будут уже не нужны. И он это лучше нас с тобой понимает.

Когда о Лукашенко говорят и пишут как о самом богатом из правителей — налицо явная путаница. Правда, как только он начинает бить себя в грудь кулаком и уверять нас, как скромно он живет, путаница только усугубляется.

«У меня кошелька нет… Допустим, я люблю халву, когда вижу, какая она прекрасная, прошу купить мне граммов 300-400… Кошелька у меня сегодня нет и денег нет. Они просто не нужны, а если что-то нужно купить в своей стране, мои деньги всегда есть у моего помощника — зарплата моя. В счет зарплаты я и могу что-то приобрести».

Это из интервью А. Лукашенко газете «Подмосковные известия».

На самом деле за все десять президентских лет лично он ничего не приобрел, если не считать полагающегося по должности бытового комфорта и официальных знаков преданности от своих подданных. Хоккейная амуниция, горные лыжи, даже президентский «Боинг» — все это, по большому счету, побрякушки. К счастью нашему, страна у нас маленькая, ресурсами небогатая и к тому же европейская. Тут не воцаришься подобно Туркменбаши.

Правда, был управделами Титенков, тот самый помощник, который все обеспечивал, были какие-то громкие торговые скандалы. «Пятьсот миллионов туда, пятьсот сюда… Кое-что сэкономили на российском газе, покупая по одной цене, продавая по другой… Ну, малость приторговывали мимо бюджета оружием…»[323].

Лично я не сомневаюсь в том, что все эти деньги — не личные деньги Лукашенко. До сих пор никто не огласил ни номеров счетов на его имя или имя кого-либо из его родственников, ни сумм, находящихся на этих счетах. Вероятнее всего, таких счетов просто нет.

Они и не нужны ему.

Всегда найдется «доброхот», готовый взять на себя роль «президентского кошелька». Об этом стало известно после ареста крупного бизнесмена Виктора Логвинца, работавшего «под крышей» Ивана Титенкова.

Логвинец, известный в правоохранительных органах под кличками Витя-Колхозник и Бригадир, зарвался настолько, что Титенков «включил его в состав официальной делегации, возглавляемой Александром Лукашенко, для поездки в Турцию.

Поскольку МВД, КГБ и Совет безопасности в случае с Логвинцом на время забыли о межведомственной конкуренции и объединили усилия, Титенков решил, что Логвинцу не помешает самая высокая, точнее, августейшая "крыша". Так Колхозник оказался в президентской делегации, засветился перед телекамерами и окончательно уверовал в собственную неуязвимость»[324].

Но это не помогло. Заинтересованные в устранении такой досадной помехи «силовики», которых Колхозник пытался выдавить из нефтяного бизнеса, сумели довести до сведения Александра Лукашенко масштабы лично «заработанного» зарвавшимся Колхозником, который к тому же и высунулся, подставив Лукашенко.

Было получено «добро» на арест. Вот как описывает всю эту историю Иван Титенков, фактически «сдавая» Лукашенко прессе:

«Когда его арестовали, я был в командировке. Мне позвонили и сообщили. А Логвинец для меня был и остался как брат — я испытал настоящий шок. Он за пять лет моей работы до миллиона долларов принес в собственность государства. Мало того — именно за счет его средств всегда покупались личные вещи для Лукашенко — одежда, обувь и все остальное…

Я сразу хотел уволиться. Пошел к президенту[325], он начал на меня орать. Потом я еще несколько раз поднимал эту тему, и он однажды заявил мне: он сидит в тюрьме вместо тебя!»[326].

Очевидно, что, давая «добро» на арест, Лукашенко подставился. Арестом Вити-Колхозника его, по сути, вынудили признать, что в его окружении и чуть ли не с его ведома процветает коррупция, что даже личные вещи президента покупаются не на его деньги, и даже не на государственные, а на средства какого-то Логвинца!

В конце концов, Логвинца пришлось освободить — Титенков сумел вымолить ему и себе пощаду. Разумеется, освободили, хотя Лукашенко предварительно «национализировал» «заработанные» Колхозником средства[327]. Так дрессировщик иной раз вытряхивает из защечных мешков обезьяны орехи, которые бедняга не успела проглотить, — просто так, для профилактики. Чтобы знала, кто в доме хозяин.

Но деньги Лукашенко и впрямь не нужны. Не потому, что костюмы ему покупают на деньги новых и новых логвинцов. Просто деньги для него не являются самоцелью.

«Для него главное — власть, которая дает все. Зачем ему все остальное? Зачем ему деньги, уют, слава? Он может получить это в любой момент. Возможно, он любит считать свои личные деньги, если они есть. Но я думаю, что все в его системе

затевается не ради денег»[328].

Действительно, Лукашенко отличается от любого российского олигарха тем, что распоряжается не просто огромными суммами, но всей собственностью государства. Зачем же здесь набивать карман? Во-первых, смысла никакого: деньги, скажем, полученные в результате продажи в Перу эскадрильи самолетов, не утаишь — речь идет худо-бедно о трехстах миллионах долларов. Во-вторых, вся страна — твое хозяйство, а хороший хозяин, каковым считает себя Лукашенко, сам у себя не крадет. Он лишь бесконтрольно распределяет вырученные деньги.

Можно сказать, что главный чиновник Беларуси, каковым по должности является президент, ведет себя совершенно как директор инвестиционного фонда, среди акционеров которого нет консолидированного большинства. Он спокойно распоряжается их собственностью, как своей, определяя, кому и сколько дивидендов надлежит выплатить. Точно так же Лукашенко, выводя деньги из бюджета в свои «фонды», затем использует их для того, чтобы «подкормить» лояльный к нему электорат по социальным категориям либо в поддерживающих его регионах (например, в чернобыльской зоне). Здесь я полностью согласен с кинорежиссером Юрием Хащеватским:

«Лукашенко абсолютно убежден, что когда он не показывает деньги в бюджете, это не воровство. Представьте себе, как он рассуждает.

Вот сидит парламент, который должен распределять бюджет. Но разве эти идиоты могут распределить правильно, когда правильно могу распределить только я? Я один знаю, куда надо бросить эти деньги! Поэтому, когда я продаю МИГи в Перу, я эти деньги не покажу в бюджете. Но не потому, что я хочу положить эти деньги в карман, а для того, чтобы правильно распределить».

Это не называется воровством, что подтвердит любой юрист. Это всего только политическое злоупотребление властью. Но зачем тогда власть, если не злоупотреблять ею?

Святая вера в собственную правоту и собственную исключительность и приводит к тому, что Лукашенко, защищая свою бескрайнюю власть, верит в то, что защищает на самом деле интересы всего народа.

Даже когда покидает свой дом.

О том, как шел расчет за стремительный визит Александра Лукашенко на зимнюю Олимпиаду в Нагано, вспоминает бывший посол в Японии Петр Кравченко:

«Подходит время отъезда — одиннадцатый или двенадцатый

день. До отъезда надо рассчитаться за номера. Я подошел к Титенкову. Титенков привез с собой пол-автобуса сала, сувениров, водки — в полном смысле слова. Весь номер у него был забит всякой снедью и подарками. Правда, Лукашенко летел потом еще на Дальний Восток, делал еще где-то две посадки, поэтому вся эта снедь предназначалась не только для Японии[329].

Захожу к Титенкову:

— Иван Иванович, надо рассчитаться за отель.

Титенков подходит к портье, портье протягивает счета. Иван Иванович небрежно щелкает замком чемоданчика и буквально вываливает порядка ста тысяч долларов. И начинает пачками по десять тысяч совать их портье.

У бедного японца глаза стали круглыми, как блюдца. Он смотрит на Ивана Ивановича, как кролик на удава, и ничего не понимает. Нигде в цивилизованных странах так не делается, там рассчитываются карточками или оплачивают счета по перечислению. К слову, это позволяет осуществлять контроль за расходованием средств налогоплательщиков. А тут человек рассчитывается кэш — да еще за президента!

Понятно почему? Чтобы не было квитанций, чтобы все это прошло так же, как и все остальные "грешки" такого же рода[330].

А ведь эта поездка обошлась стране в несколько миллионов долларов. Один перелет, паркинг самолета — это сотни тысяч. Гостиница для летчиков, приезд и пребывание делегации, в которой не менее тридцати человек. С ним были Латыпов, Коноплев, Заметалин, Титенков, сын Лукашенко Виктор, целая группа журналистов, человек шесть охраны — итого человек тридцать.

И, подчеркну, никаких переговоров в Японии как у президента страны у Лукашенко в тот визит не было».

Как прикажете все это воспринимать? Может быть как своеобразную форму «моральной компенсации» за потраченные силы? Ну хочется Лукашенко «халвы» — так отчего же отказывать человеку в такой малости?

Глава четвертая. Самый сладкий бизнес

Реформы по-белорусски

Экономисты-рыночники хорошо знают, что нужно бы сделать нашему государству с неустойчивой экономикой, чтобы разбогатеть: отдать производство в руки частника.

Но меньше всего Лукашенко была нужна приватизация государственной собственности, поскольку это ослабило бы его

личное участие в управлении этой собственностью.

Хотя это вовсе не означает, что приватизации в Беларуси не было. Вопрос в том, какая это приватизация и кто в результате ее богатеет. Вот мнение одного из наиболее авторитетных белорусских экономистов, Леонида Заико[331]:

«Лукашенко запретил приватизировать заводы и фабрики, сохранив этот капитал для государства. Но те, кто ему это советовал сделать, да и он сам остановились на уровне первого тома "Капитала" Маркса. А если бы они прочли второй и третий тома, то узнали бы, что капитал бывает основной и оборотный. Запрет на приватизацию основного капитала вовсе не означает, что не произойдет приватизации оборотного, то есть денежных средств, находящихся в обращении у предприятия.

Станки, машины, оборудование, здания — к слову, безнадежно устаревающие — остаются в собственности государства, но деньги этих предприятий уже давно приватизируются различными дельцами».

Тех руководителей государственных предприятий, кто этому мешал и противился, Лукашенко разогнал или посадил. Именно карьерный директорат белорусских промышленных гигантов стал его жертвой. Так, были арестованы директора Могилевского объединения текстильных тканей «Моготекс» Владимир Семенов, Белорусского металлургического завода Юрий Феоктистов, Минского тракторного завода Михаил Леонов, Минского завода холодильников Леонид Калугин, новополоцкого ПО «Нафтан» Константин Чесновицкий. В каждой ключевой отрасли белорусской промышленности — добывающей, легкой, машиностроительной, нефтехимической — кого-то из руководителей арестовывали, судили.

«Пошла повсеместная чистка, подбор людей не по принципу профессионализма, а по принципу абсолютной лояльности. В первую очередь уничтожаются умные, самостоятельные и слишком много понимающие. К управлению приводятся люди без какой-либо иной мотивации, кроме личной преданности. Их и прикармливают. А те, кто честно и умно работал, — или в тюрьме, или на пенсии, или за границей. Ну, поскольку на дворе все-таки XXI век, их попросту не расстреливают»[332].

Новые «свои люди» были покладистее. Не имея до поры собственных интересов, будучи в большинстве случаев пришельцами со стороны, они охотно соглашались на то, чтобы поставки сырья и комплектующих на их предприятия, а также сбыт готовой продукции вели те фирмы, которые указывали им вышестоящие начальники, осуществлявшие за этим контроль. А где контроль — там и живые деньги.

Дороже купишь сырье и комплектующие, дешевле продашь продукцию — и в обоих случаях получишь «откат», которым поделишься с «контролером». Так даже самые крупные предприятия становились заложниками фирм-паразитов, обдиравших их совершенно безнаказанно. Если, конечно, хозяева этих фирм не забывали, кто их облагодетельствовал. А если забывали, то Лукашенко сразу объявлял их жуликами и «вшивыми блохами», после чего и начинались аресты.

На самом же деле это было борьбой за финансовые потоки.

Понятно, что при этом и верноподданные начальники, и стоявшие над ними контролеры жить начинали все лучше.

Говорит Геннадий Грушевой:

«Сегодня развивается капитализм по единственной модели — капитализм, работающий исключительно на власть. Создаются мощнейшие компании, туда даются деньги, преференции. Но эти компании возвращают деньги не государству, не обществу, даже не своим работникам. Большая часть прибыли уходит на эту власть, на ее прихлебателей, на всю систему.

Как живут верноподданные чиновники? Я бывал в их особняках. Они живут очень хорошо, ничего не стесняются. Вы посмотрите, какие хоромы выстроены в любой заповедной зоне. Вы посмотрите, на каких шикарнейших лимузинах ездят обыкновенные клерки. Все знают, сколько стоят эти модели. Они спокойно приезжают на них к своим чиновничьим офисам, и никто не спрашивает, откуда все это взялось. За какие деньги? Он что, их заработал? Никто таких вопросов не задает. И никто не прячется. А когда кто-то все же начинает интересоваться, сам Лукашенко встает и говорит:

— Это не ваше дело. Это государство позаботилось.

Лукашенко давным-давно понял, что со своими собственными олигархами нужно дружить. Он разорит любого, кто попытается ему перечить, но с этими он живет в мире. В итоге у нас сложился вполне буржуазный — по привычкам, по отношению к деньгам — класс чиновников. Они имеют очень большие Деньги. Они почувствовали вкус роскошной жизни. Но они понимают, что так жить можно только в альянсе с этой властью, в альянсе с этим президентом».

Безбедное существование этого привилегированного класса чиновников и «теневиков» очень даже в интересах Лукашенко. Никто из них, помня, что у него «рыльце в пушку», никогда не станет ему перечить, тем более посягать на его власть. «Это, может быть, на сегодняшний день единственная более-менее приличная опора этой власти, — продолжает Грушевой. — Хотя вы понимаете: там, где деньги, приличной, надежной опоры быть

не может. Появится больше денег, появятся иные гарантии, и эта публика рванет от своего непредсказуемого покровителя».

С конкретным умыслом

Зато бизнесу легальному крайне нелегко ужиться в одной стране с Лукашенко.

Причин этому несколько, и все они в характере нашего героя.

Во-первых, Лукашенко патологически ревнив к тем, кто достиг каких-то успехов до него или при нем, но без его контроля и личного участия. Его противником становится любой, кто сумел хоть как-то вырваться благодаря собственному творческому и деловому потенциалу. Ведь это означает, что Лукашенко имеет дело с человеком умным, талантливым и, безусловно, амбициозным, осуществляющим собственную, самостоятельную программу в жизни.

Во-вторых, он мстителен и злопамятен. И не прощает никого, кто его в свое время не поддержал.

Хуже всего, когда первое и второе совпадает. Да еще добавляется третье — экономические интересы властных структур.

Ярким примером того, какая судьба ждет в Белоруссии тех, кто заработал большие деньги еще до прихода Лукашенко к власти, стала история финансовой группы «ПуШе».

Ее руководитель Александр Пупейко сегодня рассказывает о гибели «ПуШе» почти с тоской — словами влюбленного, у которого похитили любимую девушку: «Да, меня предупреждали о готовящемся разгроме. На разных уровнях, разные люди: и МВД, и КГБ, и Служба контроля, и правительство. А я не верил. Анализ и здравый смысл показывали, что нет формальных поводов за нас взяться. Ну нет! Мы все делали по закону. Юридическая служба — вторая по значимости после экономической — была у нас весьма грамотной.

С другой стороны, работа "ПуШе" была настолько выгодна государству, что надо было быть, на мой взгляд, полным идиотом, чтобы давить нас. Я математик и мыслю рациональными категориями, хотя когда в 1996 году я еще надеялся на рациональное поведение Лукашенко, Кебич мне четко и ясно сказал:

— Саша, слово "рационально" и Лукашенко — это два несовместимых понятия.

Так вот, рациональность заключалась в том, что, например, в июне и июле 1995 года группа компаний "ПуШе" заплатила в

казну тридцатую часть доходной статьи бюджета Республики Беларусь. И это давало мне основания считать, что "ПуШе" для страны — курица, которая несет золотые яйца. А работало у нас всего две тысячи человек».

Конечно, с точки зрения рациональной, существование «ПуШе» было выгодно государству. Кто ж от такой «курицы» избавляется? Но прав в данном случае оказался как раз экс-премьер Вячеслав Кебич, попытавшийся, по сути, объяснить бизнесмену, что рациональные подходы в Беларуси ничего не значат, когда речь идет об амбициях.

Повод для расправы с «ПуШе» нашелся сам собой. Частная финансово-инвестиционная компания «Фико» предложила «ПуШе» выступить поручителем в ходе сделки по покупке зерна. Пупейко согласился. Но «Фико» не выполнила своих обязательств, и «ПуШе» пришлось отвечать собственным имуществом[333].

Крупнейшего частного налогоплательщика Беларуси разгромили садистски и явно в ущерб экономике государства. И речь шла вовсе не о возмещении каких-либо потерь, а именно о разгроме, причем с весьма конкретным умыслом.

В результате работы ликвидационной комиссии фирмам Пупейко была насчитана задолженность в пять миллионов долларов. Не станем вместе с Пупейко спорить о методиках подсчета. Дело не в этом, а в том, что активы «ПуШе» составляли в тот момент около 26 миллионов долларов, так что насчитанная задолженность покрывалась легко. Но когда ликвидаторами все было распродано, то покрытыми оказались… лишь четыреста тысяч из пятимиллионной задолженности. Так, например, коттеджный поселок «Приморье» со всей инфраструктурой был оценен всего в сорок тысяч долларов. И это при том, что одна из фирм «Газпрома» намеревалась купить его за четыре с половиной миллиона.

Поселок действительно хорош. И коттеджи, и бассейн, и баскетбольная площадка. За сорок тысяч долларов его каждый бы купил. Последний слесарь с захудалого минского завода нашел бы деньги под эту сделку. Но его не стали продавать вовсе, а просто передали Управлению делами президента. Нет, не за смехотворные сорок тысяч долларов, а бесплатно.

Прав Александр Пупейко: «Самый сладкий бизнес — ликвидация чужого бизнеса». Особенно если ты ликвидируешь его в свою пользу и к своей выгоде.

Но и без пользы, без всякой выгоды происходит то же самое. О чем красноречиво свидетельствует следующий пример.

«Он живым меня не отпустит»

На сей раз жертва была избрана показательная — председатель колхоза «Рассвет» Кировского района Могилевской области, дважды Герой Социалистического труда, фронтовик, лауреат Государственной премии Василий Старовойтов.

«Одним из первых в Беларуси он осознал принципиальную выгоду для всех работников новой, рыночной модели организации аграрного комплекса. Колхоз превратился в акционерное общество. Здесь было все: теплицы, мебельное и консервное производство, даже собственный банк — самый прибыльный банк в Беларуси! И все это принадлежало не государству, а самим крестьянам. Старовойтов твердо знал, как нужно работать:

— Ведь что нужно в рынке? Произвести продукцию — это первое. Второе — продать продукцию. А продать всегда можно, если торговаться с умом. Торговать с выгодой получится у собственника. Только ему никто не должен мешать… В компактной Беларуси рынок наладится быстро. Надо подчиниться рублю, а не главнокомандующему всеми крестьянами, коровами, свиньями и гусями…»[334]. Естественно, что Лукашенко, превозносивший централизованное государственное управление экономикой, не мог смириться с подобными подходами. Вспоминает министр сельского хозяйства и продовольствия Василий Леонов:

«Во время уборочной в августе 1997 года мне приказали быть на совещании в Брестской области. Туда прилетел и Лукашенко и начал разговор не с уборочной тематики, а — со Старовойтова.

— Вот, подлец Старовойтов, все развалил, разворовал, а ты, — ткнул он в меня пальцем, — его еще защищаешь!

Я возразил:

— Там есть кого защищать и что защищать! Президент обратился к Гаркуну[335]:

— Немедленно снять с работы и посадить! (Имелся в виду Старовойтов)»[336].

Старовойтову, согласно закону, при жизни полагался памятник, о чем было соответствующее решение. Бюст дважды Героя был даже отлит из бронзы и лежал на заднем дворе его хозяйства: пока отливали, и СССР распался, и президента успели избрать. Рассказывают, что Старовойтов надеялся: на открытие памятника приедет и Александр Лукашенко. Но взамен «в хозяйство нагрянул батальон ревизоров, следователей, милиционеров. Оккупировали, как в войну. Люди боялись пикнуть. Им пообещали: если проголосуете за возвращение колхоза, государство вам поможет, вы заживете еще лучше, чем прежде»[337].

«Предъявили» Василию Константиновичу многое: незаконное хранение оружия (старой охотничьей винтовки), взяточничество и дачу взятки, вымогательство, присвоение коллективной собственности. Дело заняло много томов.

Тем, кто видел, навсегда запомнится сидящий на веранде в общем-то заурядного по белорусским меркам собственного дома старик в пиджаке, увешанном наградами, полученными за долгие годы труда. В глазах — искреннее непонимание: «За что?!» И слова, несколько раз повторенные им перед журналистами: «Он живым меня не отпустит. Он меня убьет».

В момент оглашения приговора мы были в Кировске вместе с известным российским правозащитником Валентином Гефтером. Услышав про два года тюрьмы с конфискацией имущества Старовойтов явно оторопел, во взгляде, голосе чувствовались обида и гнев: «Мне обещали…». Жена, молодая еще женщина, подошла к клетке, в которой сидел ее разом осунувшийся муж. Прессу начали выгонять из зала заседания, но все, не отрываясь, смотрели на эту семью: жена, плача, держит руки мужа и говорит, говорит… И он — только смотрит на нее и шепчет что-то…

В отличие от Пупейко, никаких особых богатств у Старовойтовых конфисковать не смогли, даже в пользу Управления делами. Забрали бытовую технику, картины, библиотеку Книги и картины продавали на аукционе, в котором участвовали лишь представители консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ и посольства Германии. Торг шел недолго: немцы переплатили ровно один белорусский рубль по сравнению со стартовой ценой аукциона. И вернули вещи Старовойтовым.

Тем не менее в этих двух «наездах» — на «ПуШе» и на Старовойтова — есть общее: мотивы, по которым они совершены. Кроме очевидного стремления «опустить» слишком самостоятельных и успешных, поставить их на место, здесь налицо и стремление отомстить.

Мстить было за что. Пупейко, как мы помним, не поддержал Лукашенко во время его первой избирательной кампании, и даже напротив — был на стороне Станислава Шушкевича. Старовойтов тоже публично не поддержал Лукашенко:

«Ну, собрали нас, председателей и руководителей, чтобы к ручке приложились и на выборы благословили… Так я ему в лицо сказал: "Не по вам ноша, Александр Григорьевич"»[338].

«Батька», «Лука» или «пахан»?

Директора Минского тракторного завода Михаила Леонова арестовали, сняв с поезда, когда он ехал в Москву. Леонов не собирался бежать, преступником себя не ощущал, кроме того, был весьма лоялен к Лукашенко, о чем свидетельствовали хотя бы результаты голосования на выборах президента, точнее — «подсчета голосов» на участках, где членами избирательных комиссий были ответственные работники МТЗ.

Тракторостроители проголосовали «правильно», если судить по объявленным результатам. И первичные ячейки «свободных профсоюзов» были на МТЗ ликвидированы сразу, как только поступила команда, да и вообще «директивы» на МТЗ исполнялись достаточно добросовестно. Опытный генеральный директор гигантского предприятия правила игры всегда знал. Тем не менее, попал за решетку. Чего ему только ни инкриминировали — от присвоенных миллионов долларов до «хищения» мобильного телефона.

Леонов, как и многие другие директора, был к власти Лукашенко лояльным, Александр Пупейко — нелояльным, Старовойтов готов был стать лояльным. Но дело, оказывается, вовсе не в том, поддерживаешь или не поддерживаешь ты курс, проводимый Александром Лукашенко. Собираешься ли ты ему мешать и перебегать дорогу или готов просто трудиться во имя и во благо. В самом этом «просто трудиться» уже содержится повод для раздражения.

«Даже не важно, может быть, директор завода холодильников на самом деле и не собирался никогда становиться президентом и даже премьер-министром, но он потенциальный лидер, он излишне самостоятельный, слишком успешный руководитель, у него сильное предприятие, его любят работники»[339].

За эти годы у нас уволено, унижено, посажено так много руководителей всех рангов, что прежде вопроса — по каким причинам это произошло, возникает естественный вопрос — а все ли они виноваты?

«Бесспорно, — решительно отвечает на этот вопрос писатель, публицист и в недавнем прошлом всем известный бизнесмен Евгений Будинас. — Виновны все, пусть даже не в том, что им инкриминируют. Потому что невиновных у нас в стране нет. Так, за десять лет работы в бизнесе я не предпринял ни одного в полной мере законного шага. Ну, например, я поставил мельницу и выстроил музей, но не согласовал при этом ни один проект, химичил с оплатой, завышал затраты и занижал прибыль, уходил от налогов… Совесть моя как бы чиста — не для себя лично все же делал, как и многие другие, а для общественной пользы. И

знаю, что если бы так не поступал — никакой мельницы и никакого музея попросту не было бы… Люди подставляются под санкции не от страсти химичить, а от "производственной необходимости". Дело в том, что законы, указы, декреты (многие из которых сами по себе незаконны) создают в стране ситуацию, когда нарушает закон у нас практически каждый. Почему? Да потому, что их просто невозможно, да и нелепо было бы выполнять…».

Такое положение вполне устраивает Лукашенко. Когда все — снизу доверху — воры и преступники, управлять ими легко. В любой момент и каждого можно приструнить, привлечь, наказать, скомкать, унизить, уволить, посадить. Нет, не сразу всех, а выборочно, по команде.

«Правоохранительные и карательные органы у нас так и работают — избирательно, — продолжает Евгений Будинас. — И только по указанию свыше. Наезжают на человека, когда настал момент, подошла очередь».

В народе Лукашенко называют «батькой». Это он сам придумал, и прижилось. В последнее время, правда, как-то отошло, забылось. В обиходе его теперь чаще именуют «Лукой».

А в деловых кругах величают уже не «батькой», и не «Лукой», а «паханом», имея в виду, что стиль его управления — по собственным законам, то есть «по понятиям» — очень похож на уголовный. Так «пахан» «разбирается» со своим «общаком», в который у нас превращена государственная казна.

И власть он держит, как истеричный «пахан». Ревниво замечая, как рядом с ним усиливается, обретает вес то одна, то другая фигура, он настороженно оценивает ее возрастающие возможности. Недоверие к соратникам и подручным умножается в геометрической профессии, умножая и страх перед ними. А вдруг в чью-нибудь голову закрадется злокозненная мыслишка: дескать, что ж — только Лукашенко править? И мы могли бы…

Даже если таких намерений у подданных и нет, это не означает, что они не могут рано или поздно возникнуть. Власть сродни паранойе: она вынуждает подозревать. Единственная возможность избавиться от мучительной бессонницы, от бесконечных мыслей о том, что вот-вот кто-то отберет у тебя «кормило» — нанести «упреждающий» удар. Только так можно заставить служить себе не за совесть, а за страх.

Общая причина — болезненное недоверие и потребность держать всех в страхе. А вот мотивы «наездов», санкций, репрессий бывают весьма разнообразными.

Что это за мотивы?

О некоторых уже сказано. Здесь зависть, ревность, месть, замешанные на корысти. Но ими, увы, дело не ограничивается. При внимательном рассмотрении мотивы, побуждающие Александра Лукашенко к репрессиям, предстают перед нами в достаточно откровенном и строго сформулированном виде. Для множества людей, подчиненных власти и пытающихся при ней как-то существовать, эти мотивы неизбежно обретают характер своеобразных заповедей, подпирающих фундамент лукашенковского мироздания.

Глава пятая. Восемь заповедей «от луки»

Заповедь первая: «Не нарушай порядок»

«Порядок» в авторитарном обществе, в воровской малине и в тюрьме, как известно, начинается с установления строгой субординации, при которой слабый, подчиненный панически боится сильного — начальника. Все должны понимать, что равны перед «законом», который воплощен в воле «пахана». Чтобы не забывались, эту волю пахан должен постоянно демонстрировать, раздавая подзатыльники «в назидание». Для раздачи подзатыльников у «пахана» обычно есть «шестерки», у нашего — следователи, прокуроры и судьи, ретиво исполняющие его волю.

Так были арестованы[340] банкиры (Винникова и Хилько), премьер-министр (Чигирь), министры (Леонов и Маринич), «колхозный генерал» (Старовойтов), «промышленные генералы» (Леонов с МТЗ, Феоктистов, Калугин, Чесновицкий), интеллектуал, пошедший в услужение к власти (Эйдин), предприниматель и депутат (Климов), «человек из команды» председатель Гостелерадио (Рыбаков), новый «кошелек» — управделами президента (Журавкова), транспортник, начальник Белорусской железной дороги (Рахманько), ректор Гомельского медицинского университета (Бандажевский), журналисты (Шеремет, Ивашкевич), поэт (Славомир Адамович), а также директора и завмаги, мелкие торговцы и чиновники — без числа. А воровской «авторитет» «Щавлик» (настоящая фамилия — Клещ) просто исчез в одночасье.

Говорит уже хорошо знакомая читателю Тамара Винникова:

«Моим арестом президент хотел подчеркнуть, что для него вообще не существует пределов ни в каких отношениях — ни в политических, ни в экономических, ни в личностных. Как он сам сказал, у него нет команды, то есть у него нет таких людей, которых он бы не сдал для установления "порядка" — во имя дальнейшего упрочнения своей власти»[341].

Вот таким образом выстроенная система подавления и унижения способствует осознанию «арестантами», что они — никто и фамилия их — арестантский номер.

Кто не сел — уехал. Работают в Москве. И здесь не один десяток имен, начиная с премьер-министра Ермошина, исполнительного секретаря СНГ Коротчени, управделами Титенкова, министра энергетики Мишука, генерала Павлова…

С теми же, кто остался и пока еще на свободе, обходятся, точно с бесправными арестантами: губернатора Куличкова выводят под руки с совещания в собственном кабинете, министра обороны Мальцева публично выставляют алкоголиком, генерала Князева разжалуют до полковника, министра иностранных дел Антоновича мешают с дерьмом, заставляя публично нести чушь на глазах у всего мира. Экс-президента Академии наук Войтовича и ректора БГУ в ранге министра Козулина — публично оскорбляют с трансляцией по телевидению.

«Социально не опасных» бунтарей (забастовщиков из минского метрополитена) просто ссылают в колхозы, чтобы там перевоспитывались, перековывались. Был бы Беломорканал — там бы искупали свои грехи и приобщались к строительству будущего.

На место поставлен не только парламент, о чем уже подробно говорилось, но и правительство. Премьеров увольняют не за реальные просчеты, а с «назидательной» целью. Правительство отправляют в отставку за «невыполнение обязательств перед колхозниками, которым не все заплатили за произведенную продукцию». (И это в стране, где эти обязательства не выполнялись ни разу с 1917 года!). Плачущему от обиды за такое премьеру, публично «отстеганному» Новицкому, буквально тут же вручают «пряник», назначив руководить Советом Республики: пусть поплачет там.

С иностранцами проще — за «нарушение порядка» их сразу депортируют, чтобы не лезли со своим уставом. Депортировали лидера польской «Солидарности» Мартина Кшаклевского, российского парламентария Бориса Немцова, за которым последовала и вице-спикер Госдумы Ирина Хакамада. Не впустили в страну представителей фонда Сороса и фонда Эберта (американца Питера Берна и немца Гельмута Курта). Дождавшись окончания срока виз, выдворили и группу ОБСЕ во главе с Хансом-Георгом Виком.

Заповедь вторая: «Не возомни себя всесильным»

Показательные аресты высокопоставленных чиновников

начались с января 1997 года, то есть сразу же после референдума, оставившего на белорусской вершине власти только одного игрока.

Первый такой арест произошел буквально через полтора месяца после референдума. Была взята под стражу глава Национального банка Тамара Винникова.

Эта сильная и талантливая женщина никогда не скрывала своих амбиций. Она мечтала о карьере и приблизилась к вершине, став одним из наиболее влиятельных банкиров Беларуси. Адекватно оценив ситуацию, сложившуюся после избрания Лукашенко президентом, Тамара Дмитриевна стала его активно консультировать, используя свое влияние для укрепления возглавляемого ею «Беларусбанка». Так началось ее последнее и самое крутое восхождение к власти.

Винникову назначили председателем правления Национального банка. Хотя, по ее утверждению, сделано это было впопыхах и чуть ли не против ее воли.

Но это назначение не было пределом карьерного роста для амбициозного и властного финансиста. Поползли слухи, что Винникова задумала стать белорусской Маргарет Тэтчер — возглавить правительство и провести масштабные экономические реформы. Нужно сказать, что жесткости ей бы для этого хватило. И основания для таких слухов, по утверждению самой Винниковой, были:

«Уже в период исполнения мною обязанностей главы Нацбанка мне дважды поступало предложение возглавить правительство. Одно из предложений было очень настойчивым и, на мой взгляд, опасным».

Однако у «царицы Тамары» сработал инстинкт самосохранения. От столь лестного предложения она отказалась и ушла в отпуск, с твердым, по ее словам, намерением покинуть государственную службу:

«Я пришла к президенту в конце декабря, подала ему прошение об отпуске, проинформировав, где я буду, сколько времени и почему. Я сказала, что состояние здоровья не позволяет мне работать в столь напряженном режиме, и я хотела бы немного подлечиться. На этом мы и расстались…».

Вскоре срок полномочий Винниковой в должности председателя правления Национального банка автоматически истекал. Уехала она, не подав «объективку» и тем самым как бы отказавшись от своего переутверждения в должности…

Дальше начинается почти детективная история.

Винникова действительно была в отпуске и находилась за

границей. Мало того — ходили слухи, что она уже не вернется в Минск, что у нее уже есть паспорт гражданки другого государства и что свои личные средства она якобы перевела в иностранные банки.

Лукашенко забеспокоился и решил подстраховаться. С его личным участием был разыгран настоящий спектакль.

В дневном выпуске новостей показали «высочайшее посещение» одного из минских заводов. Поскольку после отставки Михаила Чигиря вакантной оставалась должность премьер-министра, кто-то из журналистов поинтересовался возможной кандидатурой: Линг, Ермошин, Домашкевич?.. Лукашенко хитро улыбнулся в усы:

— А что вы все время мужчин называете? Что у нас — своей Маргарет Тэтчер быть не может?

В вечернем выпуске новостей этой фразы уже не было. Но она сделала свое дело. Винникова, по ее словам, ранее упорно отказывавшаяся от высоких назначений, вдруг соблазнилась головокружительной перспективой и вернулась, утратив бдительность.

Скорее всего, первая банковская леди Беларуси не однажды потом жалела о том, что смогла купить авиабилет на родину в тот роковой день. Потому что ровно за полсуток до истечения ее полномочий Винникову арестовали.

«Я была по телефону приглашена Домашкевичем[342] как бы на совещание по указу о валютных операциях, — рассказывает Винникова. — Прибыла, когда там было уже много сотрудников правоохранительных органов и Совета безопасности. Приблизительно через 15 минут после начала я была приглашена к телефону в соседний кабинет, где находился следователь прокуратуры, предложивший мне "побеседовать". Его интересовали мои служебные обязанности в "Беларусбанке"… Мы тихо вышли. Никаких наручников никто не надевал, никаких истерик, как в прессе кто-то пытался писать, не было: спокойно спустились. Там ждала машина, сотрудники, которые ее сопровождали, были в масках. Я так полагаю, это те же охранники, которые меня охраняли в банке "Беларусь", затем в Нацбанке…

Через пять минут мы пересекли проспект Скорины и оказались в следственном изоляторе Комитета государственной безопасности… Меня сопроводили в камеру, позже я узнала, что она была приготовлена заранее, потому что была довольно чистая, ее вымыли. Надо отдать должное сотрудникам КГБ, на столике была приготовлена литература, те книги, о которых когда-то в интервью я говорила, что они являются моими

любимыми, — все они лежали на столике. Это Толстой и Достоевский, правда, старые, истрепанные уже книги»[343].

«Преступление и наказание» — чтение как раз для тюрьмы.

Арест действующего председателя правления Национального банка требовал хоть какого-то внятного объяснения. Началось следствие.

«Было привлечено 28 следственных и оперативных работников — это больше, чем по известному делу Михасевича[344]. Кроме того, было задействовано более пятисот работников ревизионного аппарата, которые делали ревизию в 45 филиалах банка "Беларусь"»[345].

Однако вся эта гора в конечном итоге родила маленькую серую мышь. Вот как об этом вспоминала сама Винникова спустя полтора года после своего ареста:

«В момент ареста мне инкриминировалось, что сотрудникам банка "Беларусь" за 1995 год была неправильно выплачена премия… Потом эти цифры много раз менялись, и в сторону увеличения, и в сторону уменьшения, но далее этот эпизод был снят и обвинение по нему не предъявлялось. А в настоящее время я обвиняюсь в том, что похитила цептеровские кастрюли на складе банка "Беларусь", причем взяла их по истечении года работы нового председателя… За полтора года был один допрос по этому эпизоду, длившийся около часа… Таким образом, сегодня я обвиняюсь в хищении кастрюль у государства, за что предусматривается статья от 8 до 15 лет. Другие обвинения мне не предъявлялись»[346].

Когда через полтора года уголовного преследования председателя Нацбанка в обвинительном заключении против нее остаются кастрюли, в смешной ситуации оказывается уже глава государства, с ведома которого и, надо полагать, по прямому указанию которого следствие велось.

Дело, разумеется, не в кастрюлях!

Не за это ее посадили. И не из-за комичности ситуации из следственного изолятора КГБ перевели под домашний арест, а потом позволили благополучно бежать за границу.

За что посадили, достаточно ясно объясняет Леонид Синицын:

«От близости к Лукашенко Тамара Дмитриевна вообразила себя всемогущей. Она захотела стать олигархом во власти, использовать свое положение для укрепления собственного бизнеса. И достаточно уверенно к этому шла, отодвигая в сторону

многих. Схема, известная по России, где таких примеров хватает. Но Беларусь — не ельцинская Россия, у нас здесь олигарх, как известно, может быть только один. И мы, как говорится, знаем его имя…».

Почему выпустили, почему не довели дело до суда, тоже легко понять. Винникова слишком много знала.

А как много она знает, мы можем представить уже по тому, что она нам рассказала. Это и факты махинаций с курсом валют и конвертацией в пользу «придворных», и финансовый механизм сделок по продаже оружия, и незаконное финансирование первой избирательной кампании Лукашенко…

«Меня не однажды посещали высокопоставленные действующие силовики, например, министр МВД Захаренко, и просили копии документов», — говорит Тамара Винникова.

Вот почему исчезновение ее из-под стражи было расценено общественностью либо как неожиданный побег, либо как убийство. Оппозиция и негосударственная пресса наперебой утверждали, что Винникову убили, чтобы она не рассказала лишь ей одной ведомую правду. В качестве доказательства приводили тот факт, что никто из тех, кто по должности обязан следить за тем, чтобы подследственная не исчезла, так и не был наказан. Представители власти только загадочно улыбались: мол, знаем, где наша рыбка плавает!..

Нет, не потому ее отпустили без суда, что неловко, да и смешно держать под стражей, а потом судить известную всей стране женщину, главного банкира страны, обвиняя ее в хищении каких-то кастрюль. А потому, что слишком о многом она могла бы на этом суде рассказать. В отчаянии — пожалуй, гораздо больше и откровеннее, чем сейчас в своих письменных ответах на наши вопросы.

Заповедь третья: «Не жди признания заслуг»

Однако Винникова — банкир, она не была карьерной чиновницей и среди чиновников во власти оставалась белой вороной. Ее арест мог продемонстрировать лишь равенство мужчины и женщины перед карающей силой лукашенковского гнева. Для острастки чиновников нужен был иной пример. Показательной жертвой должен был стать человек, прошедший всю служебную лестницу, обладающий несомненными заслугами перед государством — и лично перед Александром Лукашенко. Нужно было «грохнуть» «совсем своего».

Таким человеком и стал Василий Леонов, которого

Лукашенко когда-то называл своим учителем. Тот самый Леонов, который, будучи первым секретарем Могилевского обкома коммунистической партии, лично извинялся перед директором совхоза «Городец» за неправомерные действия местных партийных органов. Лукашенко, напомним, назначил его министром сельского хозяйства и продовольствия — доверил один из важнейших постов в государстве. Значит, в деловых качествах не сомневался.

Но не сомневался и в другом: Леонов слишком самостоятелен и не привык скрывать свои взгляды, причем его точка зрения очень часто расходилась с мнением самого Лукашенко. К тому же, занимаясь и закупками зерна, и взаимозачетами, и производством спиртного из «давальческого сырья», и многом чем еще, он тоже немало знал. А значит — был потенциально опасен.

Василий Леонов вспоминает:

«Мне рассказывали, как в присутствии нового премьера и вице-премьера, ведущего село[347], Лукашенко перебирал личные дела членов правительства, достал и мое и спросил:

— А с этим что делать будем?

Неожиданно поднялся Гаркун и категорически выступил за мое назначение:

— Пока менять некем, нужно назначать…

— Хорошо… Пусть поработает… — молвил Лукашенко и отложил мое дело в сторону. Но решение, судя по всему, уже принял…»[348].

Министр знал, что на него давно собирают компромат, однако в отставку не ушел, несмотря даже на арест Винниковой. Когда, работая над книгой, я спросил Василия Севастьяновича, почему этот первый громкий арест не заставил его вступиться за главного банкира, Леонов посмотрел на меня, широко раскрыв глаза:

— Но ведь она была из другого клана!

«Не из нашего клана» — значит, нас это не касается. Чего там за них заступаться?! Так рассуждают многие, не думая о том, что сегодня — его, а завтра — тебя. И сразу проигрывают Лукашенко, который, между прочим, за «своих» заступается — и за Слободана Милошевича, и за Саддама Хусейна. И за Павла Бородина.

Надо сказать, что за этой нечаянно оброненной фразой о кланах стоит многое. Именно клановость своих подчиненных Лукашенко сумел создать и заботливо лелеял. Хорошо помня принцип «разделяй и властвуй», он всегда умело им пользовался.

Говорит Геннадий Грушевой:

«Вокруг Лукашенко сложились очень жестко конкурирующие кланы, представители которых не только не поддерживают и валят "чужаков", но готовы перейти все грани — начать физическое уничтожение друг друга. Если случится, что Лукашенко случайно уберут, у нас не демократическая оппозиция окажется в эпицентре борьбы за власть, а начнутся разборки между этими кланами. У них же столько структур, в том числе и силовых, столько денег. Они начнут здесь такую гражданскую войну!

Но за Лукашенко они все держатся. Они понимают: пока он есть, они сосуществуют. А если его не будет, то тот клан, который окажется сильнее, уничтожит не оппозиционеров, а своих бывших соратников-попутчиков. Лукашенко и сегодня позволяет им воевать между собой, не забывая демонстрировать свою силу: "Вот видите, они вас задавили. Но я приду и скажу свое слово. Но я скажу его, когда мне будет надо, а не когда вы ко мне прибежите и за своего попросите. Это он для вас — свой, а для меня — еще посмотрим".

Это вполне грамотная модель деспотического управления. Он не может бросаться в каждый угол и уничтожать или спасать каждого чиновника. Он только тем из них занимается, кто в данный момент оказывается важной фигурой для его общей игры».

Арест для Леонова не стал большой неожиданностью: «Мой арест готовился заранее. Даже отправили в отпуск, чтоб не путался под ногами, да еще, не дай Бог, публично не ляпнул что-нибудь непозволительное»[349].

Неожиданным было обвинение.

Его обвинили в подготовке и организации… политического убийства.

Дело в том, что в октябре 1997 года был убит начальник управления Госконтроля по Могилевской области, близкий к Лукашенко депутат Евгений Миколуцкий. Державший в страхе всю область контролер вместе с супругой выходил из квартиры, когда вдруг взорвалась самодельная бомба, соединенная с дверью проволокой. Жена осталась жива чудом.

Память о погибшем контролере немедленно увековечили. Посмертно ему было присвоено высокое звание Героя Беларуси. На похороны прибыл президент, причем в его речи прозвучало недвусмысленное:

— Этот взрыв — взрыв, адресованный мне.

Можно было подумать, что привыкший постоянно находиться в центре всеобщего внимания Александр Лукашенко просто

позавидовал покойнику, явно отбиравшему у него в этот момент почетную первую роль. Тут же он пообещал найти виновных и покарать их.

«Виновным» и стал Василий Леонов. В качестве «подельника» в покушении ему подобрали уже знакомого нам руководителя ЗАО «Рассвет», дважды Героя Социалистического труда, перешагнувшего за седьмой десяток лет Василия Старовойтова. Миколуцкий-де якобы в «Рассвете» обнаружил какие-то вопиющие злоупотребления дважды Героя, и тот решил убрать его с дороги. Леонов же Старовойтова «покрывал» — значит, были и общие «преступления». Вот и причина для того, чтобы «заказать» контролера.

«О своей "причастности" к убийству Миколуцкого я узнал в изоляторе КГБ из телепередачи, — вспоминает Леонов. — Меня посадили во вторник, а в пятницу вечером ОРТ показало репортаж из колхоза "Рассвет", где Лукашенко обвинил Леонова и Старовойтова: именно они, как он выразился, "убрали Миколуцкого". Первое, что пришло в голову — бред какой-то!»[350].

Но «копали» под Леонова всерьез и на всю катушку. И арестовывали его с такой помпой, что Винниковой и не снилась. Он помнит арест до деталей:

«11 ноября около 16 часов в кабинет неожиданно зашел помощник и сообщил: "Там пришли какие-то люди и рвутся к вам с каким-то следственным экспериментом!" Ну, рвутся, так пусть заходят. Вошло человек двадцать, с двумя кинокамерами. Что за эксперименты? Следователь Молочков садится и предъявляет ордер на мой арест…

Начали искать. Смотрели люки, через которые проходят кабели связи. Потом взяли пылесос, оставленный в комнате отдыха уборщицей, и долго крутили, боясь открыть. Выскребли все ящики, забрали кипу визиток (более 300) моих бывших посетителей, которых потом долго тягали на допросы. Перерыли все бумаги. Я надел плащ, вышел из кабинета, и тут, в коридоре, уже перед телекамерами, на меня решили надеть наручники. Это вызвало у меня какой-то идиотский смех.

Министра ведут по длинному министерскому коридору, в наручниках, снимая на камеры. Встречный народ в ужасе прижимается к стенам, ничего не понимая. Меня выводят из здания Минсельхозпрода, где у подъезда стоят три больших джипа: приехали "брать", как какого-нибудь бандита. Сажают в один из джипов и везут в КГБ»[351].

Эти телевизионные кадры неоднократно показывали по

белорусскому государственному телевидению, стремясь всенародно скомпрометировать арестованного министра. Запомнились глаза Леонова, явно не понимавшего, во сне это или наяву. Его грузная фигура, брезгливое выражение лица — словно его окунули в грязь. И чьи-то руки, услужливо раскладывающие по столу несколько иностранных купюр, — так, чтобы в кадре их казалось побольше…

«Как потом рассказывал мне Олег Божелко[352], — говорит Леонов, — следователь Иван Брончель должен был регулярно представлять дело для ознакомления лично президенту. Вот и собирали, подшивали, чтобы продемонстрировать свое усердие по раскрутке компромата на Леонова. Лукашенко листал пухлые тома документов, хвалил за кипучую работу. …Судя по всему, Лукашенко с моим делом познакомился крайне халатно. Брончель носил ему все эти пухлые тома, Лукашенко видел, как они растут, — и ему было этого достаточно. Он просто не вникал в суть дела. Да, видимо, ему и надобности такой не было: он уже публично озвучил "компромат", а их задача доказать, подвести под статью»[353].

Однако, как и в случае с Винниковой, следствие дало осечку.

Изначально заявленное Александром Лукашенко обвинение в организации заказного убийства не состоялось. В конце концов была инкриминирована лишь взятка в виде дачного гарнитура из лозы, изготовленного по просьбе министра в мастерских ЗАО «Рассвет»: якобы Леонов за него не рассчитался.

Но даже здесь суд был вынужден нарушить права обвиняемого: из двухсот двадцати свидетелей в суд не вызвали лишь одного — Василия Старовойтова, согласно предварительным показаниям которого Леонов и был осужден. Хотя даже студент-первокурсник юрфака знает, что показания, данные свидетелем на предварительном следствии, не могут быть приняты во внимание судом без повторения их в ходе процесса, за исключением, когда свидетель не явился в суд по уважительной причине.

«А свидетеля Старовойтова сам судья Виктор Чертович попросил не приезжать на судебное заседание: понимал, что может сказать главный свидетель, и этот фарс может кончиться полным конфузом…

Прокурор запросил восемь лет, судья ограничился четырьмя»[354].

Напомним: весь этот кошмар происходил с человеком, которого Лукашенко ранее публично называл своим учителем. Думается, тут он мог торжествовать: не каждому ученику удается

настолько превзойти своего наставника и так очевидно продемонстрировать ему свое превосходство…

Заповедь четвертая: «Не забывай о ближних»

Две истории роднит одно примечательное обстоятельство. И Винникову, и Леонова пытаются не только обвинить в совершении уголовно наказуемых деяний, но и максимально унизить, растоптать и сломать морально. Как это было в самом начале с тем же Булаховым, которого уничтожали политически.

Вот что говорит Тамара Винникова:

«У меня забрали белье, колготки и с совершенно голыми ногами выставили на снег. В течение часа я находилась на очень сильном морозе в очень тонких туфельках, без колготок вообще. В камере всем, находящимся в следственном изоляторе, положено иметь кипятильник, чтобы можно было вскипятить какую-то горячую воду или чай, у меня это забрали с тем, чтобы я не смогла согреться; отопления, как вы понимаете, там практически нет…»[355].

А вот Винникова под домашним арестом:

«Подвергли описи все — от купальников до комнатных тапочек. И я должна испрашивать разрешение, чтобы воспользоваться чем-то. Вот, совершенно недавно мы готовили письмо о том, чтобы мне разрешили взять три ложки, три вилки и три ножа с тем, чтобы я могла угостить семью сына, который навещал меня. В этом мне было отказано»[356].

С арестованным Леоновым обходились не столь «утонченно». В словах конвоира: «Раз ты здесь, то мне на суды нас…ть. Здесь ты — никто и ничто»[357], — квинтэссенция отношения к человеку, еще даже не осужденному, а просто оказавшемуся под следствием.

«Что такое белорусская тюрьма? Это заведение… весь порядок в котором направлен на духовное, моральное и физическое уничтожение человека.

Если, скажем, разрезать хлеб, который специально пекут в жодинской тюрьме, буквально через несколько минут на месте разреза выступает белый налет. Это — элитарная тюрьма Министерства внутренних дел, в не элитарных вряд ли получше. Рецепт прост: хлеб пекут из так называемой "мучки" — пыли, оседающей на стенах мельниц и элеваторов. Это тоже для того, чтобы сломать человека.

Я не говорю уже, что в изоляторе КГБ тебе подадут почему-то обязательно прокисшую кашу. Подобным блюдом кормят разве

что свиней в захудалом колхозе. Кашу варят заранее, чтобы к раздаче прокисла»[358].

…Когда из изолятора КГБ меня перевезли в Жодино, встречать пришел главный врач. Пришел, чтобы разразиться таким матом, какой от редкого зэка услышишь. Он демонстративно высыпалз привезенные мною лекарства: мол, не подохнешь»[359].

Но самым страшным испытанием для тех, кто почему-либо представляет для власти угрозу, становится тревога за судьбу близких, в первую очередь детей.

Дочерей Василия Леонова не тронули, но зятьям досталось. Одного из них, Александра Бако, «"убрали" с должности заместителя директора завода по производству мороженого и "перевели" на должность охранника»[360]. Другие зятья также не смогли найти работу в Беларуси.

Младшему сыну Тамары Винниковой, Сергею, инкриминировалось хранение наркотиков. Это было уже после того, как ей удалось бежать из-под ареста. Она понимала, что оставила в Беларуси заложника, а потому молчала. Но стоило ей раскрыть рот — и Сергея арестовали.

Чудом Сергею Винникову удалось выйти на свободу и тоже покинуть страну. Тамара Дмитриевна по праву может считать это удачей.

Дети экс-премьера Михаила Чигиря[361] оказались менее везучими: старший вынужденно эмигрировал после того, как на границе обнаружил у себя подкинутый неизвестно кем патрон, а вот младший, Александр, был обвинен в торговле подержанными запчастями от украденных автомобилей, арестован и осужден.

Семью Чигиря начали травить еще тогда, когда он был премьер-министром, несмотря даже на его покорность и терпимость к унижениям. Так, однажды Лукашенко публично заявил:

— Я знаю, Михаил Николаевич, что вы даже наедине с женой не позволяете себе осуждать президента.

После столь откровенного признания в подслушивании семейных разговоров любой бы подал в отставку, а Михаил Чигирь стерпел. Но семью это не спасло.

Вспоминает Александр Пупейко:

«В октябре 1994 года у Чигиря был обыск дома. Чигирю были известны и причины этого обыска, и какие комментарии к нему выдал Лукашенко, потому что именно он был инициатором и организатором… Якобы в МВД были сведения, что Чигирь хранит

дома украденные его сыном Сашей автомобильные запчасти. К тому времени Чигирь два месяца был премьер-министром. Конечно, ничего не нашли, но примерно через полгода Чигирю стали известны слова Лукашенко, который оценивал действия МВД: "Идиоты! Не умеют работать. Не нашли ничего. Ну так подложили б!" Цель такая была — найти компромат и держать на крючке с помощью этого компромата.

Много раз еще, по крайней мере, мне известны еще два случая, когда сыновей Чигиря задерживали и избивали милиционеры: один раз это были функционеры не в форме — и все это было в 1995 году, в начале 1996-го. Потом, когда Захаренко собирался уходить в отставку, все это выяснилось — по-человечески он попросил прощения».

Точка в судебной хронике Чигирей была поставлена, когда Юлию Чигирь, супругу бывшего премьера, обвинили в том, что она нанесла тяжкие телесные повреждения милиционеру, не пускавшему Юлию в суд, где слушалось дело ее супруга. И, несмотря на след от крепкой ментовской пятерни, который подсудимая Чигирь еще долго могла демонстрировать еще долго, суд вынес ей приговор по статье «Хулиганство»[362].

Заповедь пятая: «Не высовывайся»

Андрей Климов не мог не раздражать. Он слишком бросался в глаза.

Этот, можно сказать, мальчишка, лейтенант пожарной охраны, сделал головокружительную бизнес-карьеру. Было время, когда в Минске на каждом шагу работали обменные пункты «Банка Андрея Климова», в метро и автобусах читали «Газету Андрея Климова», а элита стремилась поселиться в домах, выстроенных ОАО «Андрей Климов и К°» и малым предприятием «Андрей Климов». Руководил всем этим разветвленным бизнесом, разумеется, сам Андрей Климов.

В 1996 году он стал депутатом обреченного Верховного Совета 13-го созыва и вступил в оппозиционную фракцию «Гражданское действие». Климовские выступления отличались крайним радикализмом, особенно, когда в зал входил Лукашенко[363].

После «конституционной реформы» 1996 года Климов остался верен старой Конституции и Верховному Совету. Он не ограничивался разговорами и интервью, в которых осуждал референдум и его инициатора, а вошел в состав комиссии Виктора Гончара, ставившей перед собой задачу зафиксировать все нарушения Александром Лукашенко Конституции и законов,

подведя тем самым правовую основу под импичмент. Гончар и Климов свято верили тогда в неизбежность импичмента. «Я помню видеозапись, на которой Климов говорит, что Лукашенко будет сидеть в тюрьме», — вспоминает Юрий Хащеватский.

В 1998 году Климова арестовали.

Инкриминировались ему хищения, якобы совершенные в ходе строительства известного в Минске «Дома на Лодочной»[364]. Как утверждал следователь, «весной 1993 г. МП Климова заключило договор с УКС Мингорисполкома на строительство жилого дома. Начались обычные подготовительные работы. А спустя год, когда возвели первый этаж, обнаружилось завышение сметы. Подводя итоги объема выполненных работ за месяц, прораб заметил, что кирпича на первый этаж пошло едва ли не в десять раз меньше, чем предполагалось по смете. Был произведен дополнительный расчет, ошибка обнаружилась. Информацию довели до руководства — Климова и Волковича. Последние дали подчиненным команду "раскинуть" лишние кубометры по месяцам»[365].

Вряд ли за такое судили бы строительного подрядчика в любой стране мира, а если уж и судили бы, так заодно с представителем заказчика, проморгавшим такое завышение сметы. Однако столичные кураторы строительной отрасли остались на своих местах, а минский мэр Владимир Ермошин был назначен премьер-министром.

Нет сомнений в том, что таких случаев у наших строителей немало. Но арестовали и судили, дав срок, именно Климова. Слишком заметный, слишком высовывался. Хотя присутствовавшие при аресте и утверждают, что, обнаружив в квартире Климова документы «комиссии Гончара», следователь демонстративно отшвырнул их: дело Климова официально считалось «неполитическим». Точно так же, как и дела Тамары Винниковой, Василия Леонова, журналиста Павла Шеремета.

Андрей Климов вышел из тюрьмы в 2002 году, отсидев свое с завидным даже для бывалых зэков достоинством, за что удостоился чести стать обладателем единственного стула в камере на сто человек[366].

Заповедь шестая: «Не обольщайся»

Не менее жесток был Лукашенко и к тем, кто зарабатывал деньги для него и полагал при этом, что имеет право на какую-то долю заработанного.

Показательно дело известного в Минске руководителя частной консалтинговой фирмы Эдуарда Эйдина — насквозь

реформатора, человека чрезвычайно изобретательного и энергичного, умеющего убеждать и увлекать своими идеями. Он попытался работать с министром сельского хозяйства Василием Леоновым и министром промышленности Владимиром Куренковым, но оба его покровителя попали в опалу. Стало ясно что «нужно играть по-крупному» и реформировать экономику в целом. Сделать это можно было только в рамках полноценной государственной программы, а ее на тот момент просто не существовало. «Более того, о ней никто даже не думал и, по большему счету, она никому не нужна была»[367].

Эйдин понял, *кому* нужна такая программа, и сумел добиться встречи с Владимиром Коноплевым — тогда уже руководителем пропрезидентской фракции в Верховном Совете. По просьбе Эйдина тот записал их разговор о характере и сути необходимых реформ на диктофон и передал запись Лукашенко.

В результате Эдуарду Эйдину предложили написать аналитическую записку на имя Лукашенко. Присматривать за его «творческой деятельностью» поручили заместителю главы Администрации президента Петру Прокоповичу и госсекретарю Совета безопасности Виктору Шейману. Так появилась «Независимая консалтинговая группа», которая подвела теоретическое обоснование под придуманный Лукашенко термин «рыночного социализма»[368]. А курировал НКГ лично президент. «В группу был внедрен сотрудник, в чьи обязанности входило в случае чего писать отчеты и докладываться. Однако он настолько не понимал, о чем идет речь, что постоянно донимал разработчиков просьбой написать отчет за него»[369].

Лукашенко не больно доверял тем чиновникам, кто работал на бывшее руководство Беларуси, поэтому он охотно привлек независимого «частника» Эйдина к разработке и «специальных» государственных программ. В какой-то мере тот восполнял очевидный для всех дефицит «изобретательности» в новой «команде», дорвавшейся до управления государством.

Как раз изобретательности Эйдину было не занимать.

Например, суть программы по созданию золотовалютного запаса Беларуси, по Эйдину, сводилась к тому, что если безразмерный и ничем не подкрепленный выпуск в обращение наличных денег развивает инфляцию, то нужно делать, по сути, то же, но с безналичными, контроль за объемами расходования которых в руках хозяина, не подотчетного никому.

Было предложено, например, ничем не подкрепленным кредитованием поддержать БелАЗ, а собранные на этом автогиганте автомобили поставлять в Казахстан в обмен на золото. Виртуальные деньги, таким образом, обеспечивали

поступление в казну вполне реального золота. То же и с алмазами, которые выменивались в России на автомобили. В результате гомельский завод «Кристалл» мог огранивать уже не только российские алмазы, но и собственные белорусские. Кроме того, Россия, связанная по рукам договором с монополистом на алмазном рынке «Де Бирс», не могла продавать алмазы на мировом рынке, а Беларусь с «Де Бирс» договоренностей не имела. И российские алмазы шли отсюда в Амстердам — вместе с белорусскими. Беларусь и на тех, и на этих имела свою долю.

Я помню эйфорию, охватившую Эйдина, когда он увидел, как быстро и легко его достаточно авантюрные идеи претворяются в жизнь. Был 1997 год, референдум прошел: никто и ничто не могло помешать Александру Лукашенко реализовывать все, что он считал нужным. На какой-то миг интересы предприимчивого интеллектуала Эйдина и решительность президента совпали: этого Эйдину было достаточно, чтобы уверовать в Лукашенко.

Мы случайно встретились с Эйдиным в центре Минска, на площади Свободы. Он окликнул меня, высунувшись из окна роскошного джипа:

— Куда идете, писатель?

— Как всегда — печатным словом отстаивать свободу.

— Давай подвезу!

Дорогой Эйдин пытался объяснить мне, в чем ошибаются те, кто поторопились уйти от Лукашенко:

— Чудаки! Ведь можно работать! Ему нужны думающие люди. У Лукашенко есть воля — у нас мозги. Нужно объединить свои усилия, и всем будет хорошо. У него власть, у него такая народная поддержка, что он легко может за неделю сделать то, на что другому понадобятся десятилетия…

Но эйфория — состояние недолговечное.

«Эйдин совершил одну из распространенных ошибок: решил, что раз он все это придумал, с ним и рассчитаются нормально… Я знаю, что те деньги, которые группа разработчиков во главе с Эйдиным получала от государства, — это мелочь для людей, которые разрабатывают государственную программу. Уверен, что разработчики аналогичных программ в Германии или США получили бы не те несчастные белорусские рубли, которые официально отжалели этой группе»[370].

Эйдин просчитался. Он полагал, что солидное вознаграждение автору подразумевается, что называется, по умолчанию, но оказалось, что на него нужно было сначала получить благословение. А поскольку оно получено не было, не в меру предприимчивый эксперт-консультант был тут же

назидательно наказан[371].

Судили его, разумеется, не за это, а за якобы незаконно хранимое оружие. Это при том, что среди тех, кого он консультировал, были вице-премьеры, руководитель Национального банка, госсекретарь Совета безопасности.

Судья, совсем еще молодая женщина, зачитала приговор. Две старушки-пенсионерки, из числа тех, что обычно сидят на лавочках у подъезда и обсуждают прохожих, сонно стояли по бокам судьи, играя роль заседателей. Им было невдомек, что пенсии им выплачивались (как и зарплата судье) во многом благодаря тому, что подсудимый придумал, откуда на это взять деньги.

Присутствовавшие в зале суда были уверены, что Эйдина приговорят к условному сроку заключения или ограничатся уже отбытым наказанием и дадут возможность спокойно покинуть Беларусь, освободив из-под стражи немедленно. Но машина наказаний сработала, и изобретательному консультанту пришлось провести на тюремных нарах еще полгода с лишним.

Ярости Эйдина не было предела. Казалось, он разнесет клетку, в которой находился. Судья — вероятно, из предосторожности — предложила присутствующим очистить помещение.

Заповедь седьмая: «Не укради у хозяина»

Но Эйдин все-таки был на некотором расстоянии от Лукашенко, он обслуживал власть, как бы находясь в стороне от нее. Тем более впечатляющим был арест женщины, которая от имени этой самой власти и действовала, — управляющей делами президента Галины Журавковой[372].

В бизнесе Журавкова вела себя как аллигатор. Правил для нее просто не существовало, особенно с середины 2002 года, когда она почему-то всерьез поверила в собственное всемогущество. Она пыталась монополизировать все, что пахло деньгами, — поставки угля, рыбы, морепродуктов…

В деловых кругах Журавкова проходила под кличкой Мадам. Благодаря близости к президенту ей прощалось все, и об этом знали те, кто пытался заниматься бизнесом. И в конце концов Мадам положила глаз на нефтяной рынок. Подведомственная Управлению делами фирма «Белая Русь» стала одним из крупнейших нефтетрейдеров страны. И вот это, как и в истории с зарвавшимся Витей-колхозником, привлекло к ней внимание уже совсем других людей и структур, контролировавших этот бизнес. Речь идет о бывших сотрудниках белорусских спецслужб.

Отодвинутые от реального заработка, они тут же начали сливать компромат на свою чиновную соперницу.

Были задеты клановые интересы, и нефтяная война перешла в «горячую» фазу: начались аресты среди руководителей «Белой Руси». Тогда Журавковой грозила всего лишь отставка. Но она прорвалась к президенту, и — осталась на должности.

Однако Мадам мешала всем: она контролировала слишком большие финансовые потоки и могла стать опасным соперником в приватизации наиболее лакомых кусков государственной собственности. И компромат на нее продолжал поступать.

«Как следует из последнего слова обвиняемой, повод убрать Журавкову с занимаемой должности — это недовольство неких компаний, названия которых она не уточняла, ее работой»[373].

Ну а арестовали Журавкову, как известно, не за это. А за то, что ее личный аппетит не был согласован с «хозяином».

…Ее выпустили из-под ареста, вынудив внести небывалый по белорусским меркам залог — несколько миллионов долларов. По утверждению Журавковой, деньги для этого собирали всем миром, продавая чуть ли не самое необходимое.

На суд она ходила как на работу. И только с возмущением кивала головой, слыша, как ее обвиняют в получении больших сумм наличных денег от подведомственных Управлению делами фирм.

Прокурор потребовал для нее четыре года лишения свободы.

«13 января в Верховном суде Галина Журавкова и еще трое обвиняемых, проходящих по делу о хищениях, зачитывали свои последние слова. Мужчины просили судить их не за хищение, а всего лишь за злоупотребление служебным положением, и в качестве наказания назначить им те сроки, которые они уже провели за решеткой. А вот Галина Журавкова виновной себя не признала и произнесла довольно пафосную и эмоциональную речь. "Я чувствую виноватой себя только перед президентом Александром Лукашенко!", — сказала Журавкова в суде и почти расплакалась»[374].

На оглашении приговора Журавковой не было. Присудили ее к четырем годам лишения свободы, но в колонию она не приехала — исчезла. При этом милиция особо и не скрывала, что «Мадам» никто не ищет.

А зачем ее искать? Лукашенко и без этого мог быть доволен — на суде из уст Журавковой прозвучало главное: «Это моя ошибка, за которую я страдаю, плачу и буду платить всю оставшуюся жизнь».

Теперь уж никто не посягнет на тот кусок, который ему не

разрешил проглотить «хозяин».

Заповедь восьмая: «Не возникай»

В двадцать лет с небольшим Егор Рыбаков участвовал в выборах Лукашенко 1994 года. Юный возраст не позволял ему рассчитывать на ведущую роль. Однако Григорий Кисель, возглавивший Национальную Белорусскую телерадиокомпанию, имел на Егорку свои виды. Уговорив меня принять Рыбакова «месяца на два в Администрацию — чтобы пообтесался», Кисель затем перевел его в Могилев на должность начальника областного телевидения.

В Могилеве Егор развернулся вовсю. Будучи персоной, лично известной президенту, он добился выделения областному телевидению новейшего оборудования, набрал молодых талантливых ребят, мечтавших о карьере — в общем, сумел проявить себя. И Кисель, переходя на дипломатическую работу, выдвинул Рыбакова на пост первого заместителя председателя НБТРК. Он, вероятно, почему-то был уверен, что Рыбаков всегда будет считать себя его должником.

Егор, пользовавшийся доверием Лукашенко, не только удержался на новом месте, но очень скоро стал первым лицом старейшей белорусской телекомпании. Правда, это не означало, что старейшая компания будет и лучшей. И когда Кисель вернулся из Румынии, где он служил послом, и возглавил канал ОНТ, созданный на частоте российского ОРТ, учитель и ученик оказались в роли соперников.

Начались разборки между телеканалами. Как всегда, они сопровождались проверками «по наводке». После одной из таких проверок, когда официально было объявлено, что нарушений в деятельности ведомства Рыбакова нет, состоялось заседание по вопросам развития телевидения у президента.

Слово было предоставлено Рыбакову. Егор произнес пламенную речь, в которой обвинил Киселя в попытках дискредитировать его в глазах главы государства, инспирировании проверок и даже чуть ли не в намерениях подослать киллера. Говорят, Лукашенко в изумлении посмотрел на него:

— Егор Владимирович, вы думайте, что и где вы говорите!

Собственно говоря, уже здесь можно было бы остановиться и задуматься: в устах Лукашенко, привыкшего тыкать и гораздо более значительным (и пожилым — в сравнении с Рыбаковым) персонам, обращение на вы звучало как угроза. Однако, как писали классики, «Остапа понесло», и остановиться юный

телевизионщик уже просто не мог. Лукашенко слушал его задумчиво, больше не обрывая, и в заключительном слове никак не оценил происшедшее.

Совещание было скомкано. Расходились в молчании. Говорят, Григорий Кисель отпустил свою машину и попросил Виктора Шеймана, тогда — генерального прокурора, подвезти его. Тот якобы любезно согласился.

А уже через несколько дней Рыбаков сидел в тюрьме, обвиняемый в злоупотреблениях, взяточничестве и хищении денег в особо крупных размерах. Присудили его к небывалому сроку — «впаяли» одиннадцать лет.

Правильно: «не возникай!».

…Похоже, мы увлеклись. Бесконечный ряд этих заповедей, подкрепленных примерами из жизни Беларуси, осчастливленной Лукашенко, можно было бы продолжать без конца. «Материала» хватает.

Но мы ведь не новое «Евангелие от Луки» составляем, и не криминальную хронику, а политическую биографию Лукашенко. И прежде всего пытаемся понять побуждения и мотивы поступков нашего героя.

«На Леонове, на Винниковой, на Чигире, на Журавковой нужно было показать всей номенклатуре, что будет, если кого-то не устраивает абсолютизация власти. Давайте вспомним Сталина. Страдали не только те, кого объявляли шпионами, страдали и правые, и виноватые, страдали их дети, которые шли в лагеря. Или потом нигде не могли устроиться. То есть нужно наказать всех, чтобы остальные посмотрели что не только эти люди страдают, но еще и их семьи»[375].

Вряд ли Лукашенко сознательно учился всему этому у Сталина. Он сам выстроил целую государственную систему, безотказно работающую на него. Думая о будущем (разумеется, о собственном), он защищает эту безотказность от всех возможных и невозможных посягательств. Просто получается это у него совершенно в духе его идейного предшественника и учителя Иосифа Джугашвили.

Он вселяет в других собственный страх, надеясь, что таким образом ему будет проще ими управлять.

Но страх возвращается к нему и управляет им.

Часть II. Хмурое утро

В октябре 2000 года, вспомнив о заброшенной докторской диссертации, я снова начал что-то писать. Но позвонил Синицын:

— Слушай, можешь подъехать? Есть дело.

Дел у Синицына ко мне не было уже давно. Уйдя из правительства, он занимался бизнесом, а из меня какой бизнесмен. Но любопытство взяло верх, и я приехал.

— Я был в Москве.

— Наши сказали, что мне нужно выдвигаться.

— Кто это — «наши»?

— Ну, там ребята авторитетные… Ты их не знаешь… У них свои люди, в том числе и в Кремле…

— Ладно. А куда выдвигаться-то?

— В президенты…

Синицын посмотрел на меня сквозь очки. Близились вторые президентские выборы. Началось движение в госаппарате, чиновники прислушивались к каждому звуку, Доходившему из Москвы. Любой телесюжет, посвященный белорусским событиям, рассматривался так, как если бы от него зависела судьба государства.

— Вы спятили? — спросил я. Я всегда к нему хорошо относился.

— Ты опять ничего не понял. Мы свое еще не отыграли.

— «Мы» — это кто?

— Ну, наша команда. Мы же его привели к власти. Мы знаем, как он сделан. Мы совершили эту ошибку, теперь ее нужно исправлять. Кто, если не мы?..

— Вы четыре года лежали на дне, как бревно, а теперь думаете всплыть — и сразу в «дамки»? Так не бывает.

— Бывает. Думают, что это бревно, а это оказывается подводная лодка.

Отказать ему в помощи я не мог, нас слишком многое связывало.

— У тебя вообще совесть есть? Ты о стране подумай! — дожимал Синицын.

Он был игроком, но не кидалой, и в тот момент казался одиноким и никому не нужным. По крайней мере, политически. И я предложил ему встретиться с Мацкевичем[376], председателем КГБ.

— У Мацкевича шансы больше. Во-первых, он председатель КГБ, а народ пока, на путинской волне, чекистов любит. Во-вторых, и сам Путин его знает, они коллеги. Предложите

Мацкевичу идти парой.

— А какого черта Мацкевичу со мной встречаться? Он же знает, что за ним Витины люди следят.

«Витины люди» — люди секретаря Совбеза Виктора Шеймана. О том, что у Мацкевича с Шейманом нелады, знали все, включая Лукашенко.

— Вы бизнесмен. Встретьтесь с ним как с президентом федерации биатлона — ну, например, по вопросу выгодной закупки патронов. «Заодно» и переговорите…

Мацкевич встретиться согласился. Это Синицына обнадежило.

После встречи с Мацкевичем он вернулся окрыленным:

— Он в президенты не пойдет! А мне сказал: «Как хочешь, так и поступай». А если он не идет, придется выдвигаться мне…

Через день Мацкевича сняли с должности. Пошли слухи, что его сейф выскребли до дна в поисках каких-то бумаг, а кабинет опечатали, чтобы не мог войти никто, кроме специально уполномоченных лиц.

Это не было связано с визитом Синицына. Так получилось, что события совпали во времени.

Но они неизбежно должны были совпасть. Лукашенко убирал претендентов.

Глава первая. Вокруг — враги

Играем на троих

После референдума 1996 года, когда осела пыль электоральных сражений, выяснилось, что на политическом поле Беларуси действуют три очевидных игрока — Лукашенко, оппозиция и взявшийся ей подыгрывать, но от того не ставший лучше разбираться в белорусской ситуации Запад.

И для того чтобы понять логику дальнейших событий, нам прежде всего следует уяснить цели этих игроков и мотивы их действий.

Итак, *игрок первый — Лукашенко*.

Очевидно, что его стратегическая цель — захватить как можно больше власти, вплоть до верховной власти в России. В начале 1997 года такая цель вовсе не выглядела абсурдной. Достаточно было только подписать Союзный договор — свои люди в Администрации Ельцина составили его «как надо» (предлагался единый президент на две страны) — и путь в Кремль был бы расчищен. Мешало одно «но»: чтобы ратификация этого договора была признана законной, Лукашенко нужен был

легитимный парламент. А вот как раз с легитимностью-то возникли проблемы. Мешала оппозиция.

Вообще в политическом мироздании, выстроенном Александром Лукашенко, оппозиции места нет.

В целом мир в представлении нашего героя чрезвычайно прост. Он биполярен: «свои» и «чужие», «союзники» и «враги», «честные журналисты» и «нечестные журналисты», «преданные делу» и «предатели». Этот мир окрашен им в черно-белые тона, а право сортировать и наклеивать ярлыки он оставляет за собой, постоянно напоминая своему электорату, что повсюду — враги. Понятно, что успешно бороться с ними можно, только если «все простые люди» сплотятся вокруг президента. Для этого, прежде всего, нужно убедить «простых людей», что враги президента — это их враги.

Последовательностью и методично Лукашенко формирует в сознании людей образ этих врагов, начиная, как мы помним, с «гидры коррупции». «Враг внутренний, политический» — демократическая оппозиция и националисты или, как он выражается, «национал-радикалы».

Это устойчивые образы проходят через все речи и большинство его интервью. «Их надо стряхнуть, как вшивых блох!» (о предпринимателях); «Да если хоть один из них придет ко мне и скажет: "Я работать хочу!" — я дам ему работу! Но они же не хотят работать! Они рвутся к власти, они изголодались без власти!» (об оппозиционерах); «Вся драка с президентом началась с того времени, когда я отказал им и в транспортных средствах, каждому по автомобилю, и в благоустроенных квартирах в городе Минске» (о них же).

И, наконец, крик души: «Я пришел в Верховный Совет с миром, вы это видели, я всегда уступал, я всегда просил, я уговаривал, но мне плевали в спину, мне плевали в лицо, надо мной издевались…»

В биполярном мире можно ограничиваться простыми решениями. Очень часто они действительно очень просты, но далеко не так «примитивны», как это иногда пытаются представить оппозиционные журналисты. Его решения — логическое продолжение метафор его речи.

Лукашенко никогда не выходит из имиджа, который он сам себе создал — имиджа «отца народа», по-белорусски — «бацькі». «Бацька» должен быть решителен и строг. Промедление для него равнозначно проявлению слабости, вот почему на любой выпад он реагирует немедленно.

Оппозиционные депутаты объявили голодовку и ночуют в зале заседаний парламента? — Их буквально вышвыривает оттуда

спецназ.

Референдум 1995 года перечеркивает историческую государственную символику? — Прямо на крыше президентской резиденции государственный флаг «утилизируется», «и на обрывках демократии» управляющий делами президента ставит свои автографы.

«Это народ? Это не народ!» — говорит президент об участниках оппозиционных митингов, и ОМОН уже знает, как именно следует обращаться с митингующими: если они «не народ», то за жестокость и насилие никто не спросит.

Но Лукашенко не просто «борется с врагами» — он сам их придумывает, создает и заставляет действовать так, как выгодно ему.

Итак, *игрок второй — оппозиция*.

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос, а кто это — антилукашенковская оппозиция?

На тот момент оппозицией, во-первых, являлись остатки Верховного Совета 13-го созыва — примерно 40 депутатов — те, кто не побежал «без штанов» в Палату представителей и не отозвал свою подпись под импичментом. Во-вторых, это были политические партии, о которых из-за тотального контроля над СМИ мало кто знал, и которые, ввиду отсутствия финансовых ресурсов, едва сводили концы с концами. И наконец, «клуб бывших друзей Лукашенко», к которым принадлежит и сам автор, и многие из его собеседников.

Интересно, что из многих «своих людей» Лукашенко буквально сделал оппозиционеров. Начав с обещаний депутатам Верховного Совета 13-го созыва, что, мол, «мы будем спокойно работать во имя Беларуси», он довольно быстро превратил аграрно-коммунистическое большинство в Верховном Совете в яростных антилукашенковцев. Он не пожелал пойти на компромисс даже с идейно близкими ему политиками. Их позиция, скажем, в отношении к проблеме рыночных реформ или международной политики Беларуси вполне совпадала со взглядами Лукашенко. Но лидеры коммунистов и аграриев выступали за разделение властей и верховенство закона. Это ему никак не подходило, и он был бескомпромиссен.

Был момент, когда в оппозиции одновременно состояли бывшие премьер-министр и четыре спикера парламента[377], не считая множества экс-министров и экс-депутатов… Это высокопоставленные в прошлом чиновники, в которых Лукашенко по той или иной причине увидел врагов.

А своих «врагов» он практически никогда не старается

переубедить или привлечь на свою сторону. Он предпочитает их политическое уничтожение, которое обязательно должно сопрягаться с чисто человеческим унижением[378]. Вероятно, Лукашенко пошел бы и на публичные суды в духе Вышинского, но времена изменились и трудно ожидать, что арестованные «при исполнении служебных обязанностей» председатель правления Национального банка Винникова или министр Леонов согласятся разыгрывать перед телекамерами спектакли-самооговоры.

Именно смятых, скомканных, униженных и выставленных в самом дурацком свете «оппонентов» он и победил в истории с референдумом по изменению Конституции.

Очевидно, что для оппозиции после проигранного референдума 1996 года главным мотивом стало стремление зафиксировать на международном уровне нелегитимность лукашенковского парламента и тем самым сохранить себя в качестве игрока на политическом поле. И в этом оппозиции, как всегда, должен был помочь Запад.

Таким образом, в игру вступал *третий игрок — запад*.

Довольно скоро, правда, выяснилось, что все не так уж однозначно и в позиции Запада. Прежде всего, возникает вопрос, что такое Запад — Европа или Америка? Если Америка, то понятно, что основные принципы — это свобода слова, свобода совести, права человека и т. д. Но в том-то и дело, что в тот период Западом для Беларуси была не Америка, а Европа; европейским же политикам во все времена дороже всего были не абстрактные принципы, а стабильность. «Да, — говорили в кулуарах европейские чиновники нашим оппозиционерам, — мы согласны с тем, что парламент в Беларуси нелегитимен, но на практике мы всегда общаемся с реальной, действующей властью».

Возникла патовая ситуация. Вроде режим Лукашенко нелегитимный, а разогнанный им Верховный Совет — легитимен, но режим обладает реальной властью, а Верховный Совет ничем не обладает.

Нужно было что-то предпринимать, и европейские чиновники поступили, как всегда в аналогичных случаях: они исходили из того, что худой мир лучше доброй ссоры, и поэтому главное — усадить конфликтующие стороны за стол переговоров. Для этого в Беларусь была послана консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ во главе с германским дипломатом Хансом-Георгом Виком[379]. Он и попытался осуществить план мирного выхода из кризиса.

Парадокс в том, что уже тогда все, кроме наивных европейцев, прекрасно понимали, кто такой Лукашенко, и знали,

что за столом переговоров с ним делать нечего. Но оппозиция вынуждена была согласиться с Виком, потому что Запад в то время был ее единственным «спонсором».

Так или иначе, но переговоры начались.

Лукашенко ограничился тем, что делегировал на них группу своих чиновников, лишенных каких бы то ни было полномочий, и как только возникла всего лишь видимость компромисса (согласовали регламент возможного доступа оппозиции на государственное телевидение), немедленно прекратил даже имитацию переговоров.

Переговоры ему были не нужны. Ему нужна была только всеобщая убежденность в его, лукашенковской, незаменимости, которая и должна была обеспечивать стабильность в обществе. Но стабильность, во имя которой он якобы и боролся с оппозицией, была сродни кладбищенскому порядку: чтобы все мирно покоились, не высовываясь и не шевелясь. Добиться такого «порядка» можно было, лишь уничтожая одних и вселяя страх в других.

Потому слабую и далеко не агрессивную белорусскую оппозицию ОМОН старательно метелил дубинками на глазах у изумленных телезрителей: не высовывайтесь, сидите смирно! И каждый раз, хотя оппозиционные митинги становились все менее многочисленными, омоновцы разгоняли их все более жестоко… Таким образом и Западу в наглядной форме предъявлялись результаты миротворческих усилий.

Я назвал трех игроков на политическом поле Беларуси. Но был и четвертый — *Россия*, которая до поры воздерживалась от попыток вступать в игру. Россия как будто бы следовала в фарватере курса на объединение, навязанного ей Лукашенко, и достаточно вяло помогала ему добиться признания результатов референдума международными организациями. Впрочем, о России разговор отдельный. А пока…

Жестокость власти росла, конфликт власти с оппозицией усугублялся, а напуганные белорусские обыватели все меньше интересовались играми на политическом поле, предпочитая отсиживаться по домам. Мол, неровен час, и нам достанется. Да и потом… С Лукашенко хоть и плохо, но зато все понятно, все про него мы уже знаем… А оппозиция?.. Чего она хочет? Уж не отнять ли «чарку и шкварку»?

Стабильность, стабильность и еще раз стабильность. Мысль о переменах, как того и добивался Лукашенко, начала вселять в людей страх. По сути, это и был его первый шаг к легитимизации

итогов незаконного референдума 1996 года.

Вторым его шагом на пути к легитимизации режима могли стать парламентские выборы 2000 года. Накануне этих выборов ОБСЕ выдвинула четыре условия, которые необходимо было выполнить, чтобы начался полноценный процесс по мирному урегулированию политического конфликта в Беларуси. Этими условиями были: прекращение преследования политических оппонентов, освобождение политических заключенных, предоставление оппозиции доступа к государственным электронным СМИ и допуск оппозиции в избирательные комиссии всех уровней. Лукашенко эти условия не выполнил. И, по мнению лидеров оппозиции, их участие в выборах, на практике, означало бы признание этих условий выполненными, что вело бы к легитимизации режима. Чтобы не допустить этого, политические партии, находившиеся в оппозиции, приняли решение бойкотировать выборы. Хотя следует отметить, что многие аналитики, в том числе и автор этой книги, считают этот бойкот очередной и едва ли не самой большой ошибкой оппозиции.

Поколение next

Пока «официальная оппозиция» вела переговоры и организовывала бойкот выборам, оппозиционно настроенная молодежь активно шла на столкновение с режимом Лукашенко.

Одно за другим, как когда-то на заре перестройки, начали возникать неформальные объединения в молодежной среде: «Край», «Белый легион», «Зубр»… Разумеется, их никто не регистрировал, но, как известно, всякий запрет только добавляет энтузиазма молодым людям.

Самым сильным из молодежных объединений стал Молодой фронт.

Слово лидеру Молодого фронта Павлу Северинцу[380]:

«По анкетам новичков Молодого фронта, три четверти из них составляли парни и четверть — девушки; средний возраст колебался между 14 и 25 годами; в основной массе своей это были студенты, молодые рабочие и школьники старших классов… Подавляющее большинство членов МФ слушали рок, смотрели НТВ и очень выборочно Белорусское телевидение. Ребята читали "Нашу Ніву", "Народную волю" и "Белорусскую Молодежную". Они хотели видеть свою организацию или "неформальной тусовкой", или "братством и орденом", и, что характерно, были серьезно озабочены выбором веры»[381].

Оказалось, что «самый молодой президент», как любил

называть себя Александр Лукашенко, вовсе не выражал интересы этой молодежи. Они хотели работать и зарабатывать, а Лукашенко строил государство, в котором пенсионеры вынуждены были помогать работающим детям из своих пенсий. Молодежь хотела общаться со своими ровесниками во всем мире, а основой внешней политики Лукашенко была примитивная ксенофобия. Молодежь тянулась в Европу, а Лукашенко упорно говорил о собственном пути, не имеющем с дорогой Европы ничего общего.

Поскольку эти молодые люди знали иностранные языки и пользовалась Интернетом, задурить им голову так же, как старшему поколению, было уже невозможно. И речь идет вовсе не о единицах.

«По приблизительным подсчетам за годы самостоятельного существования Молодого фронта через его структуры прошло около 30 тысяч молодых людей — членов и сторонников, многие из которых дальше создавали новые организации, составляли целые молодофронтовские плеяды в редакциях газет… Можно считать, что в оппозиционных кругах во второй половине 90-х не осталось такой организации, где не было бы членов Молодого фронта»[382].

И власти «взялись» за молодежь. Молодофронтовцев и «зубров», ходивших на митинги и осмелившихся писать на заборах и стенах «Жыве Беларусь!»[383], хватали, составляли на них протоколы, штрафовали, применяли «административные меры воздействия» — отчисляли из учебных заведений.

Любые попытки массовых выступлений подавлялись с демонстративной беспощадностью. Самым ярким примером тому стал Марш свободы 17 октября 1999 года.

В этот день около десяти тысяч оппозиционеров вышли на манифестацию, надеясь пробудить сонное общество.

«Полуторамесячная рекламная кампания собрала на марш протеста, как на последний бой, в первую очередь радикально настроенную молодежь»[384].

У моста через реку Свислочь путь им преградил ОМОН. В этом месте шел ремонт мостовой, лежали приготовленные для укладки плиты, вывороченные камни. Булыжник, как испытанное оружие пролетариата, оказался в руках у оппозиции — ОМОН применил дубинки, которыми били с невиданной до тех пор жестокостью.

Свидетельствует очевидец и участник «сражения», кинорежиссер Юрий Хащеватский:

«Со стороны участников "Марша свободы" пошли в ход камни,

уверен, оказавшиеся перед омоновским заграждением не случайно: властям нужна была "картинка", они хотели показать по телевидению свою силу и "отвязанность" молодых. Но когда "грозные омоновцы" со щитами и в касках услышали с детства знакомое слово в скандируемой толпой речевке "Беларусь — в Европу, Лукашенко — в жопу!", они тоже в ответ стали швыряться камнями. Получилось непрофессионально».

Эту «картинку» раз за разом прокручивали по телевидению. Смотрите, мол, родители, что творится, и подумайте, что мы сделаем с вашими детьми, если они будут ходить на оппозиционные митинги и шествия.

В конце концов, и молодежь, бывшая наиболее радикальной частью оппозиции, поостыла. Ребята не только перестали ввязываться в уличные бои, но и вообще участвовать в массовых акциях, из-за чего эти акции сразу перестали быть массовыми.

Сыграло свою роль и то, что политически активная молодежь, естественно, весьма критически настроенная к «политическим пенсионерам» из «традиционной» оппозиции, особенно к ее лидерам, занятым переговорами и выяснением межпартийных отношений, осталась практически без их поддержки.

«На Западе есть прекрасная традиция: лидер, проигравший выборы, уходит в отставку, открывая дорогу новому поколению. У нас ситуация другая. После каждого провала на выборах партийные лидеры начинают зачистки среди возможных преемников и конкурентов на политической арене… Политическим пенсионерам без ретивой молодежи жить, конечно же, комфортнее…»[385].

ОМОН мог отдохнуть: политическая активность подростков сконцентрировалась там, где даже напуганные родители мало чем могли помешать, — в газетах и в Интернете.

К штыку приравняли перо

Поскольку Лукашенко иных форм политического бытия оппозиции практически не оставил, она стала работать, что называется, «на журналиста». Оппозиционные политики теперь существовали лишь постольку, поскольку о них писали газеты, и до тех пор, пока они были интересны журналистам. Если этот интерес падал, растворялся и рейтинг политика. Это побуждало оппозиционеров хоть к какой-то выдумке: пикет, публично объявленная голодовка, скандал в партии…

Газетчики «надували» все новые и новые мыльные пузыри, чтобы по истечении года самим же их и «лопнуть». Правда, «лопнуть» зачастую получалось лучше, чем «надуть»: стремясь

подчеркнуть свою «объективность» и «независимость», журналисты забывали о том, в каких условиях живет и действует оппозиция. В итоге официальным СМИ для борьбы с оппозицией часто оставалось только цитировать неофициальные газеты, снабжая цитаты собственными комментариями. Что они с успехом и делали[386].

Нет сомнения, что такая журналистская «оппозиционность» не слишком беспокоила и даже вполне устраивала Лукашенко. Но было одно «но»: негосударственные газеты печатали информацию о том, что происходило во властных структурах, причем иногда эта информация была крайне нежелательной для режима. Так, именно негосударственная пресса первой поведала об источниках пополнения специального президентского фонда. Писали и о том, во что обходятся поездки президента на горнолыжные курорты Европы; наконец, появились даже материалы об «эскадронах смерти».

Вот с этим смириться Лукашенко уже не мог.

Первый этап войны с прессой, как читатель, вероятно, помнит, начался еще во время моей работы в Администрации и послужил толчком для моего ухода от Лукашенко. Тогда, в январе 1995 года, он распорядился выгнать из главной государственной типографии — Белорусского дома печати — восемь негосударственных газет. Но это было только началом планового наступления.

Больше всего доставалось «Белорусской деловой газете».

Слово ее владельцу и главному редактору Петру Марцеву:

«Парадокс в том, что "БДГ" не то чтобы поддерживала Лукашенко, но достаточно спокойно относилась к нему, особенно на первых порах. Мы понимали, что какой бы он ни был человек, но он избран. И ему необходимо какое-то время, чтобы разобраться с ситуацией… Но и потом никакой особой ненависти, негатива мы себе не позволяли. Не было и призывов типа: "давайте мы его уберем". Давайте мы немного посмеемся — это да. Но это, как известно, вполне распространенные во всем мире "издержки" свободы слова».

Идеологически «Белорусская деловая газета», конечно, противостояла Лукашенко. Он выступал за усиление государственного регулирования — «БДГ» ратовала за свободный рынок, он сворачивал демократию — «БДГ» провозглашала демократические ценности. Но настоящий парадокс был не в том, о чем говорит Марцев, а совсем в другом: первые листовки в поддержку кандидата в президенты Александра Лукашенко были в 1994 году сверстаны на оборудовании этой самой «БДГ».

Хлебнуть неприятностей от тогдашних властей газете пришлось немало, как и многим, кто в той предвыборной кампании поддерживал Лукашенко. Казалось, что с его приходом к власти все это зачтется.

И «зачлось». «БДГ» изгоняли из государственных типографий (частных в Беларуси еще не было). Когда Марцев стал печатать газету в Литве, начались таможенные задержки. Затем почта вдруг перестала разносить «БДГ», и даже сотрудники Национальной и Президентской библиотек, обязанные вести подшивки всей выходящей в Беларуси прессы, были вынуждены просить доставлять им номера газеты курьером.

В 2003 году к «Белорусской деловой газете» были применены все способы «воздействия» сразу: ее окончательно выжили из белорусских типографий, изгнали из почтовой подписки и запретили продавать в газетных киосках…

Достаточно изощренным способом борьбы с прессой стало и финансовое давление на журналистов и редакторов — в суды один за другим подавались иски о защите чести и достоинства государственных деятелей, которых газеты критиковали. Суды рассматривали эти иски конвейером, в качестве «компенсации» за критику назначая неимоверные штрафы в пользу «пострадавших». Несколько газет, в частности, одна из самых оппозиционных — «Свабода», после таких штрафов были вынуждены закрыться.

Конечно, особенно трудно пришлось тем редакторам, которых обвиняли в клевете на Лукашенко. За это был осужден редактор газеты «Рабочы» Виктор Ивашкевич[387]. Он рассказывает:

«Мы разместили материалы, которые утверждали, что Лукашенко и его ближайшее окружение обкрадывают государственный бюджет, предоставляя льготы коммерческим фирмам, часть прибыли которых уходит не в государственный бюджет, а в незаконные фонды президента и его окружения.

Эти материалы раньше публиковались в других газетах — российских, польских. Мы перепечатали текст с интернет-страницы радио "Рацыя"[388]. Связываться с польскими СМИ, в особенности с радио "Рацыя", белорусская прокуратура не захотела, как не захотела и перепроверять справедливость опубликованной информации».

За эту перепечатку Ивашкевича осудили па два года «химии», как называют в обиходе принудительные работы.

Такой же была судьба и редактора газеты «Пагоня» Николая Маркевича[389].

«Конкретно мне инкриминировали три статьи из газеты "Пагоня" от 4 сентября 2001 года, — вспоминает Маркевич. —

Первая статья — это авторский материал журналиста Павла Можейко, где был задан риторический вопрос: разве я могу поддержать человека, который уничтожает своих политических оппонентов, убивая их? В этом вопросе усмотрели обвинение президента Республики Беларусь в убийствах. Хотя в самой статье были лишь размышления журналиста о том, каким должен быть президент Республики Беларусь.

Второй эпизод вообще смешной. Были опубликованы частушки безымянного автора, и среди этих куплетов нашлись четыре, которые звучали так:

> Абяшчаў народу я,
> Што пагібнет мафія.
> Можаце мяне паздравіць —
> Мафію рашыў вазглавіць[390].

В этом безымянном и безадресном художественном произведении гродненские прокуроры узрели обвинение именно Александру Лукашенко в создании преступной группировки и "возглавление" ее».

Николай Маркевич также был осужден на два года «химии».

К слову, это было не первое стихотворение, за публикацию которого автору пришлось отвечать перед уголовным судом. Пятого апреля 1996 года Генеральный прокурор Республики Беларусь санкционировал содержание под стражей поэта Славомира Адамовича[391]. Поводом к этому послужило его стихотворение «Убей президента», в котором усмотрели *призыв к убийству не названного по имени главы не названного же государства*.

Но если за поэтов и редакторов общенациональных газет есть хотя бы кому вступиться (пусть даже в большинстве случаев и безрезультатно), то судьба газет и журналистов в белорусской провинции намного хуже.

Свидетельствует Жанна Литвина[392], председатель Белорусской ассоциации журналистов:

«В провинции газеты остаются один на один с властью. Там они — заложники чиновника и его произвольной трактовки законодательства. И как результат — региональная пресса вводит самоцензуру. Даже самый прогрессивный редактор очень долго думает, как ему подать, разместить ту или иную информацию под угрозой закрытия газеты.

Первые четыре года своего правления Лукашенко, а за ним и его приближенные гордо говорили: у нас не убит, не посажен в тюрьму ни один журналист, не закрыта ни одна газета. На пятом году они этого уже не говорили: все в Беларуси знали, что накануне каждой избирательной кампании у нас закрываются под разными предлогами несколько крупных негосударственных СМИ, что исчез без вести оператор ОРТ Дмитрий Завадский, что судебные обвинительные приговоры журналистам вошли в практику и стали почти привычными.

По словам уполномоченного по свободе слова ОБСЕ Миклоша Харашти, Беларусь — единственное из 55 государств, входящих в ОБСЕ, где журналистов судят за высказывания о главе государства. А политика министерства информации? В 2004 году было вынесено 160 предупреждений 81 периодическому изданию. Причем в 25 случаях предупреждения и решение о приостановлении выхода издания принимались одновременно. Так власть демонстрирует, что может закрыть газету в любой момент».

Постоянно уверяя, что оппозиционные газеты можно купить даже в резиденции президента, Александр Лукашенко старательно позаботился о том, чтобы их могли прочитать как можно меньше людей. Большинству библиотек запретили выписывать эти газеты, государственная почта установила для них тарифы значительно выше, чем для изданий, дотируемых из бюджета. А рекламодатели хорошо знают, что связь между размещением рекламы в негосударственном издании и «наездами» государственных контролеров и налоговой инспекции — самая непосредственная.

«Трудно понять, — размышляет Петр Марцев, — почему Лукашенко вообще не плюнул на так называемую "независимую" прессу? Казалось бы, какое ему дело до маленьких газетенок, совокупный недельный тираж которых впятеро меньше дневного тиража одной "Советской Белоруссии"?»

Марцеву заочно отвечает публицист Евгений Будинас:

«Помню, главный идеолог Администрации Заметалин спросил меня, почему наши независимые журналисты так безжалостно шпыняют главу государства. Такого, мол, нет даже в России. "Сами и провоцируете, — ответил я. — Ельцин газет не читает, он мужик крепкий, с устойчивой психикой, к тому же успешно снимающий стрессы по известному русскому рецепту. Стакан водки всегда обеспечивает защиту от критических выпадов. Зная это, его помощники самым старательным образом ограждают "шефа" от неприятных и раздражающих публикаций. У нас все наоборот: президент человек нервный, к критике

болезненно восприимчив. А вы ему еще и подсовываете все, что поострее. В итоге он всех активных журналистов знает по именам. И с каждым сражается. Это-то всех и заводит. Шутка ли, сам президент обиделся! Вот вам и информационная война"».

К началу очередной предвыборной кампании Лукашенко взял вверх в этой войне.

Информация, которую он считал вредной для себя, стала доступна лишь небольшой части электората, и без того, впрочем, готовой голосовать против него.

Очевидная слабость оппозиции и старательно проведенная блокировка информационного пространства, казалось, обеспечивали и Лукашенко, и его ставленникам уверенную победу и спокойную жизнь.

Но самым неожиданным образом это спокойствие было нарушено.

Противник — и на сей раз вовсе не мнимый — сделал никем не предвиденный выпад, смертельно опасный для власти Лукашенко, буквально загонявший президента в угол и создавший ему множество проблем.

Глава вторая. Есть человек — есть проблема

Гончар атакует

Атмосфера страха, которую Лукашенко старательно нагнетал в стране, поглотила не всех.

Он знал, что есть по крайней мере один человек, который представляет для него действительно серьезную опасность. Который будет вновь и вновь пытаться расшатать, сломать, уничтожить выстроенную им систему. Который с самого начала — еще даже до своего ухода из правительства — воспринимал победу Лукашенко на выборах лишь как случайную удачу.

Этим человеком был Виктор Гончар.

Гончар действительно жаждал реванша — не личного даже, а реванша разума над случаем. И референдум 1996 года его не сломал. Он вообще не привык сдаваться и искал возможность доказать, что победа Лукашенко на референдуме — победа грубой силы и беззакония. А силу всегда можно победить разумом, так же как и беззаконие — законностью.

Гончар был «законником» не только по профессии, но и по убеждению. В своих действиях он всегда старался опираться на юридические нормы, казавшиеся ему воплощением логики и рационального начала. Здесь Гончар был прямой противоположностью Лукашенко: всему, что прописано в Законе,

он всегда был готов следовать до конца, полагая, что в этом залог неизбежной победы над любым беспределом.

К слову, именно Виктор Гончар и был тем депутатом, который делал официальные запросы банкиру Винниковой по поводу таинственной фирмы, финансировавшей президентские выборы. «После назначения вице-премьером Гончар о запросах, казалось, забыл, — говорит Тамара Винникова. — А может, и назначали его, чтобы забыл. Вспомнил лишь после референдума».

Здесь все сходится: до референдума у Гончара была надежда на отстранение Лукашенко от власти через процедуру импичмента. Ему казалось: если доказать что президент нарушал законы и до выборов, и на выборах, это может стать тем камнем, который пустишь с горы — и обрушишь лавину. Но после референдума эта надежда, понятно, потускнела: Конституционный суд не стал рассматривать вопрос о нарушениях Конституции, допущенных Лукашенко. А так как с этим пока не получилось, Гончар двинулся дальше.

Как и положено юристу, он считал, что объявленные результаты референдума об изменении Конституции не могут быть признаны — из-за множества нарушений закона. Для Гончара это значило, кроме всего, что чиновники, совершившие подтасовки, должны бояться возможного наказания. Он полагал, что если официально и открыто начать сбор доказательств, то в системе, созданной Лукашенко, может произойти сбой: люди начнут свидетельствовать против того, кто вынудил их преступить закон.

И вот по его предложению Президиум Верховного Совета 13-го созыва (напомним, что у этого вполне легитимного с точки зрения мирового сообщества органа был кворум) утверждает состав парламентской комиссии по расследованию антиконституционных действий Александра Лукашенко[393].

По сути, Гончар вновь запустил процедуру импичмента, только с учетом новых политических условий.

Как всегда, он действовал с максимальной степенью гласности. Чем больше народу узнает о противостоянии, тем проще будет потрясти основы режима.

Вспоминает журналистка Людмила Маслюкова:

«Оппозиционный процесс уже вырождался, все входило в привычное русло. И тут, как черт из табакерки, выскочил Виктор Гончар и говорит:

— Ну, давай! Давай, наконец, открыто скажем все-все-все!

В успешность его намерений кого-то разбудить, растормошить я не очень верила, но у него был вид человека, решившего взорвать ситуацию. Он многое выстрадал, и ему было

что сказать. И я согласилась ему помогать. Мы запоем работали над серией интервью, вкалывали иногда по двенадцать часов подряд».

Приблизительно в это время и я встретился с Гончаром — по его настоянию. Он неожиданно попросил меня написать о нем такую статью, после которой его могли бы… посадить в тюрьму. Право на лидерство, мол, можно получить, только если ты прошел через самые тяжелые испытания. Только тогда за тобой пойдут, и ты сможешь действительно взорвать ситуацию.

Я добросовестно выполнил его просьбу: статью написал и опубликовал. Но никакой реакции властей не последовало, и взорвать ситуацию в тот раз у Гончара не получилось. Еще и потому, что лидеры оппозиции откровенно не принимали его и, похоже, даже ненавидели. Как могут ненавидеть человека, находящего в себе силы для дальнейшей борьбы, те, кто смирился и притих.

…Когда против членов его комиссии возбудили уголовное дело, Гончар с нескрываемой болью и разочарованием увидел, что ни партии, ни депутаты Верховного Совета 13-го созыва не предприняли в их защиту никаких особых действий. Почувствовав себя никому не нужным, он бросил все и уехал в Латвию «работать по специальности» в какой-то консалтинговой фирме.

На некоторое время Лукашенко мог о нем забыть.

Веришь — не веришь?

Гончар вернулся, как только почувствовал, что ситуация «дозрела».

«Понимая, что разброд в оппозиции может прекратить только Гончар, руководитель Верховного Совета 13-го созыва Шарецкий и председатель Социал-демократической громады Шушкевич решили оставить старые обиды и вызвать его из Риги, где он фактически находился в политической ссылке. Гончара пригласили на очередную сессию», — вспоминает Олег Богуцкий.

«Сессиями» тогда сторонники Конституции 1994 года именовали заседания оставшихся верными ей депутатов Верховного Совета 13-го созыва. И хотя кворума уже явно не было (собирались лишь около сорока человек из 190), они, как и прежде, периодически общались друг с другом и принимали очередные «судьбоносные решения», упрямо считая себя единственной легитимной властью.

Рассказывает Зинаида Гончар:

«Позвонил ему сначала Добровольский, потом, по-моему, Шушкевич. И Виктор мне сказал: "Зина, они хотят, чтобы я вернулся, и, поскольку я был председателем Центризбиркома,

чтобы я продолжил эту работу"».

Вернулся Гончар с головокружительным планом.

Согласно Конституции 1994 года президентские полномочия Александра Лукашенко, избранного на пять лет, истекали 20 июля 1999 года. Его уловку с продлением своего первого срока на два года, якобы из-за принятия новой Конституции, никто в мире признавать не хотел. А раз так, раз полномочия по закону заканчивались — необходимо объявлять выборы и избирать нового президента, только и всего.

За эту титанически трудную (и опасную) работу взялся Виктор Гончар. По Конституции 1994 года он все еще оставался легитимным председателем Центризбиркома.

Говорит Олег Богуцкий:

«По просьбе Шушкевича на сессию Гончара пригласил Добровольский. Гончар пришел и заявил:

— Мы должны идти на проведение президентских выборов, учитывая, что мандат Лукашенко заканчивается.

Это предложение у депутатов вызвало оторопь, но в течение двух недель Виктор Иосифович, с его даром убеждения, сумел поработать с людьми так, что следующая сессия, которая проходила в январе 1999 года, безоговорочно приняла все его предложения. Насколько я помню, "против" голосовал один или два человека[394].

С этого момента Гончар стал главной фигурой в Верховном Совете. И фактически лидером, пусть и неохотно признаваемым, всей оппозиции».

Для осуществления грандиозного плана «выборов президента силами оппозиции» мало было получить официальное решение президиума Верховного Совета 13-го созыва. Нужно было создать гигантский механизм проведения выборов, сеть избирательных комиссий, параллельную официальной.

Кроме того, нужно было найти тех, кто согласился бы участвовать в этой кампании в роли кандидатов в президенты.

Кандидатов искали долго. Вспомнили о председателе Либерально-демократической партии Сергее Гайдукевиче. Переговорили с председателем Федерации профсоюзов Владимиром Гончариком, с бывшим гродненским губернатором Семеном Домашем. Все они отказались участвовать в этом явно авантюрном проекте. Здесь нужны были люди, которые либо столь же безоглядно жаждали бы власти, как когда-то Александр Лукашенко, либо просто поверили бы Виктору Гончару.

Таких нашлось двое. Один был в эмиграции — Зенон Позняк.

Вторым кандидатом согласился стать… бывший премьер-министр Михаил Чигирь.

«Кандидатов для участия, — рассказывает Богуцкий, — насколько я понял, определил изначально Гончар, то есть переговоры с Чигирем провел именно он, и переговоры с Позняком — очень непростые — тоже. Была такая интрига, что, может, и Гайдукевич примет участие в этих выборах, но Гайдукевич заявил, что участвовать в выборах не будет, хотя он их и не осудил».

Что же толкнуло Чигиря, человека скорее нерешительного, на такой отчаянный шаг? Первый мотив, как ни странно, почти тот же, что и в случае с Позняком — почти полная оторванность от политической реальности. После отставки Чигирь спокойно работал в московском представительстве крупного немецкого концерна, вполне успешно используя свой опыт и широкие связи. Второй мотив — семейный.

Вспоминает Александр Пупейко:

«Вы должны понимать, что Чигирь в Москве работал на очень хорошем месте. На мой взгляд, человек нормальный — в это я вкладываю понятие «рациональный» — из такой устроенности не должен был бы бросаться в столь опасное предприятие. Но известные вам люди из белорусской оппозиции уговорили его супругу Юлию Станиславовну. А уж потом вместе с нею они уговаривали Михаила Николаевича. И уговорили… Конечно, потом звучало много слов, что он призван "спасти Беларусь", "облегчить судьбу детей"… Чигирь — человек упертый: если он ввязался, то он должен был идти до конца».

Нетрудно догадаться, что этими «известными людьми» был знаток женской психологии Виктор Гончар. Так, используя женское честолюбие, и удалось уговорить человека принести себя в жертву.

Валентина Святская, руководитель «секретариата Верховного Совета 13-го созыва», так описала стремительность принятого решения: «Я приехала к ним — Чигирь уже был сосватан. Уговаривали Гончар и жена Чигиря, Юлия».

Теперь предстояло «создать механизм». На общеизвестных началах нужно было сформировать не только ЦИК, но и сотни избирательных комиссий, создать тысячи участков для голосования. Причем сделать все это в точности с процедурой, прописанной в законодательстве, и при активном сопротивлении властей.

Рассказывает Валентина Святская: «Выдвижение шло, как положено: от политических партий и общественных организаций,

которые имели право выдвинуть в Центральную избирательную комиссию своих представителей, от трудовых коллективов, от предпринимателей. Здесь были выполнены буква и дух закона. Естественно, выдвигались в основном представители оппозиции».

Как это происходило, вспоминает Олег Богуцкий, делегированный в ЦИК от партии Шушкевича Белорусская социал-демократическая громада:

«Мне было поручено сформировать комиссию в Кормянском районе Гомельской области. Я вспомнил, что у меня есть друзья на Белорусском металлургическом заводе в Жлобине, где работают люди из всей области. Я приехал туда, нашли выходцев из Кормянского района. Они взяли на несколько дней отгулы, мы поехали в Корму, встретились с их друзьями и знакомыми. Демократически настроенные люди есть везде в Беларуси, не важно, что они не являются членами партии. Таким образом, мы нашли 12 человек, которые могли бы войти в комиссию.

Потом началась "ломка". Шесть человек сдались нашему напору и согласились стать членами комиссии, шесть человек отказались, побоявшись неприятностей от администрации или не поверив в возможность успеха».

Будучи сопредседателем совета общественного объединения «Белорусская перспектива», я видел, как происходила подобная «ломка». Мнения членов нашего совета раскололись: одни считали, что нужно поддержать эту кампанию, другие (в том числе и я) категорически выступали против.

На заседание совета пришел заместитель председателя БНФ профессор Юрий Ходыко. Выслушал все доводы «против» и сказал:

— Я попрошу членов БНФ поддержать наше решение. Этого требует ваш партийный долг.

И тут даже мой друг Валентин Голубев, который всего несколько часов назад называл эту кампанию «чушью», поднял руку, голосуя за выдвижение представителя «Белорусской перспективы» в одну из комиссий…

«Я знаю, что были и другие технологии, — рассказывает Олег Богуцкий. — Один мой хороший товарищ, один из самых ярких людей в ОГП, формировал эти комиссии следующим образом. Приезжал в забытые Богом районы, покупал шоколадку, приходил на почту, брал адреса подписчиков демократических газет. И через них выходил на демократически настроенных людей в этом районе. Из них и формировал эти комиссии».

Но, конечно, все было в строгом соответствии с законодательством. Гончар не мог допустить нарушений. В своем стремлении соблюсти букву и дух закона он зашел настолько

далеко, что даже разослал по всем исполкомам списки членов будущих территориальных и участковых «избирательных комиссий», что было настоящим безумием: у местных властей вдруг оказались списки всех их противников — «абсолютно полный боевой комплект. У меня сохранился этот пакет документов за подписью Виктора Гончара», — вспоминает Валентина Святская.

Можно представить, что почувствовали главы местной администрации, получив эти списки. Нетрудно вообразить, и сколько неприятностей организовывали они активистам. Но Гончар, с присущим ему максимализмом, своего добился: машина по проведению выборов была создана.

Было ли это имитацией, или участники кампании все-таки верили в возможность изменить таким образом ситуацию в стране?

Судя по всему, многие верили.

Гончар никого не обманывал. Все окружавшие его люди были достаточно взрослыми, чтобы отвечать за собственный выбор и собственные поступки, не сваливая ответственность на председателя ЦИК.

«Все нормальные люди понимали, что завтра мы не проснемся с новым президентом. Но и нелепо обвинять Гончара в авантюризме, в том, что он кого-то куда-то втянул. Втянуть можно ребенка! Вас использовали? Значит, вы недееспособные люди», — считает Зинаида Гончар.

Гончар строго следовал процедуре. Вспоминает владелец «Белорусской деловой газеты» Петр Марцев:

«В феврале Виктор Гончар встречался со мной, рассказывал о своих планах и пытался договориться, чтобы газета приняла участие в проекте альтернативных выборов, которые на самом деле оказались бы в случае удачи государственным переворотом. Я сказал ему, что в принципе все это нереально. Не будем обсуждать — конституционна или не вполне конституционна эта кампания, она просто нереальна — с учетом ситуации в стране. Но, тем не менее, мы напечатали документы, которые публиковались и в "Народной воле", и где-то еще».

Этими «документами» были постановления созданного Гончаром ЦИКа, которые, по закону, вступали в силу только после их публикации.

Вспоминает Анатолий Лебедько:

«Гончар верил в то, что он делал[395]. Он первым понял, что ситуацию нельзя изменить посредством демократических процедур. Он всегда исходил из того, что ситуацию можно

сломать только революционно. Режим играет на поле, где нет реальных выборов или референдумов, он предлагает жесткую игру без всяких правил. И никакие официальные выборы ни к чему у нас не приведут.

Гончар не хотел играть по сценарию, написанному Лукашенко. Он сознательно вызывал в обществе шок, навязывал режиму собственный план действий. И, надо сказать, эта кампания взбудоражила общество. Взбудоражила! Ведь был проведен огромный объем пропагандистской, организационной и мобилизующей работы».

Встряска действительно была колоссальная. Созданная Гончаром избирательная машина была настроена и работала так, как если бы утром после назначенного дня голосования все мы действительно проснулись с новым президентом. Инициативные группы обоих кандидатов ходили по квартирам, собирали подписи. Оппозиционные активисты убеждали избирателей в необходимости этой акции.

Гончар был азартен и убедителен, он буквально завораживал людей своей уверенностью.

Помню, как в «Белорусской деловой газете», где я работал тогда заместителем главного редактора, готовили репортаж юной журналистки Ольги Томашевской с «участка для голосования». Он начинался приблизительно так: «На дому отдал свой голос на выборах Президента Республики Беларусь Председатель Верховного Совета Семен Шарецкий». В ответ на мое замечание, что нельзя так вводить в заблуждение читателей — какие выборы?! какого президента?!! какой Верховный Совет?!!! — Оля возмутилась:

— Александр Иосифович, на кого вы работаете! Это же наш гражданский долг!

Лукашенко поверил

Но что удивительнее всего — в реальность выборов поверила власть. Вот это и оказалось самой объективной оценкой того, что задумал Гончар. Затевая эти выборы, он, по сути, ошибся только в одном — большинство людей не были готовы ему поверить. Одни — из-за того, что считали идею авантюрной, другие — из-за того, что были просто запуганы властью.

Сама власть тоже испугалась. Потому что поверила едва ли не больше всех. «То, что власть зашевелилась, то, что привели ее в замешательство, отчасти и в панику — это правда», — говорит Анатолий Лебедько.

Один из людей, работавших в то время в аппарате премьер-министра Сергея Линга, рассказывал, как Линг побледнел, узнав, что в «выборах» участвует и его предшественник Михаил Чигирь. Чигиря, бывшего банкира и высокопоставленного чиновника, привыкли считать серьезным человеком, и вдруг он баллотируется? Значит, он верит? Значит, все неспроста?

Но первым во власти поверил в реальность происходящего вовсе не Линг.

Первым поверил и испугался Лукашенко. «Гончар сильно напугал Лукашенко и его окружение», — считает Лебедько. И немудрено. Без спецслужб, вооруженной охраны и стоящей на страже его покоя судебной власти, не защищенный депутатским мандатом, он ведь никогда не был смелым человеком. «Я совершенно точно знаю, что Лукашенко труслив, — рассказывает Юрий Хащеватский. — Подбирая хронику к фильму "Обыкновенный президент", я смотрел на его глаза — он постоянно боится, глаза мечутся, вроде как их владелец ждет откуда-нибудь выстрела. Гончар же был смелым человеком, и его решимость всегда была значительно выше, чем решимость Лукашенко. Поэтому Гончар и был для Лукашенко так опасен».

Гончар был для него опасен самим своим существованием. Кроме того, Лукашенко слишком хорошо знал, что Гончар обычно доводил задуманное до конца. А что считать концом в данном случае? Уж не инаугурацию ли нового главы белорусского государства?

Вспоминает Евгений Будинас:

«Меня буквально потрясло выступление Виктора Гончара по московскому телевидению. Продолжалось все не более минуты, но запомнилось на всю жизнь. А сказал Гончар всего семь слов:

— В конце июля в Беларуси будет новый президент.

Произнес он их так и при этом так посмотрел в объектив, что никаких сомнений насчет июля у меня не осталось. И сразу мысль: что же с Виктором будет завтра? Как снесет Лукашенко такую пилюлю? Потом я понял, на что именно делал ставку Гончар: хорошо зная неустойчивость психики своего "протеже", он и рассчитывал психологически сломать, напугать Лукашенко, толкнуть его к истеричным и непросчитанным действиям».

Истеричные действия не заставили себя долго ждать.

Арестовали Михаила Чигиря. До этого был взят и Гончар, но его выпустили уже через десять дней, испугавшись скандала из-за объявленной им сухой голодовки[396]. А вот неформальному кандидату на пост президента предстояло пробыть в тюрьме до конца ноября 1999 года и выйти на свободу только благодаря

давлению международной общественности. О том, как Лукашенко поиздевался над его семьей, мы помним[397].

В стремлении Лукашенко удержаться у власти это был шаг, конечно, рискованный, но он принес немедленный результат.

Арест Чигиря буквально загнал в стойло тех государственных служащих, кто заколебался и был уже готов поверить в успех затеянного Виктором Гончаром. Вот как пишет об этом в своих мемуарах Василий Леонов, в это время также находившийся в СИЗО:

«Тогда, чувствовалось, стушевался даже сам Лукашенко. Неудивительно, что и Бранчель[398] выглядел каким-то помятым, померк… Но сам он тоже понимал, что делает. Когда арестовали Чигиря, я находился в бранчелевском кабинете. Слух у меня хороший, не жалуюсь — и услышал, как ему по телефону (он, конечно, прикрывал трубку рукой) сообщили, что Чигиря "закрыли", и его задача — "поковыряться" в каких-то томах уголовного дела, нет ли там чего-нибудь против Чигиря. И Иван Иванович сразу почувствовал себя свободно и раскованно… Я не выдержал и съязвил: ну теперь-то уж вы что-нибудь обязательно найдете… Он постарался побыстрее закончить разговор и выдворить меня»[399].

Эти «виртуальные» выборы заставили Лукашенко задуматься о том, насколько прочной и долговременной является его власть. По тому, как забеспокоились чиновники, как пристально начали они наблюдать за вернувшимся на политическую арену Михаилом Чигирем, Лукашенко понял: при случае его «сдадут» практически без боя.

Живя в постоянном страхе, он никогда не обманывался внешней лояльностью чиновников. Он знал, что те, кто «сдал» в свое время Кебича, с не меньшей, а то и с большей готовностью «сдадут» и его самого, как только он проявит слабость — пусть даже в мелочах. А потому с теми, кто осмеливался поднять голову и выступить против него, как, впрочем, и с теми, кого он считал потенциальными «предателями», он расправлялся сразу. Правда, делать это «элегантно», как мы сейчас увидим, он научился много позже.

«Господь им в дорогу»

Ректор главного университета Беларуси Александр Козулин успешно прошел всю чиновничью служебную лестницу — от секретаря комитета комсомола Белорусского государственного университета до первого заместителя министра образования — еще к 1994 году.

Лукашенко оставил его работать в министерстве, где молодого и энергичного доктора наук заметил ближайший соратник президента Владимир Коноплев. И Козулин оказался в кресле ректора БГУ, да еще и в ранге министра — став членом правительства.

БГУ получил особый статус, который выражался и в небывалом размахе хозяйственной деятельности. Были созданы свои предприятия и научно-исследовательские институты, свой банк, открыта своя FM-радиостанция… В лабораториях БГУ велись эксперименты, предприятия внедряли разработки, принося университету солидные средства для развития. Занимались всем, включая золото и алмазы.

Взамен Лукашенко, как всегда, требовал безоговорочной лояльности. А с этим вышла, как говорится, «напряженка». Студенты БГУ почему-то голосовали не вполне так, как хотелось бы президенту. Поскольку значительная их часть проживала в общежитиях (а значит, голосовала там же), убедиться в этом было проще простого. Козулин, как бы оправдываясь, ссылался на естественный молодежный радикализм и прочие, не имеющие отношения к государственной идеологии, обстоятельства. Не помогло. И вскоре после выборов ректору пришлось расстаться с министерским статусом, а университет лишился всех льгот. Начались традиционные в таких случаях «наезды», проверки, высокие посещения.

А тут еще на одном из дипломатических приемов обиженного профессора спросили, не намерен ли он вступить в борьбу за президентское кресло. Ректор многозначительно промолчал.

Этого было достаточно.

Лукашенко ждал только случая. Случай вскоре представился.

Козулин, как ректор новой формации, стремился создать «классический университет», а потому ему позарез требовался собственный факультет нетрадиционной медицины, которой он и открыл. Это крайне не понравилось новому министру здравоохранения, тихой и неприметной женщине, назначенной на должность в силу обстоятельств, о которых все знали, хотя вслух и не говорили: она была матерью личного врача Лукашенко.

Началась обычная межведомственная война, и она могла бы закончиться победой ректора, если бы не этот личный мотив.

«Я говорил Козулину, — вспоминает Евгений Будинас, — что эту войну он не выиграет. Но Александр был задет за живое, уперся категорически и ничего не хотел слышать. Не знаю, говорит, разбирается ли она в медицине, но в высшем образовании ничего не смыслит уж точно. Это он не мне заявил, а

министру, и не просто министру, а Почти Родственнице. Такое не прощают, это у нас — святое. И выход тут был один: со всем соглашайся и беги каяться».

Козулин каяться не побежал, а ушел в плановый отпуск. И, как заведено, вернулся из отпуска на пару дней раньше, сел в рабочем кабинете, принялся входить в курс дел. И включил телевизор.

Была пятница. Транслировался выпуск новостей. Внезапно ректор услышал собственную фамилию и оцепенел. Представитель прокуратуры с экрана телевизора поведал, что возбуждено уголовное дело по хищению золота на предприятии БГУ, в подтверждение чего демонстрировались слитки золота, к слову, отснятые во время посещения БГУ президентом… В заключение диктор сообщил, что профессор Козулин объявлен в розыск, в связи с тем, что его местонахождение пока не установлено.

Козулин взялся за телефон. Но те, кому ему удалось дозвониться, вслух даже не сочувствовали, понимая, что телефон «на прослушке». Они тоже смотрели новости и догадывались, кто именно и зачем отдал распоряжение запустить в сознание доверчивых телезрителей эту информационную «утку».

В понедельник догадки подтвердились: Лукашенко подписал указ об увольнении строптивого ректора.

Через несколько недель — не будем говорить о том, чего они стоили Козулину, — было доказано, что никакого криминала за «золотым» предприятием университета не числится и никакой вины за ректором нет. Но никто, разумеется, увольнение Козулина не отменил. Ни сразу, ни через полгода.

Все это время в оппозиционной тусовке нет-нет да и заходят разговоры о президентских амбициях бывшего ректора и его намерениях начать крупную политическую игру. Но сам профессор, вмиг оказавшийся «безработным», только многозначительно отмалчивается. Похоже, его не оставляют сомнения: надо ли поднимать голову и ввязываться в схватку. Решиться на что-либо совсем не просто, когда над твоей головой столь зримо повисла угроза сесть в тюрьму. За годы работы под прямым руководством Лукашенко и весьма тесных контактов с ним Козулин хорошо постиг «правила игры» и знает, что ждет всякого, кто трепыхнется. Тем более, что за примером далеко ходить не нужно.

Свеж в памяти опыт генерального директора Минского ПО «Атлант», выпускающего популярные холодильники, Леонида Калугина. Тот рискнул поучаствовать в президентских выборах и

начал собирать подписи. Даже то, что Калугин вовремя опомнился и регистрироваться кандидатом все-таки не стал, не остановило машину возмездия. Вскоре он был арестован по обвинению в совершении экономических преступлений[400].

Да и совсем недавно: не успел Козулин встретиться с бывшим министром Михаилом Мариничем, чтобы обсудить ситуацию и подумать, что делать для объединения усилий, как Маринича арестовали.

Лукашенко знал Маринича еще с парламентских времен: как мы помним, его прочили на роль председателя парламентской комиссии, той самой, по борьбе с коррупцией. Но Маринич отказался, уступив место Лукашенко. Придя к власти, Лукашенко назначил его министром внешнеэкономических связей. А потом, после упразднения МВЭС, отправил не на пенсию, а послом в Латвию.

И вдруг Маринич объявляется в Минске и заявляет о своей готовности участвовать в выборах в качестве соперника Лукашенко. Тот возмутился:

«Посол — ты же представляешь президента за рубежом. Ты же мне песни пел и клялся в верности и преданности. Сегодня ты выдвинулся, и посмотрите, что пишет. Вы посмотрите, заговорил как. А если вы завтра вытащите его выступления трех-, четырех-, пятилетней давности и рядом опубликуете? И один вопрос: где же ты был прав, где же ты искренне говорил — тогда или теперь? Но на него я уже не обижаюсь, да и ни на кого не буду обижаться, Господь им в дорогу, пусть идут. Я уже сказал: "Пусть ходят в президенты, или еще — в кандидаты. Кресло одно. И там будет один человек"»[401].

После такого «напутствия» собрать подписи, необходимые для выдвижения, Мариничу не удалось. Уйдя в отставку, он сосредоточился на работе в общественной организации «Деловая инициатива». Однако свои президентские амбиции не оставил и недвусмысленно намекал, что готов сыграть роль «кремлевского» кандидата. И даже поехал в Москву — за средствами. О чем они с ректором Козулиным тоже по-приятельски говорили, утратив бдительность и забыв, что все разговоры таких людей прослушиваются.

Сразу после возвращения бывшего министра из Москвы его машину остановил милицейский патруль. Как бы случайно «обнаружилось», что в кейсе у него девяносто тысяч долларов, которые были изъяты «до выяснения».

Назавтра Маринич пришел в милицию объясниться и забрать деньги, но «вдруг» оказалось, что часть купюр якобы фальшивые.

За это его и задержали.

На даче провели обыск, нашли неизвестного происхождения пистолет (скорее всего, подброшенный), патроны к нему и ксерокопии документов еще того времени, когда Маринич работал министром.

Ему попытались инкриминировать участие в сбыте фальшивых ассигнаций, хищение служебных документов, и, наконец, незаконное хранение оружия, на котором не было обнаружено даже отпечатков пальцев.

Но тут объявился владелец денег. Московский «эмигрант», генерал Валерий Павлов, уже знакомый читателям, публично заявил, что деньги принадлежат ему, что они были переданы Мариничу совершенно официально, и потребовал их вернуть. Генерала фальшивомонетчиком не объявишь, и версия о «фальшивых» купюрах сразу отпала[402]. Точно так же отпало обвинение и в похищении деловых бумаг: их содержание было настолько незначительно, что даже следствие они не заинтересовали. Маринича тем временем держали в заключении месяц за месяцем, несмотря на все протесты мировой общественности, болезнь и никчемность липовых обвинений.

В итоге старателями от юриспруденции был-таки придуман совершенно иезуитский ход.

В гараже у Маринича (из-за нехватки офисных помещений) хранились подержанные компьютеры, переданные «Деловой инициативе» американским посольством. Дипломата и экс-министра обвинили… в их похищении. Несмотря на то, что посольство США категорически заявило, что никаких претензий не имеет и иметь не может.

Мариничу за хранение нескольких бывших в употреблении компьютеров дали пять лет тюрьмы[403]. Галине Журавковой, бывшей управляющей делами президента, напомним, за хищение нескольких миллионов долларов — четыре года. Правда, она покаялась и публично призналась, что не оправдала доверия Александра Лукашенко. А Маринич не покаялся. В этом разница.

Но не в этом дело. Цель всей этой иезуитской придумки (как и истории с директором «Атланта» Калугиным, да и с ректором Козулиным) очевидна и простаку: проучить «наглеца», осмелившегося объявить себя соперником Лукашенко. И нагнать страху на всякого, кто еще может вознамериться и посягнуть.

Всегда приветливого, интеллигентного и вполне добродушного Маринича, вообще говоря, совсем не опасного для власти, избрали жертвой не случайно: его хорошо знают чиновники республики, причем знают как человека «своего» — предельно коммуникабельного и далеко не экстремиста. Если уж

с ним так обошлись, что с остальными-то будет?

Мы видим, что к 2004 году Лукашенко уже научился убирать потенциальных соперников «красиво», даже стал своего рода виртуозом. А тогда, перед своими вторыми выборами, он еще только начинал, и его подчиненные действовали крайне неуклюже в отношении всех потенциальных и более-менее значительных конкурентов, постоянно, что называется, вляпываясь.

В перспективе таким конкурентом мог стать Геннадий Карпенко.

Случай? Совпадение? Или…

Бывший вице-спикер Верховного Совета 13-го созыва был заявлен Объединенной гражданской партией, членом руководства которой он являлся, кандидатом в общенациональные лидеры.

Высокий, сильный Карпенко, популярный в среде творческой интеллигенции, имел хороший послужной список: был директором завода, членом-корреспондентом Академии наук. Да, быть может, ему не хватало воли, не было политического азарта — но зато у Карпенко хватало терпения ждать своего часа и не сделать фальстарта. Выжидая, он спокойно шел на контакт с властью, демонстрируя свою сговорчивость. Его план состоял в том, что ведь все равно Лукашенко рано или поздно пойдет на выборы — и тогда он, Карпенко, имеет все шансы стать главным оппозиционным кандидатом.

Именно поэтому Карпенко воспринял идею «виртуальных выборов» как удар по собственным планам. Он не только проголосовал на «сессии» Верховного Совета против их проведения, но и активно призывал коллег отказаться от этой идеи.

Как считает Олег Богуцкий, «Карпенко был категорически против, потому что возвращение Гончара фактически ставило крест на его амбициях стать лидером оппозиции. Конечно, рядом с молодым, напористым, обладающим колоссальной энергией, умеющим привлекать к себе людей Гончаром Карпенко проигрывал. И он не мог этого не понимать».

А ведь кроме Гончара в качестве соискателей президентского мандата заявили о себе Чигирь и Позняк. Карпенко ощутил, что его ближайшее окружение, видевшее в нем реального претендента на власть, вдруг покинуло его и переметнулось к Чигирю.

Тогда он попытался сыграть собственную игру, и даже встретился с одним из ближайших к Лукашенко людей — вице-

спикером Палаты Представителей Владимиром Коноплевым. О содержании беседы не объявлялось публично, но была организована «утечка» в прессу: якобы Карпенко пообещал не участвовать в «авантюре» Гончара, а взамен просил дать ему возможность принять участие в реальных выборах 2001 года.

Это и стало роковой ошибкой Геннадия Карпенко. Заговорить о реальных выборах значит показать существование реальных амбиций и напомнить Лукашенко о том, что есть еще один соперник, намеренный взять реванш за неудачу в выборах 1994 года. Как мы помним, Лукашенко и тогда достаточно высоко оценивал потенциал этого конкурента. А Карпенко уже начал собирать информацию, которая могла ему пригодиться на выборах, для чего и посетил Тамару Винникову, выпущенную из тюрьмы и находившуюся под домашним арестом.

Сразу после этого Карпенко попросила о встрече журналистка Людмила Белковская. Они встретились в кафе, мирно разговаривали. Карпенко ненадолго вышел, а когда вернулся, ему внезапно стало плохо — собеседница подумала, что после бокала шампанского взыграла гипертония. Его привезли домой, а оттуда в больницу. Врачи диагностировали инсульт.

…При вскрытии была обнаружена огромная гематома, как если бы кровоизлияние было вызвано тяжелым ударом по голове. Во всяком случае, так позднее утверждали родственники Карпенко и его вдова.

Пошел слух, что Карпенко убили. Причины назывались простые: был реальным кандидатом, готовился к выборам, накануне смерти о чем-то разговаривал с Винниковой, которая тут же таинственно исчезла.

Винникова исчезла в день похорон Геннадия Карпенко, куда она собиралась идти, получив разрешение, о чем и сказала мне по телефону. Она даже попросила купить ей траурный букет цветов…

Почему слухи о причастности Александра Лукашенко к смерти Карпенко и возможной гибели Винниковой распространились в обществе так легко?

Прежде всего, виноват в этом он сам. Постоянно Демонстрируя, что пойдет на все, защищая собственную власть, Лукашенко дал основания трактовать это самое «на все» слишком широко. Жестокие аресты имеющих несомненные заслуги перед государством чиновников дали повод предполагать, что и перед физическим устранением соперника он не остановится.

Кроме того, и смерть Карпенко, и исчезновение Винниковой произошли как-то уж «слишком вовремя». Как раз тогда, когда

реальный конкурент вошел в контакт с реальным и очень опасным источником информации. Следуя законам политического триллера, нужно было устранить обоих.

И оба — исчезли.

Можно было считать это совпадением. Или случайностью. Или всегдашним «везением» Лукашенко. Как сказал мне в беседе один из польских журналистов:

— За вашего Лукашенко черти молятся!

Правда, последующие события показали, что, вполне возможно, дело не только в везении.

Ушел и не вернулся

Следующим исчез Юрий Захаренко.

Произошло это ровно через месяц после исчезновения Винниковой. Бывший министр внутренних дел позвонил жене по мобильнику:

— Оля, я уже иду домой…

И не пришел.

Спохватились на следующий день. Помню, я дежурил по номеру в редакции «БДГ», вошел Петр Марцев:

— Ладно, дадим информацию. Но если выяснится, что он где-то с бабами путался в бане, я его раскатаю так, что мало не покажется!..

Так прореагировал на эту историю не только редактор и хозяин «БДГ».

«По Захаренко у оппозиции реакция была практически однозначна: никто не верил, что его похитили. Все считали, что это какой-то трюк», — вспоминает Олег Богуцкий. Действительно, генерал, бывший министр внутренних дел, человек в полном расцвете сил — и вдруг исчез!

Поначалу многие не могли взять в толк, какую именно опасность Юрий Николаевич представлял для власти или для кого-нибудь еще. Конечно, у него был грозный вид, усы, да и генеральская форма эффектно смотрелись, когда он шел впереди колонны демонстрантов — но демонстрации уже никого не пугали. Все изменилось, когда Захаренко начал действовать — объявил о создании Союза офицеров. Сам Захаренко так говорил об этом прессе:

«Инициатива получила хороший отклик во всех силовых структурах. Это идея правильная, и мы обязательно сформируем Союз в рамках существующего законодательства. Я убежден, что правящая верхушка потеряла силовые структуры, и ее контрмеры похожи на агонию. Стоило мне зайти к начальнику Следственного

комитета Смоленцеву, чтобы поговорить по поводу незаконного помещения Чигиря в КПЗ, как его снимают с должности. Такие же гонения применяются к другим руководителям, которые не "просигналят" о встрече со мной.

Власти пытаются создать вокруг меня некое табуированное поле, чтобы все шарахались. В итоге получается обратная реакция. Теперь, когда против меня возбуждено уголовное дело, работники милиции готовы мне помогать, предоставлять убежище, защищать. Это касается и работников КГБ, которых втянули в эту грязную историю. Я осведомлен, какие задачи ставятся перед разведкой и контрразведкой, но им ничего не удается. Личный состав, мягко говоря, просто не уважает президента и своих прямых начальников — министров»[404].

Вот что рассказал о деятельности генерала Захаренко в своих показаниях следователю Михаил Чигирь:

«Находясь в предвыборном штабе, я видел, что Захаренко вел активную работу. К нему постоянно приходили люди, желающие вступить в Союз офицеров, приносили заявления. Желающих вступить в Союз было очень много: как среди действующих офицеров, так и среди офицеров в отставке. При создании Союза это была бы реальная сила, противостоящая властным структурам. На какой стадии находилось создание Союза офицеров на момент моего ареста, я точно сказать не могу, так как не вникал в это»[405].

Это было уже серьезно. Генерал Захаренко превращался в знамя альтернативной организации офицеров запаса. Такого союза людей, имеющих воинское звание, привыкших к трудностям и умевших исполнять приказы, власть не могла не опасаться.

Армия в этот период имела все основания быть недовольной своим главнокомандующим: ей уделялось гораздо меньше внимания, нежели тем структурам МВД и КГБ, которые ориентированы на подавление внутреннего, а не внешнего противника. Юрий Захаренко был достаточно молод и внешне обаятелен, чтобы желающие, в конце концов, могли «раскрутить» его до уровня некоей альтернативы. А чего добиваются в политике генералы, Лукашенко видел на примере российского Александра Лебедя.

Независимые газетчики предприняли собственное расследование исчезновения Захаренко. Журналистка Анна Соусь, обнаружившая свидетельницу похищения, писала:

«Со слов Z. (свидетельница похищения. — *А. Ф.*) мне известно, что в тот момент времени, когда уже смеркалось, она

услышала громкий мужской крик "Помогите!". Она подошла к окну и выглянула. Окно выходило на пешеходную дорожку. Она увидела, как трое мужчин заталкивали в автомобиль какого-то мужчину. Автомашина "ВАЗ-2108" или "ВАЗ-21" темного цвета. Номера она не видела. Ее удивило, что автомашина стоит на пешеходной дорожке. Она видела, как мужчину посадили в автомашину, после чего трое мужчин разбежались в разные стороны… После этого автомашина быстро уехала»[406].

Единственной версией, которую безоговорочно приняли журналисты, была версия похищения генерала, причем похищения с целью уничтожения, совершенного именно в интересах власти.

Тогда власть начала распространять слухи о том, что генерала видели в одной из сопредельных стран, что он жив и здоров, что семья знает, где он. Но по поведению жены Захаренко, Ольги Борисовны, журналисты понимали, что она ничего не знает: трудно имитировать состояние растерянности, граничащей с безумием. И слухи о том, что Юрия Захаренко видели живым и здоровым, также никто не подтверждал. Хотя представители правоохранительных и следственных органов и говорили об этом в ходе официальных пресс-конференций.

Случайность ли все это? Или опять Лукашенко повезло — снова черти вымолили для него устранение его потенциального соперника?

«Зачем лгать?»

Но вот то, что исчезновения Винниковой и Захаренко совпали с «виртуальными выборами», организованными Виктором Гончаром, вряд ли может быть случайностью.

Гончар действительно всколыхнул оппозицию и не на шутку обеспокоил власть.

«Выборы» 1999 года стали не просто самой массовой оппозиционной акцией — это был едва ли не единственный раунд «психологической войны», который власть проиграла. Все, даже сам Лукашенко, увидели, что его власть не будет вечной.

Президент впервые оказался в подобной ситуации. Что ни предпримешь — все плохо. Казалось бы, пусть оппозиция играет в свои «виртуальные» выборы — начать ее давить значит признать какой-то силой. Проигнорировать? — собственные чиновники воспримут это как признак слабости.

Вот Лукашенко выступает в Государственной думе России:

«Когда они организовать пытались выборы и на эти выборы из 11 миллионов пошло аж 15 тысяч. Но было заявлено — 4 миллиона. Зачем лгать?»[407]

Сам он при этом откровенно лжет. Конечно, в акции

«виртуальных выборов» приняло участие не четыре миллиона человек, как поспешили сообщить общественности оптимисты от оппозиции. Но и не пятнадцать тысяч.

Прибегнем к элементарной арифметике.

Было создано около семи тысяч участковых и территориальных комиссий. В каждую из них входили не менее пяти человек — уже тридцать пять тысяч. В инициативных группах Зенона Позняка и Михаила Чигиря работали около пяти тысяч активистов. Добавим к этому по сто тысяч подписей избирателей (тот минимум, который собрали обе группы, хотя заявлено ими было гораздо больше).

По самым скромным подсчетам в голосовании приняли участие около миллиона человек. В сумме набирается не меньше десяти процентов от общего населения страны — около 14 процентов избирателей.

И это при том, что выбирать людям приходилось из двух кандидатов, когда один (Чигирь) сидит в тюрьме, а второй (Позняк) пребывает в эмиграции.

Гончар объявил результаты выборов. По его словам, лидировал Позняк, хотя выборы и не состоялись.

Но цель была достигнута. Общество всколыхнулось, география влияния демократических сил значительно расширилась. А Виктор Гончар реально стал лидером оппозиции. Вот что писала «Белорусская газета» в сентябре 2000 года в редакционной статье по этому поводу:

«Все, включая Лукашенко, как это ни парадоксально звучит, работали в прошлогоднем политическом сезоне на Гончара. Кто-то непосредственно выполнял его тактические поручения. Кто-то косвенно подыгрывал ему. А кое-кто, стремясь противодействовать, только повышал его информационную ценность на внутреннем политическом рынке… Гончар располагал полновесными ресурсами, в том числе и интеллектуальными. Он имел каналы доступа к средней и высшей номенклатуре. Он владел килограммами компромата на топ-чиновников из ближайшего окружения Лукашенко.

Очень много плюсов для одного человека.

Единственное, чего Гончар так и не понял до конца, так это жажду власти, свойственную Лукашенко. Кроме того, Гончар искренне полагал, что ему в этой стране ничто не угрожает. Сегодня уже наверняка можно сказать, что Виктор Иосифович Гончар очень серьезно заблуждался»[408].

Виктор Гончар впервые заставил практически все демократические силы белорусского общества работать на

достижение общей цели. Этой целью было свержение Лукашенко.

Лукашенко занервничал. Весь вид его выдавал страх: «… привычка все время поправлять усы, волосы или костюм, почесывать подбородок выдает внутреннюю неуверенность и нервозность»[409].

«Я помню истеричные выступления Лукашенко. В такой истерике он не был ни до, ни после. Я думаю, обладая достаточным запасом информации, он почувствовал угрозу»[410].

Виктор Гончар становился по-настоящему опасен.

Глава третья. Нет человека — нет проблемы

Гончар возглавляет оппозицию

Итак, «виртуальные выборы» продемонстрировали всем, что у белорусской оппозиции появился новый лидер — Виктор Гончар. Кроме него никто не обладал такой силой воли и таким неистребимым желанием свергнуть Лукашенко. Ни у кого больше не хватало интеллекта для того, чтобы педантично, шаг за шагом, придумывать новые и новые козни против человека, еще вчера, казалось, полностью контролировавшего ситуацию. И вдруг выяснилось: далеко не полностью.

Следует напомнить, что к этому моменту у оппозиции появился сильный союзник — консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ во главе с послом Хансом-Георгом Виком. КНГ ОБСЕ настоятельно требовала от белорусских властей исполнения взятых ими на себя обязательств, и прежде всего — начала диалога с оппозицией.

Александру Лукашенко постоянно напоминали, что Беларусь является членом ОБСЕ и обязана выполнять взятые на себя обязательства. В частности, в том, что касается соблюдения прав человека.

Такое требование выдвинул в своей резолюции Стамбульский саммит ОБСЕ. Белорусская ситуация была там отражена в отдельном пункте, который, помимо прочего, предписывал белорусским властям вступить в диалог с гражданским обществом, то есть с оппозицией.

Но оппозиция — это кто?

В 1999 году оппозиция — политические партии и остатки Верховного Совета 13-го созыва, легитимность которого признается и ОБСЕ.

Говорит Валентина Святская:

«В оппозиции в полном составе была делегация Верховного Совета в Парламентской Ассамблее ОБСЕ, в том числе и те

депутаты, которые имели статус официально приглашенных в Парламентской Ассамблее Совета Европы. Все они были избраны должным образом, все было легитимно и законно. И они продолжали действовать: наши делегации ездили на заседания Парламентской Ассамблеи, с Верховным Советом 13-го созыва по-прежнему продолжали общаться».

Практически все оппозиционные партии добровольно подчинились «Верховному Совету».

Руководил «Верховным Советом» по-прежнему Семен Шарецкий, но неумолимо близился день 20 июля 1999 года, когда — следуя Конституции 1994 года — он должен будет объявить себя исполняющим обязанности президента Республики Беларусь. Это было бы в строгом соответствии с законом: оппозиция не избрала президента, следовательно, и. о. президента должен быть объявлен спикер легитимного парламента. К этому времени Гончар добился своего избрания первым вице-спикером — вместо перешедшего на государственную службу коммуниста Василия Новикова. Шарецкий 20 июля 1999 года эмигрировал в Литву, где в конце концов и объявил себя и. о. президента, а Виктор Гончар «правил» всем оппозиционным лагерем.

Вынуждая власть сесть за стол переговоров с оппозицией, Вик тем самым фактически пытался заставить Лукашенко сесть за стол переговоров с Виктором Гончаром.

Но у Лукашенко были свои представления о том, что такое оппозиция.

За резолюцию ОБСЕ на саммите в Стамбуле Лукашенко проголосовал. Прикинувшись простачком, он сделал вид, будто не понял, что именно имеется в виду. Его представления о гражданском обществе хорошо известны. В строгом соответствии с ними и был отдан приказ имитировать общение власти с максимально возможным числом участников.

«Началось какое-то заигрывание с обществом, под названием "общественный диалог"», — вспоминает Геннадий Грушевой.

Формат диалога заранее оговорен не был, и за стол переговоров усадили представителей не только политических партий, но и творческих союзов, благотворительных фондов, женских и молодежных организаций, профсоюзов и прочих общественных объединений «по интересам». Понятно, что в такой компании договориться невозможно: каждый трубил о своем, о наболевшем.

Естественно, что Гончар просто отказался общаться с властью в таком странном формате.

Это вызвало недовольство не только в оппозиции, но и в представительстве ОБСЕ, которому любой ценой нужно было добиться хотя бы начала переговорного процесса.

Свидетельствует писатель Евгений Будинас:

«Гончар, будучи человеком смелых, выразительных решений, ухитрился поссориться с Виком. Помню, когда Вик, собирая у себя на дипломатический ужин оппозицию, пригласил Гончара, Виктор с присущим ему максимализмом поинтересовался, почему он приглашает его, а не Лукашенко. Где, мол, последовательность? Ведь, он, Гончар представляет легитимную власть в Беларуси, исполняет обязанности председателя Верховного Совета. А оппозиция — это как раз Лукашенко, президент, так сказать, незаконный. Так и приглашайте тех, кто в оппозиции к нам, то есть к власти, которую вы считаете легитимной… Кроме того, Гончар категорически не хотел участвовать в имитации переговоров с властями. Не трудно себе представить, какую реакцию эта позиция вызвала у господина Вика, совсем не привыкшего играть по таким вот правилам».

Но еще меньше удовольствия все это доставило Лукашенко. Гончар не просто посягал на его власть — он последовательно демонстрировал, что он и есть настоящая власть. Бизнесом он не занимался, экономических преступлений ему не пришьешь. Запугать даже тюрьмой его тоже невозможно — сухая голодовка продемонстрировала это со всей очевидностью.

Вспоминает Олег Богуцкий:

«Люди, которые лично знали Лукашенко, были убеждены в том, что он не способен пойти на убийство. И Гончар не верил в то, что с ним может что-то случиться. Я пару раз поднимал с ним эту тему, говоря о том, что, вот, Виктор Иосифович, вы же понимаете, какую проблему вы Лукашенко создаете всем своим существованием. А ездите один в машине. Забыв известный принцип: не будет человека — не будет и проблемы. То есть, конечно, будут какие-то разговоры, будут формальные протесты, потом пройдет время, а "проблема-то" разрешится! Но Гончар только отмахивался. Несмотря даже на то, что однажды его машину уже обстреляли, ранив сидящую рядом помощницу».

Плохие прогнозы, как правило, сбываются. Сбылся и этот.

Гончар исчез

Это произошло 16 сентября 1999 года.

Вместе со своим приятелем, бизнесменом Анатолием Красовским они отправились в баню, и больше их уже не видел никто.

После исчезновения Винниковой и Захаренко перспектива применения подобной «меры» к другим видным оппозиционным фигурам постоянно муссировались. Но именно Гончар казался неуязвимым и вечным. Его ирония, интеллект, самоуверенность, презрение к опасности казались достаточной защитой от злой судьбы. И его исчезновение многими было воспринято как политический трюк.

Должен признаться в этом и я. Если способность Захаренко к «трюкам» у меня вызывала сомнения, то Гончара я всегда представлял хитроумным Одиссеем, способным на любой эффектный ход. И его «авантюра» с виртуальными выборами меня в этом представлении только утвердила. Поэтому вот что я написал сразу после его исчезновения:

«…Как ни странно, я готов поверить г-ну Лукашенко, утверждающему, что он не знает, где находится Виктор Иосифович. Зато он хорошо знает Виктора Иосифовича и понимает, что его торжественно обставленное исчезновение может сопровождаться не менее торжественно обставленным возвращением. Скажем, через месяц-другой, в лесу, на большой дороге, обнаружат плохо выбритого джентльмена, лежащего без сознания… Придя в себя, плохо выбритый джентльмен оказывается бывшим вице-премьером и депутатом, которого похитили приспешники режима, но вместо того чтобы выбросить в густую рожь (в полном соответствии со сценарием известного фильма о бедном гусаре), отвезли его в избушку на курьих ножках, не кормили, не давали горячей воды для бритья, парфюма для создания привычной атмосферы, кололи наркотики и издевались (следы наручников на этот раз демонстрируются).

Это для Лукашенко плохо. Но еще хуже, если в самом деле Гончар обнаруживается в виде безгласного тела. Тут уже никому ничего не докажешь. А такое (см. в разное время описанные версии судьбы Юрия Захаренко) вполне возможно.

Так что как бы ни ненавидел А. Г. вышеупомянутого В. И., власть обязана его отыскать. Обязана доказать, что она хотя бы здесь не при чем… Гарант безопасности страны обязан гарантировать безопасность всем гражданам, независимо от того, нравится ему их позиция или нет. Иначе у граждан появляется законное моральное право именовать такую власть "непотребною", а отдельных ее носителей — "отребьем". Поэтому я искренне желаю нашим поисковикам все-таки найти Виктора Иосифовича. Лучше живого и поскорее»[411].

Спустя несколько месяцев стало понятно, что Гончар исчез навсегда.

Я понимаю, что это — жестокое слово. Но у меня нет иной

версии, кроме той, что его действительно устранили как единственного человека, совершавшего тогда решительные действия. И известные сегодня факты эту версию подтверждают.

Странная реакция заинтересованных

Как же отреагировала на исчезновение Гончара оппозиция?

«Несмотря на некоторую популярность и перспективность Виктора Иосифовича как в кругах не белорусской политической элиты, так и внутри страны, его исчезновение на какое-то время успокоило политический рынок республики и позволило группировкам собраться с мыслями. В Беларуси ведь не привыкли действовать стремительно. Как следствие, его исчезновение было воспринято многими, в том числе и бывшими соратниками, как политическое благо. Гончар играл в большую игру, конечная цель которой читалась буквально всеми: опрокинуть режим любыми возможными и законными способами. Далеко не все тогда были готовы к этому, и Гончара попросту боялись. Так как понимали, что он действительно в состоянии был взорвать тогдашнее политическое болото… Гончар явно не устраивал многочисленные политические и околополитические группировки, которые, в свою очередь, организовали в Беларуси перманентные политические торги. Поэтому и особого рвения в его розыске никто не проявляет… Сама оппозиция также не заинтересована в окончательном прояснении судьбы Виктора Гончара. На его фоне остальные политические звезды оппозиции выглядели не очень пристойно»[412].

Да, бесспорное превосходство Гончара вынужденно признавала вся оппозиция. Но именно потому среди оппозиционеров было больше всего тех, кто искренне его не любил. Свидетельствует Олег Богуцкий:

«После исчезновения Гончара его соратники отказались даже подписать заявление с требованием к властям принять меры к его розыску. Единственный человек, который подписал проект этого заявления, был не политический союзник, а, скорее даже, политический оппонент — Юрий Беленький[413]. Он единственный, кто поступил мужественно и честно.

Кстати, Станислав Шушкевич, который считался ближайшим союзником, отказался подписывать заявление первым, сказал, что он подпишет его вторым. Но после того как подписал Беленький, он все равно отказался подписывать. Гайдукевич, лидер ЛДПБ, в принципе был согласен подписать, но потом сказал: "Вы же понимаете, что моя подпись вам ничего не решает".

Все остальные отказались подписывать категорически. И в итоге был подготовлен уже очень мягкий текст, абсолютно формальный, но даже его подписали не все. Это было подло и глупо. У этих людей не сработал даже элементарный инстинкт

самосохранения».

А как же повела себя власть?

Было объявлено, что начинается расследование по факту исчезновения Гончара. Но одновременно провоцировались слухи о том, что Гончар все-таки жив и находится за пределами Беларуси:

«Путь сенсации был очень тернистым. Виктора Гончара "отыскал" начальник отдела распространения газеты "Частный детектив", некто Васильченко. Вместо того чтобы принести эту новость в родную редакцию, он почему-то обратился в редакцию газеты "Белорусская нива"[414]. Обращает на себя внимание и такой факт: знаменательная встреча произошла 19 сентября, "Белорусская нива" опубликовала информацию о ней только 25 сентября, Белорусское телевидение отреагировало на статью 27-го.

В изложении "Белорусской нивы" и Белорусского телевидения история выглядит так: пока родные и соратники Гончара, правоохранительные органы Беларуси сбивались с ног, разыскивая пропавшего политика, Гончар совершал прогулки по Вильнюсу в компании Семена Шарецкого. Здесь его совершенно случайно встретил г-н Васильченко. Ошибки быть не может. Васильченко, крайне удивленный, бросился к Гончару с вопросом, как он сюда попал, если его везде ищут. Гончар на это ответил: "Просто, приехал на дизеле". Автор публикации утверждает, что у него есть диктофонные записи свидетелей, видевших Гончара после 16 сентября.

Через два дня сенсацию подхватило Белорусское телевидение. О факте обнаружения Гончара оно сообщило уже как о чем-то состоявшемся и даже почти общеизвестном»[415].

Информацию Васильченко белорусские государственные СМИ тиражировали столько, сколько позволяло им отсутствие совести. Я уверенно говорю об этом, поскольку ее опровергали данные пограничного ведомства Литвы, не подтверждали данные белорусского пограничного и таможенного ведомства, а также опровергал и Семен Шарецкий.

Московский след

Всех взбудоражила публикация в московской газете «Время МН» некоей аналитической записки, появившаяся буквально через несколько дней после исчезновения Гончара, автором которой якобы и был Виктор Гончар. Воспроизведем некоторые фрагменты из этого текста:

«Директоров государственных предприятий, владельцев частных фирм и предпринимателей не устраивают постоянное ухудшение условий их деятельности, неразбериха с финансами, фискальная хозяйственная политика, введение все больших ограничений в валютной сфере. Кроме того, их раздражает очевидная некомпетентность некоторых ставленников Лукашенко…

Не в пользу Лукашенко складываются настроения и во властных структурах. Практикуемые им угрозы, публичные оскорбления, заключения под стражу высокопоставленных чиновников, а также исчезновение министра внутренних дел Юрия Захаренко и председателя Нацбанка Тамары Винниковой лишают номенклатуру гарантий безопасности. Неуверенность в завтрашнем дне вынуждает аппаратчиков искать пути изменения сложившейся ситуации, в том числе связанные с заменой главы государства. У чиновников вызывает недовольство неоправданно конфликтная внешнеполитическая линия Лукашенко, из-за чего они не могут получить визы для въезда в США и большинство государств Европы.

Ближайшее окружение президента весьма разнородно. Это глава администрации Михаил Мясникович, для Лукашенко человек чужой, удерживаемый откровенным шантажом, но обладающий реальным авторитетом у номенклатуры и прочными московскими связями. К наиболее доверенным лицам относятся вице-спикер Палаты представителей Владимир Коноплев и председатель Национальной телерадиокомпании Григорий Кисель. Самой надежной опорой является госсекретарь Совбеза Виктор Шейман и управделами Иван Титенков, но авторитет последнего в глазах Лукашенко подорван не без участия первого. Они представляют два разных клана, враждующих из-за сфер влияния. В принципе, "соратники" Александра Лукашенко готовы его сдать, но не предпринимают никаких шагов, опасаясь за себя с приходом к власти новых сил»[416].

Далее шла далеко не уважительная характеристика белорусской оппозиции.

Последнее обстоятельство заставило многих белорусских оппозиционеров заподозрить в документе фальшивку. Хотя фальшивкой опубликованный в газете «Время МН» текст не был. Его подготовил «интеллектуальный штаб» Гончара в качестве аналитической записки, которая должна была предварить появление неугомонного оппозиционера в кабинете одного из высоких российских чиновников. Механизм был запущен и публикация появилась своим чередом, тем более что у ее авторов совсем не было уверенности, что Гончар не объявится через

несколько дней — в соответствии с одним из двух «сценариев».

Предоставим слово Евгению Будинасу, который в то время был членом «интеллектуального штаба» Гончара:

«Гончар не переставал думать о том, как переломить ситуацию в стране. Родились два сценария. Первый, и его авторство принадлежит Гончару, — это сценарий дворцового, "аппаратного переворота". Речь шла о том, чтобы провести конфиденциальные переговоры со всеми депутатами Верховного Совета 13-го созыва, уже бывшего, и договориться об их возвращении в Верховный Совет, что обеспечило бы кворум, и история с импичментом мгновенно возрождалась. В этом случае Лукашенко был бы отстранен от власти, она перешла бы на период, узаконенный Конституцией, к Верховному Совету, Гончар, исполняющий обязанности его председателя, на это время становился главой государства. И провел бы выборы президента.

Однако без поддержки Москвы все это было невозможно. Для московского руководства и готовились эти документы. И единственное, что требовалось от Москвы, так это пригласить на самый верх пять или шесть высших минских чиновников — имелись в виду глава администрации и силовые структуры, и намекнуть им, что эту конституционно выдержанную идею следует поддержать. Гончар ни на минуту не сомневался в том, что Лукашенко (он его знал лучше всех, и был уверен, что тот в глубине души маниакально труслив) сдался бы сразу, как только эти шесть человек зашли бы к нему в кабинет.

Это — один сценарий.

Совершенно неожиданно Гончар, не дожидаясь решения в Москве, забегая, что называется, задними ногами за передние, кинулся в переговоры с депутатами Верховного Совета. За две недели он объехал всю республику, приехал чуть живой, но с обнадеживающими результатами».

Фантастика? Не думаю. Хотя бы потому, что задолго до исчезновения Гончара я знал о личных отношениях его друзей с одной из ключевых фигур в ближайшем окружении президента Бориса Ельцина — Валентином Юмашевым. Через Юмашева и добивался Гончар встречи с Анатолием Чубайсом, сохранявшим тогда всю полноту влияния на политическую ситуацию в России и на лиц, принимавших в тот период реальные решения.

Но вернемся ко второму сценарию. Евгений Будинас продолжает:

«В понедельник или в воскресенье должна была состояться сессия Верховного Совета 13-го созыва. С точки зрения многих его депутатов, Виктор Гончар неправильно вел себя в отношении

переговоров с властью. Он совершенно четко осознавал, что если вступит в бесперспективные переговоры, то только запутается в этой тине. И лишится имиджа яркого и непримиримого политика, станет глашатаем компромисса. Виктор терзался, даже физически был подавлен: с одной стороны, нельзя было ссориться с коллегами по парламенту, с другой стороны, он понимал всю губительность для себя компромисса. И думал о том, как бы выкрутится этой истории.

Мы его хорошо понимали. Весь его путь в политике был путем резких действий, бескомпромиссных, зачастую эпатирующих публику, а здесь ему предстояло заблеять овечкой, начать по пунктикам что-то отвоевывать — "в пользу бедных". Его это никоим образом не могло устраивать.

Тогда-то и был предложен (не продуман, а придуман) сценарий с его исчезновением. Мы с Юрием Хащеватским придумали, что Гончару лучше всего на время исчезнуть. Вокруг этого поднялась бы волна скандала: надо вести переговоры, а главного переговорщика-то и нет. За это время должны были пройти консультации в Москве (мы не сомневались в их успехе), и на фоне "красиво обставленного" появления Гончар сразу смог бы приступить к осуществлению придуманного им конституционного (а по сути — аппаратного) переворота. С тем чтобы вернуть Беларусь в конституционное поле. Гончару такой "сценарий" понравился. Единственное, что оставалось, так это придумать его эффективное возвращение. На что мы с Хащеватским и получили задание».

Гончар никогда не сомневался в том, что за ним следят и его подслушивают. Он сам мне говорил об этом, до того, как мы начали конфликтовать по поводу «виртуальных выборов». А здесь наверняка должна была существовать и утечка информации.

«Во-первых, то, что знают трое, — знает и свинья, — продолжает Будинас. — Гончар, вопреки нашим всем планам, поторопился провести переговоры с бывшими Депутатами. Он встретился не с одним десятком людей, в том числе и с теми, кто однажды уже предал и его, и идеи демократии. Наивным было бы предположить, что, по крайней мере, каждый десятый из этих людей не сдал его. Естественно, сдал. И не каждый десятый.

Во-вторых, у него было достаточно безалаберное окружение. Как раз в последнюю встречу мы очень резко поставили ему вопрос об организации охраны. Виктор сказал, что охрана будет через два дня. Но через два дня он исчез. Мы с Хащеватским были уверены, что он просто опять поторопился и приступил к осуществлению нашего сценария. Разозлились не на шутку. И месяца два еще продумывали варианты его возвращения, надеясь,

что вот-вот он объявится, даже тогда, когда надеяться уже было не на что».

Исчезновению предшествовал еще ряд странностей. Известно, что Гончар намеревался выступать на заседании депутатов Верховного Совета 13-го созыва со своим докладом. Перед этим он попытался восстановить нормальные отношения с теми, кто стал едва ли не самыми жесткими его критиками в белорусском политическом истеблишменте. Он начал созваниваться с депутатом Верховного Совета Ольгой Абрамовой (лишь она и Геннадий Карпенко, как мы помним, проголосовали против предложенных Гончаром «виртуальных выборов»).

Позвонил Гончар и мне и попросил ознакомиться с текстом его предстоящего доклада и отредактировать. Это было полной неожиданностью для меня: Гончар знал о моем отрицательном отношении к его идее выборов 1999 года. Возможно, эти звонки и Абрамовой, и мне означали попытку восстановить отношения и предотвратить возможные выпады в свой адрес. Наша встреча не состоялась, но намерения Гончара не вызывают у меня сомнений.

Выяснилось, что первоначально Гончар и Красовский должны были идти в баню вовсе не вдвоем. Говорит Валерий Щукин, депутат Верховного Совета 13-го созыва:

«Мы собирались втроем идти в эту злосчастную сауну, но вдруг я, по непонятной для меня причине, забыл об этом и вспомнил, когда уже оставалось минут десять. До сих пор не могу понять, как это произошло. Помню, что мне надо снять трубку телефона, позвонить Виктору — и через двадцать минут у меня была бы машина, и я был бы там. Не снял трубку, не позвонил — до сих пор не могу себе объяснить — почему».

Известный белорусский политолог Валерий Карбалевич тоже говорил мне, что его в тот раз приглашали попариться в баню, но Гончар так ему и не перезвонил. Точно и Щукина, и Гончара кто-то запрограммировал…

Все это означало только одно: если Гончар и намеревался исчезнуть, то не в тот день.

Наконец, все, кто знал Гончара, подтвердят, что несмотря на репутацию политика, склонного к авантюрам, он никогда не предпринимал шагов, которые не укладывались в определенные сценарные рамки. Он предпочитал продумывать все до конца, а не полагаться на волю судьбы. Не мог он разыгрывать собственное исчезновение хотя бы потому, что не было сценария возвращения. Ведь любая непродуманность тут же обернулась бы для него политическим позором.

Нет, меньше всего это исчезновение напоминало

инсценировку или розыгрыш…

Попытка оправдания

А вот с объяснением того, что и как произошло, дело запутывалось все больше и дальше. Слово корреспонденту «Белорусской деловой газеты» Виктору Мартиновичу:

«Сразу же после исчезновения Гончара следственные органы нашли за баней имитацию автокатастрофы — куски стекла и фар, кровь, тормозной след. Однако… никакой аварии там не было. Об этом свидетельствуют два обстоятельства.

Первое. Ни один из опрошенных нами свидетелей (из тех, что были в бане либо недалеко от бани в момент между 22.40 и 22.45 16 сентября) не смог вспомнить о чем-то, хотя бы отдаленно напоминающем звук столкновения… Если бы за баней действительно произошла авария с участием этой машины, да такая, что в ее результате кровь осталась даже на асфальте, звук столкновения слышали бы не только в бане, но и в радиусе двух кварталов вокруг…

Второе. Вокруг здания есть узкая дорога, предназначенная для того, чтобы дать автомобилям возможность развернуться. С нее два выезда. Первый — через двор по направлению к переулку Рабочему, второй — в узкий промежуток между двумя домами. Следы аварии были найдены именно здесь, на втором выезде. Так вот, интрига заключается в том, что этот выезд ведет в тупик, если пройти вперед, выйдешь на пустырь, украшенный ржавыми мусорными ящиками и прочей ерундой… Автомобиль Красовского без особой на то надобности просто не мог ехать в этом направлении…

В том случае, если бы их "взяли" на выезде (который, напомним, ведет к пустырю), звуки борьбы привлекли бы к себе внимание очевидцев. Надо думать, такого рода задержания проходят по всем правилам жанра, с вооруженными людьми в масках и т. п. Подобные "картинки" надолго остаются в памяти народной. Да и не настолько глупы спецслужбы, чтобы проводить столь ответственное задержание во дворе жилого дома в тот час, когда все его обитатели уже вернулись с работы и жаждут зрелищ. Так что, вероятнее всего, "джип" беспрепятственно покинул двор и устремился куда-то. Куда?..

Гончар и Красовский покинули баню в промежутке между 22.40 и 22.45. И Гончар спешил домой, поскольку ждал телефонного звонка. Таким образом, по логике, после выхода из бани Виктор Гончар на автомобиле Красовского должен был сразу же устремиться по направлению к дому. Заводской район

белорусской столицы — не самый оживленный, тем более в 22.40. А потому по пути следования "джипа" надо думать, попался не один десяток мест, оптимальных для задержания. Что происходило там, неизвестно. Но нечто происходило. После чего и имитировали аварию на улице Фабричной»[417].

Очевидным было только то, что операцию по захвату двух молодых и физически крепких людей не по силам было бы осуществить никому, кроме обученных и хорошо оснащенных профессионалов. Но кто эти профессионалы и на кого они работали? Ответа на эти вопросы тогда ни у кого попросту не было, как и в истории с исчезновением Захаренко.

Оба исчезновения прокомментировал Александр Лукашенко, причем, не где-нибудь, а в Государственной думе Российской Федерации:

«Вы заметьте, исчезли два человека, практически обанкротившихся два человека в политике. Не те, которые могут быть соперниками нынешнему Президенту в перспективе, а те, которые уже оказались отыгранными»[418].

Но ни Захаренко, ни тем более Гончар в его глазах не могли быть отыгранными картами. И попытка Лукашенко представить их таковыми свидетельствует как раз о том, что он считал их весьма опасными. Во всяком случае, он всегда пытался публично ошельмовать всех, кто начинал представлять для него хоть какую-то опасность.

Разумеется, Лукашенко не мог не знать о подготовке Гончаром «аппаратного переворота», более того — о готовности многих депутатов вернуться в парламент.

«Я был в ужасе, когда узнал, что Виктор провел переговоры с депутатами, — вспоминает Евгений Будинас. — А он приехал, весь дрожал от возбуждения — он почувствовал, что это получается. Но то, что это получается, почувствовал не только он, почувствовал и Лукашенко».

Почувствовал. И хочешь не хочешь, но за тем, что он во всеуслышание называет этих людей обанкротившимися, угадывается попытка самооправдания.

«Они не исчезли…»

Официальное следствие шло своим ходом. Следователям помогло то трагическое обстоятельство, что еще раньше среди лиц, чье исчезновение получило громкий резонанс в обществе, был и оператор съемочной группы ОРТ Дмитрий Завадский[419]. Дмитрий никоим образом не мог считаться конкурентом

Александра Лукашенко в борьбе за президентское кресло, а посему его дело можно было вести, не пугаясь «излишних» политических сложностей.

Изучая собранные по «делу Завадского» материалы, следователи пришли к неожиданным выводам, которые буквально потрясли основы государственной власти в Беларуси.

«В 2000 году бывший сотрудник спецподразделения "Алмаз" Игнатович был задержан на территории Чечни. После задержания с ним общались работники российских спецслужб. Он рассказал, что он по указанию высших должностных лиц силовых министерств РБ выполняет специальное задание. Его продержали под арестом 10 дней и выпустили. После того как Игнатович вернулся в Беларусь, его задержали. На момент задержания он совершил множество преступлений в составе сформировавшейся преступной группы. Среди них не только похищения, убийства, разбои, но и наиболее актуально-значимые дела — похищения и убийства политиков.

Когда "разрабатывали" Игнатовича, установили, что 13 мая 2000 года он вместе со своими подельниками под руководством командира спеподразделения МВД РБ СОБР Дмитрия Павличенко участвовал в похищении начальника Контрольно-ревизионного управления Министерства культуры РБ А. В. Грачева. Его похищение произошло на машине "скорой помощи". В похищении участвовало 5-6 человек. Люди действовали нагло, явно хорошо организованно. Грачева вывезли в район Северного кладбища, где приставляли пистолет к голове, угрожали смертью.

После задержания Игнатовича поступила также информация, подтверждавшаяся материалами уголовного дела, что в похищении Грачева участвовал командир СОБРа Павличенко. Грачев опознал Павличенко как человека, который участвовал в его похищении. На задержание Павличенко как возможного участника преступной группы, было дано "добро" руководства Прокуратуры Беларуси»[420].

Решиться на это задержание генеральному прокурору Олегу Божелко было очень непросто. Полковник Дмитрий Павличенко был фигурой, известной и лично госсекретарю Виктору Шейману, и президенту Александру Лукашенко.

Свидетельствует следователь Олег Случек[421]:

«После референдума 1996 года секретарем Совета безопасности РБ Шейманом было дано поручение командующему внутренними войсками Сивакову[422] создать команду, которая смогла бы выполнять любые поручения, вплоть до убийства. Сиваков поручил своему подчиненному офицеру бригады специального назначения внутренних войск Дмитрию Павличенко

подобрать людей для выполнения спецопераций.

Была создана группа, в которую в разное время входили обвиняемые ныне по уголовному делу о похищениях и убийствах людей — Игнатович, Гуз, Малик, Саушкин, а также еще 5-6 человек, не установленных следствием. Группу возглавлял Павличенко. Этой группе было приказано отработать схему похищения, убийства, а затем захоронения трупов. Схема должна была исключать возможность обнаружения трупов. Фактически это было задание разработать схему "идеального убийства", потому что если нет трупа, то нет преступления.

При убийствах для исключения опознания в случае обнаружения трупов решили использовать пистолет, который невозможно было впоследствии опознать, — это пистолет, которым в Республике Беларусь приводятся в исполнение смертные приговоры. Способ убийства выбрали — стрелять в голову. Этот пистолет давался Павличенко на один-два дня, а после выполнения заказа возвращался на место.

После разработки детальной схемы "идеального убийства" и одобрения высшей властью группе было поручено опробовать эту схему на криминальных авторитетах. Первым пропал белорусский "вор в законе" Щавлик. Затем пропадают менее крупный "авторитет" Мамонтенок, а также более-менее крупные криминальные авторитеты, живущие на территории Республики Беларусь. Тогда же в криминальных кругах стали ходить слухи о том, что властью была создана группа, которая занимается похищениями и убийствами криминальных авторитетов»[423].

«Криминальный авторитет» Щавлик имел имя и фамилию, как и положено всякому гражданину: Николай Клещ. Его молодая жена в день исчезновения ждала его, как обычно, пока не выглянула в окно и не увидела, что под окном стоит джип мужа. Пустой. Ни самого Щавлика, ни водителя-охранника на месте не было. Больше их и не видели.

«После исчезновения вышеуказанных лиц шума никто не поднял. Эту схему посчитали идеальной, и группе стали поручать еще более серьезные "заказы" — политические. Пропадает Захаренко, затем Гончар с Красовским, и последним пропадает журналист Завадский. Все указания на проведение операций поступали к Павличенко непосредственно от Сивакова. Сиваков получал их от Шеймана. После отставки Сивакова группа перешла под полный контроль нового министра внутренних дел Наумова[424].

Всего группой совершено более 30 убийств. А также совершены разбойные нападения и убийства из корыстных побуждений, по которым в данное время они и привлекаются к

уголовной ответственности. Члены группы были уверены в своей безнаказанности»[425].

Всех — в отставку!

На задержание командира специального отряда быстрого реагирования (СОБР) полковника Дмитрия Павличенко отправился лично председатель КГБ генерал Владимир Мацкевич. Павличенко аресту не сопротивлялся, правда, попросил разрешения позвонить, в чем ему не было отказано. Допрашивал задержанного генеральный прокурор.

«На тот момент следствие интересовал больше всего Завадский. От Павличенко, после того как с ним побеседовал Божелко, поступила информация, что труп Завадского находится в районе Северного кладбища. Вероятнее всего, там же находятся и пропавшие белорусские политики — Захаренко, Гончар и бизнесмен Красовский.

И в тот же день было приблизительно установлено место, где он захоронен, где находится его труп, потому что никто не сомневался, что Завадский действительно убит. И лично Божелко подписал запрос на имя генерального прокурора России Устинова. Он просил предоставить технику, предназначенную для отыскания трупов в земле, а также специалистов, поскольку в Беларуси такая техника на тот момент отсутствовала. Отсутствует она и сейчас»[426].

Звонок, который Павличенко сделал перед арестом, скорее всего, был Виктору Шейману. Это в корне изменило ход дела:

«Павличенко был помещен в следственный изолятор КГБ. Но на следующее утро он, как ни в чем не бывало, вышел оттуда. Выпустили его сотрудники Совета безопасности, причем по личному указанию тогдашнего секретаря Совета безопасности Беларуси Шеймана.

На следующий день проводился осмотр на территории воинской части № 3214, где работал Павличенко, и которая фактически являлась базой для этой преступной группировки. В тот день туда приехали сотрудники прокуратуры Республики Беларусь в сопровождении офицера спецподразделения "Альфа" (это спецподразделение КГБ) и попытались произвести осмотр.

Но потом явился лично Павличенко, который в тот момент должен был находиться в следственном изоляторе, и раздался телефонный звонок. Человек на другом конце провода сказал, что он Шейман и что у них есть десять минут на то, чтобы убраться с территории воинской части. То есть Шейман боялся, что там

будут обнаружены какие-то документы, какие-то записи или снимки»[427].

Что произошло? Что так стремительно изменило судьбу арестованного полковника Павличенко?

Совсем немногое: государственный секретарь Совета безопасности Шейман доложил Александру Лукашенко о задержании полковника Павличенко.

Тот созвал совещание, на котором присутствовали председатель КГБ, генеральный прокурор, госсекретарь Совбеза и министр внутренних дел Владимир Наумов, чья виза также обнаружилась на постановлении о задержании Павличенко.

О чем они говорили, покрыто мраком. Но после этого разговора указом президента снимаются с должности и госсекретарь Совета безопасности, и генпрокурор, и председатель КГБ. А в придачу еще и министр культуры. Для общественности было загадкой: при чем тут министр культуры? Скорее всего, при том, что все неприятности Дмитрия Павличенко, как мы помним, начались именно с показаний работника Министерства культуры Грачева, которые и дали следственной группе возможность выйти на след Павличенко.

А вот в том, что Лукашенко уволил Мацкевича и Божелко, никакой загадки нет. Оба проявили инициативу и самостоятельность, зайдя в следствии дальше, чем их просили. Дошли до того, что потребовали снять самого Виктора Шеймана. Такое не прощается: «копать» под Шеймана — все равно, что привлекать к ответственности президента.

Но и Виктор Шейман был уволен. Вместе с ними и, вероятно, как многие подумали, для того, чтобы продемонстрировать беспристрастность президента. Хотя…

В одной связке

Мы уже неоднократно встречались с Виктором Шейманом на страницах нашего повествования. Он был депутатом Верховного Совета 12-го созыва, где работал секретарем комиссии по вопросам национальной безопасности и обороны. Многие помнят его тихим, спокойным и немногословным человеком.

После избрания Лукашенко президентом полковник Виктор Шейман занял пост государственного секретаря Совета безопасности. Так молчаливый депутат стал молчаливой фигурой влияния.

Его главным качеством была преданность.

Говорят, однажды президент спросил Шеймана,

действительно ли тот ему предан. В ответ Шейман достал пистолет и молча (как всегда) приставил к собственному виску. И по его глазам Лукашенко понял, что — да, *этот* по его приказу курок спустит.

Первоначально предполагалось, что госсекретарей будет как минимум два — руководители Совета безопасности и Президентского совета, который должен был работать со структурами гражданского общества. Но Шейман при поддержке Титенкова (все-таки в одном «мерседесе» под Лиозно подвергались обстрелу) сумел убедить Лукашенко в том, что подобная структура не нужна вообще.

В первые же дни существования Совбеза Шейман попытался монополизировать всю информацию, шедшую к президенту. Считая, что анализ информации — это дело разведки и контрразведки, он набрал в свой аппарат работников Комитета госбезопасности. В их задачу входило поставлять госсекретарю как можно больше фактов о «происках» оппозиции всех видов. Собрав информацию, он отправлялся в кабинет президента, благо у него была такая возможность.

Первое время каждый рабочий день президента начинался с традиционного доклада Шеймана. Что можно доложить за 30 минут? То, что написали тебе подчиненные. Что могут написать подчиненные госсекретаря Совбеза? То, что делает и Шеймана, и возглавляемое им ведомство нужным и незаменимым в глазах главы государства. Опасность! Всюду враги! В парламенте — козни. Генералы плетут заговоры! Экономика рушится! Всюду враги, всюду… С этого Лукашенко и начинал свой рабочий день[428].

Шейман был нужен. Вряд ли кто-нибудь на его месте стал бы так ревностно служить Лукашенко, вычищая, к примеру, из армии и спецслужб авторитетных и влиятельных людей. С генералитетом Шейман повел настоящую войну.

Особо скандальной была отставка с поста министра обороны генерал-лейтенанта Леонида Мальцева[429]. Его с позором изгнали за то, что якобы он вышел приветствовать коллектив Минского мединститута в пьяном виде. По свидетельству очевидцев, Мальцев был абсолютно трезв, пока не глотнул из стоявшего перед ним стакана с водой — тут его и повело[430].

Постепенно с именем Шеймана многие стали связывать все реакционное и темное, что происходило в Беларуси. Но чем хуже становилась репутация Шеймана, тем ближе он оказывался к Лукашенко, который, как мы помним, всегда предпочитал делать ставку на людей «отвязанных», на тех, кому некуда больше бежать. Шейману некуда бежать уже в силу сложившейся

репутации.

И вдруг этот неожиданный указ об отставке, вызвавший недоумение и ликование общественности.

Рука руку моет

Но ликовали недолго.

Через сутки после публикации указа и снятия с работы Виктор Шейман был назначен генеральным прокурором республики.

Официально об этом было объявлено во время коллегии КГБ, в ходе которой шло представление нового шефа «конторы» — Леонида Ерина[431]. Александр Лукашенко прибыл в сопровождении нового генерального прокурора и российского телеоператора.

Публично, под телекамеру и улыбку Виктора Шеймана, совсем не удрученного своей вчерашней отставкой, был устроен разнос главной государственной спецслужбе страны.

Этим назначением Лукашенко привязал к себе Шеймана крепче, чем наручниками приковывают друг к другу уже осужденных преступников.

Но именно назначение Шеймана на пост генерального прокурора лишило их обоих в глазах общества — прежде всего, западного — презумпции невиновности. Ведь что получается? Вчерашний генпрокурор Олег Божелко просил президента оградить его от давления Шеймана, мешавшего работе следственной группы. Теперь Шейману не нужно было ни на кого давить: следствие перешло под его безраздельный контроль. И стало совсем темным делом.

Тут же за подписью нового прокурора на имя Устинова в Москву направляется новое письмо. В ней сообщается, что необходимость проведения работ по отысканию трупов в земле отпала. Недаром Лукашенко упрекал бывшего прокурора Божелко: «Вам что, нужно, чтобы оппозиция носила гробы с их телами по Минску?»[432]

Молчащие и свидетельствующие

Генерала Владимира Мацкевича отправили послом в Сербию, предварительно устроив ему еще одну проверку на лояльность и терпимость: белорусское телевидение и МИД наперебой сообщали общественности о том, что в Минске, оказывается, отрабатывался «белградский сценарий» установления

нелегитимной власти. Получалось, что новый президент Югославии, которому Мацкевич едет вручать верительные грамоты, на самом деле нелегитимен. Это был скандал.

Но Мацкевич сделал вид, что ничего не заметил, и приступил к новой работе.

Заговорил о пропавших он лишь один раз, когда до него дозвонилась жена Виктора Гончара — Зинаида Гончар. Отказаться встретится с ней Мацкевич не мог.

Они договорились о конфиденциальной встрече. Она подсела к нему в машину, и они въехали во двор дома, в котором Зинаида никогда не была.

Сидя в машине, они проговорили около трех часов. Зинаида Гончар рассказывает:

«Сложилось впечатление, что он мной манипулировал, как девочкой. Привез в какой-то двор, там из подъезда вышел тоже кагэбэшник. Мацкевич мне говорит: "Нас засекли". Я говорю: "Вы бы меня еще во двор КГБ подвезли. Там бы точно не засекли". Чего мы полезли в чужой двор?

Мацкевич все знает, но ничего он не подтвердил, ничего не опроверг. Он слишком умен. И явно подстраховался, демонстрируя спецслужбам нашу встречу: могу, мол, и выложить все на чистоту».

До сих пор не заговорил и бывший генпрокурор Олег Божелко. О степени его информированности мы можем судить лишь по пересказам Василия Леонова, сумевшего побеседовать с Олегом Александровичем, когда тот вынужденно скрывался в России. Леонов поведал об этом на одной из пресс-конференций:

«Божелко обстоятельно рассказывал о том, что Лукашенко всячески мешал проведению следствия. Требовал прекратить следствие в отношении установления истинных причин пропажи Захаренко и Гончара. Вот что он говорил Божелко: "Ты довел меня до истощения! Я ночами не сплю. Глотаю горстями таблетки, а ты копаешь… Копаешь под меня… Бросьте искать Захаренко и Гончара!.. Ищите Диму" (Завадского. — *А. Ф.*)».

Скажу честно, я не записывал наши беседы на диктофон или видеокамеру. Хотя такая возможность была. Божелко обещал все рассказать. О том, что "эскадроны смерти" созданы экс-министром внутренних дел Юрием Сиваковым на базе спецподразделений для того, чтобы убирать уголовных авторитетов, предпринимателей, богатых людей… Команду для истребления политических деятелей отдавал Шейман. У меня есть три свидетеля, которые дали мне право на сегодняшнее выступление. Эти люди присутствовали при моих встречах с Божелко. Они готовы явиться в любой суд, в том числе и белорусский, если им

будет гарантирована безопасность»[433].

Неожиданно появилось и еще одно косвенное свидетельство возможной причастности к деятельности «эскадрона смерти» высших должностных лиц государства.

Попросил политического убежища в Германии начальник СИЗО № 1 МВД Беларуси Олег Алкаев, в чьи обязанности по должности входила также организация приведения в исполнение смертных приговоров. Он предал гласности свой рапорт на имя министра внутренних дел Владимира Наумова, который мы приводим полностью:

> «Докладываю, что, являясь руководителем специальной группы по приведению в исполнение смертных приговоров, я познакомился с командиром СОБР Павличенко Дмитрием при следующих обстоятельствах. В конце октября 1999 года, а точнее 22.10.99 г., по приказу (устному) бывшего министра МВД Сивакова Ю. Л., переданному через начальника КИН (Комитет по исполнению наказаний. — *А. Ф.*) МВД Кадушко С. А., мною был допущен присутствовать при исполнении приговора командир СОБР Дмитрий Павличенко. Цель его присутствия мне непонятна и неизвестна, мне о ней никто ничего не говорил. В этот день были расстреляны 5 человек. Павличенко присутствовал при расстреле каждого. В один из моментов он спросил исполнителя, почему он стреляет в голову, а не в сердце, заявив при этом, что выстрел в сердце более гуманен и при этом вытекает меньше крови. На исполнителя это произвело некоторое впечатление, так как такие слова мог сказать только человек, на практике знающий характер ранений в различные области тела. По окончании всей процедуры Павличенко ушел и при захоронении трупов не присутствовал. Повторно, уже в декабре, Павличенко лично приезжал и интересовался, когда будет следующее исполнение приговора. Я ему объяснил, что лично не уполномочен решать вопрос о его присутствии, и отказал ему в этом. Больше мы с ним не встречались.
>
> Кроме того, хочу пояснить, что дважды по распоряжению министра Сивакова Ю. Л. у меня для неизвестных целей был истребован специальный пистолет с глушителем, которым приводятся в исполнение приговоры. Первый раз 30.04.99 г. и

возвращен 14.05.99 года. Второй раз 16.09.99 г. и возвращен 18.09.99 года. Первый раз по письменному указанию замминистра Чванкина А. А. пистолет получил полковник милиции Дик В. И., и возвратил также он, второй раз пистолет получил лично адъютант министра по имени Владимир Павлович. О получении ими оружия имеется отметка в журнале учета выдачи оружия.

Начальник СИЗО полковник внутренней службы
О. Л. Алкаев.
23.11.2000 г.»

«Расстрельный» пистолет оба раза потребовался тогдашним главой МВД Юрием Сиваковым как раз в период, когда исчезали люди — вначале (конец апреля — первая половина мая 1999 года) Юрий Захаренко, затем (16-18 сентября 1999 года) Виктор Гончар и Анатолий Красовский. Разумеется, такое совпадение многими было воспринято как далеко не случайное.

Картину происшедшего дополнил и другой опубликованный документ. Это рапорт генерал-майора Николая Лопатика на имя министра внутренних дел Владимира Наумова:

«Докладываю вам о том, что мною получена информация следующего содержания.

В апреле 1999 года Шейман В. В. дал указание министру внутренних дел Сивакову Ю. Л. допустить в СИЗО № 1 ГУВД Мингорисполкома командира СОБР Павличенко во время исполнения процедуры расстрела приговоренного к этой мере наказания и последующих действий по его захоронению. Сиваков Ю. Л. данное указание передал начальнику СИЗО Алкаеву О. Л. Павличенко к процедуре был допущен.

6 мая 1999 года Шейман В. В. дал указание Сивакову Ю. Л. выдать пистолет, которым приводится в исполнение приговор о смертной казни, Павличенко. Сиваков дал указание Алкаеву выдать хранящийся у него пистолет Павличенко, что Алкаев и исполнил. В данное время Шейман В. В. дал указание Павличенко физически уничтожить бывшего министра внутренних дел Захаренко Ю. Н. Информационное обеспечение местонахождения Захаренко Павличенко было обеспечено спецподразделением Васильченко Н. В., задание на которое ему также дал Шейман В. В. через своих сотрудников.

Акция захвата и последующего уничтожения Захаренко была произведена Павличенко, командиром роты СОБР… (далее неразборчиво), командиром первой роты спецназа в/ч и четырьмя его бойцами. 8 мая 1999 года пистолет Павличенко сдал Алкаеву. По … (неразборчиво). 16 сентября 1999 г. Павличенко провел акцию захвата Гончара В. И. и Красовского А. С. Место захоронения трупов Захаренко Ю. Н., Гончара В. И., Красовского А. С. — спецучасток номерных могил на Северном кладбище.

Начальник ГУКМ генерал-майор милиции
Лопатик
21 ноября 2000 г.»

Оба документа датированы ноябрем 2000 года, то есть появились накануне ареста Павличенко, и, скорее всего, именно они послужили основанием для его ареста. Подлинность данного рапорта подтверждали неоднократно и сам Николай Лопатик, и министр Владимир Наумов.

Мало того, «у Лопатика состоялся разговор с Лукашенко, во время которого генерал сказал: "Александр Григорьевич, вы не имели права убивать генерала Захаренко!"»[434].

И Лукашенко не нашелся, что ответить.

Страх, который всегда с тобой

Мог ли Лукашенко отдать приказ устранить тех, кого почему-либо опасался?

Он — всего лишь человек, поэтому естественно боится смерти так же, как и все мы. Противоестественным страх смерти становится, когда вдруг оказывается, что он связан с потерей власти. А Лукашенко как раз постоянно и путает покушение на его власть с покушением на жизнь:

«Сегодня бросают камень в людей, которые стоят рядом со мной, имея в виду, что этот камень попадет в меня. Я это прекрасно понимаю. Никому же не нужны ни Шейман, ни Павличенко, ни Сиваков, ни Мясникович, ни Ермошин. В данном случае нужно убить Лукашенко»[435].

«Оппозиция состоит из "ужасных людей, которые уже сегодня думают о том, как они после моей отставки посадят меня в тюрьму или уничтожат", — сказал глава белорусского государства Александр Лукашенко на состоявшейся на днях пресс-конференции»[436].

«У них сегодня масса заготовлено мероприятий против руководства нашей страны. Недавно я получил дополнительную информацию о том, что они планируют вплоть до силового уничтожения президента. Вы им передайте: пусть к этому пункту переходят сразу»[437].

Даже скандал вокруг изгнания западных дипломатов из поселка «Дрозды» Лукашенко связывает с опасностью, угрожавшей его жизни:

«Возбуждено около 60 уголовных дел. Наверное, рано говорить, но жизнь президента висела на волоске. Это преступление подготавливалось, к сожалению, в нескольких метрах отсюда (от "Дроздов" — *Е. Р.*). Так что не надо однозначно воспринимать все то, что происходит вокруг "Дроздов"»[438].

Подобные высказывания можно приводить до бесконечности.

Вновь и вновь Лукашенко возвращается к этой теме. Ему поддакивают российские политики, якобы осведомленные об угрозе, — только депутат российской Государственной думы, экс-прокурор коммунист Виктор Илюхин четырежды публично предрекал покушения на Лукашенко[439]. Об этом же в разное время говорили и Амангельды Тулеев, и Геннадий Селезнев. Но ни разу их высказывания не подтверждались публикацией каких-либо документов. Так же, впрочем, как ни одно из 60 связанных с угрозой жизни президента уголовных дел, о которых говорил Лукашенко, не дошло до суда.

Апофеозом раскрытия заговоров стала «вильнюсская эпопея».

Александр Лукашенко прибыл в Вильнюс для участия в региональной встрече глав государств и заявил, что на него готовится покушение. Однако литовское МВД сначала обнаружило на своей территории чужие спецслужбы, следившие без дозволения литовской стороны за гражданами Литвы, крайнее недовольство чем и выразило, а затем уже занялось деятельностью своих граждан, которые, как и следовало полагать, вовсе и не собирались охотиться на Лукашенко.

Судя по всему, Лукашенко верит в то, о чем говорит. А такая вера — всегда удобный повод для любого самооправдания — как далеко в своей самозащите ты бы ни зашел.

«Больше не ищите виновных»

До сих пор ни Шейман, ни Лукашенко не представили общественности никаких доказательств своей непричастности к исчезновению политиков, а все аргументы, приводившиеся Лукашенко, до сих пор только демонстрировали его готовность изворачиваться и кривить душой. Так, во время пресс-

конференции, посвященной десятилетию собственного правления, президент Лукашенко заявил:

«Что всегда удивляет: ну если так родственники переживают, ну вы ко мне придите. Пришел, я не могу сказать кто, один человек, женщина — понимаете, по какой причине я не могу назвать ее фамилию. Она пришла ко мне, я ее принял, спросила об одном человеке, опять не называю фамилию. Меня поразила эта женщина. Молодец. Я с ней три часа беседовал. Я ей показал некоторые документы. Но если я их сейчас обнародую, то дело Завадского превратится в "антидело" для вас. Это, кстати, моя боль единственная — Дима Завадский. Я бы многое отдал для того, чтобы узнать о судьбе этого парня»[440].

Но все родственницы исчезнувших — Гончара, Завадского, Красовского — опровергли слова Александра Лукашенко. Никто из них никогда не был допущен к нему, хотя они публично просили дать им информацию, как говорится, из первых рук. А близкие Юрия Захаренко давно находятся в Германии, где получили политическое убежище.

Трудно поверить и всем остальным заверениям Лукашенко о том, что никто и никогда не мешал следствию по делам исчезнувших.

…Лукашенко не может не понимать, что его молчание по поводу исчезновений известных людей оборачивается против него. Поэтому он и взрывается:

«Так вот, чтобы не мучались больше журналисты по поводу вот этих всех громких дел и преступлений, я хочу заявить следующее: да, я виноват, что это произошло в стране. Я, потому что я — президент. И больше не ищите виновных. И поэтому я несу за это и другое ответственность в полном объеме…»[441]

Но не надо только думать, что это признание. Скорее, это попытка оправдаться по принципу «от обратного».

«Поэтому, еще раз подчеркиваю, не пытайтесь найти виновных, — виноват только я».

Ничего нового в этом примитивном приеме нет.

«Но судить меня будут только тогда, когда мне в доверии откажет народ. И когда они захватят власть. Тогда они все без суда и следствия, и это вы хорошо знаете, посадят меня на кол под одобрительные вопли западных наставников демократии».

Когда речь идет о расстреле — или, как в нашем случае, о том, что посадят на кол, — суть вопроса о персональной ответственности, о поиске конкретных виновных как-то незаметно забывается. Подменяясь откровенной демагогией:

«Поэтому я еще раз подчеркиваю: я виноват, и я несу

ответственность за все, что тут происходит в нашем государстве».

Так Лукашенко ведет себя не только в собственной стране. Каждый раз, когда впереди референдум или выборы, он начинает провоцировать очередной скандал (иногда — заранее), раздувать свару. Дескать, Запад меня во всем обвиняет — в нарушениях прав человека, в политических убийствах, в союзе с Россией, в торговле оружием, еще немного — и в людоедстве обвинят! У них, мол, у западников, Лукашенко во всех смертных грехах виноват! Хотя на самом деле речь-то о простом приведении Избирательного кодекса Беларуси к общепринятым нормам.

Но на сей раз дело не только в попытке с помощью свары уйти от вопроса об исчезнувших политиках. Вслушаемся еще раз:

«И больше не ищите виновных. И поэтому я несу за это и другое ответственность в полном объеме. Поэтому, еще раз подчеркиваю, не пытайтесь найти виновных…»[442].

Хочешь — не хочешь, но главное здесь не то, что он как президент и впрямь виновен в исчезновении Гончара и Захаренко, а другое: «И больше не ищите виновных!». Он ведь это не на кухне жене повторяет, а высшим чинам КГБ, которые виновных искать-то как раз обязаны, причем говорит это спустя несколько месяцев после громкой отставки председателя КГБ Владимира Мацкевича и генерального прокурора Олега Божелко, попытавшихся этих самых виновных найти.

Правда, однажды от этой методики клинической скандалистки он отказался.

Это было в 1996 году. Виктор Гончар работал тогда генеральным секретарем Экономического суда СНГ. Машину, в которой он ехал домой, внезапно, без всякой видимой причины, обстрелял милицейский патруль. Сидевшую рядом с ним помощницу ранили. Гончар был депутатом Верховного Совета, и депутаты, уже готовившиеся к импичменту, подняли шум. И тогда Лукашенко позвонил Гончару домой.

Вот как Зинаида Гончар вспоминает об этом спустя годы:

«Я снимаю трубку. И слышу:

— С вами будет говорить Александр Григорьевич…

И его голос:

— Зина, здравствуй.

Я, конечно, так и села.

Он говорит:

— Сейчас мы собираем силовиков, эту тему будем обсуждать, но ты хоть веришь, что не я стрелял?

— В то, что не ты стрелял лично, я верю, но что ты мог

команду дать, в этом я не сомневаюсь.

И он стал спрашивать меня, как вообще дела, как родители, как мама, как папа. Я говорю:

— Ты что — не помнишь, что папы у меня нет? Ты сам приходил на похороны.

И как-то на этом разговор закончился.

Виктор разозлился, когда узнал об этом. Представляете: Катю (раненую помощницу Гончара. — *А. Ф.*) только что прооперировали, Женя (водитель Гончара, задержанный милицией. — *А. Ф.*) — в тюрьме, а я с каким-то президентом по телефону болтаю, вместо того чтобы к ним ехать! Виктор мне прямо сказал:

— Ты что — не могла его на хрен послать?!»

Вероятно, в тот момент Лукашенко действительно хотелось, чтобы Зинаида поверила: он в этом выстреле не виноват. Потому он не кричал, не скандалил, никому не угрожал… И, похоже, даже не обиделся, поняв, что ему не поверили. Потому что действительно — кто виноват, если не он как президент?

Но вот в какой именно степени и в чем конкретно лично он виноват, мы, похоже, узнаем лишь тогда, когда ему в доверии откажет народ.

Лукашенко сам так сказал.

А пока этого не случилось, можно и поскандалить, бия себя в грудь. В конце концов, существует презумпция невиновности, никто, кроме нескольких десятков людей, выходящих на улицу с портретами исчезнувших и лозунгами «Где Захаренко?», «Где Гончар?», не может — не осмеливается — сказать вслух, что Лукашенко велел устранить своих возможных конкурентов.

Хотя их исчезновение он использовал в полной мере. Теперь никто не мешал Лукашенко переизбраться во второй раз.

Глава четвертая. Выборы без выбора

Предвыборная толчея

Пришел 2001 год. Тот самый, когда, согласно измененной на референдуме Конституции, Лукашенко предстояло переизбираться.

Он чувствовал, что его рейтинг уже не тот. Перед выборами избиратель вольно или невольно начинает задумываться об альтернативе. И даже не в недовольстве властью тут дело — просто время прошло, накопилась усталость и от политики, и — вот это гораздо хуже — от лица, эту политику проводящего. Брежнев восемнадцать лет томил народ. От Горбачева устали за

пятилетку. На Шушкевича и Кебича всех собак начали вешать через неполных три года после того, как они оказались у руля. А здесь уже семь лет прошло.

Если бы можно было обойтись без выборов, он бы без них обошелся. Но обойтись было нельзя.

При всех своих прежних призывах к бойкоту и оппозиционно настроенная часть общества не могла не принять самого широкого участия в президентских выборах.

Даже слишком широкого, потому что в оппозиции и рядом с ней оказалось чересчур много кандидатов на президентский пост. Пример директора совхоза, который стал главой государства, вскружил голову чуть ли не каждому, занимавшему в прошлом более высокий, чем у Лукашенко, пост.

В списке зарегистрировавших свои инициативные группы оказались экс-премьер, бывший министр обороны, бывший гродненский губернатор, бывший глава Администрации, лидер Народного фронта, руководитель Федерации профсоюзов, чрезвычайный и полномочный посол, депутаты, партийные лидеры. Кроме них, группы пытались зарегистрировать директор завода холодильников Калугин, популярный артист-комик, несколько бизнесменов и даже безработные. Образовалась толчея.

Претенденты толпами ходили на одни и те же дипломатические рауты, отвечали на одни и те же вопросы — причем одними и теми же словами.

— Что вы будете делать с экономикой после победы? — вопрошали дипломаты.

— Проведем реформы с учетом отрицательного и положительного опыта наших ближайших соседей, — почти хором отвечали соискатели президентского мандата.

— Как интересно! А шансы у вас есть?

— Есть! — отвечал тот же хор соискателей.

Со стороны это выглядело довольно грустно и бестолково. При этом почти каждый из претендентов убеждал других в неотвратимости собственной победы, уверял, что его поддерживают в Кремле или на Западе, и советовал всем снимать свою кандидатуру в его пользу.

Леонид Синицын, призывая меня в помощники, не случайно начал разговор тоже с намека на поддержку Москвы. В Беларуси многие понимали, что без этого шансов сменить Лукашенко ни у кого не будет.

Поэтому сразу несколько соискателей белорусского президентства решили на свой страх и риск сыграть роль

«кремлевского кандидата». А что? Навязать себя Кремлю так, чтобы у Путина не было возможности отречься. Кто же отрекается от политика, который заявляет еще более пророссийскую программу, чем Лукашенко?

Таких соискателей оказалось трое. Леонид Синицын, Михаил Маринич и Наталья Машерова — дочь бывшего партийного руководителя Беларуси.

О судьбе Маринича, который был послом Беларуси в Латвии, мы уже знаем. В ответ на его неожиданное выдвижение чиновники зашевелились: такое не может быть случайным. За спиной Маринича они угадывали другие, гораздо более серьезные фигуры из «минской группы» — премьер-министр Владимир Ермошин, глава Администрации Михаил Мясникович. Может, Маринич и не согласовывал с ними свои действия, но все знали об их добрых личных отношениях, как и об их отношениях с Москвой.

Это увеличивало шансы и усиливало подозрения. И Администрация, как мы помним, активно «помогла» Мариничу не собрать необходимые для выдвижения подписи, и он из претендентов вылетел[443].

Наталья Машерова, или, как называли ее между собой журналисты, «Петровна», пошла вперед, как танк. И принялась, создав группу поддержки, собирать подписи на выдвижение. Работала она на одном с Лукашенко электоральном поле. А любовь к ней российской посткоммунистической элиты была столь велика, что и телеэкран, и газетные полосы дочери «самого Машерова» предоставляли в России охотнее, чем другим.

Лукашенко, нутром почувствовав, что она может серьезно испортить ему игру, начал психическую атаку: «Мне только обидно, очень обидно, что такие люди, как Машерова, — это я говорю о том, что своими руками вытаскивал, в семью ходил, поддерживал, помогал. Ведь 25 лет уже только, знаете, где-то, кто-то в газете напишет "Петр Миронович, Петр Миронович". Брошена была семья, никто туда никогда не ходил. Вы же помните, после президентских выборов я пошел в эту семью, поддерживал всегда. Много сделал для избрания этого человека в парламент — и тут удар в спину… Что, она не понимает, что она этим самым играет на руку вот этой отвязанной прозападной оппозиции? Что, не понимает? Понимает. Так зачем же так поступать? Я не нападаю, поймите, это просто личное»[444].

На самом деле семья Машеровых никогда не была «брошенной». Но все знали, что значит «личная» обида президента. После этих слов президента стало понятно: или

Наталья Машерова уступит Александру Лукашенко, или семью действительно «бросят». Тут на «Петровну» надавили. Как? Разным людям она рассказывала разные версии, но очевидно, что угроза шла родне. Болела мать, должен был поступать в институт сын, неприятности могли быть у дочери и зятя. Риск был слишком велик.

Кроме всего прочего, в самый последний момент Машерова не получила обещанной поддержки от кремлевской Администрации; по настоянию путинских администраторов буквально за час до эфира был отменен выход передачи о «достойной претендентке» и «продолжательнице дела отца». И «Петровна» сдалась. Не говоря ни слова, она отнесла в ЦИК заявление об отказе от регистрации.

Не удалось заручиться «поддержкой Кремля» и Леониду Синицыну. Хотя к подготовке своей откровенно пророссийской программы он относился весьма серьезно. Синицын рассказывает:

«В 2001 году я был убежден, что мы подошли к точке излома, что новая власть будет должна поменять ориентиры, отказаться от идеологии благих намерений. Общение с самыми разными людьми — от рабочих до элиты, в том числе и номенклатурной, — убеждало меня, что люди не хотят отставать от цивилизованных стран. Именно этот взгляд и выражала моя "команда 2001". Предельно ясно мы определились и в отношениях с Россией. Мы считали, что вместе с Россией нам нужно выработать единые экономические правила игры, адаптированные к реалиям современного мира».

Но Россия не посчитала, что ей нужно идти вместе именно с командой Синицына. Москва вообще не торопилась с поддержкой альтернативных кандидатов. Путин в то время еще не был уверен в себе. Как человек новый он, скорее всего, даже и не знал, что многие из тех, кто его окружал (вплоть до членов Совета безопасности), если и не прикармливались у его «белорусского коллеги», то надеялись в обмен на поддержку Лукашенко кое-что отхватить при приватизации лакомых кусков белорусской промышленности. А поскольку все вокруг твердили, что только Лукашенко способен защитить интересы России в Беларуси, Путину оставалось лишь молчать и соглашаться с «коллективным мнением».

Синицын достаточно быстро все понял. Поэтому когда его не зарегистрировали (объявив недействительными добрых 30 тысяч подписей), он вздохнул даже с некоторым облегчением — по крайней мере, мне так показалось.

Но кроме «московских» были и еще претенденты, часть из

которых активно поддерживал Запад.

По западной рецептуре

Как мы помним, Лукашенко сделал вид, что внес поправки в Избирательный кодекс и в точности выполнил требования ОБСЕ.

Но в Минске работала консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ во главе с послом Виком, который хорошо понимал, что происходит на самом деле, и видел, как Лукашенко водит за нос Европу. Об этом Вик регулярно и докладывал в Вену, в штаб-квартиру направившей его в Минск организации.

КНГ была уполномочена оказывать методическую помощь правительству и гражданскому обществу по демократизации обстановки в стране. Так как правительственная сторона (то есть Лукашенко) к ее рекомендациям не прислушивалась, то Вик сосредоточился на работе с гражданским обществом.

Вспоминает лидер коммунистов Сергей Калякин:

«До Вика политические партии разного спектра — допустим, коммунисты и БНФ — вообще не встречались на регулярной основе, ничего не обсуждали. Нам было безразлично, за что мы вместе выступаем. Мы не хотели этого знать. Мы просто были непримиримыми противниками. Вик сумел нас убедить в том, что первичными являются общие проблемы демократизации страны, а амбиции и конкретные цели каждой партии — дело вторичное. Он просто говорил: "Я хочу, чтобы вы встретились и обсудили проблемы". КНГ была как бы нейтральная территория, на которой начали обсуждать общие проблемы. Здесь мы пришли к "четырем условиям", которые потом вошли во все международные документы».

Вик и подхватил предложенную политтехнологами от оппозиции идею выделить среди бесчисленных кандидатов основную группу, куда вошли Михаил Чигирь, генерал-полковник Павел Козловский, Семен Домаш, Владимир Гончарик и лидер коммунистов Сергей Калякин.

Отчасти создание «пятерки», как эту группу сразу стали называть в прессе, было разумно. Так появился хоть какой-то шанс уменьшить количество кандидатов, не раздирая голоса избирателей. Если эти пятеро сумеют договориться между собой, может быть, и другие последуют их примеру, и в конце концов Лукашенко будет противопоставлен единый кандидат от всех оппозиционных сил.

Наверное, будь эта тактика согласована заранее, концепция «единого кандидата» имела бы смысл. Но условия обсуждались по ходу дела, договоренности достигались с трудом: каждому из

кандидатов было тяжело отказаться от собственных амбиций. Кроме того, все эти торги и согласования условий происходили на глазах у избирателей, что вовсе не повышало рейтинг оппозиции.

«Ничего хорошего все это не сулило, — вспоминает Геннадий Грушевой. — Как и любой оппозиционной коалиции. Ведь у каждого политика свой электорат, каждый к своему избирателю и обращается. Рядовые коммунисты, например, на дух не переносят Народный фронт, еще с советских времен. А тут вдруг объединение. Это как если бы в один сосуд слили водку, томатный сок, дорогой коньяк и кефир, предложили народу все это выпить, а потом удивлялись бы, почему он себя так плохо чувствует[445]».

Успеху мешало и то, что объединялись-то политики с крайне низкими стартовыми рейтингами, колебавшимися в пределах статистической погрешности. Рос только рейтинг бывшего гродненского губернатора Семена Домаша, который не успел слиться с минской политической тусовкой, а потому не надоел еще даже оппозиции.

Но за Домашем числилась поддержка Народного фронта. А Вика уже давно убедили, что кандидат, которого поддерживает БНФ, никогда не получит ни поддержки России, ни поддержки «левой» части электората. При этом все убеждавшие и разубеждавшие опирались на какие-то социологические опросы — каждые, разумеется, на свои. И с подачи посла Вика вся оппозиция дружно бросилась агитировать Семена Домаша снять свою кандидатуру в пользу единого кандидата Владимира Гончарика — бывшего руководителя профсоюзов. Домаша даже грозились оставить без всякой политической поддержки, если он не согласится с лидерством Гончарика[446].

Говорит Юрий Хащеватский:

«Как правило, в своем мышлении представители Запада опираются на те понятия, которые им знакомы по опыту существования не в нашем, а в своем — западном — мире. И в этом их главная ошибка — у нас и у них под одним и тем же понятием очень часто лежит прямо противоположное содержание.

Так и произошло с Виком и послом США Козаком, когда им внушили, что Гончарик — идеальный "единый кандидат", потому что это руководитель всех белорусских профсоюзов. Не сомневаюсь, что те обрадовались, когда вообразили, какая колоссальная силища стоит за Гончариком. Быть может, даже представляли в перспективе многотысячные колонны, вышедшие на улицы белорусских городов в поддержку своего лидера!

Откуда Вику и Козаку было знать, что еще со времен

Советского Союза у рабочего класса не было более нелюбимых людей, чем профсоюзники. И что не меньше рабочих их не любили и руководители производств, поскольку профсоюзы — эти "приводные ремни коммунистической партии" — болтались у них под ногами, и, по их мнению, мешали работать…».

И руководитель представительства ОБСЕ Вик, и посол США Козак действительно были «чересчур западными и чересчур правильными». И наивно полагали, что и Беларусь подчиняется каким-то общим закономерностям, которые уже сработали, например, в Югославии. В популярность профсоюзов они тоже, наверное, верили, а значит, и в популярность профсоюзного лидера.

Самое печальное, что все эти бесконечные уговоры и разборки заменяли работу с электоратом. Хуже того, велись на его глазах.

«Уже тогда, наблюдая за ходом предвыборной кампании, возню вокруг нашей "пятерки", ее неспособность выдвинуть, как было обещано, "единого" кандидата до 17 июля, серьезные политики и на Востоке, и на Западе адекватно оценивали потенциал "пятерки". Как можно было воспринимать команду, претендующую на руководство Беларусью и не способную при этом договориться о распределении ролей в будущем руководстве?»[447].

Понятно, что с такими соперниками Лукашенко не грозила опасность проиграть, даже без его традиционной ставки на административный ресурс.

Общую досаду демократов на всю эту катавасию с единым кандидатом достаточно емко выразил Олег Богуцкий:

«За последние 10 лет оппозиция уверенно проиграла все, что только можно, и даже то, что проигрывать было категорически нельзя. За плечами у нас проигранные выборы 1994, проваленный импичмент, потом "бойкот 2000" и вторая, еще более грандиозная ошибка — "единый кандидат 2001". До сих пор при слове «выборы» или «единый кандидат» у тысяч работавших тогда волонтеров рука тянется к чему-нибудь тяжелому»[448].

Хмурое утро

Пропагандистская машина власти по-прежнему работала безотказно.

Белорусам внушили, что Россия опять — «за». За Лукашенко. Об этом свидетельствовали все российские телеканалы (кроме разве что НТВ), наперебой начавшие рассказывать россиянам (а заодно и белорусам), как хорошо в Беларуси. На фоне

замерзающего Дальнего Востока, бастующего Кузбасса, нищающего Нечерноземья выходило-таки хорошо! Чего еще желать лучшего?!

Белорусское же телевидение поддакивало: да, плохо в России, плохо во всем СНГ, плохо там, где нас нет и где нет нашего президента. А уж как плохо в Европе и Америке! И даже оппозиционного кандидата скомпрометировало только между делом: российское телевидение уже все сделало!

Голосовать было не за кого. Когда «простым людям» предлагали голосовать за профсоюзного начальника, им казалось, что их возвращают куда-то в далекое прошлое.

Создать «единому» кандидату новый, пригодный для Беларуси имидж не получалось, несмотря на старания иностранных консультантов. Помню свой ужас, когда на столбе перед Домом профсоюзов — штаб-квартирой Гончарика — я увидел его предвыборную листовку.

На безоблачно голубом фоне (вероятно, цвет объединяющейся Европы) с желтым солнышком, нарисованном, скорее всего ребенком, стоит Единый Кандидат, одетый в дорогой темно-синий костюм и с бархатным загаром на лице. Он опирается на стул (или стол?), а поскольку листовка наклеена косо, то ощущение такое, будто кандидат судорожно хватается за первую попавшуюся опору. Очки с него сняли, отчего выражение лица стало беспомощно-ласковым. В общем, то ли кандидат в сенаторы от Майами, то ли экс-секретарь райкома партии, вернувшийся из Сочи…

Вряд ли в этом был виноват сам Гончарик. Скорее всего, сказались действия «технологов», уверенных в том, что в Майами и в Пуховичах народ голосует по одним и тем же законам.

И так же, как готовилась эта бездарная листовка, шла и вся поспешная и скомканная кампания.

О том, насколько далеки от реальности были оценки наиболее горячих участников этой кампании, говорит тот факт, что находились «энтузиасты», которые всерьез утверждали, что в случае поражения «единого кандидата» Гончарика, им удастся повторить белградский сценарий[449]. А Лукашенко их с удовольствием подхватывал:

«Почитайте оппозиционную прессу, она уже об этом писала. 10 сентября будет объявлено, что победил Лукашенко. Несогласные с этим, не менее 10 тысяч человек, в том числе из регионов, свозятся в Минск, и атакуется резиденция Президента. Как в Югославии, захватывается и объявляется белорусский

Коштуница»[450].

Но на сей раз Лукашенко паниковал совершенно напрасно.

Нет, не вышел народ на площадь.

Вот что говорит по этому поводу режиссер Юрий Хащеватский:

«При всем при том, по данным независимого наблюдения, в первом туре Лукашенко не победил. Более того, если бы все было честно, то состоялся бы второй тур, а во втором туре он наверняка бы проиграл, так как тут уже объединились бы все, включая тех, кто не верил в возможность победы и потому попросту не голосовал. В тот раз белорусы победили, но защищать свой выбор не стали. Пришли на площадь к Дворцу профсоюзов не десятки тысяч обманутых людей, а лишь сотни — потому что звали их не те и не так, чтобы быть услышанными. Я знаю это точно — я видел их глаза — тех, кто пришли».

Революции — ни оранжевой, ни розовой — не произошло.

…Видимо, забыв про свои страхи, про исчезнувших соперников, про снятых с дистанции кандидатов, Лукашенко назвал итоги голосования своей «элегантной победой».

Но ничего «элегантного» не было даже в том, как проходило голосование.

Независимым наблюдателям не давали приблизиться к столам, где шел подсчет голосов. За столами сидели члены участковых комиссий, чаще всего — бюджетники и государственные служащие, полностью зависимые от власти, а также пенсионеры и представители Белорусского патриотического союза молодежи, более известного в народе как «Лукомол». Они молча считали бюллетени, писали на бумажках какие-то цифры и подавали председателю. Тот так же молча суммировал их, и когда протокол вывешивался для всеобщего обозрения, наблюдатели понимали: «Важно не то, как проголосовали, а то, как посчитали».

«Были три района, из которых пообещали: мы тебе скажем, что на самом деле получилось, — вспоминает Василий Леонов. — Нигде в этих сельских районах кандидат от власти не получил свыше сорока процентов. Но даже те, у кого хватило смелости сказать мне правду, дальше не пошли: мы напишем эти семьдесят восемь, сказали они мне, потому что соседи все равно напишут столько же. У Гончарика было и по сорок, а в некоторых сельских районах — по пятьдесят. И это даже при дикой массированной травле оппонента Лукашенко»[451].

Широкую огласку получил случай, когда комиссию буквально поймали за руку: был оглашен один результат, а в

территориальную комиссию увезли протокол с совершенно другими цифрами. Но до этого не было никакого дела ни судам, ни прокуратуре.

Бюллетени были уничтожены через день после голосования. Это и стало одним из самых «элегантным» событий за весь 2001 год. Так горят бюллетени кардиналов на конклаве, возвещая о пожизненном избрании нового Папы Римского.

Часть III. Всех — поиметь?

На приеме в российском посольстве, куда я был приглашен как собственный корреспондент «Московских новостей», ко мне подошел генерал КГБ Иван Юркин и громогласно спросил:

— Федута, когда ты мне свою книжку подаришь? С персональным автографом…

— Какую, Иван Захарович?!

У меня как раз вышла книга о Пушкине. Как и всякому автору, интерес к моему творчеству мне был лестен. Но не настолько, чтобы не удивиться существованию генерала КГБ, интересующегося пушкинистикой.

— Что значит — какую? Разумеется, «Нашествие»[452]! В растерянности я оглянулся.

Вокруг меня мгновенно образовалась пустота. Мне показалось, что все эти высокие государственные чины, эти министры и генералы, даже иностранные дипломаты, все — отодвинулись, поглядывая на меня с любопытством и даже жалостью. Видно было, что «Нашествие» они изучили досконально, в моем авторстве не сомневались, полагая, что таким вот способом я анонимно расквитался с Лукашенко за обиды, и теперь всем им было интересно, чем это для меня закончится.

Возражать генералу было бессмысленно. Не станешь же на дипломатическом приеме орать, что ты не писал эту книгу, да и читал-то ее с трудом!

Придя домой, вконец расстроенный, я понял, что отмыться от подозрений в авторстве мне будет нелегко. Еще и потому, что в представлении многих я был человеком — как бы это к себе помягче — сложного и не совсем чистого прошлого. Причем в глазах одних я «замарал» себя участием в команде Лукашенко, а в глазах других — «предательством» и переходом в лагерь его оппонентов. А теперь еще эта нелепость с «Нашествием»!

Наутро я кинулся к единственному человеку, с которым в тот момент мог посоветоваться, надеясь на его понимание и жизненный опыт.

Синицын долго смеялся:

— Ну и ответил бы ему: «Юркин, ты лучше скажи, где ты Захаренко с Гончаром закопал!».

— С него это как с гуся вода. А меня буквально припечатали эти дурацкие подозрения. Была бы хоть книга стоящей!

— Ну так напиши свою… — Синицын сказал, осознал

сказанное и сразу, как это с ним часто бывает, завелся: — А что?! Ведь и действительно — классный выход. Тем более что ты давно собирался обо всех нас рассказать. Напиши книгу — и любому дураку станет понятно, что к «Нашествию» ты не имеешь никакого отношения.

И вот я написал.

Полтора года я встречался с людьми, мнения которых почему-либо были для меня важны, со свидетелями и участниками событий. У них я учился все серьезнее относиться к своему герою, совсем не случайному в нашей жизни.

Прояснялась закономерность, по которой он пришел к власти и удерживал власть.

Постепенно я понял, что не дело автора судить своих героев и делить персонажи на правых и виновных: для меня они лишь соучастники с разной степенью ответственности и свидетели с разной степенью осведомленности. А я — только один из них. И судьей нам будет время.

Я смотрел на Лукашенко глазами разных людей, и все четче вырисовывалась удручающая масштабность фигуры моего главного героя. Как ни суди, это человек, который (по словам, приписываемым молвой его жене) ни на одной работе больше двух лет не задерживался, сумел пробыть у власти десятилетие. По сути, ему удалось если не остановить, то замедлить время. Недавно мы говорили об этом с Геннадием Грушевым.

«Что сделал Лукашенко? Он попытался — и довольно успешно — затормозить исторический процесс на территории отдельно взятой страны, — говорил мне профессор. — Он, конечно, не отстроил заново всю советскую систему. Но он законсервировал целые фрагменты социалистического государственного организма. Мы отстали не на одно десятилетие… Правда, при этом получили возможность оглядеться и увидеть, где какие ошибки соседи делали на бегу, какие совершали неосторожные и губительные ходы. Если бы это было целью Лукашенко, мы бы ему памятник поставили. Ведь это дало возможность, как на старте соревнований, пропустить вперед всех. Кто-то падал, ломал лыжи, оказывался в сугробе на незнакомой трассе, кто-то сползал по склону, но все куда-то неслись. А он стоял и не двигался. В итоге мы все сохранили. Амуниция цела, ничего не налипло на ногах, можно двигаться с учетом ошибок других…»

Остановись Грушевой на этом — и все бывшие и нынешние сторонники Лукашенко с облегчением бы вздохнули. Однако профессор беспощадно продолжал:

«Но это не было его целью, поэтому ничего нового он не придумал и не предложил. За время, пока он стоял и держал нас, амуниция успела безнадежно устареть. Изменились правила. И целое поколение, которое было захвачено общим водоворотом — мы, целое поколение — выпало из гонки, оказалось вообще на другой дистанции. Самые сильные из нас либо выброшены, либо парализованы и десять лет не могут реализовать себя… И это преступление страшнее, чем он тут понаделал с политзаключенными. Какой был пафос! Сколько было желания и сил работать! Все ушло — кто замкнулся в себе, кто спился, кто уехал…»

Было непонятно, чем же моя книга должна закончиться. Ведь любая политическая биография имеет смысл лишь как подведение итогов. А я пишу с натуры — в то самое время, когда мой герой думает лишь об одном: как продлить свое политическое существование еще хотя бы на несколько лет.

Лукашенко сопротивлялся, оттягивая развязку.

Сопротивлялись и другие персонажи. Кто-то — как бывший премьер-министр Михаил Чигирь — отказался давать интервью, обещая все описать самостоятельно. Кто-то, наоборот, оказался излишне разговорчивым, но не привносил ничего существенного и «выпадал» из текста. Были и не довольные тем, как они выглядели в рукописи.

Так произошло и с Синицыным. Я привез ему рабочий вариант будущей книги в тот самый дом, где в 2001 году находился его предвыборный штаб.

— Ну оставь, — небрежно сказал мой бывший шеф, демонстрируя полное отсутствие интереса к толстой кипе бумаги. — Я прочту… когда будет свободное время.

«Свободное время» нашлось. Позвонил он уже на следующий день, рано утром. Я приехал.

Синицын был холодно вежлив:

— Мне жаль, что я влип в эту историю.

— В Историю?

— Нет, в историю с твоей книгой. Ты ничего, абсолютно ничего не понял. Нужно было отразить роль команды, которая вытащила его наверх. А у тебя он получается каким-то самородком.

— Он и есть самородок. Он прорвался бы и без нас…

— Не преувеличивай, — Синицын посмотрел на меня сквозь очки тем же настороженно внимательным взглядом, что и десять лет назад, когда в моем кабинете он допытывал меня, не шпионю ли я за ними. — Работала целая система прихода к власти, а

Лукашенко был лишь ее частью. Пусть даже самой главной…

— Они создал эту систему, — сказал я, — а потом пошел дальше, создавая и укрепляя систему собственного единовластия.

Синицын докурил сигарету и затушил «бычок», тщательно вдавив его в пепельницу. Было видно, что он не говорит того, что ему до смерти хочется сказать, подыскивает слова, не слишком обидные для меня и прозрачно прикрывающие его собственную обиду.

— Повторяю: ты не отразил роль нашей команды. У него была лучшая из команд.

— Это вы о себе и о своей роли говорите. Которую я стараюсь не преуменьшать… Но вы же сами знаете, что команды как таковой не было, а были достаточно активные люди, не вполне понимающие, что творят. Поэтому мы так сразу и рассыпались, сдав ему все свои позиции. Поэтому он и повышвыривал нас за борт — поодиночке… Если мы этого не поймем, мы не сможем победить, даже когда он уйдет.

Было очевидно, что с этим Синицын не согласится. Он до сих пор не верил в свое поражение, собираясь еще подняться и сыграть собственную игру. А ошибок своих он никогда не признавал и в этом был похож на Лукашенко. Не хотелось ему признавать и то, что в Историю, как и все мы, он все-таки влип. И слишком поздно задумался о том, как будет в ней выглядеть, — лишь в 1996 году, уходя в отставку…

— Как знаешь, — Синицын обиженно выдержал паузу. — Но учти. Такие книги пишут, когда сжигают мосты: все, прошлое отрезано. Ты прощаешься с нашим прошлым, так надо понимать?

Разговор и действительно очень походил на прощание.

Для меня оно было трудным и затянувшимся — если считать с 5 января 1995 года, когда я покинул Администрацию президента.

И вот теперь мы с Синицыным со всей безвозвратной очевидностью стали друг для друга всего лишь прошлым, с которым было трудно расставаться. Мы все-таки хорошо относились друг к другу.

А Лукашенко? Он продолжал дописывать свою политическую биографию и точку ставить, казалось, не собирался. Хотя, наверное, он лучше всех понимал, что рано или поздно ему придется это сделать…

Глава первая. От любви до ненависти?

Лукашенко меняет курс

Третья предвыборная кампания Лукашенко началась буквально сразу же по окончании второй, в 2001 году. Не замечать этого могли только поп-звезды и прочие «гастролеры», приезжающие в Беларусь, чтобы заработать свои «бабки», полюбоваться чистотой улиц и побеседовать с ее президентом. Все остальные видели, что он выгребает из последних сил, нервничает и мечется, резко меняя курс.

Новая предвыборная кампания начала строиться по принципиально иной программе, нежели две предыдущие. Если в 1994 году Лукашенко делал акцент на восстановление связей с Россией, а в 2001 году обещал народу, что союз с Великим Соседом будет крепнуть и развиваться, то теперь ему нужно было любой ценой с Россией поссориться, разумеется, обвинив ее в срыве достигнутых ранее договоренностей.

Лукашенко всегда сначала «ссорился» с теми, кто ему помогал, а потом от них избавлялся. Он избавился от Гончара, пытавшегося вытолкнуть его к вершине парламентской политики. Он «кинул» Синицына, создавшего ему штаб, который выполнил всю черновую работу в первой избирательной кампании. Он избавился от Мясниковича и Заметалина, ненавидевших друг друга, но в определенный момент помогавших ему сохранить власть… Этот ряд можно продолжать сколько угодно, так как перед каждым новым шагом он избавлялся от отработанного «балласта».

По той же логике, начав новую кампанию и задумав сделать свою власть не только беспредельной по возможностям, но и бесконечной во времени, он должен был поссориться со своим главным союзником, опекуном и едва ли не единственным спонсором, финансировавшим его «экономическое чудо». Речь о России, которая с первых шагов поддерживала Лукашенко, терпя все его капризы и «заскоки», снося издержки «плохого характера» и принимая на себя политическую ответственность за его проделки перед всем миром.

Правда, с Россией он тянул отношения дольше всего, извлекая из них максимум выгоды. Да и теперь он не столько ссорился с ней, сколько изображал ссору, используя для своей выгоды и видимость ссоры, и угрозы окончательного разрыва.

Нет, разрывать с Россией, судя по всему, он не собирался, он просто продолжал вести давно начатую, затяжную и многоходовую игру.

«Я приехал в свою Москву»

Первый визит, который Лукашенко совершил в качестве

президента, был визитом в Россию. Вспоминает Леонид Синицын:

«Больше всего запомнился внешний вид нашей делегации, которая туда ехала. Это нужно было видеть! Наши новые руководители жили тогда почти так же бедно, как и весь белорусский народ. А в России уже виден был лоск власти. И тут приезжает наша команда!.. Я думаю: "Господи, как мы к Ельцину приедем?" Какая-то банда батьки Махно».

Действительно, разница была очень существенная. В 1994 году в российском правительстве, в президентских структурах сидели люди далеко не бедные. Лукашенко же привез в Москву тех, кто, находясь при власти, еще не успел насытиться.

«На фоне ухоженного Бориса Ельцина наш Лукашенко в его ратиновом пальто, долгое время выполнявшем функцию форменной одежды советской номенклатуры, "тянет" на секретаря обкома. Ему не важно, что ратин не в моде, просто такое пальто, виденное в детстве на партийных и хозяйственных лидерах, полностью соответствовало его представлению о хорошей одежде»[453].

Если еще Чигирь, пообтесавшийся в бытность банкиром, или привыкший к вояжам в «столицу» аппаратчик Мясникович хоть как-то смотрелись на фоне россиян, то остальные явно не выдерживали сравнения — ни по одежке, ни в манерах. Да и сам Лукашенко пришел к власти в клетчатом пиджаке. Это уж потом он стал усиленно заниматься своим внешним соответствием.

Впрочем, Ельцин на все это никакого внимания не обратил.

«Разговор он повел по-отечески, с вниманием, — рассказывает Леонид Синицын. — Казалось, что у Ельцина с Лукашенко существует какое-то родство душ, что они лидеры одной закваски. Это потом все поняли, что у нашего на самом деле закваска-то как раз совсем другая.

Надо сказать, что Лукашенко очень достойно и серьезно вел эти переговоры, хотя никакого государственного опыта у него тогда быть не могло. Без патетики скажу, что я с гордостью смотрел, как наш президент беседует спокойно и вполне непринужденно.

Выслушав гостя, Борис Николаевич сказал после длительной и характерной для него паузы:

— Не вы взяли власть, ее Кебич потерял. Власть берется или теряется. — И повторил: — Не вы взяли власть — ее Кебич потерял…».

Сам Лукашенко вспоминал об этой встрече: «Он так меня внимательно, пристально рассматривал — молодого президента. Я говорю: вы меня не рассматривайте так пристально! Я приехал в свою столицу! В свою Москву! Здесь у меня многое связано с

Москвой, поэтому не надо на меня смотреть, как на иностранца! Ельцин засмеялся и говорит: "Я согласен"»[454].

Видимо, полагая и, скорее всего, небезосновательно, что у Ельцина должен быть «беловежский комплекс» — чувство личной вины за распад советской империи, Лукашенко и заговорил с ним так, как (по его мнению) того хотел Ельцин:

«Выбросьте вы, Борис Николаевич, из головы эти мысли о Беловежской пуще. Кравчук и Шушкевич заставили вас подписать это соглашение. Это была их цена за помощь в борьбе с Горбачевым, ведь они понимали, что два медведя в одной берлоге жить не могут…»[455]

При этом Лукашенко был искренен. Он настолько был убежден, что беловежские соглашения — это ошибка, что позднее даже готов был «защищать» Ельцина, оправдывая его публично:

«А когда Горбачев ушел, Кравчук и этот наш деятель… профэссор физики (Шушкевич. — *А. Ф.*), сразу говорят: "Ээ… Борис Николаевич… какая там… единая армия, мы так… не договаривались, извини, народ нас… теперь не поймет, мы — все… суверенны-нэзалежны", — словом, кинули его как мальчика… за милую душу! Я говорю: Борис Николаевич, ты — не хочешь, дай я скажу, разреши… народ — он же все простит, коль правду узнает… ну дай! Не — не разрешил… Все взял на себя, все, сам пострадал, но никому не открылся, только мне, а говорить — запретил…»[456].

Судя даже по этому рассказу, нужную тональность разговора с Ельциным наш герой уловил сразу. И говорил с ним как с человеком, тоскующим о возрождении былой мощи России, о том, чтобы к ней вновь потянулись вдруг разбежавшиеся соседи. Вспоминает Леонид Синицын:

«Мы тогда концептуально определились, что дружим. Борис Николаевич спрашивает:

— Не будет так, как с хохлами?

Тогда Украина, мягко говоря, специфически себя вела, металась между Западом и Россией. Лукашенко отвечает:

— Нет, это наша твердая позиция — союз с Россией».

Лукавил при этом Лукашенко или нет? Скорее всего — нет, не лукавил. Он, похоже, действительно хотел вести Беларусь к сближению с Россией. Слишком много он для этого сделал и слишком часто об этом говорил, прикладывая руку к сердцу:

«Беларусь для любого русского человека всегда будет надежной опорой и настоящим домом. Вы в этом должны быть уверены, кто бы что ни говорил или ни писал. Несмотря на разного рода перипетии, порой непонимание в наших отношениях, мы разумные серьезные люди, найдем выход из

самых сложных ситуаций. Нам иного не дано, кроме как быть вместе»[457].

Есть, правда, одно «но»…

Хорошо зная нашего героя, мы не можем не насторожиться, когда он кого-то слишком горячо в чем-нибудь заверяет, да еще прикладывает руку к сердцу. Тем более, если мы видим, что с какой-то целью он при этом еще и отступает от правды:

«Нам непросто было в начале 90-х повернуть страну вспять, когда каждый русский человек сидел на чемоданах. Это сделал народ. Но народ на референдуме в 1996 году сказал: Россия — это наша страна. Это наши люди, братья»[458].

Но ведь никто в Беларуси ни на каких чемоданах не сидел[459]. И на референдуме 1996 года речь, как мы помним, шла совсем о другом… Зачем же он так усугубляет и драматизирует? Чего добивается?

Нет, все здесь, с самого начала, совсем не просто. Это можно понять, если попытаться взглянуть на первую московскую встречу глазами директора совхоза, только что стремительно взлетевшего к вершине власти. Тут фраза «я приехал в свою столицу» обретает совсем иной смысл.

Что же увидел Лукашенко в свой первый приезд, с разгону ворвавшись в парадные покои «Царя Бориса»?

Говорит Анатолий Лебедько:

«Лукашенко приезжает в Кремль, молодой, энергичный, идет уверенной походкой (только что покатался на лыжах) и видит полуразваленного, дряхлого, проспиртованного Ельцина. Ну не мог он тут же не подумать: "И у этого человека есть огромная власть, у него Кремль, у него атомная бомба, и эта великая страна…".

А потом он едет во Владивосток, или к кубанским казакам. Его принимают с искренним восторгом и обожанием. Так это ладно, это — те, кого он сам называет простыми людьми! Но в Санкт-Петербурге на форуме встают ученые, встают люди с министерскими портфелями и устраивают ему овации. Ну точь-в-точь, как в Беларуси. И ведь чуть-чуть надо, всего один еще шаг, и вся эта власть, все эти почести будут у тебя постоянно».

Это всего лишь предположения белорусского политика, впрочем, неплохо знакомого с Лукашенко. Догадка. Но мы еще вернемся к этой теме. И увидим, что мысль (если допустить ее возможность), зародившаяся тогда в сознании нашего героя, неукротимо прорастала, определив развитие всей его дальнейшей и, безусловно, двойной игры в братскую любовь с Россией.

Встреча с Борисом Ельциным, проявившим симпатию к молодому провинциальному коллеге, показала Лукашенко, что Россия, в лице этого сентиментального «дедушки», готова… платить за любовь к ней. Причем платить достаточно щедро.

Под заверения о готовности жить вместе уже после первого визита белорусской делегации в Москву великодушный хозяин Кремля «списал» накопившиеся к тому времени и немалые белорусские долги за энергоносители[460].

Лукашенко тогда заявил прямо и с подкупившей Ельцина откровенностью:

— Не я эти деньги занимал, не мне их и отдавать.

Но Россия огромна, конъюнктура газового рынка в Европе складывалась в ее пользу, можно и без какого-то там, понимаешь, миллиарда перебиться… Да и внешний вид белорусской делегации, который так смущал Синицына, видимо, сделал свое дело: ну как у таких «сирых» последнюю копейку отнимешь? Какие там еще, понимаешь, старые долги…

Таким образом, установка на дружбу и единение с Россией начала давать свои плоды с первого дня. И союз с Россией сразу стал для Лукашенко не только твердой, но и весьма прагматичной позицией.

Курс на сближение заметно успокаивал и пророссийски настроенную часть белорусского электората, которая давила на своего избранника, заставляя Лукашенко отрабатывать взятые на себя предвыборные обязательства. Помню, как в Администрацию президента приходили в начале сентября 1994 года отцы и деды школьников — с требованием немедленно перевести школу, которую посещает их дорогой сын и внук, на русский язык обучения. И вели они себя крайне агрессивно.

Многих беспокоила и другая проблема. Люди испугались отделения от России государственной границей. И дело даже не в родственных связях: большинство белорусов — что в Пермь, что в Неаполь — раз в жизни, может быть, и выедут. А в том, что в Беларуси многие привыкли рассматривать Россию как источник сырья и рынок сбыта собственной продукции. Что будет, если Россия вдруг отгородится от белорусских товаров? Эти настроения Лукашенко использовал еще во время первой избирательной кампании, уверяя, что в случае своей победы он мигом разгрузит затаренные готовой продукцией склады, восстановив нормальные отношения с Россией.

Надо сказать, что так и получилось.

Россияне готовы были покупать дешевую белорусскую продукцию — грузовики, холодильники, телевизоры, трикотаж. А уж продовольственные товары отрывали буквально с руками: они были качественнее и значительно дешевле российских.

Налажены были и другие, не менее и даже более важные для экономики Беларуси связи.

Россия согласилась поставлять в Беларусь энергоносители по внутрироссийским ценам. Для сравнения: даже после того как в феврале 2004 года состоялась известная «газовая война» (о ней мы еще расскажем), цена на российский газ для белорусского потребителя осталась менее 48 долларов за тысячу кубов. Литва платит за такой же объем газа 80 долларов, а Польша и Румыния — 100. А так как белорусская промышленность крайне энергоемкая, то дешевизна энергии, заложенная в цене, поднимала конкурентоспособность продукции, делая ее дешевле. Следует учитывать также, что значительную часть экспорта белорусских предприятий составляет продукция нефтеперерабатывающего комплекса. За счет более низкой цены на нефть, поставляемую на белорусские" нефтеперерабатывающие заводы, Беларусь также зарабатывает достаточно серьезные деньги. А рост цен, по которым Россия отпускает нефть на мировой рынок, самым благотворным образом влияет на белорусскую экономику, несмотря даже на подорожание нефти и для белорусов. Россия богатеет, и сразу растет белорусский экспорт в нее[461].

Леонид Синицын, возглавивший Некоммерческий фонд российско-белорусского экономического партнерства, раскрывает механизм таких «братских» взаимоотношений на простом примере:

«На России Лукашенко зарабатывает столько, сколько та может стерпеть. Возьмем, например, газовую проблему. Россия поставила нам газ в долг. А Беларусь говорит: мы не платим, потому что у нас неплатежи от потребителей. Получается, Россия нас прокредитовала, допустим, на миллиард.

Дальше мы с ней рассчитались, но на пятьдесят процентов — полмиллиарда у нас в кармане. Но мы-то свои предприятия заставляем платить за газ! Причем полностью, и получаем от них миллиард. Таким образом, в бюджете появляются деньги — полноценные полтора миллиарда. Лукашенко берет эти деньги и отправляет их в народное хозяйство — а по сути, в свой электорат. Перераспределяет. На полтора миллиарда Россия его как бы кредитует — только на газовых поставках.

А потом, создавая здесь массу продукции на деньги, которые

таким образом появились, он приходит в Россию и говорит: возьмите нашу продукцию в счет долгов. И тем самым еще раз кредитуется на полмиллиарда.

Так и набегает около двух миллиардов. И это только по газовой энергетике, не считая, к примеру, военных дел».

И так — каждый год!

Этот весьма выразительный пример «братских» отношений комментирует, обращаясь к российским политикам, лидер парламентской группы «Республика» генерал Валерий Фролов:

«Уважаемые, нас с вами дурили. Ну, например, покупая из России энергоносители по дешевке "как для своих", примитивно перепродавали их у себя дома по более высокой цене. Наживались и на России, и на собственном народе, пользуясь доверчивой добротой "дедушки Ельцина". При этом ухитрились накопить огромные долги, большую часть которых, правда, списали. Опять же, пользуясь политической доверчивостью снисходительностью в расчетах»[462].

Вот и раскрылся секрет «лукашенковского чуда». Вот что, оказывается, позволило поддерживать белорусские государственные предприятия в рабочем состоянии и платить работникам зарплаты. Причем — в отличие от самой России — регулярно. Можно сказать, что дом, построенный по проекту Лукашенко, выстроен при спонсорской помощи Кремля — и за счет россиян.

При таких «дотациях» можно и не думать о проведении реформ, о развитии экономики.

Говорит Юрий Хащеватский:

«Беларусь превратилась в затхлый парничок, в котором все вяло, трудно, но кое-как выживает. А если это так — о чем еще нужно заботиться?».

Известному режиссеру и просто наблюдательному современнику Юрию Хащеватскому вторит Леонид Синицын:

«Лукашенко использовал развитие России с ее огромным потенциалом для того, чтобы сохранить Беларусь в ее нынешнем полусонном состоянии».

И подводит итог известный белорусский экономист Леонид Заико:

«Это странная эксплуатация — не столько Лукашенко использует Россию, сколько Россия с желанием отдает себя на то, чтобы финансировать через тарифы на газ белорусскую экономику, чтобы поддерживать Беларусь экономически посредством разных механизмов».

Чтобы поддерживать политическую власть, экономическую и социальную политику Лукашенко, добавим мы.

Но мы говорили только о «братских» преференциях, которые Лукашенко выторговал официальным путем. И за счет этих «преференций» уже довольно долгое время существовало и существует белорусское государство, со всеми его многочисленными льготниками, разветвленной системой социальной защиты — в общем, та популистская модель, которая без внешних инъекций существовать бы попросту не могла.

Однако менталитет его команды был слишком «совковым», если бы она могла этим довольствоваться.

«Не будем забывать, — говорит Ярослав Романчук[463], — что Лукашенко пришел во власть, может быть, с одним пиджаком и далеко не богатым человеком. Поэтому когда у тебя вдруг появляется возможность продавать неограниченно лицензии, квоты, которые стоят очень много, трудно сдержать неутолимое желание как можно быстрее нахапаться, нахапаться, нахапаться — и повысить свой статус, по крайней мере, в глазах других».

Естественно, что этой команде для полного счастья захотелось, как в старом советском анекдоте, приватизировать хотя бы полтора метра государственной границы.

6 января 1995 года было подписано Соглашение о таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Российские дельцы, естественно, обрадовались: зона беспошлинной торговли расширилась на десять миллионов потребителей. Такое завоевание всегда полезно.

Двадцать шестого июня 1995 года возле белорусской деревни Речки Александр Лукашенко и Виктор Черномырдин с блеском в глазах и радостными улыбками убрали символический таможенный знак, что означало ликвидацию границы между Беларусью и Россией.

Не могло же российское руководство подумать, что это не великая Россия будет иметь преференции на территории Беларуси, а Беларусь, говоря полублатным сегодняшним жаргоном, «поимеет» Россию со всеми ее ста пятьюдесятью миллионами населения?! А произошло именно так, в чем легко убедиться на простом примере.

«22 ноября 1995 года Александр Лукашенко подписал распоряжение, освобождающее государственное торгово-экспозиционное предприятие "Торгэкспо" от уплаты таможенных пошлин, акцизов и НДС на товары, поставляемые в Беларусь на основании контрактов, *"согласованных с Управлением делами"*

(президента Беларуси. — *А. Ф.*). Уже 23 ноября был подписан первый контракт между фирмой "Торгэкспо" и фирмой "Union Distribution Ltd", зарегистрированной в Великобритании, на поставку в Беларусь товара на сумму $500 млн… Товар начал поступать в Беларусь, причем настолько активно и такими партиями, что масштабы возможных экономических последствий распоряжения президента наверняка перерастут рамки отдельно взятой страны»[464].

Конечно, одновременное поступление товара на полмиллиарда долларов легко могло обрушить белорусский рынок. Но авторы идеи «правильного» использования «полутора метров государственной границы», оказывается, ориентировались на рынок российский.

«Деньги, которые можно получить на белорусском внутреннем рынке, это просто капли, слезы, по сравнению с тем, что можно сделать в России, — рассказывает Ярослав Романчук. — Если провести полулегальную (в Беларуси она была "легальной") транзитно-экспортную операцию. Я думаю, эти "остроумные" схемы предложили Лукашенко российские друзья, которые помогали в какой-то степени прийти ему к власти в Беларуси[465]. На этих схемах российские структуры и Лукашенко с его ребятами имели возможность заработать очень много. Вопрос дележа этих денег — это другой вопрос. Неизвестно, как они это все делили, но раз поддержка Россией была устойчивой до последнего времени, значит, всех все устраивало».

С последним приходится согласиться: не траться минчане на установление «добрых отношений» со многими влиятельными людьми в Москве, не удалось бы белорусским «контрабандистам» так легко и непринужденно «бурить скважины» в российском бюджете[466]. Ведь именно российский бюджет в результате аферы с «Торгэкспо» и ей подобных недополучил сотни миллионов долларов. «Это большие средства. Беларусь, по сути, выдаивала российский бюджет», — говорит Леонид Синицын.

«Торгэкспо» стала символом того, как скандально «зарабатывает» белорусская власть, еще и потому, что скандальным оказался и товар, который она продавала. То там, то здесь на железнодорожных путях журналисты и не в меру ретивые таможенники обнаруживали спирт и водку, зачастую даже без сертификата качества, которые принадлежали фирмам, «отрезавшим» кусочек от льгот «Торгэкспо». Все они предназначались для продажи на российском рынке и спаивания, таким образом, русского люда недоброкачественным алкоголем. Причем недополученные белорусской казной акцизы исчислялись в данном случае тоже многими миллионами.

Смешно было бы думать, что Лукашенко был не в курсе этих махинаций. Вот, скажем, свидетельство Александра Пупейко:

«Думаю, что еще одной причиной разгрома "ПуШе" были нюансы, связанные с тем, что я разозлил Лукашенко историей с "Торгэкспо", задержав проплату одной из фирм. Я был в кабинете премьер-министра Чигиря, когда Лукашенко по телефону в ультимативной форме просто приказывал ему, чтобы Пупейко заплатил миллион долларов фирме "Торгэкспо". Чигирь включил громкую связь, чтобы я это слышал. И я слышал».

Собственно, Лукашенко ничего и не скрывал. В его указе прямо сказано, что средства, сэкономленные предприятием «Торгэкспо», поступают на счет Управления делами президента. Именно поэтому все скандалы с «Торгэкспо» не помешали его ребятам создавать все новые и новые фирмы для «заработка».

Одну из подобных структур для «вымывания» денег из таможенных платежей, которые надлежало получить России, предложили создать именно россияне.

В мае 1995 года была проведена учредительная конференция Фонда поддержки и развития культуры имени Махмуда Эсамбаева. Фонд был зарегистрирован в Министерстве юстиции, а уже 20 июля подписал с Управлением делами президента Республики Беларусь договор о сотрудничестве по финансированию строительства, реконструкции и ремонта принадлежащих Управлению делами объектов здравоохранительного комплекса в размерах до 45 миллионов долларов. Перечисление должно было начаться с первого квартала 1996 года. Взамен правительство Беларуси обещало освободить фонд от уплаты всех видов сборов и акцизов по контрактам, заключенным до 31 декабря 1995 года.

«Через три дня ФПРК заключил контракт с английской компанией "Starcross c|o Termast Ltd." на поставку товаров на $ 250 млн. Английская компания — обычная офшорная фирма, которая является звеном в перекачке денег на Запад. Российские бизнесмены, которые контролировали все операции фонда… изменили схему прохождения товара. Согласно дополнению № 1 от 7 сентября к контракту, фонд уже не покупал товар, а брал его на реализацию за 2,5% комиссионных. Эта схема позволяла платить меньше налога на территории страны, где реализовывался товар, и больше денег выкачивать за границу. Более того, английская фирма брала на себя обязательства фонда по уплате всех таможенных пошлин и других сборов. Расчет на то, что *"белорусские лохи из М-ской области"* среагируют не сразу, оправдался»[467].

«Лохи из М-ской области» действительно среагировали далеко не сразу. Однако все-таки среагировали, в результате чего Фонд никаких денег так и не получил. Дело было накануне референдума, и никто не намеревался позволять затеявшему этот «лохотрон» российскому бизнесмену Мусе Идигову унести с собой все средства, которые были позарез нужны и в Минске.

Это вовсе не единичные случаи. Лукашенко и сам констатирует: «Президент таких документов издал десятки»[468]. И далеко не все случаи стали известны прессе. Но и того, что попало в печать, хватает, чтобы понять, как специальные фонды, о которых мы уже говорили, пополняются за счет государственной границы, которой в Белоруссии далеко не полтора метра.

Зачем это все России?

Но отчего же российская элита с таким «желанием», отмеченным экономистом Леонидом Заико, «отдавала себя», предоставляя Лукашенко возможность беззастенчиво зарабатывать в ущерб российскому бюджету? В чем тут дело, кроме известной доброты Бориса Ельцина?

Есть два варианта ответа. Первый прост. Российская элита не понимала, что происходит.

Но если мы согласимся с таким ответом, то признаем высших должностных лиц российского государства попросту невменяемыми! У них под боком проделали дырку в таможенном пространстве, выкачивают через нее миллионы долларов, а они — не видят?!

Очевидно, что все много сложнее.

Россияне могут спокойно позволить так беспардонно пользовать свою страну только в одном случае: если на принятие соответствующих решений влияют те, кто заинтересован в этом экономически.

Не случайно, например, время от времени по Беларуси распространялись самые разные слухи о заинтересованности тогдашнего председателя Совета Федерации Егора Строева в особом режиме благоприятствования на жлобинском, или, как официально звучит его название, Белорусском металлургическом заводе[469].

Длительное время «доброй феей» Лукашенко был Борис Березовский. Несмотря на всю свою демонстративно выказываемую ненависть к российским олигархам, Лукашенко легко сумел найти с ним общий язык, после того как Березовский в 1997 году, добиваясь освобождения из-под стражи съемочной группы ОРТ, привез к нему группу влиятельных руководителей российских СМИ. Это была со стороны Березовского своеобразная демонстрация силы: мол, я с ними со всеми могу договориться.

Собеседник быстро понял значение происходящего, и взаимопонимание между Лукашенко и Березовским после этого было всегда. Особенно — в бытность Березовского исполнительным секретарем СНГ[470].

Были и откровенные лоббисты-добровольцы. Вспоминает Юрий Хащеватский:

«Однажды — это было в 1996 году, накануне референдума — я беседовал с Егором Гайдаром. Я тогда, помню, спросил его:

— Зачем Россия, в ущерб своему имиджу, поддерживает такую одиозную фигуру, как Лукашенко?

В ответ Гайдар грустно улыбнулся и сказал:

— Для России территории всегда были важнее здравого смысла!».

Разумеется, в авангарде лукашенковского лобби оказался российский генералитет, ностальгирующий по тем временам, когда все участники Варшавского договора по команде из Москвы охотно строились в три шеренги.

Вспоминает бывший министр обороны, генерал-полковник Павел Козловский:

«Встречаясь со мной в 2001 году, в то время, когда я готовился баллотироваться в президенты Беларуси, многие бывшие мои коллеги, даже по училищу, говорили: "Ну почему ты против Лукашенко? Ведь он настроен на союз с Россией, настроен против Запада, а Запад хочет нас задушить". Люди в погонах не только сами так думают, но лоббируют эту точку зрения».

Россия при Ельцине откровенно стремилась попасть в клуб великих демократических государств. Но в этом словосочетании «великие демократические» главным все же оставалось слово «великие», а уже потом — «демократические». Страна не могла забыть, что она еще совсем недавно была могущественной империей.

Тем более что бывшие советские республики просто выстроились в очередь, чтобы попасть под натовский военный зонтик. А «в Беларуси Лукашенко гарантировал некоторую отторженность от Запада и какой-то спокойный период времени в оценке перспектив военной безопасности. Скажем, в контексте расширения НАТО, Беларусь была, по существу, единственным союзником», — говорит Леонид Заико.

Павел Козловский продолжает:

«России крайне невыгодно потерять Беларусь как стратегического партнера на западном направлении. Беларусь ей нужна исходя из военных интересов. Пусть не строить оборону против НАТО, пусть на предмет борьбы с терроризмом, но нашим государствам выгодно иметь кооперацию — в объединенных

системах ПВО, в программах по созданию систем вооружений. Однако не следует считать, что мы — какой-то форпост против НАТО. Мы для НАТО пустяк: подметкой прошли — и нас нет. Это печально и страшно. Но для России — это 700 километров полета ракеты до Москвы. Все-таки — 700 километров».

Именно так — «все-таки 700 километров» — думают и российские генералы[471].

И бальзамом льются лукашенковские речи на раны исстрадавшихся по кончине Варшавского договора российских генералов:

«Мы бы хотели большего сотрудничества с предприятием военно-промышленного комплекса… Прошу — дайте несколько комплексов С-300, которые под забором в России валяются, снятые с дежурства, у нас сложились проблемы на западном направлении по контролю за воздушным пространством. Это пространство не только защищает Беларусь, у нас единая группировка, мы здесь защищаем Россию, потому что западнее Москвы у вас ничего нет, западнее Москвы у вас нет ни одного солдата, кроме белорусского. От Риги до Киева мы полностью контролируем воздушное пространство, нам надо усиливать его контроль»[472].

Россия готова была поставлять новое вооружение, что крайне важно для Беларуси — и для ее главнокомандующего тоже. «В Беларуси весь военный бюджет 160 миллионов долларов, но у нас есть своя авиация, — говорит Леонид Заико. — Один современный самолет стоит 30-40 миллионов долларов. Мы никогда бы не могли их иметь — такую авиацию или, скажем, комплексы С-300. То есть вообще для нас это была бы фантастика. Но России это выгодно с военной точки зрения».

Но, поставляя новое вооружение, Россия одновременно использовала Беларусь в качестве посредника, продающего ее «товар» в те страны, куда она сама почему-либо предпочитала его не поставлять. За это Беларусь получала определенный процент.

Вот вам и живой интерес, основа снисходительности к ближайшему соседу. И чего уж тут мелочиться, считая, понимаешь, копейки.

Уже в самом начале своего политического пути Александр Лукашенко хорошо видел, какой успех имеет в России националистическая риторика Владимира Жириновского. Видел, как умирает, чтобы возродиться в новом обличье — но с тем же содержанием, — прохановская газета «День». Он понимал, как и почему эволюционирует от коммунистического интернационализма к великодержавному шовинизму компартия

Геннадия Зюганова. И почему такая масса людей голосует за Жириновского и за Зюганова — не потому, что они такие харизматичные, а потому, что их слова безошибочно находят отклик в душах избирателей, испытывающих чувство национального унижения, вызванного распадом СССР.

Лукашенко всегда с готовностью играет на таких чувствах:

«Я все положу на то, чтобы русскому человеку в Беларуси жилось лучше, чем в России!»[473].

Да тут еще ежедневные репортажи российских телеканалов, скажем, из Латвии, где русскоязычное население не желает, чтобы их дети изучали латышский язык, или из Туркменистана, откуда россияне потоком потянулись в Россию. Посмотришь, сопоставишь со сказанным Лукашенко и впрямь поверишь, что единственной его целью было построение такого государства, где русским жилось бы так же, как на родине, и даже лучше, чем на родине. Потому что в России всем плохо, а в Беларуси — всем хорошо. По крайней мере, так говорит Лукашенко — всегда, когда ему удается прорваться к российской аудитории. Вот уж кто, как следует из его слов, никогда не предаст, так это «белорусский брат»… Ну разве что, говоря на современном политико-экономическом жаргоне, кого-то «кинет» ненароком.

«Кидалы» из ЗАО «РБ»

Отношения с российскими олигархами у Лукашенко складывались совсем не безоблачно. И не потому, скажем, что Ходорковского он по какой-то причине возлюбил меньше, чем Березовского. Здесь другое: с Березовским у нашего героя просто гораздо больше «общих интересов», чем с другими, которых он воспринимает как своих конкурентов в бизнесе.

При чем тут бизнес? Да при том, что Республика Беларусь с ее неприватизированной крупной промышленностью давно уже стала гигантским закрытым акционерным обществом, в котором контрольный пакет находится в руках главного и единственного бизнесмена. Все здесь, конечно, не его личная собственность, но собственность, которой он лично распоряжается. И лично от него зависит и менеджмент предприятий, и получение дотаций или кредитов, и получение заказов.

Другого хозяина у ЗАО «РБ» де-факто нет. Особенно после того как согласно указу Лукашенко в белорусском экономическом законодательстве появилось право «золотой акции», по которому голос представителя государства на собрании акционеров любого предприятия должен быть решающим — вне зависимости от количества акций, находящихся в государственной

собственности. А иначе как ты заставишь хозяина, да еще иностранного (российского), «за здорово живешь» строить ледовые дворцы, финансировать фестиваль «Славянский базар», заниматься прочей филантропией, не имеющей никакого отношения к его собственному бизнесу?

Такому решению Лукашенко предшествовал печальный опыт.

Когда Мозырский нефтеперерабатывающий завод по «рекомендации» Лукашенко стал соучредителем белорусско-российской нефтяной компании «Славнефть», часть его активов были переданы в уставной фонд «Славнефти». И сразу же выяснилось, что теперь, будь ты хоть трижды президентом Беларуси, ты не можешь помешать российским собственникам «Славнефти» назначить свой менеджмент на МНПЗ. И не можешь даже повлиять на них, обратившись в российское правительство, потому что оно продало собственный пакет акций «Славнефти» негосударственной компании с аукциона.

Нет, уж лучше не отдавать этим «акулам капитализма» вовсе ничего.

Но и совсем без приезжих олигархов белорусский хозяин обойтись не мог. По элементарной причине: слишком тесно в России сплавились интересы бизнеса и политики. И если нужно было решить политический вопрос (скажем, получить поддержку Кремля на выборах), приходилось идти на уступки конкретной финансово-промышленной группе. Иначе — никак.

Российские олигархи были весьма удобными партнерами для Лукашенко, хотя бы потому, что у себя в стране они могли решить, казалось бы, все, а в Беларуси — ничего. В тот момент, когда в их поддержке была нужда, он манил их обещаниями (например, возможностью что-нибудь приватизировать) — и они шли ему навстречу. А когда потом приходили за обещанным, он попросту их «кидал».

История с инвестициями петербургского пивоваренного гиганта «Балтика» в белорусский завод «Крынща» наилучшим образом продемонстрировала, как в Беларуси строится бизнес и на какие гарантии можно рассчитывать.

Поверив личным обещаниям главы белорусского государства, руководство «Балтики» начало усиленно вкладывать деньги в «Крышцу», даже не дождавшись закрепления достигнутых договоренностей на бумаге. И вложила около десяти миллионов долларов.

Этих денег оказалось достаточно, чтобы начать полномасштабную модернизацию белорусского завода. Тут-то белорусские чиновники и начали «запускать дурочку» — тянуть

время, отговариваться изменением законодательства, невозможностью продажи 51 процента акций, отсутствием окончательной цены продаваемого пакета. В итоге россияне не получили ни денег, ни собственности.

В борьбе за свои деньги они сумели дойти даже до президента России, с которым руководитель «Балтики» Теймураз Боллоев был знаком со времен работы Путина в петербургской мэрии.

Публично вмешиваться в «спор хозяйствующих субъектов» Путин никогда не любил — даже тогда, когда «спор» происходил на территории собственно России. Здесь же вмешаться все-таки пришлось: к «пивному делу» принюхивался чуть ли не весь российский бизнес, понимая, что если уж «питерским» не удастся «решить вопрос» с непокорным «батькой», то прочим и вовсе в Беларуси делать нечего.

Конечно, трудно проверить, говорили ли во время своих встреч Путин и Лукашенко о «Балтике». Однако можно предположить, что да, говорили. Хотя бы потому, что Лукашенко был вынужден принять Боллоева, объясниться с ним и в разговоре при телекамерах пообещать, что с «Балтикой» обойдутся в строгом соответствии с законодательством.

Впрочем, последствия этого разговора Боллоев мог бы сравнить с пеной в пивной кружке: адвокатам «Балтики» долго пришлось доказывать по белорусским судам свое право забрать вложенные в модернизацию «Крынцы» деньги. И чем дольше тянулся процесс, тем спокойнее использовались «балтийские» капиталы белорусскими пивоварами — время играет на руку тому, кто «работает» с миллионами долларов, находящимися в обороте.

Очевидно, что россияне, так неожиданно для себя попавшие в расставленные сети, попросту недооценили Александра Лукашенко. Ситуацию комментирует экономист Леонид Заико:

«Лукашенко сконцентрировал большую экономическую власть, он, по существу, может сделать гораздо больше, чем любой российский олигарх. Он мог бы с ними договариваться, но до сих пор каких-то решающих договоренностей не было ни по одному из заводов, ни по одному из предприятий. Лукашенко понимает: российские очень быстро могут его оттеснить.

Здесь он прав, хотя у него и были на сей счет колебания — после президентских выборов 2001 года».

Когда пора платить по счетам

Эти колебания появились после того, как в 2001 году Россия

все-таки поддержала Лукашенко на президентских выборах.

Сомнений в том, что Россия его поддержала, не было ни у кого. Дело даже не в поездке Владимира Путина на «Славянский базар» вместе с президентом Украины Леонидом Кучмой. По сигналу из Кремля все российские телеканалы начали массовую психологическую обработку белорусского электората, внушая, как хорошо ему живется под мудрым руководством Александра Лукашенко. А вот имевшийся в их распоряжении компромат в большинстве случаев до широкой аудитории не доходил.

Поддержку Лукашенко в 2001 году активно оказывали и российские нефтяники, которых манили построенные в последние годы советской власти белорусские нефтеперерабатывающие заводы — относительно новые и расположенные на магистральных путях из России в Европу. Кто отказался бы получить собственность, скажем, новополоцкий «Нафтан», который «донор» президентской кампании 1994 года Аркадий Бородич, хорошо разбиравшийся в том, что сколько стоит в Беларуси, назвал «жемчужиной» белорусского нефтеперерабатывающего комплекса? Никто. И олигархи терпеливо выстраивались в очередь.

А когда Лукашенко выиграл, ему напомнили, что надо бы начать платить по счетам. И причем не кто-нибудь напомнил, а президент России, во время встречи в Сочи.

Лукашенко бросился изображать, что он все понял.

Вернулся в Минск и развернул бурную деятельность по «выполнению обещаний». В течение двух апрельских дней у него на приеме побывали едва ли не все руководители крупнейших нефтяных и газовых компаний России. Принимал он их парами — так как предполагалось, что покупать гиганты белорусской нефтехимии они будут консорциумами. Всем Лукашенко обещал максимальную объективность, дружелюбие и готовность пойти на определенные — разумные — компромиссы.

Разумеется, ничего путного из этих встреч так и не вышло.

Нет, Лукашенко никого не обманул. Он всем обещал максимальную объективность при определении будущего хозяина и сдержал свое слово: никто не получил ничего. Вся белорусская нефтехимия белорусской и осталась, поскольку никто не захотел платить запрошенную хозяином цену.

Владелец «Сургутнефтегаза» Владимир Богданов хотел заполучить пахнущую нефтью жемчужину «Нафтан», но дело сорвалось: Лукашенко запросил за завод баснословные деньги, на которые Богданов в России мог два завода построить! Лукашенко отказ Богданова не слишком расстроил: он с энтузиазмом

продолжал искать «другие деньги» — достаточно большие, чтобы за них имело смысл продать «жемчужину», и достаточно «сговорчивые», чтобы можно было решить вопрос еще по какой-нибудь «программе»[474].

Понятно, что такое отношение главного бизнесмена страны к инвесторам, в которых он видит, прежде всего, конкурентов, мешает иностранным инвестициям прийти в Беларусь.

Говорит Ярослав Романчук:

«Те люди, которые допущены в прибыльные сегменты рынка, зарабатывают, скажем, не пять-десять, а сто-сто пятьдесят процентов прибыли. Эти деньги оседают в офшорах, где-то на западе, поэтому Лукашенко не так просто отслеживать их движение, да еще нужно иметь возможность рано или поздно эти деньги легализовать. А легализовать лучше всего через свою собственность в своей стране. Если Лукашенко продаст лакомые куски российским олигархам, то он не сможет ничего контролировать, а контролировать он хочет все, начиная от далекого колхоза до "Белтрансгаза"».

Что в результате?

«В результате сюда приходят только экономические авантюристы, которые знают, что и сколько они реально могут тут урвать, — считает Геннадий Грушевой. — И Лукашенко кому-то обязательно эту возможность дает. Поэтому сюда будут ходить с инвестициями такого рода и западники, и россияне, и своих авантюристов тут тоже накопилось достаточно много. Сюда не приходит ни одна компания, которая строит стратегию на десятилетия. Партнеры — только временщики, которые рассчитывают за год, за два, за три в этих условиях что-то получить.

И сам Лукашенко тоже не хочет стратегических партнеров. Он же сам по натуре лохотронщик. Ему нужно где-то урвать, схватить — и ушел».

К этому следует добавить только то, что главный «лохотрон» Лукашенко попытался разыграть все-таки не в экономике, а в политике.

Но роль «лоха» в этой игре он все равно отвел братской России.

Он «посадил» Беларусь на «иглу» дешевых российских энергоносителей и кредитов, на «иглу» весьма благоприятного российского рынка. Но и Россия оказалась на «игле» заклинаний о братской любви и готовности сливаться чуть ли не в единое государство.

Лукашенко не был бы Лукашенко, если бы не попытался этим воспользоваться.

Глава вторая. Царь Борис и шкловский «самозванец»

Великий реформатор — и в маленькой стране?

Василий Леонов рассказывал мне, как в мае 1995 года после победоносного референдума об изменении государственной символики его пригласил к себе автор нового герба Леонид Синицын:

— Василий Севастьянович! Идите к нам в команду!

— Да я и так у вас работаю.

— Нет, вы не поняли! Идите в команду политическую. Ельцин уже стар. Глядишь, год-другой, и Александр Григорьевич будет править в Кремле. У них там нет политика, равного ему.

По словам Леонова, он тогда подумал, что у главы Администрации белорусского президента поехала крыша. Со своей страной не успели толком разобраться, реформы провести, результатов добиться. Куда же в Россию лезть?!

Синицын, правда, сам подобного разговора не помнит: «Я не помню, что я с Леоновым эту тему когда-нибудь обсуждал. Может, гипотетически шло обсуждение…». Но вместе с тем он и не отрицает, что подобные мысли витали:

«Отчасти я понимал, что потенциал Лукашенко позволяет ему участвовать в большой политике России. Мы же много ездили по России, я видел, как народ к нему относился. Я понимал, что если дать Лукашенко возможность, то он в России, конечно, сможет победить».

Понимали это и многие другие тогдашние члены лукашенковской команды. Говорит Анатолий Лебедько:

«У него была возможность начать в Беларуси рыночные преобразования. Но кто бы его тогда вообще заметил? Великий реформатор в маленькой стране? Я думаю, что все-таки была у него идея заполучить шапку Мономаха. И она двигала им. Я не знаю, развилась она естественным путем, от его личностных качеств, или кто-то его постоянно подталкивал. Но Лукашенко с самого начала рассматривал Беларусь только как некую ступеньку в своем политическом восхождении».

Несколько лет спустя, летом 1999 года, «лавры» человека, который «подталкивал и подпитывал» Лукашенко, попытается присвоить придворный политтехнолог петербургского градоначальника Владимира Яковлева некто Сергей Давитая[475]:

«Мы занимались положениями программы руководителя

страны. Одна из них — лидер славянских государств (я так думаю, вы видели результат). Вторая — народный президент (она шла параллельно и плавно менялась в связи со сменой идеологов). Третья программа — руководитель народа (она сейчас выполняется). Ее задача — выход Лукашенко на тенденцию руководителя России»[476].

Я встречался с Давитая в Москве: нас познакомил Аркадий Бородич.

Энергия Давитая велика, но когда на визитной карточке человека ты читаешь слово «гений», поневоле задумываешься, не имеешь ли дело с шарлатаном или ловким политическим авантюристом. Или с сумасшедшим… Тем не менее приезд его группы в Минск свидетельствует, что в России и тогда были люди, готовые помочь Лукашенко достичь кремлевской вершины власти.

После триумфальной победы 1994 года у Лукашенко не могло быть и тени сомнения в том, что окажись он вместо маленькой Беларуси в огромной России — и там бы победил. В этом убеждали его не только восторженные и ослепленные победой соратники, но и объективные условия: сходство ситуации и ментальная близость постсоветских россиян и белорусов. Было понятно, каких слов и действий ждет от него российский избиратель.

Стоило попробовать. Что он терял в случае поражения? Ничего — Беларусь все равно остается за ним. А в случае победы он получал огромную Россию, где можно развернуться, доказать свое мессианское призвание, всем продемонстрировать, как он прав, обращая в реальность народные чаяния.

Дело было за малым — получить юридическую возможность избираться в России. А там — дождаться удобного момента.

Ельцин позволял ему все…

Но у Кремля был хозяин — Борис Ельцин.

Восхождение Лукашенко совпало с закатом Ельцина.

Несомненно, какие-то черты Лукашенко, однажды даже грохнувшего «на счастье» фужер об кремлевский пол, напоминали Ельцину его самого — только молодого, энергичного, способного повести за собой народ и снести все преграды. Напор Лукашенко должен был импонировать Ельцину, который и сам был вынесен на вершину политического Олимпа волной народного возмущения против опостылевшей всем партийной номенклатуры.

Ельцин должен был чувствовать за собой и грех: ради того,

чтобы избавиться от мешавшего ему Горбачева, он согласился с уничтожением Советского Союза. Произошло это в Беларуси, в Вискулях, где, как вспоминает участник той памятной встречи Станислав Шушкевич, «одурачили мы его с Кравчуком. Кравчук был заинтересован, чтобы было подписано соглашение, в котором Россия признает независимость Украины, и я был заинтересован. И поэтому мы были горячими сторонниками тех предложений, которые позволяли ему отбросить Горбачева». Евгений Примаков считает, что «сказывался у Ельцина "беловежский комплекс", когда в одночасье были приняты далеко не во всем продуманные решения»[477].

Потому явление молодого энергичного политика, сторонника решительной интеграции с Россией, да еще и из тех самых мест (по российским масштабам что Шклов, что Беловежская пуща — все одно), где этот самый грех был взят им на душу, Ельцин должен был воспринять как волю случая: а вдруг с этим парнем все и наладится?

Похоже, именно здесь причина покровительства и снисходительного отношения Ельцина к начинающему коллеге.

Вспоминает Станислав Шушкевич:

«При нем Лукашенко что хотел, то и делал. Абсолютно все. И только один раз Ельцин написал ему письмо: мол, "не дури и не торгуй водкой"!».

Шушкевич имеет в виду историю, когда объемы продаж в России спиртного по предоставленным в Беларуси таможенным льготам достигли таких объемов, что это ощутила даже бездонная российская казна.

Спиртным Лукашенко больше и не «баловал», зато в остальном широко пользовался «царским» великодушием. Иногда даже злоупотреблял.

Причем происходило это едва ли не с самого начала их знакомства, с «нулевого варианта», когда Россия одним махом, без предварительных расчетов, списала миллиардный долг Беларуси за поставленный еще во времена Кебича газ.

Именно своеобразная «презумпция невиновности» Лукашенко, скорее всего, подействовала на Ельцина, когда он направил в Минск для урегулирования конституционного кризиса 1996 года сразу трех высших должностных лиц российского государства — премьер-министра и руководителей обеих палат парламента, поставив перед ними цель: любой ценой избежать импичмента Лукашенко.

Россия при Ельцине снисходительно мирилась с явными «дипломатическими проколами» своего «верного союзника».

Несомненно, что с высшим руководством России было согласовано и поведение российского посла Валерия Лощинина в скандале с изгнанием дипломатов из Дроздов. Лощинин остался в дипломатическом поселке Дрозды после того, как его коллеги из других стран демонстративно покинули страну. Во всех международных организациях, где вставал «белорусский вопрос», именно Россия блокировала принятие решений или добивалась их смягчения, делая все, чтобы Лукашенко «не мешали работать».

Взамен Ельцин не требовал практически ничего. Нельзя же считать, что спасением Лукашенко от импичмента он расплатился за то, что тот по его просьбе освободил весной 1996 года посаженных в тюрьму активистов БНФ Вячеслава Сивчика и Юрия Ходыко.

Поссорились только однажды

Лишь единственный раз между Ельциным и Лукашенко произошел по-настоящему серьезный конфликт.

Случилось это в 1997 году, после того как белорусские власти арестовали съемочную группу Общественного российского телевидения (ОРТ) во главе с Павлом Шереметом. Демонстрация по главному российскому телеканалу никем не охраняемой границы, через которую свободно проходит журналист Шеремет, привела в бешенство белорусского президента, который всегда с гордостью заявлял, что именно Беларусь защищает собой Россию на западных рубежах так, что мышь не проскочит.

Еще до появления этого сюжета Павла Шеремета лишили белорусской аккредитации. К такому российские власти тогда еще не привыкли, и возмутился даже обычно спокойный Виктор Черномырдин:

«Вообще, случай безобразный… Должны все это понимать, что начнется с корреспондентов, потом еще, потом еще — и так мы и будем невестке в отместку… Еще поцелуи не просохли, а мы уже начинаем здесь меры принимать»[478].

Но даже черномырдинская резкость не могла остановить закусившего удила Лукашенко. И после демонстрации сюжета Павел Шеремет был арестован и на несколько месяцев помещен в следственный изолятор в Гродно.

Это вызвало негативную реакцию в Кремле. Пресс-секретарь президента Российской Федерации Бориса Ельцина Сергей Ястржембский сделал резкое заявление в адрес белорусской стороны. В ответ на это из Беларуси был выслан новый корреспондент ОРТ Владимир Фошенко. На праздновании 850-летия Москвы Борис Ельцин лично потребовал от Лукашенко

освободить Шеремета, Лукашенко, естественно, пообещал, однако прошел еще месяц, а Шеремет продолжал оставаться в тюрьме.

Только тогда Ельцин понял, насколько смешным он выглядит в этом противостоянии. Руководитель сверхдержавы, разрушитель коммунистической системы, наконец, лидер страны, являющейся главным кредитором Беларуси, — он, Борис Ельцин! — не может решить такой, в общем-то, пустяковый вопрос. Пора было щелкнуть наглеца по носу, что и было проделано.

Второго октября 1997 года Александр Лукашенко должен был вылететь в Ярославль по приглашению губернатора Анатолия Лисицына. Он даже сел в самолет, но вылет не состоялся: российские службы отказались предоставить ему воздушный коридор.

Понятно, это не было самодеятельностью чиновников, что и подтвердил сам Борис Ельцин, заявив перед телекамерами:

— А пускай он сначала Шеремета выпустит!

Рассказывают, что после двух часов бессмысленного сидения в самолете Лукашенко был вынужден позвонить в Кремль. Во время телефонного разговора с Ельциным он вновь услышал требование освободить Шеремета.

Лукашенко пришлось подчиниться: Шеремет был выпущен под подписку о невыезде, хотя позднее состоявшийся над ним суд и признал его виновным, вынеся приговор, предусматривающий условное наказание.

Вся эта история, несомненное, имела бы продолжение, причем весьма серьезное: такой очевидной наглости и непослушания Ельцин не спускал даже своим фаворитам. Но Лукашенко сумел найти «заступника» в лице пользовавшегося тогда ельцинским доверием Евгения Примакова. Вот как об этом пишет сам Примаков:

«Мой прилет в Минск начался с весьма продолжительной и непростой беседы с Александром Григорьевичем. Сказал, что хотя бы потому, что он намного младше по возрасту, ему первому следует позвонить Борису Николаевичу и объясниться. При мне он позвонил Ельцину»[479].

Объяснения отходчивый Ельцин принял. Правда, неизвестно, объяснялся ли при этом Лукашенко по поводу «вылетевшей» у него накануне фразы: что, мол, нам с Ельциным считаться, мне сорок, ему — восемьдесят. Хотя и Лукашенко было уже за сорок, а Ельцину еще далеко до восьмидесяти. Эта фраза вырвалась совсем не случайно: так рьяный наследничек проговаривается о том, что ждет не дождется кончины горячо любимого папаши.

Ступенька за ступенькой

Нельзя сказать, что Лукашенко не любил Ельцина. Вот как видел со стороны их отношения кинорежиссер Юрий Хащеватский:

«Лукашенко с Ельциным был как бы снисходителен. Он как бы поощрительно похлопывал Ельцина по плечу: давай, давай, я тебя уважаю, потому что мы, молодые, должны уважать тех, из которых песок сыпется; хоть ты и выпить любишь, мы и это тебе прощаем. В конце концов, сколько там тебе осталось? И он вел себя как молодой наследник при отживающем монархе. Лукашенко ведь Ельцину тоже позволял очень много: даже Шеремета ему простил».

Еще бы — не простить! Кто ему Шеремет? А Лукашенко в этот момент уже считался чуть ли не наследником Бориса Ельцина.

Неизвестно, намекал ли ему на это сам Ельцин. Некоторые, как, например, белорусский политик Павел Данейко, тесно контактирующий с лидерами российского Союза правых сил, уверены, что да, намекал:

«Борис Николаевич в добром настроении сказал как-то, что "ты, мол, можешь стать следующим президентом" или что-то там такое — и они закрутили».

Может быть, такое действительно было.

Правда, никто не имел в виду, что Лукашенко будет править именно в России. Уже создавалось новое межгосударственное объединение, в котором у Лукашенко появлялись реальные шансы стать главным. Даже главнее президента России. Потому что основным условием интеграции Лукашенко ставил политическое объединение, при котором руководить объединенным государством по очереди должны были представители обоих государств. То есть «порулил» свой срок Ельцин — дай «порулить» и Лукашенко.

А дальше — как бог на душу положит. В конце концов, Лукашенко всегда был уверен в главном: власть берут вовсе не для того, чтобы потом ее кому-то отдать.

Ступенька за ступенькой Лукашенко проходил по узкой и крутой лестнице юридической казуистики и политических интриг, которая вела к заветной цели.

Первая из ступеней была преодолена 2 апреля 1996 года.

Под звон кремлевских колоколов, в сопровождении Патриарха Алексия II и митрополита Филарета президенты Борис Ельцин и Александр Лукашенко сошли к народу для того, чтобы объявить: создано Сообщество России и Беларуси. Для обоих это

было чрезвычайно важно.

Лукашенко готовился к референдуму, ему нужно было набирать очки, доказывая, что он исполняет свои предвыборные обещания.

Ельцин готовился к выборам, и, понимая, что его основной соперник Геннадий Зюганов вновь будет обвинять его в разрушении СССР, стремился, создав Сообщество, перехватить инициативу и доказать, что он может быть не только разрушителем, но и объединителем бывших союзных республик.

Тогда же Лукашенко был утвержден в должности председателя Высшего совета Сообщества России и Беларуси. Это, конечно, не президентская должность, но новое «назначение» льстило ему: формально у него «в подчинении» оказался премьер-министр России Виктор Черномырдин. Он был назначен председателем Исполнительного комитета Сообщества, который должен был заниматься распределением совместного бюджета вновь созданной структуры. Поскольку основу бюджета составляли отчисления России, логично, что и контролировать их распределение должен был российский премьер.

Но эти финансовые крохи мало интересовали Лукашенко. В качестве руководителя высшего органа Сообщества он получал легальную возможность ездить по всем регионам Российской Федерации, общаться с элитой, что очень важно, и с избирателями, что еще важнее. Пусть пока — в качестве гостя, но его пустили на российское политическое поле.

И эту возможность Лукашенко использовал на всю катушку.

За десять лет его правления Беларусь установила прямые связи с 68 из 89 российских регионов, а это означает, что сам Лукашенко встретился как минимум с 68 губернаторами и президентами субъектов Российской Федерации. С некоторыми — по несколько раз. Если учесть его визиты в Москву для встреч с высшими руководителями российского государства, то можно сделать вывод: в России Лукашенко появлялся чаще, чем в иных районах Беларуси. Как будто в России и жили его избиратели.

Россияне видели разницу между катастрофически стареющим Ельциным и молодым, полным энергии Лукашенко. И большинство жителей той России, которая начиналась сразу же за Садовым кольцом, думали, как повезло этим белорусам: молодой, принципиальный, весь в заботах о своем народе, да еще так любит русских!

Каждую встречу Лукашенко говорил об одном и том же: мы жили в одной стране, жили, как братья. Как жаль, что страна рассыпалась. Но ничего, мы наверстаем упущенное, мы создадим

новый Союз.

Второго апреля 1997 года на заседании Высшего совета Сообщества было принято решение о преобразовании его в Союз России и Беларуси. Конечной целью Союза было объявлено построение Союзного государства России и Беларуси.

Это была вторая ступенька восхождения. Если будет Союзное государство — значит будет у него и руководитель, обладающий всей полнотой власти. И рано или поздно выбирать его будет весь народ.

«Русский со знаком качества»

Многие представители российской политической элиты в то время явно недооценивали Лукашенко. Не то чтобы не хотели — не могли поверить в его перспективность. Я помню, как в качестве обозревателя «Белорусской деловой газеты» приехал в Москву брать интервью у видного российского политика Сергея Глазьева — тогда председателя одного из комитетов Государственной думы Российской Федерации.

Сергей Глазьев долго расписывал мне все прелести вхождения Беларуси в Союз. Но на вопрос, не рассматривает ли он возможность того, что президентом Союза станет Александр Лукашенко, Глазьев тогда (по-моему, в 1996 году) просто рассмеялся:

— Этого не может быть! Этого не может быть!

Действительно! Российские политики, надеялись на новую «Переяславскую Раду», когда разбежавшиеся по своим национальным квартирам народы вдруг «прозреют» и добровольно принесут в дар великому «старшему брату» свой суверенитет, как сделал это когда-то украинский гетман Богдан Хмельницкий. Но они и думать не могли, что этот новоявленный «Хмельницкий» посмеет претендовать на нечто большее, чем пост наместника на собственной территории. Куда ж ему — «нерусскому» — Россией править?

Но Лукашенко-то хорошо помнил то, о чем многие забыли: Союзом правили чуваш Ульянов, грузин Джугашвили, украинец Хрущев (о немецкой крови русских царей уж и говорить нечего). И ничего — стерпела Россия. Тем более что сам Лукашенко откровенно говорил:

— Белорусы — это те же русские, только со знаком качества!

Глава третья. Между врагами и друзьями

Отношение к новоявленному «интегратору» в Москве было разным: от всяческой поддержки до откровенной неприязни.

Среди тех, кого Лукашенко почти немедленно записал в число «врагов интеграции», первым был, конечно, Анатолий Чубайс. Их столкновение стало самым затяжным и непримиримым.

В конце концов, они и высказали все в лицо друг другу — в прямом эфире программы телеканала НТВ «Свобода слова». Это была настоящая дуэль.

Первый выпад Анатолия Чубайса:

«Мы начинали вместе в 1991-1992 году, и начинали практически с одинаковых позиций; я бы даже сказал, с положения, когда Беларусь была чуть-чуть, на полшага впереди по отношению к России, по уровню жизни, по развитию промышленности. Мы выбрали не вполне одинаковые пути, мы по-разному продвигались эти 12 лет. Мы продвигались труднее, болезненнее, тяжелее, вы продвигались более плавно. В этом были, наверное, ваши преимущества. Только вот если сегодня подвести итог этим 12 годам, то факт состоит в том, что сегодня Россия — очевидный лидер. Сегодня Россия лидер по всем базовым показателям. По валовому внутреннему продукту надушу населения в полтора раза выше в России, чем в Беларуси. По средней заработной плате: 170 долларов в России, 140 долларов — в Беларуси. По количеству автомобилей, холодильников, телевизоров, видеомагнитофонов на одного жителя в России в полтора раза больше все параметры, чем в Беларуси. По инфляции в Беларуси 25 процентов будет в этом году, в России будет 12 процентов. Хоть макроэкономику, хоть обыкновенную жизнь нормального человека возьмите. Это факт»[480].

Александр Лукашенко парировал:

«Скажу вам, вообще тогда не было Беларуси, она была уничтожена, она осталась без денег, без штанов и, более того, без трусов нас оставили. У нас были пустые полки, у нас не было и грамма золотовалютного резерва, у нас не было никакой валюты, мы спешно создавали вместе с людьми, которые сейчас частью оппозиции являются… У нас ничего не было в стране. На какие полшага мы были впереди, если у России все осталось? За рубежом собственность на миллиарды, ядерное оружие, которое стоило 5 миллиардов долларов, по оценке Великобритании, мы передали просто так — стоимость нашего суперсовременного ядерного оружия, которое сейчас является щитом России, я

думаю, и нас прикрывает. Мы все вывезли туда, отдали. На какие полшага мы были впереди? О чем вы говорите? Очнитесь!

Вы говорите, у вас хорошо. Скажите, ведь не деньги, которые сегодня у восьми олигархов находятся в кармане, характеризуют жизнь народа. Характеризует жизнь народа даже, наверное, сегодня не столько материальное состояние, о чем вы сказали. Вы прошли и увидели не только европейский город Минск, вы увидели спокойный город. Людям нужны спокойствие и возможность заработать»[481].

Еще один удар Анатолия Чубайса:

«Я не про количество говорю, я говорю про качество жизни. Россия сегодня подымается, Россия сегодня движется вперед, и не только по финансовым параметрам, а, повторю еще раз, по уровню, качеству жизни, по современному развитию в XXI веке. Возникает отрыв, который является, в моем понимании, самой главной, самой серьезной опасностью. Этот отрыв и в экономике, и в политическом устройстве — самое серьезное препятствие для того, чтобы мы объединились. Это нас сдерживает. Его, этот отрыв, нужно преодолевать. И для того, чтобы его преодолевать, в моем понимании, Александр Григорьевич, Беларусь должна всерьез подумать о собственной стратегии развития государства. Беларусь должна начать движение в ту сторону, куда движется весь мир, кроме Северной Кореи и Кубы. Отдайте собственность людям, уберите воздействие государства на экономику, пересмотрите положение дел в оппозиции!»[482].

Лукашенко снова парирует:

«Людям не только деньги нужны, людям нужно спокойствие… Поэтому не надо говорить: отдайте собственность. Кому? Кому отдать собственность? Анатолию Борисовичу электросети отдать, генерирующие энергетические мощности?.. Миллеру отдать собственность? Ходорковскому? Так вы его в тюрьму посадили, кому та собственность теперь принадлежать будет? Мы же "Славнефть" вам отдали, "Славнефть". Я сейчас не могу понять, где "Славнефть"? То ли, говорят, у "Бритиш Петролиум", то ли у ТНК, то еще где… Да у нас вопрос этот не стоит, зачем ее просто так отдавать, если она работает, если она сегодня обеспечивает людей? И самое главное, может быть, мы где-то и поэкспериментировали бы так, но у нас сегодня нет газа и нефти столько, сколько у вас. Если мы где-то проколемся, то у нас нечем залатать эту дыру. У вас сейчас миллиарды текут, от Господа Бога вы их получаете, от нефти и газа. Кстати, и нефть, и газ, и то РАО ЕС, где Анатолий Борисович руководит, — там труд белорусов огромный вложен, мы города строили. Нас оттуда вышвырнули, и мы сегодня оттуда ничего не получаем, и мы и не

просим»[483].

Аргументы Чубайса явно начинают иссякать: «Вы рассказываете с гордостью о том, что вы не назначали директора рынка[484]. Но вы назначали директоров предприятий по номенклатуре ЦК. Послушайте, но это же дикость! Президент страны назначает директоров. У нас в принципе такого нет и быть не может. Это абсолютный абсурд, Александр Григорьевич, это не задача президента. Это задача совершенно другого уровня»[485]. И ответный выпад Лукашенко:

«У вас другая система работы. У вас прокуратура назначает. Поэтому успокойтесь»[486].

Крыть нечем: прокуратура в России действительно в тот период «назначает» собственников: Ходорковский уже в тюрьме.

Лукашенко, конечно, торжествовал: он обыграл, победил Чубайса. Точно так же, как когда-то в теледебатах он победил Кебича — играя на своем поле.

Чубайс-то взывал к разуму и экономической логике, а Лукашенко к эмоциям и чувствам «простых людей». Он вовсе не полемизировал с Чубайсом, он апеллировал к тем, кто Чубайса и всех радикальных реформаторов, начиная с Гайдара, ненавидел каждой клеточкой своего мозга и своего сердца. Именно у этих людей, у тех, кто ненавидел «всех этих Чубайсов», считал их мошенниками и жульем, он и добивался сочувствия и понимания[487].

Что до самого Лукашенко, то для открытой и нескрываемой ненависти к Чубайсу у него своя причина. Никогда он не простит «этому выскочке», что тот полез «не в свое дело» и сорвал ему, последовательному интегратору, всю игру.

«Назревал скандал»

Дело в том, что в 1997 году появился проект Устава, по которому Союз России и Беларуси в случае его создания имел все шансы стать именно таким, каким мечтал его видеть Лукашенко. И, наверное, стал бы, если бы не Чубайс…

Согласно этому проекту оба государства должны были передать наднациональным органам управления ключевые вопросы обороны и безопасности, внешней политики, управления транспортом, связью и финансовой системой. Кроме того, предусматривался институт единого гражданства, что делало желание Лукашенко добиться «короны российской империи» (вернее, союзного государства) далеко не призрачным.

Вопросы в Высшем государственном совете предполагалось решать по принципу «одна страна — один голос». Членами ВГС по должности были бы президенты, премьеры и спикеры обеих палат парламентов (после референдума 1996 года, как мы помним, белорусский парламент также стал двухпалатным).

Проект готовили помощник президента России Дмитрий Рюриков и вице-премьер Валерий Серов…

Все бы хорошо, да вот текст документа перед самым его подписанием успел прочесть Анатолий Чубайс, работавший тогда первым вице-премьером и министром финансов в правительстве. Это были не его вопросы, но он сразу понял, чем грозит принятие такого Устава.

Слово Юрию Хащеватскому:

«Если бы Лукашенко хоть ненадолго прорвался к власти в России, никто бы этой власти у него уже не отобрал. Это четко понял Чубайс.

Когда мы с продюсером моего фильма "Обыкновенный президент" Петром Марцевым обсуждали, для кого мы делаем это кино, мы поняли, что его надо делать и для тех, от кого зависит дальнейшая судьба Союза, то есть для властных российских чиновников, чтобы они поняли, что Лукашенко "идет" в Россию. Когда мы закончили фильм, то первым делом продюсер передал копию прямо в руки Чубайсу. Через некоторое время нам позвонили помощники Чубайса и попросили сделать еще два десятка копий. Похоже, что наш фильм действительно помог им осознать опасность, которую для них представлял Лукашенко».

Ну, скажем, могло случиться так, что в одной из «делегаций» не будет единства по тому или иному вопросу. Понятно, что не в

белорусской делегации, у которой после референдума мнение могло быть только одно: мнение Лукашенко. А вот с российским представительством все сложнее: на дворе 1997 год, в Государственной думе большинство коммунистов, а их ставленник Геннадий Селезнев — спикер, явно симпатизирующий Лукашенко. Да и между кремлевской Администрацией и Советом Федерации постоянные трения, там к Лукашенко тоже прислушиваются… При таком раскладе Борис Ельцин легко мог бы остаться в меньшинстве. Что тогда?

Но главная мина была заложена в другой статье Устава. Предлагалась ротация председателя Высшего государственного совета через каждые два года. Несомненно, в случае подписания документов им стал бы президент России (кому же еще доверить командование объединенной армией и координацию внешней политики?). Но через два года «порулить» бы довелось уже представителю Беларуси, то есть Александру Лукашенко. Со всеми вытекающими последствиями. Вплоть до получения им заветного «ядерного чемоданчика»: раз уж делегировали наднациональным органам соответствующие полномочия, то будьте добры.

Чубайс ринулся в бой.

В ход была пущена «тяжелая артиллерия» — Татьяна Дьяченко, дочь Бориса Ельцина. Она уговорила отца выслушать аргументы Чубайса, из которых президент понял: его элементарно надувают, ради того чтобы передать власть Лукашенко.

Рюрикова и Серова немедленно уволили. Подписание Устава было перенесено со 2 апреля на 23 мая.

Пресса ничего не поняла в происходящем. Журнал «Огонек», например, так оценил эти события:

«Подписание в Москве 2 апреля Борисом Ельциным и Александром Лукашенко Союзного договора между Россией и Белоруссией в Минске было ознаменовано многотысячными демонстрациями протеста, организованными оппозиционным Народным фронтом. Чтобы прекратить волнения, белорусские власти не постеснялись в столь торжественный день пустить в ход омоновские дубинки и слезоточивый газ, более 100 демонстрантов оказались за решеткой. Несмотря на требования прессы, ведомой непримиримым к политике Лукашенко и потому лишенным аккредитации в Минске НТВ, официальный Кремль предпочел не обращать внимания на жестокость белорусских милиционеров. "Воспитательные меры" были ограничены переносом подписания Устава союза на конец мая, причем для этого потребовалось на всю страну сообщить, что подготовленный

под руководством вице-премьера Валерия Серова и помощника российского президента Дмитрия Рюрикова "брачный контракт" между двумя государствами не слишком удачен»[488].

То есть все сводилось к недостаточной демократичности белорусского союзника, из-за чего будто бы и были приняты «воспитательные меры»[489].

Но сам Ельцин, с подачи Чубайса, совсем иначе оценивал ситуацию. Об этом он рассказал в книге «Президентский марафон»:

«Документ этот был поддержан не только спикером Госдумы, не только огромным количеством российских чиновников, он, уже подписанный, лежал на столе у президента Лукашенко. Назревал крупный международный скандал. Для исправления ситуации к работе пришлось срочно подключить мою администрацию. Юристы обнаружили целый ряд и других вопиющих нарушений российской Конституции. Я написал письмо Александру Григорьевичу, в котором просил отложить подписание договора с целью всенародного обсуждения его положений. Однако такой демарш российского президента — откладывание уже готового к подписанию договора — должен был стать для белорусского президента не самым приятным сюрпризом. Я возложил эту деликатную миссию — вручение письма — на Ивана Рыбкина, секретаря Совета безопасности. При этом сказал ему:

— Иван Петрович, пока Лукашенко не согласится, домой не возвращайтесь.

Рыбкин с тяжелым вздохом понимающе кивнул и срочно вылетел в Минск. В аэропорту Лукашенко сразу буквально дословно пересказал Ивану Петровичу содержание моего письма. Передал президенту эту информацию, как мне позже стало известно, Дмитрий Рюриков, мой помощник, который, как я уже говорил, был горячим сторонником полного, пусть даже прокоммунистического слияния двух государств. Через неделю я его уволил»[490].

Очень интересно. Помощник президента России без согласования с ним передает президенту другой страны, пусть даже дружественной, текст конфиденциального письма своего шефа о неподготовленности межгосударственного документа. А проект этого документа оказывается уже согласованным со спикером Государственной думы Геннадием Селезневым и множеством российских чиновников.

Нет, дело далеко не в скандальном избиении белорусской оппозиции.

Когда Ельцин действительно вчитался в документ, который

ему предлагали подписать, он понял: президенту России предлагали собственными руками отдать власть какому-то Лукашенко. И Лукашенко принял бы эту власть с радостью, и даже справился бы с ней, потому что ему было на кого опереться в самой России. Но, самым досадным образом, соскочило…

Лукашенко конечно же, обладал информацией о том, кто виноват в срыве подписания акта, открывавшего ему дорогу в Кремль. Он вообще обладает исчерпывающей информацией о том, что происходит в российском руководстве. Вспоминает Василий Леонов:

«Перед тем как Лукашенко предстояло ехать подписывать договор с Ельциным, уже парафированный Серовым и Примаковым, я был в Кремле у референта Чубайса Николая Летникова — он мой земляк, и мы имели с ним обстоятельную беседу. Я долго и настойчиво уговаривал: "Ребята! Вы заигрываете не с тем. Было много простаков в Беларуси, которые считали его колхозником. Но он обыграл их всех"… Это было летом, а в ноябре меня упрятали за решетку. Связано это или нет, не могу сказать. Я знаю лишь одно: когда я вышел, знающие люди мне сказали, что даже пропуска в Администрацию президента России и в Кремль, выписываемые белорусским гражданам, фиксируются людьми белорусского президента: у Лукашенко мощное лобби в российских структурах, в том числе и в российском ФСБ».

Понятно, что Чубайс, сорвавший подписание договора, стал для Лукашенко символом всего самого ненавистного в России — «антинародных сил», как принято говорить в среде сторонников Лукашенко.

Мы с тобой, Лукашенко!

Но прокол с проектом Устава вовсе не уничтожил лукашенковскую опору внутри российской элиты — напротив, он послужил ее консолидации.

Вдумаемся в то, о чем говорит эксперт Горбачев-фонда политолог и историк Валерий Соловей:

«Отмеченный практически всеми аналитиками заметный рост самостоятельности российских регионов в последние два года, их нарастающее дистанцирование от федерального центра активно используются Лукашенко для ползучего проникновения в российскую политику. Со второй половины 1997 г. белорусский лидер, пользуясь своим статусом председателя Высшего совета Союза Белоруссии и России, стал устанавливать прямые контакты с лидерами российских регионов, минуя Москву. На сегодняшний

день Белоруссия заключила соглашения и сотрудничает уже с 50 российскими регионами, причем во время поездок Лукашенко по России его повсюду встречали с восторгом. Нет нужды говорить, что региональная политика Лукашенко помимо экономического имеет и отчетливое политическое измерение…»[491].

Теперь все, кто были против Чубайса, против рынка, против демократии, против Ельцина, видели свою опору в Лукашенко. Он стал символом борьбы. И назидательным примером.

Владимир Жириновский, лидер ЛДПР: «Считаю, что это не только для Белоруссии самый подходящий президент, но и для всех бывших наших республик. Если бы все в СНГ шли по пути Белоруссии, за Лукашенко, нам было бы лучше»[492].

Павел Бородин, Государственный Секретарь Постоянного Комитета Союзного государства России и Беларуси: «Наступит день, когда к России и Белоруссии присоединятся все республики бывшего СССР и, возможно, страны Западной Европы. Что же касается Александра Лукашенко, то игнорировать его — дело неблагодарное. Поскольку белорусским президентом движет рука Бога».

А вот излияния редактора газеты «Завтра» Александра Проханова, который взывает к губернатору Приморья Евгению Наздратенко, конфликтующему с Ельциным:

«Ельцин создал ублюдочную федерацию, где регионы и живущие в них люди поделены на "вечно бедных" и "вечно богатых". На вкалывающих и жирующих. На тех, кто пашет, роет, воюет — и все наработанное до копейки уплывает в чубайсову казну. И на тех, кто торгует, интригует, обдирает, как липку, страну и все просит и просит безотказные чубайсовы дотации. И при этом косит, кто на Турцию, кто на Германию. Наздратенко требует справедливой федерации, без пасынков и любимцев, где русские не являются гражданами третьего сорта, и за это его ненавидят в Кремле…

Наздратенко, крепись! Тебе нельзя являться в Москву с повинной. Твоя база и крепость — Владивосток, корабли, рудники, избравший тебя народ. Атакуй!

Обратись к дальневосточникам, давшим тебе власть, — они не выдадут тебя в когти Чубайса…»[493].

И дальше — обращение к губернаторам, к офицерам, к депутатам с призывом — не повиноваться Ельцину и Чубайсу, обратить против них всю мощь тихоокеанского флота, все свои полномочия, смести эту «антинародную» власть к чертовой матери и т. д., и т. п.

Очевидно, что все призывы Проханова были обращены не

только к Наздратенко, но ко всем антиельцинским силам России. А вот сводились они к простому требованию, выраженному уже в названии программной статьи: «Наздратенко, будь Лукашенко!».

Нет, вовсе не вокруг Наздратенко призывал объединиться российскую оппозицию Проханов, а вокруг Лукашенко. В нем редактор газеты «Завтра» предлагал увидеть силу, способную повалить Ельцина, центр притяжения всей той России, которая была недовольна реформами, ведущими к демократии.

Этот центр сопротивления Ельцину и Чубайсу находился вне их юрисдикции: даже если они понимали, какая опасность идет в Россию из Минска, сделать с этим что-либо было не просто: все-таки Лукашенко был главой другого государства. Разве что не пустить его на свою территорию? «Примером последнего может служить громкий скандал осени 1997 г., когда с ведома Ельцина Лукашенко не был допущен в Россию для встречи с губернаторами центральной полосы»[494].

К тому же перед руководством России в то время стояли гораздо более важные проблемы, нежели обуздание зарвавшегося интегратора. Ельцин не успел окрепнуть после операции на сердце, а тут еще и в экономике начали проявляться тенденции, неотвратимо ведущие Россию к дефолту 1998 года. Так что российскому руководству было совсем не до Лукашенко.

Призыв Проханова был кое-кем и услышан. Во всяком случае, когда в 1998 году Лукашенко пролетом из Нагано, на Олимпиаду, остановился во Владивостоке, военно-морские силы России отдали ему честь на специально устроенном параде. И Лукашенко вел себя как *их президент* — с достоинством и осознанием собственной силы.

Как бы он ни клялся в преданности союзническим идеалам, как бы ни дружил с Ельциным, всегда — едва пришел к власти — он искал поддержки тех, кто выступал против Ельцина.

И охотно привечал их у себя дома. К нему приезжали Жириновский и Зюганов, Рыжков и Лебедь, Рохлин и сам Проханов. С каждым Лукашенко находил общий язык, каждого убеждал в сходстве их позиций по вопросу интеграции и общего будущего.

Разумеется, когда аудиенция заканчивалась, кое-кто из гостей получал возможность решить и финансовые вопросы. Все знали: посоветуешь белорусской стороне «честного и порядочного партнера» в лице того или иного московского банкира, тот тебе процент от сделки и отвалит — на предвыборную кампанию (а может, и не только). Пролоббируешь поставку большой партии нефти — тоже получишь свою долю…

Обласканные главным белорусским диктатором, высокие

гости возвращались домой в приподнятом настроении и дружно воспевали жизнь в Беларуси.

В России они пользовались влиянием, имели свои источники информации в Кремле и могли делиться этой исключительно полезной информацией, в том числе и предупреждать своего минского друга о том, что замышляется в Москве и что ему угрожает. По сути, российские оппозиционеры достаточно последовательно прокладывали Лукашенко дорогу в Кремль.

Дело-то было за малым — чтобы сам Ельцин, наконец, понял: у него нет иного выбора, кроме как назначить Лукашенко своим наследником, и не в России, а в объединенном государстве.

Новогодний сюрприз

Идея выжидания — пока «старик дозреет» — не была для Лукашенко бесперспективной.

Конечно, ельцинское окружение добросовестно пыталось продлить собственное политическое бытие. Достаточно вспомнить, как главный ельцинский охранник Александр Коржаков и его союзники пытались сорвать президентские перевыборы в 1996 году. Но после той избирательной кампании Ельцин перенес тяжелую операцию на сердце и понял, что лучше подумать о преемнике, чем вновь отплясывать на молодежных дискотеках, демонстрируя наличие пороха в пороховницах. К этому его подталкивали и различные группировки вокруг. Тут и началась чехарда со сменой премьер-министров.

Лукашенко эта возня формально не касалась. Он вообще был гражданином другого государства, спокойно посматривал со стороны, как Черномырдина заменили Кириенко, похожим на рассудительного мальчика, а того — «пенсионером» Примаковым. Ни один из них не мог бы стать ему конкурентом. И дело не в их недостаточной харизме, а в том, что преемника ведь выбирают так, чтобы он был сильным (смог бы выстоять под любым давлением, не сдав своего политического «отца») и чтобы его надолго хватило. Кириенко никакой силой не обладал. А Примаков пришел ненадолго и вовсе не намеревался обеспечивать какие-либо гарантии «камарилье» Березовского и Мамута. Скорее наоборот, он вполне ясно давал понять, что после ухода Ельцина их неприятности только и начнутся.

Лукашенко мог ждать спокойно. План был отработан: создание Союзного государства России и Беларуси, введение постов президента и вице-президента.

«Если мой рейтинг будет достаточно высок, то наверняка найдутся люди, которые захотят выдвинуть меня на этот пост.

Если нет — то зачем же я буду баллотироваться?» — сказал Лукашенко. Ранее в интервью «Интерфаксу» Лукашенко заявил, что в ходе состоявшейся 28 апреля 1999 года встречи в Кремле с Борисом Ельциным белорусский президент предложил главе РФ возглавить Союз в случае одобрения плана «радикального объединения». При этом Лукашенко отводил себе роль вице-президента указанного Союза»[495].

«Он де-факто соглашался быть вторым лицом при Ельцине, — говорит Геннадий Грушевой. — Но с двумя оговорками. Первая была произнесена вслух: должна быть все-таки ротация. Вторая подразумевалась и читалась в одной из лукашенковских "проговорок": Ельцину восемьдесят лет, он скоро уйдет, и тогда первым буду я».

Ельцин же вовсе не собирался уходить «так далеко» и настойчиво продолжал искать того, кто мог бы обеспечить ему спокойную жизнь после отставки. Так Примакова сменил Степашин, а Степашина — Путин.

И это никак не насторожило Лукашенко. Все, кто знал Ельцина — недоверчивого, резкого, властного были убеждены, что тот никогда не решится расстаться с президентским постом — потому что никому из своих приближенных не поверит.

Но Ельцин решился.

Вместо новогоднего обращения к россиянам на исходе 1999 года Борис Ельцин объявил о своей добровольной отставке. И представил народу своего преемника — Владимира Путина.

Решение о преемнике и передаче ему власти было подготовлено в строжайшей тайне. По недоуменным лицам ведущих новостных телепрограмм было видно, что ни один источник в Кремле не проболтался.

«История еще не знает столь необычной отставки главы крупнейшего государства — в канун нового тысячелетия. Своевременный, простой и вместе с тем крайне эффектный уход из Кремля, несомненно, останется в истории важным и интересным прецедентом»[496].

Лукашенко оставалось лишь кусать локти.

Он понимал: Путина выберут президентом, и всю игру придется начинать заново. Если и вообще придется…

Глава четвертая. Соперники?

Непонятный человек

Для Лукашенко избрание Владимира Путина президентом России означало конец всем надеждам. «Это ж как, помните, у

Остапа Бендера: "Увели девушку прямо из стойла". Лукашенко должен был быть Президентом всея Руси, а стал им Путин»[497].

В Путине все оказалось непонятным. Это с Ельциным было просто: бывший партийный руководитель, каких Лукашенко видел десятки, да еще с комплексом вины, на котором удобно было играть. Несмотря на разницу в возрасте, у Лукашенко с Ельциным было много общего: оба пришли во власть из оппозиции, оба были политиками стихии, изначально черпавшими силу в социальных низах, не желавшими подчинить себя каким бы то ни было правилам. А здесь…

Этот невысокого роста человек с меланхолическим выражением лица и говорящими желваками его пугал. Так пугает только сочетание букв «КГБ» — вызывавшее животный почти ужас у каждого «советского белоруса», издавна верившего во всемогущество спецслужб.

Путин был непонятным, чужим и превосходил его, казалось, во всем.

Он окончил юридический факультет Ленинградского университета и был, очевидно, образованным человеком, причем отнюдь не простачком. А Лукашенко, сколько бы он ни распространялся о двух полученных им дипломах, всегда ощущал недостатки собственного образования (чего стоит, скажем, непростительный «прокол» в прямом телеэфире со *стихами* Василя Быкова, которые Александр Григорьевич якобы читал еще в школе).

У Путина знание немецкого и английского языков — опять плюс в сравнении с Лукашенко, который ни по одному из двух государственных не получил бы высокой оценки.

Наконец, романтическая профессия разведчика — то, к чему сам Лукашенко в юности должен был стремиться душой, но не получилось.

Самое неприятное было то, что Лукашенко увидел, как медленно, но верно приходят к Путину те, кого он считал собственными врагами, — российские рыночники-демократы. Вот Чубайс подтянулся, вот Немцов поддержал. Вот они, вслед за Путиным, начали осваивать ура-патриотическую риторику (как же, будем и мы мочить всех в сортире) — особенно Чубайс.

Путин был подчеркнуто скуп на слова, говорил предельно продуманно, спокойно. Да еще эти невозмутимые, почти немигающие глаза. Лукашенко, привыкший играть с собеседником, подкидывая ему то, что тому нужно, с Путиным сразу проигрывал, поскольку не понимал, чего же тот хотел бы.

Владимир Путин был, пожалуй, так же непредсказуем, как

когда-то Виктор Гончар, при всем их внешнем отличии. И это сходство не могло не тревожить.

Лукашенко — это бросалось в глаза — просто не знал, как себя с ним вести. Хотя появление такого соперника и стимулировало его, казалось бы, к невозможному: «То, что в последние годы внешний вид президента резко изменился к лучшему, заметили практически все. Однако самое удивительное, что произошло это не постепенно, а в один день: 8 сентября 1999 года, во время первого визита Путина в Минск в качестве премьер-министра, Александр Григорьевич предстал в новом имидже. Еще в августе Лукашенко зачесывал любимый клок волос и растрепанные усы, напоминающие два пучка жесткой соломы, а уже 8 сентября он вышел к камерам элегантно одетым и безукоризненно подстриженным»[498].

Своими наблюдениями на сей счет поделился со мной кинорежиссер Юрий Хащеватский:

«В разговоре Лукашенко постоянно отворачивается от Путина, как бы отдаляется от него. К Ельцину он всегда стремился приблизиться, а от Путина — дистанцируется… Сейчас на примере поясню, о чем я говорю. Как-то у моего друга мы рассматривали старую — еще начала XX века — коллективную фотографию редакции газеты. На ней люди сидят, стоят, смотрят друг на друга. И я тут же, причем безошибочно, ему рассказал (а он хорошо знал взаимоотношения в этой редакции), кто с кем воюет, кто с кем дружит. Это ведь мизансценически очень видно. Либо ты готов собеседника заключить в объятия, либо готов перекинуть его через бедро. Так вот весь вид Лукашенко, когда он появляется рядом с Путиным, свидетельствует, что в любой момент он готов его перекинуть через бедро».

Кроме всего, у Путина не было комплекса вины за то, что кто-то разрушил Советский Союз. А стало быть, у него не было той струны, на которой можно играть. Ничего собирать и возрождать, кроме порядка, он не собирался, и «белорусский коллега» со всеми интеграционными идеями был ему ни к чему.

Лукашенко растерялся.

Новый расклад

Это была уже совсем новая политическая комбинация: Россия Путина и Беларусь Лукашенко.

«Ельцин извлек из инициативы с Союзом почти все, что он мог, как во внешнеполитической сфере, так и во внутренней политике»[499].

Преследуя собственные цели, Ельцин до скандала с проектом

устава «по умолчанию» соглашался с тем, что Россия и Беларусь в своем союзе равны.

«Ельцин вытягивал белорусскую карту каждый раз, исходя из внутрироссийской политической конъюнктуры, — говорит Сергей Калякин. — Для Путина отношения с Лукашенко не определяют его политического будущего, а потому он гораздо менее зависим от Лукашенко».

Путин сразу повел себя не как вождь, не как объединитель земель, а как менеджер, призванный навести порядок в хозяйстве, полученном от предшественника в весьма неприглядном состоянии. Естественно, у него изначально было иное видение интеграции и иная оценка «достигнутого». Белорусский экономист Павел Данейко считает:

«Интеграция по Путину — это когда выигрывают обе стороны, прежде всего, выигрывает бизнес. В наработанном к тому времени проекте только таможенный союз является такой мерой, которая имеет какой-то интеграционный смысл. Ну и, разумеется, предложения по единому рублю. Все остальное — набор чрезвычайно путаных прожектов, которые совершенно не реализуются».

Как только Путин от идеологических схем перешел к вопросам практической экономики, старая модель Союза затрещала по всем швам. Не мог же президент России смириться с очевидно волюнтаристским предложением, чтобы страна, чей ВВП составляет около трех процентов от российского (по Путину), влияла на финансовую политику Союза в той же степени, что и Россия.

Для прагматичного Путина не могло не быть очевидным: российский бизнес ничего не выиграл от интеграции. Да, белорусский рынок для российских предпринимателей сохранился, но покупательная способность белорусов на этом рынке почти не росла. Да тут еще Лукашенко с его стремлением «защитить» своих производителей далеко не рыночными мерами. Только в 2001-2004 годах правительство Беларуси не однажды пыталось ограничить ввоз на территорию своей страны российского пива, макаронных и кондитерских изделий и прочей продукции.

Не могло устроить Путина и отношение Лукашенко к проблеме приватизации.

Российские нефтяники нуждались в заводах, которые завершали бы технологический цикл переработки нефти. Во времена СССР самые современные нефтеперерабатывающие заводы были построены на территории Беларуси. Сейчас нефтяные олигархи были готовы купить акции этих заводов и

инвестировать деньги в их дальнейшее реконструирование. Но Лукашенко на это, как мы помним, не шел, хотя постоянно намекал что готов это сделать — при выполнении ряда туманных и противоречивых условий…

То же с «трубой», как называют газопровод из России в Европу, принадлежащий «Белтрансгазу». Лукашенко упорно настаивал на том, что лежащие в белорусской земле трубы, обслуживающие их компрессорные станции и сопутствующая инфраструктура стоит пять миллиардов долларов. И это при том, что активы всего российского «Газпрома» оценивались лишь в 16 с половиной миллиардов!

Кроме всего, Лукашенко серьезно осложнял ситуацию внутри СНГ. Это было очевидным для каждого непредвзятого наблюдателя.

Говорит Эдуард Эйдин:

«Лукашенко, похоже, не сумел наладить отношения ни с одним президентом в СНГ. Это больно отражается на торговле. А значит, и на экономике страны. Президент Узбекистана Ислам Каримов, например, просто поставил на Беларуси — после одной хлопковой истории — жирный крест. Я знал человека, который видел этот крест на карте в буквальном смысле.

Еще можно чем угодно обосновывать, почему нас не принимают на Западе, но наше "одиночество" среди стран СНГ — необъяснимо. Ведь посещение президентом раз в год десяти государств и принятие их лидеров с ответными визитами могло бы стать не только бурной имитацией международной деятельности, но и принести реальную экономическую выгоду стране, а значит, и людям. Но так не получается. Еще и потому, что в "президентском клубе" важно соблюдение правил, включая умение не выносить ссор из "клуба". А с этим у Лукашенко известные проблемы».

Именно для того чтобы спасти СНГ или хотя бы сохранить вокруг России относительно благоприятное пространство, Путин был обязан втолковать Лукашенко: Беларусь не может претендовать на политическое лидерство хотя бы потому, что есть Казахстан, Украина, Азербайджан… Они если и готовы, с грехом пополам, признавать чью-то первенствующую роль, так только роль России. Нельзя же не соблюдать вообще никаких правил игры.

Но Лукашенко твердо стоял на своем, продолжая при этом содержать собственную страну за счет далеко не самой благополучной России.

«Путин понимает, — считает Леонид Синицын, — что союз

Беларуси с Россией еще не исчерпан, и в то же время видит, что это для него бесперспективный путь. Поэтому он втягивает Лукашенко строить новую конструкцию — пытается формировать единое экономическое пространство. Лукашенко это коробит, поскольку рушатся его идеи, его предложения по конструкции единого государства.

Мухи пусть будут отдельно…

Вероятно, Лукашенко понимал, насколько его «упрямство» раздражает Путина. Но пересилить себя, как всегда, было не просто, тем более что отступать-то ему приходилось с почти завоеванных позиций.

Но и Путину отступать было некуда. Позади ведь не только Москва.

Перехватить интеграционную инициативу, направив ее в разумное русло, становилось для российского лидера делом чести и вопросом политической целесообразности. А тут еще российские губернаторы, еще вчера готовые сдать Ельцина ради «своего», как они думали, Лукашенко, внимательно следили за противостоянием двух президентов.

Их конфликт проявился в полной мере уже после того, как Лукашенко переизбрался в 2001 году на второй срок, чему Путин никак не мешал. Напротив, когда альтернативные претенденты «пророссийской ориентации» не были зарегистрированы, он даже дал отмашку российским телеканалам, которые тут же начали расписывать прелести белорусской жизни, тем самым убеждая избирателей голосовать за Лукашенко.

Взамен Путин вправе был ждать, так сказать, встречной любезности. Хотя бы все в том же — в согласии на участие российских компаний в приватизации белорусских нефтеперерабатывающих заводов. Но, как уже говорилось, Лукашенко на это не пошел.

Тогда, встретившись с Лукашенко в Санкт-Петербурге, Владимир Путин заявил:

«Пытаться восстановить СССР за счет экономических интересов России нельзя, поскольку это усилит центробежные силы внутри страны и ослабит Россию экономически».

Это был достаточно недвусмысленный намек на то, что политического равенства, как во времена Советского Союза, в Союзе России и Беларуси быть не может, поскольку это невыгодно России. Но это было только началом.

Двухдневный визит Лукашенко на родину Путина совпал с визитом канцлера Германии Герхарда Шредера. И пока

Лукашенко играл в хоккей, обновляя ледовое поле нового дворца спорта, Путин, Шредер и президент Украины Леонид Кучма подписали соглашение о создании газового консорциума для строительства новой трубы — в обход Беларуси.

На этом «воспитательные мероприятия» не завершились. Там же, в Питере, встречаясь с сотрудниками одного из медицинских центров, Путин вновь обратил внимание на судьбу белорусско-российской интеграции и сделал гораздо более жесткое заявление:

«Не должно быть юридической шелухи и каши, с которыми мы потом не сможем разобраться. Нужно, чтобы наши партнеры поняли для себя, определились, чего они хотят… Не будем забывать, что экономика Белоруссии — это 3% от экономики России… Не должно быть так, что с одной стороны право вето на все, но и зато и требования на все. У нас тоже должно быть право вето тогда… И нужно понять, чего мы хотим, чего хотят наши партнеры. Котлеты отдельно, мухи отдельно должны быть».

Очевидно, что под котлетами Путин подразумевал те экономические преференции, которые получала Беларусь в результате союзнических отношений с Россией, а роль мухи отводилась Лукашенко, с его назойливо навязываемыми объединительными концепциями.

Обидно, конечно, но это далеко не все что пришлось выслушать Лукашенко.

Тут же Путин публично задал ряд вопросов. Что конкретно имеет в виду Лукашенко, когда говорит о продолжении и развитии интеграции? Какую цель он перед собой ставит? Как юридически это будет оформлено? Видит ли Лукашенко будущее Союзного государства по образцу Европейского союза? Считает ли он возможной полную интеграцию, когда шесть белорусских областей и город Минск входят в состав Российской Федерации на правах субъектов Федерации? Или же все должно оставаться так, как есть — но тогда уже без слов о «развитии» и без взаимных упреков! Только не говорите, мол, потом, что вам отказали в праве на интеграцию.

Резкость, с какой Путин потребовал от белорусского коллеги определиться с выбором, была беспрецедентной.

Лукашенко упускал инициативу главного объединителя: невозможно ведь предложить более радикальную форму интеграции, чем вхождение меньшего государства в большее, да еще добровольно. Он был вынужден отступить: давайте, мол, оставим все как есть.

С этого момента интеграционные идеи, от кого бы они ни исходили, белорусским руководством только саботировались.

Так, именно белорусская сторона сорвала достигнутые еще при Ельцине договоренности о введении российского рубля в качестве единого платежного средства на территории Союза России и Беларуси: он должен был начать свое хождение в Беларуси на равных правах с белорусским рублем с 1 января 2005 года[500].

…Когда-то Синицын рассказывал мне о том, как они — еще на заре интеграции — обсуждали с Лукашенко ее перспективы. И пришли к выводу: идти интеграционным путем следует так далеко, как только можно. А потом — разворачиваться и идти назад.

Похоже, что после путинского заявления о «мухах» и «котлетах» Лукашенко понял, что дошел до конца пути: он уперся в стену. И ему не осталось ничего иного, кроме как обиженно развернуться и пойти назад:

«Даже Ленин и Сталин не додумались до того, чтобы раздробить республику и включить ее в состав СССР!»

«Он меня не слушается»

Сколько бы ни встречались после ленинградского скандала Лукашенко и Путин, все понимали: им уже никогда не договориться. «О чем говорить, — считает Геннадий Грушевой, — если ни один, ни другой не хотят делить власть? Путин по определению ее не будет делить. Еще не хватало, чтобы великая Россия уступала кому-нибудь власть! А Лукашенко не станет делить с ним власть, потому что политически это для него конец. Ему лучше быть в маленькой стране великим диктатором, чем в огромной стране — вторым лицом».

Помню, в 2001 году, готовясь к собственной избирательной кампании, Леонид Синицын пытался смоделировать свой вариант диалога с российским руководителем, такой, который позволил бы развязать узел конфликта:

«Если бы Путин мне предложил объединяться губерниями, я бы ему сказал:

— Владимир Владимирович, мы ведь говорим о равноправном союзе с вами?

— Да, — сказал бы Владимир Владимирович.

— Но какой же это равноправный союз, если при вхождении в состав России губерниями Беларусь исчезнет! Это неравноправно.

— А что нужно сделать, чтобы было равноправно? — спросил бы меня Путин.

Я бы ему сказал:

— Пусть точно так же исчезнет и Россия, давайте "растворим" ее в Союзе…

Такого подхода я придерживаюсь и сейчас: нужно Беларуси и России объединиться в единое государство. И говорить уже не о суверенитете Беларуси и России, а о коллективном суверенитете, что гораздо ценнее в нынешнем мире, чем суверенитет маленькой страны. Коллективный суверенитет нового государства — это гораздо больше».

Что ж, лучший и традиционный способ уйти от невыгодного предложения — это переадресовать его противнику. По крайней мере, это позволяет сделать вид, будто ты не заметил нанесенного тебе оскорбления.

Но Лукашенко этим приемом не воспользовался. Дело-то было вовсе не в выборе наиболее приемлемого варианта союзного объединения, а в оскорбительности самой постановки вопроса. И главное оскорбление, которое нанес ему Путин, содержалось в публично высказанном подозрении: ты не справляешься, ты боишься ответственности, ты торгуешь суверенитетом своей страны — и поэтому ратуешь за интеграцию. Тогда иди вместе со всей своей страной к нам, и мы снимем с тебя раз и навсегда всякую ответственность.

Говорит Станислав Шушкевич:

«Путин как бы четко обозначил: я тебя как человека не уважаю и не воспринимаю. А политика твоя мне нравится, мы ее поддерживаем — она пророссийская, ползи и дальше на пузе; мы тебе скажем, по какой дороге ползти, если ты попытаешься двигаться чуть-чуть не туда».

Оскорбление тем более обидное, что Лукашенко считал себя не менее крупной политической фигурой, чем его обидчик. И, надо признать, имел для этого достаточно оснований (даже недоброжелатели это отмечают), при всей разномасштабности вверенных им территорий. Действительно…

«Путин — фигура "согласованная", а Лукашенко прорвался во власть, он боролся за нее. Поэтому какой-то психологический комплекс у Путина, несмотря на его внешнюю невозмутимость, присутствует, и в этом он заметно проигрывает Лукашенко, который ведет себя гораздо более самоуверенно: "Меня народ избрал, я такой, какой я есть"»[501].

«Путин — наемный чиновник. Это проявляется во всем его поведении. А Лукашенко — что ни говори — народный избранник, и это прет из него, придавая ему уверенность»[502].

Нет, совсем не таким уж слабаком выглядит Александр Лукашенко на фоне своего российского коллеги и оппонента. Стоит сравнить, например, их новогодние поздравления (у каждого — своему народу), чтобы задуматься о том, что в открытых теледебатах, если бы такие вдруг состоялись,

Лукашенко, скорее всего, победил бы — взяв аудиторию не только своим безмерным популизмом, но и напором, артистизмом, «душевностью» и всем тем, что принято называть харизмой. Так что, несмотря на отменную выдержанность и мастерски скрываемую досаду, Путину общаться с Лукашенко совсем не легко.

Говорит Эдуард Эйдин:

«Путину наш Лукашенко достался по наследству. Почти как внутрироссийская проблема. Как Березовский и Ходорковский. Но Лукашенко — ни изгнать, ни посадить. А переиграть его Путин не может. Ни по масштабу личности, ни по внешнеполитическим обстоятельствам. Ельцин мог, потому что был харизматиком, покруче нашего. А Путин просто не в состоянии. Вот он и имитирует видимость общения. Не вступая в диалог».

Так что не только Лукашенко от Путина дистанцируется, как подметил режиссер Хащеватский, но и Путин постоянно сторонится Лукашенко. И достаточно демонстративно переключает свое внимание с него на более подходящие и «достойные» объекты.

Так, в июле 2004 года Путин был приглашен принять участие в торжествах по случаю 60-летия освобождения Беларуси от фашистских захватчиков. Но прибыл он в Минск всего на несколько часов, причем ночью. Пообщавшись с ветеранами, президент России тут же улетел в Москву. И в то время, когда Александр Лукашенко в мундире a la генералиссимус Сталин принимал свой «Парад Победы», Путин с другими членами «президентского клуба СНГ» в неформальной беседе на ипподроме обсуждал общую позицию по отношению к ОБСЕ. Тема беседы делала отъезд Путина еще более оскорбительным: Лукашенко более других президентов Содружества был бы заинтересован в публичной критике организации, офис которой в Минске попортил ему столько нервов.

А осенью 2004 года, когда Путин, Лукашенко и президент Азербайджана Ильхам Алиев прибыли в Киев для участия в праздновании 60-летия освобождения Киева, Путин отказался использовать эту возможность для проведения каких бы то ни было «сепаратных» переговоров с Лукашенко. И тот обиженно вернулся в Минск на сутки раньше. Сложилось впечатление, что таким образом Путин его специально задвигал, понимая, что потеряв статус главного политического партнера российского президента, Лукашенко автоматически утрачивает и всякие позиции в СНГ[503].

Путин не мог себе позволить проиграть «воспитательный процесс».

Но и выиграть у него не получалось. Не случайно рассказывают, что в беседе с президентом Польши Александром Квасьневским, который попытался мягко поставить вопрос об особой роли России в урегулировании внутреннего белорусского конфликта и приведению белорусского лидера хотя бы к сколько-нибудь внятным стандартам политической культуры, Путин был вынужден признать: «Он меня не слушается».

«Голову мы не склоним»

Сказав, что, мол, Лукашенко его не слушается, Путин фактически признал поражение тактики увещеваний по отношению к политику, признающему только силу.

Но и с применением силы Путин неожиданно для всех проиграл.

Несмотря на все политические трения, в том числе и в личных отношениях двух президентов, Беларусь продолжала получать газ намного дешевле, чем Украина, Польша или Литва. Если не хватало денег — российский Центробанк почти беспрекословно выдавал белорусскому правительству кредит для погашения долга.

Отпуск газа для Беларуси по внутренним российским ценам был увязан в Союзном договоре с белорусскими обязательствами продать России пакет акций «Белтрансгаза», о чем российская сторона не однажды напоминала. Когда Минск продолжал называть цену, заведомо неприемлемую, «Газпром» в ответ — что было логично — требовал повышения платы за поставляемый газ. Беларусь платить дороже отказывалась. «Газпром» в «воспитательных» целях пытался ограничивать объемы поставляемого газа, но белорусы начинали просто-напросто отбирать на свои нужды газ, предназначенный Европе, а платить за него вообще отказывались, ссылаясь… на неурегулированность вопроса о цене!

В конце концов, 18 февраля 2004 года, газ отключили. И не подавали его около суток.

Это было первым откровенно силовым столкновением интересов. И независимо от того, кто лично санкционировал такой исключительный шаг, проигравшим по всем статьям оказался… Путин.

В результате этой акции Россия получила взрыв возмущенного общественного мнения на Западе (Беларусь — транзитное государство, через нее российский газ должен был идти дальше — в Польшу, Литву и Германию). И обрела репутацию ненадежного партнера в таком стратегической

важности деле, как поставка газа.

Возмущены вероломством были и кровно обиженные белорусские потребители. Им ведь по российским телеканалам не про то говорили, какой у них нехороший президент, а про то, что белорусы за газ не платят. Но ведь белорусы-то как раз платили — и население, и предприятия платят в Беларуси за газ достаточно регулярно. Естественно, что такой упрек был воспринят всеми как заведомо несправедливый и оскорбительный.

Лукашенко оставалось лишь подыграть этому возмущению, что он и сделал, заявив, что только террорист в такой мороз может отключить газ братскому народу.

Террорист — это Путин? Получается, что — да. И рейтинг Путина в Беларуси пополз вниз.

А Лукашенко как всегда, заработал неплохие очки.

В ходе «газовой войны» он повел себя «мастерски», уверенно наживая политический капитал…

Команды своему правительству он отдавал публично, с трансляцией по телевидению:

«Надо заключить договор на условиях Путина — мы заплатим эти деньги. Соберем эти деньги, отняв у чернобыльцев, у тех, кто в окопах гнил, отберем мы эти 200 миллионов долларов и снимем эту проблему. Таким образом, нами перестанут манипулировать и перестанут шантажировать».

Вот, мол, до чего довел нас Путин — уже и льготы у чернобыльцев и ветеранов приходится забирать, чтобы с ним рассчитаться.

Но этого мало: «Александр Лукашенко отметил, что с подорожанием газа для Беларуси вдвое сбыть белорусскую продукцию в ту же Россию станет гораздо труднее. Белорусская продукция на российском рынке становится неконкурентоспособной. Таким образом, эта акция нацелена на уничтожение только что поднявшихся с колен предприятий Беларуси»[504].

Вот куда, оказывается, направлен вероломный удар. Но ничего, белорусам к тяготам не привыкать:

«Переживем и газовую проблему, но если кто-то в Москве думает, что белорусский народ склонит голову, — этого не будет».

Люди, посмотрите, они хотят нас поставить на колени и подчинить себе! Им это не удастся!

Им это на самом деле не удалось, тем более что на следующий день Россия была вынуждена включить газ — и для Запада, и для Беларуси.

Лукашенко снова победил, неважно, что договоры на поставку газа все же пришлось подписать и цену на газ россияне подняли. Не настолько, правда, как хотели. Подсчитано, что Беларусь на этом потеряла около двухсот миллионов долларов.

Но разве в деньгах дело? За такие-то «копейки» и Путина удалось выставить проигравшим, и всему миру вновь показать, что не так с нами просто… Разве игра Лукашенко была в том, сколько платить за газ? Нет, игра состояла в том, чтобы показать России и Европе, что с ними станет, как только в Беларуси будет закручен вентиль газа, который находится в президентских руках.

Можно возразить:

— А как же собственный народ? Что будет с ним, если, не дай Бог, случится такое?

А то и будет. Сельское население Беларуси, отапливающее свои дома, как и в любой деревне постсоветского пространства, торфобрикетами, углем и дровяными обрезками, просто ничего не почувствует. А Минску, как наиболее оппозиционно настроенному к Лукашенко, это даже полезно. Говорит Юрий Хащеватский: «Если бы полопались трубы отопления в домах минчан, представляете, какая началась бы мобилизация и как хорошо выглядел бы Лукашенко, который вместе с народом выходил бы из этой катастрофы. Недаром после газового скандала Лукашенко отправил в отставку руководителя "Белтрансгаза" Петра Петуха. По слухам, в которые я лично верю, уволен он как раз за то, что отказался во время газовой войны разморозить все отопление Минску».

Что ж, и в такие слухи легко поверить, потому что понятен мотив: на все пойдешь, чтобы нажить себе политический капитал и досадить противнику, публично свалив на него ответственность.

Опять повезло?

Все чаще начинает казаться, что Путину не по плечу справиться с Лукашенко. Еще и потому, что Лукашенко постоянно везет.

Вот Россия хочет повысить цены на газ и идет на силовой прием. А заступается за Лукашенко Европа… Цены все-таки же повысили? Но тут же конъюнктура мирового нефтяного рынка складывается так, что в той же России оказывается много свободных денег, на которые российские потребители бросаются покупать белорусские товары… Громче всех Лукашенко выступал против бомбардировок Ирака, до последнего защищал своего друга Саддама Хусейна и даже поставлял ему технику. Но от этих

бомбардировок он только выиграл, потому что цены на нефть из-за них-то и подскочили. Дело, конечно же, в привязке белорусской экономики к российской — это везение, но везение пиявки, когда тот, к кому она присосалась, становится полнокровнее.

В 2001 году «элегантная» победа Лукашенко на выборах граничила с такой наглой фальсификацией, что это не могло не вызвать возмущение в мире. Но выборы в Беларуси прошли 9 сентября, а 11 сентября всем было уже не до Лукашенко с его выборами. Когда рушатся небоскребы и гибнут десятки тысяч людей, кто вспоминает об автократах, правящих в маленьких странах.

Двадцать третьего октября 2002 года белорусские власти высылают из страны лидера парламентской фракции «Союз правых сил» Бориса Немцова и вице-спикера Государственной думы Ирину Хакамаду, прибывших на конференцию по вопросам российско-белорусской интеграции. Немцова обвиняют в попытке провезти в Беларусь фальшивую валюту. А вели его белорусские спецслужбы, как он утверждает, уже в Москве[505].

Это неслыханно.

Поскольку речь шла не о рядовых гражданах, а об известнейших политиках и парламентариях России, скандал мог разрастись. Но и эта история была всеми забыта уже через два дня. Началась трагедия с заложниками, захваченными террористами во время представления мюзикла «Норд-Ост». Когда дула автоматов устремлены на ни в чем не повинных людей, кому и какое дело до высланных депутатов: они ведь остались живы![506]

Повезло?

Впрочем, к теме его «везения» мы еще вернемся — в последней главе нашей книги.

Чья модель?

Почему же, несмотря на все выходки Лукашенко, Путин никогда не критикует его политику? И даже вопросы журналистов по белорусским проблемам старательно отклоняет, переводя на нейтральные рельсы. Его спрашивают про то, как он относится к намерению Лукашенко избираться на третий срок, а Путин в ответ о том, что российскую Конституцию он лично менять не собирается… И так далее, но всегда без критики…

Ведь, как ни один другой глава европейского государства, он имел бы на это вполне законные права: ну, к примеру, Союзный договор предполагает равное соблюдение прав человека в

Беларуси и России, а с этим в Беларуси проблем хватает…

Почему же никакой критики — никогда и ни словом?

Не потому ли, что как политик, стремящийся к полной, если не сказать — авторитарной — власти, Путин вынужден шаг за шагом повторять путь Лукашенко? Ведь где бы ни устанавливался авторитарный режим — хоть на Чукотке, хоть в пампасах, — он всегда подразумевает весь «джентльменский» набор: контроль над СМИ и вообще гражданским обществом, контроль над финансовыми потоками, контроль над территориальным самоуправлением или просто его отмену. Тут ни Лукашенко ничего не придумал, ни Путин, ни Дювалье на Гаити.

Вначале Путин отнял у олигархов средства массовой информации: не только заставил «Газпром» задавить НТВ, но и вообще уничтожил политический плюрализм на телевидении, да и в печати… В Беларуси мы это проходили.

Следующим шагом Путина стал передел собственности, разумеется, в интересах государства, как он это понимал. «Неправильные» владельцы собственности лишились, а «правильные» (то есть государство, руководителем которого является Путин и те, кто его поддерживает) ее получили. А чтобы никому не повадно было забываться, самого сопротивлявшегося — Ходорковского — посадили в тюрьму. Так сказать, показательный процесс, а на деле — установление полного контроля над финансовыми потоками… И это мы проходили в Беларуси.

Следующим шагом стало превращение оппозиционной Думы в Думу управляемую, почти однопартийную. Правда, Конституцию пока не меняли. Зачем, если правящая партия и без того обладает конституционным большинством? Де-юре — разделение властей, де-факто — принцип разделения властей уничтожен.

Затем Путин задался вопросом о том, насколько управляемы регионы, не распадается ли Россия на части. И он предложил ликвидировать выборный институт губернаторов, заменив их губернаторами назначаемыми. Мол, раз народ доверил президенту всю полноту власти, будьте добры, доверьте ему назначать и власть на местах. С этим, правда, он опоздал: этот вопрос Лукашенко решил в самом начале своего первого срока, а не второго, как Путин.

Такое сходство путей даже породило в рядах белорусской оппозиции подозрения несколько параноидального характера: не ставленник ли Лукашенко российских спецслужб, которые специально навязали его Беларуси, чтобы использовать «братскую республику» как полигон для своих управленческих

экспериментов?

Нет, Лукашенко — слишком самостоятельная фигура, чтобы служить кому-либо, кроме себя. Другое дело, что ему как первопроходцу это обидно. Ведь все, что делает Путин, Лукашенко осуществил в Беларуси гораздо раньше. И осуществлял он это откровенно, не играя в какие-то там либеральные игры, не заискивая перед гражданским обществом. Так зачем он вообще тогда был нужен, этот самый Путин? Почему тот же Ельцин не понял, что он, Лукашенко, мог реализовать программу быстрее, качественней, надежней!

Публичные и довольно часто звучащие сопоставления Путина и Лукашенко, похоже, обоим неприятны.

Лукашенко ведь не может не задаваться вопросом:

— Почему этот Запад все прощает Путину, если он делает то же, что и я?

Но и Путин вправе спросить:

— Почему они все время упрекают меня, будто я подражаю Лукашенко? Я ведь не собираюсь узурпировать власть!

Так иной раз тянет разбить зеркало, если тебе не нравится собственное отражение.

Вообще в отношениях с Лукашенко российский президент оказался заложником обстоятельств. Он уже не может окончательно отказаться от лукашенковской идеи союза двух государств, но и не решается публично отмежеваться от своего визави, очевидно, надеясь: все не вечно, и рано или поздно Лукашенко уйдет. В 2006 году заканчивается второй и последний (по Конституции) срок президентства Александра Лукашенко. Проще всего этого дождаться…

Но и Лукашенко понимает, что все временно. С той лишь разницей, что он совсем не намерен уходить. И тем более — сдавать позиции Путину.

Глава пятая. Что дальше?..

Победитель или побежденный?

Мы уже отмечали, что Лукашенко постоянно и намеренно «проговаривается», думая о перспективах. Из всех его «проговорок» на тему своего будущего президентства легко выделить три идеи: «уход на заслуженный отдых» при преемнике, переизбрание на следующий (и до бесконечности) срок и «уход на повышение», то есть в Союзное государство. Или даже в Россию…

Начнем с того, что уйти на отдых для Лукашенко просто

невозможно… Трудно представить, как он будет жить после того, как лишится власти. И в эту ловушку, которая ждет рано или поздно каждого диктатора, он загнал себя сам.

Говорит Эдуард Эйдин:

«Если бы Лукашенко думал об уходе, он бы инициировал принятие Закона о гарантиях президенту — не для себя персонально, а для президента вообще[507]. Рано или поздно такой закон все равно должен быть принят. Но Лукашенко этого не делает. И таких "косвенных" свидетельств того, что он намеревается править еще очень долго, — полно».

Лукашенко действительно наделал много такого, за что любому рано или поздно приходится отвечать: публично и перед лицом суда. Так, к примеру, нет сомнений, что если будет доказана личная причастность главы государства к «исчезновениям», а точнее, к физическому устранению политических оппонентов режима, то его ждет суд. Такова судьба Аугусто Пиночета: к ответственности его призывают, несмотря даже на все позитивное, что генерал сделал для страны, подняв чилийскую экономику.

Гарантами безопасности для уходящих правителей часто становятся другие государства. Но государства-гаранты должны видеть добрую волю уходящего и его заслуги перед обществом. Эдуарду Шеварднадзе, скажем, было что предъявить. Он был одним из «прорабов перестройки», министром иностранных дел при Михаиле Горбачеве, потом руководителем, приведшим Грузию в СНГ.

Лукашенко же Запад никогда не воспринимал. И здесь — чтобы хоть как-то наладить отношения, нужны уступки в пользу демократии.

Может ли Лукашенко пойти на такие уступки, чтобы воспользоваться их плодами для собственной безопасности? Однажды, накануне выборов 2001 года, он на такие свои намерения достаточно прозрачно намекал. Мол, только изберите, и все отладится, моя жесткость, мол, была нужна только на первом этапе.

Леонид Синицын вспоминает:

«Перед выборами чиновники говорили: вот он переизберется и все изменится, многие тогда верили, что мы пойдем цивилизованным путем. Но я не верил, я слишком хорошо его знаю, и понимал, что это невозможно. Он не способен измениться».

Синицын был прав: ничего в стране не изменилось. Уступить Лукашенко не мог, поскольку вся выстроенная им система немедленно дала бы сбой.

Что до гарантий безопасности от России, то российскому руководству Лукашенко верить не может. Он ведь воспринимает себя реальным соперником Путину. А как поступают с соперниками, Лукашенко знает слишком хорошо, чтобы надеяться на снисхождение. Да и до прихода Путина, еще в 1996 году, он «проговорился»:

«Мы, как в 1941 году, находимся во вражеском кольце! Враги засели в руководстве соседнего государства, с которым мы недавно подписали договор о сообществе»[508].

Восприятие окружающего мира как «вражеского кольца» с тех пор у него только укрепилось. И никаким гарантиям извне он не поверит, потому что точно знает, что сам-то ни за что ни с какими обязательствами бы ни посчитался.

Если ты не веришь «внешним» гарантам, можно попытаться повторить пример Бориса Ельцина. Ведь первый же указ Президента Российской Федерации Владимира Путина обеспечил Ельцину спокойное будущее.

Владимир Нистюк считает:

«Не исключаю, что сама номенклатура, сегодня сильно зажатая, обиженная, оскорбленная, посаженная, осужденная, все-таки найдет в себе силы из своей среды подобрать человека, которого можно будет согласовать потенциально с Россией и, не исключаю, с Александром Григорьевичем, и представить как наследника президенту Лукашенко».

Но Лукашенко сделал такой вариант почти невозможным: всех, кто умел держать удар, а потому мог стать для него гарантом, он давно постарался уничтожить политически.

Так что же? Остаться «на плаву» в политике лидером специально созданной партии или «устроиться на работу» в качестве премьер-министра или спикера? С этим никак невозможно смириться: или ты Цезарь, или ничто[509].

Да и написанная под него Конституция гарантировать что-либо может только президенту.

Все было бы проще, если бы Лукашенко ощущал себя поверженным. Тогда ничего не поделаешь: как говорится, горе побежденным!

Но он-то считает себя победителем. И с этим, хочешь не хочешь, согласны многие жители республики — из самых различных слоев общества. «Следом за ним, как завороженные, люди повторяют: стабильность, стабильность. Конечно, наиболее активных это раздражает, но не настолько, чтобы что-то сокрушать», — говорит Евгений Будинас.

Вовсе не рвется на баррикады даже молодежь, в том числе и

обычно революционное студенчество. В снятом к десятилетию лукашенковского правления «документальном» сериале показана, например, молодая семья, взахлеб благодарящая Лукашенко за предоставленную им возможность построить квартиру на полученный в банке льготный кредит. Экономисты понимают, что это реклама, деньги на такое для всех вовсе нами не заработаны, а лишь силой «перераспределены» — популизма ради, но молодой семье, получившей крышу над головой, эти ученые рассуждения не интересны. Люди живут в собственной квартире, растят ребенка и благодарят «своего» президента. Остальные смотрят и верят в чудо. И думают, что в стране жить хорошо — а то, что им плохо, так это просто не повезло.

Говорит Геннадий Грушевой:

«Электорат голосует не за политическую систему, которую создал Лукашенко, не за экономическую модель, он голосует за его социальную политику. Если мы скажем, что надо сегодня всю эту социальную лукашенковскую политику сломать (доказав, что это примитивный подкуп народа), мы не найдем поддержки, мы в ответ никогда ничего от электората не получим, кроме презрения».

Но если Лукашенко не чувствует себя проигравшим, то что же мы так забеспокоились о его уходе? Если ему удалось выстроить здание, о котором мечтали «простые люди»?

«Эпоха Лукашенко — это время великого ничегонеделания, — считает Эдуард Эйдин. — Эпоха выжидания и проедания основных средств, оставленных нам предками. В историческом времяисчислении — миг. В жизни конкретного человека — потерянные годы. Пусть даже обеспеченные прожиточным минимумом».

Фактически о том говорит Петр Кравченко:

«Назовите мне хотя бы один новый завод, который он построил, назовите хотя бы один новый вид продукции, который не выпускался до 1994 года! Просто запас прочности, созданный советской системой, таков, что Лукашенко живет на старом запасе».

«Есть такой показатель экономики — инвестиции, — рассуждает главный редактор "Белорусской деловой газеты" Петр Марцев. — Здесь и само наше руководство признает, что инвестиции, которые пришли в белорусскую экономику, крайне незначительны. Их следует считать скорее вернувшимися деньгами — местными деньгами, которые вернулись как иностранные. По этому показателю наша экономика, конечно же, имеет предел экономического роста».

А вот мнение Евгения Будинаса:

«Хотя Лукашенко и руководил вопреки экономическим, рыночным законам, получалось у него лучше, чем вокруг. Потому что вокруг тоже жили не по экономическим, а по волчьим законам.

Но вся беда, что этому "благополучию" есть объективный предел. Этого предела в советские времена удалось достичь Эстонии или Чехословакии, даже Беларусь к нему приближалась. Но это был предел. Стараниями Лукашенко мы снова к нему подошли. Но законы экономики объективны и неумолимы: выше нам не прыгнуть. Все. Эпоха Лукашенко, этого последнего антирыночника, подходит к концу. Во всяком случае, для Беларуси…».

Значит, нужно все-таки уходить? Но — куда?

Ответ на этот вопрос напрашивается как бы сам собой[510].

Устаревший проект?

Приход Путина, казалось, означал конец продвижения Лукашенко в Россию, но на самом деле он лишь приостановил процесс. В конце концов, Путин сам все время заявляет, что не намерен изменять Конституцию Российской Федерации, чтобы получить возможность баллотироваться в третий раз. Значит, скоро снова появится шанс…

«Всем очевидно, насколько целенаправленно Лукашенко заходит в политическое пространство России и как настойчиво он удерживается в нем. Это и постоянные визиты российских журналистов — из регионов, заметьте; это и бесконечные клубы его поклонников, которые, я подозреваю, создаются не без "помощи" из Беларуси в Пскове, Вологде — опять-таки в регионах. Это и белорусское телевидение, которое через спутник начало вещание на регионы России. Цель этого недвусмысленно пояснил Бородин: демонстрация той модели, которая для России могла бы быть приемлемой. То есть Лукашенко устойчиво находится там. Это нелепость — говорить, что он только хочет или что этого россиянам надо бояться. Он там!»[511].

Лукашенко добился того, что белорусский вариант управленческой модели продемонстрировал — с помощью российского же телевидения — многим россиянам свою успешность и эффективность.

А вот у Путина так не получилось. Конечно же, и потому, что у Лукашенко есть щедрая Россия, финансирующая социальные программы своего «дорогого союзника». Но жителям Бугульмы, Кинешмы и Урюпинска этого никто не объясняет. Как, впрочем, и жителям Казани и Рязани, Вологды и Владивостока, Архангельска

и Астрахани.

Понятно, что правление Лукашенко во многом зависит от того, что будет происходить в России и Украине. Если в России победят тенденции национал-авторитарные, она будет и дальше способствовать сохранению Лукашенко у власти в Беларуси. Если победит тенденция к демократии — его помогут скинуть. Скорее всего, это и не слишком сложно. Год-два массированной работы российских СМИ вкупе с экономическими санкциями — и привет! Но возможно такое, скорее всего, только тогда, когда жизнь в России будет намного лучше, чем в Беларуси, и те, кто это увидит своими глазами, скажет, что да, по телеку правду говорят, а мы, мол, живем, как в ж…: хоть и тепло, но не очень уютно и света мало[512].

Тем не менее Лукашенко все чаще позиционирует себя и свой политический курс как сознательную альтернативу курсу Путина:

«Но хочу вам еще задать старый риторический вопрос. Все там говорят: вот, не дай Бог, тут Лукашенко еще появится на российской политической сцене. На что я всегда говорю: волков бояться — в лес не ходить. Боитесь — ну тогда не надо предлагать никаких вариантов, тем более выборы единого президента. Или вы что, уверены, что российский гражданин победит на выборах главы государства нашего Союза, если мы пойдем по пути, предложенному Владимиром Владимировичем Путиным? Я бы не рекомендовал вам так уж очень торопиться. Люди сегодня разберутся, кто будет, если мы этим путем пойдем»[513].

Тут невольно возникает вопрос: а каковы у него шансы в России и есть ли они вообще? Вопрос перестает быть риторическим, когда прикидываешь, что же у него для такой победы есть? Деньги есть, четыре или пять спецслужб в подчинении, прекрасно поставленная разведка в России — с надежными информаторами, и в придачу — огромное количество доброжелателей не только в регионах, но и во всех структурах управления сверху донизу.

«Чего у него нет для того, чтобы приступить к "завоеванию" России? Ну, чтобы "водички попить пустили" — а там, мол, разберемся… Такой зацепочки, например, как двойное гражданство. Или чтобы Путин, заявивший, что в *этом* государстве он на третий срок не пойдет, решился вдруг на объединение с Беларусью — чтобы возглавить *другое* государство… Да мало ли что… Ученые знают, когда задача поставлена, это уже половина дела»[514].

Из Минска иногда кажется, что тем, кто готов на своих

плечах внести Лукашенко в Кремль, нужен только повод и сигнал, что к этому уже готовятся:

«В центре Калининграда состоялся 2-тысячный митинг против замены льгот компенсациями. У монумента "Родина-мать" собрались представители почти всех партий и движений — КПРФ, ВКПБ, НБП, "Яблоко", "Родина" и РНЕ. Пенсионеры держат транспаранты с лозунгами: "Путин, не «мочите» защитников Отечества!", "Путин, Россия тебе — не Чечня! Зачистка наших карманов даром тебе не пройдет", "Правление Путина — правление национальной измены", "Чиновники — уроды, народу — льготы!". В конце митинга и. о. первого секретаря областной организации КПРФ Игорь Ревин призвал собравшихся выступить с инициативой отставки Владимира Путина. Новым президентом России калининградские коммунисты предложили выбрать Александра Лукашенко»[515].

Разумеется, такие публикации не могут не укреплять Лукашенко в его «кремлевских мечтаниях». Бывший секретарь обкома партии, бывший министр сельского хозяйства, известный политик Василий Леонов считает:

«Лукашенко никогда не откажется от идеи "похода на Кремль", он лишь отложил ее реализацию на некоторое время. Он достаточно силен, без меры честолюбив и при первой же возможности попытается настоять на своем. *Главное для него: "пересидеть" в президентском кресле Путина* (выделено мной. — *А. Ф.*).».

Ему вторит известный кинорежиссер и общественный деятель Юрий Хащеватский:

«Конечно, мечта о России у Лукашенко осталась. *Поэтому ему и нужен третий срок* (выделено мной. — *А. Ф.*) — чтобы дотянуть до 2008. Он о 2010, о белорусских выборах, не думает. Он думает о 2008, о выборах российских. Потому что после Путина он опять намерен вступить в драку за российский престол. Он вынужден сейчас заниматься Беларусью, только чтобы продержаться, выиграть время».

«Ночь простоять да день продержаться…»

Итак, нет сомнений: для Лукашенко идея «атаки на Кремль» лишь отложена во времени. Но нужно укреплять позиции у себя, в собственной стране, чтобы не пришлось потом воевать на два фронта. Именно ради этого проводятся многочисленные «зачистки» политического поля, дожимаются независимые газеты, устраняются со сцены те, кто еще может как-то выдвинуться…

Все это было и раньше. Но есть и новое, совсем, казалось бы,

неожиданное. Это идея «собственного пути» для Беларуси, не похожего ни на российский, ни на западный.

«Благодаря нашей инициативе мы все-таки вышли на заключение Союза с Российской Федерацией, хотя Россия, видимо, другое в этом видела… Да, у нас модернизированная, восстановленная, возвращенная к жизни экономика. Наши предприятия сегодня работают. Худо-бедно они обеспечивают мало-мальски нормальное существование нашему обществу. Что ж, обнаружили наиболее лакомые куски. Там (в России. — *А. Ф.*) уже все поделено, возникли мощные олигархические кланы, которые бросили взгляд на Беларусь. А место-то выгодное — в центре Европы! Как ни крути, ни верти, лети или по земле передвигайся, все равно через Беларусь. И предприятия неплохие. Надо приватизировать! Надо взять!

Вот этот комплекс причин, которые обусловили давление на нашу страну и, прежде всего, на ее президента. Я еще раз хочу сказать, мы к этому привыкли. Какие бы мы ни были, меньше во столько-то раз своей братской России, мы все равно не смиримся с тем, чтобы нас в спину толкали то ли с Запада, то ли с Востока и заставляли нас делать то, что невыгодно нашей стране и нашему народу. Это позиция твердая, неизменная»[516].

Эта «твердость и неизменность» — но уже в противостоянии и с Западом, и с Россией — привели к неожиданному эффекту. У Лукашенко появился новый союзник — в лице… оппозиции. Не всей, разумеется, но все чаще в его пользу раздаются голоса из оппозиционного лагеря.

«С 1996 года, с момента подписания договора о создании Сообщества России и Беларуси мы боролись за независимость государства, — говорит заместитель председателя сойма БНФ, многолетний организатор и участник оппозиционных митингов Виктор Ивашкевич. — И все манифестации шли под лозунгами: "Жыве Беларусь! Жыве незалежная Беларусь! Луку на муку! Долой!" Не потому "долой", что он диктатор и нарушает демократические нормы, а потому что он продает нашу родину России.

Но чем чаще мы кричали "враг у ворот, государство ликвидируют, поднимайся, народ", и чем чаще это не оканчивалось никаким действием, тем больше люди приходили к осознанию, что нет такой страшной проблемы, будет существовать белорусское государство. И нет смысла идти на баррикады, потому что даже наверху никто не хочет его ликвидации, как вдруг оказалось.

Бились за независимость. Когда независимость утвердилась, надо биться за демократию в независимом государстве. А вот на

этот уровень людям еще надо выйти. Что за "демократия"? А чем вам не нравится Лукашенко? А какие должны быть экономические реформы? И если раньше люди говорили: долой Лукашенко, потому что он продает нашу Беларусь и пошлет наших детей воевать на Кавказ, — то сейчас, в 2004 году во время сбора подписей к парламентским выборам, я встретил многих, которые говорят: "Спасибо Лукашенко. Только благодаря ему наши дети не воюют на Кавказе, потому что он твердо отстаивает нашу независимость от этой Москвы"».

Лукашенко получил возможность отдохнуть от массовых протестов именно в тот момент, когда он отказался от пророссийской риторики. Ему осталось сделать на этом пути еще шаг и стать «белорусским националистом». Во всяком случае, так видит ситуацию Леонид Синицын:

«В публичных выступлениях Лукашенко, в пропагандистских материалах государственных СМИ все отчетливее прорисовывается "возведение интересов единства и самоопределения нации" в ранг высшей ценности, заставляющей какие бы то ни было иные соображения раз и навсегда умолкнуть. Явно раскручивается тема "белорусского национализма", которая в качестве политического ресурса в Беларуси еще никогда никакой властью не использовалась. Более того, она постоянно подавлялась любой властью.

Нельзя не понимать, что это очень мощный внутренний политический ресурс. Энергия национализма, закрученная сверху, разрушит любую экспортную революцию. Любые социальные движения потеряют практический шанс на успех, если не пойдут с ним рука об руку или откажутся от сотрудничества с ним.

Под "белорусским национализмом", который осуществляется, кстати, и на русском языке[517], нужно понимать нечто идеологически очень весомое и опасное. А именно: убежденность в том, что образ жизни большинства и каждого гражданина здесь отличается от жизни народов других стран постсоветского периода и не может быть никем другим понят, кроме тех, кто живет в Беларуси. Что поставленых нами целей следует достигать даже не потому, что они — правильные, а потому, что они — *наши*!».

Вот оно, самое то! И уже кадровые изменения последнее время в правительстве Беларуси осуществляются Лукашенко по принципу: сможет тот или иной высокопоставленный чиновник выдержать давление со стороны российских «коллег» или нет. Назначались те, в чьей стойкости Лукашенко не сомневался[518].

В интервью «Белорусской деловой газете» от 19 ноября 2003 года российский политолог Сергей Караганов подмечает:

«Мы видим, что все больше людей в ближайшем окружении Лукашенко либо меняют свои взгляды и начинают придерживаться антироссийских направлений, либо появляются люди, которые открыто выражают антироссийские взгляды. Раньше такие взгляды сваливались на оппозицию, а теперь мы видим, что в гораздо большей степени их выражает официальное руководство.

Объяснение такого крутого поворота просто: с путинской Россией Лукашенко решительно не по пути. И вовсе не случайно его риторика все чаще находит понимание в среде белорусских националистов, где все настойчивее звучит новый мотив: "Россия, поддерживающая диктатора Лукашенко, — это плохо. А вот Лукашенко, за счет этой поддержки содержащий страну и при этом противостоящий России, — это хорошо"».

В неофициальной белорусской прессе даже начали проскальзывать высказывания о том, что, дескать, в борьбе за сохранение белорусской государственности следовало бы сплотиться вокруг своего президента, каким бы антидемократичным он ни был. Отстоим, мол, государственность, укрепим ее, а за демократию поборемся потом. И плевать, что это «укрепление государственности» вовсе не приносит Беларуси авторитета в мире. Тем более, что это суверенитет вовсе не государства, а одного человека.

Белорусский национализм — это для Лукашенко если не реальное спасение, то хотя бы попытка продлить свои дни у власти. Особенно если он не будет нужен Москве в его нынешнем качестве. Тогда Москва перестанет его дотировать, жить будет не на что — и ему останется только ухватиться за националистическую идеологию. Спасет ли это в XXI веке — другой вопрос…

И пока, пролетев с идеей немедленного слияния с Россией с собой в качестве президента Союза, Лукашенко строит государство, отгороженное чуть ли не от всего мира. Что-то вроде Северной Кореи или Кубы. Лозунги, выдвигаемые им — например, о необходимости опираться исключительно на собственные силы, без учета общемировых тенденций — также вполне сродни идеям чучхе. И все это лишь для того, чтобы спокойно просуществовать в этом уютном белорусском анклаве — до тех пор, пока Путин не уйдет и у Лукашенко не появится возможность вновь осуществить свой план drang nach Osten[519].

Ганьба[520]

Сомнений в том, что Лукашенко попытается еще раз изменить Конституцию, чтобы получить возможность «переждать» Путина и уцелеть политически, не было ни у кого. Да и сам Лукашенко не скрывал своих намерений:

«Мне многие намекают и со стороны: ну вот надо устроить такую "комбинацию", чтоб отсчет президентства начался с какого-то там этапа — или объединения с Россией, или еще чего и так далее. Я попрошу всех, кто так думает, выбросить это из головы. Если я и пойду на выборы в 2006 году, то честно и откровенно, это я говорю в третий раз, вынесу вопрос на референдум. Поставлю перед людьми вопрос прямо — разрешите или не разрешите? Я сделаю это честно и прозрачно. Я не буду устраивать "комбинации" ради того, чтобы удержаться во власти. Я не хочу перечеркнуть те десять лет, которые я старался работать честно и искренне. Если это будут последние мои годы, я точно так же честно и искренне буду работать. Если мне еще народ позволит руководить страной — это тоже будет абсолютно честно и абсолютно искренне»[521].

При этом Лукашенко говорил, как часто с ним это бывало, полуправду. На самом деле он уже давно вознамерился выйти на референдум и лишь ждал удобного случая. Ему нужно было как-то нейтрализовать Путина или поймать момент, чтобы тот отвлекся, чтобы ему было не до референдума, не до Беларуси, не до Лукашенко. 2

И снова ему «повезло»[522].

Первого сентября 2004 года дети в России и Беларуси пошли в школу. Так было всегда. Родители вели первоклассников, торжественных, нарядных, радостных.

Никто ведь не знал, что целая школа — 1400 человек! — вместе с учителями, школьниками и родителями — в осетинском городке Беслане окажется взятой в заложники чеченскими бандитами. И весь мир заговорит об этом, забыв обо всем.

Тогда я работал в отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове. В гостиничном номере шли передачи канала CNN, и я мог наблюдать происходящее в прямом эфире — когда телевизионные камеры уже появились в Беслане. Я плакал у экрана телевизора, представив, что могут чувствовать эти дети и эти взрослые… Пять лет я отработал учителем в Гродно, в точно такой же школе, и знал, что такое Первое сентября…

Когда школа в Беслане уже была освобождена и от террористов, и от заложников, в России объявили траур. И не только в России. В Польше и Франции, в Англии и Германии уроки начались с минуты молчания. Учителя рассказывали детям

всего мира о том несчастье, которое случилось с их сверстниками. Горе было всеобщим.

В Минске тоже собирали людей, в основном молодежь, и свозили их автобусами на главную площадь страны — Октябрьскую, в трех минутах ходьбы от резиденции президента. Многие думали, что идут на траурный митинг.

Предполагалось, что на большом рекламном экране над площадью будет транслироваться обращение главы государства к гражданам Беларуси. Кроме привезенных, народу набралось немного: минчане вообще неохотно реагируют на мероприятия, исходящие от власти, если, конечно, это не праздничное гуляние или торговая ярмарка.

На экране появилось усталое, бледное (грим не скрывал этого) лицо Александра Лукашенко. Он заговорил:

«Уважаемые соотечественники!»

Все затихли…

«В соответствии с действующей Конституцией нашего государства я подписал Указ о проведении всенародного референдума.

Он состоится 17 октября этого года. Почему в этот день?

Как вы знаете, 17 октября пройдут выборы в белорусский парламент. Это крупная и ответственная, политически значимая кампания. Выборы как мобилизуют, сплачивают общество, так и отвлекают его от насущных проблем. Чтобы избежать такого отвлечения, не отрывать вас от выполнения задач, стоящих перед вами и вашими семьями, решено совместить выборы и референдум. Более того, мы сможем избежать дополнительных затрат, объединив эти политические мероприятия.

Вопрос на референдум выносится один, и звучит он так:

"Разрешаете ли вы первому Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко участвовать в качестве кандидата в Президенты Республики Беларусь в выборах Президента и принимаете ли часть первую статьи 81 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции:

Президент избирается на пять лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании?"»

Площадь замерла.

Только что сказанное совсем не походило на соболезнование российскому народу по случаю бесланской трагедии.

Все поневоле стали как бы соучастниками неприличной сцены: человек выждал удобный момент[523] — и совершил поступок, за который в подобной ситуации приходится краснеть и

долго оправдываться. Ведь, как скажет позже политолог Сергей Караганов, «Лукашенко фактически использовал беспомощность России после Беслана и вообще беспомощность российской бюрократии и проскочил со своим референдумом»[524].

Но, в конце концов, собирались-то не для того! — ведь вроде хотели выразить соболезнование россиянам. Ага, вот, наконец, и об этом:

«Господь хранит нас — за эти десять лет ни один белорус не стал жертвой террористического акта, вооруженного конфликта. Мы уберегли свою страну от участия в международных авантюрах, которые хоть в малейшей степени ставили бы под угрозу вашу жизнь и безопасность.

Это величайшее наше достояние.

И на референдуме вы будете голосовать за безопасность страны, за жизнь и здоровье своих детей и внуков».

Вот так вы будете голосовать, а вовсе не за какой-то там третий срок. Другое дело, что голосуя «против» третьего срока, вы тем самым вступаетесь… за терроризм.

…Люди на площади молчали, потрясенные услышанным. В этой тишине раздался пронзительный юношеский голос:

— Ганьба!

Крик взлетел с разогретого за день асфальта в вечерний сентябрьский сумрак.

Это был крик боли и отчаяния. Так кричит только человек, сознающий собственное бессилие.

И я вдруг вспомнил, как здесь же, на станции метро «Октябрьская», утром после второго тура первых президентских выборов в 1994 году бегал обезумевший от счастья Володя Лапцевич и кричал: «Спасибо вам, люди! Вы выбрали — Человека!».

Ничего нельзя изменить. Машина для фальсификации «народной воли» создана и неумолимо срабатывает. России, как всегда, не до нас. Или пока не до нас. Запад ничего не понимает, а потому совершает ошибку за ошибкой… Политики «кинули» молодежь… Никому ничего не докажешь и не объяснишь…

Лукашенко на огромном экране — он победитель.

Причем тут этот отчаявшийся пацан?

Что этот его крик? Этот одинокий голос меньшинства, у которого отнимают надежду на возможность жить по-человечески — если не сейчас, то хотя бы завтра…

И от того, что из нескольких тысяч людей, привезенных на площадь, — и из двух миллионов жителей белорусской столицы, знающих о том, что здесь происходит, — лишь один — совсем

еще мальчишка — воспринял это как трагедию и криком отчаяния возразил, стало страшно и тоскливо.

А «люди в штатском» уже бросились к пареньку и поволокли его в «воронок»…

Свидетели и соучастники

Синицын Леонид по праву открывает наш список героев — собеседников и «соучастников». Депутат Верховного Совета БССР 12-го созыва, бывший строитель, ставший в разгар перестройки политиком. С парламентской трибуны старался не выступать, сосредоточившись на кулуарной работе. Незаметно для прессы он стал руководителем первого предвыборного штаба Александра Лукашенко — своего рода белорусским Франкенштейном — нет, не чудовищем, как некоторые полагают, а профессором, чудовище создавшим. После победы — первый глава Администрации. В 1996 году ушел в отставку с поста вице-премьера в знак несогласия с политикой своего «создания».

Абрамова Ольга, кандидат философских наук, активистка Движения демократических реформ. Создала в 1997 году и возглавила белорусское общественное объединение «Яблоко». Депутат Палаты Представителей 2-го и 3-го созывов. В 1996 году, будучи депутатом Верховного Совета 13-го созыва, выступала против референдума, расширявшего полномочия президента. В 2004 году избиралась в парламент с репутацией «любимого оппозиционера» Александра Лукашенко.

Адамович Славомир, поэт. Для его творчества характерен преднамеренный эпатаж. За стихотворение «Убей президента» был осужден. По отбытии срока заключения принимал участие в оппозиционных акциях; в частности, во время Марша закрытых ртов, посвященного свободе слова в Беларуси, публично зашил себе рот нитками. Позднее эмигрировал в Норвегию, где получил статус политического беженца.

Азаренок Юрий, режиссер, специализирующийся на гнусных пасквилях, «обличающих» белорусскую оппозицию. При Викторе Шеймане был назначен пресс-секретарем Республиканской Прокуратуры.

Антонович Иван, доктор философских наук, заведующий отделом культуры ЦК КПБ. Затем представлял Беларусь в ЮНЕСКО. Был членом Политбюро ЦК Компартии РСФСР времен Ивана Полозкова. После распада СССР вернулся на родину При Кебиче возглавлял правительственный аналитический институт. При Лукашенко — заместитель министра, а позже министр иностранных дел Беларуси. Даже знание четырех языков не помогло ему предотвратить международную изоляцию Беларуси. Заслуженный деятель науки Беларуси, профессор. После отставки — в Москве, читает лекции по истории и теории прав человека.

Антончик Сергей, рабочий одного из минских заводов, в 1991 году — член республиканского стачкома, депутат Верховного Совета 12-го созыва. Член парламентской оппозиции БНФ. В 1995 году, через год, после Лукашенко, попытался повторить его успех, выступив с собственным «разоблачительным» антикоррупционным докладом. Но особого резонанса в обществе не добился.

Беленький Юрий, депутат Верховного Совета 12-го созыва, один из лидеров Консервативно-христианской партии Зенона Позняка.

Богданкевич Станислав, доктор экономических наук, бывший заведующий кафедрой Белорусского института народного хозяйства, первый председатель Правления Национального банка суверенной Республики Беларусь. Несмотря на заметный дефект речи, Богданкевич стал блестящим университетским лектором и уверенно владеющим аудиторией публичным политиком. После отставки некоторое время возглавлял Объединенную гражданскую партию, почетным председателем которой остается до сих пор.

Богуцкий Олег, историк и политолог. В 1998-2000 годах управделами партии Белорусская социал-демократическая Громада. В 1999 году во время проведения альтернативных выборов работал в штабе Виктора Гончара. В 1999-2000 годах представлял БСДГ в Консультативном совете оппозиционных политических партий и Координационной раде демократических сил. С 2004 года генеральный секретарь Белорусской социал-демократической партии (Народная Грамада).

Божелко Олег, заведующий сектором Могилевского обкома КПБ, прокурор Шкловского района, позже прокурор Могилевской области. С подачи управляющего делами президента Ивана Титенкова был в 1997 году назначен Генеральным прокурором Республики Беларусь. Снят с должности в ноябре 2000 года, когда вместе с председателем КГБ Владимиром Мацкевичем потребовал отставки госсекретаря Виктора Шеймана, по их утверждению мешавшего следствию об исчезновениях известных белорусских политиков.

Бородин Аркадий, бизнесмен, заместитель председателя правления «Белагропромбанка», один из «спонсоров» предвыборной кампании Лукашенко в 1994 году. С 1996 года — в вынужденной «эмиграции» в России.

Бролишс Язеп, следователь Прокуратуры Республики Беларусь по особо важным делам. Получил широкую известность, доказав, что массовые захоронения в урочище Куропаты действительно относятся ко временам сталинских репрессий, а не Великой

Отечественной войны.

Будинас Евгений, человек с экзотической для Беларуси фамилией и не менее экзотическим жизненным путем, еще в советские времена считался одним из лучших писателей-публицистов в Беларуси. Дружил с первым секретарем ЦК КПБ Ефремом Соколовым и лидером БНФ Зеноном Позняком одновременно. После обретения республикой суверенитета ушел в бизнес, стал книгоиздателем и создателем уникального частного музея материальной культуры «Дудутки». При Лукашенко оставил бизнес и написал роман «Дураки», ставший политическим бестселлером и (по оценке прессы) одной из самых точных и честных книг о новейшей истории Беларуси.

Булахов Дмитрий, прокурорский работник, депутат Верховного Совета 12-го созыва, в котором возглавлял Комиссию по законодательству. Руководитель инициативной группы по выдвижению в президенты Александра Лукашенко в 1994 году. Некоторое время возглавлял мертворожденную Партию всебелорусского единства и согласия, находился в оппозиции. Затем вернулся к Лукашенко — был назначен первым заместителем председателя Исполкома СНГ по белорусской квоте.

Василевич Григорий, доктор юридических наук, член Конституционного суда 1-го состава. Один из ведущих разработчиков текстов обеих редакций белорусской Конституции. Получил известность среди журналистов как единственный член Конституционного суда, регулярно шедший вразрез с мнением большинства своих коллег в вопросе о нарушении президентом Конституции. Председатель Конституционного суда 2-го состава.

Вечерко Валентин (Винцук), филолог, сын помощника Петра Машерова, стал сознательным сторонником белорусской национальной идеи еще в школе. С университетских лет был активистом неформальных молодежных организаций. До 1999 года — в тени Зенона Позняка, заместитель председателя сойма БНФ. С 1999 года, после раскола партии, — руководитель Партии БНФ. Владеет 13 языками.

Вик Ханс-Георг, германский дипломат и политик, успевший на своем длинном жизненном пути поработать послом ФРГ в СССР и в Индии, руководить германской разведкой. В 1998 году назначен руководителем Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ в Минске, после чего стал излюбленной мишенью для критики как со стороны государственных средств массовой информации, так и радикальных белорусских оппозиционеров. После президентских выборов 2001 году Вику не продлили дипломатическую аккредитацию и не выдали визу. С тех пор живет в Германии и считается одним из наиболее компетентных европейских

экспертов по белорусским проблемам.

Винникова Тамара, финансовый и политический деятель, «дикая орхидея» белорусской политической и экономической элиты. Красивая, сильная женщина (львицы всегда сильнее львов, даже в политике). Возглавляла крупнейший коммерческий банк страны — «Беларусбанк». Затем стала неформальным советником Александра Лукашенко. В 1995-1997 годах — председатель Правления Национального Банка Беларуси. Ее близость к главе государства стоила ей свободы, однако она сумела оказаться с семьей в Лондоне. Общаться с нею пришлось по электронной почте. В ответах на вопросы г-жа Винникова традиционно уклончива. Однако это ее выстраданное право.

Гайдукевич Сергей, подполковник-ракетчик, лидер Народного Движения Беларуси, затем, после его самораспада, возглавил Либерально-демократическую партию, заслужив прозвище «белорусского Жириновского». Во времена Саддама Хусейна считался лучшим другом иракского народа (из числа белорусов). В 2001 году баллотировался в президенты — как спарринг-партнер Александра Лукашенко — и занял почетное третье место из трех кандидатов. В 2004 году получил мандат депутата Палаты Представителей.

Гаркун Владимир, бывший председатель колхоза, первый секретарь райкома партии, затем председатель комиссии по аграрным вопросам Верховного Совета 12-го созыва. Вице-премьер в 1994-1999 годах. Посол Беларуси в Литве.

Герменчук Игорь, журналист. Редактор первой оппозиционной белорусской газеты «Свабода», затем независимого общественно-политического журнала «Курьер». Член БНФ, депутат Верховного Совета 12-го созыва. Мужественный, честный и сильный человек, даже внешне похожий на Дон-Кихота. Умер в 2001 году от рака.

Голубев Валентин — кандидат исторических наук, на волне перестройки избранный в Верховный Совет. Был одним из лучших ораторов парламента, заместителем Позняка по фракции БНФ. После того, как не попал в новый состав Верховного Совета, вернулся в науку. Наука от этого выиграла, парламент проиграл.

Гончар Виктор, кандидат юридических наук. Один из самых ярких белорусских политиков «новой волны». Депутат Верховного Совета 12-го и 13-го созыва. Вице-премьер, затем генеральный секретарь Экономического суда СНГ, председатель Центризбиркома Республики Беларусь. Исчез в 1999 году при невыясненных обстоятельствах.

Гончар Зинаида, жена и соратник Виктора Гончара.

Гриб Мечислав, генерал-лейтенант милиции, заслуженный юрист Беларуси. Начальник Витебского областного УВД, затем

председатель парламентской комиссии по обороне и безопасности. В качестве Председателя Верховного Совета подписал первую Конституцию суверенной Беларуси. Гриб увидел в этом волю судьбы, в меру хорошо освоил белорусский язык и стал последовательно защищать демократию и суверенитет — уже после того, как лишился власти, а затем ушел в оппозицию.

Грушевой Геннадий, доктор философских наук, профессор, депутат Верховного Совета Беларуси 12-го созыва. Создатель и руководитель фонда «Детям Чернобыля», благодаря которому за границей получили помощь более пятисот тысяч белорусских детей, преимущественно с территорий, загрязненных после аварии на Чернобыльской АЭС.

Гуляев Анатолий, журналист, заведующий сектором Могилевского обкома Компартии, затем — собкор газеты ЦК КПСС «Сельская жизнь» по западному региону. Хотя в 1989-1992 годах много помогал Лукашенко, но в «команду» не вошел и писал о нем — и до его победы на выборах, и после — прямо и честно.

Данейко Павел, экономист и политик. Был помощником народного депутата СССР. Депутат Верховного Совета 13-го созыва, один из лидеров Объединенной Гражданской партии. После президентских выборов 2001 года сосредоточился на работе в Институте приватизации и менеджмента, одним из руководителей которого является по сей день.

Данилов Геннадий, партийный и советский чиновник, государственный секретарь в правительстве Кебича. Почему-то был крайне непопулярен в демократических кругах. Искренне не любила его и пресса. Сейчас, на фоне, скажем, сменившего его Виктора Шеймана, Данилов кажется просто гарантом свободомыслия.

Дейко Леонид, тихий депутат Верховного Совета 12-го созыва, примыкавший к оппозиции, порядочный и безобидный человек, не нашедший себе места по окончании депутатского мандата. Сейчас работает пресс-секретарем одной из трех белорусских социал-демократических партий.

Дементей Николай, бывший секретарь ЦК КПБ, председатель Верховного Совета 12-го созыва. Тихо поддерживал московский путч в августе 1991 года, а после его поражения добровольно ушел в отставку, освободив кресло Станиславу Шушкевичу. Вероятно, помня, как «в трудный момент» этот «соратник» сдал президента Горбачева, президент Лукашенко в 1997 году сделает его сенатором — членом Совета Республики.

Долгалев Василий, депутат Верховного Совета 12-го созыва, заместитель председателя Контрольной палаты. После прихода

Лукашенко назначен заместителем главы Администрации — начальником Службы контроля Президента. Вместе с Синицыным ушел из Администрации в правительство на должность вице-премьера, вместе с Синицыным в июле 1996 года подает заявление об отставке. Но отставка не принята, и Долгалев поработал и первым вице-премьером, и председателем Брестского облисполкома, и дважды полпредом президента Беларуси в Москве. В общем, «ценный кадр».

Домаш Семен, заведующий отделом Гродненского горкома КПБ, председатель Лидского и Гродненского горисполкомов, председатель Гродненского облисполкома. Был членом президиума Верховного Совета 13-го созыва, остался верен Конституции 1994 года. В 2001 году был зарегистрирован кандидатом в президенты Республики Беларусь, однако, под давлением «демократической общественности» добровольно снял свою кандидатуру в пользу единого кандидата Владимира Гончарика, что стоило самому Домашу инфаркта. После 2001 года ушел из политики.

Домашкевич Николай, бывший первый секретарь Сенненского райкома партии, депутат Верховного Совета 12-го созыва. С 1996 по 2000 год — председатель Комитета государственного контроля Беларуси. Ходили слухи, что в этой должности он работал так рьяно, что однажды попросил Лукашенко назначить его премьер-министром: мол, иначе убьют за преданность. Правда, премьером его так и не назначили, зато назначили председателем Минского облисполкома. В этой должности наелся критики за приписки.

Дубко Александр — председатель колхоза, Герой социалистического труда. В 1994 году выдвигался кандидатом в президенты Беларуси от Аграрной партии. После введения «президентской вертикали» возглавил Гродненскую область. Во время «конституционного кризиса» 1996 года предал своего «друга» и товарища по Аграрной партии Семена Шарецкого.

Ерин Леонид, кадровый сотрудник КГБ. Работал на различных должностях в КГБ БССР, затем руководил управлением по транспорту УКГБ по Московской области. В 1992 году вернулся в Беларусь. В 1996 году — первый заместитель председателя КГБ Беларуси, затем начальник Службы безопасности президента Беларуси. С ноября 2000 по ноябрь 2004 — председатель КГБ Беларуси. Незадолго до своей отставки демонстративно вышел к митингующим оппозиционером для разговора, заявив: «Рано или поздно вы все узнаете» — имея в виду исчезновения политиков.

Ермошин Владимир, в 1994-1999 годах председатель Минского горисполкома, затем в течение года премьер-министр, назначенный на этот пост, как утверждают знающие люди, против

собственного желания. Продемонстрировал удивительное для чиновника такого ранга сочетание карьерных качеств деловитости и порядочности. После отставки некоторое время руководил белорусским филиалом МТС, а затем уехал работать в Москву.

Ермошина Лидия, юрист, председатель Центризбиркома Республики Беларусь с ноября 1996 года, соавтор всех «элегантных побед» над электоратом, одержанных с тех пор Александром Лукашенко. Ее роль в борьбе с белорусской демократией была по достоинству оценена международным сообществом: глава белорусского ЦИКа официально объявлена «невъездной» на территорию Европейского Союза — наряду с лицами, подозреваемыми в причастности к физическим расправам с оппонентами режима.

Жолифф Анни, супруга первого посла Франции в Минске, Клода Жолиффа. Любила белорусскую и русскую культуру, пыталась перевести на французский язык «Евгения Онегина». Автор книги мемуаров «Белорусское приключение».

Журавкова Галина, директор швейной фабрики в г. Велиж Смоленской области. Вернулась на родину в Шкловский район, где ее заметил управделами президента Иван Титенков и назначил руководителем белорусского концерна народных промыслов. В 2001 году Журавкова заняла его кабинет, в котором развернулась по-настоящему, доказав, на что способна женщина, получившая власть и полномочия.

Завадский Дмитрий, бывший «личный» оператор президента, затем — оператор съемочной группы ОРТ, которой руководил Павел Шеремет. Вместе с Шереметом за «незаконное» пересечение государственной границы Завадский был осужден условно, после чего продолжал работать на ОРТ, снимая в Чечне. Исчез бесследно в 1999 году, незадолго до Виктора Гончара и Анатолия Красовского. Его именем названа премия ОРТ для тележурналистов.

Заико Леонид, кандидат экономических наук, руководитель аналитического центра «Стратегия», организатор традиционного Минского международного форума, на котором белорусские и немецкие политики, общественные деятели, эксперты регулярно обсуждают перспективы сотрудничества Беларуси с Европой.

Заметалин Владимир, военный политработник, при Кебиче — пресс-секретарь премьер-министра. После провала предвыборной кампании Кебича его «талант» востребован Лукашенко. Став «верховным идеологом» республики, обрел всю ненависть независимой прессы и творческой интеллигенции, прозвавших его «черным полковником». Он успел поработать заместителем

главы Администрации, председателем Госкомпечати, вице-премьером. Курировал связи с Ираком. Окончательно (ой ли?) отправлен на отдых в 2001 году.

Захаренко Юрий, председатель Следственного комитета, а затем министр внутренних дел, был обаятельным и общительным человеком, но слабо разбирался в политике. Будучи министром, он публично обвинил главу МИД Германии Клауса Кинкеля в том, что тот прибыл с визитом в Минск, чтобы «залить Беларусь кровью». После отставки перешел в оппозицию, пытался создать оппозиционный Союз офицеров. Трагическая судьба Захаренко, бесследно исчезнувшего в мае 1999 года, внесла его в список жертв борьбы за свободу Беларуси.

Ивашкевич Виктор, журналист, активист Свободного профсоюза, заместитель председателя сойма БНФ. Участник первых демократических молодежных организаций с середины 80-х годов. Активист движения Товарищество белорусской школы.

Калякин Сергей, бывший руководитель Советского райисполкома г. Минска, первый секретарь ЦК ПКБ. Лидер фракции коммунистов в Верховном Совете 13-го созыва. Сохранил верность Конституции, ушел в оппозицию после референдума 1996 года. В 2001 году выдвигался кандидатом в президенты, но, судя по всему, сам предпочел не регистрироваться.

Капитула Петр, доктор экономических наук, после победы стал руководителем Аналитического центра Администрации президента Беларуси и пытался добросовестно советовать Александру Лукашенко, как лучше проводить демократические реформы. Президент слушал его доброжелательно, как, вероятно, цари слушали юродивых. Один из немногих соратников Лукашенко, ушедший от него без последствий для здоровья и репутации.

Карпенко Геннадий, доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук Беларуси, директор крупного завода. Был избран депутатом Верховного Совета 12-го созыва, затем председателем Молодечненского горсовета. В Верховном Совете 13-го созыва — вице-спикер. После референдума 1996 года один из лидеров оппозиции, вероятный претендент на президентский пост, несостоявшийся объединитель демократических сил. Умер в 1999 году, по утверждению журналистов, при загадочных обстоятельствах.

Кебич Вячеслав, последний из руководителей советского правительства Беларуси, бывший директор крупного завода, бывший партийный функционер. Он стал главой первого

правительства после обретения Беларусью самостоятельности. Не положись он на свою «команду», прояви большую решительность — возможно, был бы вполне демократическим президентом.

Кез Валерий, кадровый контрразведчик, участник войны в Афганистане. Генерал-майор КГБ. Ушел в 1995 году в отставку с поста первого заместителя государственного секретаря Совета безопасности Республики Беларусь — заместителя того самого Виктора Шеймана, с которым установил тесные рабочие отношения еще до выборов. После отставки — в Москве.

Князев Станислав, полковник (затем генерал-майор, затем полковник и вновь — генерал-майор) КГБ. Был начальником белорусской контрразведки. Накануне президентских выборов 1994 года его произвели в генералы, но Лукашенко одним из первых указов понизил его в звании до полковника. Князев стерпел, тихо отсиделся на непыльных местах, после чего вновь был востребован: на постах заместителя госсекретаря Совета безопасности, первого заместителя главы Администрации и, наконец, ректора Академии управления при президенте.

Козин Леонид, доктор экономических наук, директор фабрики в г. Борисове, депутат и председатель комиссии по экономической реформе. В Верховном Совете 1-2-го созыва считался одним из представителей либерального крыла депутатского большинства. Лукашенко сделал его вице-премьером, своим полномочным представителем в интеграционных структурах в Москве, затем заместителем главы Администрации. Назначение Козика лидером ФПБ поначалу восприняли как ссылку, однако забыли, что ФПБ после управления делами президента является вторым владельцем недвижимости в стране.

Козловский Павел, министр обороны в правительстве Вячеслава Кебича, генерал-полковник. Попытка защитить свою честь от оскорблений, нанесенных ему депутатом Александром Лукашенко, стоила Козловскому звания: одним из первых своих указов новый главнокомандующий отнял у боевого командира, прошедшего через Афганистан, звание генерал-полковника, понизив до генерал-лейтенанта. В 2001 году пытался выдвигаться кандидатом в президенты, но безуспешно.

Коноплев Владимир, отставной милиционер, воспитатель в общежитии, помощник депутата Лукашенко, затем главный помощник президента Лукашенко. В 1995 году избран депутатом Верховного Совета 13-го созыва, где возглавил пропрезидентскую фракцию «Согласие». Во время кризиса 1996 года «Согласие» раскололо парламент и обеспечило Александру Лукашенко избавление от угрозы импичмента. Вице-спикер Палаты

Представителей I и II созывов. Спикер Палаты Представителей III созыва.

Кравченко Петр, кандидат исторических наук, в годы перестройки — секретарь Минского горкома КПБ по идеологии. Депутат Верховного Совета 12-го созыва; согласился сдать свой депутатский мандат в обмен на должность первого министра иностранных дел суверенной Беларуси. Один из членов предвыборного штаба Кебича. Депутат Верховного Совета 13-го созыва, в котором возглавлял Комиссию по международным делам, затем видный оппозиционный деятель, посол Республики Беларусь в Японии и вновь видный оппозиционный деятель.

Круговой Валерий, финансовый деятель и экономист, жертва «рациональных подходов к политике». Баллотировался в Верховный Совет 13-го созыва, получил депутатский мандат, подписал заявление об импичменте, отозвал подпись — в обмен на прекращение уголовного дела, после чего эмигрировал.

Кузьмич Николай, банкир, и. о. председателя правления Нацбанка после отставки Станислава Богданкевича, затем первый заместитель Винниковой.

Кучинский Виктор, секретарь комиссии по делам молодежи ВС 12-го созыва, армейский политработник. После победы Лукашенко на выборах станет помощником президента по особым поручениям, затем в течение четырех лет будет возглавлять Департамент по гуманитарной помощи. Получил известность, пообещав защищать Лукашенко даже с гранатометом в руках. Депутат Палаты Представителей трех созывов.

Латыпов Урал, полковник КГБ, профессор, доктор юридических наук, специалист по международному терроризму. Был заместителем директора Минской школы КГБ. После распада СССР числился в запасе. При Лукашенко последовательно служил помощником, начальником секретариата президента, министром иностранных дел — вице-премьером. На всех этих постах считался «либералом во власти». В 2000 году был назначен госсекретарем Совета безопасности, в 2001 — главой Администрации. В этом качестве несет всю полноту ответственности за борьбу белорусских властей с свободомыслием, белорусской культурой, гласностью и за подавление оппозиции. С декабря 2004 года в отставке.

Лебедько Анатолий, учитель из городка Ошмяны Гродненской области, был выдвинут в 1990 году кандидатом в депутаты райкомом комсомола, победив, с головой ушел в политику. В 1994 году активно поддерживал Лукашенко, однако так и не получил никакого «портфеля». В Верховном Совете 13-го созыва, завоевав повторно депутатский мандат, подтвердил свою

репутацию последовательного сторонника демократии. Сейчас председатель Объединенной гражданской партии Беларуси.

Леонов Василий — последний из крупных партийных работников Беларуси, все еще остающийся заметной фигурой в белорусской политике. После прихода к власти в 1994 году Лукашенко предложил Леонову, которого он называл своим «учителем» пост министра сельского хозяйства и продовольствия. А после референдума 1996 года — на министра и президентского «учителя» прямо в кабинете надели наручники и отправили его в тюрьму. В заключении Леонов вел себя достойно. Вышел, написал мемуары — книгу «Работа над ошибками». Книга горькая.

Линг Сергей, партийный и государственный деятель, прошедший в советское время путь от секретаря Смолевичского райкома партии до секретаря ЦК КПБ по аграрным вопросам. Вице-премьер в правительствах Вячеслава Кебича и Михаила Чигиря. Спокойный, уравновешенный человек, старавшийся никому не мешать и тихо дожить до пенсии. Дослужился при Лукашенко до должности премьер-министра, после чего некоторое время, будучи уже пенсионером, представлял Беларусь в ООН.

Литвина Жанна, журналистка. Работала главным редактором молодежной редакции радиопрограмм Гостелерадио БССР. После реорганизации возглавила радиостанцию «Белорусская молодежная», закрытую в 1994 году в разгар предвыборной кампании после выступления в ее эфире кандидата в президенты Александра Лукашенко. Затем была директором минского бюро радио «Свобода», руководителем Радио «101,2», радио «Рацыя». Инициатор создания и бессменный руководитель Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ). В 2004 году БАЖ за заслуги в защите свободы слова в Беларуси удостоена премии Европейского Парламента имени А. Д. Сахарова.

Малофеев Анатолий, последний первый секретарь ЦК КПБ, член Политбюро ЦК КПСС. После путча работал где-то в госрезерве. Депутат Верховного Совета 13-го созыва. Сыграл ключевую роль в расколе коммунистической фракции. Председатель Палаты Представителей I созыва, затем председатель парламентской комиссии по международным делам, член Совета Республики.

Малумов Юрий — подполковник МВД, активист предвыборной кампании Лукашенко в 1994 году. Затем начальник управления Администрации президента, вице-спикер Верховного Совета 13-го созыва от президентской фракции. Сыграл ключевую роль в срыве импичмента: лежа на больничной койке, визировал заявления депутатов об отзыве их подписей из

Конституционного суда. Затем был подвергнут публичному шельмованию: был обвинен в незаконной покупке квартиры, показательно — с автоматчиками! — занятой на время «выяснения обстоятельств». Посол в Туркменистане.

Мальцев Леонид, дважды министр обороны Республики Беларусь, генерал-полковник. После первой скандальной отставки «за пьянство» некоторое время отсиделся в интеграционных структурах, был возвращен на работу в Совет Безопасности, а затем Лукашенко вернул «опущенного» генерала в прежнее кресло. Неизвестно, извинился ли он перед Мальцевым.

Маринич Михаил, бывший председатель Минского горисполкома, потерял свой пост во время перестройки — его забаллотировали депутаты горсовета. Депутат Верховного Совета 12-го созыва. Был послом в Чехии и Словакии. Лукашенко отозвал его, предложив должность министра внешнеэкономических связей. Затем опять на дипломатической службе — посол в Латвии. В 2001 году безуспешно выдвигался кандидатом в президенты, вдруг превратившись в оппозиционную фигуру общенационального масштаба. За что и поплатился: в 2004 году арестован накануне парламентских выборов и осужден на пять лет за якобы похищенные (!) у посольства США (!!) старые компьютеры (!!!). Впрочем, позже суд снизил срок заключения до трех с половиной лет.

Маркевич Николай, журналист, депутат Верховного Совета 12-го созыва, член парламентской оппозиции БНФ.

Марцев Петр, журналист и бизнесмен, владелец одного из главных оппозиционных изданий Беларуси — «Белорусской деловой газеты».

Маслюкова Людмила, журналистка, многолетнее «золотое перо» газеты «Советская Белоруссия», умеющая писать желчные статьи. Была видным коммунистическим публицистом. После разгона парламента в 1996 году публиковалась в оппозиционной газете «Народная воля». Устав от общения с демократами, вернулась в «Советскую Белоруссию» — уже президентскую газету, где с тем же азартом критиковала вчерашних соратников по демократическому лагерю. Сейчас на пенсии.

Мацкевич Владимир, комсомольский работник, затем офицер КГБ. Работал начальником УКГБ по Минску и Минской области, затем по Брестской области. В 1996 году возглавил КГБ Беларуси. Во время конституционного кризиса 1996 года сохранил полную лояльность Лукашенко. Сопротивлялся попыткам Виктора Шеймана подчинить себе КГБ. В ноябре 2000 года уволен вместе с генеральным прокурором Олегом Божелко после безуспешной

попытки добиться отставки Виктора Шеймана. Ныне посол РБ в Сербии.

Машерова Наталья, дочь Петра Машерова, филолог. Депутат Верховного Совета 13-го созыва. Выдвигалась кандидатом в президенты в 2001 году, однако сняла свою кандидатуру, упустив и свой собственный шанс возвыситься, и, возможно, шанс всей страны уже тогда вернуться в русло демократии.

Мясникович Михаил, «заслуженный аппаратчик» Беларуси, доктор экономических наук, деятель жилищно-коммунального хозяйства. Первый заместитель Вячеслава Кебича, и при Лукашенко остался в правительстве в качестве вице-премьера, затем сменил Синицына на посту главы Администрации президента. В 2001 году указом президента Лукашенко он неожиданно для всех, не будучи академиком, назначен президентом Национальной Академии наук.

Наумов Владимир, кадровый милиционер. Служил на различных должностях, в том числе начальником Службы безопасности президента Беларуси. Затем — министр внутренних дел Республики Беларусь, генерал. Председатель Федерации хоккея РБ.

Нистюк Владимир, военный политработник, член предвыборного штаба Лукашенко. Депутат Верховного Совета 13-го созыва, сохранивший верность поруганной Конституции и ушедший в оппозицию. Первый заместитель председателя Белорусской социал-демократической партии «Народная Громада».

Новиков Василий, философ-марксист, партийный деятель, кандидат философских наук. В 1994 году выдвигался кандидатом в президенты от ПКБ. Проиграл. В Верховном Совете 13-го созыва избран первым вице-спикером. Вместе со многими другими депутатами ушел в оппозицию. Но не выдержало сердце коммуниста, и, повинуясь жесткой необходимости, Василий Николаевич перешел вначале на дипломатическую работу, а затем сосредоточился на работе в аппарате Академии наук. Ныне директор Института Философии НАН РБ.

Павлов Валерий, военный, дослужился в Афганистане до полковника, звание генерал-майора получил уже в суверенной Беларуси. Был депутатом, одновременно работал в Совете Министров. После отставки Кебича вынужден был уехать в Москву. Но, судя по выступлениям в прессе и конкретным действиям, направленным на поддержку белорусской оппозиции, надежду вернуться в Беларусь не оставил.

Павлова Ольга, журналистка, может считаться одним из немногих экспертов по шкловскому периоду жизни Лукашенко.

Она работала на районном радиоузле. Пыталась бороться со злоупотреблениями местной власти. Надеялась, что Александр Лукашенко сможет искоренить коррупцию в районе, но… Разочарование свое описала в книге «Шкловские страсти», ставшей первыми мемуарами об Александре Григорьевиче. Ныне эмигрантка, живет в Чехии.

Пастухов Михаил, бывший заведующий кафедрой Института национальной безопасности, доктор юридических наук, профессор, член первого состава Конституционного суда Республики Беларусь. В 1996 году один из судей-докладчиков по делу об импичменте. Останется до конца верен Конституции 1994 года; один из двух судей, кто откажется подавать, в нарушение Конституции, прошение об отставке на имя президента. Руководитель Центра правовой защиты СМИ при Белорусской ассоциации журналистов.

Позняк Зенон, внук известного националистического деятеля довоенной Беларуси, ученый — этнограф и культуролог, поэт и фотограф. Создатель и лидер Белорусского Народного фронта. Пожалуй, самый яркий из немногих харизматиков в политической элите Беларуси, но и самый бескомпромиссный и несгибаемый, что и помешало ему встать во главе нации. С 1996 года в вынужденной эмиграции.

Протько Татьяна, кандидат физико-математических наук, историк науки и общественно-политической борьбы, автор фундаментального труда по становлению советской тоталитарной системы. Председатель Белорусского Хельсинского комитета.

Пупейко Александр, создатель финансово-промышленной империи «ПуШе», кандидат физико-математических наук. Свято верил в то, что политика должна быть рациональна. Оказалось, что если политика иррациональна, хуже от этого как раз тем, кто ждет рациональности — то есть бизнесменам. «ПуШе» была уничтожена властями. Пупейко, против которого возбуждено уголовное дело, эмигрировал в Польшу, где получил политическое убежище.

Романчук Ярослав, экономист, руководитель исследовательского Фонда Мизеса, заместитель председателя Объединенной гражданской партии. Представляет в Беларуси интересы ряда крупных российских компаний, считается одним из ведущих экспертов в области двусторонних российско-белорусских отношений.

Русакевич Владимир, партийно-хозяйственный деятель, ставший в Верховном Совете 12-го созыва вице-спикером. Затем сменил Гончара на посту вице-премьера. Затем был первым

заместителем главы Администрации, послом в Китае. Вовсю развернулся на должности министра информации, показав, как может душить негосударственную прессу перепуганный перспективой отставки чиновник.

Сазонов Михаил, подполковник милиции, активист предвыборного штаба Лукашенко в 1994 году, представлял его в Общественной контрольной комиссии и в Центризбиркоме. После победы — первый заместитель главы Администрации. Считается, что во время «конституционного кризиса» 1996 года именно он «удружил» на роль главы Центризбиркома Лидию Ермошину. Затем некоторое время в отставке. В качестве помощника президента вел переговоры с оппозицией, а затем удалился от дел окончательно, сделав все, чтобы о нем поскорее забыли.

Сакович Василий, партийный функционер, депутат Верховного Совета 12-го и 13-го созывов, председатель Контрольной Палаты. В 1996 году «дипломатично» не нашел особых прегрешений в деятельности Управления Делами президента. Вероятно, за такой «дипломатический талант» и был назначен послом в Молдову.

Святская Валентина, комсомольская активистка. После падения коммунистической системы принимала активное участие в создании Аграрно-демократической (затем Аграрной) партии. Считалась одним из главных советников Семена Шарецкого. После референдума — «руководитель секретариата Президиума Верховного Совета Беларуси» (той части депутатов, которые не признали новую Конституцию). Член БНФ.

Северинец Павел, выпускник географического факультета БГУ, религиозный и молодежный активист. Стоял у истоков Молодого Фронта и был одним из его трех сопредседателей, затем, после неоднократных отсидок в тюрьме — признанным лидером организации. Избирался заместителем председателя БНФ, однако в 2003 году, не желая сковывать себя «партийной дисциплиной», ушел из партии. На парламентских выборах 2004 года возглавлял неформальный блок «Молодая Беларусь».

Середич Иосиф, журналист. Работал заместителем редактора партийной газеты «Советская Белоруссия». Редактировал орган Верховного Совета «Народную газету», был отстранен Лукашенко, несмотря на депутатский мандат. Создатель и главный редактор единственной ежедневной оппозиционной газеты «Народная воля».

Сиваков Юрий, офицер танковых войск, потом один из создателей белорусского спецназа. Пришел в аппарат Совета Безопасности при Викторе Шеймане. Министр внутренних дел, генерал, получивший в среде подчиненных прозвище Колун. Работал руководителем ДФСО «Динамо». Затем призван на

должность заместителя главы Администрации по кадрам. В 2001 году отправлен в отставку, однако вскоре назначен министром спорта и туризма. Входит в число лиц, подозреваемых международным общественным мнением в причастности к физическому устранению политических оппонентов режима, из-за чего включен в список лиц, кому запрещен въезд на территорию стран Европейского Союза.

Сивчик Вячеслав, активист БНФ, некоторое время бывший ответственным секретарем его — управы. Известность получил в 1996 году, когда объявил голодовку в знак протеста против несправедливого ареста. Голодовка длилась свыше 20 дней, имела громкий резонанс в мире: за Сивчика и голодавшего вместе с ним профессора Ходыко вступился президент России Борис Ельцин. В 2003 году в результате внутрипартийных разборок исключен из БНФ — за «инакомыслие».

Соснов Александр, экономист, в Верховном Совете 12-го созыва возглавлял комиссию по труду, заработной плате и социальной политике. После прихода к власти Лукашенко возглавил Министерство труда, ушел в отставку накануне референдума 1996 года. Был председателем Наблюдательного совета Белорусского Фонда Сороса. Заместитель директора Независимого института социально-экономических и политических исследований.

Таразевич Георгий, бывший председатель Минского горисполкома, первый секретарь Минского горкома партии, председатель Президиума Верховного Совета БССР, с 1989 года — председатель Комитета по межнациональным отношениям Верховного Совета СССР. Президентские выборы 1994 года встретил на дипломатической службе, вначале как первый заместитель министра иностранных дел, а после того, как был уличен в контактах с Лукашенко, — посол в Польше. Накануне референдума 1995 года публично назвал президента дураком, за что и был отправлен в отставку.

Титенков Иван, бывший первый секретарь Краснопольского райкома Компартии, депутат Верховного Совета 12-го созыва, затем первый управляющий делами президента Республики Беларусь, «завхоз республики», фактический распорядитель «второго бюджета Беларуси». С его деятельностью на этом посту будет связано множество число разнообразных скандалов в прессе. По слухам, подписав указ о его отставке, Лукашенко вздохнет с облегчением: мол, наконец избавился от этого коррупционера. Однако слухи к делу не пришьешь.

Тихиня Валерий. Доктор юридических наук, член-корреспондент Национальной Академии наук, прошел путь от

рядового прокурора до министра юстиции БССР, потом секретаря ЦК КПБ. В 1995 году стал первым председателем первого состава Конституционного суда Республики Беларусь. С его именем связана, пожалуй, самая гнусная страница белорусской демократии: срыв импичмента президенту.

Тригубович Валентина, журналист и искусствовед, активист БНФ, участник или свидетель практически всех оппозиционных акций. Несколько лет исполняла обязанности председателя международной комиссии сойма Белорусского Народного Фронта. Председатель Международного общественного объединения «Белорусская перспектива».

Филарет (в миру — Кирилл Вахромеев), Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх Всея Беларуси. Длительное время был начальником отдела внешних сношений Русской Православной Церкви. Декан теологического факультета закрытого властями негосударственного Европейского гуманитарного университета, вместе с факультетом без потерь перешедший в государственный университет. Депутат Верховного Совета 12-го созыва.

Хащеватский Юрий, режиссер-кинодокументалист и общественный деятель. Создатель трех десятков игровых и документальных картин, в том числе нашумевшей ленты «Обыкновенный президент», по сравнению с которым фильм Майкла Мура о Джордже Буше — жалкий ремейк. Лауреат премии имени А. Д. Сахарова за гражданское мужество, дипломант множества международных кинофестивалей.

Цепкало Валерий, подававший надежды молодой дипломат, замеченный Шушкевичем и взятый на работу в аппарат спикера Верховного Совета. Преемник Шушкевича Мечислав Гриб изгонит Цепкало за шашни со штабом Лукашенко. После прихода Лукашенко к власти — первый заместитель министра иностранных дел, затем посол Беларуси в США.

Чигирь Михаил, профессиональный банкир, которого почему-то занесло в политику. Лукашенко назначил его премьером. С этого поста Чигирь ушел в отставку осенью 1996 года, за несколько дней до референдума, уничтожившего демократическую белорусскую Конституцию. Попытался вернуться в большую политику в 1999 году, за что власть сломала его семейную жизнь, обвинив его самого, его жену и сыновей в совершении разных уголовных преступлений. Был осужден условно. Безуспешно выдвигался кандидатом в президенты в 2001 году.

Шарецкий Семен, аграрный академик, бывший заведующий кафедрой Минской партийной школы, бывший председатель

колхоза, руководитель Аграрной партии, в 1996 году избран спикером Верховного Совета 13-го созыва. Пытался сохранить хорошие отношения с Лукашенко, но после референдума 1996 года ушел в оппозицию. В 1999 году эмигрировал и некоторое время принимался на Западе как руководитель последнего легитимного белорусского парламента.

Шейман Виктор, армейский политработник, подполковник, депутат Верховного Совета 12-го созыва. В ходе президентской кампании отвечал за безопасность будущего главы государства. По сей день он — едва ли не единственный из «команды», кто не просто сохраняет свое место рядом с Лукашенко, но и влияет на положение дел в Беларуси. О степени доверия ему говорит, в частности, и то, что в 2000 году он, будучи студентом-заочником юридического факультета, получил назначение на пост генерального прокурора страны. С декабря 2004 года — глава Администрации.

Шеремет Павел, белорусский, затем российский тележурналист. Работал ведущим аналитической телепрограммы «Проспект», затем главным редактором «Белорусской деловой газеты», директором белорусского бюро ОРТ. Был арестован и судим по обвинению в нарушении государственной границы Беларуси с Литвой. После суда уехал на работу в Москву. Ныне руководитель отдела спецпрограмм ОРТ. В соавторстве со Светланой Калинкиной написал книгу «Случайный президент».

Шушкевич Станислав, сын репрессированного белорусского поэта, профессор, доктор физико-математических наук. Несмотря на такое «пятно» в биографии, стал физиком-ядерщиком, заведовал кафедрой в БГУ, получил государственную премию БССР и премию Совета Министров СССР за научные разработки. В 1989 году был избран народным депутатом СССР, в 1990 — БССР. Дальнейшая политическая карьера достаточно полно отражена в книге.

Щукин Валерий, капитан второго ранга, депутат Верховного Совета 13-го созыва. Участник многочисленных политических баталий. Неоднократно арестовывался за участие в несанкционированных оппозиционных акциях. Исключен из ПКБ за инакомыслие и публикации в близкой к БНФ газете «Народная Воля».

Эйдин Эдуард — бизнесмен, экономический аналитик, разработчик государственных экономических программ в 1996-1998 годах. Был осужден за якобы незаконное хранение оружия, отсидел. Занимается бизнесом, в политику больше не ввязывается.

Якубович Павел, журналист, чьи фельетоны и футбольные

репортажи читали все — от рабочих до академиков. Во время августовского путча 1991 года был одним из немногих сотрудников государственных газет, кто резко и недвусмысленно заявил о его незаконности, за что и удостоился награды международного союза журналистов «За гражданское мужество». В 1995 назначен главным редактором президентской газеты «Советская Белоруссия». Редактор, увы, должен ориентироваться на читателя, а главным читателем был и остается Лукашенко, сам назвавший себя «советским белорусом».

Янчевский Всеволод, молодежный деятель. В 1994 году он ратовал за «интернационалиста» Лукашенко, в 1995 году — за «националиста» Шушкевича, чтобы от него вновь уйти в лагерь Лукашенко. За создание в 1996 году Белорусского Патриотического Союза молодежи Лукашенко в 2000 году отблагодарит Янчевского мандатом депутата. А в 2004 году «бедного Севу» даже не зарегистрировали кандидатом в депутаты: вероятно, решили, что уже достаточно отблагодарили.

Федута Александр, кандидат филологических наук, с полным основанием закрывает этот список. Бывший школьный учитель, бывший комсомольский работник, журналист. Автор книги «Лукашенко», в которой попытался, наряду с описанием политической биографии первого президента Беларуси, разобраться и в собственной биографии.

Использованная литература

Газеты

Frankfurter Rundschau (Германия)
Белорусская газета (Беларусь)
Белорусская деловая газета (Беларусь)
Завтра (Россия)
Известия (Россия)
Имя (Беларусь)
Комсомольская правда в Белоруссии (Беларусь)
Літаратура і Мастацтва (Беларусь)
Магілёўская праўда (Беларусь)
Московские новости (Россия)
Навіны (Беларусь)
Народная Воля (Беларусь)
Народная газета (Беларусь)
Независимая газета (Россия)
Рэспубліка (Беларусь)
Свабода (Беларусь)
Свободные новости плюс (Беларусь)
Собеседник (Россия)
Советская Белоруссия (Беларусь)
Советская Россия (Россия)

Журналы

Огонек (Россия)
ARCHE (Беларусь)
Профиль (Россия)
Россия в глобальной политике (Россия)

Интернет-ресурсы

www.BelarusFree.org
www.echo.msk.ru
www.gazeta.ru
www.nns.ru
www.ntv.ru
www.ont.by
www.president.gov.by
www.regnum.ru
www.strana.ru
www.svaboda.org

Книги

Александр Лукашенко — Президент Республики Беларусь. Мн., 1997.

Белоруссия и Россия: Общества и государства. М., 1998.

Белорусский Ежегодник — 2003. Вильнюс, 2004.

Богданкевич С. Как жили? Как живем? Как будем жить? СПб., 1998.

Василевич Г. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия. Мн., 2001.

Верховный совет 12-го созыва. Стенограммы сессий.

Говорит Юрий Захаренко // Независимое расследование. Бюллетень № 2. Мн., 2004.

Гриб М. Беларусь на шляхах незалежнасці. Мн., 1994.

Дарога на Курапаты. Кніга аднаго рэпартажу. Мн., 2002.

Дейч М. Коричневые. М., 2003.

Другі міжнародны кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры «Незалежная прэса: Свабода і адказнасць»: Тэксты. Дакументы. Матэрыялы. Мн., 1996.

Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2001.

Караулов А. Частушки. М., 1997.

Климов А., Огурцов Е. Площадь Независимости. Мн., СПб., 2004.

Класкоўская Л., Класкоўскі А. Станіслаў Шушкевіч: Пуцявіна лёсу. Мн., 1994.

Ленин В. И. Государство и революция. М. 1918.

Леонов В. С. Работа над ошибками. Смоленск, 2003.

Лукашенко А. Городецкие уроки / Литературная запись Р. Ткачука. Мн., 1990.

Медведев Р. Владимир Путин: четыре года в Кремле. М., 2004.

Народ вправе решать свою судьбу. Мн., 1997.

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999.

Севярынец П. Пакаленьне Маладога Фронту: Гісторыя моладзі, народжанай у 1970-1985 гг. Мн., 2002.

Шеремет П., Калинкина С. Случайный президент. Ярославль, 2003.

Паўлава В. Шклоўскія страсці. М., 1999.

Сталин И. К вопросам ленинизма. М.-Л., 1926.

Трещенок Я. История Беларуси. В 2 частях. Ч. 1: Досоветский период. Могилев, 2004.

Фролов В. Куда идем, белорусы? М., 2004.

Якутов В. Александр Лукашенко. Художественно-документальная повесть // Немига Литературная. 2000. № 2.

Выходные данные

Литературно-публицистическое издание

Александр Федута
Лукашенко. Политическая биография

Руководитель проекта
Евгений Будинас

Редактор-консультант
Лев Тимофеев

Редакторы
Мария Побережнюк, Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Верстка
Роман Терёшин

Издательство «Референдум»
117311, Москва, ул. Строителей, 3

При содействии ООО «Астлинк»

Подписано в печать 04.08.05. Формат 84 x 108 1/32.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 588.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

ISBN 5-98097-007-X

© Издательство «Референдум», Евгений Будинас, Геннадий Грушевой, 2005

notes

Примечания

1

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999. С. 390-391.

Примаков Е. Указ. соч. С. 390-391.

3

Леонид Синицын по праву открывает наш список героев — собеседников и «соучастников». Депутат Верховного Совета БССР 12-го созыва, бывший строитель, ставший в разгар перестройки политиком. С парламентской трибуны старался не выступать, сосредоточившись на кулуарной работе. Незаметно для прессы он стал руководителем первого предвыборного штаба Александра Лукашенко — своего рода белорусским Франкенштейном — нет, не чудовищем, как некоторые полагают, а профессором, чудовище создавшим. После победы — первый глава Администрации. В 1996 году ушел в отставку с поста вице-премьера в знак несогласия с политикой своего «создания».

Якутов В. Александр Лукашенко.

Якутов В. Указ. соч. С. 15.

6

Анатолий Гуляев — журналист, заведующий сектором Могилевского обкома компартии, затем — собкор газеты ЦК КПСС «Сельская жизнь» по западному региону. Хотя в 1989-1992 годах много помогал Лукашенко, но в «команду» не вошел и писал о нем — и до его победы на выборах, и после — прямо и честно.

Якутов В. Указ. соч. С. 16.

Там же. С. 20.

9

Василий Леонов — последний из крупных партийных работников Беларуси, все еще остающийся заметной фигурой в белорусской политике. После прихода к власти в 1994 году Лукашенко предложил Леонову, которого он называл своим «учителем», пост министра сельского хозяйства и продовольствия. А после референдума 1996 года на министра и президентского «учителя» прямо в кабинете надели наручники и отправили его в тюрьму. В заключении Леонов вел себя достойно. Вышел, написал мемуары — книгу «Работа над ошибками». Книга горькая.

10

Леонов В. С. 15.

11

Александр (Алесь) Адамович (1927-1993) — доктор филологических наук, писатель и общественный деятель, стал едва ли не единственным видным белорусом, искренне поверившим в перестройку и бросившимся помогать ее инициатору.

12

Зенон Позняк — внук известного националистического деятеля довоенной Беларуси, ученый — этнограф и культуролог, поэт и фотограф. Создатель и лидер Белорусского народного фронта. Пожалуй, самый яркий из немногих харизматиков в политической элите Беларуси, но и самый бескомпромиссный и несгибаемый, что и помешало ему встать во главе нации. С 1996 года — в вынужденной эмиграции.

13

Позняк З. С. 28.

Позняк З. Указ. соч. С. 60.

15

Георгий Таразевич — бывший председатель Минского горисполкома, первый секретарь Минского горкома партии, председатель Президиума Верховного Совета БССР, с 1989 года — председатель Комитета по межнациональным отношениям Верховного Совета СССР. Президентские выборы 1994 года встретил на дипломатической службе, вначале как первый заместитель министра иностранных дел, а после того как был уличен в контактах с Лукашенко, — посол в Польше. Накануне референдума 1995 года публично назвал президента дураком, за что и был отправлен в отставку.

16

Белорусская народная республика — так назвала в 1918 году группа энтузиастов из числа национально ориентированных интеллигентов-белорусов объявленное ими государство. Государство не состоялось, поскольку не смогло отстоять себя перед натиском Красной Армии. Но идея государственной независимости осталась.

Позняк З. Указ. соч. С. 113.

18

Валерий Тихиня — доктор юридических наук, член-корреспондент Национальной академии наук, прошел путь от рядового прокурора до министра юстиции БССР, потом секретаря ЦК КПБ. В 1995 году стал первым председателем первого состава Конституционного суда Республики Беларусь. С его именем связана, пожалуй, самая гнусная страница белорусской демократии — срыв импичмента 1996 года, о котором речь впереди.

19

Вячеслав Сивчик — активист БНФ, некоторое время бывший ответственным секретарем его рабочего аппарата — управы. Известность получил в 1996 году, когда объявил голодовку в знак протеста против несправедливого ареста. Голодовка длилась свыше 20 дней, имела громкий резонанс в мире: за Сивчика и голодавшего вместе с ним профессора Ходыко вступился сам президент России Борис Ельцин. В 2003 году в результате внутрипартийных разборок исключен из БНФ — за «инакомыслие».

20

Это был первый демократически избранный Верховный Совет БССР. Ему будет суждено завязать все узлы противоречий, о которых рассказывает эта книга. Из 260 депутатских мандатов 30 получили те, кто вошел в «парламентскую оппозицию БНФ», — Зенон Позняк, экономист Владимир Заблоцкий, историки Валентин Голубев и Олег Трусов, переводчик Левон Борщевский. Значительное число мандатов получили беспартийные и коммунисты, явно придерживавшиеся иной точки зрения, нежели ЦК КПБ, — Виктор Гончар, Станислав Шушкевич, Дмитрий Булахов, Александр Соснов, Нил Гилевич, Ольга Голубович. И это — при бешеном сопротивлении властей.

21

Ткачук Р. С. З. Интересно прежде всего то, что эти, хоть и набившие за горбачевскую эпоху оскомину, но в принципе правильные слова поразительно расходятся с той манерой управления, которую начал демонстрировать Лукашенко, возглавив страну.

Леонов В. Указ. соч. С. 29-30.

23

Эта — на мой взгляд, вполне достоверная — версия несколько расходится с текстом Владимира Якутова: «Сам главный реформатор М. С. Горбачев прислушивался к его мнению. Некоторые очень важные вопросы по сельскому хозяйству были приняты ЦК КПСС, основываясь на заключении директора совхоза "Городец" Могилевской области» (Якутов В. Указ. соч. С. 34). Автор не упоминает, какие именно «некоторые очень важные вопросы» и куда «были приняты».

24

Павлова О. С. 11. Ольга Павлова, журналистка, книгу которой мы цитируем, может считаться одним из немногих экспертов по шкловскому периоду жизни нашего героя. Она работала на районном радиоузле. Пыталась бороться со злоупотреблениями местной власти. Надеялась, что Александр Лукашенко сможет искоренить коррупцию в районе, но… Разочарование свое описала в книге «Шкловские страсти», ставшей первыми по времени мемуарами об Александре Григорьевиче. Ныне эмигрантка, живет в Чехии.

Кстати, о Горбачеве. Свое отношение к нему Александр Лукашенко, ставший президентом, высказал в присущей ему манере: «У власти в Советском Союзе стоял размазня. И он явился первопричиной развала. И то, что переживаем тяжелые времена, особенно в экономике, с моей точки зрения, во многом предопределил этот человек» (Якутов В. Указ. соч. С. 5).

Якутов В. Указ. соч. С. 27-28.

Павлова О. С. 4.

28

Вячеслав Кебич — последний из советских руководителей Беларуси, бывший директор крупного завода, бывший партийный функционер. Он стал главой первого правительства после обретения Беларусью самостоятельности. Не положись он на свою «команду», прояви большую решительность — возможно, был бы вполне демократическим президентом.

Леонов В. Указ. соч. С. 32.

Там же. С. 32-33.

31

Леонов В. Указ. соч. С. 31.

32

Стенограмма беседы с А. Гуляевым. О прогнившем стуле слышал потом и я — в 1994 году, во время уже президентской предвыборной гонки. И видел реакцию людей, увлеченных стихийным ораторским искусством будущего президента.

33

Павлова О.

Леонов В.

35

Не прыдаткам да пасад // Магілёўская праўда. 1989. 22 марта. Правда, значительно позже, став уже президентом, Лукашенко будет призывать сельчан довольствоваться «чаркой и шкваркой», как своеобразным стандартом «простой пищи» белорусов.

Выбіраць людзям // Магілёўская праўда. 1989. 22 февр.

Павлова О. Указ. соч. С. 11.

38

Анатолий Лебедько, учитель из городка Ошмяны, был выдвинут в 1990 году кандидатом в депутаты райкомом комсомола, победив, с головой ушел в политику. В 1994 году активно поддерживал Лукашенко, однако так и не получил никакого «портфеля». В Верховном Совете 13-го созыва, завоевав повторно депутатский мандат, подтвердил свою репутацию последовательного сторонника демократии. Сейчас председатель Объединенной гражданской партии Беларуси.

39

Станислав Шушкевич — сын репрессированного белорусского поэта, профессор, доктор физико-математических наук. Несмотря на такое «пятно» в биографии, стал физиком-ядерщиком, заведовал кафедрой в БГУ, получил Государственную премию БССР и премию Совета Министров СССР за научные разработки. В 1989 году был избран народным депутатом СССР, в 1990 — БССР. Дальнейшая политическая карьера достаточно полно отражена в нашей книге.

40

Стенограмма Первой сессии Верховного Совета БССР 12-го созыва.

41

Валентин Голубев — кандидат исторических наук, на волне перестройки избранный в Верховный Совет. Был одним из лучших ораторов парламента, заместителем Позняка по фракции БНФ. После того как не попал в новый состав Верховного Совета, вернулся в науку. Наука от этого выиграла, парламент проиграл.

42

Александр Соснов — экономист, в Верховном Совете 12-го созыва возглавлял комиссию по труду, заработной плате и социальной политике. После прихода к власти Лукашенко возглавил Министерство труда, ушел в отставку накануне референдума 1996 года. Был председателем Наблюдательного совета белорусского Фонда Сороса.

43

Валерий Павлов — военный, дослужился в Афганистане до полковника, генерал-майора получил уже в суверенной Беларуси. Был депутатом, одновременно работал в Совете Министров. После отставки Кебича был вынужден уехать в Москву. Но, судя по выступлениям в прессе и конкретным действиям, направленным на поддержку белорусской оппозиции, надежду вернуться в Беларусь не оставляет.

44

Ольга Абрамова — кандидат философских наук, активистка Движения демократических реформ. Создала в 1997 году и возглавила белорусское общественное объединение «Яблоко». Депутат Палаты представителей 2-го и 3-го созывов. В 1996 году, будучи депутатом Верховного Совета 13-го созыва, выступала против референдума, расширявшего полномочия президента. В 2004 году избиралась в парламент с репутацией «любимого оппозиционера» Александра Лукашенко.

Дарога па цаліку // Народная газета. 1991. 29 мая.

46

Александр Лукашенко: «Это наш последний шанс!» // Народная газета. 1991. 29 июня.

Лукашенко обращается с этим вопросом к спикеру парламента Николаю Дементею.

48

Стенограмма Первой сессии Верховного Совета БССР 12-го созыва.

Якутов В. Указ. соч. С. 40.

50

Стенограмма беседы с С. Шушкевичем. Против ратификации соглашений проголосовал только Валерий Тихиня. Он был единственным депутатом Верховного Совета Республики Беларусь, кто публично обвинил Шушкевича в превышении им полномочий председателя коллегиального органа.

51

Александр Лукашенко: «Диктатура: белорусский вариант?» // Народная газета. 1991. 25 мая.

52

Хто абароніць дэмакратыю? // Народная газета. 1991. 18 июня. У тех, кто впервые читает этот текст спустя 12 лет после его публикации, создается впечатление, что то ли он сошел с ума, то ли президент Лукашенко претворил в жизнь ту программу, против которой так яростно выступал депутат Лукашенко.

Как тогда многим казалось, навсегда.

54

Валентин Вечерко — филолог, сын помощника Петра Машерова, первого секретаря ЦК КПБ. Сознательным сторонником белорусской национальной идеи стал еще в школе, с университетских лет был активистом неформальных молодежных организаций. До 1999 года — в тени Зенона Позняка, заместитель председателя сойма БНФ. С 1999 года, после раскола партии, — руководитель партии БНФ. Владеет 13 языками.

55

Позняк естественно тосковал по несбывшейся мечте: на дворе 1991-1992 годы, в Прибалтике и Закавказье к власти уже пришли народные фронты, в России правит Ельцин.

Позже Шушкевич переедет в другую, уже вполне номенклатурную квартиру, хотя и не соответствующую рангу главы государства. Эта подчеркнутая скромность будет раздражать всех настолько, что станет одним из поводов, ускоривших его падение.

Этим воспользуется Лукашенко. Когда он начнет готовиться к предвыборной кампании, поток компромата, отлежавшего свое в столах чекистов и контрразведчиков, хлынет ему в помощь.

58

Геннадий Карпенко — доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук Беларуси, директор завода. Был избран депутатом Верховного Совета 12-го созыва, председателем Молодечненского горсовета. В Верховном Совете 13-го созыва — вице-спикер. После референдума 1996 года — один из лидеров оппозиции, претендент на президентский пост, несостоявшийся объединитель демократических сил. Умер в 1999 году, по утверждению журналистов, при загадочных обстоятельствах.

БНФ доказал это, собирая подписи за проведение референдума, «потопленного» Булаховым с подачи Шушкевича.

И будущей государственной политики.

Еще Карл Маркс называл национальный вопрос «больным зубом германской социал-демократии». Лукашенко сделает его оголенным нервом белорусской демократии вообще. Будет сломано множество копий, проведен референдум, власть окончательно поссорится с белорусскими писателями — и все ради того, чтобы политически уничтожить главную оппозиционную силу страны.

62

Сергей Антончик — рабочий одного из минских заводов, в 1991 году — член республиканского стачкома, депутат Верховного Совета 12-го созыва. Член парламентской оппозиции БНФ. В 1995 году, через год после Лукашенко, попытался повторить его успех, выступив с собственным «разоблачительным» докладом.

63

«Народная газета» — печатный орган Верховного Совета — должна была отражать позицию парламентского большинства, но ее главный редактор, Иосиф Середич, откровенно подыгрывал Шушкевичу, видя в нем наиболее перспективную фигуру.

64

Что остается от сказки потом — после того, как ее рассказали? Пять лет назад депутат Александр Лукашенко начал свою предвыборную кампанию // Белорусская деловая газета. 1998. 14 дек.

Там же.

66

Станислав Богданкевич — доктор экономических наук, бывший заведующий кафедрой Белорусского института народного хозяйства, первый председатель Правления Национального банка суверенной Республики Беларусь. Несмотря на заметный дефект речи, Богданкевич стал блестящим университетским лектором и уверенно владеющим аудиторией публичным политиком. После отставки возглавлял Объединенную гражданскую партию, почетным председателем которой остается до сих пор.

Вернее, со всей безответственностью, поскольку никакого поста, на котором пришлось бы реализовывать эту идею на практике, Лукашенко в тот период не занимает.

68

Сергей Гайдукевич, подполковник-ракетчик, лидер Народного движения Беларуси, затем, после его самораспада, возглавил Либерально-демократическую партию, заслужив прозвище «белорусского Жириновского». Во времена Саддама Хусейна считался лучшим другом иракского народа (из числа белорусов). В 2001 году баллотировался в президенты — как спарринг-партнер Лукашенко — и занял почетное третье место из трех кандидатов. В 2004 году стал депутатом Палаты Представителей.

69

Я сидел в зале, потому хорошо помню реакцию слушателей на это выступление.

В таком случае, ему это не помогло. Меньше чем через месяц после избрания Лукашенко президентом НДБ заявил о готовности поддерживать его. Но президент поручил мне выступить с ответной репликой: никогда, мол, Александр Лукашенко не обратится за помощью к Сергею Гайдукевичу.

71

Что остается от сказки…

72

Михаил Маринич, бывший председатель Минского горисполкома, потерял свой пост во время перестройки — его забаллотировали депутаты горсовета. Депутат Верховного Совета 12-го созыва. Был послом в Чехии и Словакии. Лукашенко отозвал его, предложив должность министра внешнеэкономических связей. Затем посол в Латвии. В 2001 году безуспешно выдвигался кандидатом в президенты, вдруг превратившись в оппозиционную фигуру общенационального масштаба. За что и поплатился: в 2004 году арестован накануне парламентских выборов и осужден на пять лет за якобы похищенные (!) у посольства США (!!) старые компьютеры (!!!).

73

Людмила Маслюкова, многолетнее «золотое перо» газеты «Советская Белоруссия». Была коммунистическим публицистом. После разгона парламента в 1996 году публиковалась в оппозиционной газете «Народная воля». Когда усталость от общения с демократами хлынула через край, плюнула на демократию и вернулась в «Советскую Белоруссию» — уже президентскую газету, где с тем же азартом критиковала вчерашних соратников по демократическому лагерю. Сейчас на пенсии.

Что остается от сказки…

Что остается от сказки…

Там же.

77

Василий Новиков — философ-марксист, партийный деятель, кандидат философских наук. В 1994 году выдвигался кандидатом в президенты от ПКБ. Проиграл. В Верховном Совете 13-го созыва избран первым вице-спикером. Вместе со многими другими депутатами в 1996 году ушел в оппозицию. Но не выдержало сердце коммуниста, и, повинуясь жесткой необходимости, Новиков перешел вначале на дипломатическую работу, а затем сосредоточился на работе в аппарате Академии наук.

Что остается от сказки…

Там же.

Позже в гараже Управления делами Президента Республики Беларусь окажется «мерседес», конфискованный у гражданина ФРГ на незаконных основаниях. Бедняге немцу придется месяцами судиться с этим ведомством во главе с менявшими друг друга президентскими «завхозами», добиваясь возврата своей законной собственности.

Чуть позже он выступит с продолжением доклада, уже вовсе состоящим из «фитилей»: кто ремонтировал квартиру спикеру, чем торгует жена премьер-министра, на какой именно иномарке ездит оппозиционный депутат Сергей Наумчик и так далее. На Сицилию все это также не тянет.

82

Что остается от сказки…

83

Там же. Шушкевич говорит о «молодых волках», имевших репутацию демократов.

Что остается от сказки…

85

Там же.

86

Владимир Ермошин был назначен на пост председателя Минского горисполкома указом президента Лукашенко в 1994 году — через год после доклада!

Полновластие российских каналов лишь недавно, к слову, с большим электоральным ущербом для себя, начал ограничивать президент.

88

От слова «брахаць» (*белорус.*) — лаять, беспардонно лгать.

89

Леонид Дейко — тихий депутат Верховного Совета, примыкавший к оппозиции, порядочный и безобидный человек, не нашедший себе места по окончании депутатского мандата. Сейчас работает пресс-секретарем одной из трех белорусских социал-демократических партий.

90

Евгений Будинас, литератор. Печатался в московских журналах, там же издавал книги. Дружил с первым секретарем ЦК КПБ Ефремом Соколовым и лидером БНФ Зеноном Позняком одновременно. После 1991 года стал книгоиздателем и бизнесменом. При Лукашенко оставил бизнес и написал роман «Дураки», ставший политическим бестселлером и (по оценке прессы) одной из самых честных книг о новейшей истории Беларуси.

91

Эдуард Эйдин — бизнесмен, экономический аналитик, разработчик государственных экономических программ в 1996-1998 годах. Был осужден за якобы незаконное хранение оружия, отсидел. Занимается бизнесом, в политику больше не ввязывается.

Это поняли все те, кто составил первую «команду» первого президента Беларуси, — ту, которая и привела его к власти. И только он сам понимал в то время, что пришел бы к власти и без нас.

93

Кроме финансовых.

94

Куда «вылетать» — к Кебичу?

95

Иван Титенков — секретарь Краснопольского райкома компартии, депутат Верховного Совета 12-го созыва, затем управляющий делами президента Республики Беларусь, «завхоз республики», фактический распорядитель «второго бюджета Беларуси». С его деятельностью на этом посту связано множество скандалов в прессе. По слухам, подписав указ о его отставке, Лукашенко вздохнул с облегчением: мол, наконец избавился от этого коррупционера. Однако слухи к делу не пришьешь.

96

Владимир Нистюк — военный политработник, член предвыборного штаба Лукашенко. Депутат Верховного Совета 13-го созыва, сохранивший верность поруганной Конституции и ушедший в оппозицию. Ныне — первый заместитель председателя Белорусской социал-демократической партии «Народная Громада».

97

Валерий Цепкало — подававший надежды молодой дипломат, замеченный Шушкевичем и взятый на работу в аппарат спикера Верховного Совета. Преемник Шушкевича Мечислав Гриб изгонит Цепкало за шашни со штабом Лукашенко. После прихода Лукашенко к власти — первый заместитель министра иностранных дел, затем посол Беларуси в США.

98

Виктор Шейман — армейский политработник, подполковник, депутат Верховного Совета 12-го созыва. В ходе президентской кампании отвечал за безопасность будущего главы государства. По сей день он едва ли не единственный из «команды», кто не просто сохраняет свое место рядом с Лукашенко, но и влияет на положение дел в Беларуси. О степени доверия ему говорит и то, что в 2000 году он, бывший студентом-заочником юрфака, получил назначение на пост генерального прокурора страны. С декабря 2004 года — глава Администрации.

99

Виктор Кучинский, секретарь комиссии по делам молодежи Верховного Совета 12-го созыва, армейский политработник. После победы Лукашенко на выборах стал помощником президента по особым поручениям, затем в течение четырех лет возглавлял Департамент по гуманитарной помощи. Получил известность, пообещав защищать Лукашенко даже с гранатометом в руках.

100

Класковские Л. и А.

101

Петр Кравченко — кандидат исторических наук, в годы перестройки — секретарь Минского горкома КПБ по идеологии. Депутат Верховного Совета 12-го созыва; согласился сдать депутатский мандат в обмен на должность первого министра иностранных дел суверенной Беларуси. Один из членов предвыборного штаба Кебича. Депутат Верховного Совета 13-го созыва, в котором возглавлял Комиссию по международным делам, затем "видный оппозиционный деятель, посол Республики Беларусь в Японии и вновь видный оппозиционный деятель.

Класковские Л. и А. Указ. соч. Трудно согласиться с этим либо опровергнуть: вряд ли кто-то, кроме биографов, бежал в это время впереди Шушкевича, стараясь разглядеть в его глазах такие высокие чувства. На него просто не обращали внимания.

103

Галдеж, стон, нытье (*белорус.*)

Класковские Л. и А. Указ. соч. С. 163.

105

Мечислав Гриб — генерал-лейтенант милиции, заслуженный юрист Беларуси. Начальник Витебского областного УВД затем председатель парламентской комиссии по обороне и безопасности. В качестве председателя Верховного Совета подписал первую Конституцию суверенной Беларуси. Гриб увидел в этом волю судьбы, в меру хорошо освоил белорусский язык и стал последовательно защищать демократию и суверенитет — уже после того как лишился власти, а затем ушел в оппозицию.

Расчет сработал: никому в зале больше всего не хотелось быть заподозренным в том, что он боится Лукашенко.

107

Анатолий Лебедько в то время был президентом Ассоциации молодых политиков и заместителем председателя постоянной парламентской комиссии по делам молодежи.

Будинас Е. Другі міжнародны кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры «Незалежная прэса: Свабода і адказнасць»: Тэксты. Дакументы. Матэрыялы. Менск, 1996. С. 144.

109

Сергей Калякин — бывший руководитель Советского райисполкома г. Минска, первый секретарь ЦК ПКБ. Лидер фракции коммунистов в Верховном Совете 13-го созыва. Сохранил верность Конституции, ушел в оппозицию после референдума 1996 года. В 2001 году выдвигался кандидатом в президенты, но, судя по всему, сам предпочел не регистрироваться.

110

Валентина Тригубович — журналист и искусствовед, активист БНФ, участник или свидетель практически всех оппозиционных акций. Несколько лет исполняла обязанности председателя международной комиссии сойма Белорусского народного фронта. Председатель Международного общественного объединения «Белорусская перспектива».

111

Валерий Кез — кадровый контрразведчик, участник войны в Афганистане, генерал-майор КГБ. Ушел в 1995 году в отставку с поста первого заместителя государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь — заместителя того самого Виктора Шеймана, с которым ему предстбяло установить тесные рабочие отношения еще до выборов. После отставки — в Москве.

О чем Таразевич позже неоднократно вслух сожалел. Впрочем, дожить до «исправления» нашей с ним общей «ошибки» ему так и не довелось…

113

Семен Шарецкий — аграрный академик, бывший заведующий кафедрой Минской партийной школы, бывший председатель колхоза, руководитель Аграрной партии, в 1996 году избран спикером Верховного Совета 13-го созыва. Пытался сохранить хорошие отношения с Лукашенко, но после референдума 1996 года ушел в оппозицию. В 1999 году эмигрировал и некоторое время принимался на Западе как руководитель последнего легитимного белорусского парламента.

114

Владимир Коноплев — отставной милиционер, воспитатель в общежитии, помощник депутата Лукашенко, затем главный помощник президента Лукашенко. В 1995 году избран депутатом Верховного Совета 13-го созыва, где возглавил пропрезидентскую фракцию «Согласие». Во время кризиса 1996 года «Согласие» раскололо парламент и обеспечило Александру Лукашенко избавление от угрозы импичмента. Вице-спикер Палаты Представителей 1-го и 2-го созывов. Спикер Палаты Представителей 3-го созыва.

115

В момент сдачи книги в печать экс-руководитель Национальной Белорусской государственной телерадиокомпании Егор Рыбаков осужден на И лет тюрьмы по обвинению в злоупотреблении служебным положением и хищениях в особо крупных размерах.

116

Иван Антонович — доктор философских наук, заведующий отделом культуры ЦК КПБ. Затем представлял Беларусь в ЮНЕСКО. Был членом Политбюро ЦК компартии РСФСР времен Ивана Полозкова. После распада СССР вернулся на родину. При Кебиче возглавлял правительственный аналитический институт. При Лукашенко — заместитель министра, министр иностранных дел Беларуси. Заслуженный деятель науки Беларуси, профессор. После отставки — в Москве, читает лекции по истории и теории прав человека.

117

Михаил Мясникович, «заслуженный аппаратчик» Беларуси, доктор экономических наук, деятель жилищно-коммунального хозяйства, первый заместитель Вячеслава Кебича, и при Лукашенко остался в правительстве в качестве вице-премьера, затем сменил Синицына на посту главы Администрации президента. В 2001 году указом президента Лукашенко он неожиданно для всех, не будучи академиком, назначен президентом Национальной академии наук.

118

На здание, как мы помним, положили глаз бывшие комсомольские работники, имевшие поддержку в окружении Кебича.

119

Вернулся в распоряжение министра лишь Николай Карпиевич, но и он почти немедленно ушел в отпуск и начал работать в штабе.

120

Иосиф Середич — журналист. Работал заместителем редактора партийной газеты «Советская Белоруссия». Редактировал орган Верховного Совета «Народную газету», был отстранен от должности Лукашенко, несмотря на депутатский мандат. Создатель и главный редактор единственной ежедневной оппозиционной газеты «Народная воля».

121

О чем говорил А. Лукашенко в российской Думе // Народная газета. 1994. 20 мая.

Овчаров В. Московский вояж претендента // Советская Белоруссия. 1994. 20 мая.

123

Богданкевич С. С. 16.

124

Владимир Заметалин — военный политработник, при Кебиче — пресс-секретарь премьер-министра. После провала предвыборной кампании Кебича его «талант» будет востребован Лукашенко. Став «верховным идеологом» республики, заслужил ненависть независимой прессы и творческой интеллигенции, прозвавших его «черным полковником». Он успел поработать заместителем главы Администрации, председателем Госкомпечати, вице-премьером. Курировал связи с Ираком. Окончательно (ой ли?) отправлен на отдых в 2001 году.

125

Много позже люди, летевшие в том самолете, будут утверждать, что нечто похожее действительно случилось, но Вячеслав Кебич, возглавлявший тогда белорусскую делегацию, якобы просто не стал портить карьеру молодому депутату, замяв дело предположением, что сумочка стюардессы могла случайно попасть в вещи депутата Лукашенко. Но кого в суете предвыборной кампании заботит истина?

Зинаида Гончар, жена и соратник Виктора Гончара.

127

Юрий Захаренко, председатель Следственного Комитета, а затем министр внутренних дел, был обаятельным и общительным человеком, но слабо разбирался в политике. Будучи министром, публично обвинил главу МИД Германии Клауса Кинкеля в том, что тот прибыл с визитом в Минск, чтобы «залить Беларусь кровью». После отставки перешел в оппозицию. Трагическая судьба Захаренко, бесследно исчезнувшего в мае 1999 года, внесла его в список жертв борьбы за свободу Беларуси.

Как позже политтехнологи предложат голосовать и российскому народу.

129

Депутаты, поддерживавшие Лукашенко, во главе с Анатолием Лебедько немедленно начали собирать подписи в знак протеста с требованием восстановить вещание программы, но сам Лукашенко отказался подписать это требование.

130

Александр Пупейко — создатель финансово-промышленной империи «ПуШе», кандидат физико-математических наук. Свято верил в то, что политика должна быть рациональна. Оказалось, что если политика иррациональна, хуже от этого как раз тем, кто ждет рациональности, то есть бизнесменам. «ПуШе» была уничтожена властями. Пупейко, против которого возбуждили уголовное дело, эмигрировал в Польшу, где получил политическое убежище после безуспешных попыток белорусских властей добиться его экстрадиции.

Я не Сорос // Белорусская газета. 2001. 18 июня.

132

Валерий Круговой — финансовый деятель и экономист, еще одна жертва «рациональных подходов к политике». Баллотировался в Верховный Совет 13-го созыва, получил депутатский мандат, подписал заявление об импичменте, отозвал подпись — в обмен на прекращение уголовного дела, после чего эмигрировал.

133

Бизнесмена Александра Саманкова арестуют в кабинете помощника президента Александра Сазонова — якобы при попытке дать тому взятку.

134

Черкасова В. Арест в Администрации президента. Так начиналась «большая жратва» // Белорусская деловая газета. 1999. 13 авг. Автор процитированной статьи журналистка Вероника Черкасова трагически погибла в 2004 году — тело с сорока ножевыми ранами обнаружили в ее квартире. Следствие с упорством повторяет, что ее гибель не связана с профессиональной деятельностью. Хотя и жизнь, и смерть настоящего журналиста всегда связаны с его профессией.

135

Тамара Винникова — финансовый и политический деятель, «дикая орхидея» белорусской политической и экономической элиты. Красивая, сильная женщина (львицы всегда сильнее львов, даже в политике). Возглавляла крупнейший коммерческий банк страны — «Беларусбанк». Затем стала неформальным советником Александра Лукашенко. В 1995-1997 гг. — председатель правления Национального банка Беларуси. Ее близость к главе государства будет стоить ей свободы, однако она сумеет оказаться с семьей в Лондоне. Общаться с ней пришлось по электронной почте. В ответах на вопросы г-жа Винникова традиционно уклончива. Однако это ее право, выстраданное и заслуженное.

Леонов В. Указ. соч. С. 32.

Однако Лукашенко слово сдержал — заводы запустил. Какой ценой для белорусской политики и экономики — другой вопрос. Кебич, скорее всего, такую цену платить бы не согласился.

Цифры приводятся от числа избирателей, пришедших на участки для голосования.

139

Олег Богуцкий — историк и политолог. Помощник депутата Станислава Шушкевича, активист социал-демократического движения. В 1999 году был близок к Виктору Гончару, входил в состав так называемого оппозиционного Центризбиркома.

Гриб М. Указ. соч. С. 166.

141

Гриб М. Указ. соч. С. 118.

142

Павел Якубович — журналист, чьи фельетоны и футбольные репортажи читали все — от рабочих до академиков. Во время августовского путча 1991 года был одним из немногих сотрудников государственных газет, кто резко и недвусмысленно заявил о его незаконности, за что и удостоился награды международного союза журналистов «За гражданское мужество». В 1995 назначен главным редактором президентской газеты «Советская Белоруссия». Редактор должен ориентироваться на читателя, а главным читателем был и остается Лукашенко, сам назвавший себя «советским белорусом».

Вероятно — обоюдному, если говорить обо мне и президенте.

Кем он и стал после победы, так как должность Управляющего делами Президента ассоциировалась у всех с должностью завхоза, пусть даже республиканского масштаба (ему пресса даже прозвище дала — «завхоз республики»).

Скорее всего, в то время он все-таки полагал, что эта формула к нему лично не относится. И в новой команде ему тоже найдется достойное место.

146

Стенограмма беседы с Л. Синицыным.

Черкасова В. Человек в черном // Белорусская газета. 2002. №345. 29 июля.

148

Михаил Пастухов — бывший заведующий кафедрой Института национальной безопасности, доктор юридических наук, профессор, член 1-го состава Конституционного суда Республики Беларусь. В 1996 году — один из судей-докладчиков по делу об импичменте. Остался до конца верен Конституции 1994 года. Руководитель Центра правовой защиты СМИ при Белорусской ассоциации журналистов.

149

Семен Домаш, председатель Гродненского областного совета. Член президиума Верховного Совета 13-го созыва, остался верен Конституции 1994 года. В 2001 году зарегистрирован кандидатом в президенты Беларуси но, под давлением «общественности» снял свою кандидатуру в пользу единого кандидата Владимира Гончарика, что стоило самому Домашу инфаркта. После 2001 года ушел из политики

150

Римас Стаумпе. Упал и отжался. // Белорусская газета. 2000. 2 мая.

151

Галко Н. Александр Лукашенко: «Буду настаивать на создании властной вертикали» // Народная газета. 1994. 22 сент.

152

«Программа должна стать документом, консолидирующим все структуры государства и общества»: Выступление президента Александра Лукашенко на сессии Верховного Совета Республики Беларусь // Народная Газета. 1994. 30 сент. При этом «представительстве» говорилось, но его даже не сочли нужным оформить. «Ни А. Лебедько, ни Д. Булахов ни де-факто, ни де-юре не являлись представителями президента в Верховном Совете двенадцатого созыва» (Лебедько, стенограмма).

153

Президент с Титенковым примеряли в кабинете новый костюм.

Кое-кто недоумевает, почему, став ярым оппозиционером, бывший премьер так и не обнародовал «всю правду» о своем финансовом участии в кампании Лукашенко, что заметно снизило бы легитимность президента. Что за этим — осторожность? Или боязнь показаться недальновидным и смешным: как же, собственными руками и на собственные деньги создал того, кто его же и уничтожил как финансиста и политика.

155

Старикевич А. Новые люди в коридорах власти // Известия. 1994. 8 сент. Похоже, Старикевич все-таки кое-что путает. Никому, кроме Чигиря, портфель премьера не предлагался. Были люди, которые просили для себя эту должность. Говорили также, что Гончар и Булахов активно предлагали кандидатуру Михаила Мясниковича, явно не проходную в тот момент.

Леонов В. С. 69-70.

157

Транш был небольшой, если память не изменяет 120 миллионов, но на очень льготных условиях. Это было хорошим знаком. Запад показал, что готов разговаривать с Лукашенко и готов финансировать реформирование белорусской экономики.

Синякевич И. Нужна ли России благополучная Белоруссия? // Известия. 1994. 9 авг.

159

Выступление президента Александра Лукашенко на сессии Верховного Совета Республики Беларусь // Народная газета. 1994. 30 сент.

Богданкевич. С. 39.

161

Леонов В. С. 70.

162

Честное президентское слово будет даваться народу еще неоднократно.

163

Владимир Ермошин — в 1994-1999 годах председатель Минского горисполкома, затем в течение года премьер-министр, назначенный на этот пост против собственного желания. Продемонстрировал удивительное для чиновника такого ранга сочетание карьерных качеств, деловитости и порядочности. После отставки некоторое время руководил белорусским филиалом МТС, а затем уехал работать в Москву.

Леонов В. С. 72-73.

165

Позже правительство уже никогда не осмелится демонстрировать главе государства наличие собственного отношения к происходящему в стране.

166

«Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"». (Ленин В. И. Государство и революция. 1918). Сталин использует эту цитату совершенно в лукашенковском духе: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи» (Сталин И. К вопросам ленинизма. М.; Л., 1926).

167

Стенограмма беседы с Э. Эйдиным

168

У Мясниковича была репутация умного и осторожного аппаратчика. Было очевидно: если он сдержит слово и уйдет в отставку, посыплется весь состав правительства.

169

Галко Н. Аляксандр Лукашэнка: «Буду настойваць на стварэнні уладнай вертыкалі» // Народная газета. 1994. 22 сент.

170

Стенограмма беседы с М. Пастуховым.

171

Стенограмма беседы с В. Тригубович.

Владимира Хилько, главу Сбербанка, позже арестуют, осудят и посадят.

То есть банк, которым руководила Винникова.

См.: Страной управляют мафиозные кланы // Свабода. 1994. № 49.

175

Василий Долгалев — депутат Верховного Совета 12-го созыва, заместитель председателя контрольной палаты. После прихода Лукашенко — начальник службы контроля Президента. Вместе с Синицыным ушел из Администрации в правительство на должность вице-премьера, вместе с Синицыным в июле 1996 года подал заявление об отставке. Но отставка не была принята, и Долгалев поработал и первым вице-премьером, и председателем Брестского облисполкома, и дважды полпредом президента Беларуси в Москве. В общем, «ценный кадр».

Что, в свою очередь, позволит Титенкову подать в суд иск о защите чести и достоинства. А это вынудит Сергея Антончика, к тому времени уже безработного, продать часть имущества, чтобы во исполнение решения суда начать погашать иск г-на Титенкова.

Что и подтвердит потом Конституционный суд.

Как я понимаю, в тот момент Синицын был прав: только рехнувшийся на почве идейной верности начальству чиновник может нести такую чушь.

179

Я определенно был плохим чиновником. Какой хороший чиновник станет дожидаться решения собственной судьбы в приемной, имея возможность «морально давить» на начальство в его кабинете?

180

Главных редакторов государственных газет уволили почти всех, включая редактора парламентской «Народной газеты» Иосифа Середина, которого увольнять и вовсе не имели права — потому, что газета была парламентская, и потому, что Середич был депутатом.

А произошло и это, и многое другое. Каждый раз, когда я читаю в прессе о закрытии очередной газеты, об избиении либо осуждении журналиста или редактора, я думаю, что был прав, когда уходил в отставку. Помешать этому было бы не в моих силах. Единственное, что остается, — работать в негосударственных белорусских изданиях, вместе с ними ощущая на себе «прелести» лукашенковской информационной политики.

182

Изображение всадника с копьем — символ, древний, как память о Грюнвальдской битве, в которой белорусские воины сражались под бело-красно-белыми знаменами.

183

Филарет (в миру — Кирилл Вахромеев) — Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх Всея Беларуси. Длительное время был начальником Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви. Декан теологического факультета закрытого властями негосударственного Европейского гуманитарного университета, вместе с факультетом без потерь перешедший в государственный университет. Депутат Верховного Совета 12-го созыва.

Вероятно, консультативный характер вопроса о праве президента на роспуск Верховного Совета и был компромиссом, обеспечившим лояльность парламентского большинства.

185

Стенограмма беседы с В. Голубевым.

Там же.

187

После референдума Лукашенко переедет в бывшее здание ЦК КПСС, демонстрируя всем, кто теперь хозяин в Беларуси.

188

Язеп Бролишс — следователь Прокуратуры Республики Беларусь по особо важным делам. Получил известность, доказав, что массовые захоронения в урочище Куропаты относятся ко временам сталинских репрессий, а не Великой Отечественной войны.

Такова логика памяти: сопричастные к таким событиям — иногда непроизвольно — стараются забыть самое неприятное.

Напомним, что депутатские кабинеты располагались тогда в бывшем здании ЦК компартии Беларуси, а сессии проводились в Овальном зале Дома правительства.

191

Дом искусств и магазин «Океан» расположены в пяти минутах ходьбы от штаб-квартиры БНФ, так что, получается, туда избитых депутатов и доставили — тех, кто пожелал.

192

Стенограмма 16-й сессии ВС БССР 12-го созыва, № 95-96.

193

Там же.

Там же.

195

Стенограмма 16-й сессии ВС БССР 12-го созыва, № 95-96.

196

Там же.

Что, кстати, Лукашенко признает в 1996 году, «делегировав» Дементея в верхнюю палату сконструированного им «ручного» парламента.

198

Стенограмма 16-й сессии ВС БССР 12-го созыва, № 95-96.

199

Там же.

200

Там же.

201

Юрий Азаренок — режиссер, специализирующийся на пасквилях, "облищающих" белорусскую оппозицию. Некоторое время исполнял обязанности пресс-секретаря Республиканской прокуратуры (во времена Виктора Шеймана).

Говорят, что она «стоит» намного дороже.

203

Татьяна Протько — кандидат физико-математических наук, историк науки и общественно-политической борьбы, автор фундаментального труда по становлению советской тоталитарной системы. Председатель Белорусского Хельсинкского комитета.

Войтович Н. Разорвали флаг // Свабода. 1995. 19 мая.

Это «белорусское электоральное чудо» потом будет повторяться в еще больших масштабах. Но основа его закладывалась тогда.

206

По Конституции Верховный Совет считался легитимным, лишь при условии, что было избрано большинство депутатов.

Это поражение, кстати, подтвердило его аппаратное «прозвище» — «Гробовщик». Так называли Мясниковича те, кто помнил, что он начинал свою карьеру в качестве главного инженера «спецхозяйства» белорусской столицы — правительственного кладбища.

208

Георгий Бадей, экономист и чиновник. Министр труда в правительстве Вячеслава Кебича, министр экономики в правительстве Михаила Чигиря. После отставки председатель Белорусского союза предпринимателей и арендаторов имени М. С. Кунявского.

209

Валентина Святская, комсомольская активистка. После падения коммунистической системы принимала активное участие в создании Аграрно-демократической партии. После референдума — «руководитель секретариата Президиума Верховного Совета Беларуси» (той части депутатов, которые не признали новую Конституцию). Член БНФ.

К чести Калякина замечу, что с тех пор Партия коммунистов Беларуси остается, увы, едва ли не единственной политической силой в Беларуси, которая никогда не нарушала данного ее руководством слова.

А позднее и к бесславному политическому концу.

212

Лукашенко не в первый раз в этот момент разыграл роль «батьки» — отца. Он сам придумал и сам навязал всем это магическое прозвище. Ведь только батька может «тыкнуть» любому сыну, независимо от возраста, и это не будет считаться хамством. Только отцовские побои сын вынужден сносить как должное: батька выпорет, батька и пожалеет. Слово подхватила оппозиционная пресса и сорокой понесла по всей стране, зомбируя народ: «Батька, батька, батька…» А самозваному «батьке» того и надо было.

213

Стенограмма беседы с О. Абрамовой.

214

Стенограмма беседы с В. Святской.

215

Стенограмма беседы с В. Нистюком.

Если полномочия действительно существовали, то переговорщика выбрали весьма удачно: Мордашов и Тихиня были соратниками со времен их общей работы в ЦК КПБ. Оба они оставались «на хозяйстве» в дни августовского путча 1991 года.

217

И отсидел — по обвинению в якобы незаконной предпринимательской деятельности — около трех лет.

Совсем недавно мы увидели явное тому доказательство на примере экс-президента Литвы Роландаса Паксаса.

Впрочем, он с ними «это» и сделал. Достаточно вспомнить, что экс-спикер парламента Станислав Шушкевич по «милости» нашего всенародно избранного главы государства до сих пор получает пенсию в размере менее двух долларов США.

Леонов В. Указ. соч. С. 82.

Не вполне так: «да-да-нет-нет-нет-нет-нет». Четыре вопроса внес президент, три — парламент. По первым двум президентским вопросам (о Конституции и о совмещении дня Независимости с днем освобождения Беларуси) нужен был ответ «да», по остальным (отмена смертной казни и введение частной собственности на землю) — «нет». Отрицательного ответа власть ждала и на три парламентских вопроса: о новой редакции Конституции (без поста Президента), о финансировании органов государственного управления исключительно из государственного бюджета и о выборности руководителей местных органов власти всем населением. Это стремление загнать голосование в ритм «речевки» превратило Беларусь в посмешище: белорусы оказались единственным народом, разрешившим своему правительству финансироваться не из бюджета, а еще невесть из каких источников!

При этом сам Лукашенко утверждал, что как раз теперь баланс ветвей власти в Беларуси установлен.

Леонов В. Указ. соч. С. 81.

Уже в первом интервью после назначения на пост премьер-министра Чигирь рассказал о своем пристрастии к пчеловодству.

225

Стенограмма беседы с В. Гончариком.

Леонов В. Указ. соч. С. 81.

227

Стенограмма беседы с В. Гончариком.

228

Недаром Лукашенко решил отобрать у парламента контрольные функции.

Этот высокий дипломатический талант был по достоинству оценен президентом, позже назначившим Саковича послом в Молдове.

Процедура, не предусмотренная никакими правовыми нормами: формально Малумов находился не при исполнении своих обязанностей, так что его подпись не имела никакой юридической силы.

Один из них то ставил подпись, то отзывал, так что даже Тихине это надоело, и он поставил вопрос ребром: «Виктор Иванович, так вы определитесь, наконец, с кем вы!» Как в том анекдоте про мартышку: с умными ты, мартышка, или с красивыми?

232

Юрий Хащеватский — кинодокументалист и общественный деятель. Создатель трех десятков игровых и документальных картин, в том числе нашумевшей ленты «Обыкновенный президент», по сравнению с которой фильм Майкла Мура о Джордже Буше — жалкий ремейк. Лауреат премии имени А. Д. Сахарова за гражданское мужество.

Так, например, на пост вице-спикера от фракции «Гражданское действие» он не стал выдвигаться сам, а предложил кандидатуру Геннадия Карпенко.

Национальная служба новостей. 1996. 25 ноября.

235

Лидия Ермошина — юрист, председатель Центризбиркома Республики Беларусь с ноября 1996 года, соавтор всех «элегантных побед» над электоратом, одержанных с тех пор Александром Лукашенко. Ее роль в борьбе с белорусской демократией по достоинству оценена международным сообществом: глава белорусского ЦИКа объявлена «невъездной» на территорию Европейского Союза — наряду с лицами, подозреваемыми в причастности к физическим расправам с оппонентами режима.

Последнее очень показательно: Кравченко, председатель комиссии Верховного Совета по международным делам, бывший министр иностранных дел, хорошо ориентировался в вопросах международного права, а потому его присутствие на подобном, мероприятии было крайне невыгодно президентской стороне.

237

Григорий Василевич, доктор юридических наук, член Конституционного суда 1-го состава. Один из ведущих разработчиков текстов обеих редакций белорусской Конституции. Получил широкую известность среди журналистов благодаря тому, что был единственным судьей Конституционного суда, регулярно шедшим вразрез с мнением большинства своих коллег и высказывавшим «особое мнение» в ходе рассмотрения вопросов о нарушении президентом Конституции. Председатель Конституционного суда 2-го состава.

Этот пункт и завизировал Валерий Тихиня, продемонстрировав тем самым готовность его исполнить.

239

Валерий Щукин, капитан второго ранга, депутат Верховного Совета 13-го созыва. Участник многочисленных политических баталий. Неоднократно арестовывался за участие в несанкционированных оппозиционных акциях. Исключен из ПКБ за инакомыслие и публикации в близкой к БНФ газете «Народная Воля».

240

Стенограмма беседы с О. Абрамовой.

241

Стенограмма беседы с В. Святской.

Напомним: бывший главный помощник президента, а в 1996 году — лидер пропрезидентской фракции в Верховном Совете.

Объективности ради следует сказать, что это во многом — результат работы президентских радио и ТВ.

Леонов В. Указ. соч. С. 83

Василевич Г. А. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия. С. 111.

Об этом недавно написана целая книга, так и названная — «Случайный президент». Название легкомысленное, если не безответственное.

247

Когда-нибудь, впрочем, сбудется и этот прогноз: стоящие часы дважды в сутки показывают точное время.

Другое дело, что тогда, когда он произносил эти слова, ему казалось, что двенадцать лет — это много. Иначе в новый текст Конституции было бы сразу заложено пожизненное президентство.

Народ вправе решать свою судьбу. Минск, 1997. С. 69.

Именно так позже скажет о себе профессор Урал Латыпов, в должности министра иностранных дел, госсекретаря Совета безопасности, а позже главы Администрации президента полностью разделивший с Лукашенко персональную ответственность за все катаклизмы новейшей белорусской истории.

Будь на месте белорусов украинцы, результат, как показывают президентские выборы 2004 года на Украине, мог быть иным.

252

Жолифф А. Белорусское приключение // ARCHE. 2004. № 2. С. 224. Анни Жолифф — супруга первого посла Франции в Минске Клода Жолиффа.

253

Жолифф А. Белорусское приключение//ARCHE. 2004. № 2. С. 224.

Так из Минска выдворили вице-спикера Государственной думы России Ирину Хакамаду и лидера думской фракции СПС Бориса Немцова, прибывших по приглашению независимого аналитического центра.

До августа 1991 года там располагались дачи руководства белорусской компартии. После падения коммунистической системы в Дроздах мирно соседствовали резиденции первых лиц белорусского государства и руководителей аккредитованных в Минске дипломатических миссий.

Созданный Будинасом музей белорусской материальной культуры «Дудутки» многие годы являлся центром дипломатической жизни Беларуси.

257

Кран-Монтана: пытаясь унизить гостя, хозяева унизили себя. Инструменты те же: провокация, клевета и ложь // Советская Белоруссия. 1998. 14 июля. № 181-182.

Дейч М. Коричневые. М., 2003. С. 394

Троекратное — в связи со скандалом вокруг «Дроздов», в связи с отказом белорусского МИДа выдать визы иностранным сотрудникам офиса ОБСЕ в Минске и в связи с нежеланием белорусских властей содействовать следствию об исчезновениях политических оппонентов режима — о чем чуть позже.

Силицкий В. Гістарычны выбар Лукашэнкі. ARCHE. 2004. № 2. С. 15.

261

Николай Статкевич — подполковник, кандидат технических наук. Был активистом Белорусской социал-демократической громады, председателем Белорусского объединения военнослужащих. В 1995-2004 годах — председатель Белорусской социал-демократической партии «Народная Громада». Один из немногих белорусских публичных политиков, не только участвующих в массовых оппозиционных митингах, но и до конца остающийся во главе колонны. Из лидеров белорусских партий — абсолютный рекордсмен по «отсидкам» в тюрьмах. В декабре 2004 года исключен из партии в результате внутрипартийного противостояния.

Так остряки начали расшифровывать аббревиатуру «ГУЛАГ».

263

Марцев не мог себе представить, что государственный служащий, каким был я, осмелится играть «свою партию», без согласования с начальством.

264

Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко 20 июля 2004 г.

265

Константинова Н. Союз с Аполлоном // Профиль. № 47 (219).

Хотя как сказать. На открытии в январе 2005 года лыжного комплекса «Силичи» под Минском Лукашенко дал такой рецепт: «Чтобы быть красивым, надо не просто заниматься спортом, а с сегодняшнего дня на 25% уменьшить свой рацион» (2001. 31 янв).

267

Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко 20 июля 2004 г.

Фролов В. Куда идем, белорусы? М., 2004. С. 98.

Собственно говоря, за это ратовал еще депутат Лукашенко, предлагая, например, отнять блага у города в пользу деревни.

270

Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко 20 июля 2004 г.

Климов А., Огурцов Е. Площадь Независимости. Минск; СПб., 2004. С. 336.

272

Стенограмма беседы с Л. Синицыным.

Фролов В. Указ. соч. С. 26.

Непонятно, о каких показателях говорит здесь Лукашенко: 1990 год — это уже почти пик кризиса, магазины полупусты, и страна близка к карточной системе.

275

Речь А. Г. Лукашенко на Втором Всебелорусском народном собрании, 2001 г.

Валерия Кругового обвинили в совершении экономического преступления и вынудили эмигрировать.

Хотя из всех государств, граничащих с Беларусью, война идет лишь в России (в Чечне).

Хотя, впрочем, опыт Северной Кореи показывает, что в небольшой стране подобный режим может держаться десятилетиями. Вопрос в том, хотят ли белорусы перейти с картошки на рис.

279

Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко 20 июля 2004 г.

280

Из выступления А. Лукашенко на совещании по перспективам развития телевидения 16 февраля 2005 г. // Свободные новости плюс. 2005. 23 февр.

281

Стенограмма беседы с П. Кравченко.

Рэспубліка. 2004. 29 марта.

Рэспубліка. 2003. 29 марта. № 71.

Там же.

285

Там же.

Зато селекторные совещания по посевной и жатве проводит в духе совхозных планерок, но со всенародной трансляцией.

287

Лукашенко считает, что у Гитлера есть чему поучиться // Свабода. 1995. 28 нояб.

Дейч М. Указ. соч. С. 394.

Жолифф А. Указ. соч. С. 224.

Даром что минимумы в Германии и в Беларуси всегда были разными.

Уже после отставки Латыпова в Палату Представителей был внесен на рассмотрение специальный законопроект о государственной поддержке таких «государственно-общественных» организаций — здесь вещи бесстыдно назывались своими именами.

Впрочем, часть забастовщиков все-таки получила разрешение занять свои рабочие места. Однако — лишь после «отработки» в колхозе, «заслужив» тем самым право вернуться к привычной городской жизни.

293

Леонид Козик — доктор экономических наук, директор фабрики в г. Борисове, депутат и председатель комиссии по экономической реформе. В Верховном Совете 12-го созыва считался одним из представителей либерального крыла депутатского большинства. Лукашенко сделал его вице-премьером, своим полномочным представителем в интеграционных структурах в Москве, затем заместителем главы Администрации. Назначение Козика лидером ФПБ поначалу восприняли как ссылку, однако забыли, что ФПБ после Управления делами президента является вторым владельцем недвижимости в стране. Так что ссылка обернулась скорее поощрением и знаком доверия. Что и было подтверждено: Козику позволили получить мандат депутата Палаты Представителей 3-го созыва, в то время как Гончарика, фигуру гораздо более известную, даже не зарегистрировали кандидатом.

Взамен они получали от Митрополита не только благословение и обещание молиться, но и ордена Русской православной церкви.

295

Имя. 1997. 11 июня.

296

Стенограмма беседы с П. Кравченко.

Эмиграция, правда, обернулась конфузом: Некляев, никому на Западе не нужный, возвращается в конце концов на родину.

Рэспубліка. 2003. 29 марта. № 71.

Трещенок Я. И. История Беларуси: В 2-х ч. Ч. 1: Досоветский период. Могилев, 2004. С. 224.

Силицкий В. Гістарычны выбар Лукашэнкі // ARCHE. 2004. №2. С. 15.

301

Дарога праз Курапаты: Кніга аднаго рэпартажу. Радио «Свобода». 2002. С. 16.

Позняк З. Опять на линии огня // Московские новости. 2001. № 46.

303

Лукашук А. Живые в Куропатах // Дарога праз Курапаты: Кніга аднаго рэпартажу. С. 3.

Рэспубліка. 2003. 29 марта. № 71.

305

Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь от 28 сентября 2004 г.

306

Александр Лукашенко: "Такое воспитание нам не надо"// Народная воля. 2004. 23 нояб. № 220.

307

Геннадий Грушевой — доктор философских наук, профессор, депутат Верховного Совета Беларуси 12-го созыва. Создатель и руководитель фонда «Детям Чернобыля», благодаря которому за границей получили помощь более пятисот тысяч белорусских детей, преимущественно с территорий, загрязненных после аварии на Чернобыльской АЭС.

308

Стенограмма беседы с Г. Грушевым.

309

Стенограмма беседы с Г. Грушевым.

310

Стенограмма беседы с П. Данейко.

311

Павел Козловский — министр обороны в правительстве Вячеслава Кебича, генерал-полковник. Попытка защитить свою честь от оскорблений, нанесенных ему депутатом Александром Лукашенко, стоила Козловскому звания: одним из первых своих указов новый главнокомандующий отнял у боевого командира, прошедшего Афганистан, звание генерал-полковника, понизив до генерал-лейтенанта. В 2001 году Козловский пытался выдвигаться кандидатом в президенты, но безуспешно.

Покрутил пальцем у виска. Можете мне поверить: Павел Козловский поступил на моих глазах во время беседы именно так.

313

Стенограмма беседы с П. Козловским.

Литовкин В. Тайна полета АН-124 в Алабаму раскрыта // Известия. 1994. 24 дек. № 247.

315

Белоруссия приостановила выполнение контракта на продажу ракетного комплекса // Известия. 1994. 1 дек. № 231.

316

Стенограмма беседы с П. Козловским.

317

Котелкин А. Сверху мне приказывали поставлять танки в Ирак // Собеседник. 2005. № 8. Александр Котелкин знает, что говорит: в те времена он возглавлял «Росвооружение».

318

Стенограмма беседы с П. Козловским.

319

В те времена общественное мнение в России, надо полагать, все-таки что-то значило.

С присущей ей, впрочем, вполне понятной в ее положении недосказанностью.

Например, все пять человек, в разное время занимавшие пост управляющего делами президента Беларуси, были выходцами из Могилевской области.

322

В мою недолгую бытность чиновником, впрочем, никаких денег в конвертах нам не выдавали — вероятно, это более поздняя практика.

Фролов В. Указ. соч. С. 41.

324

Протасов Ф. Задержан лучший друг Ивана Титенкова, известный в криминальном мире как Витя-Колхозник // Имя. 1999. 24 июня. № 206.

Титенков не договаривает. В момент ареста Вити-Колхозника сам «завхоз республики» находился в Берлине и, говорят, долго раздумывал, стоит ли ему возвращаться на родину. Однако вернулся — получив гарантии личной неприкосновенности.

Гуляев А. Лукашенко не доверяет никому // Народная воля. 2001. 10 июля.

В настоящее время и сам Логвинец, и его бывший покровитель и друг Иван Титенков занимаются бизнесом в России. Значит, не все «национализировали» — кое-что оставили «на жизнь».

328

Стенограмма беседы с П. Марцевым.

Действительно, судя по российскому телевидению, на Дальнем Востоке такой голод, что руководителю дружественного государства с собой автобус сала везти нужно — транзитом через Японию.

Надо полагать, не в одной же Японии Титенков таким образом рассчитывался. Вряд ли для Страны Восходящего Солнца было сделано какое-то исключение.

Леонид Заико — кандидат экономических наук, руководитель аналитического центра «Стратегия», организатор традиционного Минского международного форума, на котором белорусские и немецкие политики, общественные деятели, эксперты регулярно обсуждают перспективы сотрудничества Беларуси с Европой и различные аспекты внутренней и внешней политики Беларуси.

332

Стенограмма беседы с П. Марцевым.

Показательно, что владелица «Фико» Наталья Шевко чуть позже вышла замуж за следователя КГБ, ведшего ее дело, и вместе с ним благополучно оказалась за пределами Беларуси.

Фролов В. Указ. соч. С. 88.

335

Владимир Гаркун — бывший председатель колхоза, первый секретарь райкома партии, затем председатель комиссии по аграрным вопросам Верховного Совета 12-го созыва. Вице-премьер в 1994-1999 годах. Посол Беларуси в Литве.

Леонов В. С. 132.

Фролов В. Указ. соч. С. 88.

Михайлов Ю. «Рассвет» должен умереть // Московские новости. 2002. № 19.

339

Стенограмма беседы с П. Марцевым.

Все — «по категориям», чтобы в любой отрасли «каждой твари — по паре».

341

Винникова Т. Арест не был для меня неожиданным // Белорусская деловая газета. 1999. 2 апр.

342

Николай Домашкевич — бывший первый секретарь Сенненского райкома партии, депутат Верховного Совета 12-го созыва. С 1996 по 2000 год — председатель Комитета государственного контроля Беларуси. Ходили слухи, что в этой должности он работал так рьяно, что однажды попросил Лукашенко назначить его премьер-министром: мол, иначе убьют за преданность. Правда, премьером его так и не назначили, зато назначили председателем Минского облисполкома. В этой должности наелся критики за приписки.

343

Тамара Винникова: Арест не был для меня неожиданным // Белорусская деловая газета // 1999. 2 апр.

344

Тамара Винникова говорит о самом известном белорусском серийном убийце, совершавшем свои преступления еще в советские времена.

345

Тамара Винникова. Там же.

Там же.

Линг и Гаркун. Дело было после референдума 1996 года.

Леонов В. Указ. соч. С. 83.

349

Там же.

Леонов В. Указ. соч. С. 100.

Леонов В. Указ. соч. С. 103-104.

352

Олег Божелко — заведующий сектором Могилевского обкома КПБ, прокурор Шкловского района, затем прокурор Могилевской области. С подачи управляющего делами президента Ивана Титенкова был в 1997 году назначен Генеральным прокурором Республики Беларусь. Снят с должности в ноябре 2000 года, когда вместе с председателем КГБ Владимиром Малевичем потребовал отставки госсекретаря Виктора Шеймана, по их утверждению, мешавшего следствию об исчезновениях известных белорусских политиков. После увольнения уехал в Москву, но затем неожиданно вернулся. Молчит, не дает никаких интервью и комментариев в прессе.

Леонов В. Указ. соч. С. 125-126.

Леонов В. Указ. соч. С. 128.

355

Тамара Винникова: Арест не был для меня неожиданным.

Там же.

Леонов В. С. 114.

Приблизительно также, как в Жодино, кормят ив других тюрьмах. Вот впечатления собственного корреспондента Общественного Российского телевидения Павла Шеремета, на себе испытавшего прелести белорусской тюрьмы: «В 12.00 обед, самое радостное время суток. Сначала развозят суп — жидкая баланда с трудноуловимыми овощами. Нам весь август вместо картошки давали "клейстер" — смесь муки и порошкового картофеля. Этот же клейстер добавляли и в суп, поэтому, с позволения сказать, блюдо на первое напоминало кисель. Есть такое с непривычки невозможно, но день-два голодухи вкусы все-таки меняют. Пока баланду развезут по этажам, надо успеть съесть суп, так как в эту же миску на второе положат кашу или чистый клейстер. Честно говоря, клейстер я так и не смог в себя впихнуть, так и не смог заставить свой организм проглотить эту серую массу с неприятным запахом комбикорма» (*Шеремет П., Калинкина С.* Случайный президент. Ярославль, 2003. С. 114).

359

Леонов В. Указ. соч. С. 109-110, 112. Уже в 2005 году сыновья осужденного экс-министра и посла Михаила Маринича жаловались, что их 65-летнему отцу, перенесшему в тюрьме инсульт, не дали необходимых лекарств.

Леонов В. Указ. соч. С. 166.

О его аресте и осуждении позднее.

Слава Богу! Учитывая сегодняшние веяния, могли бы вменить и попытку совершить террористический акт или нападение на представителя власти!

Впрочем, это не играло никакой роли: сессии транслировались в прямом эфире внутренней радиосети правительственных учреждений. Так что Лукашенко всегда был в курсе того, кто и как выступает. Просто Климов, как он сам признался, «ловил кайф» от того, что мог «дернуть тигра за усы».

364

В этом элитном доме живут дипломаты. Деньги от сдачи квартир в аренду получает, разумеется, Управление делами президента Республики Беларусь.

Анкудо Е. Обыкновенный вор? // Белорусская газета. 2002. 15 апр. № 331.

И с оптимизмом вернулся в политику. Вдохновленный чередой «бархатных революций» на постсоветском пространстве, Климов весело и бездумно «назначил» революцию в Беларуси на 25 марта 2005 года. Но у белорусской оппозиции «чужие» идеи особой популярностью не пользуются, а потому на площадь по призыву последнего «буйного» политика вышло лишь около тысячи человек. И, побросавшись снежками в ОМОН, эта тысяча «отморозков» была разогнана дубинками.

367

Конец государственных экономических программ, или Операция «Паук» // Белорусская деловая газета. 1999. 2 июля. № 606.

На самом деле получилась обычная теория государственного капитализма, но самому Александру Лукашенко так никто и не решился это объяснить.

Операция «Паук» // Белорусская деловая газета.

Стенограмма беседы с П. Марцевым. Смешно сказать: даже за помещения, в которых разрабатывались государственные программы, Эйдин платил из собственного кармана.

А может, разрешение и было получено — сейчас это трудно установить. Сам Эдуард Эйдин молчит, Лукашенко также предпочитает не высказываться. Однако арест Эйдина вряд ли случайно совпал с назначением на пост премьер-министра России Евгения Примакова, железной рукой приведшего золотоалмазный бизнес России под контроль спецслужб. Не исключено, что арестом Эйдина мы просто «отмазывались» от подозрений. Ведь по эйдинским схемам Беларусь «вымывала» свой золотовалютный запас из России и Казахстана.

Галина Журавкова — директор швейной фабрики в г. Велиж Смоленской области. Вернулась на родину в Шкловский район, где ее заметил управделами президента Иван Титенков и назначил руководителем белорусского концерна народных промыслов. В 2001 году Журавкова заняла его кабинет, в котором развернулась по-настоящему и продемонстрировала, на что способна женщина, получившая власть и полномочия.

373

«Занимая такую высокую должность, я коммерческим структурам перешла дорогу…» // Белорусская газета. 2005. 17 янв. № 2 [470].

Комсомольская правда в Белоруссии. 2004. 14 янв.

375

Стенограмма беседы с П. Марцевым.

376

Владимир Мацкевич — комсомольский работник, затем офицер КГБ. Работал начальником УКГБ по Минску и Минской области, затем по Брестской области. В 1996 году возглавил КГБ Беларуси. Во время конституционного кризиса 1996 года сохранил полную лояльность Лукашенко (по слухам, тот дал приказ оплатить лечение Мацкевича в Германии). Сопротивлялся попыткам Виктора Шеймана подчинить себе КГБ. В ноябре 2000 года уволен вместе с генеральным прокурором Олегом Божелко после безуспешной попытки добиться отставки Виктора Шеймана. Многие считали, что Мацкевич мог бы стать главным соперником Лукашенко на президентских выборах 2001 года. Однако Мацкевич не стал ввязываться в политику, вероятно, предпочитая журавлю в небе должность посла в Сербии.

Георгий Таразевич, Станислав Шушкевич, Мечислав Гриб и Семен Шарецкий. Теперь осталось трое: Шушкевич, Гриб и примкнувший к оппозиции Александр Войтович.

Матери арестованного директора белорусского бюро ОРТ Павла Шеремета, например, неоднократно «рекомендовали» обратиться к президенту с просьбой о помиловании еще не осужденного сына: так-де президент выпустит Павла из тюрьмы быстрее. А дважды Героя Социалистического труда Василия Старовойтова, осужденного по нелепым обвинениям, все-таки вынудили написать «покаянное письмо» на имя президента. Ветерана колхозного движения оказалось сломать проще, чем министра сельского хозяйства Василия Леонова, который такое письмо писать отказался.

379

Ханс-Георг Вик — германский дипломат и политик, успевший поработать послом ФРГ в СССР и в Индии, поруководить германской разведкой. В 1998 году был назначен руководителем Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ в Минске, после чего стал излюбленной мишенью для критики как со стороны государственных средств массовой информации, так и радикальных белорусских оппозиционеров. Первые обвиняли Вика в заигрывании с оппозицией, вторые — в излишней симпатии к власти. Дело закончилось тем, что после президентских выборов 2001 году Вику не продлили дипломатическую аккредитацию и не выдали визу. С тех пор посол Вик живет в Германии и считается одним из наиболее компетентных европейских экспертов по белорусским проблемам.

380

Павел Северинец — выпускник географического факультета БГУ, религиозный и молодежный активист. Стоял у истоков Молодого фронта и был одним из трех его сопредседателей, затем, после неоднократных отсидок в тюрьме, — признанным лидером организации. Избирался заместителем председателя БНФ, однако в 2003 году, не желая сковывать себя «партийной дисциплиной», ушел из партии. На парламентских выборах 2004 года возглавлял неформальный блок «Молодая Беларусь».

381

Северинец П. Пакаленьне Маладога фронту: Гісторыя моладзі, народжанай у 1970-85 гг. Менск, 2002. С. 43.

Северинец П. Указ. соч. С. 43.

«Да здравствует Беларусь!» (*белорус.*)

Северинец П. Указ. соч. С. 49.

Селицкий В. Лучше что-то, чем ничего // Информационно-аналитический портал BelarusFree.org. 4 ноября 2003 г.

Истины ради вынужден признать, что едва ли не самым цитируемым с этой точки зрения журналистом был автор этой книги.

387

Виктор Ивашкевич — журналист, активист Свободного профсоюза, заместитель председателя сойма БНФ. Участник первых демократических молодежных организаций с середины 80-х годов. Активист движения Товарищество белорусской школы.

388

Радио «Рацыя» — польская белорусскоязычная негосударственная радиостанция. Была закрыта после того, как учредители и коллектив были лишены возможности платить за аренду частоты.

389

Николай Маркевич, журналист, депутат Верховного Совета 12-го созыва, член парламентской оппозиции БНФ.

390

Стихи стилизованы под «тросянку» и написаны с имитацией акцента, свойственного Александру Лукашенко.

391

Славомир Адамович — поэт. Для его творчества характерен преднамеренный эпатаж. За стихотворение «Убей президента» был осужден. По отбытии срока заключения принимал участие в оппозиционных акциях; в частности, во время Марша закрытых ртов, посвященного свободе слова в Беларуси, публично зашил себе рот нитками. Позднее эмигрировал в Норвегию, где получил статус политического беженца.

392

Жанна Литвина, журналистка. Работала главным редактором молодежной редакции радиопрограмм Гостелерадио БССР. После реорганизации возглавила радиостанцию «Белорусская молодежная», закрытую в 1994 году в разгар предвыборной кампании после выступления в ее эфире кандидата в президенты Александра Лукашенко. Затем была директором минского бюро радио «Свобода», руководителем Радио «101,2», радио «Рацыя» (сама называет себя матерью всех закрытых белорусских радиостанций). Инициатор создания и бессменный руководитель Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ). В 2004 году БАЖ за заслуги в защите свободы слова в Беларуси удостоена премии Европейского Парламента имени А. Д. Сахарова.

Комиссия работала и даже составила книжку с перечнем совершенных к тому времени Лукашенко нарушений закона, их квалификацией (Гончар был юристом и всегда стремился апеллировать к правовым нормам). Книжку издали анонимно — без указания выходных данных. Однако, несмотря на анонимность, разослали ее всем крупным чиновникам: чтобы знали, что участвуют в совершении должностного преступления.

Эти двое депутатов — старый сподвижник Гончара Геннадий Карпенко и лидер белорусского объединения «Яблоко» Ольга Абрамова.

Иной точки зрения придерживается Олег Богуцкий: «Я не могу похвастаться, что Виктор Иосифович посвящал меня во все свои планы. Но очевидно было, что он не верил в то, что в результате этих выборов будет избран президент».

Гончара пытались кормить насильно. Но его твердая решимость идти в голодовке до конца даже тюремщиков заставила отступить.

Инкриминировали бывшему премьер-министру «аферу» с миллионом долларов, перечисленных им будто бы на строительство офиса возглавляемого им банка. Строительство не велось, а деньги… Деньги, по предположению многих, знающих, но официально молчавших, ушли на финансирование избирательной кампании Лукашенко. Теперь Лукашенко потребовал, чтобы Чигирь эти деньги вернул. «Вместо того, чтобы быть благодарным человеку, который финансировал твой приход к власти, он мало того, что раздавил его семью, так еще камень привалил к нему в виде иска в миллион долларов. Все это отдает махровым иезуитством», — говорит Александр Пупейко. Впрочем, дело не в человеческой неблагодарности или иезуитских кознях. Просто в тот момент Лукашенко важнее всего было показать всем: если ты посягнул на мою власть, меня ничто не остановит. Даже то, что ты когда-то сделал для меня, обернется против тебя.

398

Иван Бранчель, следователь, который вел дело Василия Леонова.

Леонов В. Указ. соч. С. 136-138.

Калугину повезло: его все-таки выпустили, хотя и не оправдали. За него вступился сам Патриарх Алексий II. Заслуги директора завода холодильников перед Православной церковью несомненны: мало того, что он открыл прямо в заводских помещениях церковь и заставлял рабочих посещать ее, как в советские времена заставляли посещать политинформации. Большое количество холодильников по заводским ценам передавались структурам РПЦ, чтобы те продавали их и на вырученные деньги «занимались благотворительностью». Впрочем, Леонид Калугин оказался едва ли не единственным из «благотворителей», кому помогло заступничество церковных иерархов.

401

«Белорусы меня не предадут»: Из интервью Александра Лукашенко Белорусскому телевидению, 22 июня 2001 г.

Но денег, разумеется, никто не вернул — ни генералу, ни Мариничу.

Правда, потом «скостили» до трех с половиной.

Дащинский А. «Сочту за честь…» // Навіны. 1999. 27 апр.

405

Говорит Юрий Захаренко // Независимое расследование. Минск, 2004. Бюллетень № 2. С. 78.

406

Говорит Юрий Захаренко. С. 79.

Мы должны быть вместе! // Советская Белоруссия. 1999. 29 окт. № 256.

Белорусская газета. 2000. 18 сент. № 252.

409

Черкасова В. Человек в черном // Белорусская газета. 2002. 29 июля. № 345.

410

Стенограмма беседы с О. Богуцким.

411

Федута А. В поисках утраченного // Белорусская деловая газета. 1999. 24 сент. № 643.

Белорусская газета. 2000. 18 сент. № 252.

413

Юрий Беленький — депутат Верховного Совета 12-го созыва, один из лидеров Консервативно-христианской партии Зенона Позняка.

414

«Белорусская нива» — государственная газета, адресующаяся преимущественно сельской аудитории.

415

Маховский А. «"Частный детектив" нашел Виктора Гончара» // Белорусская деловая газета. 1999. 29 сент. № 645.

Виктор Гончар: «Ситуация в Беларуси может стать неконтролируемой» // Белорусская деловая газета. 1999. 27 сент. № 644.

417

Отдел расследований «БДГ». «Почему исчез Виктор Гончар? Версия вторая» // Белорусская деловая газета. 1999. 9 дек. № 686.

Мы должны быть вместе! // Советская Белоруссия. 1999. 12 окт. № 256.

419

Дмитрий Завадский — бывший «личный» оператор президента, затем оператор съемочной группы ОРТ, которой руководил Павел Шеремет. Вместе с Шереметом за «незаконное» пересечение государственной границы Завадский был осужден условно, после чего продолжал работать на ОРТ, снимая в Чечне. Исчез бесследно в 1999 году, незадолго до Виктора Гончара и Анатолия Красовского. Его именем названа премия ОРТ, присуждается тележурналистам.

420

Они не исчезли. Их убил государственный эскадрон смерти… // Народная Воля. 2001. 15 июня.

421

Следователь прокуратуры Олег Случек, как и его коллега Дмитрий Петрушкевич, входил в группу по расследованию исчезновений белорусских оппозиционеров. В 2001 году оба эмигрировали, понимая, что информация, которой они обладают, становится опасной не только для высокопоставленных лиц белорусского государства, но и для самих следователей. В настоящее время в статусе политических беженцев живут в США.

422

Юрий Сиваков — офицер танковых войск, потом один из создателей белорусского спецназа. Пришел в аппарат Совета безопасности при Викторе Шеймане. Министр внутренних дел, генерал, получивший в среде подчиненных прозвище «колун». После того как Сиваков однажды явился на заседание Совета Безопасности в краповом берете, Лукашенко начал отдалять его от себя и в конце концов уволил. Работал руководителем ДФСО «Динамо». Затем призван на должность заместителя главы Администрации по кадрам. В 2001 году отправлен в отставку, однако вскоре назначен министром спорта и туризма. Входит в число лиц, подозреваемых международным общественным мнением в причастности к физическому устранению политических оппонентов режима, из-за чего включен в список лиц, кому запрещен въезд на территорию стран Европейского Союза.

423

«Они не исчезли…»

424

Владимир Наумов — кадровый милиционер. Служил на различных должностях, в том числе начальником Службы безопасности президента Беларуси. Затем — министр внутренних дел Республики Беларусь, генерал. Председатель Федерации хоккея РБ.

425

«Они не исчезли…»

Там же.

427

Там же.

А если учесть, что вслед за Шейманом входил главный контролер страны Василий Долгалев с вечным воплем всех контролеров: «Воруют!» — можно представить себе, как весело работалось Лукашенко, как президент относился ко всему происходящему в стране.

429

Леонид Мальцев — дважды министр обороны Республики Беларусь, генерал-полковник. После первой скандальной отставки некоторое время отсиделся в интеграционных структурах, затем был возвращен на работу в Совет безопасности, а затем Лукашенко вернул «опущенного» генерала в прежнее кресло. Неизвестно, извинился ли он перед Мальцевым.

Специалисты говорят, что такое бывает после небольшой дозы клофелина, который проститутки подливают в стакан клиенту. Мальцев вообще не собирался приезжать в мединститут: его вызвали туда по личному указанию Александра Лукашенко.

431

Леонид Ерин — кадровый сотрудник КГБ. Работал на различных должностях в КГБ БССР, затем руководил управлением по транспорту УКГБ по Московской области. В 1992 году вернулся в Беларусь. В 1996 году — первый заместитель председателя КГБ Беларуси, затем начальник Службы безопасности президента Беларуси. С ноября 2000 по ноябрь 2004 — председатель КГБ Беларуси. Незадолго до своей отставки демонстративно вышел к митингующим оппозиционером для разговора, заявив: «Рано или поздно вы все узнаете» — имея в виду исчезновения людей.

Коктыш М. «Вам что, нужно, чтобы оппозиция носила гробы с телами Захаренко и Гончара по Минску? // Народная Воля. 2001. 29 авг. № 157.

Коктыш М. Указ. соч.

Коктыш М. Указ. соч.

435

Выступление Президента Республики на республиканском совещание о задачах исполнительной и распорядительной власти в современных условиях 31 июля 2001 г.

Roser Th. Лукашенко не хочет уходить в отставку // Frankfurter Rundschau. 2003. 7 авг.

Заседание Совета безопасности 28 сентября 2004 г.

Ростиков Е. Охота на президента // 1998. 3 нояб. № 44 (257).

439

«По словам пресс-секретаря Совета безопасности Василия Баранова, до заявлений Виктора Илюхина в Беларуси о готовящемся заговоре ничего не знали. "С нашей стороны разработок по этому делу не велось", — сказал Василий Баранов в беседе с кор. "БДГ". Как заявил заместитель секретаря Совета безопасности Иван Юркин, белорусская сторона благодарна парламентарию за информацию, которую тот сообщил. Непонятно, правда, зачем Александру Лукашенко содержать такую огромную армию спецслужб, если многотысячные коллективы КГБ, МВД и Совета безопасности способен заменить один российский депутат» (Маховский А. Илюхин на посту — Лукашенко может спать спокойно // Белорусская деловая газета. 1997. 1 сент.).

440

Стенограмма пресс-конференции А. Лукашенко. Мать Завадского после этого заявления обратилась в суд — как же так, оказывается, у гражданина Лукашенко есть сведения о судьбе ее пропавшего сына, которые он скрывает от следствия!

Белорусская деловая газета. 2000. 12 июля.

Белорусская деловая газета. 2000. 12 июля.

Способов такой «помощи» наработано множество. Самый популярный из них — «перекупка» подписных листов у волонтеров, собирающих подписи.

444

Александр Лукашенко: «Белорусы меня не предадут». Из интервью Александра Лукашенко Белорусскому телевидению 22 июня 2001 г.

Пришлось отредактировать своего собеседника: под запись профессор Грушевой высказался гораздо круче.

446

Результаты социологических опросов, проведенных крупнейшей негосударственной социологической службой, лабораторией «Новак», демонстрировали: рейтинг Домаша рос даже после того, как он снял свою кандидатуру.

Леонов В. Указ. соч. С. 195.

Информационно-аналитический портал «BelarusFree.org». 4 ноября, 2003 г.

Имелось в виду, что они сумеют поднять на борьбу с «неизбежно проигрывающим» Лукашенко толпы возмущенных «народных масс» и заставят его признать свое поражение, как югославского президента Слободана Милошевича.

450

Выступление Президента Республики на республиканском совещание о задачах исполнительной и распорядительной власти в современных условиях. 31 июля 2001 г.

451

Леонов В. С. 201.

452

«Нашествие» — вышедшая в России под псевдонимом «Владимир Матикевич» в 2003 году книга, без обиняков выставляющая Лукашенко участником ряда уголовно наказуемых преступлений, в том числе казнокрадства, торговли наркотиками и оружием, ликвидации политических противников. В весьма неприглядном свете представлена и личная жизнь Лукашенко.

453

Черкасова В. Человек в черном // Белорусская газета. 2002. 29 июля. № 345.

Радиостанция «Эхо Москвы». 1997. 23 мая.

455

Огонек. 1996. Октябрь. №43

Караулов А. Частушки. М., 1997. С. 227-228.

457

Александр Лукашенко. Встреча с губернатором Волгоградской области Н. Максютой 17 мая 2003 года.

Там же.

Здесь Лукашенко явно дезинформирует россиян, вызывая у них в памяти события, происходившие не в Беларуси, а, скажем, в прибалтийских и центрально-азиатских республиках.

460

По разным подсчетам, задолженность Беларуси только за поставки энергоносителей составила в 1994 году около миллиарда долларов.

Скажем, в 2003 году Россия подняла цену на нефть до 130 долларов за тонну (в 2002 году она стоила 101 доллар). Прирост импорта в Беларусь вырос более чем на 420 млн долларов (см.: Белорусский ежегодник 2003. Вильнюс, 2004. С. 195). Но это не стало катастрофой для белорусской экономики, как и рост цены на газ. Дело в том, что сама же Россия и покупает всю ту продукцию, для производства которой и нужен ее газ. В том же 2003 году выручка от экспорта в Белоруссии выросла почти вдвое, составив 9,303 млрд долларов против 4,559 млрд в 2002 году. Из них 4,899 млрд выручено от торговли с Россией (Белорусская деловая газета. 2004. 31 авг.).

Фролов В. Куда идем, белорусы? М., 2004.

463

Ярослав Романчук — экономист, руководитель исследовательского Фонда Мизеса, заместитель председателя Объединенной гражданской партии. Представляет в Беларуси интересы ряда крупных российских компаний, считается одним из ведущих экспертов в области двусторонних российско-белорусских отношений.

Шеремет П. От таможенного союза выиграют несколько человек и проиграет президент // Белорусская деловая газета. 1996. 11 янв. №1. Павел Шеремет, белорусский, затем российский тележурналист. Работал ведущим аналитической телепрограммы «Проспект», затем главным редактором «Белорусской деловой газеты», директором белорусского бюро ОРТ. Был арестован и судим по обвинению в нарушении государственной границы Беларуси с Литвой. После суда уехал на работу в Москву. Ныне руководитель отдела спецпрограмм ОРТ. В соавторстве со Светланой Калинкиной написал книгу «Случайный президент» об Александре Лукашенко.

Связь с «российскими друзьями» была несомненной. Вспомним, что именно по такой схеме предоставления таможенных льгот работал в России Национальный фонд спорта, превратившийся в богатейшую мафиозную структуру на постсоветском пространстве. Журнал «Огонек» писал о некоем г-не Яновском, придумывавшем схемы получения сверхприбылей для НФС: «К слову, в светлой этой голове, между прочим, квартировавшей в трехкомнатных — более 500 долларов за сутки — апартаментах "Президент-отеля", много чего интересного зарождалось. Контуры концерна "Авеко-М", к примеру, который сам Яновский впоследствии и возглавит. Или, скажем, очертания предвыборной программы будущего белорусского лидера Лукашенко» (Огонек. 21 окт. 1996. № 43).

По слухам, именно борьба с «белорусской контрабандой» стоила в свое время поста председателя Государственного таможенного комитета России Валерию Драганову.

Шеремет П. Когда тайное становится явным // Белорусская деловая газета. 1996. 14 окт. № 65.

Александр Лукашенко: «Документов, подобных распоряжению о "Торгэкспо", президент подписал десятки» // Белорусская деловая газета. 1996. 15 янв. № 2.

Вернее, не лично Егора Семеновича, а сотрудничающих с ним на благо Орловской земли финансовых структур. Однако после того как позиции Егора Строева в российской элите ослабли, он не смог помешать аресту директора БМЗ Юрия Феоктистова.

Впрочем, по слухам, общение между ними продолжается до сих пор. И это как раз понятно: в конце концов, у них есть общий противник — Путин, а «враг моего врага — мой друг».

Ничего не поделать. Генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Вот ведь, между Всемирным торговым центром в Нью-Йорке и горами Афганистана, где скрывался Усама Бен Ладен, — тысячи километров. Атлантический океан! — и безопасней от этого не стало.

472

Интересы народа блюду свято: Журналисты российских регионов на пресс-конференции президента А. Г. Лукашенко // Советская Россия. 2003. 9 авг. № 87 (12430).

«Свобода слова». Сайт НТВ, 03.11.2003.

Вовсе не обязательно социальной. Как заметил после ареста директора «Нафтана» Константина Чесновицкого Петр Марцев, «Чесновицкий был генерал-губернатором нефтяного бизнеса, который прекрасно зарабатывал деньги при всех тех, кто воровал деньги. Все управляющие делами президента предыдущие, все фавориты — все побывали в нефтяном бизнесе, все».

Возможно, это всего лишь совпадение, но буквально накануне исчезновения Гончара приезжала в Минск по приглашению кого-то из ближайшего окружения Лукашенко группа бывших сотрудников российских спецслужб, якобы специализирующихся в области нейролингвистического программирования (пресловутое NLP). Группу возглавлял именно Давитая, в 1994 году консультировавший предвыборный штаб Вячеслава Кебича и, естественно, сохранивший связи с Владимиром Заметалиным.

Шеремет П. Зомбирование — оружие победы // Белорусская деловая газета. 1997. 20 марта. № 363.

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999. С. 388.

Шеремет П., Калинкина С. Случайный президент. Ярославль, 2003. С. 93.

Примаков Е. Указ. соч. М., 1999. С. 391.

Свобода слова. Сайт НТВ. 03.11.2003.

481

Там же.

Свобода слова. Сайт НТВ. 03.11.2003.

483

Там же.

Действительно, не назначал. Но увольнял — своим указом.

485

Свобода слова. Сайт НТВ. 03.11.2003.

Там же.

Не случайно назавтра эта передача была показана по белорусскому телевидению. Но уже с купюрами. И с беспардонным комментарием ведущего, который высмеивал и «опровергал» все факты и цифры, приведенные Чубайсом.

Огонек. 1997. 29 дек. № 52.

Хотя пресс-секретарь Ельцина Сергей Ястржембский и предлагал иную трактовку происшедшего: «Отвечая на вопрос о причинах отставки Дмитрия Рюрикова, Ястржембский заявил, что президент России был недоволен тем, как готовились некоторые документы, касающиеся Союза России и Белоруссии, а также тем, что в некоторых случаях его помощник по международным вопросам Дмитрий Рюриков превышал свои полномочия. В частности, недовольство Бориса Ельцина вызвало заявление Дмитрия Рюрикова в субботу накануне подписания Договора о Союзе Белоруссии и России о том, что президент одобрил один из вариантов» (Национальная служба новостей, 8 апреля 1997 года).

Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2001.

491

Соловей В. Надежды и страхи российских политиков // Белоруссия и Россия: Общества и государства. М., 1998. С. 416-429.

Довнар В. «Я думал, что будет меньше» // 2001. 13 окт. № 77.

493

Завтра. 1997. 17 июля. № 24.

Соловей В. Указ. соч.

Gazeta.ru. 11.06.1999.

Медведев Р. Владимир Путин: четыре года в Кремле. М., 2004. С. 80.

497

Стенограмма беседы с Ю. Хащеватским.

Черкасова В. Человек в черном // Белорусская газета. 2002. 29 июля. № 345.

Соловей В. Надежды и страхи российских политиков // Белоруссия и Россия: Общества и государства. М., 1998. С. 416-429.

Впрочем, компетентные в данном вопросе люди с самого начала сомневались в такой возможности. Вот, например, мнение Эдуарда Эйдина: «Запомните все: эмиссионный центр Лукашенко не отдаст никогда и никому. Ни России, ни Европе. Это же добровольный отказ Лукашенко от власти. И пример объединенной Европы здесь ни о чем не говорит. Евро — это не "единый российский рубль". В Европе приняли согласованное решение о лимите на эмиссию при наличии множества эмиссионных центров. Это делается на основе доверия друг к другу и жесточайше прописанной правовой базы. Европейцы застрахованы от желания Шредера напечатать евро, чтобы выдать зарплату работникам Симменса и фермерам Баварии… А в Союзе России и Беларуси наши "босяки", не представляя сути своей экономической политики, идеологии и стратегии развития, только стараются надуть друг друга. Ни о каком "экономическом регулировании эмиссии" и речи идти не может».

501

Стенограмма беседы с Л. Синицыным.

502

Стенограмма беседы с Г. Грушевым.

503

Василий Леонов считает: «Хотя Путин и не поддержал очевидно несуразный вопрос на референдуме 2004 года, но спикер Государственной Думы Борис Грызлов — вероятно, не без согласования с Путиным — референдум признал состоявшимся».

504

Наши новости. ОНТ. 19 февраля 2004 г.

Впрочем, то, как ведут себя представители белорусских спецслужб в России, ни для кого не является особым секретом. Белорусский политик и дипломат Петр Кравченко утверждает: «Между КГБ Беларуси и ФСБ заключено соглашение о сотрудничестве, об обмене информацией. Но я знаю, что когда "наши" там слишком наглели, то директор ФСБ Николай Патрушев давал команду: "Поймать, посадить в поезд и группами отправлять в Беларусь"». О том, что агенты белорусских спецслужб не дают себе труда даже скрываться от тех, за кем следят в Москве, неоднократно говорил мне и Василий Леонов.

Можно допустить, что дело не только в везении, и эта история и без того сошла с рук: Немцов и Хакамада для Путина — люди далеко не авторитетные. И здесь важнее другое: Лукашенко тонко понимает, по отношению к кому можно так по-хамски себя вести.

Так, кстати, в конце концов поступил Леонид Кучма — однако слишком поздно.

Огонек. 1996. № 43.

509

Лукашенко даже в спорте не может не быть первым. «До пришествия А. Г. в спорт под номером 1 на хоккейную площадку выходили только вратари. Что совершенно не помешало нападающему (а Лукашенко играет центр-форвардом) подчеркнуть "единицей" свою исключительность даже на льду. Выделяет его и написанная на майке фамилия, наверное, для тех, кто не умеет считать. На фоне его партнеров, среди которых есть мастера, выступавшие на чемпионатах СССР и мира, это выглядит вопиющей бестактностью. Тем не менее похоже, что за пределами страны здравый смысл все-таки берет верх, и перед поездкой в Москву в январе 2001 г., а также во время визита в Санкт-Петербург А. Г. сменил номер 1 на 99. И то верно: в России — свой первый, который может правильно понять неуклюжий намек. Впрочем, номер 99 тоже взят не с потолка, а всего-навсего с майки признанного короля хоккея Уэйна Гретцки» (*Черкасова В.* Человек в черном…)

«Конечно, в Россию! — иронизирует Евгений Будинас. — Туда, где нужен его примитивно-экономический, бытовой опыт. В Беларуси Лукашенко себя исчерпал, а вот Рязанской, Тамбовской губерниям еще очень много из его опыта даже не снится. У нас-то по каким поводам политики голодают? Нет третьему президентскому сроку. Это разве повод для тех, кто полгода без зарплаты и семью нечем кормить?»

511

Стенограмма беседы с П. Марцевым.

Понятно, что и развитие Украины по демократическому пути в сторону Запада создаст новую ситуацию для Беларуси.

513

Интервью А. Г. Лукашенко программе «Сегодня» телекомпании НТВ. 2002. 9 сент.

514

Стенограмма беседы с Е. Будинасом.

515

Агентство «Регнум». 2005. 14 фев. «Единственным коммунистом на пространстве СНГ остался президент Белоруссии Александр Лукашенко, он выступает за укрепление союзных связей», — сказал депутат от КПРФ Валентин Романов (сайт www.strana.ru — 18 февраля 2005).

516

Встреча Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с журналистами белорусских телеканалов в канун Дня независимости 2003 г.

Синицын не первый, кто заметил это. По результатам социологических опросов Независимого Института социально-экономических и политических исследований политаналитик Юрий Дракохруст еще в 1996 году опубликовал статью, в которой говорил о русскоязычном белорусском национализме.

Еще более демонстративным стало назначение в январе 2005 года нового состава коллегии КГБ Беларуси: в результате решительной чистки в руководстве главной спецслужбы страны не осталось ни одного человека, имеющего в послужном списке работу в российских или советских «чекистских» структурах. Ради этого «кадры» пришлось сильно «омолодить».

519

Натиск на Восток (*нем.*).

Позор (*белорус.*).

521

Пресс-конференция А. Г. Лукашенко 20 июля 2004 года.

Поневоле задаешься вопросом: не слишком ли часто Лукашенко везет? Не «управляет» ли он своим «везением»? Только ли чутье безошибочно подсказывает ему тот момент, когда — «можно», когда «не до тебя им всем будет»? Не на знании ли основана эта уверенность, что действительно будет не до тебя? Не подсказывают ли ему, когда будет удобный момент, его бесчисленные союзники, особенно в арабском мире и в российском ФСБ, знающие, что и когда произойдет?

523

Догадался? Чувствовал? Знал?

Интервью «Независимой газете». 2004. 20 дек.